ЧЕ ГЕВАРА

Николай Платошкин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЧЕ ГЕВАРА Н. Платошкин

ЖЗЛ

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1818

(1618)

Николай Платошкин

ЧЕ ГЕВАРА

Scan by Tom Platz

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об этом человеке, наверное, не стоит писать предисловия, потому что в его жизни никогда не будет эпилога.

Эрнесто Че Гевара прожил на этом свете всего 39 лет, но когда пули терзали его истощенное, но несломленное тело в боливийских горах 9 октября 1967 года, его настоящая жизнь только начиналась.

Он посвятил себя людям, а именно в этом залог бессмертия любого человека. Он намного опередил свое время и поэтому при жизни многие не понимали его, другим он казался странным, даже слегка надменным. Так бывает, когда человек завтрашнего дня оказывается заброшенным неведомыми, но прекрасными силами на нашу планету с названием Сегодня.

Он был скромен, застенчив и невероятно самокритичен. От него трудно было дождаться похвалы, и прежде всего в свой собственный адрес.

Он вел дневники, так как не всегда решался доверить окружающим свои сокровенные мысли. И не потому, что считал себя выше — просто иногда эти самые мысли пугали или тревожили его самого.

Он всегда читал, даже тогда, когда смерть стучалась в двери. Ибо людям, в отличие от животного мира, свойственна жажда познания.

Он считал звание Человек высшим на Земле и все его помыслы были направлены на то, чтобы дать этому Человеку достойную его великой миссии жизнь.

Он ошибался, но всегда старался исправлять ошибки не словом, а делом.

Он никого и никогда не оставлял равнодушным — все, кто встретился ему на жизненном пути, уже не могли его забыть.

Автор хотел бы, чтобы каждый, кто встретится с Эрнесто Че Геварой на страницах этой книги, не забывал о нем. Он этого заслуживает, сегодня и завтра. Всегда.

Глава первая

МУЖАНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА (1928—1953)

Аргентина, край утренних зорь!
Ты любовно объятья раскрыла
Всем, кто жаждет свободы и жизни.
Рубен Дарио

Эрнесто Гевара родился в аргентинском городе Росарио 14 июня 1928 года, хотя, скорее всего, эта дата не является верной.

Аргентинцы всегда считали себя особой частью Латинской Америки, а многие из них вообще были склонны видеть в своей стране латиноамериканскую Европу. Индейцы на крайнем юге Западного полушария были истреблены в многочисленных и крайне жестоких войнах, и белые поселенцы (не только из Испании, но и из Италии и прочих европейских стран) чувствовали себя на завоеванной территории как у себя дома. Практически никаких метисов — только чистая «белая» кровь.

Самомнение аргентинцев и их некоторую гордую обособленность от остальной «отсталой» Латинской Америки усиливало и то, что аргентинцы освободили себя от Испании сами, без помощи Симона Боливара, которого в других странах величали Освободителем с большой буквы. В Аргентине был свой собственный освободитель — Хосе де Сан-Мартин, которого, правда, соотечественники лишили власти и отправили в позорную эмиграцию в Европу*.

Аргентина на момент рождения будущего команданте Че была самой богатой страной Западного полушария после США. Правда, никакого золота испанцы там не нашли. Аргентина поднялась на говядине и пшенице, которые и стали настоящими Эльдорадо этих мест. Если на Кубе правила «сахарная аристократия», то в Аргентине властвовали «коровьи бароны». Аргентинские гаучо были в мире ничуть не менее популярными, чем их сородичи американские ковбои — герои вестернов. Хвалились аргентинцы и

* Хосе де Сан-Мартин умер во Франции в 1850 году.

тем, что у них был лучший футбол в мире (о Бразилии как о футбольной нации в 1920—1930-е годы никто в мире и не слыхивал). Если, конечно, не считать маленького упорного Уругвая, который тогда имел наглость соперничать с Аргентиной не только на футбольном поле, но и на мировом мясном рынке. Как раз в 1930 году на первом чемпионате мира по футболу Уругвай дебютировал в качестве чемпиона и отодвинул Аргентину на второе место.

Наконец, прямо перед Первой мировой войной весь мир начал завоевывать главный аргентинский бренд — чувственное и невероятно эротичное по тем временам танго*. В Россию танго проникло из Парижа и поначалу было запрещено полицией как непристойное. В СССР его не запрещали, но до войны особо не рекомендовали как продукт растленной и загнивающей буржуазной культуры.

Таким образом, аргентинцы гордились своей страной и поглядывали на латиноамериканских соседей свысока. Эту национальную гордость вынужденно учитывали и США, поэтому американская морская пехота не могла, как в Никарагуа или на Гаити, менять в Буэнос-Айресе неугодные правительства.

Семья Че Гевары** принадлежала к сливкам аргентинской аристократии, причем как по отцовской, так и по материнской линиям. По отцу Че был аргентинцем в двенадцатом поколении (абсолютная редкость для страны с молодой историей), по матери — в восьмом.

Прадед отца Патрисио Хулиан Линч-и-Роо считался самым богатым человеком в Южной Америке. По отцовской линии отец будущего команданте Эрнесто Гевара Линч был Геварой, по материнской его род вел свою историю от иммигранта из Ирландии Патрика Линча.

В лице Патрика Линча (родился в 1715 году) породнились два могущественных клана Западной Ирландии — Линчи и Блейки, которые доминировали в местности Галвэй с XIII до середины XIX века. Линчи стали покидать Ирландию после жестокого карательного похода в эту страну Оливера Кромвеля в XVII веке. Патрик участвовал в борьбе Ирлан-

---

* Начиная с 1977 года 11 декабря, день рождения певца, «короля танго» Карлоса Гарделя и композитора дирижера Хулио де Каро отмечается в Аргентине как Национальный день танго.

** Гевара — это искаженное испанцами баскское имя Гебара, очень распространенное в провинции Алава. В свою очередь, это имя возникло в римское время как Гебала — от греческого «кефала» (голова).

дии против англичан и был вынужден бежать в 40-х годах XVIII века в Испанию, — злейшего и вечного врага Англии, охотно принимавшего католических ирландцев. Из Испании (точнее, из Страны Басков) превратившийся в Патрисио Патрик перебрался в вице-королевство Ла-Плата (так при испанцах именовалась Аргентина). Там он стал рехидором (королевским чиновником) и капитаном местного ополчения. В 1749 году Патрик женился на знатной и богатой аристократке Розе де Галейн-и-де ла Камара. Своему старшему сыну Хусто Пастору Линчу (родился в 1755 году) Патрик смог передать обширные земельные угодья, и тот, как и отец, совмещал бизнес с королевской службой (он был таможенником, капитаном ополчения и рехидором одновременно).

Когда Ла-Плата восстала против Испании в мае 1810 года, революционное правительство сохранило за Хусто все его должности. Его сын Патрисио Хулиан Хосе Линч-и-Роо (родился в 1789 году) взял в жены в 1813 году одну из самых знатных невест Аргентины — Марию Исабель де Савалету-и-Риглос, происходившую из рода знаменитого конкистадора Доминго Мартинеса де Иралы*. Патрисио Хулиан преуспел в бизнесе, став одним из самых богатых людей Южной Америки. Он получил корсарский патент и на фрегате «Героиня» гонялся за испанскими кораблями в 20-х годах XIX века. Именно этот 34-пушечный фрегат первым водрузил аргентинский флаг на Мальвинских (Фолклендских) островах 6 ноября 1820 года.

Его отпрыск (дед отца Че Гевары по материнской линии) Франсиско Линч объехал почти всю Южную Америку в поисках работы — от Магелланова пролива до Эквадора. Видимо, от него и попали к будущему команданте гены странствий. В Перу он подхватил холеру, в Эквадоре — оспу и, в конце концов, осел в чилийском порту Вальпараисо. Правда, как выяснилось, опять ненадолго.

Дед Че по отцу Хуан Антонио Гевара вынужден был в 1840 году с братом Хосе бежать в Чили из Аргентины, опасаясь преследований со стороны всевластного диктатора страны Хуана Мануэля Ортис де Росаса (правил в 1829—

---

* Доминго Мартинес де Ирала (1509—1556) участвовал в основании Буэнос-Айреса в 1536 году. Испанский король и император Священной Римской империи Карл V дал конкистадорам отдаленной Ла-Платы уникальное право самим избрать себе предводителя, и де Ирала в 1538 году был избран генерал-капитаном Ла-Платы. Де Ирала фактически основал поселения в Парагвае и правил Ла-Платой вплоть до своей смерти, хотя король и пытался сменить его.

1852 годах). Росас заложил многие традиции аргентинской политической жизни, особенно подозрительность к иностранцам, ненависть к земельной олигархии и национализм, превратившийся со временем в антиимпериализм. Именно люди диктатора убили в 1840 году полковника и землевладельца Франсиско Линча-и-Арандию, и его сын Франсиско-младший был вынужден бежать в Чили.

Там же и по тем же причинам оказались два брата из баскского рода Гевара — Хуан Антонио и Хосе Габриэль. Росас отобрал у рода Гевара обширные земли, превратив аристократов в нищих. В Вальпараисо Хуан Антонио Гевара встретился со своим соседом по поместью Франсиско Линчем, у которого диктатор Росас также конфисковал все земельные угодья. И Гевара, и Линчи владели землями в провинции Мендоса на чилийской границе, где оппозиционное движение против диктатуры Росаса было особенно сильным.

Вальпараисо был центром либеральной аргентинской эмиграции, и в его тавернах постоянно плелись нити заговора против казавшегося вечным Росаса.

В 1848 году братья Гевара и Франсиско Линч прослышали о начавшейся в Калифорнии золотой лихорадке, и зимой того же года они уже приплыли в Сан-Франциско в поисках несметных богатств. В то время в Калифорнию приехало много чилийцев, трагическую судьбу которых отразил знаменитый чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда в драматической кантате «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»*.

Братья Гевара сразу ринулись на поиски золота, но все их участки оказались пустыми. Таким образом, неудачи в коммерческих предприятиях, видимо, с тех пор попали в гены рода, и от них всю жизнь страдал отец Че. Франсиско Линч оказался хитрее и обосновался в Сан-Франциско, где женился на вдове-чилийке и открыл прибыльный салун «Прелести Калифорнии». Когда братья Гевара несолоно хлебавши вернулись в столицу Калифорнии, Линч дал им работу в своем салуне. Оттуда они попали в управляющие к богатейшему скотоводу Гильермо де Кастро. В то время ему принадлежал даже Великий каньон**. Жена магна-

---

* На основе этого произведения советский композитор Алексей Рыбников в 1976 году написал одноименную рок-оперу, имевшую оглушительный успех в Советском Союзе.

** Позднее все огромные земельные угодья с помощью юридических уловок были отобраны у потомков Гильермо де Кастро американским правительством.

та была внучкой вице-короля Новой Испании (будущей Мексики)*. Так что деньги шли рука об руку со знатностью. Дед отца Че Гевары Хуан Антонио познакомился с дочкой дона Гильермо Консепсьон, и все это вылилось в свадьбу. Хуан Антонио, заметим, щеголял своей появившейся на холодных приисках бородой и неизменной трубкой. Через много лет борода и трубка станут неизменными атрибутами Че.

Таким образом, дед будущего команданте по отцовской линии — Роберто — родился в США и был американским гражданином.

В 1852 году пришли радостные вести с родины — диктатор Росас был наконец-то свергнут**, и братья Гевара сразу же заторопились домой. Новое правительство немедленно возвратило им родовые земли в провинции Мендоса. Франсиско Линч, которому жена родила 17 детей, еще на четверть века застрял в Калифорнии. Но и он в 70-е годы XIX века вернулся в Мендосу и стал жить-поживать по соседству со своими друзьями Гевара. Друзья-соседи сосватали своих детей —26-летнего Роберто Гевару и 27-летнюю Анну Линч (тоже, кстати, родившуюся в США). Супруги нажили 11 детей, шестым из которых был отец Че Гевары Эрнесто Гевара Линч (родился 11 февраля 1900 года).

Роберто Гевара был по образованию землемером и дослужился до видного чиновничьего поста — начальника Государственной комиссии по делимитации границ Аргентины с Чили, Боливией, Парагваем и Уругваем. Как все из рода Гевара, Роберто постоянно путешествовал — ведь к этому обязывал и сам характер его работы.

Эту непоседливость унаследовал и Эрнесто Гевара Линч — отец Че. Он поступил на архитектурный факультет Университета Буэнос-Айреса — лучшего учебного заведения Аргентины. С младых ногтей Эрнесто Гевару Линча привлекали разного рода коммерческие предприятия — и ни в одном из них он так толком и не преуспел. К этому времени его род уже подрастерял былые земельные угодья, и отпрыску почтенных «коровьих баронов» приходилось самому пробивать себе дорогу в жизни.

---

* Правда, правил он в середине XVIII века недолго — год и пять дней.

** В 1851 году Хуан Мануэль Ортис де Росас объявил войну Бразилии, которая пришла на помощь Уругваю (Росас уже считал его неотъемлемой частью Аргентины). Войну диктатор проиграл, и ему пришлось бежать в Англию, где он и умер в 1877 году.

Как и его великий сын, Эрнесто Гевара был юношей с большим чувством собственного достоинства, привыкшим отстаивать свою точку зрения. Как-то раз он дал пощечину своему соученику будущему известному писателю Хорхе Луису Борхесу за то, что тот пожаловался учителю: «Сеньор, этот мальчик мешает мне заниматься».

Университет Эрнесто Гевара Линч с его непоседливым характером так и не окончил — он считал, что в мире бизнеса сделает себе имя и деньги гораздо быстрее, чем в аудитории.

Однако мужчинам из рода Гевара традиционно везло не в деньгах, а в любви.

Мать Че, Селия де ла Серна (родилась 21 июня 1906 года в Буэнос-Айресе), по знатности происхождения превосходила Гевара и Линчей. Род де ла Серна обосновался в Аргентине в начале XVIII века, быстро разбогател и занял свое место на верхушке социальной лестницы, попав в число все тех же «коровьих баронов». Среди предков Селии вроде бы также имелся вице-король — испанский генерал Хосе де ла Серна-и-Инохос был последним вице-королем Перу и потерпел поражение от Антонио Хосе де Сукре (любимого маршала Симона Боливара) в знаменитой битве при Аякучо. Это сражение ознаменовало окончательный крах испанского господства в Южной Америке.

Но возможно, что легенда о двух вице-королях среди предков убежденного коммуниста Че — всего лишь легенда. Ведь у последнего вице-короля Перу не было прямых потомков, что, правда, не исключает родства типа «седьмая вода на киселе».

В любом случае сам Че — человек исключительной скромности и самоиронии — всегда подшучивал над своим родословием и не интересовался делами многочисленной родни. Он признавал лишь идейное родство, а не мифический голос крови.

Как и все аристократы, де ла Серна активно участвовали в политике, причем занимали скорее левые позиции. Дед Селии был лидером Радикальной партии, которая по образцу своих французских единомышленников шумно боролась за гражданские свободы и против засилья католической церкви в общественной жизни. Вообще в конце XIX — начале XX века вся образованная интеллигенция Аргентины (как и в России) просто молилась на Францию. Париж считался не только законодателем мод, но и центром мирового прогресса.

Дед Селии и один из Линчей приняли активное участие в неудачной революции 1890 года. Повстанцы хотели отстранить от власти земельную олигархию, которая для вида периодически проводила выборы, но опиралась в основном на армейские штыки. Революционеры требовали свободных выборов и ликвидации коррупции. Хотя восстание и подавили, президенту Мигелю Хуаресу Сельману пришлось уйти в отставку.

Отец Селии (у нее было шесть старших братьев и сестер) доктор Хуан Мартин де ла Серна был профессором права в Университете Буэнос-Айреса, видным политиком и дипломатом. Но когда Селии едва исполнилось два года, он покончил жизнь самоубийством, а ее мать умерла, когда дочери было пятнадцать. Вся семья Селии стояла на твердых антиклерикальных позициях, что полностью передалось и матери Че.

С 1921 года Селию воспитывала ее старшая сестра Кармен, которая в 1928 году вышла замуж за известного в Аргентине поэта Каэтано Кордову Итурбуру — одного из первых видных аргентинских коммунистов. Активное участие в воспитании принимала и тетя Селии по отцовской линии Сара де ла Серна Льоса.

Естественно, что Селию отдали учиться во французское учебное заведение — Колледж Святого Сердца в Буэнос-Айресе, хотя оно и было религиозным. Под влиянием семейных трагедий девочка одно время подумывала уйти в монахини. Однако воспитание ее сестры с мужем сделало девушку убежденной атеисткой, что для женщины того времени в Аргентине было почти что уникальным явлением.

С юных лет Селия отличалась твердостью характера, прочностью убеждений и полным презрением к любой опасности. Именно эти черты характера унаследовал Че, который всегда был более привязан к матери, чем к отцу (к тому же последнего очень часто не бывало дома).

Когда Селия вступала во взрослую жизнь, аргентинские женщины уже активно боролись за свои права, и мать будущего команданте стала одной из первых и скандально известных феминисток страны. Она коротко (по-мужски) стригла волосы, носила брюки, водила автомашину и могла сесть в общественных местах, закинув ногу на ногу. Селия даже собственноручно выписывала чеки. Женщинам в то время было «не положено» так поступать — все деньги держались в руках мужчин. Это был нарочитый эпатаж в противовес устоям и традициям патриархальной Аргентины.

И эту черту — демонстративно плевать на условности, принятые в «хорошем обществе», — Че полностью унаследовал от матери.

Селия курила, любила риск (часто неразумный) и приключения. И еще она очень любила читать. Такие же привычки мы заметим и у Че, с одной, пожалуй, оговоркой — если он рисковал, то предварительно тщательно просчитывал возможные последствия. Просто многие этого не замечали.

Селия всегда увлекалась политикой, что в ее семье было делом практически наследственным.

Будучи студенткой, она познакомилась в Буэнос-Айресе с Эрнесто Геварой Линчем, который как раз изучал строительное дело в университете. Красивый молодой человек привлек ее независимостью суждений и таким же презрением к общественным устоям, которые были свойственны и ей самой. И Эрнесто и Селия не посещали церковь.

Вся немногочисленная аргентинская аристократия была переплетена родственными узами. Дядя Селии Хуан де ла Серна был женат на тете Эрнесто Гевары Линча.

Молодые люди не привыкли спрашивать чьего-либо мнения и тайком обручились. Но формально Селия была еще несовершеннолетней, и ей требовалось согласие опекунов. А они как раз были против — молодой человек, несмотря на богатую родословную, никакого реального богатства не имел. Но Селия, как обычно, проявила характер и ушла из дома к любимой тетке. Там, в семье с коммунистическими взглядами, ее понимали и поддерживали.

Семье пришлось согласиться на свадьбу, тем более что Селия уже была беременна. По наследству ей досталась плантация йерба-мате — травяного чая, очень популярного в Аргентине. Причем эту долю наследства пришлось отстаивать через суд[1].

Эрнесто Гевара Линч, требовавший, чтобы его величали «инженером» и «архитектором», решил переквалифицироваться в чайного плантатора. Конъюнктура на рынке мате была неплохой, этот чай стал завоевывать популярность и на мировом рынке. Мате стали даже называть «зеленым золотом». Сразу же после свадьбы (10 декабря 1927 года*) молодые отбыли на плантацию в провинцию Мисьонес, местечко Карагуатай, на границу с Парагваем. Более глухого места в Аргентине трудно было себе и представить —

---

* Селия была на третьем месяце беременности, и свадьба проходила в доме ее сестры, которую такие вещи не волновали.

джунгли и полное отсутствие любого намека на привычный «буржуазный комфорт». Там Эрнесто Гевара собственноручно построил дом, купил агротехнику и нанял рабочих, которые возделывали 500 акров мате.

Эрнесто Гевара, как человек прогрессивных взглядов (именно поэтому он и не преуспел в бизнесе — был слишком уж добрым), облегчил положение своих рабочих (их в Аргентине называли «менсуэс»*). Практически рабские условия труда рабочих на плантациях мате описал в своем романе «Темная река» (1943) аргентинский писатель Альфредо Варела.

Первым делом Эрнесто Гевара запретил продавать на плантации алкоголь — с его помощью плантаторы обычно спаивали поденщиков, чтобы те свыклись со своим безрадостным положением. Кроме того, он стал платить рабочим деньгами, а не специальными талонами (бале), которые можно было отоварить только в магазине самого плантатора и по дико высоким ценам.

Тем самым, как в свое время Евгений Онегин со своим «легким оброком» вместо «ярма барщины», Эрнесто Гевара нажил себе много врагов среди плантаторов-соседей. Его считали то сумасшедшим, то коммунистом.

Так как беременность Селии случилась до свадьбы (опять-таки мощный удар по устоям тогдашнего общества), то день рождения своего первенца супруги записали на 14 июня 1928 года, хотя, скорее всего, он появился на свет 14 мая в 15 часов 05 минут. Своим семейным кланам супруги объявили о рождении первенца лишь через месяц. Мальчик родился в городе Росарио — третьем по величине городе Аргентины, куда семья специально перебралась на время, пока Селии могла понадобиться квалифицированная медицинская помощь. К тому же в этом городе Эрнесто Гевара Линч задумывал открыть фабрику по переработке мате.

Мальчика по традиции назвали в честь отца — Эрнесто Гевара, а третье имя, как и принято в испаноговорящих странах, он получил по девичьей фамилии матери — де ла Серна. Сразу же после рождения ребенка Селия и Эрнесто вернулись на свою плантацию.

Занималась воспитанием сына в основном мать — отец был всецело поглощен бизнесом. И воспитание это Селия

---

* Так индейцы-гуарани (которые и составляли большинство бесправных рабочих на плантациях) называли себя от испанского слова «менсуаль», то есть «ежемесячно» — так им выдавали зарплату.

понимала исключительно в самом прогрессивном духе: ребенку нельзя ничего запрещать, с младых ногтей его надо закаливать и приучать к самостоятельности. Такая метода едва не стоила Че жизни.

Практически сразу же после рождения Че подхватил сильнейшую пневмонию и едва не умер. Хотя он и поправился, проблемы с дыханием у него остались на всю жизнь. Вернувшись с сыном в Мисьонес, мать решила, что лучшим лекарством будет закаливание.

С самого начала сына приучали все делать самому. И если что-то не получалось, он должен был найти выход без помощи родителей. Например, едва Эрнесто начал ходить, родители посылали его из дома на кухню, чтобы он принес им еще стаканчик мате. Че с радостью бежал, но спотыкался о водосточную трубу и падал. Чай проливался, но мальчик поднимался, возвращался за новым стаканом и... все повторялось. Однако малыш не сдавался и, в конце концов, научился без проблем перешагивать через препятствие[2].

Так родилась одна из самых известных черт характера будущего команданте — невероятное упорство в достижении своей цели, несмотря ни на какие преграды.

2 мая 1930 года мать, отец и сын (которого в семье ласково звали Тэтэ*) отправились купаться в бассейн. Селия была прекрасной пловчихой и любила щеголять в купальнике, опять-таки эпатируя католически настроенную публику. День был прохладным, дул резкий ветер. Тэтэ вдруг закашлялся и стал задыхаться. Врач констатировал у ребенка астму, которая тогда не лечилась. Так закаливание наградило Че болезнью, от которой он страдал всю жизнь. Впрочем, слабые легкие были и у матери, и возможно, склонность к бронхиту и бронхиальной астме ребенку передалась по наследству.

Тяжелейшие приступы астмы стали мучить Тэтэ практически каждую ночь. Отец не спал ночами, чтобы успеть вовремя поднести ребенку ингалятор или сделать укол. Слово «укол» было первым, которое ребенок научился произносить отчетливо. Но и здесь мальчик проявлял упорство. Он отказывался просить о помощи до тех пор, пока лицо не синело от удушья и он уже не мог говорить. Тогда Тэтэ рукой показывал на рот, и ему давали ингалятор.

К тяжелой болезни сына добавились и неурядицы в бизнесе, с которым отцу никак не везло. В октябре 1929 года

---

* Прозвище придумала нянька маленького Эрнесто Кармен Ариас, галисийка по происхождению.

случился крах на Нью-Йоркской бирже, положивший начало Великой депрессии капиталистического мира. Доходы населения развитых стран упали в разы, и там было не до экзотического аргентинского чая. Цены на мате обвалились, и Эрнесто Геваре отказали в дальнейших кредитах. Пришлось бросить плантацию, и когда Че было примерно два года, семья перебралась в Сан-Исидро (тоже на парагвайской границе), где отец стал совладельцем судоверфи. Предприятие дышало на ладан, но поначалу Эрнесто Гевара смог удерживать его на плаву.

С ранних лет Че привык переезжать с места на место — к моменту, когда в 1953 году он навсегда покинул Аргентину, его семья 12 раз сменила место жительства. Так что тяга к странствиям у будущего команданте была делом естественным.

В принципиальном плане стоит отметить, что семья никогда не голодала и могла поддерживать свойственный их кругу образ жизни, хотя и довольно скромный. Помогали доходы от сдачи в аренду земельных участков, доставшихся по наследству, и... периодические уходы в мир иной многочисленных родственников, не забывавших упоминать Эрнесто-старшего и Селию в своих завещаниях. Доходы отца от бизнеса были эпизодическими, хотя подчас и не такими уж плохими.

Хозяйкой феминистка Селия была плохой, и в доме (где бы они ни жили) всегда царил «творческий» беспорядок. Мать и отец не привыкли экономить и жили, что называется, «с колес».

Будучи равнодушны к мещанскому накопительству, и Эрнесто, и Селия много читали и охотно тратили деньги на книги. В семье была прекрасная библиотека как художественной, так и «серьезной» литературы. Жюль Верн соседствовал с Марксом, Фрейд — с Дюма.

В церковь никто в семье Гевара никогда не ходил.

Помимо Тэтэ у супругов родились еще четверо детей — дочь Селия (1929 года рождения, названа в честь матери), Роберто (1932 года, назван в честь отца Эрнесто Гевары Линча), дочь Анна Мария (1934 года, названа в честь матери отца Че) и сын Хуан Мартин (1943 года, назван в честь отца Селии). Никто из братьев и сестер Че не стал революционером, и здоровье у них было в порядке.

Астма Тэтэ была ужасной. Семья перепробовала все известные и самые экстравагантные лекарства. Обращались даже к знахарям и индейским шаманам. Кто-то посовето-

вал мальчику спать с котом. Кончилось это печально для обоих участников эксперимента. Кот задохнулся и умер, а Тэтэ пережил очередной страшный приступ. В комнате Эрнестито постоянно протирали пыль, убрали все ковры, а хлопчатобумажное постельное белье сменили на льняное.

В 1932 году, следуя за бизнес-проектами отца, семья перебралась в Буэнос-Айрес, но климат столицы оказался для маленького Эрнесто непереносимым.

Стало ясно, что реально могла облегчить страдания ребенка только радикальная смена климата. И вот после пяти лет скитаний семья осела в курортном местечке Альта-Грасиа у подножия горной цепи Сьерра-де-Кордова, недалеко от крупного города Кордовы. В этом городке было много больных туберкулезом — сухой и чистый воздух творил чудеса.

Так как с самого детства Че был вынужден много времени проводить в постели, он рано (в четыре года) научился читать. Читал все подряд и к двенадцати годам по начитанности был сравним с восемнадцатилетним юношей. Как и любой мальчишка его возраста, Эрнесто обожал Жюля Верна (он «проглотил» 23 романа этого писателя), Дюма, Гюго, Джека Лондона. Позднее он увлекся Сервантесом, и Дон Кихот стал его любимым персонажем. Из русских авторов он читал Толстого, Достоевского и Горького. Естественно, в библиотеке родителей присутствовала и латиноамериканская литература, причем остросоциальная и прогрессивная. Че прочел романы перуанца Сиро Аллегрии, эквадорца Хорхе Икасы, колумбийца Хосе Эустасио Риверы.

С детства будущий революционер очень любил поэзию и мог наизусть декламировать стихи Пабло Неруды, Гарсиа Лорки и Антонио Мачадо. Мать хорошо знала французский, и Че выучил вместе с ней язык, в частности для того, чтобы читать в оригинале Бодлера.

Всего в библиотеке родителей Че было более трех тысяч книг.

Позднее Эрнесто составил список прочитанной им литературы. Он любил записывать свои впечатления о книгах и с юности приучился каждый день делать заметки. Уже будучи партизаном на Кубе или в Боливии, Че, несмотря на тяжелейшие бои и невыносимые условия лесных и горных стоянок, выкраивал минуты, чтобы проанализировать на бумаге события прошедшего дня. Некоторые в этой связи считали Че Гевару графоманом, озабоченным тем, чтобы оставить после себя благодарному человечеству бесценные

строки. На самом деле он просто принадлежал к людям, которые заносят понравившиеся или тревожащие мысли на бумагу, чтобы таким образом лучше все обдумать.

Астма (точнее, сопряженный с этой болезнью вынужденный постельный режим) сделала Че страстным шахматистом. Игре сына обучил отец, чтобы тому не так скучно было лежать в кровати. И во время шахматных поединков проявлялся упорный, принципиальный характер Тэтэ. Если отец нарочно поддавался ему, мальчик громко протестовал: «Я так не играю!»

Из-за болезни Че был вынужден пропустить первые два года школы. С ним настойчиво занималась мать, но после выговора со стороны органов министерства просвещения ребенка отдали в школу. Причем не в частную, где учились отпрыски аристократии, а в обычную. Таким образом, все одноклассники оказались беднее — и родословием, и доходами. Но Че и его родителей это абсолютно не смущало. Они охотно принимали друзей сына у себя дома, угощая их тем, что ели сами.

Первым близким другом Че стал Карлос Феррер по прозвищу Цыганенок, сын доктора, лечившего Тэтэ от астмы.

Болезнь периодически вырывала Эрнесто из школы, но он стремился ни в коем случае не отставать от своих здоровых сверстников в учебе и детских забавах. Главной его страстью был велосипед. Постоянно преодолевая себя, он играл в регби и футбол. В футбольных матчах он обычно стоял на воротах, так ему было легче переносить неожиданные приступы астмы. Как только на поле выдавалась свободная минута, он немедленно утыкался в принесенную с собой книгу.

Чтение было его любимым занятием и дома. Посреди свойственного любому жилищу семьи Гевара «творческого» беспорядка он находил укромный уголок и погружался в чтение. В эти минуты он ничего и никого вокруг не замечал.

Учился Че, как и многие одаренные и начитанные дети, неровно. Он делал уроки лишь по тем предметам, которые ему нравились. Ребенок был чистым гуманитарием и по литературе или истории знал подчас гораздо больше, чем его учителя. К тому же, будучи прямым и принципиальным человеком, он часто давал это понять педагогам. Ясно, что далеко не всем учителям это нравилось.

В проделках Че также стремился не только не отставать от сверстников, но часто задавал тон: никто не должен был

замечать его болезни. То он съедал приготовленный для занятий мел (хотя предварительно тайно наводил справки, не опасно ли это). То засовывал себе в брюки кирпич, и когда учительница хотела его отлупить, чуть не сломала себе руку. Отец (когда бывал дома) страшно возмущался поведением, недостойным настоящего кабальеро, но мать и няня Кармен Ариас (она ухаживала за всеми детьми, но Эрнесто был ее любимцем) обычно вставали на защиту.

Позднее Че вспоминал, что в годы детства и юности не интересовался политикой и был обычным для своей среды ребенком. Мечтал, мол, только о том, чтобы сделать что-то великое для человечества и тем самым прославиться. Команданте лукавил. Частично из скромности, но больше всего потому, что ему надоедали вопросы многочисленных корреспондентов, стремившихся угадать будущего лидера революции в мальчишке из Альта-Грасиа.

Представить себе, чтобы кто-нибудь в семье Гевара не интересовался политикой, было просто невозможно. И отец, и мать были твердыми левыми либералами и сторонниками Радикальной партии — самой левой из тех, что действовали в условиях легальности. Дома постоянно велись дискуссии по самым насущным политическим вопросам, и родители были не против, если дети слушали эти споры.

Идолом аргентинских радикалов (в том числе Селии и Эрнесто-старшего) был Иполито Иригойен. Первоначально он был избран президентом в 1916 году* и резко осудил как саму Первую мировую войну, так и последовавшую за ней версальскую систему. Иригойен недолюбливал американцев, и те распускали слухи, что президент Аргентины — скрытый германофил. При Иригойене было введено довольно прогрессивное трудовое законодательство, выросло количество школ и университетов.

В 1928 году Иригойена опять избрали президентом на шестилетний срок (по аргентинской конституции того времени глава государства не мог избираться на два срока подряд), причем на этот раз его программа была еще более левой. В частности, он обещал национализацию нефтедобычи. Однако 6 сентября 1930 года армия свергла президента. Значительную роль среди восставших военных (а их было всего-то полторы тысячи) играл тогда еще никому не известный Хуан Доминго Перон. Иригойена на два года сослали на остров Мартин-Гарсиа, а потом до самой смерти

---

* Занимал этот пост до 1922 года.

(июль 1933 года) держали под домашним арестом в Буэнос-Айресе.

И Селия, и Эрнесто-старший были возмущены военным переворотом и с тех пор находились в оппозиции к сменявшим друг друга правым правительствам. С тех же пор в семье ненавидели Перона.

Дома или у так же настроенных соседей постоянно обсуждались какие-нибудь антиправительственные акции. И Че был не только в курсе, но и по мере своих сил старался помогать взрослым.

Например, как-то раз спорили относительно организации бойкота муниципальной электроэнергетической компании, сильно повысившей тарифы на свет. Один из участников предложил тайком разбить уличные фонари. Ведь согласно правилам компания была обязана в течение суток их починить. Таким образом, бизнесменам от электроэнергии пришлось бы серьезно раскошелиться. Это предложение высмеяли как слишком озорное, однако Че, который вертелся между взрослыми, оно очень понравилось. Тэтэ организовал друзей, и, разбившись на группы, ребята камнями стали разбивать фонари. Полиция была в растерянности — гоняться за детворой значило выставить себя на всеобщее посмешище. Компания понесла огромные убытки, однако повышения тарифов так и не отменила.

Семья очень интересовалась и вопросами внешней политики. Когда в 1932 году боливийские войска* вторглись в Парагвай, отец и мать сразу же встали на сторону слабого Парагвая, тем более что после эпопеи с чайным бизнесом прямо на парагвайской границе у них было в этой стране много друзей. Эрнесто Гевара Линч даже подумывал о том, чтобы отправиться добровольцем в парагвайскую армию**. Победа слабого Парагвая над сильной и прогермански настроенной Боливией была встречена в семье с ликованием.

Конечно, Че был еще маленьким, когда закончилась Чакская война (1935 год). Его политическое возмужание было связано с другой войной, хотя и проходившей далеко от аргентинских границ, все-таки не оставившей никого равнодушной на берегах Ла-Платы.

---

* Одним из главных военных советников боливийской армии был соратник Гитлера и командующий СА Эрнст Рем.

** В парагвайской армии было много русских добровольцев-белоэмигрантов, например, бывший генерал-майор Иван Тимофеевич Беляев.

Когда 18 июля 1936 года в Испании вспыхнул реакционный военный мятеж, именно помощь Франко со стороны Гитлера и Муссолини не позволила свободно избранному республиканскому правительству быстро его подавить. На помощь республике из Аргентины отправились добровольцы (в основном коммунисты), в том числе и муж сестры Селии, уже упоминавшийся выше поэт Каэтано Кордова Итурбуру (в семье Гевары его звали Поличо). Он был корреспондентом аргентинской газеты «Критика» и посылал все свои репортажи не в редакцию, а своей жене Кармен, так как боялся, что сообщения могут быть перехвачены франкистами. Поэтому семья Гевара часто первой в Аргентине узнавала о самых важных событиях в Испании. К тому же Поличо присылал домой республиканские газеты, которых в Аргентине достать было почти невозможно.

Лидер аргентинских коммунистов Викторио Кодовилья не только возглавлял Южноамериканское бюро Коминтерна, но и был направлен Коммунистическим интернационалом в Испанию, чтобы оказать содействие тамошней компартии, в 1931 году вышедшей из подполья. После начала гражданской войны Кодовилья оставался в Мадриде как главный советник по линии Коминтерна. Кодовилья пользовался личным доверием Сталина и с 1937 по 1941 год работал в Москве. Затем вместе с женой был тайно направлен на родину, чтобы возглавить подпольное руководство аргентинской компартии.

К моменту начала фашистского мятежа в Испании семья Гевара обзавелась мощным радиоприемником, и все (включая Тэтэ) каждый день слушали сводки с фронтов. Естественно, все симпатии безраздельно были на стороне республиканцев. Че повесил на стене карту и флажками отмечал на ней развитие боевых действий. Он аккуратно вырезал из газет все заметки о положении в Испании[3]. Вместе с младшим братом Роберто и друзьями-сверстниками он соорудил во дворе макет Мадрида, и дети разыгрывали битву за город, заканчивавшуюся обычно реальными синяками и шишками. Тэтэ не пропускал ни одного митинга солидарности с республиканской Испанией.

В провинциальной столице Кордове (находилась недалеко от Альта-Грасиа), как и в других крупных городах, был создан комитет содействия республиканской Испании. В нем сотрудничали либералы, социалисты и коммунисты. Селия и Эрнесто-старший были активными членами комитета. Семья подружилась с семьей видного деятеля

республиканского правительства, доктора Хуана Гонсалеса Агилара, который возглавлял в Испании медицинскую службу ВМС. В 1937 году он отправил семью в Аргентину[4], и она обосновалась в Альта-Грасиа. После поражения республики в Аргентину эмигрировал и сам Гонсалес. Семьи тесно общались, и Эрнесто стал хорошим другом для детей Гонсалеса Агилара.

Дружил Че и с испанским юношей Фернандо Барралем, отец которого погиб, сражаясь в рядах республиканской армии.

Позднее семья Гевара познакомилась с одним из самых популярных республиканских генералов Энрике Хурадо, которого считали героем битвы под Гвадалахарой в марте 1937 года*. Эмигрировав в Аргентину, Хурадо поселился в Альта-Грасиа, где тщетно пытался найти работу. В конце концов ему пришлось согласиться на пост обычного брокера, продававшего полисы страхования жизни. Он шутил, что, видимо, наказан судьбой за то, что, служа в испанской армии с четырнадцати лет, убил много людей и теперь искупает грехи страхованием жизни**.

Хурадо и Эрнесто-старший стали добрыми друзьями, и бывший генерал часто навещал семью Че, где рассказывал о гражданской войне. Тэтэ был самым внимательным слушателем, не пропускавшим ни одной детали. Ребенок восхищался генералом-республиканцем. Че нравилось, что в отличие от напыщенных аргентинских военных, кичившихся своими прусскими традициями, Хурадо был человеком скромным, почти гражданским по манере общения. Заметим, что в семье Гевара страстно ненавидели милитаризм, так как именно военные свергли лидера аргентинских радикалов Иригойена.

Отец позднее вспоминал, что именно гражданская война в Испании сделала из обычного (хотя и очень начитанного) мальчика Тэтэ политического бойца. Знакомство с Хурадо приучило Че к скромности в описании своей роли в

---

* Действительно, формально Энрике Хурадо в марте 1937 года командовал 4-м корпусом республиканской армии, успешно контратаковавшим итальянцев под Гвадалахарой. Ему поэтому и достались все лавры мировой прессы. На самом деле ключевую роль в победе сыграли бойцы интернациональных бригад и советские летчики.

** В 1943 году Хурадо перебрался из прогермански настроенной Аргентины в Уругвай, где его назначили директором кадастровой и картографической службы в Монтевидео. Скончался в Уругвае в 1965 году; его останки перевезли в Мадрид.

боевых действиях, что позднее отмечали все, кто его знал. А ведь в Латинской Америке прихвастнуть боевыми успехами (реальными или мнимыми) было, что называется, «святым делом». Эрнесто-старший смотрел на своего сына-тезку, поглощенного рассказами Хурадо, и представлял, что и Тэтэ когда-нибудь поведет людей в бой.

С началом Второй мировой войны симпатии в доме Эрнесто-старшего и Селии с самого начала были на стороне антигитлеровской коалиции. После того как Че уже стал всемирно известным, отец говорил, что эти симпатии были вызваны дружескими чувствами к Советскому Союзу. На самом деле аргентинские либералы традиционно прежде всего симпатизировали «просвещенным» Англии и Франции и ненавидели Германию, как олицетворение прусского казарменного милитаризма, столь характерного для аргентинской армии.

Эрнесто-старший вошел в организацию «Аргентинское действие», которая следила за немецкой колонией в Кордове, выслеживая там нацистских агентов. Организация была основана 5 июня 1940 года по инициативе Социалистической партии и ставила своей целью вступление Аргентины во Вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции.

Прогрессивные силы Аргентины (а к ним, бесспорно, принадлежала семья Гевара) ненавидели немцев еще со времен гражданской войны в Испании, особенно после возмутившей весь цивилизованный мир варварской бомбардировки небольшого баскского городка Герники пилотами люфтваффе в 1937 году. Поэтому Эрнесто-старший с энтузиазмом взялся за создание в Альта-Грасиа местной организации «Аргентинское действие». Сын активно ему помогал и даже получил членский билет молодежного крыла организации, чем страшно гордился.

Отец и сын ездили по самым отдаленным местностям провинции Кордова и искали следы подрывной нацистской деятельности.

В Аргентине еще с XIX века существовала значительная немецкая колония, и многие ее члены были настроены профашистски. Например, Эрнесто-старший выявил движение подозрительных грузовиков с оружием из Боливии в долину Каламучита. В этой долине жили интернированные в Аргентине матросы с германского тяжелого крейсера (карманного линкора) «Адмирал граф Шпее». 13 декабря 1939 года крейсер столкнулся в устье Ла-Платы с целой

эскадрой британских кораблей, принял бой и нанес англичанам серьезные потери. Но ввиду явного превосходства сил противника и по личному указанию Гитлера крейсер 17 декабря 1939 года был затоплен, а его экипаж интернировали в нейтральной Аргентине. Матросы поселились в долине Каламучита и старались не терять боевой выправки. Члены «Аргентинского действия» следили за тем, как немцы дружно тренировались с деревянными палками вместо винтовок.

Кроме того, Эрнесто-старший при помощи сына обнаружил, что немцы устраивают тайники с динамитом практически возле каждого значимого моста в провинции Кордова. В холмистом местечке Ла-Фальда близ Кордовы был выявлен работавший на Берлин мощный радиопередатчик.

Все данные, добытые «Аргентинским действием», стали предметом слушаний в парламентской Комиссии по расследованию антиаргентинской деятельности в январе 1943 года. Прогрессивные депутаты требовали выдворения из страны некоторых сотрудников немецкого посольства, занимавшихся явно не только дипломатической деятельностью. Однако власти не желали злить прогермански настроенную аргентинскую армию и ограничились высылкой из страны военно-морского атташе посольства Третьего рейха.

Тэтэ сопровождал отца на каждое заседание «Аргентинского действия» (они проходили в основном в Кордове). Как-то на заседание провинциальной группы в Кордову собрались приехать лидеры организации, и Эрнесто-старшему поручили выступить с речью. Сын безмерно гордился отцом и горел желанием разделить с ним этот триумф. Но прямо перед отъездом его свалил очередной приступ астмы. Селия категорически возражала против поездки, но Че, несмотря на сильные страдания, настоял на своем и был счастлив, увидев своего отца в центре важного политического события.

Позиция аргентинских властей была скорее прогерманской. Будущий президент Аргентины (и один из активных участников переворота 1930 года) Хуан Перон с 1936 по 1939 год занимал посты военного атташе Аргентины в европейских странах, в том числе и в Берлине. Он искренне восхищался вермахтом и симпатизировал нацизму. Затем он изучал в Италии горную войну и сделался горячим поклонником Муссолини. После возвращения в 1941 году в Аргентину Перон вступил в тайную пронацистскую орга-

низацию Союз объединенных офицеров (транслитерация испанской аббревиатуры — ГОУ*).

После нападения Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 года почти все латиноамериканские страны объявили войну державам Оси, а Мексика и Бразилия даже приняли непосредственное участие в боевых действиях. Однако Аргентина и Чили, к огромному неудовольствию США, не спешили отказываться от своего нейтралитета.

На момент начала Второй мировой войны в Аргентине формально правил бывший радикал (предавший в свое время Иригойена) и олигарх Роберто Ортис, настроенный скорее проанглийски. Однако на самом деле за кулисами в стране «рулила» армия, чьи симпатии были однозначно на стороне Германии. Поэтому Ортис не решался порвать с Берлином. В августе 1940 года (Третий рейх был на пике своего могущества после молниеносного разгрома Франции) Ортиса по «состоянию здоровья» отправили в отставку (он и правда болел диабетом) и его пост занял вице-президент Рамон Кастильо. Последний правил в правом авторитарном духе и был мишенью для ненависти всех аргентинских либералов, включая, естественно, Эрнесто-старшего и Селию.

В 1942 году Че начал учебу в колледже «Насьональ де Монсеррат»**, что было необходимым условием для поступления в университет. С 1942 года Че учился в колледже Деан-Фунес. Колледж находился в Кордове, куда сына на стареньком автомобиле каждый день возила Селия. Позднее семья переселилась в этот город.

Кордова была старейшим университетским центром Аргентины и фактически второй столицей страны. Аргентинцы почтительно добавляли к названию города слово «докта» — «ученая» Кордова, так как местный университет был основан еще в 1613 году. Кроме того, в просвещенной Кордове были Музей естественной истории, Академия художеств и зоопарк. Тогда в городе проживали 350 тысяч человек и его называли «аргентинским Детройтом».

Семья сняла большой двухэтажный дом как раз рядом с зоопарком, в самом зеленом районе. Это было необходимо, чтобы избежать рецидивов астмы у Эрнесто — ведь в отличие от горной Альта-Грасиа климат Кордовы был не таким

---

* *Grupo de Oficiales Unidos.*

** Колледж был основан иезуитами в 1687 году, и его престиж был очень высоким. После изгнания иезуитов в 1767 году колледж перешел к францисканцам. С 1854-го находился в ведении федерального правительства Аргентины, а с 1907-го передан Университету Кордовы.

благоприятным для Тэтэ. Дом был просторным, но оказалось, что он построен на ползучем грунте, который размывался после каждого дождя. Стена фасада постепенно стала отделяться от крыши, и в спальне ночью через проем в потолке можно было наблюдать прекрасные созвездия Южного полушария. Кроватки детей пришлось на всякий случай отставить подальше от стены, но дом так нравился, что менять его не стали.

В Кордове самым близким другом Че стал Альберто Гранадо, которого будущий команданте называл Миаль*. Сначала Че сдружился с братом Альберто Томасом — они учились в одном классе. В 1941 году Томас познакомил Че с Альберто, который был старше на шесть лет. Несмотря на разницу в возрасте, молодые люди быстро сошлись на почве любви к чтению. Они постоянно спорили (Че всю жизнь был страстным спорщиком), но это не мешало им проводить вместе почти все свободное время. Альберто с удовольствием пользовался прекрасной библиотекой в доме Эрнесто-старшего, и они с Че могли до хрипоты дискутировать о том или ином авторе.

Че, сам презиравший опасность, очень уважал Миаля за то, что тот работал в лепрозории. Тогда проказа считалась неизлечимой, а прокаженные были изгоями общества. Посвятить жизнь этим забытым богом несчастным людям, с точки зрения Че, было высшим достижением человеческого духа.

Роднила Че и Миаля и любовь к приключениям — логичное следствие увлечения Дюма или Жюлем Верном. Целыми днями братья Гранадо и Че бродили в живописных окрестностях Кордовы. Родители это поощряли, так как считали, что длительные прогулки в горах помогут Че все-таки избавиться от регулярных тяжелых приступов астмы. Именно в то время Че научился сооружать шалаш и быстро разводить костер, хотя, наверное, не предполагал, как пригодятся ему эти навыки в дальнейшей жизни.

В Кордове Че увлекся элитным видом спорта — большим теннисом и стал неплохим игроком. Здесь же он открыл в себе страсть к регби, играя в команде «Студенты». Причем регби был настолько травмоопасным видом спорта, что Эрнесто и братья Гранадо редко могли набрать среди сверстников полноценную команду. В большой Кордове был всего лишь один клуб регби.

---

* Сокращение от испанского «ми Альберто», то есть «мой Альберто».

Под давлением обеспокоенной здоровьем Че Селии Эрнесто-старший попросил своего родственника — президента клуба регби исключить сына из команды. Тэтэ был крайне рассержен, но со свойственным ему упорством не бросил спорт. Он просто перешел в другую команду. Эрнесто с друзьями издавали свою газету о регби «Тэкл» («Схватка»). Че писал заметки под псевдонимом Чан-Чу. Ничего китайского (как думали многие) здесь не было — просто это была вариация его клички Чанчо (Кабан). Кстати, отец страшно возмущался, когда друзья так называли сына, а вот сам Че с присущей ему самоиронией гордился прозвищем*.

И большой теннис, и регби — очень тяжелые с точки зрения физической нагрузки виды спорта. Но именно поэтому они и привлекали Че — он каждый день боролся против астмы, стремясь игнорировать болезнь и тем самым победить ее. Во время игры в регби Че всегда просил кого-нибудь из друзей быть на кромке поля с ингалятором, чтобы быстро купировать начавшийся приступ, не прерывая состязания[5].

Политическая жизнь в Аргентине бурлила. 4 июня 1943 года ГОУ совершил военный переворот, обвинив крайне непопулярного Кастильо в кумовстве и коррупции. Полковник Перон играл в этом перевороте ключевую роль, но на первых порах держался в тени. Формально власть взял генеральский триумвират — Артуро Росон, Педро Пабло Рамирес и Эльдемиро Фаррель. Перон стал заместителем военного министра Фарреля.

В семье Гевары, пропитанной духом антимилитаризма, военный переворот, естественно, резко осудили. Селию даже арестовали, когда во время одной демонстрации в Кордове она стала выкрикивать антиправительственные лозунги.

Неудивительно, что одним из первых шагов военной хунты был запрет «Аргентинского действия».

В доме Эрнесто-старшего и Селии проводились подпольные собрания либералов, обсуждавших формы и мето-

---

* Это прозвище было отнюдь не единственным. В Кордове Че был широко известен как Фусер (от испанского *Furibundo Serna*, то есть «грозный Серна»). Так его прозвали за волю к победе при игре в регби. На поле Че обычно кричал: «Расступись, бежит грозный Серна!» За любовь к риску еще одной из его кличек была Локо («сумасшедший»); надо отметить, что этот эпитет в странах Латинской Америки в целом имеет положительное значение. Так называют людей бесстрашных, способных на такие дела, на которые не способны другие.

ды борьбы против военного режима. Причем разговорами собрания не ограничивались. Было решено, например, изготовить шумовые бомбы для защиты антиправительственных манифестаций от произвола полиции. Че без обиняков заявил, что если ему не разрешат участвовать в подпольной работе, то он с друзьями займется этим сам. Чтобы держать сына под контролем, Эрнесто-старший был вынужден дать свое согласие.

Как-то на уроке в колледже, когда учитель вяло пытался объяснить детям преимущества военного правления, Че в свойственной ему прямой и резкой манере сказал, что все это смешно. Армии не нужны образованные люди, ибо каждому образованному человеку понятна вся ущербность и идейная посредственность пришедших к власти генералов.

В 1943 году Миаль был арестован полицией за участие в демонстрации протеста против вторжения полиции на территорию Университета Кордовы*. Че с Томасом Гранадо пришли на свидание к арестованному Альберто. Миаль попросил организовать демонстрацию с требованием освобождения задержанных студентов. Реакция Че тогда его просто потрясла: «Что ты, Миаль, выйти на улицу, чтоб тебя просто огрели полицейской дубинкой по башке? Нет, дружочек, я выйду на улицу, только если мне дадут "буфосо"» (пистолет)[6].

Таким образом, можно лишь еще раз отметить важное обстоятельство — Че любил риск, но риск осознанный, который мог привести к успеху.

Военные в Аргентине в духе своих идолов Гитлера и Муссолини старались заигрывать с бедными слоями населения, демагогически провозглашая войну толстосумам и опекая рабочих от произвола предпринимателей. К тому же военная хунта, не желая объявлять войну Германии, подчеркивала национальный суверенитет Аргентины и свое стремление противостоять нажиму США. Как-то раз в Кордове толпа сторонников военного режима (позднее их назовут перонистами) забросала камнями самый фешенебельный в городе жокей-клуб. Собравшиеся под звон разбитых витрин кричали, чтобы члены клуба убирались ко всем чертям в «свои Штаты». Пару камней в клуб с удовольствием запустил и Че, за что его потом ругал Альберто Гранадо — не надо было связываться с перонистами.

---

* Университеты в Латинской Америке традиционно имели самую широкую внутреннюю автономию. В частности, это означало, что никакие государственные органы не могли вмешиваться во внутреннюю жизнь вузов.

В 1943 году Перон занял пост министра труда и социального обеспечения и быстро подмял под себя профсоюзы. Он требовал от предпринимателей неукоснительного соблюдения трудового законодательства. Одновременно правящая военная хунта по-прежнему отказывалась объявлять войну Германии и активно душила в стране гражданские свободы. Особенно возмутило аргентинскую интеллигенцию (в том числе и семью Гевара) введение в школах обязательного изучения религии.

Но после окончания Второй мировой войны авторитаризм был не в моде, да еще и в исполнении явно прогермански настроенных персонажей*. В сентябре 1945 года военное правительство восстановило свободу печати, амнистировало политзаключенных и разрешило демонстрации.

19 мая 1945 года в Буэнос-Айрес прибыл новый посол США Брейден, совладелец меднорудной компании «Брейден коппер», действовавшей в том числе в соседней с Аргентиной Чили. Как вспоминал британский посол в Буэнос-Айресе, Брейден считал себя орудием Провидения, призванным свергнуть режим Фарреля — Перона. Именно Брейден фактически организовал и объединил антиперонистские силы. Как бизнесмен он был ярым противником профсоюзов, на которые тогда уже опирался Перон.

Перон почуял неладное и показал зубы — поддерживавшие его профсоюзы провели 12 июля 1945 года многодневные акции протеста под лозунгом «против капиталистической реакции». Американцы и их ставленники в среде аргентинской олигархии презрительно именовали сторонников Перона «безрубашечниками», намекая одновременно на бедность перонистов и на нацистские симпатии самого Перона.

19 сентября 1945 года на улицы Буэнос-Айреса вышли 200 тысяч человек — «марш конституции и свободы». Центром марша был престижный район аргентинской столицы Реколето. Оппозицию по разным соображениям поддерживал широкий политический спектр — от радикалов до коммунистов. 8 октября 1945 года на собрании ГОУ Перон был вынужден заявить о своей отставке. 11 октября американцы попросили Великобританию прекратить закупки аргентинских товаров на две недели, чтобы вызвать кризис и окончательное падение военного правительства. 12 октя-

---

* Под давлением антигитлеровской коалиции Аргентина объявила войну Германии и Японии лишь 27 марта 1945 года.

бря Перон был арестован военными и отправлен на остров Мартин-Гарсиа. На его место в качестве военного министра вступил генерал Авалос, связанный с оппозицией.

Однако свергнутый диктатор не зря так долго заигрывал с профсоюзами. 17 октября 1945 года на улицы аргентинской столицы вышли десятки тысяч рабочих, потребовавших немедленного освобождения Перона. Маятник качнулся в другую сторону — пришлось уйти Авалосу, и в 23.00 17 октября освобожденный Перон уже приветствовал ликующую толпу с балкона Дома правительства. Он объявил, что уходит из армии и твердо становится на сторону трудящихся.

В ноябре 1945 года незадачливому Брейдену пришлось покинуть Аргентину, а 24 февраля 1946 года Хуан Перон был избран президентом, получив 1 487 866 голосов (52,84 процента). Оппозиция объединилась в Демократический союз, который поддерживали и в семье Гевара. Селия и Эрнесто-старший считали Перона скрытым нацистом и демагогом, обманывавшим рабочих, чтобы удержаться у власти.

В столь значимом для всего мира и Аргентины 1945 году Че окончил колледж и в 1946-м поступил на инженерно-строительный факультет Университета Буэнос-Айреса (пошел, что называется, по стопам отца), куда переехала вся семья.

Но, конечно, жизнь живого и любознательного юноши Эрнесто Гевары не ограничивалась политикой и учебой.

Че эпатировал всех в Кордове своим внешним видом, на который он, симпатичный мальчик из знатного семейства, не обращал никакого внимания. В Аргентине того времени трудно было себе это даже и представить.

На любые светские мероприятия он приходил в растоптанных нечищеных ботинках (часто даже непарных) и мятых брюках. Казалось, что он никогда не причесывался. Его любимой рубашкой была нейлоновая белая, которую стирали не чаще раза в неделю. Именно поэтому ее шутливо и называли «недельная» (*la semanaria*). Че нравилось то, что нейлон не мялся и рубашку не надо было гладить.

Именно за неряшливость Че в колледже называли Чанчо (Кабан). Свои привычки, касающиеся внешнего вида, Че не менял до конца жизни. Ничто не вызывало в нем большего протеста, чем костюм и галстук. Некоторые биографы команданте считают, что неприязнь к гигиене у Че объяснялась тем, что холодная или даже прохладная вода приводила к приступам астмы*.

---

* На самом деле высшим наслаждением для Че была горячая ванна. Так что никаким грязнулей он не был.

Но представляется, что нарочито небрежный внешний вид был сознательным вызовом Че по отношению к тому обществу, к которому принадлежал по рождению. В определенной мере это можно сравнить с молодежной модой конца 60-х — начала 70-х годов XX века. С самого детства в Че отмечали некое «пристрастие к бедности». Казалось, что ему было стыдно перед своими друзьями из бедных семей, для которых стоптанные ботинки были не эпатажем, а жестокой необходимостью. И он всем своим внешним видом демонстрировал библейскую истину — «Бедность — не порок». Да и родители Че — люди прогрессивные — считали, что поговорка «встречают по одежке» устарела и превратилась в знамя мещанского образа жизни. Главное — это мировоззрение. А его центром, как и у Селии и Эрнесто-старшего, так и у их сына была справедливость.

Несмотря на свой вечно затрапезный внешний вид, умный, начитанный и симпатичный Че нравился девушкам самых богатых семейств Кордовы — столицы аргентинских «коровьих баронов». В октябре 1950 года на одном светском мероприятии в доме уже упомянутого выше испанского республиканца Гонсалеса Агилара (тот выдавал замуж свою дочь Кармен) Че познакомился с девушкой, ставшей его первой большой любовью. Поначалу швейцар не хотел пускать в дом юношу в мятых брюках, странных белых ботинках и без галстука. Но тот пришел вместе с братом невесты Пепе, и недоразумение было улажено. Швейцар, конечно, и не догадывался, что странный визитер был страстно, но тайно влюблен в невесту.

На этом приеме Че познакомился с очаровательной шестнадцатилетней Марией дель Кармен Феррейро — Чичиной, как ее звали друзья. Чичина обладала огромными лучистыми глазами, и когда она смеялась, казалось, что смеются именно глаза. Мария дель Кармен была любимой дочерью богатого предпринимателя Орасио Феррейро. Отец вел «коровий» бизнес вместе со старшим сыном (тоже Орасио) и помимо дачи в горах (где отдыхали жарким летом) имел одно из самых больших состояний в провинции Кордова[7]. Красивая и богатая Чичина была одной из самых желанных невест в городе, и вокруг нее постоянно увивались потенциальные женихи.

Именно странный для ее круга потрепанный внешний вид Че и привлек к нему внимание. Парень был явно не такой, как все, и не старался, как другие, любой ценой попасться ей на глаза. Сработало известное пушкинское

правило «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Бывшая когда-то белой, но ставшая от постоянной носки серой любимая Че «недельная» нейлоновая рубашка поначалу вызвала у Чичины и ее подруг смешки. Однако Чичина и ее подруги быстро поняли, что такой странный для аргентинского молодого кабальеро внешний вид является отражением сильного характера, независимого от мнения окружающих. Это только подогрело интерес к новому знакомому.

Родители Чичины это знакомство поощряли. Для Орасио Феррейро такие знатные роды, как Линч и де ла Серна, были лучшей визитной карточкой. К тому же Эрнесто Гевара учился в столичном университете и имел все шансы на хорошую и безоблачную карьеру.

Но пока эта карьера развивалась неровно, и казалось, Че унаследовал от отца невезение во всех коммерческих делах.

Еще с детских лет Че не боялся никакой работы, понимая, что его семья, несмотря на принадлежность к знати, не такая уж и богатая.

Еще в детстве Эрнесто упросил отца и мать отпустить его с братом Роберто на сбор винограда. Отцу идея понравилась — он хотел, чтобы сын с самого начала знал, как живут простые люди. И знал не понаслышке. Да и заработанные 40 сентаво в день — деньги, конечно, небольшие — все же смогут укрепить в ребенке чувство собственного достоинства. Тем более что все друзья Че из бедных семей регулярно подрабатывали на сборе винограда. Совместными усилиями уломали мать (Селия постоянно тревожилась — каждый приступ астмы мог стать для ее любимого сына последним), и братьев отпустили на месяц. Правда, они вернулись домой уже через четыре дня — грязные и голодные. Опасения матери подтвердились. Эрнесто и Роберто вкалывали на землевладельца три дня. А потом у Че случился приступ астмы, и он, как ни старался, работать уже не смог. Хозяин приказал немедленно рассчитать юных работников и заплатил им только половину положенного жалованья[8].

Как-то раз Че с другом Карлосом Фигероа выкупили на аукционе большую партию разношерстной обуви по дешевке с целью ее перепродать подороже. Однако с трудом собранных денег хватило только на лот поношенной обуви, большая часть которой была непарной. Друзья отобрали-таки парную обувь и с прибылью продали ее на улицах го-

рода. Но что было делать с разномастными туфлями? Тут Че доказал, что смекалка у него ничуть не хуже, чем у героев рассказов О. Генри. Он вспомнил, что видел на улице одноногого инвалида, вырезавшего для детей свистульки. Тот с удовольствием купил один ботинок — ведь раньше ему приходилось переплачивать за ненужный ему второй. Инвалид вывел юных предпринимателей на своих товарищей по несчастью, и некондиционную обувь удалось сбыть.

После этого Че устроил в гараже родительского дома целую химическую лабораторию. Эрнесто решил выпускать на базе запатентованного министерством сельского хозяйства средства «Гамексан» препарат против насекомых, смешивая 20 процентов «Гамексана» и 80 процентов обычной пудры. Отец помог начальным капиталом, и Че активно продавал свое изделие, расфасованное в стограммовые емкости. Причем поначалу Эрнесто никак не смущало исходившее от препарата невыносимое зловоние, хотя запах, казалось, намертво въелся в его одежду. Но потом нервы все-таки сдали, и он прикрыл свое предприятие.

Эрнесто-старший в юности увлекался модным в то время мотоциклом и считал себя гонщиком и мастером всевозможных пируэтов. Поэтому неудивительно, что он купил старенький мотоцикл (скорее его можно было назвать мопедом — двигатель был одноцилиндровый) своим сыновьям. Желая продемонстрировать высший класс, отец лихо разогнался, но не заметил на дороге кучу песка. Переднее колесо остановилось и Эрнесто-старший, перелетев через своего железного коня, рухнул на мостовую. Дети смеялись от души, и впоследствии, когда отец пытался докучать им примерами из своей жизни, они всегда вспоминали этот эпизод.

Че решил заработать на мотоцикле, заодно удовлетворив свою извечную тягу к путешествиям и приключениям. 1 января 1950 года он отправился на мотоцикле «Куччиоло» с двигателем фирмы «Микрон» в своего рода рекламное путешествие по Аргентине, проехав четыре тысячи километров по двенадцати провинциям страны. По пути он посетил своего верного Миаля, работавшего в лепрозории в городке Сан-Франсиско-дель-Чаньяр.

Путешествие было довольно опасным — Че предстояло в одиночку пересечь «аргентинскую Сахару» Салинас — солончаковую пустошь в 300 километров шириной. В путеводителях было написано, что ни жилья, ни колодцев в этой местности нет. Этот риск и привлекал Че.

Правда, оказалось, что наряду с барханами и кактусами в Салинас есть и неплохие дороги, колодцы и жилье, где без проблем можно разжиться едой. Путеводители явно устарели.

Целью Че был отнюдь не обычный туризм — он хотел своими глазами увидеть, как живут обычные люди в разных уголках его родины. Во время всех своих путешествий Эрнесто вел подробный дневник. В 1950 году он писал:

«Что я хочу узнать? В любом случае я не уподобляюсь туристам и лишь посмеиваюсь над достопримечательностями, что расписываются в проспектах... Нет, так народ не узнаешь, не обретешь понимания жизни людской. Собственной дороги в жизни так тоже не найдешь. Хваленые достопримечательности — не что иное, как роскошно-показушная оболочка, а душа, характер народа растворены в больных, в стариках, в путнике, с которым заговариваешь. Но как все это объяснить? Еще неизвестно, будешь ли ты понят. Посему я распрощался с друзьями и принялся колесить по всем городам, вдоль и поперек»[9].

Один из поклонников с издевкой преподнес Чичине заметку в журнале «Эль Графико». Там было опубликовано письмо столь заинтересовавшего девушку Эрнесто Гевары:

«...Сеньоры, представители фирмы мопедов "Микрон"!

Посылаю вам на проверку мопед "Микрон". На нем я совершил путешествие в четыре тысячи километров по двенадцати провинциям Аргентины. Мопед на протяжении всего путешествия функционировал безупречно, и я не обнаружил в нем ни малейшей неисправности. Надеюсь получить его обратно в таком же состоянии.

Эрнесто Гевара Серна»[10].

Чичина, с которой Че к тому времени уже встречался, была потрясена. Зачем позорить древний род с вице-королями в родословной такими рекламными трюками, подобающими лишь босякам? Но Че спокойно ответил, что у мопеда износились поршни, а денег на ремонт любимого «железного друга» у него не было. Он просто-напросто по сути своей был лишен снобизма и не терпел этой черты в других.

А снобов среди окружения Чичины было предостаточно, и Че не мог утерпеть, чтобы не задеть их. Как-то на одном из вечеров дядя Чичины восторгался Черчиллем — еще бы, ведь и так любимая аргентинским «креативным» классом Англия только что одержала победу во Второй мировой войне. В самый разгар его импровизированного салонного выступления Че громко рассмеялся. Глядя прямо в глаза

возмущенного «пикейного жилета», Эрнесто обозвал Черчилля английским бульдогом, которого интересовало лишь сохранение британской колониальной империи. Такой афронт (какой-то молокосос посмел ругать идола аргентинских либералов!) прекрасно дополняли поношенные брюки Че, в которых он пришел на светскую вечеринку.

Тем не менее отец Чичины был по-прежнему доволен знакомым дочери — ну кто не куролесил по молодости?

После окончания колледжа в 1946 году Эрнесто вместе с Альберто Гранадо устроились в дирекцию общественных работ провинции Кордова. Друзей послали в захолустье — местечко Вилья-Мария в ста километрах от Кордовы, где они участвовали в проектировании дороги. Эрнесто даже повысили до прораба.

У отца дела были плохи. В 1947 году разорилась его строительная компания. Селия, видимо, уже устала от постоянных неудач мужа, и супруги решили расстаться. Они переехали в Буэнос-Айрес и формально продолжали жить под одной крышей. Но как супругов их больше ничего не объединяло. Просто разводы в Аргентине в то время были запрещены, а на одинокую женщину смотрели почти как на проститутку.

Первый год в столице семья жила в престижном квартале Реколето (Северный квартал) в доме бабушки Че по отцовской линии, которую он очень любил. Именно смерть любимой бабушки, у постели которой Че провел 17 дней, побудила его сменить специальность в университете — он бросил строительный факультет и перевелся на медицинский.

Он хотел стать великим врачом, чтобы помогать простым людям. Пример работавшего в провинциальном лепрозории Альберто Гранадо был для него путеводной звездой. И учась в университете, Че продолжал работать. Он твердо отказывался от родительских денег и не изменил этому принципу и в будущем. Отец пристроил сына в отдел снабжения муниципалитета Буэнос-Айреса, и к тому же Че подрабатывал в университетской библиотеке. Ему всегда хотелось быть ближе к книгам.

С Чичиной Че продолжал встречаться, соблюдая (на людях) рамки приличия. До Кордовы от Буэнос-Айреса было целых 700 километров, но Че туда постоянно стремился и добирался за свой счет, не клянча денег у «предков». Один раз они с другом доехали на грузовике при условии, что помогут водителю демонтировать верх кузова, чтобы машина прошла под низким мостом. Работа длилась пять часов, но

шофер был так доволен, что еще и покормил попутчиков в придорожном ресторане.

В другой раз друзья добрались до Росарио и оказались без единого песо в кармане. Чтобы продолжить путь, они предложили местному торговцу распродать его ананасы за процент от прибыли. Торговец-итальянец оставил парням свою тележку с фруктами, но из-за дерева скрытно наблюдал за столичными чужаками. Ребята быстро продали товар и смогли продолжить путь в Кордову.

Таким образом, ради свидания с Чичиной Че был готов на все. Хотя, возможно, свою роль играла и его прирожденная тяга к путешествиям и приключениям.

Че нравился и другим девушкам. Его пассией в Буэнос-Айресе была студентка медицинского факультета Берта Хильде Инфанте (Тита Инфанте). Она вспоминала, как однажды в 1947 году во время занятий по анатомии услышала сзади горячий и ироничный голос, от которого веяло каким-то мужеством. Голос принадлежал, по словам Титы, «красивому и бойкому пареньку»[11]. «Смесь застенчивости и гордости, возможно дерзости, маскировала глубокий ум и ненасытное желание познания, и где-то в глубине — бесконечную способность любить. Наши контакты всегда были индивидуальными*: на факультете, в разных кафе, в моем доме, редко — у него... Он никогда не пропускал свидания и был очень пунктуальным». Это было странное поведение для представителя богемной среды, за которого Че в то время многие принимали.

Че и Тита, как умные, начитанные и не любившие шумных компаний молодые люди, были на факультете своего рода чужаками: их интересы простирались гораздо дальше учебного материала и обычных молодежных развлечений. Они часто обменивались книгами и потом обсуждали их. Че, вспоминала Тита, всегда был с книгой и использовал каждую свободную минуту, чтобы читать.

Им очень нравились строки мексиканского поэта и хирурга Мануэля Гутьерреса:

Не пой гимна победы
В мрачный день битвы.

Позднее Тита думала, что на Кубе и в Боливии Че не раз повторяет про себя эти строки.

---

* Имеется в виду, что Тита и Че не встречались в общих компаниях друзей.

Хотя Эрнесто преклонялся перед нежностью женского характера до самого конца своей жизни (можно сказать, что он боготворил женщин — и самой лучшей женщиной была для него мать; он ласково звал ее «моя девочка»), Тита не могла отделаться от мысли, что она входит лишь в число друзей Че, а интимным отношениям с его стороны не придается почти никакого значения. В женщине он хотел видеть прежде всего преданного и верного друга. Он никогда и никому не говорил, что они с Титой любовники (возможно, они и не были ими). И вообще это был не тот человек, который хвастал победами над прекрасным полом, — репутацию знакомых женщин он оберегал пуще собственной.

Тита (как и многие другие друзья Че) вспоминала его кристальную честность. Как-то раз она дала ему почитать потрепанную, по случаю купленную у букиниста книжку. Че ее потерял, но, скопив денег, вернул девушке новый дорогостоящий экземпляр.

С Титой Че был, бесспорно, «на одной волне» — они интеллектуально оставались близки и продолжали переписываться уже после того, как Эрнесто Гевара навсегда покинул родную Аргентину.

Для окружающих Че имел только одну невесту — Чичину (с Титой Че познакомился еще до встречи с ней). Че был явно влюблен в девушку и рвался в Кордову при малейшей возможности. Едва остановившись либо у Агиларов (где впервые встретился с Чичиной), либо у Альберто Гранадо, сразу следовал визит в особняк Феррейро, а на выходные молодежная компания Чичины и Че отправлялась на дачу Феррейро в горах (местечко Малагеньо). Жарили на огне мясо, играли в футбол (чистый горный воздух позволял на время забыть об астме).

После еды молодежь, гордо именовавшая себя «Группой Малагеньо», принималась спорить о политике, литературе или философии. Эрнесто увлекательно рассказывал о путешествиях на мотоцикле. Когда приезжал Орасио Феррейро, все робели и старались не говорить лишнего и не перечить взглядам «большого человека». Никто не хотел попасть к отцу Чичины в немилость. Никто, кроме Че. Эрнесто оставался таким же прямолинейным и бескомпромиссным, за что получил шутливо-уважительное прозвище *Pitecanthropus Erectus* (Питекантроп прямоходящий).

На первый взгляд и Че, и отец Чичины придерживались сходных политических взглядов — оба ненавидели Перона, однако совершенно по разным соображениям. Феррейро,

член Радикальной партии, презирал президента за заигрывание с рабочим классом. Перон опирался на профсоюзы и нередко вставал на сторону рабочих, к тому же он вел независимую внешнюю политику с явным антиамериканским акцентом — аргентинской олигархии, к которой принадлежал клан Феррейро, все это казалось сродни преступлению.

Че в те годы начинал осваивать марксизм и уже понимал, что социальная демагогия Перона не принесет трудящимся реального освобождения: этого вообще не случится, пока в собственность пролетариата не перейдут заводы и фабрики. Таким образом, если Феррейро-старший критиковал Перона справа, то Гевара-младший — слева.

Скандал произошел во время одного из ужинов в Малагеньо, когда Орасио Феррейро восторгался Черчиллем (в Англии как раз проходили парламентские выборы) и критиковал национализацию здравоохранения в Англии лейбористами, которых он считал идейными братьями перонистов. Че, с присущей ему прямотой, напал на Черчилля за его консервативные взгляды. Возмущенный Феррейро резко поднялся из-за стола, гневно сказав: «Нет, этого больше нельзя выносить!» Он вышел из комнаты, резко хлопнув дверью. Довольный Че остался на месте и как ни в чем не бывало жевал куски лимона прямо с кожурой.

С тех пор в семье Феррейро Эрнесто Гевару стали считать коммунистом. Но идеалами Че тогда были не марксисты, а Махатма Ганди и Джавахарлал Неру (книгу последнего «Открытие Индии» он подарил Чичине).

Размолвка с отцом никак не сказалась на чувствах к Марии дель Кармен. Селия вспоминала, что, когда сын звонил в дверь родительского дома, первое, о чем он спрашивал, нет ли писем от Чичины.

Надо сказать, что Чичина, в отличие от Титы, была обычной девушкой своего круга. Чтение книг было отнюдь не ее главным занятием. Ее непременным занятием были наряды и светские сплетни. Именно поэтому и Селия, и Эрнесто-старший отговаривали сына от этого брака, понимая, что Мария и Эрнесто вряд ли станут духовно близкими людьми. А для Че это всегда было особенно важно.

Но Че был человеком упорным и вскоре предложил Чичине выйти за него замуж. Однако его представление о семейной жизни не очень понравилось в семье девушки: Эрнесто хотел оставить родительский дом и вместе с женой колесить по Западному полушарию. Для крупного бизнесмена Феррейро такая романтическая блажь казалась про-

сто смешной. Тем более что Эрнесто Гевару ждала карьера врача, а врачи в Аргентине очень хорошо зарабатывали. В любом случае, когда Чичина рассказала о предложении Че своим родителям, те устроили ей скандал. Хотя Эрнесто после этого продолжал бывать в их доме, как будущего зятя его уже не рассматривали.

В феврале 1951 года Че нанялся на судно Аргентинской государственной нефтяной компании ассистентом врача. Он побывал во многих бразильских портах, а также в Тринидаде и Тобаго, Гайане, Венесуэле и на Нидерландских Антильских островах.

Учеба в университете позволяла такие продолжительные вояжи. Для получения диплома врача было достаточно в любое время успешно сдать экзамены по тридцати обязательным предметам.

В университете Локо-Че вроде как-то присмирел. Его не видели ни на митингах, ни на уличных демонстрациях. Студенты-коммунисты характеризовали его как погруженного в себя одиночку, не разделявшего их взглядов и предпочитавшего отвлеченную философию политической борьбе.

Однако именно в 1947—1952 годах, просиживая целыми днями в университетской библиотеке, Эрнесто сформировал свое политическое мировоззрение, превратившись в сознательного революционера. До этого юноша был бесспорным и горячим сторонником справедливости, но еще не представлял себе, как ее можно добиться в таком несправедливом мире. В Буэнос-Айресе он впервые внимательно прочел работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Причем это было совсем иное чтение, нежели раньше. Че скрупулезно выписывал понравившиеся или, наоборот, спорные цитаты и делал пометки политического характера, что-то из этого он обсуждал с Титой.

Тита вспоминала, что постепенно медицинская наука отошла для Че на второй план и уступила место истории, философии и социологии. Он уже хотел лечить не отдельных людей, а целое общество, понимая, что со стетоскопом или скальпелем этого не сделаешь. Позднее она говорила, что главной чертой характера Че в студенческие годы была ненасытная тяга к познанию мира. И именно эта тяга, а отнюдь не склонность к перемене мест и жажда приключений, и влекла его в путешествия. Он хотел проверить теорию переустройства мира на практике, узнав, как живут простые люди и почему их жизнь так тяжела. К тому же Че возмущало, что в Аргентине люди его «просвещенного»

круга больше интересуются событиями в Европе, чем в соседних, братских по истории и культуре странах Латинской Америки.

Работавший в лепрозории Альберто Гранадо давно мечтал посетить другие, более бедные, чем Аргентина, страны Южной Америки. Он хотел посмотреть, как там обстоит дело с лечением проказы, и, если будет необходимость, помочь. По итогам поездки он планировал написать книгу. Эту идею Альберто обсуждал с Эрнесто, который летом подрабатывал в лепрозории медбратом. Че горячо одобрил начинание, но своему принципу не изменил — денег у родителей просить не стал. В сентябре 1951 года друзья окончательно решили отправиться в путь. Эрнесто тогда учился на последнем курсе медицинского факультета, и родители отпустили его при условии, что путешествие продлится не более года, чтобы Че смог получить диплом врача в установленный срок.

Было решено ехать на стареньком мотоцикле Альберто, который он постоянно чинил. Деньги на пропитание друзья намеревались доставать по дороге, выполняя подсобные работы или оказывая медицинскую помощь.

29 декабря 1951 года после тщательных приготовлений, в которых принимала участие и Чичина, друзья выехали из Кордовы с намерением сначала попасть в Чили. «Железный конь» Гранадо был перегружен всякой всячиной — одеялами, походной палаткой, посудой. У них были фотоаппарат и даже автоматический пистолет для защиты от диких зверей. Сначала друзья отправились в Буэнос-Айрес, чтобы проститься с родителями Че. Оттуда они прибыли в курортное местечко Мирамар, где на море отдыхала Чичина со своей семьей. Кстати, компанию семье Феррейро составляла Кармен де ла Серна — сестра Селии и жена упоминавшегося выше аргентинского поэта-коммуниста Каэтано Кордовы Итурбуру. В Аргентине часто родственные и дружеские связи были выше политических разногласий.

Феррейро вовсю потешались над сумасбродными планами Че и Альберто, что не помешало Чичине и Че провести на море несколько дней. Как оказалось, последних в их так и не начавшейся совместной жизни. Эрнесто писал отцу: «Это был непрерывный медовый месяц с привкусом горечи скорого расставания, который все продолжался и продолжался, пока не достиг восьми дней. С каждым днем мне нравилось все больше, и я еще сильнее любил мою суженую. Расставание было долгим и продолжалось два дня — почти идеал»[12].

Чичина дала жениху 15 долларов (неплохие деньги по тем временам) и попросила привезти ей платок с кружевами ручной работы. В ответ Эрнесто 6 января 1952 года, на почитаемый в католической Аргентине праздник Богоявления, подарил невесте собачку (немецкую овчарку) с красноречивой кличкой Камбэк («Возвращение»). 14 января 1952 года они расстались. Как оказалось, навсегда.

Поначалу Альберто и Че поехали в аргентинскую провинцию Мендоса, откуда происходили предки клана Гевара. Там они посетили несколько поместий (асиенд) и понаблюдали за работой аргентинских мустангеров — гаучо. Ночевали, где придется: либо прямо в поле, либо в любом доме, куда сердобольные хозяева пускали на ночлег.

Потом путь лежал на юг вдоль неприступных Анд — путешественники пытались найти подходящий для их старенького мотоцикла (гордо нареченного «Мощный II») перевал.

В Чили друзья въехали через озеро с красноречивым названием «Все Святые». Возможно, именно они и помогли постоянно ломавшемуся мотоциклу преодолеть Анды.

Че со свойственным ему черным юмором вспоминал, что они не столько ехали на мотоцикле, сколько мотоцикл путешествовал на их спинах.

18 февраля 1952 года путешественники прибыли в первый чилийский город Темуко, и местная газета «Диарио де Аустраль» («Южный дневник»), проведя с молодыми аргентинцами интервью, немедленно откликнулась на это примечательное событие статьей под заголовком «Два аргентинских эксперта-лепролога путешествуют по Южной Америке на мотоцикле».

В статье, в частности, говорилось:

«Со вчерашнего дня находятся в Темуко доктор биохимии сеньор Альберто Гранадо и студент последнего курса медицинского факультета университета в Буэнос-Айресе сеньор Эрнесто Гевара Серна, которые совершают рейд на мотоцикле по главным латиноамериканским странам...

Ученые гости являются специалистами в области лепрологии и других болезней, сопутствующих проказе. Они хорошо знакомы с положением в этой области на их родине...

Кроме намерения ознакомиться с постановкой санитарного дела в разных странах Южной Америки, сеньоры Гранадо и Гевара, путешествующие на свои собственные средства, испытывают особое желание посетить чилийский лепрозорий в Рапа-Нуи (остров Пасхи на наречии самих

островитян. — *Н. П.*). Наши врачи рассчитывают, прибыв в Вальпараисо, установить контакт с руководителями Общества друзей острова Пасхи с целью изучить возможность посетить этот далекий лепрозорий...

Путешествующие ученые планируют завершить свою экспедицию в Венесуэле...»[13]

Конечно, Че влекло на остров Пасхи не только и не столько из-за лепрозория. Он очень интересовался историей, особенно наследием древних цивилизаций. И таинственные истуканы («моаи») затерянного в центре Тихого океана островка не могли не привлекать его жгучего интереса.

Когда Альберто и Эрнесто добрались до чилийской столицы Сантьяго, мотоцикл «умер» окончательно и его торжественно «похоронили» в специально сооруженном для этих целей шалаше. Из Сантьяго до главного чилийского порта Вальпараисо (только оттуда ходили корабли на остров Пасхи) друзья добирались уже на попутках. Но в городе выяснилось, что ближайший пароход на вожделенный остров отбудет только через полгода. Таким образом, Че пришлось распрощаться со своей мечтой, и друзья двинулись на север Чили (иногда «зайцами» на поездах и кораблях), достигнув порта Антофагаста.

Как уже упоминалось, Че не был обычным туристом из богатой семьи. Он глубоко интересовался политической обстановкой в Чили, которая была, с его точки зрения, весьма интересной. В 1951 году левые силы Чили (главным образом социалисты и находившиеся де-юре в подполье коммунисты) объединились в единый избирательный блок — Фронт народа — и выдвинули кандидатом в президенты врача по специальности, но уже известного в стране политика-социалиста Сальвадора Альенде. Че приехал в Чили как раз тогда, когда в стране началась избирательная кампания. На президентских выборах левым противостоял бывший глава военной хунты, генерал-демагог Карлос Ибаньес, идолом которого был Перон*.

Эрнесто хотел встретиться с Альенде, но в избирательном штабе ответили, что тот слишком занят. Никто не знал тогда, что Эрнесто Че Гевара и Сальвадор Альенде еще увидятся на Кубе, что Альенде поможет бойцам разбитого в Боливии партизанского отряда Че, что он в 1970 году с

---

* На выборах 1952 года Альенде набрал всего 51 975 голосов (5,4 процента) против 446 439 у ставшего президентом Ибаньеса (46,8 процента).

четвертого раза будет избран президентом Чили и погибнет на своем посту во дворце Ла-Монеда 11 сентября 1973 года.

Сальвадора Альенде и Эрнесто Гевару роднило то, что они стали социалистами во многом благодаря своей основной профессии. Они видели, что многие болезни носят социальный характер, то есть им подвержены униженные и обездоленные, те, кто не может хорошо питаться и жить в человеческих условиях. Да и на помощь врача эти люди ввиду нехватки средств рассчитывать не могут. Отсюда следовал логический вывод — победить многие болезни можно только перестроив все общество на основах социальной справедливости.

И тогда, и потом — на протяжении всей своей короткой жизни Че постоянно оказывал медицинскую помощь всем тем, кто не мог за нее заплатить. Даже если ему предлагали деньги, он обычно отказывался. Клятву Гиппократа он понимал буквально и никогда ее не нарушал.

Так, например, в Чили его пригласили к пожилой бедной женщине, страдавшей астмой. После этого Че, чувствовавший боль других острее собственной, записал в своем дневнике:

«Бедняга вызывала сострадание. В ее комнатенке стоял затхлый запах, перемешанный с пылью немногочисленной мягкой мебели. Кроме приступов астмы, у нее еще выявилось нарушение сердечной деятельности. Сталкиваясь с подобной картиной, врач осознает свое полное бессилие. Он требует изменить образ жизни, положить конец этой несправедливости. Ведь старуха еще месяц назад подавала в трактире, чтобы заработать на пропитание. Она металась между столиками, чтобы выстоять, не спасовать перед жизнью...

Именно на последних минутах существования тех, для кого каждый следующий день — предел мечтаний, особенно отчетливо постигается трагедия трудящихся всего мира. В этих затухающих глазах стынет раболепная просьба о прощении, отчаянная мольба о помиловании. Она повисает в пустоте...

До каких пор будет существовать такое положение, основанное на кастовом миропонимании? Я ответить на это не могу, но пришло время, когда властям предержащим следовало бы поменьше средств вкладывать в рекламу своих добродетелей, а побольше — гораздо больше — расходовать на создание лучших социальных условий.

Ну что особенного я могу сделать для больной? Прописал ей диету, каких-то порошков. У меня оставалось еще

несколько таблеток драмамина — подарил их ей. Уходил, провожаемый благодарным старушечьим лепетом и равнодушными взглядами близких»[14].

На фоне бедствий и страданий миллионов людей Че всегда стеснялся того, что вырос в благополучной семье. Он, чтобы астма немного отступила, мог себе позволить придерживаться диеты (в Буэнос-Айресе он не курил, не пил кофе и алкоголь, исключил из меню аллергенные продукты) и дышать хорошим горным воздухом Альта-Грасиа. Но этот молодой человек думал о себе меньше всего — страдание даже случайно встреченных на жизненном пути людей лишало его душевного покоя.

Между тем власти Чили, даже если и захотели бы, вряд ли могли бы себе позволить тратить больше денег на здравоохранение. Потенциально Чили была богаче Аргентины, так как обладала крупнейшими и самыми богатыми в мире месторождениями меди. Вот только все они вместе с доходами принадлежали в 1952 году американским компаниям. Только Альенде, став президентом, после единогласного решения парламента в июле 1971 года вернул «кошелек нации», национализировав всю медную промышленность. Этот день стал в Чили государственным праздником — Днем национального достоинства. И даже предательски убивший Альенде Пиночет не рискнул его отменить.

Когда с островом Пасхи ничего не вышло, Эрнесто и Альберто с помощью знакомого матроса тайком пробрались на корабль «Сан Антонио», шедший на север Чили. Пока берег не скрылся из вида, друзья прятались в туалете, и Альберто там вырвало. Когда аргентинцы явились с повинной к капитану, тот разрешил остаться на судне, но в качестве платы за проезд Эрнесто пришлось отмывать тот самый гальюн. В ту минуту, несмотря на дружбу, он сильно завидовал Альберто, которому поручили чистить картошку.

На севере Чили друзья заехали на медный рудник Чукикаматы, принадлежавший американской компании «Брейден коппер». А ее владельцем был упоминавшийся выше бывший посол США в Аргентине Спрюил Брейден. Неудача со смещением Перона осенью 1945 года* лишь благоприятно отразилась на его «дипломатической» карьере — он был назначен помощником госсекретаря по вопросам За-

---

* Вмешательство посла США во внутриполитические дела Аргентины было столь очевидно, что Перон выступал на президентских выборах 1946 года под лозунгом «Брейден или Перон!».

падного полушария, то есть стал курировать в Госдепартаменте США всю Латинскую Америку, а заодно и свои бизнес-интересы в Чили.

Жизненные пути Че и Брейдена очень скоро пересекутся еще раз.

На рудниках Брейдена Че и Альберто были потрясены чудовищными условиями труда рабочих. Трудившиеся за гроши индейцы казались живыми скелетами от голода. Путешественники профессиональным взглядом медиков определили, что вряд ли кто-нибудь из них протянет до сорока лет. Эти коренные жители Америки заглушали усталость тем, что постоянно жевали листья коки. Они настолько боялись любых белых людей, что даже дружелюбные попытки Че и Альберто заговорить с ними наталкивались на робость, недоверие и отрешенные взгляды.

Молодых аргентинцев (как «образованных белых сеньоров») пустили переночевать в бараки охраны рудника. Начальник охраны хвалился, что «держит этот сброд» в повиновении, а если индейцы и мрут, как мухи, на их место всегда находится смена из такого же «сброда». Ну а профсоюзы держали в узде путем подкупа местных профбоссов.

А с теми рабочими, кто все же осмеливался бороться за свои права, не церемонились. Как-то ночью в горах Эрнесто и Альберто встретили на дороге продрогшую от холода супружескую пару, у которой не было ни плаща, ни одеяла, чтобы согреться. Мужчина оказался рабочим рудника и членом компартии. Он возвращался из тюрьмы, куда его упрятали за участие в забастовке. Теперь работа на руднике была для него заказана, и они с женой держали путь в горы на предприятие по добыче серы. Условия труда были там настолько чудовищными (даже по сравнению с медными копями), что брали всех, независимо от политических взглядов. Позднее Эрнесто отмечал: «Эта дрожащая от холода обнявшаяся пара была живым воплощением пролетариата этого мира... Я вряд ли когда-нибудь так мерз, как тогда, и одновременно я никогда не чувствовал себя более связанным с кем-либо, как с этими чужими для меня людьми»[15].

В Чили Эрнесто впервые занялся социально-экономической темой, интересовавшей его всю жизнь. Он пытался понять, каким образом страны, зависящие от экспорта только одного товара (монокультурные), могут преодолеть душившую их зависимость от конъюнктуры мирового капиталистического рынка. В том, что касается Чили, он прекрасно сознавал, что именно американцы диктуют миро-

вые цены на медь и могут, если захотят, обвалить эти цены и поставить чилийскую экономику на колени. Он записал в своем дневнике: «Она [Чили] должна приложить максимальные усилия, чтобы стряхнуть со своего горба этих неудобных янки. Однако, если учесть инвестированные ими доллары и ту легкость, с которой они могут оказать действенное экономическое давление, как только почувствуют угрозу своим интересам, эта задача, по крайней мере, сейчас, сродни задаче циклопа»[16].

Прогноз Че насчет давления Вашингтона был верным. Как только Альенде национализировал меднорудную промышленность Чили в 1971 году, американцы объявили чилийской меди бойкот и попытались сбить мировые цены на красный металл. Когда это не помогло, они просто свергли и убили Альенде руками продажных чилийских военных.

Примерно через месяц после последнего свидания с Чичиной Эрнесто получил от нее письмо, потрясшее его до глубины души. Девушка написала его под давлением матери, что стоило ей горьких слез. Она сообщала, что между ними все кончено и Эрнесто ей больше не жених. Че читал послание любимой несколько раз и никак не мог поверить, что их медовый месяц в Мирамаре закончился так быстро. Но он понял, что настаивать на продолжении отношений бесполезно. Спустя десятилетия Альберто Гранадо рассказал Чичине, что никогда не видел Че таким расстроенным, как в тот день.

Тем временем с севера Чили друзья перебрались в Перу и в апреле 1952 года достигли города Куско — столицы империи инков. Че, очень интересовавшийся древними американскими цивилизациями, почти на месяц погрузился в местную библиотеку, где прочитал об инках почти все, что там было. Альберто не на шутку встревожился, что его друг забросит медицину и станет профессиональным археологом.

Конечно, Альберто и Эрнесто посетили затерянный город инков — Мачу-Пикчу, который испанцы после завоевания Перу обнаружить так и не смогли. Че восторженно декламировал стихи любимого им Пабло Неруды, посвященные этой неприступной твердыне славной индейской цивилизации:

И я взошел по лестнице земли
Меж костяками гибнущих лесов
к тебе, непостижимый Мачу-Пикчу,
заоблачный, на каменных ступенях,

последний город тех, кто суть земную
не скрыл в своих дремотных одеяньях.
И там, как две светящиеся параллели
Мерцают молнии и человек.
Ты — колыбель среди ночного вихря,
Праматерь камня, кондора корона,
Сияющий коралл зари вселенской,
Мотыга, погребенная в песке.

Перевод А. Голембы[17]

Путешественники разбили недалеко от Мачу-Пикчу палатку, выпили чаю и стали фантазировать. Че, любивший помечтать вслух, представлял, как он женится на принцессе из рода инкских императоров, поднимет восстание индейцев и изгонит из Перу испанских завоевателей. После этого он назначил бы Миаля премьер-министром, и они проводили бы социальные реформы. К этому Че вполне серьезно заметил, что настоящей революции без вооруженной борьбы не бывает. Такого взгляда он придерживался всю жизнь.

Про Мачу-Пикчу Эрнесто написал эссе, которое было опубликовано в декабре 1953 года в Панаме — это было его первое появление в печати под своим именем. В статье Че резко критиковал заполонивших великолепные индейские руины американских туристов, которым было наплевать на историю гордого народа инков. Возмущало автора и то, что главные сокровища этой цивилизации оказались в музеях США.

Из Мачу-Пикчу друзья отправились вглубь (точнее, в глушь) Перу, чтобы посетить лепрозорий, основанный, кстати говоря, членом перуанской компартии доктором Уго Песче* недалеко от городка Уамбо. По дороге они могли воочию убедиться, как в Перу относятся к потомкам инков. Они попросили у местного начальника лошадей, тот

---

* Уго Песче (Пеше) (1900—1969), как и Альенде, был не только видным врачом, но и политиком, мыслителем и философом. Учился в Генуе. После возвращения в Перу в 1928 году основал Перуанскую социалистическую партию вместе с виднейшим латиноамериканским марксистом Хосе Карлосом Мариатеги. Песче был всемирно известным специалистом по проказе и входил в комитет экспертов по этой болезни Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). После кончины Песче Панамериканская организация здравоохранения присвоила ему почетный титул «Герой общественного здравоохранения Перу». Всемирный совет мира отметил Песче международной премией за вклад в дело борьбы за мир.

что-то приказал, и вскоре появился истощенный индеец с такими же истощенными кобылами. Когда путешественники проехали изрядный отрезок пути, они с удивлением обнаружили, что все это время за ними бежала индианка с ребенком. Оказалось, что начальник (естественно, белый) просто реквизировал у них лошадей, и они не смели даже заговорить с белыми сеньорами, которые на них ехали. Эрнесто и Альберто были крайне смущены, немедленно вернули лошадей, извинились и продолжили трудный путь пешком.

Лепрозорий в Уамбо оказался скопищем глинобитных хижин в кишащих москитами джунглях. Из-за проливных дождей Че стало плохо (вернулась астма) и «образованным сеньорам» из Аргентины предложил кров местный плантатор. За богато накрытым столом он хвалился своим «ноу-хау»: он притворно «передавал» участки джунглей индейцам, те тяжелейшим трудом выкорчевывали буйную тропическую растительность, а затем их угрозами сгоняли с земли. Таким образом, расходы на освоение новых участков были минимальными. Че по своему обыкновению не стал скрывать своего мнения и в глаза назвал плантатора негодяем. Тот «галантно» все же предложил аргентинцам переждать у него дождь, после чего убираться на все четыре стороны. Но Че заявил, что не останется в этом доме ни минуты и лучше переждет непогоду у индейцев.

Че пролежал два дня в местной больнице, а затем снабженные рекомендательными письмами путешественники отправились в лепрозорий под Лимой, где в то время практиковал Уго Песче. 1 мая 1952 года без единого песо в кармане друзья прибыли в Лиму. Когда-то это был самый роскошный город в испанской Южной Америке — столица богатого вице-королевства Перу. Теперь он поразил Эрнесто громадными социальными проблемами, прежде всего неравенством. Шикарные кварталы богачей соседствовали с трущобами бедняков.

Песче принял аргентинцев очень тепло, познакомил их со своими методами лечения проказы и дал рекомендательное письмо в другой крупный лепрозорий недалеко от перуанской столицы Лимы. Кстати, Песче дал тогда никому не известному Эрнесто Геваре ряд советов и укрепил его в мысли, что победить болезни можно, только кардинально преобразовав общество. Че почтительно называл Песче «учителем».

Став уже одним из лидеров кубинской революции и мировой знаменитостью, Че прислал Песче экземпляр своей книги «Партизанская война» со следующим посвящением:

«Доктору Уго Песче, который, возможно сам не зная того, вызвал большую перемену в моей позиции по отношению к жизни и обществу, соединив мой огромный энтузиазм приключений с путем, направленным на достижение целей, в наибольшей степени отвечающих интересам Америк»[18].

Именно Песче побудил Че внимательно прочитать труды Маркса.

В лепрозории близ Лимы Эрнесто и Альберто прожили несколько недель, помогая уходу за больными. Там Че познакомился с социальной работницей Зораидой Буларте, с которой поддерживал переписку до 1955 года. Девушка готовила для аргентинцев и обстирывала их. Через несколько месяцев она получила от Че его фотографию со следующим посвящением:

«Зораиде с пожеланием, чтобы она всегда была готова принять пару бродяг, свалившихся из ниоткуда и держащих путь в неизвестность... и в надежде, что она никогда не потеряет склонность кормить бездельников»[19].

Как и в письмах к Тите Инфанте, Че придерживался в переписке с Зораидой вежливого «Вы».

Из Лимы друзья двинулись во влажную перуанскую сельву, чтобы познакомиться с работой лепрозория Сан-Пабло, расположенного на Амазонке и тоже основанного Уго Песче. Но влажный климат перуанской сельвы и скудное питание опять превратили в пациента самого Че. Из-за острого приступа астмы ему пришлось лечь в больницу перуанского города Икитос, затерянного в Амазонии. Альберто постоянно кипятил воду, чтобы простерилизовать шприц, с помощью которого он несколько раз день вводил Че адреналин. Он даже боялся, что сердце его друга может не выдержать.

В лепрозории Сан-Пабло (там было 600 пациентов) Че и Альберто сформировали из больных футбольную команду и вообще старались как можно больше общаться с прокаженными (например, вместе охотились на обезьян), показывая им, что не считают их изгоями общества. Че даже питался вместе с прокаженными. При этом отметим, что он шел на этот риск, как обычно, осознанно — ранее они с Альберто провели тесты, выявившие невосприимчивость их организма к проказе. 14 июня — в честь дня рождения

Эрнесто — персонал устроил для него вечеринку, на которой обильно текла рекой перуанская виноградная водка писко. Со свойственной ему самоиронией Эрнесто отметил в своем дневнике этот праздник как «День святого Гевары».

Когда аргентинцы собрались в путь, благодарные больные лепрозория своими руками построили для них большой плот и назвали его «Мамбо-Танго» в честь самых популярных в Перу и Аргентине танцев. Несмотря на затяжной типичный для джунглей дождь, проводить Эрнесто и Альберто в путь собрались все пациенты, выступившие с прощальными речами. Прокаженный с обрубками вместо пальцев играл на аккордеоне с помощью палочек, привязанных к рукам. Артист был к тому же слепым. Больные нагрузили плот лучшими припасами, которые у них были: сгущенка, печенье и две живые курицы. Для Че это было как нельзя кстати — обычная в тех местах рыба вызывала у него приступы астмы.

От Че потребовали сказать прощальную речь, и она получилась политической: «Мы верим после этого путешествия гораздо сильнее, чем до него, что разделение (Латинской) Америки на иллюзорные и неясные нации полностью фиктивно. Мы представляем собой единую расу метисов, которая от Мексики до Магелланова пролива являет собой общие этнографические черты. Поэтому, стремясь освободиться от любого налета провинционализма, я поднимаю тост за Перу и за Единую (Латинскую) Америку!»[20]

21 июля 1952 года «Мамбо-Танго» двинулся вниз по течению Амазонки по направлению к пограничному колумбийскому городу Летисии. Друзья наслаждались великолепной тропической природой и прозевали Летисию, несмотря на то, что каждую ночь кто-то должен был нести вахту, чтобы предотвратить возможное нападение крокодилов. Плот пристал к большому острову, и аргентинцы с удивлением выяснили, что они уже на территории Бразилии. Плыть на плоту обратно против течения великой Амазонки было невозможно. Пришлось обменять большой плот на лодку и еще доплатить за нее из скудных денежных запасов.

Аргентинские «сеньоры» добрались до Летисии в таком грязном виде, что немедленно были задержаны колумбийской полицией. С 1948 года в Колумбии шла гражданская война между левыми повстанцами и проамериканским правительством. Диктатура тогдашнего колумбий-

ского президента Лауреано Гомеса* жестоко расправлялась со всеми подозрительными, особенно молодыми иностранцами, в каждом из которых видели скрытого коммуниста. В 1949 году в Колумбии была введена цензура и де-факто поставлены вне закона все партии, кроме правящей консервативной.

Когда начальник местной полиции узнал, что за решеткой оказались аргентинцы, он сменил гнев на милость. Будучи страстным футбольным болельщиком и благоговея перед аргентинским футболом, он предложил незваным гостям тренировать местную футбольную команду.

Два дня тренеры-гастролеры почти с утра до вечера натаскивали местных игроков. Че, подходивший ко всему скрупулезно, неумолимо настаивал, чтобы тренировались с пяти часов утра. Во время решающей игры он встал в ворота и зычно давал указания полевым игрокам, одним из которых (центрфорвардом) был Альберто. Основное время закончилось нулевой ничьей, но в серии пенальти Че отразил мощнейший удар и его команда победила. Хотя в итоге команда заняла лишь второе место, благодарные фанаты считали это крупным успехом и купили аргентинцам билеты на гидросамолет до столицы страны — Боготы.

Там (столица была на военном положении) какой-то полицейский попытался отнять у Че любимый нож (копия ножа аргентинского гаучо; Эрнесто рисовал им на песке карту маршрута). Но Че ловким ударом сбил солдата с ног и отобрал у него винтовку. Так путешественники опять оказались в колумбийской тюрьме и с юмором поинтересовались, не надо ли тренировать футбольную команду Боготы. Но шутка могла окончиться плохо — при режиме военного положения нападение на полицейского грозило обернуться солидным тюремным сроком. Кроме того, Че «шили» дело об оскорблении представителей власти. Дело в том, что при задержании полицейский обнаружил у него медикаменты против астмы, на что Че с притворным испугом закричал: «Осторожно, опасный яд!»

Положение спас вызванный в тюрьму аргентинский посол. Он добился освобождения соотечественников при

---

* Взгляды Гомеса характеризует хотя бы тот факт, что в годы Второй мировой войны он возглавлял в Колумбии фалангистское движение, стараясь подражать испанскому диктатору Франко. В 1951 году Гомес из-за сердечного приступа передал бразды правления вице-президенту, но формально занимал высший пост до июня 1953 года. После этого он бежал в Испанию к Франко.

условии, что те немедленно покинут Колумбию. Мол, полиция заимела на них большой зуб. Че, правда, не дал себя запугать и несколько раз ходил в полицейский участок, решительно требуя, чтобы ему вернули нож.

В целом Че описал Колумбию как самую несвободную страну Латинской Америки, подчеркнув «удушливый [политический] климат» местного диктаторского режима. Если колумбийцы готовы это терпеть — их дело, но ему хотелось уехать оттуда как можно быстрее.

Студенты местного университета (ненавидевшие диктатуру и проамериканскую армию) собрали друзьям деньги на автобус до пограничного с Венесуэлой городка Кукуты. Там они пешком по мосту пересекли границу и оказались уже в приграничном венесуэльском городе Сан-Кристобаль.

17 июля 1952 года Альберто и Эрнесто были уже в столице Венесуэлы Каракасе. Как раз в то время на Венесуэлу свалилась манна небесная, а точнее, подземная. Страна вышла на первые позиции в капиталистическом мире по добыче нефти. И даже при том, что львиная доля прибыли, как и в Чили, доставалась американцам, при чудовищной коррупции правящего военного режима Переса Хименеса, что-то из нефтяных доходов оседало в венесуэльской экономике.

Каракас застраивался небоскребами «а-ля Нью-Йорк», соседствовавшими с беднейшими лачугами тех, кто бросил деревню и искал в столице лучшей доли. Местная олигархия летала на шопинг в Майами, в то время как бедные предместья контролировали разного рода «авторитеты», кормившиеся от щедрой длани диктатуры.

Вообще-то друзья хотели ехать из Венесуэлы дальше в Центральную Америку или Мексику, а может, и в США. Но все решил случай. В Каракасе оказался деловой партнер дяди Эрнесто, он перевозил из Америки в Аргентину и обратно скаковых лошадей на специально зафрахтованном для этих целей самолете. Решили, что Эрнесто полетит, сопровождая живой груз в Майами, а оттуда в Буэнос-Айрес (надо было, как он обещал отцу и матери, получить диплом врача). Альберто за это время попытается найти работу в Венесуэле.

Знакомый журналист достал Эрнесто американскую визу, и таким образом Че впервые оказался в стране, которую уже сильно ненавидел. Журналист хвалился своими контактами в Америке и сильно сожалел, что «неразумные»

аргентинцы в 1806 году отбили попытку Англии захватить Аргентину. Были бы сейчас цивилизованной англоязычной страной, а то и частью США. На это Че с негодованием ответил, что лучше станет безграмотным индейцем, чем американским миллионером.

Вдобавок выяснилось, что у самолета сломался двигатель, и Че застрял в Майами на целый месяц. Позднее он говорил об этом времени как о самом скверном периоде своей жизни. Здесь Эрнесто общался с двоюродным братом Чичины Хайме Рока, который учился в Майами на архитектора и на американский манер называл себя Джимми. Че получил его адрес от Чичины вместе с заданием купить в Америке кружевную шаль за 15 долларов. У Джимми с деньгами тоже было невесело (у Че их вообще не было), и он предложил потратить те самые 15 долларов на пропитание. Но Че в таких вопросах был очень щепетилен и, хотя Чичина была уже его «бывшей», купил ей кружевную шаль.

Че и Джимми, пользуясь знакомством с официантами, бесплатно ели в ресторанах быстрого питания картофель-фри и пили пиво. Эрнесто возмущался тем, как белые полицейские обращаются с неграми, их допрашивают, стараясь выяснить политические взгляды. В Майами Че окончательно решил, что жить в Аргентине не будет. Он намеревался после окончания университета отправиться в новое путешествие, может, в Европу, а может, в Индию или Китай.

Наконец двигатель самолета исправили, и 31 июля 1952 года Эрнесто Гевара приземлился в Буэнос-Айресе. Пассажир вновь намеревался как можно скорее покинуть этот город.

В своем дневнике Эрнесто отметил, что человек, написавший эти строки, умер, приземлившись на аргентинской земле. Он уже не тот, что раньше. Он изменился после поездки гораздо сильнее, чем сам ожидал.

К 1952 году Перон превратился из народного трибуна-популиста в «забронзовевшего» диктатора, главным советником которого была жена, бывшая актриса Эвита (Мария Эва Дуарте). Личный врач Эвиты стал председателем нижней палаты аргентинского парламента, а ее бывший охранник возглавил аргентинские профсоюзы. Брат Эвы «дорос» до личного секретаря президента. Мужья сестер «рулили» в Верховном суде и на таможне. При этом, чтобы не потерять симпатий «безрубашечников», супруга президента на людях скромно называла себя «товарищ Эвита». С помощью специально созданного фонда Эва занималась благотво-

рительностью, и ее популярность среди бедняков сильно выросла. После победы Перона на президентских выборах 1952 года ей был присвоен официальный титул «Духовного лидера нации». Но за пару дней до возвращения Эрнесто Гевары на родину, 26 июля 1952 года, Эвита скончалась в возрасте тридцати трех лет от рака матки. Ее тело было забальзамировано и выставлено для всеобщего обозрения до 1955 года.

Че претили как сам Перон, так и раздутый культ личности его жены. Прибыв в Буэнос-Айрес, он уже знал, что уедет из Аргентины. И чем раньше, тем лучше.

Между первым (уже совершенным) и вторым (пока еще будущим) путешествиями лежали 16 экзаменов в университете. Че поселился в доме тети Беатрис и с присущим ему упорством засел за учебники. Он хотел скорее получить диплом, чтобы тут же уехать. Была и еще одна причина для спешки — политическая. С 1954 года во всех аргентинских университетах планировали ввести обязательный предмет — хустисиализм. Так называлась официальная доктрина перонистского режима*. Че оставался непримиримым противником Перона и изучать эту дисциплину не собирался.

К тому же ему предстоял призыв в армию — опору диктаторского режима. Че, по воспоминаниям матери, не желал убивать время, совершая после призыва покупки для жены какого-нибудь лейтенанта. Тем более что политическая роль армии в родной Аргентине его решительно не устраивала. Он спровоцировал тяжелый приступ астмы, приняв холодный душ. Военно-врачебная комиссия признала его негодным.

Не держали Эрнесто на родине и дела сердечные. Когда он вернулся, Чичина была уже обручена с другим. Они виделись в октябре 1952 года (Че отдал ей приобретенную в Штатах шаль), потом еще в ноябре или декабре в Буэнос-Айресе, куда она приезжала. Бывшая невеста держала себя холодно и отстраненно. Но ни он, ни она еще не могли забыть о своей любви. Во время последней встречи в Малагеньо в начале 1953 года Эрнесто и Чичина неоднократно обменивались долгими грустными взглядами.

В ноябре 1952 года Че успешно сдал три предмета, а в декабре все остальные экзамены в университете за исключением одного, намеченного на апрель 1953-го.

---

* От испанского слова «хустисия» — справедливость.

В это время он работал в лаборатории известного аргентинского врача-аллерголога Сальвадора Пизани*. Причем работал с таким энтузиазмом, что доктор предложил ему постоянное место в лаборатории. Он даже упомянул своего ассистента в одной из научных статей. Все друзья и знакомые (включая родителей) считали, что Эрнесто сильно повезло. К тому же он мог работать над главной медицинской проблемой, которая его интересовала, — как победить астму.

Работал Эрнесто так же, как и жил, — без остатка, невзирая на опасность. Он едва не умер, когда решил испытать новый прибор на инфицированной живой ткани без защитного оборудования (оно должно было прибыть вместе с прибором, но запоздало, а Че не мог ждать). Отец случайно навестил сына и застал его в постели с очень высокой температурой. Он быстро вызвал доктора Пизани (который был в курсе опытов Че) и медсестру. Получив необходимую инъекцию, крайне ослабленный, Че тем не менее на следующий день предстал перед экзаменационной комиссией. А вскоре в офисе Эрнесто Гевары-старшего раздался телефонный звонок. Знакомый ироничный голос сына с притворной напыщенной торжественностью произнес: «Говорит доктор Эрнесто Гевара де ла Серна». Причем ударение было сделано на слове «доктор».

Но друзья и знакомые в тот период все же отмечали, что Эрнесто Гевара говорил в основном уже не о медицине или отвлеченной философии, а о необходимости объединить силы всей Латинской Америки для борьбы против «империализма янки».

Тем не менее для родителей стало неожиданностью, когда сразу после получения диплома врача Че сообщил, что опять отправляется путешествовать по Латинской Америке, на сей раз с другом детства Карлосом Феррером (друзья звали его Калика). Дом семьи Гевара на время превратился в походный лагерь. Шли бесконечные сборы, приходили и уходили друзья и знакомые. Надо было еще и собрать денег — Калика в отличие от Миаля не желал путешествовать в спартанских условиях, предпочитая мотоциклу или попуткам более комфортные поезда и автобусы.

Друзья собрали примерно 700 долларов. Калику назначили казначеем, и мать сшила ему специальный карман для

---

* Как уже упоминалось, Че, учась в университете, всегда работал. В лаборатории Пизани он начал трудиться еще до отъезда в первое большое путешествие.

денег на нижнем белье. Ироничный Че не преминул окрестить такую кассу «поясом верности».

День отъезда Че и Калики — 7 июля 1953 года — в Буэнос-Айресе был пасмурным и прохладным. Таким же было настроение и у Селии. Она сказала невестке, что теряет любимого старшего сына навсегда. Эрнесто был одет в полувоенную зеленую форму, и когда поезд тронулся, он несколько раз крикнул: «Смотрите, уезжает солдат [Латинской] Америки!» Отец тогда подумал, что ироничный Че просто рисуется. Но мать поняла, что у ее сына на душе. Она бежала за уходящим поездом, пока не закончилась платформа. Селия еще встретится с сыном, но не в Аргентине, а на Кубе, когда о ее дорогом Тэтэ узнает весь мир.

Таким образом, 7 июля 1953 года в 16.00 Эрнесто Гевара навсегда покинул родину.

Ехали в Боливию в вагоне второго класса, который, собственно, не подобал людям из таких знатных и уважаемых семей. Но Че прекрасно чувствовал себя на жестком сиденье в битком набитом вагоне. Там ехали местные крестьяне и боливийские гастарбайтеры, работавшие в богатой Аргентине. Постоянно бренчали гитары, раздавались песни, люди с аппетитом поглощали нехитрую дорожную снедь. Кстати, для Че вагон второго класса был удобен еще и тем, что там разрешалось есть собственную еду, и таким образом можно было сэкономить на провизии.

Багажа у Эрнесто и Калики было порядочно — родные накидали им в вагон уйму подарков (всего набралось 14 сумок и чемоданов). На боливийской границе по настоятельной просьбе Калики друзья пересели в вагон первого класса, который и довез их до Ла-Паса — фактической столицы Боливии*.

Когда-то Симон Боливар решил сделать из бывшего испанского Верхнего Перу образцовую просвещенную республику, которую и назвали его именем. Но к 1952 году эта страна была самой бедной в Южной Америке, хотя обладала крупнейшими в мире запасами олова. Но этим уникальность любимого детища Боливара не исчерпывалась. Боливия была еще и самым индейским по населению государством Южной Америки, при этом коренные жители не имели абсолютно никаких прав.

---

* Столицей Боливии был город Сукре, названный в честь освободителя страны от испанцев маршала Хосе Антонио Сукре. Но все правительственные учреждения находились в городе Ла-Пас («мир» по-испански).

Но Эрнесто Гевара хотел повидать Боливию не только из этих соображений. Начиная с 1952 года за обстановкой в этой стране следили не только все латиноамериканцы, но и Госдепартамент США. Писали об этой стране и советские газеты. Дело в том, что в апреле 1952 года в Боливии произошла революция, причем именно такая, какой представлял ее себе Че. То есть революция вооруженная.

Кризис в Боливии назревал давно. Великая депрессия 1929 года обвалила мировые цены на олово, а его экспорт был главным источником дохода не только для государства, но и для местных (естественно, белых по цвету кожи) «оловянных баронов».

Казалось, для Боливии забрезжил лучик счастья, когда в южной части страны — Чако — нашли запасы нефти. Но на эту территорию предъявил свои права Парагвай (граница в этой пустынной, безводной и заросшей труднопроходимым кустарником местности не была демаркирована). Чакская война 1932—1935 годов закончилась позорным поражением Боливии, хотя она превосходила Парагвай по населению в три раза. Не помогли Боливии и немецкие военные советники, в том числе «вождь» СА и личный друг Гитлера Эрнст Рем. Поражение было тем более унизительно, если учесть, что Боливию поддерживала американская нефтяная корпорация «Стандард ойл» (британская «Шелл» спонсировала Парагвай).

В 1940 году в Боливии была основана радикальная (на словах) партия Националистическое революционное движение (НРД). Ее возглавил отпрыск богатой семьи, участник Чакской войны Виктор Пас Эстенссоро. Партия требовала национализации месторождений олова и аграрной реформы. Несмотря на свой словесный радикализм, Эстенссоро успел поработать министром финансов (1941—1942), а потом стал одним из организаторов военного переворота 19 декабря 1943 года. Пришедший к власти майор Гуальберто Вильяроэль был явным поклонником Перона. Майор слыл ярым националистом, хотя его, как и Перона, многие считали национал-социалистом, с восторгом смотревшим в сторону Третьего рейха. США и Англия несколько месяцев не признавали военную хунту, считая, что в ее составе есть откровенно профашистские элементы.

Действительно, НРД Виктора Пас Эстенссоро поддерживало негласные контакты с нацистской агентурой, но главным образом для того, чтобы использовать Германию в качестве противовеса США.

Пас Эстенссоро был великолепным оратором, и он смог представить дипломатический бойкот США как свидетельство ориентированности нового военного правительства исключительно на национальные интересы. Попытки американцев добиться свержения националистического режима вызывали (как и в 1945 году в Аргентине) мощные народные демонстрации в поддержку властей. Опорой НРД стали шахтеры оловянных копей. В одной из деклараций шахтеров говорилось: «Мы не понимаем политики Соединенных Штатов в защиту режима эксплуататоров. США затягивают признание правительства, которое действительно представляет боливийский народ»[21].

Как и Перон в соседней Аргентине, военное правительство Боливии расширило права профсоюзов и провело пенсионную реформу. Рабочие быстро воспользовались своими политическими правами. В июне 1944 года прошел первый национальный конгресс шахтеров, на котором была создана Профсоюзная федерация горняков Боливии — ведущая организация боливийского пролетариата. В том же году состоялись второй съезд горняков, третий съезд железнодорожников, был создан профсоюз служащих банков. В марте 1946 года был созван третий съезд горняков. НРД заручилось и поддержкой индейского населения Боливии, которое требовало аграрной реформы.

Однако не дремала и олигархия, которая при поддержке американцев (опять-таки как в Аргентине) стала шумно выступать против «диктаторского» характера нового режима.

21 июля 1946 года толпа преподавателей, студентов и женщин (то есть «креативного» белого класса) окружила президентский дворец. Эти «спонтанные» демонстрации были организованы при помощи американской разведки, а финансировали все это действо «оловянные бароны».

Вильяроэль, находившийся внутри резиденции «Паласио кемадо»*, объявил о своей отставке, однако разъяренные оппозиционеры-«демократы» захватили оружие в арсенале и ворвались во дворец. В результате были убиты сам президент и некоторые его помощники. Тело Вильяроэля сбросили с балкона на площадь, где толпа подхватила его

---

* По-испански «Сожженный дворец». Название восходит к 20 марта 1875 года, когда толпа начала штурмовать здание, пытаясь свергнуть очередного президента. Но осознав, что дворец взять невозможно, восставшие его подожгли. В 1899 году дворец официально стал резиденцией президента Боливии.

и повесила на столбе. Возможно, людей вдохновила кинохроника смерти Муссолини, которую транслировали в стране незадолго до этого. Виктор Пас Эстенссоро эмигрировал в перонистскую Аргентину. Вильяроэля в стране стали называть «повешенным президентом», и он стал кумиром-мучеником народных масс.

Олигархия вернула себе власть, но ненадолго. В 1951 году НРД триумфально выиграло парламентские выборы. Однако «оловянные бароны» не хотели допускать к власти левых националистов. Была срочно сформирована очередная военная хунта. Но народ устал от господства олигархии. 11 апреля 1952 года в поддержку НРД выступили шахтеры, вооруженные охотничьими ружьями и динамитными шашками (благо динамита на оловянных шахтах было хоть отбавляй). В жестоких боях с армейскими подразделениями шахтеры одержали полную победу (погибли 490 человек). Это был первый случай в Латинской Америке (если не считать мексиканской революции 1910—1917 годов), когда вооруженный народ разгромил правительственную армию.

Победившие горняки сформировали временное правительство во главе с лидерами НРД Эрнаном Силесом Суасо и Хуаном Лечином, которое просто держало место для триумфального возвращения в политику Виктора Пас Эстенссоро. Люди простили ему, что в 1946 году он позорно укрылся в одном из посольств. Тогда на улицах Ла-Паса распевали песенку:

Движению конец —
Вильяроэль мертвец,
А Паса Эстенссоро
Тоже вздернут скоро.

В апреле 1952 года песенка была уже другой:

Кипит Движенье лавой,
Вильяроэлю слава,
А Пас Эстенссоро
У власти будет скоро.

Действительно Пас Эстенссоро стал президентом, и его правительство (называвшее себя «правительством национальной революции») провело в стране серьезные прогрессивные реформы. 21 июля 1952 года было введено всеобщее избирательное право (ранее избирательное право имели только грамотные граждане с доходом не менее 200 песо

в год). Отныне к избирательным участкам могло прийти индейское большинство страны, а также женщины. Если в 1951 году избирательное право имели 205 тысяч боливийцев (6,6 процента населения), то в 1956 году — 1 125 000. Заметим, что аргентинские женщины получили право голоса в 1951 году, а мексиканские — лишь в 1955-м.

Опираясь на поддержку профсоюзов, НРД создало Государственную горнорудную компанию (КОМИБОЛ) и 31 октября 1952 года национализировало оловянные рудники, ранее принадлежавшие трем крупным «оловянным баронам», а также ввело рабочий контроль на шахтах с правом вето на любые решения администрации. Лидер профсоюза горняков Хуан Лечин стал одновременно министром горнорудной промышленности в правительстве Пас Эстенссоро (они вместе подписали декрет о национализации). Именно Боливийский рабочий центр (БРЦ, так называлась единая боливийская профсоюзная организация, созданная 17 апреля 1952 года) был самым радикальным оплотом революции и постоянно требовал от правительства углубления прогрессивных преобразований.

Армия была распущена, и единственной вооруженной силой в стране стали шахтеры. Позднее армию все же воссоздали, но вместо былых 20 тысяч военнослужащих в Боливии осталось пять тысяч. 300 наиболее реакционных офицеров уволили. Если до революции на армию тратили 20 процентов бюджета, то в 1957 году — всего 6,7 процента.

Олигархия не сдавалась, и в январе 1953 года в Боливии была подавлена попытка правого переворота.

Вот в такую Боливию летом 1953 года ехал Эрнесто Гевара. Причем ехал воевать, и в этом смысле его прощальные слова в Буэнос-Айресе о «солдате [Латинской] Америки» отнюдь не были пустой бравадой. Дело в том, что на 2 августа 1953 года в Боливии было намечено провозглашение аграрной реформы, и вся страна ожидала неминуемого вооруженного мятежа «оловянных баронов» и помещиков-латифундистов при поддержке США. Воевать против мятежников на стороне революционного правительства и ехал в Боливию Эрнесто Гевара.

Ла-Пас — самая высокогорная столица мира — молодым аргентинцам очень понравился (они прибыли туда 11 июля 1953 года). Че назвал его Шанхаем Латинской Америки. Приглянулась Эрнесто и архитектура города с узкими (непривычными для Буэнос-Айреса) улочками.

Но главное было, конечно, не в архитектуре. В боливийской столице прямо-таки ощущалась революционная

атмосфера. То тут, то там проносились грузовики с вооруженными шахтерами в оранжевых касках. Пестро одетые индейцы требовали аграрной реформы, пикетируя правительственные учреждения.

На улице Ла-Паса Че и Калика случайно встретили молодого аргентинца Исайиса Ногуэса, который приехал в Боливию навестить своего отца — богатого сахарозаводчика из аргентинской провинции Тукуман. Как противник Перона, он был вынужден покинуть Аргентину. Правда, в отличие от Че Ногуэс оппонировал Перону не слева, а справа. Ногуэс, знавший семью Эрнесто (аргентинская аристократия была не очень многочисленной), пригласил молодых людей на ужин. Так Эрнесто и Калика стали вращаться в кругах богатой аргентинской антиперонистской эмиграции. Обычно молодые аргентинцы собирались в баре «Золотой петух» и оживленно обсуждали последние политические новости.

Вскоре Че и Калика близко сошлись с молодым и богатым аргентинским эмигрантом Рикардо Рохо. Тот уже обладал изрядным политическим опытом, будучи функционером оппозиционного Перону Гражданского радикального союза Аргентины. Этой же партии симпатизировали и родители Че. В Буэнос-Айресе Рохо арестовала полиция, и ему начали предъявлять обвинения в терроризме. Рохо грозил солидный тюремный срок, но он смог бежать и перебраться в Боливию.

Калика хотел как можно скорее покинуть скучную и бедную Боливию. Но Че уговорил его задержаться на месяц вместо запланированной недели. Он ждал контрреволюционного мятежа и был готов помочь революционному правительству даже с оружием в руках. Эрнесто постоянно встречался с боливийскими политиками, чтобы узнать побольше о том, что происходит в стране. Его даже видели стоящим в охране у президентского «Паласио кемадо».

Че встречался с лидером левого крыла НРД и вождем профсоюза шахтеров Хуаном Лечином. Лечин не только начинал свой путь с работы на шахте, но в молодости был довольно известным футболистом. Он стал лидером профсоюза в 1944 году и сохранял влияние на боливийское рабочее движение вплоть до 1987 года. В 1961—1964 годах занимал пост вице-президента Боливии.

Как вспоминал лидер боливийской компартии Марио Монхе, Че решил сам поработать на шахте по добыче олова. Его приняли на шахту «Больса негра» («Черный кошелек»)

недалеко от Ла-Паса. Таким образом, Че впервые столкнулся с тяжелым физическим трудом. Его поразила мизерная заработная плата — ведь шахтеры вроде были опорой революционного режима, причем опорой вооруженной. Долго Че на шахте не выдержал.

Поначалу Че был в восторге от боливийской революции. Он писал отцу 24 июля 1953 года: «...это интересная страна, которая как раз переживает очень непростое время. Второго августа будет начата аграрная реформа и ожидаются волнения и беспорядки во всей стране. Мы видели невероятные манифестации людей, вооруженных винтовками "маузер" и "пирипири"*, которые палили в воздух просто от радости. Каждый день сообщают об убитых и раненых.

Правительство, кажется, почти не в состоянии удерживать в рамках порядка массы крестьян и горняков, хотя они до известной меры и слушаются властей предержащих. И нет никаких сомнений, что в случае вооруженного мятежа фаланги — оппозиционной партии — массы будут на стороне НРД. Человеческая жизнь стоит здесь не слишком дорого, и ее даруют или отнимают без излишних церемоний. Для нейтрального наблюдателя ситуация очень интересна»[22].

Но нейтральным наблюдателем Че, конечно же, не был — в письмах он лишь хотел успокоить родителей, особенно мать. Эрнесто не скрывал презрения к боливийской оппозиции, обслуживавшей интересы пострадавшей от революции «оловянной» олигархии: «Так называемые "лучшие люди", люди с образованием, удивляются происходящему и ругаются, что индейцам** и "чоло"*** придается столько значения...»

Провозглашение аграрной реформы 2 августа 1953 года обошлось без попытки правого переворота. И только потому, что на защиту правительства в Ла-Пас прибыли грузовики с вооруженными шахтерами. Но уже в то время НРД старалось по возможности дистанцироваться от горняков (по принципу «мавр сделал свое дело — мавр может уйти») и наладить хорошие отношения с Вашингтоном. Настоящими революционерами лидеры НРД не были, и Че вскоре в этом убедился.

Благодаря непродолжительной работе на шахте Че понял, что, несмотря на национализацию, реальными хозя-

---

* Так в Боливии называли автоматы «томпсон».

** Индейцев-аймара в Боливии называли «койо».

*** Так в Латинской Америке презрительно называли метисов.

евами боливийского олова остаются американцы, диктовавшие мировые цены на олово, так же как на чилийскую медь. Эрнесто писал о шахте «Больса негра»: «Сегодня она одна поддерживает на плаву боливийскую экономику. И так как руду покупают американцы, правительство приказало нарастить добычу».

В июле 1953 года Боливию посетил специальный представитель президента США Милтон Эйзенхауэр, младший брат тогдашнего главы Белого дома. Лидеры НРД заверили эмиссара Вашингтона, что с радикализмом первого года революции покончено, а американским интересам в стране ничто не угрожает. В свою очередь, Милтон сообщил брату, что режим НРД надо поддерживать, иначе его свергнет народ, и в Ла-Пасе у власти окажутся настоящие левые. Именно такой подход был зафиксирован в американском документе «Оперативный план по отношению к Боливии»[23].

Че мечтал хоть как-то помочь боливийской революции, а главной темой в то время была аграрная реформа. Для ее проведения НРД создало министерство сельского хозяйства, во главе которого встал один из лидеров партии Ньюфло Чавес (в 1956—1957 годах — вице-президент Боливии). Че с Каликой решили посетить Чавеса и предложить ему свои услуги. В министерстве толпились индейские делегации в национальных одеждах и во главе со своими вождями (касиками). Эрнесто был потрясен, когда увидел, как служащие «революционного» министерства методично опрыскивают индейцев дустом, а те спокойно это выносят. Че стал возмущаться, но чиновники объяснили ему, что защищают ковры и занавески своего ведомства от вшей, которые могут занести посетители. Когда аргентинцы вышли из министерства на улицу, они еще не раз видели индейцев, меланхолично бредущих по столице своей «революционной» страны с обсыпанными дустом головами.

Че невольно сопоставлял полные решимости лица шахтеров и апатичные, усталые, равнодушные лица крестьян-индейцев. Такие же лица он увидит и через 14 лет.

Калика воспринял весь этот ужас нормально, а Че записал: «Ну и что это за революция? Власти предержащие дезинфицируют людей дустом, чтобы избавить их временно от вшей, но не решают коренных проблем, которые и ведут к распространению насекомых-паразитов»[24]. Действительно, в чем же были виноваты индейцы, в селениях которых не было не то что горячей, но и вообще нормаль-

ной воды? Да и врачей они никогда в жизни не видели. «Эта революция, — пророчески писал Че, — неизбежно потерпит поражение, если она не пробьется к индейцам через стену духовной изоляции... и не вернет им их статус человеческой личности. А иначе зачем нужна такая революция?»

Но коренному населению Боливии пришлось ждать еще 50 лет, пока власти обратят на них внимание. И случится это лишь тогда, когда индеец впервые станет президентом Боливии — в 2005 году Эво Моралес, лидер партии «Движение к социализму» выиграл выборы. В 1967 году, когда Че погиб в Боливии, Эво было всего лишь восемь лет и в его семье постоянно недоедали. Глава государства так вспоминал о своем детстве: «В нашем доме единственное, что было, так это мешок кукурузы. Из нее моя мама готовила нам и завтрак, и обед, и ужин. По праздникам она давала нам немного вяленого мяса»[25]. На десерт у Эво были апельсиновые корки, которые кидали голодной детворе туристы с проезжавших мимо автобусов.

Че не знал, что Милтон Эйзенхауэр «разрешил» НРД провести аграрную реформу, заметив, что не считает эту меру «коммунистической». Наоборот, мол, прежняя феодальная система землевладения была якобы ближе коммунизму, чем то, что хотели сделать в деревне боливийские власти[26].

Пока Милтон Эйзенхауэр вел с Пас Эстенссоро доверительные переговоры, боливийские горняки клялись лидерам НРД, что защитят их от американского вторжения.

В письме Тите Инфанте Че дал очень тонкий анализ боливийской правящей партии:

«Националистическое революционное движение — это конгломерат трех более или менее четко очерченных тенденций. Правая из них воплощается Силесом Суасо — это вице-президент и герой революции. Центр представлен Пас Эстенссоро — более скользким, но, вероятно, столь же правым. Левые — это Хуан Лечин, видимый вождь серьезного революционного движения, однако на личном уровне это выскочка, бабник и скандалист. Вероятно, что власть окажется в руках группы Лечина. У нее твердая поддержка вооруженных шахтеров, но сопротивление со стороны коллег по правительству серьезно, особенно сейчас, когда хотят воссоздать армию»[27].

Конечно, Че еще не знал, ему не только будет суждено вернуться в Боливию, но и погибнуть в этой стране. Он чрезмерно переоценил революционный потенциал боли-

вийского пролетариата, и эта ошибка стоила ему жизни. В письме Тите Инфанте из Лимы (от сентября 1953 года) он писал: «Боливия — это страна, которая являет собой действительно важный пример для [Латинской] Америки... Здешние революции делаются не так, как в Буэнос-Айресе*... правительство опирается на поддержку вооруженного народа, поэтому нет возможности свергнуть его вооруженным мятежом при поддержке из-за границы; революция может только рухнуть из-за внутренней борьбы»[28].

Пока Че был в Боливии, в мире произошло много важных событий, некоторые из них коренным образом впоследствии изменят жизнь Эрнесто Гевары. 27 июля 1953 года окончилась кровопролитная корейская война, в которой участвовали и СССР, и США. Только советский атомный «зонтик» спас тогда Китай от американского ядерного удара, а мир — от третьей мировой войны. 12 августа 1953 года американцы были поражены известием об испытании советской водородной бомбы — они никак не ожидали, что «отсталые» русские смогут сделать ее так быстро.

Гораздо меньше внимания в мире уделили событиям, произошедшим 26 июля 1953 года на Кубе. Там группа молодых людей под руководством юриста Фиделя Кастро совершила нападение на казармы правительственных войск диктатора Батисты. Нападение было довольно легко отбито, много молодых людей погибли, а Фидель оказался в тюрьме, где начал отбывать пятнадцатилетний срок. Казалось, что эти события не будут иметь никакого значения не только для мира, но и для самой Кубы.

Тем временем Че с Каликой получили в Боливии венесуэльскую визу, и Че решил ехать в эту страну, куда его звал Альберто Гранадо. Он работал в Венесуэле врачом лепрозория и получал солидную зарплату 800 долларов в месяц. Похоже, что преданная боссами НРД боливийская революция в помощи молодого аргентинца пока не нуждалась.

Перед тем как в середине августа 1953 года отправиться в Перу, Че, не растерявший страстного увлечения археологией, уговорил Калику посетить старинные индейские храмы на озере Титикака. Храм Солнца — жемчужина древней цивилизации — находился на острове, и друзья наняли лодку с гребцом-индейцем. Неожиданно на озере поднялись

---

* Че имел в виду, что в Аргентине так называемые «революции» носят характер верхушечных переворотов, после которых меняются лишь люди в президентском дворце, но олигархия бессменно остается у кормила власти.

сильные волны и обратно истощенный индеец грести уже не мог. Пришлось сесть за весла самим путешественникам. Они гребли без устали (волны становились все сильнее, лодка каждую минуту могла перевернуться) и пристали к берегу с кровавыми мозолями.

На перуанской границе (город Пуно) Че убедился, что попал из царства боливийской революции (во многом призрачной) в царство перуанской реакции (вполне настоящей).

В то время в Перу железной рукой правил типичный проамериканский диктатор (в Латинской Америке их прозвали «гориллами») генерал Мануэль Одриа. В Латинской Америке Одриа многие сравнивали с Пероном. Генерал давил все левые силы, но не брезговал и популизмом для привлечения симпатий со стороны наиболее обездоленных масс. Хорошая внешнеэкономическая конъюнктура* позволила диктатору развернуть целую систему общественных работ — строились школы, дороги и больницы (прежде всего в родном городе президента Тарма). Одриа полагал, что его социальные подачки вполне могут оправдать в глазах населения дикую коррупцию и ограничение политических прав и свобод.

На границе перуанские таможенники конфисковали у Эрнесто Гевары две «подозрительные» книги. Одна была информационной брошюрой боливийского министерства сельского хозяйства об аграрной реформе — а все, что шло из Боливии, уже само по себе было для режима Одриа очень подозрительно. Другая же книга не могла попасть в Перу просто исходя из названия — «Человек в Советском Союзе». Че начал громко протестовать, и пограничники вообще засомневались, стоит ли пускать его в страну. Да и вообще молодой человек с тяжеленным чемоданом, полным книг, вызывал подозрение. В конце концов бурная словесная перепалка привела к определенному компромиссу — таможенники обещали переслать книги в Лиму, и там их должны были вернуть хозяину.

В знак протеста Че заявил на вокзале, что хочет ехать дальше в Куско в вагоне второго класса. Клерк в билетной кассе решил, что сеньоры из Аргентины (не забудем, что Аргентина была тогда самой богатой страной Латинской Америки) чего-то не понимают в перуанской действитель-

---

* Перу экспортировало хлопок, сахар, цветные металлы. Шла война в Корее, и американцы охотно все это закупали.

ности. Это же опасно — ехать в одном вагоне с грязными индейцами! Тем более что и сам вагон был абсолютно таким же, как и для перевозки скота. К тому же служащие на станциях иногда забывают открывать вагон и проехавшим дальше не по своей воле пассажирам приходится возвращаться пешком обратно. Клерк продолжал настаивать (как он думал, из благих побуждений) на невозможности для уважающих себя белых людей ездить в вагоне, где путешествуют только коровы и «эти индейцы». На сторону клерка стали и некие «джентльмены», которые стояли рядом и тоже хотели приобрести билеты. Терпение Че, возмущенного таким свинским отношением к коренному населению и потомкам славных инков, иссякло и он закричал на служащего: «Черт подери, хватит! Мы хотим ехать именно так!»[29] Вдруг один из стоявших рядом «доброжелателей» вытащил из кармана полицейское удостоверение. Че с Каликой сочли благоразумным больше не препираться (в Перу времен Одриа это могло плохо кончиться) и отказались от «подозрительной» поездки вторым классом. Полицейских удалось задобрить, пригласив их выпить пару стаканчиков в местном баре.

Всем своим поведением Че показывал, что ни в малейшей мере не хочет ставить себя выше обездоленного коренного населения. Был характерен следующий эпизод. К перуанской границе им с Каликой пришлось идти несколько километров пешком, и они наняли индейца-носильщика (истощенного, как и все его собратья), чтобы нести тяжелый чемодан с книгами. Индеец несколько раз ронял чемодан и с испугом посматривал на своего «работодателя». Но Че подхватывал чемодан и улыбался. Затем он начал так заразительно и искренне смеяться, что стал хохотать и носильщик. Ему было так весело, что он упал на землю и в прямом смысле покатывался со смеху. Калика вспоминал, что тогда они впервые видели веселого индейца.

Как-то, еще в Боливии, Че купил в придорожной забегаловке банку сардин. Когда ее открыли, оттуда фонтаном забило масло. Калика отказался есть такие потенциально ядовитые консервы, а Че вместе с индейцем-носильщиком с огромным аппетитом съели всю банку.

Вообще Че был в еде крайне непритязателен и ел все, что попадалось под руку. Если удавалось угоститься бесплатно, то он под смех окружающих жадно поглощал огромное количество еды «впрок». Себя в такие моменты он иронично сравнивал с верблюдом. Мол, этот «корабль пустыни» тоже

напивается про запас. Если еды (или, точнее, денег) не было, Че мог несколько дней обходиться «подкожными запасами».

В Куско Че с восторгом погрузился в свои мечты времен первого путешествия с Альберто Гранадо — о восстании коренного населения и о социальной революции. Калика ко всему этому относился более чем прохладно и всякий раз ругался, наступая на улицах бывшей столицы империи инков на мусор. Че писал матери: «Вместо того чтобы смотреть на небо или на прекрасные соборы, он взирал на свои грязные ботинки. Вместо того чтобы впитывать в себя саму суть всего окружавшего нас и говорящую саму за себя драматическую историю [инков], он лишь унюхивает тухлятину и дерьмо; это вопрос философского восприятия»[30].

О политических впечатлениях Че писал Тите Инфанте: «В целом мне кажется, что американское доминирование не принесло Перу даже такого фиктивного финансового благополучия, которое можно, например, заметить в Венесуэле»[31].

После Куско Че посетил свой любимый затерянный Мачу-Пикчу (на Калику затерянный город столь мощного впечатления не произвел), и друзья отправились в Лиму. Там Че опять встретился со своим духовным учителем врачом-коммунистом Песче. В перуанской столице с будущим команданте произошел забавный эпизод. Аргентинцы познакомились с местным тореадором, и в день, когда тот готовился блистать на арене, Че шутки ради надел его шляпу. Тореадор закричал от ужаса и объявил, что теперь на схватку с быком не выйдет: ведь шляпа на чужой голове — плохая примета.

Из Лимы Че с Каликой (деньги у них были на исходе) двинулись на автобусе на север, в сторону Эквадора. Видимо, Че, разочаровавшийся в боливийской революции, был готов последовать совету Альберто Гранадо и начать работать в его лепрозории в Венесуэле. 2 октября 1953 года путешественники прибыли в эквадорский порт Гуаякиль, который показался им самым скучным городом на земле. Вся жизнь здесь начиналась с прибытием какого-нибудь корабля, вывозившего знаменитые эквадорские бананы. Тропический климат Гуаякиля вызвал у Че новые приступы астмы, и он мечтал как можно скорее двинуться дальше.

В Эквадоре Эрнесто с Каликой встретили своего боливийского знакомого Рикардо Рохо с тремя друзьями-аргентинцами. Вшестером они сняли дешевый пансион и проводили дни, споря и поглощая литрами любимый мате.

Калика намеревался ехать в Венесуэлу, а Че под влиянием новых знакомых захотелось увидеть Гватемалу, где, как и в Боливии, разворачивалась масштабная революция. Это означало почти стопроцентную интервенцию США, и Эрнесто Гевара получал возможность скрестить шпаги с американским империализмом. 22 октября 1953 года Че написал матери (в письмах он ласково называл ее «моя старушка», как Есенин), что принял решение ехать в Гватемалу.

Очень вероятно, что помимо революции Че влекла в эту страну таинственная цивилизация майя, которая по уровню развития могла соперничать с инками. А страсть Эрнесто к древним американским цивилизациям отнюдь не угасла.

Попасть в Гватемалу легче всего было на попутном корабле, идущем в Панаму. Но для этого была нужна панамская виза, а чтобы ее получить, надо было предъявить билет на пароход. Разорвать этот заколдованный круг для Че было непросто — денег у него не осталось, и он начал продавать остатки своего некогда солидного багажа. Пришлось даже «толкнуть» костюм, подаренный по случаю получения диплома. Неприкосновенными были только книги. Эрнесто мучили приступы астмы, а долги молодых аргентинцев за проживание в пансионе постоянно росли, хотя хозяйка Мария Луиза проявляла к постояльцам поистине королевское великодушие.

К 24 октября панамскую визу все же удалось получить, а один из аргентинцев, Эндрю Эррера (Андро), вызвался остаться в пансионе в качестве заложника. Он будет работать, постепенно погасит долги и присоединится к друзьям в Гватемале. Последние же пришлют ему оттуда денег. Эрнесто на это ответил, что остаться должен он, так как он приехал в пансион последним. Но Андро стоял на своем: один из его знакомых, служащий солидного отеля, изъявил готовность погасить все долги, если тот станет на него работать.

Андро жил в Гуаякиле несколько месяцев, держась на плаву случайными заработками (например, выступая в цирке). Калика добрался до Венесуэлы, нашел там Альберто Гранадо и получил хорошее место, оставшись в этой стране почти на десять лет. Ни Андро, ни Калика больше никогда не встречались с Эрнесто Геварой.

31 октября 1953 года Эрнесто с аргентинцем Эдуардо Гарсиа (Гуало) на корабле американской банановой компании «Юнайтед фрут» отплыли из Эквадора. «Юнайтед

фрут» именовали в Латинской Америке то «зеленым чудовищем» (или «спрутом), то «мамитой Юнай». Компания держала в своих руках не только Эквадор, но и почти все страны Центральной Америки, за которыми именно поэтому закрепилось обидное, но верное название «банановых республик». Если какое-нибудь правительство проявляло по отношению к «мамите» излишнюю самостоятельность, то к делу немедленно подключался Госдепартамент США. Ну а если и этого оказывалось мало (Че вскоре будет суждено убедиться в этом в Гватемале), то убеждать в неоспоримых преимуществах дружбы с «зеленым спрутом» начинала американская морская пехота.

Панама была еще более несчастной страной, даже по сравнению с «банановыми республиками». Ее создали американцы в 1903 году, оторвав кусок территории Колумбии. Просто в Вашингтоне очень хотели прорыть канал между Атлантическим и Тихим океанами именно в этом месте, а власти Колумбии оказались несговорчивыми. Даже первый флаг Панамы вышила собственными руками супруга американского консула. «Независимая» Панама немедленно передала США все права на зону канала, который торжественно открылся в 1914 году. Естественно, что для «защиты» канала США ввели в Панаму войска, превосходившие своей боевой мощью не только эмбриональную панамскую армию, но и все вместе взятые вооруженные силы «банановых республик».

Позднее в зоне Панамского канала разместилось командование вооруженных сил США в Латинской Америке. Там учили военных-посланцев от дружественных Вашингтону диктаторских режимов бороться с партизанами и коммунистами. Причем коммунистами считались все, кто по тем или иным соображениям не нравился американцам.

В Панаме Че и Гуало напрасно прождали своих друзей по Гуаякилю. Деньги и терпение закончились, и они отправились в соседнюю Коста-Рику.

Коста-Рика (в переводе с испанского «Богатый берег») была действительно самой богатой страной Центральной Америки, только источником ее доходов были не бананы, а более дорогостоящий кофе. Правда, монокультурность экономики Коста-Рики от этого не стала лучше, чем в «медной» Чили или «банановом» Эквадоре.

В политическом отношении в 1953 году Коста-Рика стояла в Латинской Америке особняком. Почти во всех странах Западного полушария царили жестокие проамериканские

военные диктатуры, а Коста-Рика с 1948 года имела имидж оазиса демократии практически европейского образца.

В 1948 году президент Коста-Рики Рафаэль Анхель Кальдерон Гуардия отказался признать свое поражение на выборах, и против него вспыхнуло народное восстание. Его возглавил Хосе (Пепе) Фигерес. Началась настоящая гражданская война, в которую вмешались войска соседнего никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы. Но при посредничестве Мексики удалось добиться прекращения кровопролития, и войска Фигереса вошли в столицу страны Сан-Хосе. За 44 дня войны погибли более двух тысяч костариканцев.

Фигерес распустил армию, ввел 10-процентный налог на частный капитал, направив полученные доходы на социальные нужды. Политические права впервые в истории получили женщины и чернокожие жители, родившиеся в Коста-Рике. Себя Фигерес позиционировал как «отца латиноамериканской демократии», предоставив политическое убежище эмигрантам из стран с реакционными диктаторскими режимами (например, из Доминиканской Республики и Венесуэлы).

В Вашингтоне на Пепе взирали с симпатией, несмотря на жалобы «американских сукиных сынов» вроде никарагуанского Сомосы или доминиканского Трухильо. Дело в том, что Фигерес был не только образцово-показательным «демократом», но и ярым антикоммунистом. Он разогнал левые профсоюзы и запретил компартию*. Многим коммунистам пришлось уехать в эмиграцию, чтобы не попасть в «демократической» Коста-Рике за решетку.

В стране «рулила» кофейная олигархия, кофейным бизнесом занимался и сам Фигерес (занимал пост президента с 1953 по 1958 год). Ему очень понравился оборотистый коста-риканский коммерсант Теодоро Кастро, обосновавшийся в Италии. Кастро ловко помогал сбывать в Европе партии кофе, и в 1952 году его сделали послом Коста-Рики в Италии (по совместительству в Ватикане и Югославии). Антикоммунист Пепе Фигерес, наверное, лишился бы чувств, если бы узнал, что под именем Теодоро Кастро скрывается советский разведчик-нелегал Иосиф Григулевич, участник покушения на Троцкого в 1940 году.

Американцы всячески пропагандировали «коста-риканскую модель» антикоммунистической, но одновременно

---

* Народный авангард Коста-Рики.

вроде бы и демократической страны без всякого засилья реакционных генералов. При посредничестве Вашингтона Фигересу удалось договориться даже с «мамитой Юнай», которая милостиво решила уступить коста-риканскому правительству треть своей прибыли. В Коста-Рике была осуществлена национализация школ и больниц, принадлежащих этой компании. При Фигересе активно развивалось перерабатывающее производство: строились зернохранилища, мукомольные предприятия, заводы удобрений, морозильные установки для замораживания рыбы и мясокомбинаты. При этом оказывалось содействие притоку в Коста-Рику иностранного капитала.

А вот молодого аргентинца Эрнесто Гевару витрина «латиноамериканской демократии» (Коста-Рику в западных СМИ величали «латиноамериканской Швейцарией») не обманула. 10 декабря 1953 года он писал из Сан-Хосе тете: «...у меня была возможность пересечь владения "Юнайтед фрут", и я еще раз убедился, насколько ужасны эти капиталисты. Я поклялся перед портретом старого и столь много оплакиваемого товарища Сталина, что я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу крах этих капиталистов. Я улучшу свои навыки в Гватемале и добьюсь того, чего мне пока не хватает, чтобы стать настоящим революционером...» На плантациях «Юнайтед фрут» Че возмутило то, что зоны проживания американских менеджеров и местных рабочих были строго разделены. Причем гринго, ясное дело, жили намного комфортнее. Как врач Че посетил больницу компании: «Приятный дом, в котором можно получить хорошее медицинское обслуживание». Но удастся ли его получить, всецело зависит от классовой принадлежности работников компании. Как всегда, здесь тоже видно классовое мышление гринго.

Письмо тете, далекой от коммунистических убеждений, заканчивалось в привычном для Че ироничном тоне: «Прими объятия и поцелуй от племянника, человека с железным здоровьем, пустым желудком и светлой верой в социалистическое будущее»[32].

Фигерес поначалу приютил в Коста-Рике эмигрантскую организацию «Карибский легион», объединяющую эмигрантов, пытавшихся вооруженным путем свергнуть диктаторские режимы Центральной Америки и Карибского бассейна, особенно диктатуру Рафаэля Трухильо в Доминиканской Республике. Американцам это не понравилось, и Пепе свернул деятельность легиона, превратившегося в

Коста-Рике в безобидный кружок философствующих политэмигрантов.

В Сан-Хосе Эрнесто Гевара познакомился с одним из лидеров «Карибского легиона», вождем доминиканской эмиграции писателем Хуаном Бошем. Как и Фигерес, Бош считал себя левым реформатором и при этом твердым антикоммунистом. На Боша (человека в Латинской Америке очень известного) произвели большое впечатление знания молодого аргентинца и его искреннее стремление улучшить социально-экономическое положение миллионов униженных и оскорбленных в Латинской Америке.

Самому Бошу его показной антикоммунизм не помог. После убийства доминиканского диктатора Трухильо, организованного ЦРУ в мае 1961 года*, Бош в декабре 1962 года был избран президентом Доминиканской Республики. Его робкие попытки реформ «а-ля Фигерес» вызвали недовольство никуда не девшейся трухильистской олигархии, и уже в сентябре 1963 года Бош был свергнут в результате военного переворота при поддержке все того же ЦРУ. Когда же демократически настроенные военные в апреле 1965 года произвели контрпереворот и провозгласили восстановление Боша на своем посту (повстанцы назвали свое движение «конституционалистским»), американцы просто не выпустили Боша из Пуэрто-Рико, где тот жил в эмиграции. Вместо Боша в Доминиканскую Республику прибыли 42 тысячи американских военных, раздавивших народное сопротивление.

Че описал Боша как «начитанного человека с ясными взглядами и левыми убеждениями», с которым можно говорить «только о политике, но никак не о литературе», который считает кубинского диктатора Батисту «гангстером, окружившим себя гангстерами».

Помимо Боша Че несколько раз встречался в Сан-Хосе с лидером венесуэльских реформистов Ромуло Бетанкуром. Тот одно время был членом венесуэльской компартии, но еще до Второй мировой войны сделался убежденным антикоммунистом. В 1941 году он основал левую националистическую партию «Демократическое действие», и в октябре 1945 года путем военного переворота «демократ» Бетанкур пришел к власти. Были проведены прогрессивные рефор-

---

* Пришедший к власти в Белом доме в январе 1961 года Джон Кеннеди принял решение избавиться от наиболее одиозных диктаторов Западного полушария. Своим существованием они мешали ему вести действенную пропаганду против «диктаторской» Кубы.

мы, но, как и Фигерес, он лелеял в стране американские компании (нефтяные), всячески противясь требованиям национализировать их. Американцев, как и в Коста-Рике, просто пригласили поделиться прибылями. Однако тем это не понравилось, и в 1948 году Бетанкур потерял власть в результате военного переворота. Сначала «реформатор» обосновался в Нью-Йорке и постоянно (хотя и бесплодно) убеждал госдепартамент, что именно он и его партия смогут наилучшим способом оградить интересы американских нефтяных монополий в Венесуэле от коммунистов.

В 1950 году Бетанкур переехал на Кубу, но после переворота Фульхенсио Батисты в апреле 1952 года ему пришлось скрываться в гватемальском посольстве. Именно оттуда он и направился к своему другу Пепе Фигересу в Коста-Рику, где прожил до 1954 года. Позднее, как и Бош, Бетанкур жил в Пуэрто-Рико в доме с видом на пляж и пописывал мемуары.

Интересно, что, как и Че, Бетанкур в 1953 году посетил Боливию. Там он встречался с президентом Пас Эстенссоро, который ему симпатизировал.

Когда в Сан-Хосе известный всему миру Бетанкур встретился с никому еще не известным аргентинцем Эрнесто Геварой, он, конечно, не предполагал, что снова станет президентом Венесуэлы и уже известный всему миру команданте Че Гевара будет помогать венесуэльским левым партизанам его свергнуть.

В Сан-Хосе Че впервые в жизни познакомился с лидером коммунистической партии. Его принял Мануэль Мора Вальверде, который происходил из довольно обеспеченной семьи и смог выучиться на адвоката. Но, как и Эрнесто Гевара, он пренебрег карьерой ради защиты интересов неимущих. В 1931 году Мора стал одним из основателей коста-риканской Партии рабочих и крестьян* и спустя два года был избран от нее в парламент, занимая депутатское кресло до 1948 года. После «триумфа» демократии и запре-

---

* Это была коммунистическая партия, которая с 1943 года называлась «Народный авангард Коста-Рики». В то время слово «коммунистический» убрали из своих названий все коммунистические партии Западного полушария. Это было сделано по указанию Сталина, который рассчитывал на длительное послевоенное сотрудничество СССР и США и не хотел злить американцев, особенно в «их» Западном полушарии. Компартия США вообще была распущена в 1944 году, и ее руководство призвало бывших коммунистов вступить в Демократическую партию и поддержать на выборах Ф. Д. Рузвельта.

та компартии в 1948 году Мора жил в эмиграции в Мексике до 1950 года. Забегая вперед, отметим, что в 1970 году генеральный секретарь партии «Народный авангард Коста-Рики» Мора Вальверде по просьбе производителей кофе Коста-Рики ездил в Москву, где добился выгодных условий для экспорта коста-риканского кофе в Советский Союз.

Под впечатлением личных встреч Че отмечал различия между коммунистом Мора Вальверде и антикоммунистом Ромуло Бетанкуром: «Мы встретились с Мануэлем Мора Вальверде. Это спокойный, очень серьезный человек. Он дал нам прекрасные разъяснения относительно нынешней политической ситуации в Коста-Рике. Наша встреча с Ромуло Бетанкуром никак не напоминала урок истории, преподанный нам Морой. Бетанкур произвел на нас впечатление политика с небольшим количеством солидных социальных идей в голове. В остальном он легко колеблется и поворачивается в зависимости от направления господствующего ветра»[33].

Лучше, пожалуй, о Бетанкуре и не скажешь.

Особенно возмущали Че антисоветские и проамериканские взгляды «левого реформатора» Бетанкура. Молодой аргентинец прямо спросил маститого политика, на чьей стороне он будет в случае начала войны между СССР и США. Бетанкур «выбрал» Америку, после чего Че в глаза назвал его предателем. Для 25-летнего Эрнесто Гевары вопрос был ясен — он уже тогда считал Советский Союз своей идеологической родиной.

В Пепе Фигересе Че тоже не устраивала его сервильность по отношению к США. Эрнесто писал: «Если Фигерес излечится от своей веры в сочувствие американского Госдепартамента, то мы окажемся перед проблемой: будет он бороться или нет?»[34]

В Коста-Рике Че впервые встретился с кубинскими эмигрантами. Каликсто Гарсиа и Северино Россель участвовали в нападении на казармы Монкада 26 июля 1953 года. Они были полны оптимизма и уверены, что кубинская революция отнюдь не закончилась, а лишь вступила в решающую фазу. Поначалу Че отнесся ко всему услышанному скептически. Как мы помним, он любил риск, но только такой, который давал осязаемые шансы на победу. Кубинцев он счел романтиками, если не фантазерами. Ведь у кубинского диктатора Батисты была сорокатысячная прекрасно вооруженная американцами армия и очень неплохая с профессиональной точки зрения тайная полиция. Американцы ак-

тивно инвестировали на Кубе и закупали кубинский сахар по ценам выше мировых. Это давало Батисте необходимые средства не только на поддержание репрессивного аппарата, но и на социальные подачки рабочим. Казалось, что кучка пусть и отчаянно храбрых молодых людей не может бросить Батисте серьезный вызов.

Однако оптимизм кубинцев и их настрой не на болтовню в кафе, а на решительные действия не могли не произвести на Че благоприятного впечатления. Тем более все это импонировало на фоне беззубого и осторожного реформизма в Коста-Рике времен Пепе Фигереса.

Из Коста-Рики Че с Гуало на перекладных отправились к никарагуанской границе, причем километров пятьдесят пришлось идти пешком. Так называемое Панамериканское шоссе на поверку оказалось существующим только на картах. Даже реки приходилось форсировать вброд. На никарагуанской границе друзья целый день ждали какую-нибудь попутную машину. Когда они уже потеряли надежду, возле них затормозила машина с номерами Бостонского университета, откуда высовывалась улыбающаяся физиономия Рикардо Рохо. Он ехал из Никарагуа в Коста-Рику с аргентинцами братьями Бебераджи Альенде. Они хотели продать свою машину где-нибудь в Южной Америке. Узнав, что дороги плохие, друзья отметили свою неожиданную встречу барбекю и решили ехать обратно. В конце концов, машину ведь можно было продать и в Гватемале.

Никарагуа Че презрительно называл «поместьем Тачо». Тачо («подонок», «ублюдок») называли в народе никарагуанского диктатора Анастасио Сомосу. Свое «почетное» прозвище диктатор заслужил после того, как приказал в 1934 году убить национального героя Никарагуа Аугусто Сандино, который был известен в мире под куда более добрым именем — «Генерал свободных людей». Под его руководством никарагуанские рабочие и крестьяне изгнали из страны американскую морскую пехоту.

Именно Сомосу, по некоторым данным, Рузвельт назвал «нашим сукиным сыном». Тачо действительно прибрал к рукам всю экономику Никарагуа, превратив страну в свое поместье. Уже в 1940-е годы он считался одним из самых богатых людей в мире. Но американцы прощали этому «голубому воришке» все шалости. Ведь Сомоса соперничал с доминиканским диктатором Трухильо за негласное звание первого антикоммуниста Западного полушария. Он даже запретил в Никарагуа сюрреализм как «коммунистическое

искусство». Сомоса не только пытался в 1948 году подавить левые силы в Коста-Рике, но и охотно предоставил свою страну ЦРУ для организации вторжения в Гватемалу.

Неудивительно, что у Че не было никакого желания задерживаться в «поместье Тачо». Когда Эрнесто попал в никарагуанскую столицу Манагуа, он нашел там на свое имя «глупую» (по мнению Че) телеграмму отца, в которой предлагалось выслать ему денег. Че писал матери:

«Я думаю, вы должны знать, что, даже если я буду при смерти, я не попрошу у вас денег, и если вы не получите от меня письма, просто будьте терпеливы и ждите — иногда у меня нет денег даже на почтовые марки, но дела у меня все же идут хорошо, и я всегда выкарабкаюсь. Если же вы все-таки волнуетесь, то просто возьмите деньги, которые вы собирались потратить на телеграмму, и выпейте или устройте что-нибудь в этом духе, но с данного момента я не буду отвечать на телеграммы подобного толка»[35].

С 20 долларами в кармане Че, Гуало и один из братьев Бебераджи выехали в Гватемалу, куда прибыли 24 декабря 1953 года.

Глава вторая

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА. ГВАТЕМАЛА (1953—1954)

А поверженный, ты видишь, не глядя, слышишь, не слушая, чувствуешь, не ощущая, разговариваешь безмолвно, осужденный на молчание, кровь твоих ран — твой вопль.

Мигель Анхель Астуриас

Когда Эрнесто Гевара в декабре 1953 года прибыл в столицу Гватемалы (город с таким же названием), у него в кармане было всего два доллара, но его это нисколько не смущало. Он писал родителям, что без проблем рассчитывает на место врача-аллерголога в революционной, но бедной Гватемале, где таких врачей нет вообще. Когда он начнет лечить бедных людей, то сбудется его высшее предназначение — конкретными делами хотя бы чуточку улучшать жизнь на земле.

Но главное, Че надеялся увидеть в Гватемале настоящую, а не половинчатую революцию типа боливийской. И если потребуется, он готов защищать эту революцию с оружием в руках. От кого — понятно, ведь американцы не могли терпеть в своем «мягком подбрюшье» никаких социальных экспериментов.

В конце 1953 года стало ясным, что удар США против гватемальской революции является лишь вопросом времени, причем не столь отдаленного.

Революция в Гватемале была вызвана отнюдь не происками мирового коммунизма, как твердили в Вашингтоне, а правлением в 1931—1944 годах жестокого диктатора Хорхе Убико. О его политическом кредо говорит хотя бы тот факт, что его называли «латиноамериканским Муссолини». Но этот деспот вполне устраивал американцев, так как в 1936 году бесплатно передал «Юнайтед фрут» гватемальскую землю и вообще не скупился на выделение концессий для компаний из США. Например, та же «Юнайтед фрут» получала концессии на 99 лет и полностью освобождалась на это время от налогов (!).

Американцам импонировало и то, что Убико разогнал все профсоюзы и запретил забастовки. Всем, кто самоволь-

но покидал плантации той же «Юнайтед фрут», грозили принудительные работы сроком до 180 дней. В 1944 году диктатор разрешил частным собственникам расстреливать без суда любого, кто оказывался на их территории.

Убико был откровенным расистом и презирал коренное население собственной страны. Если «мамите Юнай» требовался очередной земельный участок, то с него просто сгоняли индейцев-майя. Сопротивляющихся убивали без всяких сантиментов.

Но победы антигитлеровской коалиции (в частности свержение Муссолини) разбудили застывшее от постоянного страха гватемальское общество. В мае и июне 1944 года против режима стали протестовать преподаватели и студенты. В ответ 25 июня была убита учительница Мария Чинчилья. Население ответило всеобщей забастовкой, и 1 июля Убико был вынужден сдать власть назначенной им же самим военной хунте. Но 20 октября 1944 года хунту свергло вооруженное народное восстание, давшее начало гватемальской революции. Убико нашел убежище в США.

Наследие Убико заключалось в том, что самая большая страна Центральной Америки стала одной из самых бедных в Западном полушарии. Хуже дела обстояли лишь в Боливии и на Гаити. Даже в 1960 году продолжительность жизни в Гватемале все еще оставалась самой низкой в регионе.

Первым президентом революционного времени стал Хосе Аревало, получивший на свободных выборах более 80 процентов голосов. Никаким коммунистом или даже социалистом Аревало не был, но сама ситуация в стране заставляла его проводить прогрессивные реформы. Впервые в истории Гватемалы был издан трудовой кодекс, ограничивающий свободу деятельности американских фирм, а также закон о социальном обеспечении. Рабочие получили право объединяться в профсоюзы и объявлять забастовки.

Была принята буржуазно-демократическая конституция, провозгласившая то, в чем больше всего нуждался народ (особенно коренное население), — аграрную реформу. Однако, опасаясь негативной реакции Вашингтона, Аревало с аграрной реформой не спешил. «Мамита Юнай» вместе с 163 крупными гватемальскими помещиками продолжали владеть более 50 процентами всей обрабатываемой земли. США казалось, что Аревало ничем не отличается от Пепе Фигереса или Пас Эстенссоро.

Тем не менее де-факто вышедшие из подполья (как и остальные партии) коммунисты заняли лидирующие по-

зиции в профсоюзах, и те в 1948 году провели несколько забастовок против произвола «Юнайтед фрут».

На президентских выборах в 1950 году победил бывший полковник Хакобо Арбенс (набрал 65 процентов голосов), провозгласивший программу углубления революции 1944 года. Этого человека поддержали и коммунисты*, которых в Гватемале было всего несколько сотен человек. Однако благодаря своему влиянию в профсоюзах компартия была довольно популярной и смогла получить в гватемальском парламенте четыре места из пятидесяти шести.

С точки зрения Вашингтона, Арбенс перешел Рубикон, когда распорядился национализировать земли и железные дороги «Юнайтед фрут». Американцам причиталась компенсация в 600 тысяч долларов, которая «мамиту» не устроила. При этом размер компенсации рассчитывался на основе стоимости земельных участков, которую сама же «Юнайтед фрут» ранее многократно занизила, чтобы «оптимизировать» налогообложение. Всего было экспроприировано 554 тысячи гектаров земли латифундистов, в том числе 160 тысяч гектаров у «Юнайтед фрут». Согласно принятому администрацией Арбенса закону, вдвое была увеличена заработная плата рабочих компании.

В 1952 году Арбенс совершил еще более опасное «преступление» — была официально легализована компартия. Тем не менее формально коммунисты в его правительство не входили.

Наконец, Арбенс, с точки зрения американцев, «обнаглел» до того, что отказался посылать гватемальских военнослужащих на корейскую войну.

На выборах в США в ноябре 1952 года победил кандидат Республиканской партии и бывший главком сил НАТО в Европе Дуайт Эйзенхауэр. Если его предшественники из демократической администрации Трумэна говорили о «сдерживании коммунизма», то Эйзенхауэр твердил уже об «отбрасывании». Этот чреватый третьей мировой войной слоган придумал Джон Фостер Даллес, ставший у Эйзенхауэра госсекретарем. ЦРУ возглавил брат Джона Фостера Аллен Даллес, взгляды которого были еще более реакционными.

В марте 1953 года правительство Гватемалы национализировало 219 159 акров необрабатываемых земель «Юнайтед фрут», выплатив компании компенсацию в размере

---

* Официальное название — Гватемальская партия труда.

627 572 кетсалей, а в феврале 1954-го — еще 173 190 акров земель (компенсация 557 542 кетсаля). Таким образом, правительство осуществило выкуп земель компании по цене 2,86 доллара США за акр, в то время как согласно инвентарным книгам компании «Юнайтед фрут» их стоимость составляла только 1,48 доллара за акр. Низкая стоимость объяснялась тем, что согласно договору 1901 года земли были переданы в аренду на 99 лет на льготных условиях и освобождались почти от всех налогов.

«Юнайтед фрут» бросилась за помощью в Вашингтон, где как раз братья Даллесы искали предлог, чтобы «наказать» «красного» Арбенса. «Мамита» прекрасно знала, на какие рычаги надо жать в Вашингтоне. Когда директор ЦРУ (тоже бывший генерал) Беделл Смит покинул в 1953 году свою должность, чтобы уступить ее Аллену Даллесу, его сразу же ввели в совет директоров компании. Юридическая контора «Салливэн энд Кромвелл», где Джон Фостер Даллес подвизался до перехода на пост госсекретаря, выступала официальным представителем интересов «Юнайтед фрут». Аллен Даллес был членом правления компании. Заместитель госсекретаря по межамериканским отношениям (отвечал за Латинскую Америку) Джон Мур Кэбот владел большим пакетом акций «Юнайтед фрут». Наконец, личный секретарь Эйзенхауэра была замужем за пресс-секретарем «мамиты». Дополнительно «Юнайтед фрут» затратила примерно 500 тысяч долларов на лоббистскую работу в Вашингтоне по «гватемальскому вопросу».

Неудивительно, что, получив от «мамиты Юнай» «просьбу о помощи», ЦРУ сразу же взялось за дело. На роль борца с происками мирового коммунизма в Гватемале избрали бывшего полковника гватемальской армии Карлоса Кастильо Армаса.

Кастильо Армас был выпускником американского военного колледжа для офицеров генштаба в Форт-Левенсворт. В 1950 году правительство Гватемалы арестовало его за подготовку военного переворота, приговорив к смертной казни. Но ему удалось бежать из тюрьмы и пробраться в Гондурас, где будущий «спаситель Гватемалы» перебивался торговлей мебелью, пока его не завербовало ЦРУ.

Практически одновременно с Эрнесто Геварой в революционную Гватемалу прибыл еще один гость, правда, совсем с другими намерениями.

Джон Перифуа начал работу в Госдепартаменте США в 1938 году как рядовой клерк с окладом 200 долларов в

год. В 1949 году он был уже заместителем госсекретаря по административным вопросам и активно чистил госдеп от «красных», большей частью мнимых. Когда сильно пьющий «охотник на ведьм» сенатор от Висконсина Маккарти в 1950 году «обнаружил» в госдепартаменте коммунистов, то Перифуа решил обойти его на этой разоблачительской ниве и «раскрыл» в американском внешнеполитическом ведомстве гнездо гомосексуалистов.

В 1950 году Перифуа был отправлен послом в Грецию, где курировал зачистку страны от разбитых в гражданской войне коммунистов. С тех пор в Греции называют «перифуа» любого иностранца, беспардонно вмешивающегося во внутренние дела суверенной страны.

В ноябре 1953 года Перифуа прибыл послом США в Гватемалу с четкой задачей свергнуть «красное правительство». Синхронно с появлением Перифуа США ввели против Гватемалы экономические санкции. Американские СМИ трубили о том, что в Гватемалу вот-вот прибудут советские войска. На ниве клеветы отличился уже упоминавшийся на страницах этой книги бывший посол США в Аргентине Брейден. У него была «абсолютно точная» информация, что Арбенс уже подготовил базы для русских подводных лодок. Ложь Брейдена была отнюдь не бескорыстной — он работал в «Юнайтед фрут» советником руководства.

Первую операцию ЦРУ по свержению Арбенса (PBFORTUNE*) одобрил в 1952 году еще президент Трумэн. Никарагуанский диктатор Сомоса приехал в Вашингтон и в беседе с Трумэном пообещал «очистить Гватемалу от красных», если ему выделят достаточно оружия. Трумэн дал Сомосе «зеленый свет», при этом даже не проинформировав своего госсекретаря Ачесона. Доминиканский диктатор Трухильо и его венесуэльский «коллега» Перес Хименес обещали профинансировать «Удачу». 9 сентября 1952 года план реализации «Удачи» был одобрен, включая список коммунистов, которых было бы «желательно ликвидировать» после свержения Арбенса. Конкретно предполагалось убить 58 гватемальцев. Участие вооруженных сил США не предусматривалось. Рассчитывали, что с делом справится Кастильо Армас вместе с гватемальскими

---

* То есть операция «Удача». С целью введения в заблуждение дешифровальщиков противника к названию операций ЦРУ обычно приставлялись спереди две ничего не обозначавшие буквы.

эмигрантами-реакционерами. Его «армию освобождения» брался подготовить в Никарагуа Сомоса.

«Юнайтед фрут» предоставила ЦРУ корабль, который был загружен оружием (задекларированным как сельскохозяйственные машины) в Новом Орлеане. Пока судно плыло в Никарагуа, одному сотруднику ЦРУ почему-то пришло в голову получить визу заместителя госсекретаря по межамериканским отношениям Эдварда Миллера. Тот был изумлен и немедленно поставил в известность госсекретаря Ачесона. Глава американской дипломатии возмутился, что его даже не удосужились поставить в известность, и устроил Трумэну скандал. Президент уже был «хромой уткой» и досиживал в Белом доме последние месяцы. Он не стал «связываться» с Ачесоном и дал команду направить корабль в зону Панамского канала, где его и разгрузили.

Таким образом, «Удача» завершилась полной неудачей.

Едва придя к власти, Эйзенхауэр дал ЦРУ указание продолжить подготовку свержения Арбенса. В августе 1953 года «Удачу» сменила операция «Успех» (PBSUCCESS). Новый шеф ЦРУ Аллен Даллес только что действительно добился успеха, организовав свержение прогрессивного правительства Мохаммеда Моссадыка в Иране. На гватемальский «Успех» выделили примерно 7 миллионов долларов (в обход конгресса США), из которых 2,7 миллиона было решено потратить на пропагандистскую войну против Гватемалы. Штаб-квартира «Успеха» расположилась в местечке Опа-Лока (Флорида). На сей раз госдепартамент (включая Перифуа) был полностью в курсе. Перифуа сообщал Джону Фостеру Даллесу (как от него и требовалось), что если сам Арбенс и не коммунист, то он будет находиться у власти до тех пор, пока не передаст власть президенту-коммунисту.

30 марта 1953 года примерно сотня подготовленных ЦРУ боевиков на рассвете напала на гватемальский город Салама и соседнее местечко Сан-Херонимо. В Вашингтоне рассчитывали на то, что части гватемальской армии присоединятся к мятежникам, однако это оказалось неверным. Уже к 6 часам утра правительственные войска подавили мятеж. Несколько агентов ЦРУ оказались за решеткой.

Это был явный провал американской разведки, тем более что по данным ЦРУ сам мятеж был спровоцирован гватемальской контрразведкой с целью разгрома контрреволюционного подполья[36]. Тем не менее ЦРУ считало, что

по-прежнему располагает в Гватемале примерно 50 тысячами сторонников, организованных в конспиративные пятерки.

Заметим, что начиная с 1944 года США прекратили поставки оружия в Гватемалу, а с 1951 года стали активно блокировать попытки Арбенса закупать оружие в других странах. В Вашингтоне надеялись, что, оставшись без запчастей и боеприпасов, гватемальская армия вскоре сама собой утратит боеспособность.

Кастильо Армас тренировал свою «армию освобождения» из 150 человек в двух лагерях, основанных ЦРУ в Никарагуа и Гондурасе. При этом штаб операции ЦРУ во Флориде насчитывал 480 сотрудников. «Армию» Кастильо Армаса завалили американским оружием, предоставив даже бомбардировщики (в Гватемале ВВС не было). ЦРУ специально не скрывало своих приготовлений: это было частью плана по устрашению гватемальского правительства и населения. Гватемальцы должны были свыкнуться с мыслью, что свержение Арбенса неизбежно и лучше покориться судьбе. Первыми такой «месседж» должны были усвоить гватемальские военные. Арбенс начал чистку офицерского состава армии, но не довел ее до конца. Будучи сам полковником, он наивно полагал, что его товарищи по оружию никогда его не предадут.

В такой напряженной обстановке в Гватемале появился Эрнесто Гевара. В столице страны он встретился с Рохо, который начал вводить друга в круг своих знакомых. Че хотел как можно больше узнать о гватемальской революции, чтобы помочь ей словом и делом. Одной из первых знакомых молодого аргентинца в Гватемале стала перуанка Ильда Гадеа. В целом следует отметить, что Гватемала времен Арбенса была средоточием латиноамериканской революционной эмиграции. Че писал домой, что Гватемала на сегодняшний день — самая свободная страна Латинской Америки.

Ильда Гадеа родилась 21 марта 1925 года в Лиме и в 1948 году окончила Главный национальный университет в перуанской столице по специальности «экономист». Уже в студенческие годы она активно занималась политикой и стала первой женщиной, избранной в руководство АПРА* — левореформистской партии типа боливийского НРД, претендовавшей на самобытную революционную идеологию.

---

* АПРА (Alianza Popular Revolucionaria Americana) — Народный революционный альянс Америки.

Ее идейным вождем-основателем был Виктор Рауль Айя де ла Торре, считавший, что для Латинской Америки не подходит ни западный капитализм, ни советский социализм. Поэтому основанный им АПРА (вообще отличавшийся склонностью к хлестким, но лишенным внятного содержания лозунгам) пользовался слоганом «Ни Вашингтон, ни Москва!». Да и сам термин «Латинская Америка» великому теоретику не нравился — он предпочитал «Индо-Америку», чтобы завоевать благосклонность коренного населения континента. В марксизме де ла Торре не устраивало упование на пролетариат. Он считал, что движущими силами социалистической революции должны быть прогрессивная интеллигенция и руководимое ею крестьянство. В этом смысле ему импонировал маоистский Китай, где «великий кормчий» тоже возвел политическую беспринципность и пустые лозунги в ранг государственной идеологии.

Как и Мао в КПК, де ла Торре правил АПРА, как своей вотчиной, исключая из партии всех несогласных с его смутной и крайне эклектичной «теорией». По примеру Мао де ла Торре пел дифирамбы революционной молодежи (в противовес «догматикам-старикам»), поэтому университеты были главной опорой его партии.

Айя де ла Торре привлекал внимание к своей личной жизни отсутствием каких-либо связей с женщинами, он никогда не был женат, и многие считали его гомосексуалистом. На одном из собраний АПРА на вопрос о женитьбе он произнес знаменитую фразу: «АПРА — моя жена, а вы [члены партии] — мои дети». Подозрения в гомосексуализме использовались оппонентами как инструмент политической борьбы в католическом Перу. Доподлинно неизвестно ни об одной его сексуальной связи с мужчиной или с женщиной.

До сих пор имя Виктор Рауль Айя де ла Торре является очень популярным в АПРА именем, и члены партии называют так своих детей.

На самом деле все претензии де ла Торре на самостоятельную «революционную теорию» были продуктом банальной зависти. Он сильно завидовал своему соотечественнику Хосе Карлосу Мариатеги, считавшемуся самым видным марксистом Латинской Америки.

Жестко (скорее громко) критикуя олигархию, апристы не менее жестко критиковали коммунистов. В 1948 году АПРА поднял в Перу восстание, но оно было легко подавлено, так как носило характер верхушечного военного переворота без

всякой опоры на народ. Партия была запрещена, а после прихода к власти диктатора Одриа ее лидеры (в том числе и Ильда Гадеа) были вынуждены покинуть страну.

Ильда обосновалась в Гватемале, где, как видный экономист, получила место в основанной Арбенсом государственной организации, занимавшейся развитием производства в стране. Когда она только познакомилась с Че, он ей не понравился. Иронию и черный юмор молодого аргентинца она приняла за неглубокий ум и излишнюю самоуверенность. Но вскоре они стали часто встречаться и проводить время в длительных политических диспутах.

Политически Ильда была более подкована, чем Че. Он рассказывал ей о Сартре и Фрейде, которых она отвергала. Первый, с ее точки зрения, был «нытиком», а второй смотрел на все через призму сексуальности. Со своей стороны, Че критиковал АПРА за компромиссы, на которые партия шла в Перу с национальной буржуазией, а также за то, что де ла Торре начал явно сближаться на антикоммунистической почве с Вашингтоном, надеясь с помощью американцев получить власть в Перу (как Бетанкур в Венесуэле). Ильда оправдывалась: политические компромиссы АПРА лишь средство взятия власти, а уж потом партия в полной мере осуществит свою революционную программу.

Но особенно сильно Ильда и Че спорили о Советском Союзе. Для Эрнесто СССР был второй (а может быть, и первой) родиной, и он говорил, что обязательно назовет своего сына (если он появится) Владимиром в честь Ленина. Ильда считала, что для Латинской Америки советский социализм неприемлем, и снабжала Че произведениями Мао. По ее словам, со временем Че якобы сам уверовал в то, что китайский социализм является для Латинской Америки более близким, чем советский. Все это не вполне правдоподобно. Но в любом случае, молодому Эрнесто Геваре импонировали в «трудах» китайского лидера презрение к отвлеченной теории и нацеленность на практическую революцию (чего стоит знаменитое изречение Мао «Винтовка рождает власть!»). Че просто очень устал от бесконечного словоблудия латиноамериканских левых разного толка, горячо дебатировавших на самые разные темы за чашкой кофе или чего-нибудь покрепче. Ему хотелось наконец действовать, и именно ради этого он и приехал в Гватемалу.

Стоит заметить, что в те годы Че политику коммунистических партий Латинской Америки критиковал, хотя себя

со времен пребывания в Гватемале считал идейным коммунистом. Тогда, находясь под впечатлением от дружбы Рузвельта и Сталина, многие компартии Западного полушария пропагандировали мирный путь построения социализма (например, чилийские коммунисты). Отсюда следовала тактика союза с мелкой буржуазией, так как только с помощью средних слоев (традиционно многочисленных в Латинской Америке) можно было завоевать большинство на парламентских или президентских выборах. Че считал, что всяческие компромиссы с буржуазией бессмысленны, так как любая буржуазия (мелкая или крупная) добровольно никогда не откажется от средств производства, а значит, будет постоянно настроена против социализма.

Че считал, что только революционным насилием, диктатурой пролетариата можно сломить сопротивление бывших господствующих классов. А в условиях Латинской Америки это насилие неизбежно примет не юридические, а «винтовочные» формы. Ведь на стороне правящей олигархии не только вышколенные американцами армии, но и сами американцы, которые в крайних случаях непременно применят насилие. Противостоять янки с помощью декретов и прокламаций Че считал делом бесполезным. И вся история Латинской Америки подтверждала это.

Именно на основании глубоких размышлений, а вовсе не по складу беспокойного характера Эрнесто Гевара был сторонником вооруженной борьбы за социализм в Латинской Америке и стремился принять в этой борьбе непосредственное участие.

Но пока дни в революционной Гватемале протекали для Че однообразно, если не считать оживленных дискуссий с Ильдой и другими новыми друзьями, особенно кубинцами. Эрнесто думал, что без проблем найдет в Гватемале место врача (ведь медиков здесь катастрофически не хватало, особенно в сельской местности). Однако право на осуществление врачебной деятельности предоставляла гватемальская врачебная палата, а местные доктора вовсе не горели желанием получить еще одного конкурента. Че писал домой, что столкнулся с замкнутым кругом гватемальской медицинской олигархии. Ему предложили еще год поучиться в местном университете, чтобы признать его аргентинский диплом. Это звучало как издевательство, ведь в то время Аргентина, бесспорно, была самой развитой и богатой страной Латинской Америки. Но именно поэтому к аргентинцам в большинстве других стран Западного по-

лушария испытывали неприязнь и зависть; гватемальские врачи здесь не были исключением.

Революция не затронула гватемальских медиков. Они были выходцами из богатых белых семей и даже ради революции не желали лечить бедных бесплатно, тем более индейцев, которых они вообще не считали за людей. И хотя Эрнесто Гевара был готов ехать практиковать в самую что ни на есть глушь, в его услугах никто не нуждался.

Ильда познакомила Че с никарагуанским эмигрантом профессором Эдельберто Торресом. Его дочь Мирна год изучала англистику в Калифорнии, а теперь работала вместе с Ильдой в Государственном институте по развитию производства. Это учреждение выдавало крестьянам, получившим землю в ходе аграрной реформы, льготные кредиты. Брат Мирны Эдельберто Торрес-младший был генеральным секретарем молодежной организации «Альянс демократической молодежи» (*Alianza de la Juventud Democratica*). По данным американского посольства в Гватемале, альянс, как и гватемальские профсоюзы, был тесно связан с компартией[37]. Причем ЦРУ считало, что молодежь является главным кадровым резервом гватемальских коммунистов.

В доме семьи Торрес постоянно собирались революционно настроенные латиноамериканские эмигранты, нашедшие убежище в Гватемале. Естественно, что Че был завсегдатаем. Мирна вспоминала, что красивый аргентинец нравился ей и многим ее подругам. Все хотели с ним потанцевать, но Че танцами не интересовался.

Сам Че не раз подшучивал над полным отсутствием у него музыкального слуха. Когда играла музыка, он даже не понимал, что это за танец. Не различал он и свое «родное» аргентинское танго. Но, как любой аргентинец, танго танцевать он умел, и когда ставили пластинку, друзья просто говорили ему, что конкретно он сейчас должен изобразить.

Но в Гватемале Че не испытывал влечения к танцам вовсе не из-за отсутствия слуха. Мирна и ее подруги замечали, что Че любит дискутировать на политические темы и поэтому его и тянуло к некрасивой и «старой» (с точки зрения девушек) Ильде.

На одном из первых вечеров в доме Торресов Че познакомился с кубинцами, участниками нападения на казармы Монкада в 1953 году. Они по-прежнему с воодушевлением говорили о грядущей кубинской революции и не хотели слышать никаких «трезвых» возражений. Именно непосредственные и живые кубинцы дали Эрнесто Геваре его

бессмертный псевдоним. Они называли его *El Che Argentino* (Аргентинец Че) или просто Че*.

Че, как и ранее в Коста-Рике, поначалу относился к восторженной революционности кубинцев снисходительно, списывая это на особенности карибского темперамента. Ведь хотя он и был сторонником вооруженной борьбы, но ратовал за осмысленность и хорошую подготовку. У кубинцев же, как ему казалось, все держалось на голом энтузиазме. Но постепенно в процессе общения революционный пыл «монкадистов» захватил молодого аргентинца. Че писал, что может произнести речь гораздо более логичную и теоретически фундированную, чем его новые кубинские друзья. Но ему никогда не удастся зажечь такой речью аудиторию. А вот кубинцы, несмотря на отсутствие твердой революционной теории, могут это сделать, настолько сильна их вера в успех «своей» революции.

Че тесно общался с кубинцами, а некоторые из них стали его друзьями. Особенно сблизился Эрнесто с Антонио (Ньико) Лопесом.

Че всегда тянуло к бедным и обездоленным, а биография Ньико была как бы списана с персонажей «Отверженных». Он рос фактически на улице без родительской ласки и с детских лет зарабатывал себе на жизнь. Ньико учился только до десяти лет, окончив три класса начальной школы. Он был практически неграмотным и подрабатывал в Гаване, торгуя на местном рынке, когда познакомился с братьями Кастро. Время от времени Антонио Лопес торговал лотерейными билетами или просто работал уборщиком.

Говорили, что Фидель (книга «Отверженные» была одним из любимых его произведений) сам отобрал Ньико в свою подпольную организацию (они познакомились 1 мая 1952 года). Как и Че, Фидель больше доверял выходцам из низших слоев, чем образованным «сливкам общества». В сентябре 1952 года Фидель поручил Ньико организовать военную подготовку среди студентов, готовых принять участие

---

* В отношении происхождения слова «Че» есть как минимум две версии. Согласно одной из них «че» пришло к аргентинцам из языка индейцев-гуарани и означает «эй, ты». Другая версия гласит, что «че» произошло от итальянского выражения «Que cosa, c'e?» — «Что такое?». В Аргентине было действительно очень много выходцев из Италии (гораздо больше, чем индейцев, которых нещадно истребили в колониальное время) и в любом случае словечко «Че» («Эй, ты») было очень популярно в Аргентине.

в будущем штурме казарм Монкада. Хотя до 1955 года Че и Фидель были незнакомы, они имели очень важную общую политическую черту — с их точки зрения, вооруженное восстание должно быть тщательно подготовлено. Или, если вспомнить слова Ленина, надо относиться к восстанию как к искусству[38]. Интересно, что первым военным инструктором группы Фиделя был ветеран американской армии времен Второй мировой войны.

26 июля 1953 года Лопес должен был возглавлять атаку на казармы батистовских войск в Байямо. Когда атака сорвалась, Ньико смог скрыться и получить убежище в гватемальском посольстве, откуда он и попал в Гватемалу*.

Ньико вспоминал, что именно он дал Эрнесто Геваре бессмертный псевдоним Че. Они тесно дружили. Как и у Че, у кубинцев было плохо с деньгами. Ньико и Че зарабатывали на жизнь тем, что продавали туристам на улицах открытки с прекрасными видами Гватемалы. Помимо этого, Че иногда «неофициально» помогал гватемальским врачам принимать пациентов. Тем не менее денег было мало, и долги Че за проживание в пансионе росли.

Любимая тетя Че Беатрис послала ему в письме деньги, но когда во втором письме она поинтересовалась, получил ли он их, племянник 12 февраля 1954 года с присущим ему сарказмом ответил: «...какой-то демократически настроенный почтовый служащий, видимо, позаботился о том, чтобы денежные средства были распределены более справедливо. Не присылай мне больше денег, ибо ты себе этого не можешь позволить, а здесь доллары практически лежат на улице. Тебе я могу довериться: у меня даже радикулит развился, так как мне постоянно приходится за ними нагибаться»[39]. Ирония Че заключалась в том, что как раз его тетя была дамой весьма состоятельной.

Борьба с гватемальской бюрократией по самым разным вопросам убедила Че в том, что никакой чистки госаппарата революционное правительство так и не предприняло. Все чиновники и клерки казались не только аполитичными, но подчас и не скрывали своих контрреволюционных настроений даже в разговорах со случайными собеседниками. Казалось, они только и ждали прихода американ-

---

* В Латинской Америке, где часто происходили всевозможные и подчас весьма кровавые перевороты, все страны уважали право на убежище в латиноамериканских посольствах. Ведь любой диктатор понимал, что и ему самому, возможно, придется воспользоваться этим правом в будущем.

цев. Из своего пребывания в Гватемале Че сделал для себя важный вывод: любая революция, чтобы удержать власть, просто обязана коренным образом сменить государственный аппарат. Ведь еще Маркс считал главной ошибкой Парижской коммуны то, что она этого как раз не сделала. И этот вывод Маркса отлично усвоил Ленин.

Уже в январе 1953 года достоянием гласности стала переписка Сомосы, Трухильо и Кастильо Армаса. В ней речь шла о подготовке вторжения в Гватемалу «армии освобождения» с помощью «правительства на севере». Стало понятным, о каком правительстве размышляли диктаторы. Гватемала потребовала от США разъяснений. Госдепартамент отрицал любую причастность Вашингтона к подготовке вторжения в Гватемалу. А ЦРУ тем временем по-прежнему не скрывало своих приготовлений в Никарагуа и Гондурасе с целью деморализовать гватемальских военных.

Всем было ясно, что американцы и их марионетки скоро ударят. Че твердил всем, кто был готов его слушать, что Арбенсу надо немедленно вооружать народ, так как на офицерский корпус гватемальской армии надежда была слабой. Многие офицеры прошли «школу» Убико и различные курсы в США и не испытывали особых симпатий к революции. Коммунисты также предлагали Арбенсу создать народную милицию из членов профсоюзов и крестьянских организаций. Президент Гватемалы сам прекрасно понимал, что армия в любой момент может ударить ему в спину. Но если бы он отдал приказ о раздаче оружия населению, армейские круги воспользовались бы этим как предлогом для военного переворота. Тем более что и проплаченные ЦРУ гватемальские СМИ постоянно предрекали именно такой шаг «коммуниста» Арбенса.

Позднее с такой же дилеммой столкнулся президент Чили Сальвадор Альенде. И он не обманывался насчет реального отношения чилийских генералов к социализму. Но что он мог сделать? Стоило ему лишь заговорить о вооружении народа, как армия немедленно совершила бы переворот. Ведь Альенде обвинили бы в нарушении конституции и в диктаторских поползновениях, а он хотел решить вопрос миром.

Кстати, Че возмущало, с какой легкостью правые газеты в Гватемале вели разнузданную травлю против законно избранного правительства. 5 января 1954 года он писал тете Беатрис о Гватемале:

«Это страна, в которой можно с каждым глубоким вдохом дышать воздухом свободы. Здесь есть ежедневные газеты, которые находятся в собственности "Юнайтед фрут", и на месте Арбенса я бы запретил их в пять минут. Ибо это позор, что они могут писать, что захотят, и вносят свой вклад в создание атмосферы, нужной североамериканцам, представляющим [Гватемалу] гнездом воров, предателей и коммунистов»[40].

Этот гватемальский урок Че также усвоил на всю жизнь — победившая революция должна господствовать и в массовом сознании, и уж ни в коем случае не оставлять его на откуп врагам.

Ранней весной 1954 года Арбенс все еще надеялся, что американцы не решатся на открытую интервенцию. Так же считали и Ильда с Рохо, а Че с ними яростно спорил. Многие эмигранты (в том числе и товарищи Ильды по АПРА) явственно ощущали запах пороха и стали покидать Гватемалу. Эрнесто Гевара, напротив, был готов защищать гватемальскую революцию от американцев с оружием в руках.

Но казалось, что в Гватемале в его услугах по-прежнему никто не нуждается. Тогда Че доверился Ильде (она стала его самым близким другом, хотя их отношения, несмотря на насмешки знакомых, носили пока платонический характер) и рассказал, что решил написать книгу «Роль врача в Латинской Америке». Он предполагал, что сбор материала и сам процесс написания займут около двух лет. Как только Че заканчивал очередную пару страниц, он немедленно показывал их Ильде, и они как обычно горячо обсуждали и спорили.

Вывод будущего труда был для Че ясен с самого начала: большинство болезней в Западном полушарии носили социальный характер. Чудовищная бедность и неравенство обрекали миллионы людей на медленное угасание сразу же после рождения. Только социализм мог дать людям нормально оплачиваемую работу в достойных человека санитарных условиях. Но правящие в Латинской Америке диктаторские репрессивные режимы никогда добровольно не отдали бы власть. Тем более что они опирались на поддержку США. Поэтому путь к социализму лежит через вооруженную борьбу. А значит, настоящий латиноамериканский врач просто обязан быть революционером. И главным для него должен быть не гонорар, а признательность народа.

Работая над книгой, Че развивал и свое идейное марксистское мировоззрение. Он много и внимательно читал

Маркса, Энгельса, Ленина и Мариатеги. Ильда же со своей стороны продолжала настойчиво «пичкать» своего друга трудами Мао.

Ильда убеждала Че, что китайские крестьяне в социальном отношении — то же самое, что американские индейцы. Этот аргумент был для Че важным. Он всегда (как европеец по происхождению) чувствовал вину за зверское истребление и порабощение коренного населения Америки пришельцами из Старого Света. Именно поэтому он так тянулся к изучению древних американских цивилизаций, горячо доказывая и себе и окружающим, что они отнюдь не были «отсталыми» и «недоразвитыми», как их представляют «просвещенные» европейцы и североамериканцы. Даже в Ильде как в женщине Че притягивали ярко выраженные индейские черты лица. При этом среди «белой» олигархии Латинской Америки индеец был символом физического уродства и моральной деградации.

Помимо трудов Мао, Ильда познакомила Че с работами Мичурина и Павлова, так как Эрнесто всегда интересовался психологией и проблемами творческого преобразования природы. К тому времени (весна 1954 года) Ильда уже считала Че марксистом «в принципе», работавшим над развитием и укреплением своего теоретического багажа.

Она полагала, что наибольшее влияние на Че в плане его марксистского воспитания оказал американец профессор Гарольд Уайт. Сам Че вспоминал Уайта как «странного гринго, пишущего о марксизме», которому он поначалу давал уроки испанского языка. С помощью Ильды Че спорил с Уайтом на странной смеси испанского и английского. Они втроем ходили на пикники, где опять-таки дискутировали на самые разные темы. Че как-то сказал Ильде, что Уайт «...хороший гринго. Он устал от капитализма и хочет начать новую жизнь». Уайт предложил снять дом на троих и даже был готов платить за него. Че воспринял идею с энтузиазмом, так как его долги за проживание в пансионе никак не уменьшались. Но Ильда была не в восторге — она прекрасно понимала, что все заботы по ведению хозяйства лягут на ее плечи, а она ведь целый день работала в важном учреждении.

После победы кубинской революции Че пригласил Уайта на Кубу, где он и жил до своей смерти в 1968 году.

В конце февраля 1954 года аргентинские друзья Че Рохо и Гуало уехали из Гватемалы. С этого времени Че тесно общался только с Ильдой Гадеа. Ильда относилась к нему сначала больше по-матерински, постоянно ссужая друга

деньгами и пытаясь найти для него работу по специальности. Однажды она увидела Че во время очередного приступа астмы, когда он судорожно ловил ртом воздух, а из его груди вырывались вымученные хрипы. Ильда немедленно взяла над больным полноценное шефство, и, видимо, тогда ее привязанность и переросла в любовь. Че, наверное, не любил Ильду так сильно, как Чичину, но он был очень ей признателен за заботу: «Из-за астмы я не мог двинуться с места, хотя мне и казалось, что... самое худшее уже позади... Ильда Гадеа по-прежнему заботится обо мне; она постоянно навещает меня и всегда что-нибудь приносит»[41].

Хотя Че ощущал, что он не безразличен для Ильды как мужчина, он вел себя очень достойно и не пытался добиться ее близости — ведь в его понимании это обязательно означало последующую женитьбу. О его порядочном поведении дает представление следующий эпизод. Однажды они втроем с Уайтом поехали в один живописный городок далеко от столицы. Когда было пора возвращаться, выяснилось, что из-за религиозного праздника все автобусы отменены. Практичный американец предложил снять в отеле одну комнату на троих. Ильда запротестовала, и Че немедленно встал на ее сторону. Он пообещал сделать все возможное, чтобы Ильда в тот же день вернулась в столицу, и свое слово сдержал.

Такое отношение Че очень нравилось Ильде, тем более что ее перуанские друзья пытались флиртовать с ней без всяких матримониальных обещаний. И здесь Че был на страже ее чести. Как-то он предупредил Ильду, что перуанец, который активно ухаживал за ней, уже женат. С точки зрения Эрнесто, такое поведение было для настоящего мужчины неприемлемым.

Ильда еще больше зауважала Че, когда, как ей казалось, наконец-то нашла для него достойную работу. С ней сотрудничал немец Герберт Цайсиг, член молодежной организации компартии Гватемалы. Он подыскал для Че хорошее место на госслужбе, но, чтобы получить его, Эрнесто должен был формально вступить в компартию. Ведь коммунисты ручались за него как за иностранца. Эрнесто был возмущен и попросил Ильду передать Цайсигу, что если он когда-нибудь и вступит в партию, то только по убеждению, а не из-за карьерных соображений. При этом он подчеркнул, что с коммунистической идеологией согласен.

В марте 1954 года Че сделал Ильде предложение стать его женой, причем он вручил ей написанное от руки стихо-

творение, в котором говорилось о его чувствах. Ильда ответила, что тоже любит его, но просит подождать. Ведь сейчас главное — это политическая борьба. Гватемала в опасности. Че настаивал — это, мол, все апристские предрассудки и настоящие революционеры вполне могут совмещать личное счастье с политической борьбой. Он привел примеры Маркса и Ленина — они ведь тоже были женаты, но это никак не помешало их революционной деятельности. Наоборот, и Женни Маркс, и Надежда Крупская всячески поддерживали своих мужей в тяжелой борьбе. И он видит в Ильде не просто женщину, а товарища и единомышленника.

Они стали любовниками, но Ильда все же считала, что главное сейчас — не устраивать супружеское гнездышко, а спасать Гватемалу от неминуемой американской интервенции.

А тучи над Гватемалой действительно сгущались с каждым днем.

В марте 1954 года США включили в повестку дня очередной встречи министров иностранных дел стран—членов Организации американских государств (ОАГ)* вопрос об «агрессии мирового коммунизма» в Западном полушарии. Антигватемальский подтекст этого предложения был всем ясен. На встрече ОАГ в Каракасе министр иностранных дел Гватемалы Гильермо Ториэльо решительно выступил против проекта американской резолюции, назвав этот документ «интернационализацией маккартизма». Но США столь же активно выкручивали руки латиноамериканским странам, обещая за «правильное» голосование экономическую помощь. В итоге против резолюции проголосовала лишь одна Гватемала, хотя Аргентина и Мексика — самые влиятельные страны Латинской Америки — воздержались.

Кстати, после этого Че коренным образом пересмотрел свое отношение к Перону. Он писал домой, что теперь президента Аргентины стоит всячески поддерживать.

Между тем Арбенс изо всех сил пытался где-нибудь купить современное оружие, чтобы достойно встретить янки

---

* ОАГ была учреждена в апреле 1948 года под нажимом американцев. Штаб-квартира находилась в Вашингтоне. В развитие пресловутой доктрины Монро американцы рассматривали ОАГ как инструмент противодействия любым попыткам извне вмешиваться в дела Западного полушария. Эту прерогативу США оставили за собой. Естественно, что главным претендентом на роль «внешнего агрессора» для США был Советский Союз, а всех латиноамериканских коммунистов в Вашингтоне считали «агентами Кремля».

и их наемников. Но США смогли сорвать соответствующие переговоры гватемальцев с ФРГ, Канадой и Родезией.

Тогда президент Гватемалы тайно обратился с просьбой о продаже оружия к Чехословакии. В то время именно Чехословакия была окном социалистического лагеря в «третий мир». Если по политическим мотивам СССР не мог или не хотел оказывать военную помощь той или иной развивающейся стране (главным образом чтобы не давать американцам предлога для интервенции), то на арену выступала маленькая европейская Чехословакия, еще с довоенных времен обладавшая прекрасной военной промышленностью. Например, когда США отказали в продаже оружия президенту Египта Насеру, тот купил современное вооружение именно в Чехословакии. Естественно, Прага осуществляла такие поставки по согласованию с Москвой.

В ноябре 1953 года генеральный секретарь партии гватемальских коммунистов Хосе Мануэль Фортуни* тайно приехал в Прагу и встретился с лидером КПЧ Антонином Новотным. По просьбе Арбенса было решено направить в Гватемалу стрелковое и противотанковое оружие времен Второй мировой войны немецкого, чехословацкого и британского производства. Договор был подписан личным представителем Арбенса майором Альфонсо Мартинесом. Он выехал якобы в Швейцарию на лечение (из этой страны были предки Арбенса, так что ЦРУ ничего не заподозрило), а потом негласно прибыл в Прагу.

Две тысячи тонн «стальных труб, оптики и лабораторного оборудования» были доставлены в польский порт Щецин и там погружены на судно нейтральной Швеции «Альфхем». Агент ЦРУ в Польше сообщил об отплытии корабля, но в море американская разведка следы «Альфхема» потеряла. Потом американские супермены из ЦРУ вообще перепутали два шведских корабля и вместо «Альфхема» за-

---

* Хосе Мануэль Фортуни (1916—2005) был лидером гватемальских студентов во время революции 1944 года, а затем фактически являлся неформальным советником Хакобо Арбенса. В частности, именно Фортуни был инициатором закона об аграрной реформе и экспроприации земель «Юнайтед фрут». ЦРУ предполагало, что Фортуни будет ликвидирован в ходе переворота в Гватемале, но лидеру коммунистов удалось укрыться в мексиканском посольстве. Но и позднее, когда Фортуни жил в эмиграции в Бразилии и Уругвае, ЦРУ постоянно вело за ним наблюдение.

держали и обыскали корабль «Вульфсбрук»*. А в это время «Альфхем» зигзагом (через Дакар) пересек Атлантику, «засветился» в Нидерландской Вест-Индии, а затем взял курс на вполне проамериканский Гондурас.

ЦРУ тем временем готовило провокацию, связанную с Гватемалой и советским оружием. Ведь после встречи стран—членов ОАГ в Каракасе следовало как-то доказать агрессию «мирового коммунизма». На побережье Никарагуа был оборудован «склад советского оружия» (специально закупленного американской разведкой), который следовало «обнаружить» в назначенное время. Оружие, по легенде, было доставлено противникам Сомосы советской подлодкой, тайно прибывшей в Гватемалу. Участие Гватемалы в «подрывной деятельности» против Никарагуа должна была подтвердить коробка гватемальских сигарет, «забытая» гватемальцами возле склада с оружием.

В начале мая 1954 года полиция Сомосы «обнаружила» склад, и никарагуанский диктатор, естественно, попросил США оказать помощь в борьбе против «гватемальской агрессии».

Тем временем Эрнесто Гевара все пытался получить в Гватемале место врача. Через знакомых ему предложили пост доктора в самой глуши в провинции Петен. Че был готов туда немедленно выехать, тем более что именно в этом районе находись величественные строения цивилизации майя. К тому же гватемальские врачи отнюдь не горели желанием лечить индейцев в этой Тмутаракани. Че записался на прием к президенту гватемальской врачебной палаты и зафиксировал результаты разговора следующим образом: «Это человек, стремящийся сохранить свой пост, по всей видимости, антикоммунист и интриган. Но вроде бы он хочет мне помочь»[42].

Конечно, больница во влажных джунглях Петена была бы сильным ударом по здоровью Че, так как неизбежно вызвала бы обострение астмы. Но он привык каждый день преодолевать свою болезнь. И к тому же бескорыстная работа среди нищих индейцев полностью отвечала желанному образу врача-революционера.

В апреле 1954 года Эрнесто Геваре сообщили, что, для того чтобы получить место в Петене, ему надо иметь вид на

---

* США противоправно досматривали в море все корабли, идущие в направлении Гватемалы. Фиговым листком для подобного пиратства служила упомянутая выше каракасская резолюция ОАГ.

жительство в Гватемале. Че уже порядком устал и от борьбы с гватемальским бюрократизмом, и от собственного бессилия. Он уже решил, что если не оформит вида на жительство в течение двух недель, то уедет из Гватемалы. Но тут неожиданно его пригласили в полицейский участок и сообщили (15 мая 1954 года), что для получения вожделенного документа ему следует выехать из Гватемалы, получить за границей новую гватемальскую визу, вернуться обратно, и тогда с видом на жительство проблем быть не должно. Че был рад, что лед, наконец, тронулся, и иронически сравнил этот первый скромный успех с недавней победой вьетнамской армии над французами при Дьенбьенфу.

Эрнесто даже и не помышлял о том, чтобы по примеру многих эмигрантов бросить Гватемалу, хотя ситуация в стране обострялась буквально с каждым днем.

В письме Тите Инфанте (от марта 1954 года) Че описывал положение в стране следующим образом:

«...1 марта президент Арбенс в своем ежегодном послании к конгрессу без обиняков провозгласил сотрудничество коммунистической партии с правительством и необходимость со стороны этого самого правительства защищать членов этой политической группы против любых санкций. В целом коммунисты выступают очень осторожно. И если бы не шумиха, поднятая национальной прессой против "вторжения экзотических доктрин", партию никто бы и не замечал. Но это единственная политическая группировка в Гватемале, которая присоединилась к правительству, чтобы реализовать его программу, и где личные интересы не имеют значения... что находится в разительном контрасте с тремя другими (правительственными) партийными группировками... Каждая из них еще и расколота как минимум на два оппозиционных друг другу крыла, и они заходят так далеко, что заключают сделки с оппозицией... Влияние ГПТ (Гватемальская партия труда, коммунисты. — *Н. П.*) весьма велико во фракциях трех других партий благодаря элементам, которые сдвинулись там влево и готовы содействовать полной социализации Гватемалы — а это очень трудная задача, кроме всего прочего еще и потому, что человеческие качества тех, кто возглавляет революцию, невысоки (я, прежде всего, имею в виду качества интеллектуальные)...»[43]

Как и в случае с Чили или Боливией, Че отмечал монокультурный характер гватемальской экономики, делавший ее крайне зависимой от мировой конъюнктуры, а значит, от США, которые эту конъюнктуру определяли:

«Это страна с типично сельскохозяйственной экономикой, которая только сейчас прощается с остатками феодализма и у которой лишь один козырь международного масштаба в карточной колоде — кофе. Не впадая в излишний пессимизм, можно сказать, что сильный спад в производстве этого продукта может вызвать падение правительства, если не будут предприняты чрезвычайные меры, возможные лишь в том случае, если страна окажется перед лицом международного бойкота, благословленного гринго...»[44]

Че предполагал, что американцы попытаются задушить Гватемалу экономически*, но не теперь же, а через три года, когда в Гватемале должны были пройти очередные президентские выборы. При всей своей вполне рационально обоснованной нелюбви к гринго Эрнесто все-таки не верил, что Вашингтон решится на прямое военное вторжение.

Операция ЦРУ «Успех» вступала в завершающую фазу. 9 апреля 1954 года было опубликовано пастырское послание католической церкви Гватемалы. Его текст ЦРУ предварительно отработало вместе с главой гватемальских католиков архиепископом Мариано Росельо Арельяно. В послании содержался прямой призыв к верующим подняться на борьбу против коммунистического режима. Священники зачитали послание во всех церквях. А над сельскими районами его текст сбросили в виде листовок с самолетов. Печатание листовок оплатила американская разведка.

Че был возмущен таким предательством клерикалов и бездействием Арбенса перед лицом откровенной пропаганды мятежа со стороны якобы «аполитичной» церкви. Будущий команданте сделал для себя еще один вывод на всю жизнь — католическая церковь всегда будет врагом любой настоящей революции и надеяться на ее честность и беспристрастность не стоит.

После демарша клерикалов Вашингтон картинно отозвал из Гватемалы своего посла Перифуа для «консультаций», после которых 26 апреля 1954 года в конгрессе выступил Эйзенхауэр, заявив, что «красные» взяли власть в Гватемале и тянут свои «щупальца» в сторону соседних стран. Именно после этого в Никарагуа и обнаружили «случайно» склад с советским оружием.

---

* В 1971 году после национализации меднорудной промышленности правительством Альенде США инициировали тактику международного бойкота чилийской меди.

15 мая 1954 года (как раз когда Че одержал свою маленькую победу в антибюрократической борьбе) в главном гватемальском порту Пуэрто-Барриос ошвартовался после месячного плавания шведский «Альфхем». 15 тысяч ящиков с оружием и боеприпасами были погружены под контролем министра обороны Гватемалы в железнодорожные вагоны для доставки в столицу (до нее было 317 километров). Характерно, что эта самая важная для Гватемалы железнодорожная ветка была собственностью компании «Международные железные дороги Центральной Америки» (*International Railways of Central America*). А владельцем этой компании была все та же «мамита Юнай». Так что никаких секретов для ЦРУ (которое позорно «проворонило» «Альфхем») уже не было.

Агенты ЦРУ попытались подорвать под поездом железнодорожное полотно, но проливной дождь привел в негодность взрыватели. Тогда на состав было совершено вооруженное нападение, но оно было отбито охраной, причем один из нападавших погиб.

Глава управления подрывных операций ЦРУ Фрэнк Визнер поначалу был взбешен, что его подопечные, даже получив наводку из Польши, прозевали «Альфхем». Но потом он сообразил, что наконец-то появился желанный предлог для интервенции в Гватемалу. Ведь теперь связь гватемальских «красных» с «мировым коммунизмом» была налицо. То, что Гватемала, как суверенная страна, могла закупать оружие (тем более устаревшее и оборонительное) по своему усмотрению, в Вашингтоне уже никого не интересовало.

США немедленно подписали договор о взаимопомощи с диктаторским режимом Гондураса, которому якобы грозили «красные» из Гватемалы. В Никарагуа и Гондурас отправились корабли с американским оружием. На самом деле грузы предназначались для «армии освобождения» Карлоса Кастильо Армаса.

Кроме того, посол США в Гватемале Джон Перифуа к тому времени уже наладил прочные отношения с высшим командным составом гватемальской армии, в которой старшие офицеры и так были настроены антикоммунистически. По науськиванию американского посла офицеры явились к Арбенсу и потребовали, чтобы полученное из Чехословакии оружие было передано под контроль армии. Президент же хотел держать его при себе, чтобы в случае вторжения американцев и их наемников вооружить народ. Теперь же с та-

ким трудом приобретенное вооружение фактически было выведено из боя еще до того, как этот бой начался.

На фоне этих грозных событий Че с 20 долларами в кармане отправился в Сальвадор, где намеревался получить новую гватемальскую визу. В пансионе он был должен за два месяца, но хозяин согласился отпустить его на время под долговую расписку. Сальвадорские пограничники не хотели пускать подозрительного молодого человека из «красной» Гватемалы, у которого к тому же нашли не менее подозрительные книги. Дело решила небольшая взятка: к тому времени Эрнесто поднаторел в общении с самыми различными латиноамериканскими блюстителями порядка.

В провинциальном сальвадорском центре городе Санта-Ана Че подал ходатайство на новую гватемальскую визу и сразу же отправился изучать руины цивилизации майя. Особенно его интересовали величественные постройки в гондурасском Копане. Но в гондурасской визе ему отказали, видимо, просто потому, что он прибыл из Гватемалы. Вместо всемирно известного Копана Че пришлось удовлетвориться изучением доколумбовой культуры индейцев пипили в самом Сальвадоре.

Наверное, гондурасские бюрократы были не столь уж и неправы — помимо руин майя Че очень хотелось понаблюдать за готовившейся в Гондурасе всеобщей забастовкой. В стране, где были запрещены и забастовки, и профсоюзы, стачка могла вылиться в серьезные беспорядки.

Че писал матери («дорогой старушке»), что ведет в Сальвадоре здоровую жизнь — спит на берегу океана в спальном мешке, диету не соблюдает и проводит «очень красную по цвету» пропаганду среди случайных знакомых. Немного выпив, он с друзьями спел пару революционных песен и немедленно оказался в местном полицейском участке. Тамошний начальник проявил сочувствие к бестолковым юнцам, отпустил их и впредь порекомендовал лучше воспевать розы на закате: «...Я предпочел сонет, обратился в дым и исчез»[45].

Получив визу, Че вернулся в Гватемалу через тот самый Пуэрто-Барриос, где совсем недавно разгрузился шведский «Альфхем». Тут у него кончились все деньги и, чтобы заработать на железнодорожный билет до столицы, он нанялся на дорожное строительство. Причем Эрнесто досталась самая тяжелая работа — таскать бочки с битумом по 12 часов в сутки с 6 часов вечера до 6 утра. Вечером, вспоминал Че, он уставал настолько, что превращался в пошатывающе-

гося робота («боло», или «пьяница», как называли таких трудяг местные жители), трудившегося скорее по инерции. К тому же рабочим досаждали тучи кусачих москитов. За две ночи каторжного труда Че заработал деньги на билет (ему платили 2,63 песо в день): «...Мои руки превратились в месиво, а о спине вообще лучше молчать, но признаюсь — я счастлив... Я превратился в настоящую свинью, вымазанную с ног до головы битумом, и все же я доволен. Мне выдали мой билет, а одна старая женщина, у которой я питался, сказала мне, что я должен передать доллар ее сыну в городе Гватемале. Я доказал, что могу преодолеть многое, с чем мне придется столкнуться, а если бы не моя астма, то гораздо больше»[46]. Естественно, что Че вернул доллар.

Что касается истории с «Альфхемом», то Че выразил в письме к матери свое мнение следующим образом: «Фруктовая компания неистовствует. И конечно, Даллес и компания хотят организовать интервенцию против Гватемалы, из-за того, что эта страна совершила ужасное преступление, закупив оружие там, где ей заблагорассудилось, особенно после того как США уже давно отказывались продать ей даже один патрон»[47].

Хотя теперь у Че была новая гватемальская виза, дела с работой никак не продвигались. Он писал матери, что намерен повидать и другие страны и, наверное, скоро отправится на север, в Мексику. Однако в письме от апреля 1954 года, видимо, не желая сильно огорчать «дорогую старушку», он весьма туманно рассуждал о своем истинном предназначении: «...Наша [Латинская] Америка будет сценой моих приключений, причем в гораздо более значительном смысле, чем я мог себе представить. Я чувствую, что я уже научился реально понимать это и я ощущаю себя [латино]американцем...»[48] В этом же письме он впервые сообщает об Ильде: «...Я пью мате, если он у меня есть, и веду непрерывные дискуссии с моим товарищем Ильдой Гадеа, девушкой-апристкой, которую я с характерной для меня мягкостью (здесь ирония: мягким спорщиком Че никогда не был. — *Н. П.*) пытаюсь убедить, чтобы она рассталась с этой дерьмовой партией. У нее как минимум сердце из чистой платины. Ее помощь ощущается во всех аспектах моей повседневной жизни (особенно в пансионе)»[49].

Между тем американцы наращивали давление на Арбенса. Госсекретарь США Даллес заявил, что на предстоящей в июле 1954 года встрече ОАГ США призовут все страны Западного полушария ввести против Гватемалы

санкции. Все эти угрозы вкупе с тайной работой ЦРУ и Перифуа преследовали одну цель: побудить гватемальскую армию совершить военный переворот. Американская разведка наводнила все СМИ США и Центральной Америки пропагандистскими брошюрами и фильмами о коммунистическом заговоре в Гватемале.

Арбенс из последних сил пытался каким-то образом договориться с Вашингтоном. Министр иностранных дел Гватемалы предложил Перифуа начать двусторонние переговоры об урегулировании всех спорных вопросов. Ответа из Вашингтона не последовало. Там уже считали, что дни Арбенса сочтены. 2 июня 1954 года последовала подготовленная ЦРУ попытка военного переворота, но она провалилась, и многие заговорщики были арестованы.

Агенты ЦРУ стали рассылать лидерам компартии открытки с соболезнованиями по случаю их скорой смерти. В подготовленном резидентурой ЦРУ в Гватемале специальном плане «войны нервов» предусматривалась также рассылка «красным» гробов и муляжей бомб. На домах сторонников Арбенса появились надписи типа «Здесь живет шпион» и «Жить тебе осталось пять дней!». Однако на запрос своей гватемальской агентуры ответственный за психологическую войну сотрудник резидентуры «ЛИНКОЛЬН» ответил, что физическое устранение адресатов подметных писем пока нецелесообразно, потому что может вызвать ответные репрессии правительства[50].

Тем не менее еще 9 марта 1954 года ЦРУ в принципе утвердило план физической ликвидации пятнадцати—двадцати гватемальцев с помощью подготовленных доминиканским диктатором Трухильо пистолерос.

На следующий день после провала мятежа высшее армейское руководство потребовало от Арбенса прекратить любое сотрудничество с ГПТ и убрать всех коммунистов с государственных должностей. Президент отказался, заявив, что компартия работает под полным его контролем и никакой подрывной деятельностью не занимается.

6 июня 1954 года со ссылкой на готовящееся вторжение Хакобо Арбенс на месяц приостановил действие конституции.

14 июня 1954 года Эрнесто Гевара отмечал свой день рождения — ему стукнуло 26 лет, и этот свой возраст Че считал по-настоящему творческим. Но все его мысли занимало не собственное будущее, а будущее Гватемалы. Теперь Эрнесто Геваре стало ясно, что вторжение США произой-

дет со дня на день. Он рекомендовал всем, кто мог донести его мысли до Арбенса, что президент должен немедленно вооружить рабочих и крестьян, а в случае вполне предсказуемого военного перевеса янки уйти в горы и начать партизанскую борьбу.

Че добился встречи с видным членом ГПТ Марко Антонио Вилламаром и депутатом гватемальского конгресса Альфонсо Бауэром Паисом*. Вилламар был полностью согласен с молодым аргентинцем, но считал положение почти безнадежным ввиду практически явного предательства военных. Он сам лично с большой группой рабочих ходил в арсенал и требовал раздать оружие сторонникам Арбенса. В ответ армия пригрозила открыть огонь. В офицерских кругах поговаривали, что Арбенс уже принял принципиальное решение уйти в отставку.

Бауэр смог уделить молодому посетителю немного времени** — он был занят правительственными делами. Позднее он вспоминал, что, где бы случайно ни встречал Че, тот постоянно читал. Позднее, уже после успеха «Успеха», Бауэр укрылся в мексиканском посольстве и Че приносил ему сведения с «воли». После победы кубинской революции команданте Эрнесто Че Гевара пригласил Бауэра на Кубу на работу в свое министерство промышленности.

Че, конечно, не знал, что на следующий день после его дня рождения «армия освобождения» Кастильо Армаса четырьмя группами (от 60 до 198 человек) начала по территории Гондураса и Сальвадора выдвижение к гватемальской границе. Планировалось захватить основной порт страны Пуэрто-Барриос (чтобы отрезать Гватемалу от возможной помощи извне) и три небольших городка, в одном из которых Кастильо Армас должен был немедленно провозгласить свое «правительство» и попросить США о помощи.

Американцы переборщили с секретностью, и ничего не знавшие об «армии освобождения» сальвадорские пограничники просто арестовали одну группу (60 человек). Еще до вторжения десять подготовленных ЦРУ диверсантов тайно проникли в Гватемалу, чтобы подорвать мосты, железнодорожные и телеграфные линии.

18 июня в 8.20 Кастильо Армас лично повел самый большой отряд своей «армии» через границу. В это же время

---

* При Арбенсе Бауэр Паис занимал, в частности, должности директора Ведомства национализированных предприятий и президента Национального аграрного банка.

** Че познакомила с Альфонсо Бауэром Паисом Ильда.

пилотируемые американцами самолеты обстреляли митинг сторонников Арбенса в столице. Затем самолеты стали бомбить и обстреливать из бортового оружия военные объекты и бедные кварталы города Гватемалы, чтобы деморализовать сторонников революции.

Че писал матери, что, к его «стыду», начавшаяся война доставляет ему радость. Наконец-то он чувствовал себя в центре реальной революционной борьбы против ненавистных гринго. Им владело чувство «магической неуязвимости». С присущим молодости оптимизмом он и мысли не допускал, что может погибнуть. Че возмущали американские бомбардировки, во время одной из них погибла двухлетняя девочка. Он считал, что теперь все гватемальцы сплотятся вокруг революционного правительства и Арбенс наконец даст рабочим и крестьянам оружие. Че писал матери: «Американцы полностью сбросили маску хорошего парня, которую им дал Рузвельт*, и они творят здесь (в Гватемале. — *Н. П.*) настоящие бесчинства. Если дела дойдут до такого состояния, что придется бороться против самолетов и современных войск, посланных фруктовой компанией или США, то будет сражение...»[51]

Гватемальская армия не приняла боя на границе, чтобы заманить «освободителей» Кастильо Армаса глубже на гватемальскую территорию. Че был с такой тактикой вполне согласен. Он писал матери 20 июня 1954 года: «Правительство [Арбенса] действует очень осторожно, чтобы не дать Соединенным Штатам повода провозгласить Гватемалу агрессором, и ограничилось протестами в Тегусигальпе (столице Гондураса. — *Н. П.*) и направлением письма с описанием событий в Совет Безопасности ООН. Силам вторжения позволили проникнуть на достаточную глубину в страну, чтобы никто не мог представить все это как один из пограничных инцидентов. Полковник Арбенс — это мужественный человек, в этом нет никаких сомнений, и он готов погибнуть на своем посту, если надо... Опасность не в количестве войск, которые пересекли границу в настоящее время, так как их крайне мало, и не в само-

---

* Президент США Франклин Делано Рузвельт (1933—1945 годы) в отношении латиноамериканских стран официально проводил политику «доброго соседа», чтобы подчеркнуть отличие от курса своих предшественников из Республиканской партии, чью линию именовали политикой «большой дубинки». При Рузвельте США стремились давить на соседей дипломатическими и экономическими методами, стараясь не использовать американские войска.

летах, которые ничего не могут сделать кроме как бомбить дома мирных жителей и обстреливать их из пулеметов; опасность в том, как гринго будут управлять своими марионетками в ООН, ибо декларация ООН, какой бы туманной она ни была, очень поможет силам вторжения»[52].

Наемники ЦРУ продвигались по Гватемале весьма неохотно, надеясь, что обещанный американцами переворот в столице избавит их от необходимости рисковать жизнью. Ставка делалась на то, что деморализованные террором с воздуха гватемальцы сами отправят Арбенса в отставку.

Первый же бой с гватемальскими вооруженными силами окончился для «освободителей» полным фиаско. 122 человека из «армии» Кастильо Армаса должны были взять главный опорный пункт армии на границе — городок Сакапу. Но гарнизон из тридцати человек обратил наемников в паническое бегство, причем были убиты или захвачены в плен 92 «освободителя». Группировка, наступавшая на Пуэрто-Барриос, была 21 июня рассеяна полицейскими и вооруженными докерами.

После начала вторжения Эрнесто Гевара немедленно записался добровольцем-медиком в молодежную бригаду левой партии «Демократический альянс». Так как в столице после начала налетов было введено затемнение, то в задачу бригады входило патрулирование улиц вечером и ночью — надо было отслеживать всех, кто нарушал режим затемнения. Ильда стала членом добровольческого женского отряда, который кормил и поил патрульных. Никакого оружия у членов молодежных бригад не было. Хотя у гватемальцев не было ни авиации, ни ПВО, ни бомбоубежищ, американцам все же не удалось вызвать в столице массовую панику.

Че предлагал силой захватить оружие в армейских арсеналах и уйти в горы. Но тут выяснилось, что радикалы — завсегдатаи кафе и дискуссионных клубов — по-настоящему воевать не хотели. Они верили, что все как-нибудь обойдется без большой крови.

Зафрахтованные ЦРУ самолеты летали из никарагуанской столицы Манагуа. Из-за относительно дальнего расстояния они не могли брать на борт много бомб. Поэтому бомбы заменялись динамитом и бутылками с горючей смесью. Надо было произвести как можно больше шума и пожаров, чтобы запугать обывателей.

22 июня американские пилоты «армии освобождения» по ошибке отбомбились по гондурасскому городку Сан-Педро-де-Копан. Госсекретарь Даллес немедленно обвинил в агрессии ВВС Гватемалы, хотя никаких ВВС у Гватемалы не было. 27 июня 1954 года американцы сбросили напалм на британский корабль «Спрингфьорд», который был нанят американской компанией для вывоза из Гватемалы кофе и хлопка. Позднее ЦРУ выплатило из своего бюджета миллион долларов компенсации за этот пиратский акт.

Гватемала потребовала срочного созыва чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН, чтобы добиться осуждения начатой против нее агрессии. Арбенс инициировал создание специальной комиссии ООН по расследованию событий в его стране и был готов немедленно принять ее представителей.

СССР, как постоянный член СБ ООН, сразу же поддержал требование Гватемалы. Американцы понимали, что даже при мобилизации всех своих марионеток в совете благоприятное для них решение маловероятно. Поэтому Эйзенхауэр поставил задачу постпреду США при ООН как можно дольше оттягивать созыв заседания. Предполагалось, что в течение выигранного дипломатами времени Кастильо Армас все же начнет наступление или Арбенса свергнет сама же гватемальская армия.

Вашингтону повезло — американский постпред при ООН Генри Кэбот Лодж председательствовал в Совете Безопасности в июне 1954 года. Хотя Генеральный секретарь ООН швед Даг Хаммаршёльд* согласно процедуре требовал немедленного созыва заседания, Кэботу Лоджу все же удалось отодвинуть его на 25 июня.

24 июня люди Кастильо Армаса добились первого успеха, заняв маленький город Чикимула. Как и предусматри-

---

* США никогда и ничего не забывают. В ночь на 18 сентября 1961 года Хаммаршёльд погиб в авиационной катастрофе на границе Конго (сегодня Демократическая Республика Конго) и Северной Родезии (ныне Замбия). Он должен был встретиться как посредник с прозападным сепаратистом Мозесом Чомбе, зверски убившим при помощи ЦРУ первого премьер-министра независимого Конго Патриса Лумумбу. Официально причины катастрофы неизвестны по сей день. Единственный выживший пассажир самолета американский сержант Гарольд Джулиен сообщил, что перед крушением на борту были слышны взрывы и летали искры. В 1961 году Хаммаршёльду посмертно была присуждена Нобелевская премия мира.

вал сценарий «Успеха», было образовано временное правительство. Радиостанция наемников «Голос освобождения» распространяла небылицы о тысячах до зубов вооруженных «повстанцах», которые-де вот-вот войдут в столицу.

Кэбот Лодж давил на союзников и сателлитов США, чтобы те проголосовали на заседании Совбеза ООН за передачу гватемальского вопроса на усмотрение послушной Вашингтону ОАГ. Этому сопротивлялись даже Париж и Лондон. Американцы грозили, что в случае неповиновения перестанут поддерживать Англию и Францию в их колониальных авантюрах на Кипре, в Индокитае и в отношении Суэцкого канала. 20 июня на заседании СБ ООН пять членов Совета Безопасности (против четырех) поддержали проект резолюции США, однако СССР наложил вето и заблокировал передачу «гватемальского досье» ОАГ. Англия и Франция воздержались. Американский представитель отрицал роль США во вторжении банд Кастильо Армаса на том основании, что Эйзенхауэр, как бывший главком союзных войск в Европе в годы Второй мировой войны, не может быть «империалистом».

24 июня США применили право вето против предложения Гватемалы о создании специальной комиссии Совета Безопасности по расследованию событий в Гватемале. Причем помимо СССР данную инициативу Гватемалы поддержали Англия и Франция. Впервые в истории ООН США таким образом заблокировали инициативу, поддержанную их же союзниками. Хаммаршёльд охарактеризовал позицию США как «самый серьезный удар, нанесенный по ООН» за всю историю организации[53].

Арбенс отдал приказ контингенту гватемальской армии под командованием полковника Виктора Леона в местечке Сакапа нанести «армии освобождения» решающее поражение. Леона считали верным Арбенсу офицером, хотя на самом деле он был связан с заговорщиками и всячески оттягивал момент наступления, ссылаясь на трудности логистики. Но разгром Кастильо Армаса, уверял президента Леон, все равно дело ближайших дней.

Коммунисты подозревали измену, и ГПТ отправила генерального секретаря ЦК партии Альберто Монсона в Сакапу, чтобы выяснить реальное положение дел. Монсон вернулся 25 июня в столицу и сообщил Арбенсу, что армия не желает сражаться. Президент отрядил в Сакапу еще одного инспектора, но тот, подтвердив диагноз Монсона,

привез еще и требование офицеров из Сакапы Арбенсу уйти в отставку. Военные считали, что американская поддержка «армии» Кастильо Армаса делает победу над ним невозможной. Если президент не уйдет, то армейский контингент в Сакапе объединится с «армией освобождения» и двинется на столицу.

Психологическое давление на Арбенса сопровождалось усилением воздушных налетов. Несмотря на то что гватемальцы смогли сбить несколько самолетов, Эйзенхауэр по просьбе ЦРУ лично распорядился передать для операции «Успех» еще несколько машин.

После взятия мятежниками Чукимулы (что оказалось единственным военным успехом Кастильо Армаса) Арбенс собрал ночью 25 июня экстренное совещание членов правительства, лидеров политических партий и профсоюзов. Президент объявил, что армейский контингент в Сакапе вышел из повиновения, и предложил срочно раздать оружие народу. Начальник генштаба Диас не возражал, а представители профсоюзов обещали выставить тысячи бойцов. Причем профсоюзы уже дрались на улицах столицы вместе с частями армии сначала против диктатуры Убико в 1944 году, а затем — отражая попытку государственного переворота в 1949 году.

Казалось, что Эрнесто Гевару наконец-то услышали.

Однако как только Диас покинул совещание, он с высшими армейскими офицерами отправился к американскому послу. Перифуа потребовал немедленной отставки Арбенса в обмен на перемирие с «армией освобождения». В противном случае США по-настоящему возьмутся за Гватемалу, причем с помощью соседних диктаторских режимов. Военные вернулись к Арбенсу и потребовали сдать власть, обещая сохранение основных завоеваний революции. Потрясенный предательством своих друзей-офицеров и измученный постоянным американским давлением Арбенс скрепя сердце дал свое согласие.

Проинформировав о своем решении правительство, теперь уже бывший президент 27 июня в 20.00 покинул президентский дворец, записав на пленку свое обращение к народу (его передали в эфир через час). Арбенс сообщил гватемальцам, что принял решение уйти, чтобы не дать США повода для полномасштабного вторжения и сохранить завоевания Октябрьской революции 1944 года. Пешком Арбенс отправился в расположенное неподалеку

мексиканское посольство, где попросил политическое убежище*.

После отставки Арбенса Диас объявил, что им сформировано военное правительство и оно намерено продолжать борьбу против Кастильо Армаса. Однако через два дня Перифуа потребовал от Диаса сложить полномочия, опять-таки грозя полномасштабным американским вмешательством. В вину Диасу Перифуа поставил то, что тот разрешил Арбенсу обратиться к народу, а в этом обращении прозвучала критика США. Чтобы Диас стал более сговорчивым, американские самолеты на службе «армии освобождения» разбомбили главный арсенал гватемальской армии.

Перифуа также передал Диасу список «красных» и потребовал расстрелять их на следующий день. Полковник отказался, и тогда по просьбе все того же Перифуа его в ходе бескровного переворота сверг другой, более сговорчивый полковник Эльфего Эрнан Монсон Агирре. Армейский контингент в Сакапе подписал соглашение с Кастильо Армасом, перейдя под его командование в обмен на амнистию.

Хотя Монсон Агирре и был ярым антикоммунистом и клялся в верности США, он все же не хотел передавать власть Кастильо Армасу. Тогда американцы «попросили» сальвадорского диктатора Осорио выступить посредником, и тот пригласил Монсона Агирре и Кастильо Армаса к себе 30 июня. Перифуа хотел поначалу остаться за кадром, но так как после первого дня переговоров они грозили обернуться полным провалом, ему также пришлось выехать в Сан-Сальвадор. Перифуа, по выражению Даллеса, «намылил головы» и Монсону Агирре, и Кастильо Армасу, и 2 июля было объявлено о «компромиссе». Кастильо Армас и его заместитель входили в военную хунту из трех человек под номинальным руководством Монсона Агирре. 7 июля все эту игру марионеток закончили — Монсон Агирре ушел в отставку и Кастильо Армас стал президентом хунты и фактическим главой государства.

---

* Вся дальнейшая жизнь этого человека прошла в эмиграции. Сначала он отправился в Париж, оттуда выехал в Прагу, затем в Уругвай, а с 1960 года по приглашению Фиделя Кастро жил на Кубе. В 1965 году Хакобо Арбенс поехал на похороны дочери в Мексику (она покончила жизнь самоубийством) и остался там. 27 января 1971 года был найден мертвым в ванной комнате. Точные причины его смерти неизвестны по сей день. Жена распорядилась похоронить его в Сальвадоре, и только в 1995 году его останки перевезли на родину.

В Гватемале были сразу же запрещены все политические партии, разогнаны профсоюзы и отменена аграрная реформа. Начался «белый» террор.

К моменту свержения Арбенса Че был врачом в бригаде имени Аугусто Сандино под командованием никарагуанца Родольфо Ромеро (Ромерито)*. В бригаду входили в основном молодые эмигранты из разных стран Латинской Америки. Ромеро вспоминал, что Че явился в бригаду 24 июня с рекомендательным письмом от одной чилийской коммунистки. Как только Че узнал, что Ромеро никарагуанец, он сразу же стал говорить о поэзии выдающегося никарагуанского поэта и мыслителя Рубена Дарио, которую хорошо знал.

Че сидел в штабе бригады и с нетерпением ждал, когда же наконец начнут раздавать оружие. Ромеро и правда выдал ему чешскую винтовку, показал, как с ней обращаться, и Че отправился на свое первое боевое задание. Он должен был с 12 часов ночи до 6 часов утра нести караульную службу на крыше высокого дома.

Эрнесто хотел на фронт, но вместо этого ему дали приказ прибыть в больницу и ждать дальнейших указаний. Их так и не последовало.

Неожиданная для всех отставка Арбенса и последующие игры гватемальских военных с американцами убедили Че в том, что профессиональные военные в Латинской Америке — предатели и в случае победы истинной революции старую армию надо немедленно распустить. Так и сделали на Кубе в 1959 году.

4 июля 1954 года Че писал матери: «Все прошло так, как в прекрасном сне, от которого не хочется отрываться, несмотря на то, что он уже кончился. Реальность стучится в двери, и винтовочные выстрелы, которые мы слышим, стали расплатой для многих неисправимых сторонников

---

* Родольфо Ромеро в 1948 году воевал на стороне Пепе Фигереса в гражданской войне в Коста-Рике, и Фигерес обещал ему оружие и помощь в свержении диктатуры Сомосы в Никарагуа. Однако в том же 1948 году под давлением США Ромеро пришлось выехать из Коста-Рики в Гватемалу. Там Ромеро вступил в ГПТ и активно изучал марксизм. На международной молодежной конференции в Вене в 1951 году он познакомился с Раулем Кастро. После свержения Арбенса скрывался, спал в зоопарке, но был схвачен и выдан властям Никарагуа. В Никарагуа Ромеро стал одним из основателей Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО). Когда Че в 1959 году пригласил его на Кубу, они обнялись и команданте спросил: «Так тебя таки не убил Кастильо Армас?» — «Да нет, как видишь».

прежнего режима. Военные, по-видимому, — это предатели по самой своей сути, и еще раз подтверждается правильность афоризма, что предпосылкой любой истинной демократии является отмена армии (а если такого афоризма не существует, то я его, таким образом, придумал)...

Голая правда состоит в том, что Арбенс оказался не на высоте момента... Он не понял, что город (столица. — *Н. П.*) кишит реакционерами... Он не вспомнил, несмотря на примеры Кореи и Индокитая, что вооруженный народ — это непобедимая сила. Он мог бы вооружить народ, но решил этого не делать. Вот и результат»[54].

Во время атаки против Гватемалы Че продиктовал Ильде свою первую политическую статью «Я видел падение Хакобо Арбенса». Из нее видно, насколько глубокими и устоявшимися были уже на тот момент революционные убеждения Эрнесто Гевары. Нет никаких сомнений, что автор являлся марксистом.

Статья начиналась анализом международной ситуации, которую Че видел как борьбу между социализмом и империализмом. Эта борьба началась с победы Октябрьской революции в России и продолжалась после китайской (1949) и алжирской* революций. Таким образом, революционная борьба в Латинской Америке — составная часть общемировых объективных процессов.

В свою очередь Гватемала — часть латиноамериканского революционного процесса.

На примере этой страны Че сформулировал мысль, ставшую для него определяющей в тактике всей его последующей революционной борьбы. Вся латиноамериканская буржуазия (и гватемальская в частности) настолько тесно связана экономически с США, что никогда не станет участвовать в борьбе за подлинную национальную независимость. Поэтому абсолютно бесполезно рассматривать ее даже и как временного союзника. Она всегда предаст ради долларов, что и продемонстрировала Гватемала.

Отсюда следовал логичный вывод о предательской сути политики таких икон латиноамериканского буржуазного реформизма, как Фигерес, Айя де ла Торре или Бетанкур. Если народ поднимется против эксплуатации со стороны американских компаний (типа «Юнайтед фрут» в Гватема-

---

* На момент написания статьи алжирский народ с помощью социалистических стран еще вел вооруженную борьбу против французских колониальных войск. Эта борьба закончилась победой в 1962 году.

ле), то эти «националисты» всегда окажутся вместе с Вашингтоном.

Пример Гватемалы, писал Че, показывает всю тщетность попыток договориться с американцами о более честном распределении прибыли от эксплуатации их компаниями природных ресурсов Латинской Америки. Янки понимают только язык силы.

Статья заканчивалась более чем красноречивым и пророческим предложением: «Борьба только начинается»[55].

Когда Арбенс ушел в отставку, Че предложил Ильде уехать вместе с ним в Мексику и выйти за него замуж. В его дальнейших планах были путешествие в Европу (включая СССР) и Китай. Но Ильда хотела вернуться в Перу, а потом обосноваться в Аргентине, где Перон в то время проводил довольно независимую внешнюю и весьма прогрессивную внутреннюю политику. По просьбе Ильды Эрнесто дал ей адрес своих родителей, чтобы помочь обзавестись связями. В то же время он усмехнулся и заявил, что все равно они встретятся в Мексике и все равно она станет его женой.

Несмотря на то что Че и его подругу достаточно хорошо знали в гватемальской столице как активных сторонников Арбенса, Че поначалу скрываться не желал — он был человеком гордым. Правда, по политическим мотивам его выгнали из больницы, и он нашел прибежище у двух сальвадорских женщин, которые сами опасались ареста и уже попросили политического убежища.

Когда Кастильо Армас стал единоличным правителем, то по требованию американцев примерно с середины июля 1954 года он начал массовые расправы над сторонниками революции. Сальвадорские женщины уехали, и Че пришлось искать себе новое убежище.

У Че был аргентинский паспорт, что давало ему определенную защиту от произвола «освободителей». В эти страшные для Гватемалы дни Эрнесто регулярно наведывался в аргентинское посольство, передавая прошения о предоставлении политического убежища от своих друзей и знакомых, находившихся на нелегальном положении. Но затем он узнал, что Ильда арестована и что полиция интересовалась им самим. Че не любил безрассудного и бесполезного риска, поэтому он попросил убежища в аргентинском посольстве, которое ему, как аргентинскому гражданину, естественно, было предоставлено. Однако его преисполняла решимость сдаться новым властям в обмен

на освобождение Ильды. Его отговорили друзья, логично аргументируя тем, что его-то точно арестуют, а Ильду вряд ли выпустят.

Опасения за себя и за Ильду были отнюдь не беспочвенными, хотя Че, конечно, не знал, что госсекретарь США Даллес потребовал от Кастильо Армаса не выпускать из Гватемалы революционно настроенных иностранцев, ведь они могут собраться в какой-нибудь стране и продолжить свою «подрывную» деятельность. На сей раз и сам Даллес не предполагал, насколько он близок к истине.

ЦРУ собрало весьма внушительное досье на эмигрантов-революционеров в Гватемале. Возможно, было заведено дело и на аргентинца Эрнесто Гевару. Глава резидентуры американской разведки в Гватемале тех дней Дэвид Эттли Филипс вспоминал: «Один из аналитиков компании* через несколько дней после переворота дал мне листок бумаги, который содержал биографические данные на аргентинского врача двадцати пяти лет, попросившего убежища в мексиканском посольстве... "Думаю, нам стоит завести на него досье", — сказал он. Хотя имя [аргентинца] мне тогда ничего не говорило, досье Эрнесто Гевары... в одно прекрасное время станет одним из самых пухлых в ЦРУ»[56].

Конечно, Филипс мог и выдумать эту историю ради раздувания собственного имиджа «проницательного» оперативника. Такое за ним замечалось. Странно, что в своих воспоминаниях (к этому времени Че был фигурой мирового масштаба) Филипс перепутал, например, мексиканское посольство с аргентинским.

Филипс работал на ЦРУ с 1950 года, но полноценным сотрудником стал в 1954 году как раз в Гватемале. После этого он специализировался на Латинской Америке, занимаясь в том числе и подрывными операциями против Кубы.

В ЦРУ, по крайней мере, до сего дня отрицают, что досье на Эрнесто Гевару было заведено в 1954 году. Хотя американская разведка, как показало, например, дело Ли Харви Освальда, лихо уничтожала и подтасовывала собственные документы ради сокрытия правды. Кстати, сам Филипс, по некоторым данным, был связан с Освальдом и «подводил» его к участию в раскрытии заговора против Джона Кеннеди, хотя на самом деле в этом заговоре Освальду была отведена роль козла отпущения.

---

* «Компанией» (*Company*) сотрудники ЦРУ неофициально именуют свое ведомство.

При аресте Ильду первым делом спросили, где находится Эрнесто Гевара. Полиция предъявила фото и просила ее указать на них Че (она его «не узнала»). Ее посадили в камеру с женщинами-убийцами и кормили отвратительным бобовым супом и тортильями. Ильда отказывалась есть баланду и питалась только чаем и яблоками. Сначала ее заставляли грузить дрова, потом она пекла тортильи на кухне. Храбрая женщина объявила голодовку, требуя освобождения (ведь ее никто не допрашивал и никакого обвинения не предъявлял), и попутно учила своих сокамерниц грамоте. Ее посетил посол Чили, сообщивший, что перуанские власти отказались выдать ей паспорт и у нее нет возможности выехать на родину.

Наконец Ильду доставили в прокуратуру, где обвинили в том, что она коммунистка. Основанием послужили найденные при обыске заметки об аграрной реформе в Латинской Америке. Такие обвинения в «освобожденной» Гватемале могли обернуться смертным приговором. 19 июля 1954 года Кастильо Армас учредил «Национальную комиссию по защите от коммунизма». Потом был принят новый уголовный кодекс, согласно которому за широкий и весьма неопределенный круг «преступлений» типа «политического саботажа» вводилась смертная казнь. Аграрная реформа Арбенса была немедленно отменена как «коммунистическая», а всех безграмотных крестьян-индейцев лишили избирательного права.

Поэтому Ильду могли расстрелять даже за найденный среди ее вещей текст трудового кодекса времен Арбенса — ведь этот документ тоже был признан «коммунистическим». Че изрядно повеселился бы, узнав, что его подругу обвинили еще и в связях с «опасным коммунистом» Бетанкуром. Кстати, от такого обвинения и сама Ильда едва сдержала смех, но, понимая дремучесть новой гватемальской юстиции, она лишь ответила, что профессионал-экономист должен читать любую литературу, включая марксистскую. Допрос закончился неожиданно — прокурор объявил, что Ильду хочет видеть Кастильо Армас. Тот был с ней знаком и, видимо, был не прочь проявить джентльменское великодушие. Ильда направила Кастильо Армасу телеграмму, требуя немедленного освобождения, угрожая в противном случае возобновить голодовку. Она была готова встретиться с Кастильо Армасом только в статусе свободного человека.

«Освободитель» в данном случае решил, видимо, соответствовать своему титулу, и 26 июля 1954 года (в нацио-

нальный праздник Перу) Ильду действительно выпустили из тюрьмы. Она позвонила в аргентинское посольство, где ей сообщили, что Эрнесто очень хочет ее видеть. Ильда два раза пыталась попасть в тщательно охраняемое гватемальской полицией посольство*, но безуспешно.

Пребывая в аргентинском посольстве, Эрнесто мучился приступами астмы, однажды он целый день ничего не ел, чтобы «очистить тело от шлаков». Ильда послала ему немного меда. Записи в дневнике показывают, что Че очень страдал от вынужденного бездействия и затворничества. Чтобы убить время, он помогал на кухне и составлял психологические портреты товарищей по несчастью. Ильда в письме заклинала его не покидать убежища без четких гарантий безопасности со стороны новых властей.

Сама Ильда получила телеграмму от нового гватемальского президента, в которой «освободитель» приглашал ее на личную встречу, собираясь на которую она нарочито надела красное «коммунистическое» платье. В приемной у нее отобрали сумочку — галантный кавалер опасался за свою жизнь. Он гордо восседал за президентским столом, но под рубашкой угадывался бронежилет. Кастильо Армас дружески вел себя — он извинился перед Ильдой за пребывание в тюрьме и дал гарантии личной безопасности. Ильда решила воспользоваться благоприятным настроением своего визави и попросила тех же гарантий для других латиноамериканцев (конечно же думая и о Че). Однако Кастильо Армас, видимо, вспомнил указания Джона Фостера Даллеса и ответил, что судьбы этих людей будут решаться отдельно в каждом конкретном случае. К тому же при беседе присутствовали два офицера, и Кастильо Армас понимал, что любое его неосторожное обещание станет известно американцам и может стоить ему президентского кресла.

В августе 1954 года Перон распорядился прислать в Гватемалу самолеты для вывоза всех политических эмигрантов из аргентинского посольства в Аргентину. Че по достоинству оценил этот великодушный жест и окончательно поменял доселе негативное отношение к президенту своей родины. Но, несмотря на уговоры посла, возвращаться в

---

* Наиболее опасные, с точки зрения американцев и их марионеток, «элементы» нашли убежище в посольствах Аргентины и Мексики. Эти две страны в то время проводили довольно независимую внешнюю политику и осудили интервенцию против Гватемалы. Именно в Мексике нашли политическое убежище большинство иностранцев — сторонников Арбенса.

Аргентину Че не желал. При этом он охотно раздавал адреса своих родных и знакомых эмигрантам, чтобы помочь им обосноваться в чужой стране. С одним из самолетов семья передала Эрнесто деньги (120 долларов), одежду (два костюма) и столь любимый Че мате (4 килограмма). В ответном письме Эрнесто благодарил родных за подарки, но подчеркивал свой девиз путешественника: «...минимум багажа, сильные ноги и желудок как у факира»*.

После того как в посольстве среди беженцев произошел конфликт на политической почве, их разделили на две группы: «демократов» и «коммунистов». Че, естественно, оказался среди последних (13 человек), которых признали зачинщиками «беспорядков» и отправили под домашний арест в посольский гараж.

В конце августа 1954 года 118 беженцев, находившихся на территории аргентинского посольства, вылетели в Буэнос-Айрес на пяти самолетах.

Че все же ушел из посольства, хотя никаких гарантий безопасности у него не было. Ильда прислала ему адрес ресторана, где обычно обедала, и в один прекрасный день там появился Че. В ресторане его многие узнали, но сделали вид, что понятия не имеют, кто это такой, предполагая, что за ним следит полиция. Зато владелец ресторана проявил гражданское мужество и бесплатно накормил знакомого аргентинца.

Че рассказал Ильде, что отнес паспорт в мексиканское посольство и ждет визы. Он вновь попытался уговорить ее ехать с ним в Мексику, но безуспешно. В ожидании визы Че прятаться не собирался и на три дня поехал на живописное озеро Атитлан, где жил среди индейцев, ночуя в спальном мешке: «Если бы я не был так расстроен тем, что произошло в Гватемале, то написал бы поэму. Там прямо-таки ощущаешь себя поэтом»[57]. При этом он не сомневался, что когда-нибудь эти забитые и неграмотные люди поднимутся на борьбу — они не простят американцам лето 1954 года.

Че еще раз предложил Ильде выйти за него замуж. Обрадовавшись, она все же испытывала к Эрнесто легкое недоверие. Тот с самым серьезным лицом шутил, что в Мексике собирается податься в кинобизнес и наконец-то стать актером. Ильда на какое-то мгновение подумала, что ее друг вправду подумывает о кинокарьере. Она принялась горячо убеждать его, что актеру с революционными взглядами не

---

* Факиры, как известно, «глотают» всё — от огня до шпаг.

дадут пробиться на экран ни в одной капиталистической стране. Уж лучше подметать улицы, мыть тарелки или работать по специальности — врачом.

Че уговорил Ильду сопровождать его на поезде до гватемальско-мексиканской границы. По дороге он читал написанные для нее стихи, Ильда была тронута и едва не решилась ехать с ним в Мексику. Но у нее не было ни паспорта, ни мексиканской визы. Она дала ему адреса нескольких перуанцев в Мексике, и они расстались. Тогда Ильда подумала, что вряд ли снова увидит Че.

Но как только она вернулась в гватемальскую столицу, ее остановили полицейские и сообщили, что принято решение депортировать ее... в Мексику. Ильде позволили собрать вещи и доставили в женскую тюрьму. Правда, уже на следующий день на том же самом поезде, на котором они ехали вместе с Че, ее отправили на мексиканскую границу в сопровождении полицейского с лицом гангстера.

На границе Ильду снова поместили в тюрьму, так как разрешение на депортацию еще не пришло, и никто не знал, когда его ждать. Спать приходилось в одежде прямо на грязном полу, все туалетные принадлежности заменял тазик с водой. Кормить тоже никто не собирался — арестантов водили под конвоем в соседний ресторан, где они должны были питаться за свой счет. Ильда не раз опасалась за свою жизнь и честь — как-то ночью пьяный охранник с ружьем предложил ей поохотиться с ним на крокодилов.

Ильда написала письмо Че, сообщив, что, как только получит разрешение на выезд, присоединится к нему в Мексике. Заместитель начальника тюрьмы (он утверждал, что является племянником Кастильо Армаса) вызвался за деньги помочь нелегально переправить Ильду в Мексику. Но тут пришел личный приказ «освободителя» немедленно депортировать всех эмигрантов (включая Ильду) в Мексику. Так как мексиканской визы у Ильды не было, сами же тюремщики предложили ей за 50 кетцалей (денежная единица Гватемалы) нелегальный переход границы. Ночью она надела купальник, поместила вещи в пластиковый пакет и на маленьком плоту едва переплыла через разбухшую в сезон дождей пограничную речушку. В небольшом мексиканском приграничном городке Тапачула Ильда запросила политическое убежище и написала письмо Эрнесто с рассказом о своих злоключениях.

Гватемала стала решающим этапом в жизни Эрнесто Гевары. Он приехал в эту страну как любопытный путеше-

ственник, правда, имевший твердые революционные теоретические убеждения. Из Гватемалы в Мексику уже уезжал человек, нацеленный на реальную революционную борьбу против американского империализма. На основе гватемальского опыта Че понял, что американцы никогда не позволят латиноамериканским странам идти своим путем. Понял он и то, что идти на уступки Вашингтону ради спасения революционных достижений бесполезно. Отсюда следовал вывод: никаких компромиссов с янки, они отступят только перед решимостью народа, с оружием в руках защищающего свою свободу.

28 июля 1959 года резидентура ЦРУ в Гаване направила в штаб-квартиру американской разведки секретное донесение о политических взглядах одного из лидеров победоносной кубинской революции Эрнесто Че Гевары. В документе, составленном как бы от имени Че, говорилось: «США совершили большую ошибку в Гватемале. Хотя сам Арбенс и некоторые его последователи и были коммунистами, движение в Гватемале было по сути своей народным — народ против "Юнайтед фрут". Гевару это трогает гораздо больше, чем американская помощь Батисте. Его тогдашнюю жену волокли по улицам люди Кастильо Армаса*. Гватемала тогда стала победой "Юнайтед фрут", но превратила во врагов США целое поколение латиноамериканцев»[58]. Вернее не скажешь.

В письме Тите Инфанте из Мехико (от 29 сентября 1954 года) Че с горечью писал, что он и его единомышленники в Гватемале чувствовали себя как испанские республиканцы — преданными внутри страны и за ее пределами. Только в отличие от республиканцев, отмечал Че, им не удалось пасть на поле боя с тем же благородством[59].

Но борьба для него не закончилась, она только начиналась.

---

* Сюжет про Ильду подчеркнут в донесении ЦРУ. Видимо, в Лэнгли ошибочно считали, что ненависть Че Гевары к США во многом вызвана личными мотивами.

Глава третья

СУДЬБОНОСНЫЙ ВЫБОР. МЕКСИКА (1954—1956)

Я снова вспоминаю наших мертвых.
Той первой смерти нам не позабыть...
Октавио Пас

Когда в сентябре 1954 года Че Гевара прибыл в Мексику, он сразу же почувствовал разницу политической атмосферы в этой стране и в Гватемале.

В 1910—1917 годах Мексика пережила мощную народную антиимпериалистическую революцию, которую безуспешно пытались подавить американцы. Имена героев тех событий — Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты стали широко известны в Латинской Америке. В 1930-е годы президент Мексики Ласаро Карденас провел радикальную аграрную реформу и национализировал имущество американских нефтяных компаний. На улицах многих мексиканских городов висели огромные портреты Ленина и Троцкого, и, несмотря на ожесточенное противодействие США, уже в 1924 году страна установила дипломатические отношения с СССР. Именно в Мехико появилось первое советское посольство в Латинской Америке.

Но в 1954 году все эти блестящие революционные достижения были уже изрядно подзабыты. Хотя страной попрежнему правила основанная после победы революции Институционно-революционная партия (ИРП)*, она твердо вела страну по пути зависимого капитализма, стараясь угождать американским интересам во всех сферах. Сбывались слова мексиканского президента Порфирио Диаса: «Бедная Мексика! Она так далека от Бога и так близка к США!»

Конечно, как и во всех странах Латинской Америки, американцев в Мексике, мягко говоря, недолюбливали. Но правящая элита, несмотря на свой «революционный» имидж, была связана с США экономическими интересами

* Ей будет суждено непрерывно оставаться у власти до 2000 года.

и благоговела перед американским образом жизни: виски вместо текилы и гамбургеры вместо тортильи.

Когда Че появился в Мехико, ему показалось, что он попал в столицу всемирной коррупции. Все только и говорили, где бы еще раздобыть денег. Причем желательно долларов. Че так и говорил, что вдыхает в Мексике «демократию доллара». Он писал тете Беатрис, что Мехико принял его с равнодушием старой шлюхи: «...она не ласкала меня и не показывала мне зубы»[60]. Экономическую ситуацию в Мексике Че описывал как «ужасную»: «...цены растут тревожными темпами, а растление таково, что все профсоюзные лидеры куплены и предают членов профсоюзов, подписывая несправедливые [трудовые] договоры с различными американскими компаниями... В Мексике практически нет независимой [от США] промышленности и еще меньше там свободной торговли. Эта страна идет по пути тотальной дезинтеграции, и я не преувеличиваю, что единственным способом здесь сделать деньги — это стать сутенером американцев...»[61]

Иммигрантам из Гватемалы в Мексике в целом сочувствовали, но все же искренне не могли понять: зачем надо было связываться с коммунистами и провоцировать американцев?

Поначалу Че просто хотел найти в Мексике работу, чтобы накопить денег на продолжение своего путешествия. Он хотел поездить по США, а затем отправиться в Европу. Впрочем, эти планы часто менялись. Ильда вспоминала, что ее друг одно время хотел отправиться в Африку, чтобы лечить там нищее население. Богемный образ жизни, противный любой дисциплине, давал себя знать. Себя Че называл «ленивой собакой», которую кто-то должен жестко наставлять на путь истинный.

30 сентября 1954 года Че написал отцу, что намерен ходатайствовать о получении американской визы. Матери он сообщил, что ни на йоту не утратил своей антипатии к США, но хотел бы «по крайней мере, увидеть Нью-Йорк»[62].

Именно в силу своей недостаточной (по его же мнению) дисциплинированности Че не хотел вступать в коммунистическую партию, хотя еще с Гватемалы считал себя идейным коммунистом. Пока ему казалось, что он еще не готов полностью посвятить себя какой-либо организации, пусть и с самыми благородными целями. При этом после Гватемалы он восторгался коммунистами, о чем писал родным. Все сторонники Арбенса после переворота спасали собственную

шкуру, и только коммунисты не были готовы поступиться принципами и были настроены на продолжение борьбы. В письмах он просил родственников помогать коммунистам, сумевшим вырваться из Гватемалы в Аргентину.

Ильда удивилась бы, но Че взаправду обратился к знакомому своей семьи Улисесу Пети де Мюрату, который писал сценарии для мексиканских киностудий. Ему казалось, что в кинобизнесе он быстрее заработает денег для своих странствий. Улисесу Эрнесто понравился, и он пригласил его жить к себе, обещая выхлопотать какой-нибудь грант. Но Че от такой помощи отказался — он хотел зарабатывать на жизнь своей головой и своими руками. К тому же Улисес явно усматривал в Че жениха своей дочери, а Эрнесто не собирался изменять Ильде.

На первых порах Че подрабатывал фотографом в аргентинском агентстве новостей «Ахенсиа Латина» (что давало 700 мексиканских песо в месяц). Одновременно он устроился аллергологом в Центральную больницу Мехико, время от времени трудился в детской больнице. Здесь он продолжал собирать материал для своей книги о роли врача в Латинской Америке.

В июле 1956 года, когда Че уже точно попал в разработку ЦРУ и ФБР, американская разведка утверждала, что два «врачебных» места работы приносят ему совокупно 2300 песо, что выглядит явным преувеличением. В донесении ЦРУ также утверждалось, что Эрнесто Гевара никогда не изучал медицину, а «синекуры» в больницах получил благодаря протекции известного мексиканского рабочего лидера Висенте Ломбардо Толедано[63]. Среди покровителей Че американская разведка упоминала и бывшего президента Ласаро Карденаса. Складывается впечатление, что такими «сведениями» американцы просто хотели опорочить Ломбардо Толедано и Карденаса, которые были непримиримыми противниками американского империализма и в то же время крайне популярными в Мексике политическими фигурами.

На самом деле Че познакомился с директором Центральной больницы доктором Салазаром Майеном через одну женщину-врача из Центральной Америки. Майен предоставил Че низкооплачиваемую должность ассистента в аллергологическом отделении, чтобы тот в свободное время продолжал изучение аллергических болезней, то есть занимался именно тем, что ранее изучал в университете.

Вместе со своим другом, молодым гватемальцем Хулио Роберто Касересем (Эль Патохо, «Коротышка», так его про-

звали за небольшой рост) он ходил по улицам мексиканской столицы и фотографировал туристов, потом продавая им эти снимки. Вряд ли ему пришлось бы заниматься этим, если бы у него и правда были описанные американской разведкой «синекуры». Эль Патохо был членом Гватемальской партии труда, интеллигентным и очень застенчивым человеком. После победы кубинской революции Че взял друга на работу в свое министерство промышленности.

29 ноября 1954 года Че писал Тите Инфанте, что его финансовые дела плохи и ему с трудом удается даже месяц прожить без долгов. На него часто находят пессимизм и меланхолия, и он лечит их мате и сочинением стихов. Сам Че описывал свою «пролетарскую жизнь» в Мехико как череду надежд и разочарований.

Вскоре в эту жизнь вошла приехавшая в мексиканскую столицу Ильда. В Мехико она позвонила Че и, прикрыв трубку носовым платком, попросила к телефону «доктора Гевару». Тот сразу узнал подругу и уже через несколько минут был у нее в отеле. По словам Ильды, Че вновь предложил ей руку и сердце, но перуанка опять просила подождать. На сей раз Эрнесто, раздосадованный очередным отказом, предложил ей остаться друзьями. Ильда поспешила уверить его в своих чувствах — ей всего лишь надо осмотреться и найти работу.

Ильду потряс вопрос Че, который он задал ей при первой же встрече: должен ли истинный коммунист бороться в рядах сторонников народной революции? Ильда сразу же смекнула, что Че, возможно, опять встретился в Мехико со знакомыми по Гватемале «горячими» кубинцами[64]. Она ответила, что настоящий коммунист всегда должен быть в авангарде революционной борьбы. Че задумчиво произнес: «Да. Я тоже так думаю».

Насчет кубинцев Ильда угадала правильно.

Как-то раз, в октябре 1954 года, когда Че работал в Центральной больнице (причем бесплатно), на прием явился его гватемальский друг, кубинец Ньико Лопес. Он привел на осмотр знакомого, страдавшего от аллергии. Ньико и Че возобновили былую дружбу. Кубинец рассказал, что лидеров кубинской революции Фиделя и Рауля Кастро, возможно, скоро выпустят из тюрьмы.

В письмах в Аргентину Че предрекал скорую мировую войну между социализмом и империализмом, которая не может не затронуть Латинской Америки. В СССР после

смерти Сталина идет формирование нового руководства, и американцы не хотят дать ему консолидироваться. Мексика полностью в руках США, причем как отмечал Че, «...гораздо более опасным, чем мексиканская полиция, является ФБР*. Оно ведет здесь себя, как дома, и арестовывает людей без всякого основания»[65]. А вот Аргентина еще может быть спасена от участи «пушечного мяса» для американской армии. Поэтому надо поддерживать независимый внешнеполитический курс Перона.

Ильда жила в пансионе вместе с венесуэльской поэтессой Лусилией Веласкес. Че регулярно звонил и заходил, чтобы идти с Ильдой в кино, музей или просто поужинать в каком-нибудь ресторанчике. Например, в ноябре 1954 года они смотрели блестящий советский фильм «Ромео и Джульетта» (с Галиной Улановой в главной роли), после чего по обыкновению спорили. На сей раз об универсальности творчества Шекспира. В деньгах Ильда в отличие от Че стеснена не была — богатые родители выслали ей солидную сумму.

Декабрь 1954 года Ильда вспоминала как гармоничное время в отношениях с Че. Часто он обедал у нее дома и развлекал Ильду и Лусилию рассказами о Центральной больнице или о «фотографических» похождениях с Эль Патохо по улицам Мехико. Как и раньше, шли оживленные политические дискуссии, в том числе и о мексиканской буржуазии, предавшей великие идеалы своей революции. На рождество Ильда и Лусилия пригласили на праздничный ужин Че с Эль Патохо, но последний работал ночным сторожем и прийти не смог. А опоздавший из-за встречи с кубинцами Че хотел уйти еще до полуночи, чтобы составить своему другу компанию. Ильда подарила Че коричневый свитер, но не смогла скрыть, что расстроена его ранним уходом. Че лишь рассмеялся в ответ: «И что у женщин за страсть отмечать праздники? Мне меньше всего нужна сцена с твоей стороны из-за того, что я не могу остаться»[66]. Но уже рано утром на следующий день Че пришел к Ильде, и они провели вместе прекрасный день в столичном парке Чапультепек. Правда, Эрнесто был без подарка, отговорившись, что у него не было времени забрать его из дома. На самом деле на тот момент у него просто не было денег.

---

* В то время по распределению обязанностей между ЦРУ и ФБР именно ФБР (контрразведка) осуществляло в Латинской Америке все функции американских спецслужб. США даже в этом смысле рассматривали Западное полушарие как свою территорию.

Ильда была расстроена, когда вся история повторилась и на Новый год. Их пригласили на вечеринку к венесуэльским эмигрантам, но Че опять отказался: ему снова надо было идти к Эль Патохо, который работал. Ильда с вызовом сказала, что тогда пойдет на вечеринку одна. Че не возражал, и это еще больше ее разозлило. На вечеринке она познакомилась с очаровательным венесуэльцем и демонстративно танцевала только с ним. На завтра венесуэлец пригласил ее на свидание, и она почти согласилась.

Но уже 1 января 1955 года в 9 часов утра на пороге ее дома стоял Эрнесто. Досада мгновенно улетучилась, и венесуэлец был мгновенно забыт. Свой подарок — естественно книгу — Эрнесто преподнес Ильде лишь 20 января. Это был томик с поэмой «Мартин Фьерро» аргентинского поэта, политика и журналиста Хосе Эрнандеса. Они оба любили эту поэму о бедном гаучо, аргентинском Робин Гуде, вставшем на защиту справедливости. Но еще больше, чем сам подарок, Ильду тронуло написанное на титуле посвящение:

«Ильде

Если мы расстанемся, то часть моей надежды на будущее и предназначенной мне борьбы пусть останется с тобой навсегда.

Эрнесто. 20—1—55»[67].

Ильда пыталась скрыть охватившие ее эмоции, но Че все заметил: он уже прекрасно знал характер Ильды, привыкшей в силу своего аристократического воспитания не давать волю чувствам. Эрнесто улыбнулся и признался, что присмотрел подарок давно, но только сейчас появились деньги, чтобы его приобрести.

С началом нового года Ильда (которая пока еще не получила от властей Мексики разрешение на работу) пошла в университет на курсы, посвященные истории мексиканской революции. Практически все профессора в один голос утверждали, что идеалы некогда великой революции в современной Мексике преданы или забыты. Как у них было заведено, Ильда каждый вечер обсуждала с Че то, что услышала. Они вместе прочли несколько книг о мексиканской революции, в том числе Джона Рида «Восставшая Мексика» и мемуары Панчо Вильи.

Время от времени Че заново поднимал вопрос о женитьбе. Когда не до конца уверенная в его чувствах Ильда спросила, зачем ему это, Эрнесто ответил, что брак станет логическим венцом их отношений, в которых так много

нежности, товарищества, любви и интеллигентности. Наконец Ильда согласилась, но решила, что брак следует заключить именно в марте, ровно через год после того, как их начавшаяся в Гватемале дружба переросла в нечто большее. Че всегда подтрунивал над «буржуазными предрассудками» своей любимой. Не стал исключением и этот случай: «Вечно ты со своими памятными датами! Почему надо делать это ровно через год? Можно и в этом месяце. Почему именно март?» Ильда все же настояла на своем, не приведя никаких «разумных» доводов.

Вечно сомневающаяся в Че Ильда, казалось, искала подтверждения своей тревоге. Она к тому же сильно комплексовала по поводу своей не особо привлекательной внешности, а все подруги считали Эрнесто красавцем. Внутренне Ильда не могла отделаться от мысли, что своим предложением Че делает ей одолжение.

Как-то раз он забыл у нее книгу, и, перелистывая ее, она наткнулась на негатив фотографии с изображением молодой девушки в купальнике. Ильда немедленно отправила фото Эрнесто вместе с письмом, в котором она сообщала, что между ними все кончено. Че объявился в тот же вечер, хотя ранее говорил, что будет занят. Он объяснил, что на фото дочка знакомого их семьи (который работал в киноиндустрии) и что сам снимок был сделан еще до того, как он приехал в Мексику. Сама же Ильда, мол, только и ищет предлога, чтобы не выходить за него замуж и если это так, то он согласен на дружбу.

Они расстались, хотя Ильда и не думала, что все это всерьез. Она просто подспудно искала подтверждения глубины чувств Эрнесто.

Холодные ночи мексиканской столицы сильно досаждали теплолюбивой перуанке, она заболела гриппом, который дал осложнения на ухо. Пришлось даже сменить квартиру на более теплую. Лусилия сильно беспокоилась за здоровье подруги и нашла Эрнесто в больнице — он ведь все же был врачом. Эрнесто сразу приехал, обнаружил тонзиллит и прописал антибиотики, к которым сам же относился с некоторым предубеждением, считая, что в принципе организм должен побороть болезнь сам. Все рецепты оказались верными, и Ильда вскоре поправилась.

В тот день в доме Ильды Эрнесто познакомился с аргентинцем Альфонсо Пересом Бискайно, который был директором основанного Пероном информационного агент-

ства*. В это время в Мексике проходили Панамериканские игры, и Перес решил дать подзаработать своему соотечественнику, который очень понравился ему интеллигентностью и зрелостью политических суждений. Так Эрнесто на время Игр стал фотографом агентства, совмещая это занятие с работой в больнице. Фотографии проявляли его друзья кубинцы, которым, таким образом, Че тоже дал возможность улучшить их материальное положение.

Именно в доме кубинцев и состоялось примирение Че и Ильды. Че опять спросил, когда они поженятся. По спокойному, но твердому тону Ильда почувствовала, что Эрнесто спрашивает ее последний раз. Она согласилась, но опять отодвинула церемонию бракосочетания, на сей раз на май. До этого надо было получить от мексиканских властей все бумаги, легализовывавшие ее положение в стране. Мексиканские чиновники были известны своей коррумпированностью и бюрократизмом, но давать взятки для ускорения дела Ильда и Че не хотели по принципиальным соображениям. В крайнем случае они решили больше не откладывать и оформить брак в аргентинском либо перуанском посольстве (каждый из них предпочитал дипломатическое представительство именно своей страны, но Че все же убедил Ильду в правильности «аргентинского» выбора).

Стало налаживаться и материальное положение Ильды. Хотя родители могли высылать ей сколько угодно денег, она, как эмансипированная и образованная женщина, хотела зарабатывать на жизнь сама. Ей подвернулась временная, но хорошо оплачиваемая работа: Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке (ЭКЛА) поручила Ильде написать экономический обзор по индустрии выращивания кофе в Сальвадоре.

Че продолжал за копейки трудиться на своей «синекуре» в больнице. Ильда вспоминала, как он переживал за каждого пациента, особенно за бедных. Одно время он постоянно говорил ей о «старушке Марии». Это была рано состарившаяся от непосильного труда прачка, мучительно угасавшая от астмы. Че понимал, что вылечить ее уже невозможно, но старался каждую свободную минуту про-

---

* Президент Аргентины не без оснований считал, что США, используя свое доминирование в информационном пространстве Западного полушария, создают о нем и об Аргентине в целом превратное представление в мировом общественном мнении. Чтобы противостоять этой информационной агрессии, и было основано собственное аргентинское агентство новостей.

водить у постели больной, чтобы как-то ободрить бедную женщину. Ильда даже стала ревновать — ведь как только Че приходил домой, он сразу же рассказывал о «старушке Марии». После того как она умерла, Ильда нашла в тетрадке стихов Че стихотворение, посвященное старой женщине.

Многие и тогда, и потом, и после смерти Эрнесто Гевары упрекали его в якобы излишне жестком отношении к людям. Но Че просто был прямолинейным и честным, и если человек ему не нравился, то он говорил об этом прямо в глаза. Правда, не понравиться ему можно было только по политическим или моральным соображениям. И напротив, если человек ему импонировал, он абсолютно не скрывал своих чувств и ради друга и единомышленника был готов на все. Но даже те, кому Че казался излишне суровым и принципиальным, не могли отрицать того, что по отношению к себе он применял еще более жесткие моральные нормы, чем к окружающим.

Как-то на адрес Ильды и Че (тогда они уже жили вместе) пришло странное письмо из Перу, и поначалу Ильда подумала, что оно адресовано именно ей. Но выяснилось, что Че писали благодарные пациенты лепрозория Сан-Пабло, с которыми он когда-то ел за одним столом и играл в футбол. Ильда боялась даже прикоснуться к письму, но Че с улыбкой заметил, что письмами проказа не передается. В конверте оказались фотографии радостных пациентов, лица многих из них были обезображены тяжкой болезнью. Они писали, что помнят Че и благодарны ему за то, что тот отнесся к ним как к людям, а не изгоям общества, к чему они привыкли. Ильда была потрясена до глубины души, не понимая, как они смогли раздобыть их новый адрес.

1 мая 1955 года Ильда, Че и приехавший в Мехико аргентинский друг Эрнесто Рикардо Рохо решили посмотреть на первомайскую демонстрацию. 1 Мая еще с революционных времен был государственным праздником Мексики. В прошлом году Ильда и Че участвовали в первомайской демонстрации в Гватемале, там их окружали улыбающиеся люди, гордящиеся своей революцией. Помпезный парад «трудящихся» в мексиканской столице их разочаровал. Согнанные на центральные улицы члены официальных профсоюзов и госслужащие без всякого энтузиазма шествовали с кислыми физиономиями и плакатами с проправительственными лозунгами.

Неожиданно они заметили в толпе лидера гватемальских коммунистов Хосе Мануэля Фортуни, с которым Че так хотелось увидеться в Гватемале.

Друзья подошли к нему и прямо в лоб спросили, почему же коммунисты отказались от вооруженной борьбы против «армии» Кастильо Армаса. Фортуни был явно не в восторге от такого вопроса и ответил, что партия не отказывается от вооруженной борьбы и будет делать все, чтобы развернуть в Гватемале партизанское движение*. Но Че был недоволен ответом и с присущей ему прямотой сказал: «Знаешь, товарищ, возможно, было бы лучше начать бороться, когда вы были у власти. Может, все обернулось бы по-другому»[68]. Фортуни недовольно (почти враждебно) спросил что конкретно Че имеет в виду. Но Че знал, о чем говорит, ведь он так долго пытался достучаться до властей предержащих в Гватемале и теперь имел возможность сказать все, что думает, одному из лидеров гватемальской революции: «Если бы президент Арбенс покинул столицу и ушел бы в горы с группой настоящих революционеров, исход мог бы быть совсем иным. Его статус конституционно избранного президента сделал бы его символом и наделил могучей моральной силой».

Фортуни промолчал. Возможно, Че излил справедливый гнев не по адресу. Ведь гватемальские коммунисты (и лично Фортуни) настаивали, чтобы Арбенс раздал людям оружие. Но армейское командование было против, и президент (бывший офицер) сделал выбор в пользу своих товарищей по оружию, которые его же и предали.

14 июня 1955 года Ильда и Че в компании друзей отмечали день рождения Эрнесто. Неожиданно один из знакомых предложил поехать в Китай, причем за поездку надо было заплатить относительно небольшую сумму. Увидеть революционный Китай, а возможно, и самого председателя Мао было давней мечтой Эрнесто. Однако денег хватило бы только на одного. Это сразу же решило дело. Че заявил, что если они не смогут поехать вместе, то, значит, не поедет и он.

В июне 1955 года Че привел домой молодого кубинца, который сразу же понравился Ильде. Вообще-то Ильда как человек научного (а значит, несколько скептического) склада ума относилась к кубинским знакомым своего жениха снисходительно. Она считала, что у большинства кубинских революционеров эмоции идут явно впереди разума. Много разговоров и жарких споров, но мало холодного расчета

---

* Следует отметить, что партизанская война против кровавых проамериканских режимов в Гватемале шла с 1960 по 1996 год. От рук армии и нанятых олигархией «эскадронов смерти» погибло, по разным данным, от 140 до 200 тысяч человек, в основном крестьян-индейцев.

и совсем нет представления о том, что же конкретно надо сделать на Кубе после свержения диктаторского режима Фульхенсио Батисты.

Новый знакомый Че (их познакомил Ньико Лопес) представился как Рауль Кастро. Хотя он выглядел даже моложе своих двадцати четырех лет, Ильду поразила спокойная, «взрослая» и явно хорошо и не раз продуманная ясность, с которой кубинец говорил о перспективах революции в своей стране. С самой первой встречи Че и Рауль стали видеться три-четыре раза в неделю. Рауль ждал приезда в Мексику своего брата Фиделя, и было уже само собой разумеющимся, что он познакомит его со своим аргентинским другом.

Рауль и Че сразу приглянулись друг другу именно потому, что в сравнении с другими членами формируемого Фиделем революционного «Движения 26 июля» обладали прочными марксистскими взглядами и хотели строить на Кубе (как и во всей Латинской Америке) социализм.

Фидель Кастро в то время считался как на Кубе, так и во всем мире всего лишь активистом молодежного крыла Партии кубинского народа («Ортодоксы»). Эту партию образовал в 1947 году популярный кубинский политический деятель Эдуардо Чибас. Он активно выступал против коррупции на Кубе и засилья американского капитала, чем привлек под свои знамена много прогрессивной молодежи, особенно студенческой. В августе 1951 года Чибас застрелился прямо во время прямого эфира на радио, так как, будучи сенатором, не смог выполнить многого из предвыборных обещаний. Естественно, что такой благородный поступок (особенно на фоне повального цинизма основной массы кубинских политиков того времени) не мог оставить равнодушными патриотически настроенных молодых людей, в том числе и братьев Кастро. Фидель считал себя политическим наследником Чибаса и готовился к выборам в парламент, намеченным на июнь 1952 года. Но переворот, совершенный Батистой в марте 1952 года, поставил крест на попытках мирным путем добиться очищения власти от коррумпированных элементов и ограничить влияние американского капитала на Кубе (основные требования «Ортодоксов»).

Именно после этого Фидель собрал группу прогрессивной молодежи для атаки на казармы Монкада, осуществленной 26 июля 1953 года. Тогда требования восставших сводились лишь к восстановлению отмененной Батистой конституции 1940 года и проведению свободных выборов.

Политическими идеалами Фиделя в то время были Боливар и Хосе Марти, но отнюдь не Маркс или Ленин.

Рауль Кастро, как и его брат, учился в Колледже иезуитов, а затем в Гаванском университете. Но уже будучи студентом, Рауль стал членом молодежной организации кубинской компартии* «Социалистическая молодежь». «Ортодоксов» ему было явно недостаточно.

У кубинской компартии были сложные отношения с Батистой. Когда тот в 1940 году был избран президентом, он проводил довольно прогрессивную политику и, как и Перон в Аргентине, опирался на профсоюзы, где у коммунистов в то время были главенствующие позиции. В феврале 1942 года Батиста назначил лидера кубинских коммунистов Хуана Маринельо министром без портфеля. В этом же году в правительстве Батисты появился еще один министр-коммунист — Карлос Рафаэль Родригес. В то время за пределами СССР компартия Кубы была единственной партией — членом Коминтерна, участвовавшей в правительстве.

Конечно, когда в марте 1952 года Батиста путем переворота пришел к власти, он был уже не тем прогрессивным сержантом-мулатом, которого в 1930—1940-е годы ненавидела кубинская креольская аристократия. Диктатор во всем ориентировался на США, и на коммунистов обрушились репрессии. Тем не менее компартия никак не могла отделаться от традиций мирной парламентской борьбы. Поэтому НСП осудила атаку молодежи на казармы Монкада как мелкобуржуазный путчизм, хотя и отметила героизм рядовых участников боя.

Рауль Кастро оставался твердым сторонником компартии и в марте 1953 года принял участие в работе организованной Всемирной федерацией демократической молодежи** Международной конференции по защите прав молодежи в Вене.

На обратном пути Рауль познакомился с молодым советским гражданином Николаем Леоновым. Тот окончил МГИМО, но из-за конфликта с тогдашним министром иностранных дел СССР Вышинским в МИД не попал. Его распределили переводчиком с испанского языка в Издательство иностранной литературы, что было равносильно

---

* С 1944 по 1962 год компартия на Кубе официально называлась Народно-социалистической партией (НСП).

** Основанная в ноябре 1945 года под эгидой СССР левая международная молодежная организация, в которую от Советского Союза входил комсомол.

ссылке. Тем не менее в апреле 1953 года Леонова направили на стажировку в Мексику* для «подтягивания» испанского языка. Знакомство Леонова с молодым кубинцем Раулем Кастро произошло на вышедшем из Генуи торговом судне «Антонио Гритти». Рауль был твердым сторонником СССР, и неудивительно, что знакомство двух молодых людей переросло в дружбу. Леонов вспоминал: «Все мы были примерно одного возраста, говорили на одном языке, понимали друг друга с полуслова, горели желанием отдать свои жизни служению народу»[69]. 7 июня Рауль сошел на берег в Гаване, и вскоре его уже арестовала полиция.

В Мехико Леонов посещал курсы испанского языка в столичном университете. Он, конечно, и не подозревал, что вскоре некий молодой аргентинский врач сыграет в его судьбе важную роль.

Рауль вернулся на Кубу и после атаки на казармы Монкада вместе с братом был осужден на 13 лет тюрьмы. Заметим, что Коммунистический союз молодежи исключил Рауля из своих рядов именно за «путчистскую» атаку на Монкада.

Таким образом, ни у Рауля, ни у Че отношения с «официальными» компартиями никак не складывались, хотя оба, и не без оснований, считали себя убежденными коммунистами и марксистами.

В 1955 году Батиста счел свое положение на Кубе столь прочным, что в мае помиловал всех участников атаки на Монкада. Рауль и Фидель вышли из тюрьмы и сразу же включились в политическую борьбу. Фидель с головой окунулся в создание собственной политической организации — «Движение 26 июля». Цель не изменилась — свержение диктатуры Батисты путем вооруженной борьбы. Однако на сей раз Фидель хотел подготовить удар более тщательно, создав по всей стране ячейки подпольной организации. Эти ячейки должны были поддержать партизанскую борьбу восстаниями и саботажем в городах. Опиралось движение в основном на студенческую молодежь.

Заметим, что насильственные методы борьбы против диктатуры тогда уже поддерживали все оппозиционные партии и группы на Кубе. Ведь никакого иного пути отрешить Батисту от власти попросту не было. Выборы превратились в фикцию, и население дружно бойкотировало их.

---

* После смерти Сталина Андрея Януарьевича Вышинского сняли с поста министра иностранных дел и эту должность занял сильно недолюбливавший своего предшественника Вячеслав Михайлович Молотов.

На улицах кубинских городов, особенно Гаваны, почти каждый день проходили вооруженные стычки студентов с полицией. Рауля обвинили в нападении на полицейские участки, и против него был выписан ордер на арест. Фидель в ответ публично обвинил власти в подготовке покушения на себя и своего брата. В ответ ему запретили выступать в СМИ. После этого руководством «Движения 26 июля» было принято принципиальное решение — братья Кастро должны были перебазироваться в Мексику и оттуда готовить вооруженную высадку на Кубу. Часть лидеров и структур движения должна была, оставаясь в стране, готовить вооруженное восстание против диктатуры, синхронизировав его с высадкой отряда Кастро.

Так Рауль Кастро оказался в Мехико.

В начале июля 1955 года Рауль познакомил Фиделя с Че. Они проговорили с вечера до утра, и беседа окончилась тем, что Эрнесто Гевара стал членом «Движения 26 июля» и бойцом еще не сформированного отряда по высадке на Кубу. Конкретно Че должен был исполнять обязанности врача отряда.

Многие считают, что в июле 1955 года в Мексике познакомились настоящие антиподы. Мол, Фидель Кастро был человеком горячим, увлекающимся, умевшим убеждать. Че же представлял собой холодного, критически и иронически настроенного интеллектуала. Он якобы просто стал жертвой харизмы Фиделя.

На самом деле, как представляется, все обстояло совсем по-другому. Прежде всего стоит отметить, что Че надоела его роль стороннего наблюдателя — сторонника латиноамериканской революции. Он предложил свои услуги в революционной Боливии, но там сами лидеры революции уже сговорились с Вашингтоном и жаждали эту самую революцию как можно скорее свернуть. В Гватемале Че тоже был готов защищать революцию с оружием в руках, но революция была предана и задушена изнутри, прежде чем ее добили извне. Кастро же предложил Че стать участником настоящего революционного проекта на Кубе — свергнуть проамериканского диктатора именно с оружием в руках.

Этот проект отвечал воззрениям Че по двум соображениям. Во-первых, как уже отмечалось, Эрнесто Гевара был твердо убежден, что мирным путем революция в Латинской Америке не добьется успеха. Даже если (как в Гватемале) революционные силы победят на выборах, американцы и их марионетки все равно попытаются свергнуть их силой

оружия. Во-вторых, первая беседа Фиделя Кастро и Эрнесто Гевары показала обоим, что они являются сторонниками именно латиноамериканской революции, что было очень важно для Че — «солдата [Латинской] Америки». Революционная Куба должна была, по его мнению, стать плацдармом, оплотом революционных сил всего Западного полушария. Точно так же считал и Фидель, идеалом которого был Симон Боливар, освободитель Латинской Америки от испанского колониального господства.

Этот второй момент особенно важен для понимания последующей биографии героя этой книги.

Когда в 1965 году Че тайно покинул Кубу, чтобы разжечь революционный пожар в других странах, на Западе объяснили это как борьбу за власть между Че Геварой и Фиделем Кастро. Мол, Че проиграл и был вынужден уехать. На самом деле еще в июле 1955 года в Мехико Че с Фиделем условились, что победа революции на Кубе станет всего лишь первым этапом революции латиноамериканской. Поэтому, когда после неудачной высадки наемников ЦРУ в заливе Свиней в апреле 1961 года и Карибского кризиса в октябре 1962 года за судьбу кубинской революции можно было не беспокоиться благодаря гарантиям со стороны СССР, Че при поддержке Фиделя в 1965 году начал реализацию второго, главного этапа их программы.

Таким образом, с самого начала у Че не было никаких властных амбиций применительно к Кубе. И в этом, кстати, его никогда не подозревал ни один из бойцов отряда, высадившегося на острове в декабре 1956 года.

Со своей стороны, принимая в свой отряд аргентинца, Фидель нарушил собственную установку на исключительно кубинский состав бойцов. Дело было отнюдь не в национализме Фиделя: он прекрасно понимал, что интернациональный состав его отряда позволит Батисте и его покровителям в Вашингтоне представить всю экспедицию как международный коммунистический заговор. А это, в свою очередь, может дать американцам желанный предлог для прямого военного вмешательства в кубинскую гражданскую войну. Не стоит забывать, что именно в районе предполагаемой высадки отряда Кастро находилась американская военная база в Гуантанамо. Уже ближайшее будущее показало, насколько Фидель был прав.

К 7 марта 1952 года США и Куба подписали двустороннее соглашение о военной помощи, по которому Батиста предоставлял в распоряжение США для «обеспечения

безопасности» в Карибском бассейне пехотный батальон, эскадрилью штурмовиков и эскадрилью самолетов морской разведки. Все эти части (как, впрочем, и вся кубинская армия) вооружались и оснащались американцами[70]. Госдепартамент еще в феврале 1955 года отмечал, что «ослабление режима Батисты сделает его более подверженным революции и коммунистическому проникновению»[71]. Госдеп исходил из наличия на Кубе 25 тысяч активных коммунистов (имелись в виду члены Народно-социалистической партии Кубы, НСПК). Поэтому Вашингтон был намерен поддерживать Батисту, и Фидель Кастро это прекрасно понимал.

Американцы ошибались лишь в одном — они не воспринимали Кастро и его молодых сторонников всерьез. В их понимании это были сторонники восстановления конституционной системы образца 1940—1952 годов. Тогда в стране «рулила» Кубинская революционная партия («Аутентики»). Процветала повальная коррупция, и Куба превратилась в игорный дом и бордель для граждан США. Причем всеми крупными злачными заведениями на острове заправляла американская мафия, делившаяся доходами с правительственными чиновниками. В сфере внешней политики режимы президентов-«аутентиков» Рамона Грау Сан Мартина и Карлоса Прио Сокарраса послушно следовали за указаниями Вашингтона.

После переворота Батисты все лидеры и «ортодоксов», и «аутентиков» уехали в США и не переставали заверять американцев в своей преданности. Именно в то время Флорида стала центром кубинской эмиграции.

Исходя из этого, американцы поначалу не обращали особого внимания на группу Кастро, считая, что ее твердо контролируют лидеры «ортодоксов» и «аутентиков», а этих лидеров, в свою очередь, так же твердо контролирует госдепартамент. Американцы даже были не прочь задействовать кубинскую буржуазную эмиграцию, чтобы в случае необходимости заменить кем-нибудь из ее состава Батисту или просто использовать «своих» эмигрантов для давления на кубинского диктатора.

Главной опасностью на Кубе американцы в 1955 году считали «промосковскую» НСПК.

В мае 1955 года, когда братьев Кастро выпустили из тюрьмы, на Кубе под эгидой ЦРУ была создана специальная тайная служба для борьбы против коммунистов — Бюро по подавлению коммунистической деятельности (транс-

литерация испанской аббревиатуры — БРАК*). Это бюро было нацелено именно на борьбу против НСПК. Братьев Кастро всерьез пока не воспринимали.

Но уже 1 июля 1955 года кубинский посол в Вашингтоне Анхель де ла Кампа по указанию Батисты посетил госдепартамент и выразил озабоченность «революционной деятельностью» кубинской эмиграции в США. Батисту прежде всего возмущала активность бывшего президента Прио Сокарраса и его группы. Американцы сослались на невозможность для береговой охраны США контролировать все передвижения кубинцев в районе Флориды и туманно обещали впредь «серьезно» рассмотреть эту проблему[72].

После встречи с Фиделем Че сказал Ильде: «Ньико в Гватемале был прав, когда сказал мне, что Куба не родила ничего хорошего со времен Марти кроме Фиделя Кастро. Он сделает революцию. Мы с ним во всем полностью согласны... Я могу лишь только полностью поддержать такого, как он»[73].

Со своей стороны, Фидель был поражен глубокими теоретическими марксистскими взглядами молодого аргентинца. Позднее он признавал, что Че в июле 1955 года превосходил его в этом отношении. Если Фидель тогда был полностью сконцентрирован на практических аспектах организации высадки на Кубе, то Че размышлял о том, какой должна была быть политика революционного правительства после взятия власти.

Тогда он читал много экономической литературы, причем не только Маркса (Че иронично называл его «святым Карлом»), Ленина и Сталина, но и Джона Мейнарда Кейнса. Он понимал, что главным ключом к успеху любой революции является грамотная экономическая политика, которая может привлечь на сторону новой власти народные массы.

После первой встречи Че с Фиделем виделись по несколько раз в неделю. Че прекратил вести дневник, чтобы в случае ареста не скомпрометировать кубинцев. Как член «Движения 26 июля», он должен был соблюдать правила конспирации. Хотя Мексика не испытывала особо сильных дружественных чувств по отношению к кубинскому диктатору, в стране свободно работали агенты Батисты, следившие за каждым шагом братьев Кастро и их сторонников. К тому же мексиканская полиция работала под контролем

---

* *Вичо́ де Represión de Actividades Comunistas.*

ФБР и в случае соответствующей просьбы американских «друзей» могла при несоблюдении конспирации немедленно разгромить ячейки «Движения 26 июля».

Надо сказать, что за людьми Кастро в Мексике и в США следили еще и ищейки доминиканского диктатора Трухильо. Еще в 1949 году доминиканские эмигранты при поддержке (скорее попустительстве) тогдашних кубинских властей пытались высадиться на Санто-Доминго и свергнуть кровавую диктатуру Трухильо. Среди добровольцев был и никому не известный Фидель Кастро. Трухильо тогда угрожал объявить Кубе войну и подвергнуть Гавану бомбардировке с воздуха.

В последний момент американцы надавили на Кубу и вооруженная экспедиция сорвалась, так и не покинув остров. Но Трухильо этого не забыл. Если бы Кастро удалось свергнуть до зубов вооруженного Батисту, то несомненно, что доминиканские эмигранты попытались бы с опорой на революционную Кубу сделать то же самое и с ним. Кстати, забегая вперед отметим, что так и произошло. Поэтому агенты Трухильо внимательно следили за кубинскими эмигрантами как в Мексике, так и в США.

Вскоре Че привел Фиделя в дом, и Ильда была слегка удивлена — высокий человек с бледным лицом (что нехарактерно для кубинцев) и модными усиками скорее выглядел как иностранный буржуазный турист, чем как революционный лидер. Однако когда он стал говорить, все сомнения исчезли — шарм, естественность, убежденность в своей правоте и блестящие ораторские способности сомнений не оставили.

Беседа с Фиделем в какой-то мере успокоила Ильду, ведь она тогда считала кубинских друзей Эрнесто чрезмерно горячими, непрактичными и нерассудительными. После присоединения Че к «Движению 26 июля» Ильда уже не скрывала своей тревоги. Ей казалось, что Че ввязался в авантюру, которая окончится еще более плачевно, чем атака на казармы Монкада в июле 1953 года.

Но Фидель подробно разъяснил свой план, призванный как раз минимизировать возможные риски. Прежде всего предназначенный для высадки на Кубу отряд должен был пройти тщательную военную подготовку в Мексике. Саму высадку предполагалось осуществить на востоке Кубы рядом с единственным мощным горным массивом страны Сьерра-Маэстра. Армия Батисты концентрировалась в районе Гаваны (на западе Кубы), и переброска частей

на восток заняла бы некоторое время, что позволило бы партизанам закрепиться в горах. Наконец, высадка должна была совпасть по времени с вооруженным восстанием «Движения 26 июля» во втором по величине городе страны Сантьяго-де-Куба (недалеко от горного массива). Там работала сильная ячейка движения во главе с Франком Паисом. Наконец, высадка намечалась в родной для Кастро провинции Орьенте, где он все знал.

Восстание вместе с высадкой должны были вызвать на Кубе всеобщую забастовку и привести к свержению диктатуры. То есть при реализации этого плана длительная вооруженная борьбы исключалась, а отряд из Мексики выполнял лишь роль катализатора хорошо подготовленных заранее народных выступлений.

Наконец, Фидель детально продумал и внешнеполитические аспекты своей акции. Средства на подготовку высадки он намеревался совершенно легально, путем публичных выступлений, собрать среди кубинской эмиграции в США. Это должно было успокоить американцев, считавших кубинскую буржуазную эмиграцию абсолютно «надежной».

Фидель без обиняков разъяснил Ильде, что его борьба на Кубе является частью латиноамериканского революционного движения против империализма янки, движения, начатого еще Боливаром и Марти.

Конечно, несмотря на глубокую продуманность плана Фиделя, Че считал свою миссию на Кубу крайне рискованной. Уж очень неравны были силы с чисто военной точки зрения. Примерно 40 тысяч солдат и офицеров хорошо вооруженной американцами кубинской армии (в которой, надо сказать, Батиста пользовался довольно прочной популярностью) против нескольких десятков вчерашних студентов, в армии в основном не служивших.

Через несколько дней после знакомства Ильды с Фиделем Че очень серьезно спросил свою жену: «Что ты думаешь об этой сумасшедшей идее кубинцев вторгнуться на остров, полностью защищенный береговой артиллерией?» Ответ Ильды был следующим: «Я знаю, это сумасшествие, но в нем надо участвовать». Че с облегчением обнял ее и произнес: «Согласен, но я хотел знать, что ты думаешь. Я решил вступить в экспедиционный отряд. Мы пока еще на стадии планирования, но скоро мы начнем тренироваться. Я буду там врачом»[74].

Характерно, что позднее в своих записках о партизанской войне Че описывал начало знакомства с Фиделем именно с Гватемалы:

«И все же я хочу объяснить, как и почему я познакомился с нынешним главой правительства Кубы. Шел 1954 год — год, когда от власти отстранялись демократические правительства, год, когда последняя [латино]американская демократия, которая еще держалась в этом районе — правительство Хакобо Арбенса Гусмана — пала жертвой хладнокровно спланированной агрессии, организованной Соединенными Штатами Северной Америки* под дымовой завесой их континентальной пропаганды. Явным организатором этой агрессии был госсекретарь Фостер Даллес, который по странному совпадению являлся еще и юристом и акционером компании "Юнайтед фрут", основного империалистического предприятия в Гватемале.

Из этой страны мы вернулись разбитыми, объединенными страданиями со всеми гватемальцами; мы надеялись и искали пути, чтобы вернуть этой скованной страхом стране будущее. И тут Фидель прибыл в Мексику, чтобы здесь, на нейтральной территории, подготовить своих людей к великому делу...»[75]

Таким образом, понятно, что Че хотел отомстить американцам за Гватемалу, создав на Кубе новый оплот латиноамериканской революции.

Между тем агенты Батисты в Мексике не спали. Както Ильда вернулась с работы домой и увидела, что квартира ограблена. Причем пропали в основном вещи Эрнесто — пишущая машинка, фотоаппарат и медицинские инструменты. Правда, воры, видимо для отвода глаз, похитили и несколько ее ювелирных украшений. Когда вечером появился Че, у него не было сомнений, кто стоит за всем этим: «...это работа ФБР. Нам нельзя ничего сообщать полиции...»[76]

К тому времени Че прекратил заниматься уличной фотографией, оставив этот небольшой бизнес Эль Патохо. Он сконцентрировался на работе в больнице, где готовился к защите диссертации по физиологии (которую он позднее успешно защитил). В сентябре 1955 года Че даже выступил с докладом об аллергических заболеваниях на медицинском конгрессе в Веракрусе и его статью отобрали для

---

* Че, как и многие прогрессивные латиноамериканцы, называл Америкой Латинскую Америку, а США — Северной Америкой.

престижного «Journal of Alllergy». Ильда помогала печатать статью и подбирала к ней статистические данные.

26 июля 1955 года кубинцы вместе с другими латиноамериканскими эмигрантами отмечали в столичном парке Чапультепек годовщину штурма казарм Монкада. На праздничном ужине Фидель приготовил для собравшихся спагетти с морепродуктами («спагетти алле вонголе»). В компании радостных, воодушевленных и смеющихся кубинцев Че молча сидел рядом с Ильдой, и Фидель даже пошутил по этому поводу: «Эй, Че! Ты что-то очень молчалив. Может, потому что рядом с тобой твой контролер?» На самом деле Че просто не любил больших шумных компаний и обычно чувствовал там себя скованно. Он был любитель поговорить и поспорить только в узком кругу и по интересовавшим его вопросам, прежде всего политическим. Обычные развлечения (танцы, обеды, вечеринки) его мало интересовали. Он считал все это пустой тратой времени.

В начале августа 1955 года Ильда призналась Че, что беременна. Эрнесто обрадовался, обнял и расцеловал ее. На следующий день он явился с подарком для ребенка — небольшим серебряным браслетом, в который были вправлены черные камни. Он предложил немедленно ускорить процесс официального бракосочетания и, так как мексиканская бюрократия по-прежнему не торопилась с нужными для этого документами, решил обратиться в посольство Аргентины. Но в последний момент Эрнесто заручился поддержкой знакомого мексиканского врача, который по совместительству был мэром небольшого городка Тепоцотлан и согласился сочетать их законным браком только на основе предъявленных паспортов.

В церемонии, состоявшейся 18 августа 1955 года, принимал участие Рауль Кастро. Фидель старался как можно меньше «светиться» в общественных местах, но с удовольствием повеселился на семейном праздничном ужине. Че приготовил для всех свое любимое аргентинское блюдо — жаренное на углях мясо.

Потом Че написал письмо родителям Ильды (она его напечатала), в котором сообщал о своем аристократическом происхождении, но предупреждал, что «существует абсолютный идеологический барьер между мной и моими родителями»[77]. Ильда и Че сообщили родне о браке постфактум, никого не пригласив на свадебную церемонию. В этом опять проявилось стремление Че отмечать все важные события с единомышленниками.

Молодые условились, что если родится мальчик, то имя ему даст Ильда, а если девочка — ее назовет Че. Че пригрозил жене, что если на свет не появится «дон Эрнесто», то будут большие проблемы. Но на самом деле латиноамериканский мачизм был ему абсолютно чужд, как и все общественные предрассудки той эпохи. В письме родителям Ильды Че поиронизировал, что их дочь плохо готовит, но это его не остановило. В реальности Ильда готовила хорошо, но ее острые перуанские блюда вызывали у Че приступы астмы. Он, как истинный аргентинец, предпочитал всем кулинарным изыскам жареную говядину с салатом.

Своим родителям Че тоже сообщил о браке с иронией: «Не знаю, получили ли вы торжественное уведомление о моей женитьбе и о том, что наследник уже в пути... Если нет, сообщаю вам настоящим об этом официально, чтобы вы могли распространить эту весть. Я женился на Ильде Гадеа, и у нас будет ребенок...»[78]

Молодожены любили природу и уединение и с удовольствием бродили по парку Чапультепек. Ходили они и в кино, причем Че предпочитал комедии. Жили они впервые с момента знакомства в отдельной квартире на улице Наполес, 40.

Фидель готовился к поездке в США, чтобы собрать там средства для своего отряда среди кубинских эмигрантов. На прощальном ужине с семьей Гевара он порекомендовал молодым купить что-нибудь для дома и отправиться в свадебное путешествие. Че и Ильда так и поступили — они купили проигрыватель и уехали на юг Мексики, к руинам цивилизации майя.

Участие четы Гевара в революционной борьбе пока ограничилось тем, что Ильда получала для Фиделя почту на девичью фамилию.

Поездка Фиделя по США стала грандиозным успехом. Он не только собрал необходимые финансовые средства, но и набрал в отряд добровольцев. Примечательно, что 100 тысяч долларов Фиделю предоставил бывший президент Кубы Карлос Прио Сокаррас. Он наивно полагал, что свержение Батисты будет означать его автоматическое и триумфальное возвращение к власти. В некоторых городах США были основаны ячейки «Движения 26 июля». Фидель привез в Мексику и несколько добровольцев из числа кубинских эмигрантов. Правда, Че впоследствии считал, что качество этого «человеческого материала» оставляло желать лучшего.

Фидель публично заявил в Америке, что либо в 1956 году Куба станет свободной, либо он и его отряд станут мучениками. Для себя лидер кубинской революции решил тогда приурочить высадку своего отряда к третьей годовщине штурма казарм Монкада.

Эрнесто Гевару сильно расстроили пришедшие с его родины вести. Хотя Перон пытался не раздражать американцев, они все же не простили ему поддержку правительства Арбенса в 1954 году. Еще в марте 1954 года ЦРУ в секретном докладе о возможном развитии ситуации в Аргентине в 1955 году отмечало, что Перон полностью контролирует ситуацию в стране и армии, пользуясь поддержкой подавляющего большинства населения. Он отказался от антиамериканской пропаганды и набивается к США в союзники на почве совместной борьбы против коммунизма[79].

Но Гватемала все изменила.

После легализации развода в Аргентине летом 1955 года католическая церковь предала анафеме главу государства. Заметим, что с пастырского послания католической церкви в Гватемале началась фактическая агрессия США в эту страну. Перон по обыкновению собрал грандиозный митинг в свою поддержку, но по нему отбомбились самолеты аргентинских ВВС (погибли 364 человека), прежде чем летчики улетели в соседний Уругвай. Как и в Гватемале, предательство зрело в рядах аргентинских вооруженных сил. Когда сторонники Перона в ответ на варварскую бомбардировку разгромили несколько католических церквей, 16 сентября 1955 года группа офицеров подняла мятеж в Кордове. Через три дня мятежники заняли столицу, назвав свой переворот по примеру Гватемалы «освободительной революцией». Перон едва спасся, бежав по реке в соседний Парагвай.

Че был сильно расстроен. Он предполагал, что тысячи сторонников Перона возьмутся за оружие и победят мятежников. К тому же профсоюзы обещали ответить на любую попытку переворота общенациональной забастовкой. Однако в Аргентине в 1955 году повторилась Гватемала образца 1954 года. Ильда так это и предсказывала. Че горячился, спорил, но жена оказалась права. Эрнесто не сомневался, что за свержением Перона стояли не только аргентинские клерикалы и богатые скотоводы, но и янки.

Особенно сильно поразило Че то, что Перон, как и Арбенс, не стал бороться. Он с горечью сказал Ильде: «Ты

была права, он ушел в отставку. Он не стал сражаться. Но ведь народ так хотел бороться»[80].

В письме к матери Че не скрывал своего возмущения политикой США в отношении его родины: «Еще одним ужасным доказательством против него [Перона] является торговое соглашение с СССР, которое показывает всю степень подхалимства страны, которая смеет отказываться (какая неблагодарность!) от такой прекрасной торговли с янки...»[81]

Домой к Ильде и Че приходили с выражением сочувствия их друзья-эмигранты из Венесуэлы и Перу. Для Че это и правда был серьезный удар, и даже не потому, что события разворачивались на его родине. На тот момент родиной для Эрнесто Гевары уже давно была вся Латинская Америка. Че потрясло повторение гватемальской трагедии. Янки опять победили, причем на сей раз не в маленькой отсталой Гватемале, а в самой развитой стране Латинской Америки.

В ноябре 1955 года, когда у Ильды был отпуск, молодые наконец-то отправились в свадебное путешествие. В Паленке они были очарованы величественностью построек майя, хотя в тропическом климате мексиканского юга Эрнесто опять стала мучить астма. Однако он отказался от укола Ильды, и она поняла, что он закаляет себя перед предстоящей высадкой на Кубу с ее жарким и влажным климатом. Ведь Че ничего не сказал Фиделю о своей болезни — он боялся, что тогда его не возьмут в отряд. Вот и уколы он теперь делал себе сам, чтобы потом никого в отряде не стеснять своим недугом.

Огромное впечатление произвели на Ильду и Че руины Чичен-Ицы. Эрнесто как ребенок обязательно хотел взобраться на вершину каждого храма. Он звал с собой Ильду, но та уже не хотела подвергать себя и будущего ребенка излишним физическим нагрузкам. В это время среди руин снимали какой-то фильм, многие принимали симпатичного аргентинца за киноактера и досаждали ему просьбами дать автограф. Че ухмылялся и отказывал, говоря, что очень занят.

В Чичен-Ице, как и ранее в Мачу-Пикчу, Че посмеивался над глупыми и необразованными американскими туристами, которые комментировали все увиденное только одним словом «вау!».

В конце своего путешествия супруги осмотрели величественный город майя Ушмаль. Че, ни на йоту не утративший своего живого интереса к древним цивилизациям

Америки, даже решил по возвращении в Мехико немедленно купить самую свежую книгу о культуре майя.

Из Ушмаля Че и Ильда переехали в главный мексиканский порт Веракрус, сняли там номер в отеле и принялись осматривать окрестности. Че был счастлив, когда капитан пришвартовавшегося в порту аргентинского корабля подарил ему несколько пакетов любимого мате. Для аргентинца, как и для японца, пить чай — целая церемония. Позднее Че приучил к мате даже Фиделя, хотя тот поначалу, мягко говоря, не проявлял большого энтузиазма в отношении аргентинского национального напитка.

В Веракрусе Ильда еще раз убедилась, что ее муж — не только рафинированный интеллигент, увлекающийся Фрейдом и Кейнсом. Че принадлежал к тому редкому типу латиноамериканских революционеров, у которых любовь к дискуссиям в кафе прекрасно сочеталась с нацеленностью на черновую работу и самые что ни на есть практические действия.

Когда молодые зашли в небольшом приморском городке в ресторанчик, чтобы поесть свежей жареной рыбы (прихоть Ильды, Че рыбу не любил), к ним подошел подвыпивший моряк из-за соседнего столика и по мексиканскому обычаю предложил тост за Че и «его королеву». Че серьезно взглянул на него и сказал: «Что касается меня, то все нормально, но ее не трогай». Но моряк не отставал. Видно, он принял бледнолицего Эрнесто за гринго, а смуглую Ильду — за мексиканку. Американцев в Мексике (как, впрочем, и по всей Латинской Америке) не любили и презирали своих соотечественниц, если те уделяли янки излишнее внимание.

Поэтому неудивительно, что через некоторое время моряк опять появился у стола молодоженов с ехидным тостом за «королеву». Тут Че побагровел, вскочил и схватил непрошеного гостя за воротник: «Я же тебе сказал, оставь ее в покое!» Друзья моряка зашевелились за своим столиком, назревала неравная драка, и Ильда уже пожалела, что так некстати захотела полакомиться свежей рыбой. Она уже прикинула, что придет на помощь мужу в неравной борьбе с помощью пустой бутылки. Но обстановку разрядил хозяин кабачка, пригрозив морякам полицией[82].

К рождеству 1955 года Фидель вернулся из США в Мексику. Теперь он и Рауль виделись с Че чуть ли не каждый день — ведь подготовка к высадке на Кубу вступила в практическую стадию. Че до минимума ограничил свои контак-

ты и попросил Ильду, чтобы и ее друзья и знакомые никогда не пересекались с кубинцами. 24 декабря 1955 года Ильда и Че отмечали рождество с Фиделем и его друзьями. Фидель любил не только вкусно поесть, но и сам готовил с энтузиазмом. На сей раз он предложил собравшимся традиционное кубинское блюдо «мавры и христиане». Это была жареная свинина с гарниром из белого риса («христиане»), черных бобов («мавры»), кассавы и чесночного соуса. Десерт был тоже традиционным — миндальная выпечка турронес. Все эти лакомства обильно «обмывались» вином. Че, кстати, алкоголь не любил и употреблял его крайне умеренно.

За ужином Фидель подробно говорил о программе будущего революционного правительства, особенно в сфере экономики. На тот момент он еще считал, что можно воспользоваться услугами кубинских экономистов добатистовского периода*. Но влияние Че уже ощущалось — лидер «Движения 26 июля» выступал за национализацию основных отраслей промышленности и коммунального хозяйства. И Че, и Фидель с Раулем прекрасно понимали, что такого рода национализация неизбежно вызовет гнев Вашингтона — ведь самые прибыльные предприятия Кубы принадлежали американцам.

Неожиданно за столом возникла пауза, и Ильда (ученый-скептик) резонно заметила, что сначала надо попасть на Кубу. «Это правда», — очень серьезно ответил Фидель.

С началом 1956 года отряд Фиделя начал серьезно и планомерно готовиться к высадке.

Собственно, спонтанная и нерегулярная работа в этом направлении велась с августа 1955 года. Кубинцы и Че с целью повышения физической выносливости совершали восхождения на покрытые снегом мексиканские вулканы Истаксиуатль и Попокатепетль. Причем Че делал все возможное, чтобы его друзья не заметили, что он мучается астмой. Эрнесто прекратил есть свои любимые стейки на завтрак, ограничиваясь бутербродами, овощами и фруктами — хотел похудеть. И именно для того, чтобы очистить тело от шлаков и купировать возможные приступы астмы.

Под руководством мексиканского борца индейского происхождения Арсасио Ванегаса (по кличке Малыш) бу-

---

* Например, Фидель высоко ценил Фелипе Пасоса, делегата Кубы на Бреттон-Вудской конференции 1944 года. Карлос Прио Сокаррас назначил Пасоса директором только что созданного Национального банка Кубы. После переворота Батисты в марте 1952 года Пасос был в оппозиции.

дущие партизаны посещали спортзал и практиковались в борьбе, карате и дзюдо. Малыш показывал кубинцам, как можно вывести человека из строя одним ударом. Ванегас также заставлял своих подопечных совершать восхождения на горы спиной или боком вперед для укрепления мышц ног. Однажды во время одного из таких восхождений Ванегас заметил у Че ингалятор, но не сказал никому ни слова: Че очень просил его об этом. Возможно, товарищи Че и знали о его болезни, но не подавали вида.

После того как поездка Фиделя в США обеспечила достаточное финансирование, в Мехико были сняты 24 конспиративные квартиры. Туда время от времени прибывали добровольцы и связные с Кубы. В частности, Фидель получил с острова карты предполагаемого района высадки.

Военную подготовку отряда Фидель доверил легендарному человеку в Центральной Америке — Альберто Байо.

Байо родился на Кубе в 1892 году в семье испанского офицера. После обретения Кубой независимости в 1898 году семья перебралась на Канарские острова. В 1915 году Байо окончил военную академию в Толедо — лучшее военно-учебное заведение Испании — и стал одним из первых военных летчиков страны. С 1919 года он воевал против повстанцев в Испанском Марокко, но после кровавой дуэли с одним капитаном (будущим министром ВВС при Франко) ему в 1923 году пришлось перейти в Испанский легион. Это был своего рода элитный антипартизанский спецназ испанской армии, который задействовали в самых опасных операциях. Одним из его командиров был подполковник Франсиско Франко.

После начала гражданской войны в Испании Байо остался верен республике и командовал высадкой на Балеарские острова, сумев освободить некоторые из них от франкистов. Однако в битве за Майорку 6 тысяч его бойцов потерпели поражение, и Байо освободили от командования. С тех пор он в звании подполковника занимался подготовкой партизан, которых забрасывали в тыл к мятежникам. С 1937 года Байо публиковал статьи, посвященные тактике партизанской борьбы.

Во время битвы за Брунете летом 1937 года Байо был вторым начальником штаба 5-го корпуса и не поладил с его командующим, коммунистом Модесто.

После поражения республики Байо три года жил на Кубе, а потом обосновался в Мексике. Там он преподавал в Академии ВВС в Гвадалахаре математику, аэродинамику и

навигацию. В 1948 году он был военным советником Карибского легиона, который из Коста-Рики должен был вторгнуться в Никарагуа с целью свержения диктатуры Сомосы. Из затеи ничего не вышло, и Байо вернулся в Мексику.

Лучшего теоретика и практика партизанской борьбы, имевшего к тому же опыт высадки на занимаемый противником остров, Фидель не мог себе и представить.

В феврале 1956 года группа Кастро (тогда примерно 25 человек) начала тренировочные стрельбы на стрельбище Лос-Камитос. С хозяином удалось договориться, и он иногда предоставлял кубинцам стрельбище на целый день, исключая прочих посетителей. Подчас стреляли и по живым мишеням — индюкам, которых потом с удовольствием готовили на ужин.

При этом Эрнесто продолжал активно работать над своим экономическим образованием. Он понимал, что именно экономическая политика будущего революционного правительства станет залогом успеха всего революционного эксперимента. Вместе с Ильдой (экономистом по основному образованию) они читали и обсуждали труды Адама Смита, Дэвида Рикардо, Джона Мейнарда Кейнса и Элвина Хансена. Ильда была поражена, с какой быстротой Че «проглатывал» это весьма «сухое» чтиво. Причем так же быстро он схватывал и суть таких понятий, как накопления, инвестиции, теория процента и т. д. Эрнесто был убежден, что все эти знания крайне необходимы и вскоре пригодятся.

Вообще Че неоднократно говорил, что в жизни обязательно пригодятся любые знания и практические навыки. В то время он научился печатать на машинке и стричь волосы. Ведь в партизанском лагере не предполагалось ни секретарей (ранее все статьи Че печатала Ильда), ни парикмахеров.

С конца 1955 года Че стал изучать русский язык в Мексикано-советском институте культурного обмена. В Советском Союзе после смерти Сталина происходили большие перемены, о которых писали самые разные небылицы. Че, будучи давним горячим другом и защитником СССР, хотел читать советские книги и газеты в оригинале.

Правда, это его стремление едва не погубило всю операцию по высадке на Кубу. В то время (и это было довольно широко известно) все советские учреждения в Мексике (посольство, упомянутый институт, корпункт «Правды», отделения ТАСС и Интуриста) находились под постоянным наблюдением мексиканской полиции и ФБР. Нет никаких сомнений, что среди посетителей «засекли» и арген-

тинца Эрнесто Гевару, который на тот момент фактически находился в Мексике нелегально (его вид на жительство мексиканская бюрократия еще не «родила»).

Возможно, посещением Мексикано-советского института Че хотел всем назло продемонстрировать свою приверженность СССР. Шаг, без сомнения, благородный, но с точки зрения конспирации весьма опасный. Ведь если до той поры спецслужбы США относились к группе Кастро весьма снисходительно (чего Фидель и желал), то любые связи члена этой группы с Советами могли их насторожить. Хорошо, что на тот момент американцы не догадывались о том, что неприметный аргентинский врач-эмигрант является бойцом отряда Кастро.

Летом 1956 года в Мехико совершенно случайно встретились на улице старые знакомые — Николай Леонов и Рауль Кастро. Дружба возобновилась, и Леонов стал бывать в неформальной штаб-квартире кубинцев-эмигрантов — доме Марии Антонии Гонсалес (улица Эмпаран, 49), кубинки, вышедшей замуж за мексиканца*. Как-то раз, уже в 1956 году, Леонов встретил в этом доме Эрнесто Гевару. Тот сразу же стал расспрашивать первого увиденного им советского человека о событиях в СССР, особенно о XX съезде КПСС. По разговору Леонов сразу понял, что Че — искренний друг его страны. Причем он уже поразительно много знал о советской жизни — для Латинской Америки того периода это было крайней редкостью.

Правда, Леонов пришел к не совсем верному выводу, что его собеседника не интересуют конкретные вопросы, типа решений последнего пленума ЦК КПСС, о которых он как советский представитель был просто обязан информировать иностранцев.

На самом деле Че, мягко говоря, неоднозначно относился к критике Сталина, которая широко развернулась в Советском Союзе после февраля 1956 года. К тому времени он уже прочитал основную теоретическую работу Сталина «Вопросы ленинизма» и считал советского лидера прекрасным и глубоким марксистом. К тому же антисталинский доклад Хрущева на XX съезде был тайным. Американцам удалось получить его текст через Польшу, и они стали распространять его через свои СМИ. В том числе и поэтому Че поначалу считал этот доклад фальшивкой, выдуманной американскими пропагандистами.

---

* Именно в ее доме Че познакомился с Фиделем.

Кстати, Че был не так уж и далек от истины. После XX съезда КПСС при межведомственной группе Совета национальной безопасности (СНБ) США по подрыву социалистических стран (*Operations Coordinating Board*) была создана «Специальная рабочая группа по сталинизму», которая должна была использовать критику культа личности для подрыва социалистических стран. Возглавил рабочую группу заместитель госсекретаря США Бим. Именно эта рабочая группа приняла решение опубликовать и размножить в соцстранах доклад Хрущева на XX съезде.

Позднее Че полностью поддержал ввод советских войск в Венгрию в октябре—ноябре 1956 года, охарактеризовав тамошнее восстание как реакционный фашистский путч.

Скорее всего, на фоне таких своих взглядов Че не очень хотел спорить с официальным советским представителем, который, естественно, стал бы защищать борьбу с культом личности.

В конце беседы с Леоновым Че попросил его помочь с советской литературой и выразил желание зайти за книгами к нему домой. Аргентинца интересовали «Чапаев», «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке». Леонов, естественно, согласился помочь и дал Эрнесто свою обычную визитную карточку. Эта карточка позднее едва не сорвала всю кубинскую революцию.

Через пять-шесть дней Че Гевара «в стареньком пиджачке и странно выглядевшей в Мексике серенькой кепке с длинным козырьком, отчего походил на нашего рабфаковца 20-х годов»[83], без предупреждения зашел к Леонову в посольство и забрал уже подготовленные книги. От предложения зайти в гости аргентинец отказался, сославшись на то, что очень спешит[84].

В тот период Че интересовался и другими книгами, стремясь найти что-нибудь об успешных примерах национально-освободительной войны, в частности о Китае. Его интерес к Китаю и Мао вырос после того, как китайская компартия отказалась присоединиться к начатой Хрущевым кампании по критике Сталина.

Кстати, Че внимательно прочитал и книгу Байо «Шторм на Карибах». После этого он пришел к выводу, что именно партизанская война является наиболее пригодной для Латинской Америки формой революционной борьбы.

Ильда и Че ожидали рождения своего первенца в марте 1956 года, но дочка появилась на свет уже 15 февраля в семь часов вечера. Че дал ей двойное имя Ильда Беатрис —

в честь супруги и любимой тети. Счастью Эрнесто не было предела — он постоянно играл с девочкой. Будучи врачом, Че убедил Ильду кормить ребенка понемногу, но регулярно. Он очень боялся, что дочка унаследует его аллергию, и специально консультировался по этому вопросу с педиатром. Когда через 10 дней после рождения ребенка Ильда сильно простудилась, Че забрал Ильдиту в другую комнату, чтобы ребенок не заразился, и полностью взял на себя все хлопоты по уходу за младенцем. Он даже сделал Ильде укол антибиотика (хотя в целом относился к такому лечению негативно), чтобы быстрее подавить инфекцию, опасную для новорожденной.

Через 40 дней после рождения ребенка по мексиканским законам Ильда вышла на работу, и в уходе за малышкой помогала няня. При этом и Ильда, и Че настояли, чтобы их молодая няня еще и посещала школу.

Первым, кто увидел только что прибывшую из госпиталя маленькую Ильдиту, помимо отца и матери, был Фидель. Он взглянул на ребенка и убежденно сказал, что эта девочка будет воспитываться на Кубе. 13 апреля 1956 года Че с присущей ему иронией писал матери, что дочка напоминает ему Мао Цзэдуна: «Мое коммунистическое сердце радуется: она выглядит точно как Мао Цзэдун. Уже сейчас можно различить круглую лысину в центре головы, сочувствующие глаза вождя и выдающиеся вперед скулы; хотя она сейчас весит гораздо меньше его, пять килограммов, но со временем она, конечно, нагонит»[85].

Как-то Ильда подобрала на улице котенка, мяукавшего от голода, и принесла его домой. Че очень привязался к новому члену семьи.

Военная подготовка становилась все более насыщенной, и Че, человек до той поры всецело гражданский, относился к ней крайне серьезно. 17 марта 1956 года Мигель Санчес*, военный инструктор, которого Фидель нашел в Майами, следующим образом охарактеризовал успехи Аргентинца (так все в отряде называли Че): «Эрнесто Гевара получил 20 часов уроков стрельбы; он прекрасный стрелок и произвел примерно 650 выстрелов. Показал превосходную дисциплину, прекрасные лидерские качества, завидную физическую выносливость. Был наказан несколькими отжиманиями за слишком вольное толкование приказов и за легкую ухмылку»[86].

---

* В составе армии США Санчес воевал в Корее, и все называли его Корейцем.

В конце апреля 1956 года Фиделю удалось купить ранчо Сан-Мигель в местечке Санта-Роза недалеко от городка Чалко под Мехико (60 километров восточнее столицы). Че пришлось окончательно оставить работу в больнице (единственным источником дохода семьи стал неплохой заработок Ильды), и он вместе с другими бойцами переселился в импровизированный военный лагерь. Там была введена жесткая дисциплина, причем отвечал за нее Че, которого Фидель назначил ответственным за поведение личного состава. Увольнительные в Мехико строго регламентировались, и бойцам было запрещено посещать шумные публичные (тем более злачные) места, где могли возникнуть нежелательные инциденты.

Не все поначалу полюбили Аргентинца, который не давал никаких поблажек, да к тому же еще и был иностранцем*. Но выбор Фиделя был абсолютно логичным — Байо охарактеризовал Че как лучшего бойца отряда.

В свою очередь Че на протяжении всей жизни испытывал симпатии к испанским республиканцам, которые первыми бросили вызов фашизму и были преданы западными демократиями. Байо он очень уважал, почтительно называя «мой старик». Точно так же он именовал отца. Они отчаянно резались в шахматы, и Че говорил Ильде, что первый раз встретил такого достойного партнера.

Оружие для отряда приобреталось на черном рынке в Мексике и США — в деньгах после поездки Кастро в США особого недостатка не было.

В марте 1956 года Фидель порвал с «ортодоксами», справедливо обвинив эту партию в нежелании добиваться реальных революционных перемен на Кубе. С одной стороны, это был давно назревший шаг, ибо программы «Движения 26 июля» и «ортодоксов» уже сильно различались. Но с другой стороны, разрыв с проамериканскими по сути «ортодоксами» должен был неизбежно насторожить американские спецслужбы — ведь в глазах американской разведки группа Фиделя отныне становилась неподконтрольной.

29 апреля 1956 года на Кубе вооруженными студентами были атакованы армейские казармы недалеко от города Матансас. Нападение было отбито, но «почерк» позволил батистовской охранке связать эту акцию с «Движением 26 июля». Политическая полиция Батисты произвела массовые аресты сторонников движения.

---

* На тот момент в отряде было четыре иностранца — кроме Че, это были граждане Мексики, Доминиканской Республики и Италии.

Но на самом деле за атакой стояли «аутентики» — эта партия не хотела отставать по методам борьбы от Кастро, популярность которого на острове все время росла.

Выживших участников нападения безжалостно расстреляли из пулеметов, но Батиста занервничал. Ведь еще до атаки в Матансасе был раскрыт заговор в кубинских вооруженных силах — оплоте режима. 13 человек предали суду военного трибунала, еще сотню офицеров и сержантов выгнали из армии. Батиста на 45 суток ввел чрезвычайное положение и закрыл все университеты, где против него перманентно выступали студенты. Все эти события диктатор пока еще связывал с подрывной деятельностью бывшего президента Карлоса Прио Сокарраса. Но так как тот выделил Кастро крупную сумму денег, батистовская охранка усилила наблюдение за кубинской эмиграцией в Мексике.

Американское посольство в Гаване было не склонно драматизировать ситуацию — 8 мая 1956 года заместитель госсекретаря по межамериканским делам Холланд (отвечал за Латинскую Америку) сообщал своему шефу Джону Фостеру Даллесу: «...Президент (Батиста. — *Н. П.*) сохраняет полный контроль... Хотя коммунисты попытались ассоциировать себя с этими антиправительственными акциями, они практически не добились успеха за исключением некоторого проникновения в ряды студенчества»[87].

Основными факторами стабильности диктатуры Батисты Холланд считал хорошую экономическую ситуацию, апатию населения по отношению к политике, распри в лагере оппозиции, поддержку режима вооруженными силами, стремление лидеров профсоюзов решать все спорные вопросы путем переговоров.

Батиста, в отличие от американцев, не был так уж уверен в прочности своего режима и насчет опасности со стороны Фиделя Кастро тоже не обманывался. Поэтому в Мексику были направлены дополнительные сотрудники военной разведки*. Их задачей было любыми путями пресечь готовящуюся высадку отряда Кастро на Кубе, которую все ждали примерно 23 июля. В случае необходимости агенты имели полномочия устранить братьев Кастро физически.

В мае 1956 года Че окончательно обосновался в военном лагере, сообщив жене, что, возможно, прямо оттуда отряд отправится на Кубу. В США уже присмотрели списанный катер береговой охраны, который вот-вот должны

---

* *Servicio de la Inteligencia Militar (SIM).*

были перегнать в Мексику. В том же самом мае Фидель попросил всех бойцов отряда дать друг другу характеристики. Че единогласно признали наиболее пригодным для занятия командирских должностей. Байо сказал Фиделю, что у него еще никогда не было такого способного и целеустремленного ученика.

Будущие партизаны жили в импровизированных лагерях под открытым небом, совершали ночные продолжительные марши. Воду и пищу рационировали, чтобы приучить людей к их недостатку.

Но агенты Батисты успешно справились с поставленной перед ними задачей. 20—24 июня 1956 года мексиканская полиция по просьбе кубинских властей арестовала Фиделя Кастро и четверых его сторонников. Им предъявили обвинения в нарушении иммиграционного законодательства, незаконном хранении оружия и участии в заговоре против иностранного правительства. В течение нескольких дней были разгромлены практически все конспиративные квартиры «Движения 26 июля» в столице.

Командование в лагере взял на себя Че — Байо и Рауль Кастро с отрядом бойцов как раз совершали очередной марш на местности.

Как только Ильда узнала из газет об аресте Фиделя, она немедленно собрала все бумаги политического характера и отдала их на хранение своей знакомой. На следующее утро в ее дверь уже стучала полиция. Оказалось, что полицейские были информированы о том, что Ильда получает на свое имя подозрительную корреспонденцию. Но женщина твердила, что ей приходят только письма от родных из Перу и Аргентины. Полиция не нашла ничего подозрительного, но уже в 7 часов вечера двое полицейских препроводили Ильду вместе с ребенком в помещение федеральной полиции, по иронии судьбы находившееся на площади Революции. Там ей показали телеграмму с Кубы, в которой говорилось, что некто скоро приедет повидать Алехандро. Ильда знала, что Алехандро — псевдоним Фиделя, о чем она, конечно же, умолчала.

На вопрос о муже она, как и было условлено, ответила, что он проводит отпуск в Веракрусе. Ей устроили очную ставку с кубинцем, который признался, что отправил на ее имя злополучную телеграмму для Алехандро. Она все отрицала.

Затем Ильду привели в темную комнату, где ей прямо в глаз бил свет яркой лампы. Таким образом, она не мог-

ла видеть тех, кто ее допрашивал. И это было не случайно. Ильда все же заметила, что кто-то в комнате тихо говорил по-английски. Весь допрос вертелся вокруг одного вопроса — связана ли она и ее муж с коммунистами, особенно иностранными. Именно эта тема и интересовала американцев.

Ильда не ошиблась. Материалы ее допроса оказались в досье ЦРУ: «2 июля Ильда Гадеа де Гевара отрицала, что она и ее аргентинский муж врач Эрнесто Гевара де ла Серна являются коммунистами. Она заявила, что была вынуждена покинуть Перу не из-за коммунистической деятельности, а потому что являлась секретарем-статистиком АПРА. Ни у нее, ни у ее мужа никогда не было симпатии к коммунистам. Далее она опровергла слухи о том, что она сама и ее муж прибыли в Мексику из Гватемалы вместе с Рохелио Крус Вером и Хайме Розенбери (правильно: Розенбергом. — *Н. П.*), соответственно командующими Гражданской гвардией и Гвардией юстиции во время правления Арбенса. Она заявила, что ни она, ни ее муж не знали никого из этих людей во время их пребывания в Гватемале»[88].

Ильда твердо держалась своих показаний, несмотря на угрозы упрятать ее за решетку на долгое время. Она постоянно требовала вызова адвоката и угрожала своими знакомствами среди мексиканских сенаторов. В 11 часов вечера ее препроводили для «отдыха» домой. Полицейские остались в ее доме — это была засада, на случай, если Че вернется домой.

На следующее утро ее опять доставили в полицию и опять допрашивали, перемежая угрозы с посулами. В три часа ей устроили очную ставку с Фиделем. Женщина была готова отрицать факт их личного знакомства, но Фидель демонстративно сердечно ее поприветствовал и назвал по имени. Он с самого ареста решил не злить мексиканцев, признаваясь в том, что они и так могли легко выяснить. Кастро правильно рассудил, что мексиканцы действуют по просьбе Батисты и своей собственной заинтересованности в этом деле у них нет. Поэтому, как только уляжется шум в прессе, можно будет попробовать уговорами и взятками освободить всех арестованных.

Фидель уговорил Ильду сознаться в том, что она получала корреспонденцию на его имя, так как у него самого постоянного адреса в Мехико не было. Все это было чистой правдой и никакого нарушения законов не представляло. Ильда подписала соответствующее заявление, отметив, что

полиция обращается с Фиделем подчеркнуто уважительно. Тактика Фиделя явно уже начинала давать свои плоды.

К тому же в это время в его защиту уже выступил бывший президент Мексики Ласаро Карденас, по-прежнему очень популярный в стране.

Фидель разыгрывал из себя законопослушного по отношению к Мексике иммигранта и согласился привести полицию к ранчо и уговорить своих сторонников сдаться, чтобы избежать кровопролития. Он не сомневался, что в скором времени их всех освободят и они смогут продолжить подготовку к высадке на Кубу.

24 июня 1956 года Че как раз стоял в карауле, когда к ранчо подъехали джипы мексиканской полиции. Партизаны уже было собрались оказать сопротивление, когда из одной машины вышел Фидель и попросил своих друзей сдаться. 12 бойцов были арестованы, другая группа во главе с Раулем тренировалась в окрестных горах и избежала этой участи.

На следующий день Ильда узнала из газет об аресте мужа. Причем пресса уделяла повышенное внимание именно ей и Че. Заголовки сообщали о раскрытии международного коммунистического заговора, в котором замешаны перуанские апристы и аргентинские коммунисты[89]. Когда среди вещей Че нашли визитную карточку Леонова, то к делу попробовали пришить еще и «руку Москвы». По указанию советского посла ни в чем не виноватый Леонов «во избежание осложнений» был вынужден срочно покинуть Мексику.

Так как принадлежность к коммунистической партии, а тем более приверженность коммунистическим идеалам никаким преступлением согласно мексиканским законам не являлись, Че обвинили в нарушении иммиграционного законодательства — его въездная виза была просрочена.

На допросах Че не только сознался в том, что является убежденным коммунистом, но и пытался дискутировать на эти темы со следователем. На первый взгляд это была странная тактика — Че сам давал пищу для утверждений о международном коммунистическом заговоре против Батисты.

Но на самом деле Че признался лишь в том, что полиция могла легко установить и без него. Было бы глупо, например, отрицать пребывание в Гватемале и симпатии к правительству Арбенса. Тем более что в Мексике многие (в том числе и в госорганах) тоже относились к Арбенсу с симпатией, да и сам бывший президент Гватемалы, как и

множество его сторонников, легально получил политическое убежище в Мексике. С другой стороны, Че действительно никогда не состоял ни в каких коммунистических организациях, а марксистской или советской литературой в то время увлекались многие.

Наступательная и открытая тактика Че убедила мексиканскую полицию, что перед ними очередной левый интеллигент, который любит поговорить, и поэтому вряд ли может быть тайным агентом Москвы.

Что касается Кубы, то Че сказал, что присоединился к группе Кастро в качестве врача и был посредником при приобретении ранчо. Но ничего об оружии или количестве находившихся на ранчо людей он не сказал. И тем самым спас Рауля и его отряд от ареста. Политическая деятельность Фиделя в Мексике (да и во всей Латинской Америке, а также в США) была хорошо известна, и он не делал из своих намерений относительно Батисты никакого секрета.

Тем не менее поначалу мексиканская федеральная полиция безопасности* все же попыталась представить Эрнесто Гевару де ла Серна в качестве связующего звена между «кубинскими заговорщиками и некоторыми коммунистическими организациями, действующими в мировом масштабе...»[90]. Все это фабриковалось на том основании, что Че посещал Мексикано-советский институт культурного обмена и «засветился» в Доминиканской Республике и Панаме.

В июле 1956 года (Че еще был под стражей) материалы допроса аргентинского врача-коммуниста уже появились в штаб-квартире ЦРУ. В документе, как уже упоминалось, утверждалось, что Эрнесто Гевара — это протеже Ласаро Карденаса и Ломбардо Толедано[91]. Но примечательно, что ни о каких связях с русскими или прочими коммунистами в материале не было ни слова. Видимо, к тому времени от этой версии отказались ввиду ее полной несостоятельности.

Сразу после ареста мужа Ильда немедленно обратилась за помощью в аргентинское посольство, торговый атташе которого был дальним родственником семьи Гевара. Тот поначалу испугался всей этой «красной» истории, но потом все же выяснил, что Че содержится в изоляторе для лиц, нарушивших иммиграционное законодательство. К тому времени это уже знали и кубинцы.

Тактика Фиделя принесла успех, и 2 июля 1956 года мексиканский суд постановил, что его надо освободить.

---

* *Dirección Federal de Seguridad (DFC).*

Однако это решение заблокировало МВД. Но все же было отказано в выдаче Фиделя и его товарищей Батисте. Кубинцы объявили голодовку, и в их защиту выступил Ласаро Карденас. Давление общественности дало свои плоды, и 9 июля на свободу вышел 21 кубинец, а через пару дней и все остальные. Правда, самого Фиделя, а также Че оставили за решеткой.

Только в письме от 6 июля 1956 года Че проинформировал обеспокоенных его арестом родителей, что он присоединился к отряду Фиделя, который с оружием в руках намерен освободить Кубу. Если его депортируют из Мексики (а это было единственным наказанием, которое по закону он «заслужил»), то Че был намерен направиться в какую-нибудь соседнюю страну и ожидать там указаний Фиделя.

Мать пыталась отговорить сына от опасной кубинской затеи со ссылкой на человеколюбие и христианские ценности. Ответ сына (датированный 15 июля 1956 года) был если не резким, то очень четким: «Я не Христос и не филантроп, я как раз прямая противоположность Христу... ибо за те ценности, в которые я верю, я борюсь всем оружием, которое мне доступно, и я стараюсь увидеть своего оппонента распростертым на полу, вместо того, чтобы позволить ему прибить меня к кресту или к другому месту...»[92]

Понимая, что его могут продержать в тюрьме долго, Че сообщил Фиделю, чтобы он не отвлекался от своей великой задачи и предоставил его, Че, своей судьбе. Однако Фидель ответил, что не оставит друга в беде. Че был очень тронут, и его вера в товарища сильно выросла. В тюрьме он написал стихотворение «Песнь Фиделю», в котором клялся, что будет вместе с ним до победы либо до смерти. При этом самому Фиделю стихотворения он не показал — хотел прочесть его только после того, как они отплывут из Мексики на Кубу.

Мексиканская полиция все еще не оставляла надежды выбить из Че какие-нибудь показания относительно мирового «красного заговора». Ему угрожали пытками, даже говорили, что будут пытать жену и дочь. После этих угроз Че вообще прекратил отвечать на любые вопросы и объявил голодовку.

В беседах на свиданиях с Ильдой в тюрьме Че не сомневался, что все аресты были инициированы ФБР, чтобы защитить американского ставленника Батисту: «Он контролирует для них сахарную промышленность и торговлю. Мексиканцы не могут быть так заинтересованы в преследо-

вании кубинских революционеров. Мало того, они же делали свою революцию и знают, что такое подняться против властей с оружием в руках. Это все янки, сукины сыны»[93].

Здесь следует отметить, что до событий в Гватемале мексиканский президент Адольфо Руис Кортинес проводил по отношению к США достаточно самостоятельную политику (и именно так это и расценивали в Вашингтоне)[94]. Как уже упоминалось, на встрече ОАГ в Каракасе в марте 1954 года Мексика отказалась поддержать инициированную американцами антигватемальскую резолюцию. Однако американцы использовали против Мексики меры экономического нажима, например, угрожали отказом принимать мексиканских сезонных рабочих (брасеро). Мексиканский бизнес стал давить на правительство, и Руис Кортинес «исправился». Как отмечали в госдепартаменте, мексиканский президент «сформировал более реалистический взгляд на опасность коммунизма не только в Гватемале, но и в Мексике, а также попросил о более тесном сотрудничестве с посольством (США) с целью принятия меры по борьбе с коммунизмом» в Мексике[95]. Правда, Руис Кортинес все же говорил американскому послу в Мехико Уайту, что никакой реальной опасности коммунизма в Мексике нет.

Посольство США в Мехико в секретных депешах признавало, что так оно и есть. После победы революции в Мексике была фактически только одна правительственная партия — Институционно-революционная партия (ИРП). Всех остальных правдами и неправдами к власти не подпускали. В компартии Мексики было всего пять тысяч членов, и на основании малочисленности ей отказывали в регистрации для участия в выборах. Однако, по мнению посольства США, Народная партия Висенте Ломбардо Толедано (100 тысяч членов), формально не будучи коммунистической, «служила интересам мирового коммунизма». Видимо, поэтому Че и пытались связать с Ломбардо Толедано.

Руис Кортинес заверял американцев, что такая католическая страна, как Мексика, по определению не может стать коммунистической. Американцы, правда, считали, что Мексика подвержена опасности коммунизма потому, что в этой стране есть посольство СССР, а также в силу своего революционного и не столь уж отдаленного прошлого. Отсюда попытка связать советского гражданина Леонова с аргентинцем Эрнесто Геварой. В сообщении посольства США в Мехико в госдепартамент огульно утверждалось, что все советские учреждения в Мексике (в том числе и

Мексикано-советский институт культурного обмена) замешаны в разведывательной деятельности[96].

В марте 1956 года Эйзенхауэр встретился с Руисом Кортинесом в Западной Вирджинии и заявил, что «американский народ обеспокоен угрозой коммунистического проникновения в правительства» латиноамериканских стран. Очень часто советские посольства представляют собой шпионские гнезда и «должны быть поставлены под наблюдение». Согласно американской записи беседы, президент Мексики «ответил, что знает это и согласен с президентом» США[97].

28 мая 1956 года посол США в Мехико Уайт был принят Руисом Кортинесом и тот обещал назначить специального уполномоченного для сотрудничества с США по борьбе с коммунизмом. Очень важным с точки зрения последующих событий вокруг кубинцев и Че Гевары представляется следующее обстоятельство: Уайт считал противодействие коммунизму в Мексике неэффективным до тех пор, пока «Карденас не исчезнет с политической арены».

С одной стороны, непрекращающееся давление США на Мексику по теме «мирового коммунизма» объясняет настойчивые попытки мексиканской полиции сконструировать для своих американских друзей хотя бы некое подобие коммунистического заговора вокруг арестованного аргентинца Эрнесто Гевары.

С другой стороны, в Вашингтоне понимали, что никакой реальной угрозы «мирового коммунизма» в Мексике нет, и поэтому воспринимали шумиху в мексиканских газетах вокруг коммуниста Че благосклонно, но не очень серьезно: мексиканцы демонстрировали тем самым свою благонадежность, и США этого было на тот момент вполне достаточно.

Американцев по-настоящему беспокоили в Мексике Ласаро Карденас и Ломбардо Толедано, но эти крайне популярные в стране политики были им пока не по зубам.

Между тем адвокаты Фиделя подключили к борьбе за освобождение Че и самого Фиделя именно Ласаро Карденаса. Тот немедленно обратился к Руису Кортинесу, и 24 июля 1956 года Фиделя выпустили из тюрьмы при условии, что он в течение ближайших двух недель покинет Мексику.

В тюрьме остались только Че и кубинец Каликсто Гарсиа.

Ильда навещала мужа каждый четверг и субботу, приносила еду, до тех пор пока Че не объявил голодовку. Она хотела надавить на мексиканские власти через аргентин-

ского посла в Гаване (еще одного родственника семьи Гевара). Фидель идею одобрил, но Че категорически отказался, заявив, что хочет такого же отношения со стороны властей, какому подвергаются и его остальные товарищи по несчастью.

Праздником для Че был приход на свидание Ильды с малышкой Ильдитой. Он очень любил дочь и не мог на нее нарадоваться. Во внутреннем тюремном дворе расстилали одеяло, и Че играл с дочкой до тех пор, пока она сладко не засыпала. После этого он внимательно разглядывал спящего ребенка, радуясь каждому непроизвольному движению дремавшей дочурки. Очень осторожно Че брал Ильдиту на руки и гордо разгуливал с ней по тюремному двору.

Фидель сдержал слово, что не оставит Че в беде. Когда были исчерпаны все легальные способы вызволить Аргентинца из тюрьмы, Фидель просто дал взятку, и в середине августа 1956 года Че и Каликсто Гарсия вышли на свободу после 57-дневного тюремного заключения. Че сказал Ильде, что ради него Фидель даже поступился своими революционными принципами, согласившись скрепя сердце заплатить деньги.

Как и Фиделю, Че было предписано покинуть Мексику, но ни тот ни другой делать этого пока не собирались. Всем членам «Движения 26 июля» было предписано перейти на нелегальное положение, рассеяться по стране и ждать сигнала начала экспедиции.

Че (под именем сеньора Гонсалеса) и Каликсто сначала жили в отеле курортного местечка Истапан-де-ла-Саль, где мужа время от времени навещали Ильда с дочкой. Иногда в Мехико тайно приезжал и сам Че, стараясь каждую свободную минуту провести с дочерью. Однажды, взяв ее на руки, он произнес своеобразное напутствие: «Моя дорогая дочь, мой маленький Мао, ты еще не знаешь, насколько сложен мир, в котором тебе предстоит жить. Когда ты вырастишь, то весь этот континент, а может и весь мир, будет бороться против злейшего врага, империализма янки. И тебе придется бороться. Меня уже, возможно, не будет, но борьба воспламенит континент»[98]. Ильда была потрясена этими словами и молча обняла мужа.

Че сочинил стихотворение «Взрослой Ильде Беатрис», что поразило Ильду, так как Че не любил смотреть в будущее. К тому же стихи были написаны так, чтобы рассказать дочери о ее отце, которого уже нет рядом. В поэме говорилось о человеке, который бесцельно странствовал по Аме-

рике, пока в Гватемале не встретил верного друга (Ильду), с которым они вместе защищали гватемальскую революцию против американского империализма. А потом, в Мексике, этот человек решил помочь небольшой стране добиться свободы и построить лучший мир для Ильдиты. В конце выражалась надежда, что Ильдита пойдет по стопам отца и будет бороться за справедливость не только своей страны, но и всей Латинской Америки.

Когда Че проводил субботы и воскресенья в Мехико, они с Ильдой продолжали читать и обсуждать книги по экономике, особенно Кейнса. Ильда мечтала где-нибудь отдохнуть с любимым мужем, и они строили планы насчет пляжей Акапулько, хотя Че и считал этот мексиканский курорт слишком американизированным.

В начале сентября 1956 года после тяжелого приступа астмы Че перебрался в город Толуку с более сухим климатом. Потом Фидель направил его на встречу с товарищами по отряду в Веракрус, а оттуда Че переехал на конспиративную квартиру в Мехико. Ильда знала, что время отплытия отряда на Кубу приближается, так как Фидель уже попросил каждого бойца назвать родственника, которому можно было бы сообщить о смерти.

Фидель проявлял чудеса политической тактики. Он встретился в Мексике с представителями кубинской компартии (НСП), и была достигнута договоренность, что коммунисты поддержат партизан Кастро забастовками и компанией гражданского неповиновения в городах. Встречу сохранили в тайне (и весьма успешно), чтобы не дать повода американцам и их мексиканским марионеткам опять вспомнить о «коммунистическом заговоре».

Сложнее протекали переговоры Фиделя с представителями кубинской студенческой организации «Революционный директорат». В отличие от коммунистов «Директорат», как и «Движение 26 июля», предпочитал вооруженные методы борьбы против диктатуры. Студенты нападали на полицейские участки и подкладывали бомбы в правительственные учреждения. В конце августа 1956 года лидер «Директората» Хосе Антонио Эчеверрия приехал в Мексику и подписал с Фиделем «Хартию Мехико», в которой обе организации обязались сотрудничать с целью свержения Батисты.

В сентябре 1956 года Фидель тайно выехал в Техас, где встретился с бывшим президентом Кубы Карлосом Прио Сокаррасом. Тот был готов свергнуть Батисту (который ра-

нее сверг его) любыми путями, считая, что благодарный кубинский народ вновь призовет его к кормилу власти. Прио даже хотел заручиться для этой цели поддержкой доминиканского тирана Трухильо. Фиделя он считал наивным простачком, пешкой на шахматной доске, на которой он самому себе отводил роль ферзя. В свою очередь Фидель прекрасно помнил пронизанное коррупцией правление Прио Сокарраса и не собирался таскать для него каштаны из огня. Но, используя честолюбие бывшего президента и его ненависть к Батисте, Кастро легко выбил из Прио Сокарраса 50 тысяч долларов, которые предполагалось потратить на покупку судна для высадки на Кубу.

Тактический союз с Прио был важен еще и потому, что бывший президент слыл проамериканским и все свои шаги он координировал с Госдепартаментом США. Фидель, которого Прио Сокаррас считал союзником, был, таким образом, временно застрахован от излишнего внимания американских спецслужб. В Вашингтоне же решили пока не мешать антибатистовской эмиграции под руководством Прио Сокарраса — ведь если бы кубинский народ сверг Батисту, на его место можно было посадить верного человека в лице Карлоса Прио Сокарраса.

23 июля 1956 года в Панаме встретились Эйзенхауэр и Батиста. Кубинский диктатор излучал уверенность в своих силах и просил президента США лишь не уменьшать квоту на закупку кубинского сахара (этого настойчиво требовали сенаторы от сахаропроизводящих штатов). Батиста обещал, как и прежде, защищать американские инвестиции на Кубе — 400 миллионов долларов[99]. Эйзенхауэр в ответ тоже обещал (хотя и очень туманно) учитывать торговые интересы «братской республики». Оба президента сфотографировались на ступеньках американского посольства в Панаме.

Начиная с осени вся Куба ждала революционных событий, о чем 16 октября 1956 года сообщил в госдепартамент посол США в Гаване Гарднер[100]. Правительство Батисты утверждало, что находится наготове и любая попытка высадки из Центральной Америки или Доминиканской Республики будет отбита. Посольство США считало главными оппозиционными элементами группу Кастро и «Революционный директорат». Коммунисты, действующие независимо, готовы поддержать революцию всеобщей забастовкой, отмечало посольство США.

Тем не менее посольство США считало, что народ на Кубе «наслаждается» хорошей экономической ситуацией,

армия верна Батисте, профсоюзы «присмирели», а оппозиция расколота. Гарднер ожидал, что радикальная оппозиция в ближайшее время предпримет что-нибудь типа атаки на Монкаду, однако без поддержки армии любая высадка на Кубу не даст никакого результата.

28 октября «Революционный директорат» провел успешное покушение на главу военной полиции Батисты полковника Мануэля Бланко Рико в одном из ночных клубов Гаваны. Кастро публично осудил покушение как террористический акт, неприемлемый с революционной точки зрения.

В конце сентября Фидель договорился с американцем Робертом Эриксоном о покупке за 15 тысяч долларов его 18-метровой моторной яхты «Гранма» («Бабушка»). Причем Эриксон навязал в «нагрузку» к яхте и свой дом в портовом городе Туспан.

Яхта полностью оправдывала свое имя и, казалось, дышала на ладан. Ее спустили на воду в 1943 году. К тому же она была явно маленькой для отряда из восьмидесяти человек с запасами оружия и продовольствия (судно было рассчитано на 12 человек). Но выбирать уже не приходилось. С лидером «Движения 26 июля» в провинции Орьенте Франком Паисом уже была достигнута договоренность о восстании 30 ноября 1956 года. Для того чтобы успеть к этой дате, «Гранма» должна была отплыть из Мексики 25 ноября.

10 октября 1956 года покупка «Гранмы» была оформлена, и в доме Эриксона стали постепенно собираться бойцы экспедиционного отряда.

23 ноября 1956 года Фидель приказал всем бойцам отряда на следующий день прибыть в городок Посо-Рико южнее Туспана.

25 ноября перед рассветом партизаны поднялись на борт «Гранмы» и перегруженная яхта вышла в Мексиканский залив.

Глава четвертая

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМАНДИР. КУБА (1956—1958)

Армия народа, тебя приветствуют все матери мира, все школы, все старые плотники. Тебя приветствуют колосьями, картошкой, молоком, лимоном, лавром, всем, что дает земля.

Пабло Неруда

Перед отплытием яхты «Гранма» Че писал матери:

«А теперь настала тяжелая часть жизни, старая дама; та часть, от которой я никогда не бежал и которая мне всегда нравилась. Небо не потемнело, и планеты не сошли со своих орбит, не было ни потопа, ни очень уж бесстыдных ураганов; знамения благоприятны. Они указывают на победу. Но если я их неправильно истолковал — ведь и богам иногда свойственно ошибаться, — тогда я могу сказать, как один неизвестный тебе поэт: "Я возьму с собой в могилу только тоску неоконченной песни". Целую тебя еще раз со всей любовью прощания, которое, надеюсь, не окончательное.

Твой сын»[101].

Фидель планировал высадиться 30 ноября на пляже Лас Колорадас в провинции Орьенте. Помимо стратегических и тактических преимуществ самой восточной провинции Кубы место высадки имело еще и важное для кубинцев символическое значение — 61 год тому назад там для борьбы против испанских колониальных властей высадился национальный герой Кубы Хосе Марти.

На расположенном рядом с пляжем маяке партизан должна была ждать большая группа членов «Движения 26 июля» на грузовиках и с оружием. Предполагалось, что к этому времени повстанцы Франка Паиса уже овладеют Сантьяго-де-Куба и к ним на помощь и выдвинутся партизаны Кастро. В свою очередь, освобождение Сантьяго должно было привести к общенациональной забастовке и массовым акциям гражданского неповиновения по всей Кубе. При этом сценарии падение диктатуры Батисты было бы неизбежным (или, по крайней мере, очень вероятным) в течение нескольких дней.

Как и у любого толкового командира, у Фиделя, конечно, были и запасные варианты действий на случай несрабатывания основного плана. Если бы старенькая яхта по каким-либо причинам не добралась до Кубы, то в Мексике было припрятано 15 винтовок с боеприпасами на случай высадки небольшого отряда с самолета[102]. При поражении во время высадки и разгроме восстания в Сантьяго-де-Куба (именно так и произошло) партизаны должны были укрыться в горах Сьерра-Маэстра, прийти в себя и наладить контакт с ячейками «Движения 26 июля», чтобы получить провиант, оружие и новых добровольцев.

Надо отметить, что «Движение 26 июля» проделало прекрасную работу по обеспечению высадки отряда. В горах Сьерра-Маэстра и на прилегающей к ним территории из крестьян (гуахиро) была создана надежная сеть поддержки повстанцев. Они должны были снабжать отряд Кастро продовольствием, служить проводниками и разведчиками.

Вообще местные гуахиро были, пожалуй, самыми бедными и самыми непокорными людьми на Кубе. Они работали за гроши на прилегающих равнинах четыре месяца в году на уборке сахарного тростника (сафре). Плантации принадлежали либо американцам, либо кубинским олигархам (связанным с американцами), которых они страстно ненавидели. Бóльшую же часть года крестьяне Сьерра-Маэстры перебивались случайными заработками: работали на лесопилках, заготавливали древесный уголь, иногда выращивали коноплю.

Многие гуахиро захватили земельные участки в горной плохо проходимой местности без оформления прав собственности. Поэтому они вели постоянную войну (в прямом смысле этого слова) с местными латифундистами, которые пытались согнать их оттуда.

Правда, сами латифундисты в этой богом забытой местности предпочитали не показываться: они весело проводили время в ночных клубах и казино Гаваны. Главными врагами крестьян были управляющие имениями (майоралес). Они нанимали банды и сжигали «незаконные» крестьянские дома. Крестьяне в ответ тоже собирались в отряды и сжигали имения. Борьба, конечно, была неравной — ведь на стороне майоралес были армия, полиция и отряды сельской гвардии, набранные из полууголовных и откровенно преступных элементов.

Такая ситуация была на руку повстанцам — большинство крестьян видели в них реальную защиту против произвола майоралес и сельской гвардии.

На борту «Гранмы» находилось 82 человека, 20 из которых участвовали в штурме казарм Монкада. Это была внушительная сила, если учесть, что армейские гарнизоны в районе Сьерра-Маэстры были небольшими (примерно 20—30 человек) и не имели тяжелого вооружения.

Когда яхта вышла в море, в Мексиканском заливе сильно штормило (6,5 балла). Почти все партизаны (включая Че) очень страдали от морской болезни. Кто-то обнаружил пробоину в днище. Че вспоминал: «Мы начали как сумасшедшие искать медикаменты против морской болезни, но они куда-то запропастились; мы стали петь кубинский гимн и гимн "Движения 26 июля", но это продлилось не более пяти минут, и после этого весь корабль представлял собой трагикомическое зрелище: мужчины, на лицах которых отражался страх и которые держались за животы. Одни засунули головы в ведра, другие неподвижно лежали в странных позах на палубе, и их одежда была испачкана рвотой... Но на четвертый или пятый день положение немного улучшилось. Мы выяснили, что предполагаемой пробоины на самом деле не оказалось, просто в туалете был открыт кран...»[103]

Из-за шторма (и из-за пробоины, которой на самом деле и не существовало) пришлось выбросить за борт почти все снаряжение за исключением оружия и боеприпасов (яхта угрожала перевернуться). Но нет худа без добра — в такую погоду и местные рыбаки, и береговая охрана предпочитали не покидать берега, и яхту не перехватили в мексиканских территориальных водах.

Батиста ждал высадки — ведь сам Фидель публично заявил, что она состоится в 1956 году. Правда, до последнего момента были неизвестны точное время и место.

На пресс-конференции в октябре 1956 года Батиста заявил: «Организация, которую они (люди Кастро. — *Н. П.*) имеют и которая нам хорошо известна, не только не может осуществить обещанные ими наступательные планы псевдовоенного характера, но даже неспособна устроить какую-нибудь серьезную засаду»[104]. Начальник генерального штаба Табернилья* был еще более категоричен: «Исключена всякая возможность высадки, объявленной Фиделем Кастро. С технической точки зрения какая-либо перспек-

* Бригадный генерал Франсиско Табернилья был правой рукой Батисты в армии. С 1959 года жил в Палм-Бич и в 1968 году стал гражданином США. Умер 20 января 2015 года в возрасте девяноста пяти лет.

тива высадки этих групп, состоящих из людей экзальтированных, недисциплинированных, лишенных военных знаний и средств ведения боя, нереальна»[105].

Кубинские вооруженные силы на тот момент были, пожалуй, лучшими во всей Центральной Америке, и американцы щедро оснащали их якобы для защиты Западного полушария от коммунистической угрозы. В 1956 году военная помощь США диктатуре Батисты составила 94 миллиона долларов.

В сухопутных войсках числилось 21 307 военнослужащих, в том числе 76 генералов. ВМС (5946 человек) имели на вооружении 29 боевых кораблей (в том числе один крейсер, три фрегата и 15 сторожевых кораблей). Военно-воздушные силы располагали 78 самолетами (20 бомбардировщиков, 25 истребителей и 33 транспортных самолета). Кроме того, примерно 7,6 тысячи человек служили в полиции. Армейские гарнизоны в провинции Орьенте располагались в восьмидесяти четырех населенных пунктах.

Силы на первый взгляд были очень неравными, и можно было подумать, что Табернилья прав. Правда, многие офицеры и солдаты кубинской армии без всякого энтузиазма относились к своему главнокомандующему, и боевой дух большинство подразделений нельзя было назвать высоким.

Однако поначалу казалось, что Че и вправду неверно истолковал «знамения», упомянутые в письме к матери.

Организация «Движение 26 июля» в Сантьяго-де-Куба должна была поднять восстание одновременно с высадкой отряда Кастро. Предполагалось, как и в 1953 году, напасть на казармы Монкада*, вооружить дополнительные силы, захватить аэропорт и привлечь на сторону восставших военных моряков. После установления контроля над городом группы восставших на грузовиках (уже с помощью партизан Кастро) должны были быстро освободить прилегающие населенные пункты в Орьенте.

В качестве программы-минимум предполагалось оттянуть на Сантьяго-де-Куба основные силы Батисты в Орьенте, чтобы высадка отряда Кастро прошла беспрепятственно.

Поначалу все шло неплохо. Удалось договориться с капитаном стоявшего на рейде в Сантьяго-де-Куба фрегата

---

* Памятуя о горьком опыте 1953 года, казармы предполагалось только блокировать, но не штурмовать.

«Антонио Масео», и тот обещал присоединиться к восстанию в случае его успеха в городе. В случае поражения вылазки фрегат обязался сохранить нейтралитет.

27 ноября Паис получил закодированную телеграмму из Мексики, сообщавшую, что «Гранма» прибудет на Кубу 30 ноября. Но штурман сбился с курса, о чем ни на Кубе, ни в Мексике никто не знал. 28 ноября на собрании боевых групп «Движения 26 июля» в Сантьяго-де-Куба было торжественно зачитано обращение Эрнста Тельмана к коммунистам Гамбурга*. 29 ноября было отпечатано 10 тысяч листовок, которые, правда, так и не успели распространить среди населения.

Утром 30 ноября вооруженные группы атаковали все полицейские участки Сантьяго-де-Куба. Несмотря на крайнюю скудность в вооружении повстанцев (56 винтовок и пистолетов, один пулемет и один миномет), внезапность удара сделала свое дело, и город фактически перешел под контроль Паиса. Но всего лишь на пару часов. Скоординировать все акции не удалось, так как некоторых участников восстания арестовали еще до его начала. Казармы Монкада планировалось обстрелять из единственного миномета, но и этого не получилось (расчет миномета также был арестован). Полиция быстро подтянула подкрепление, и уже в 11 часов утра восставшие получили приказ отступить.

А «Гранма» была еще в трех днях пути от места высадки. 30 ноября экипаж по радио узнал о восстании и на следующий день взял прямой курс на Кубу. Кастро был очень раздосадован преждевременным началом восстания (а скорее своим собственным опозданием) и произнес: «Как бы я хотел уметь летать!» Медлить было нельзя, и люди напряженно всматривались в море, пытаясь уловить очертания маяка Кабо-Крус, где их должны были ждать люди Паиса. Один из партизан (бывший лейтенант ВМС Кубы) даже упал за борт. Запасы воды и пищи подошли к концу, приходилось экономить и топливо для двигателя. Только днем 2 декабря экипаж увидел очертания кубинского берега.

Яхта села на мель, и на берег пришлось высаживаться по пояс в воде. Из-за этого бóльшую часть боеприпасов пока оставили на корабле. Тут еще выяснилось, что берег пред-

---

* В 1923 году коммунисты Гамбурга подняли под руководством Эрнста Тельмана восстание, которое должны были поддержать в других городах Германии. Но на тот момент руководство компартии уже отменило восстание, просто курьер с этим известием прибыл в Гамбург слишком поздно.

ставляет собой мангровое болото протяженностью два километра, которое было очень сложно форсировать. На тот момент «Гранму» уже засек сторожевой корабль, и вскоре место высадки стали бомбить правительственные ВВС. Правда, в этом смысле мангровые заросли как раз очень помогли — в их чаще партизаны были абсолютно незаметны.

Че так описал высадку: «Заплетающейся походкой мы ступили на твердую землю, являя собой армию теней, армию призраков, которая шла, подчиняясь импульсу какого-то скрытого психического механизма»[106].

А до Сьерра-Маэстры было еще около 40 километров. Ослабленные морской болезнью и тяжелым маршем через болото, 5 декабря бойцы остановились на отдых в местечке Алегрио-дель-Пио и стали жадно поглощать побеги сахарного тростника. Они не знали, что к месту высадки стянуто уже более тысячи солдат и офицеров правительственных войск. Примерно в 16.15 на лагерь повстанцев напали солдаты. Партизаны были застигнуты врасплох, и боя не получилось. Отряд рассеялся, хотя прямые потери были невелики (погибли четыре бойца), что свидетельствовало о плохой боевой подготовке батистовской армии.

Че схватил ящик с боеприпасами, в который сразу же попала пуля. Вторая пуля угодила ему в шею, и Че счел ранение смертельным. Он неподвижно лежал на земле, стараясь умереть достойно. Его вывел из прострации Хуан Альмейда — он стал трясти Че, и они смогли добежать до леса. На поверку ранение оказалось касательным и совершенно не опасным. Рядом падали замертво боевые товарищи, кто-то кричал, что надо сдаваться. Ему отвечал отчаянный рев Камило Сьенфуэгоса: «Здесь никто не сдается!»

Поражение партизан было полным. Отряд Кастро рассеялся на мелкие группы, которые сами по себе пробивались в горы. Бóльшая часть оружия и боеприпасов была потеряна. Часть отряда (22 человека) батистовцы захватили в плен. Их осудили на шесть лет тюрьмы. Многих пленных расстреляли без всякого суда. Кубинский диктатор поспешил объявить о полном разгроме партизан и смерти Фиделя Кастро. В бою погиб всего один солдат правительственной армии и двое были ранены.

6 декабря 1956 года в госдепартамент зашел кубинский посол Кампа. Он описал Кастро как опасного фанатика, но заверил американцев, что кубинский народ его не поддержит[107]. Ведь экономика Кубы процветает. Батисту-де, напротив, поддерживают не только офицеры, но и солдаты.

А в народе президента любят еще больше, чем в 1952 году, когда он пришел к власти. Американцев Кастро вообще не интересовал (они его явно недооценивали), и в госдепартаменте поинтересовались только, не вовлечены ли коммунисты в происходящие на Кубе события. Кампа, подобострастно напомнив, что Куба разорвала дипломатические отношения с СССР, сказал, что нет никаких сомнений — «элементы коммунистической партии Кубы, действующей в подполье, поддерживают "Движение 26 июля" как только могут»[108].

Американцы не зря интересовались кубинскими коммунистами — НСП оказалась единственной крупной политической силой Кубы, поддержавшей Кастро в специальных заявлениях 6 и 11 декабря. Правда, коммунисты, как и раньше, выражали свое несогласие с методами борьбы «Движения 26 июля».

Группа партизан (пять человек), в которой был и Че, продвигалась к горам практически без воды. Из еды осталась банка сгущенного молока. Да и с ней случилась незадача — один из партизан сунул банку в карман дыркой вниз, и когда все захотели есть, оказалось, что молока-то и нет. На берегу моря партизаны ночью поймали несколько крабов и съели их сырыми — разводить огонь они не решались.

Вокруг время от времени звучали выстрелы — местность прочесывали армейские патрули. Че ориентировался, как ему казалось, по Полярной звезде и вел товарищей на восток по направлению к Сьерра-Маэстре. Только потом он узнал, что его звезда-ориентир отнюдь не была Полярной, и группа чисто случайно действительно пробиралась к горам.

12 декабря 1956 года группа увидела крестьянскую хижину, но зайти не решилась — было слышно, что кто-то произносит тост за товарищей по оружию. Вероятно, в хижине находились солдаты. На следующий день партизаны были уже на исходе сил, некоторые отказывались идти дальше. Дождевую воду с помощью ингалятора Че высасывали из каменистых впадин.

Но тут на дороге попался еще один крестьянский дом и, несмотря на предостережения Че, партизаны постучали в дверь. Им повезло — оказалось, что хозяин принадлежит к подпольной сети поддержки «Движения 26 июля».

Партизаны решили переодеться в крестьянскую одежду и рассредоточиться по окрестным хижинам. Оружие и боеприпасы спрятали в одном доме. Только Че, как фак-

тический командир этого маленького подразделения, оставил себе пистолет. Выдвинувшись в разведку, партизаны узнали, что армия захватила только что оставленный ими поселок и обнаружила оружие. Тут впервые Че понял, что среди крестьян Сьерры были не только друзья, но и шпики полиции (чибатос), которые еще не раз станут досаждать повстанцам.

От Гильермо Гарсиа, одного из лидеров крестьян, поддерживающих «Движение 26 июля», Че и его товарищи узнали, что Фидель жив и с двумя товарищами пробился в горы. Он и направил Гарсиа на разведку, чтобы тот обнаружил оставшихся в живых членов экипажа яхты «Гранма» и привел их в лагерь. Наконец 21 декабря группа Че достигла кофейной плантации, где их ждал Фидель.

К рождеству 1956 года на ферме «Эль Пуриаль» собрались всего 22 человека. С таким маленьким отрядом было бесполезно атаковать батистовские гарнизоны в горах, даже самые незначительные. Но больше всего Фидель был расстроен тем, что его отряд лишился автоматического оружия. Че получил строгий выговор от командира за то, что он и его группа оставили в поселке свои винтовки.

В этих условиях было принято решение забраться в самую непроходимую часть Сьерра-Маэстры, в район высшей точки Кубы пика Туркино (1972 метра). Там точно не было правительственных войск.

Батиста тем временем праздновал в Гаване разгром партизан. 15 декабря он даже заявил, что Фидель Кастро в последний момент струсил и вообще не прибыл на Кубу. Это была его реакция на требования общественности предъявить пленного или мертвого Кастро. Чтобы успокоить умы, Батиста объявил о выводе из Орьенте большей части направленных туда для борьбы против партизан войск.

23 декабря лидеры «Движения 26 июля» на востоке Кубы Франк Паис и Армандо Харт узнали, наконец, что Кастро и часть его отряда уцелели. К 5 января 1957 года обессиленные, но все же закаленные маршем по горной местности партизаны оказались неподалеку от пика Каракас — в центральной, самой высокой части массива Сьерра-Маэстра. К ним присоединились несколько добровольцев.

Фидель принял решение дать первый бой, захватив казарму в местечке, где речка Рио-Плата (Серебряная) впадала в море. Надо было поднять боевой дух бойцов, а главное, доказать Кубе и всему миру, что партизаны не только не разбиты, но и готовы к наступательным боям. В распо-

ряжении отряда было девять винтовок с оптическим прицелом, пять самозарядных винтовок, две автоматические винтовки «томпсон», два автомата и пять устаревших винтовок. Боеприпасов было в обрез. Фидель решил дать себе и Че (как хорошим стрелкам) по 70 патронов, а остальным оставить по 15—30.

Казарму взяли под наблюдение и через одного из местных крестьян выяснили, что в ней дислоцируются 15 солдат. К тому же на пути в казарму находился один из местных майоралес Чико Осорио, особенно жестоко обращавшийся с крестьянами. Через некоторое время в руки партизан действительно попал ехавший на муле и сильно пьяный Осорио. Фидель представился ему полковником сельской гвардии, посланным на поимку «этого проклятого Кастро». Мол, он инспектирует гарнизоны, утратившие бдительность. Осорио был счастлив услужить офицеру и рассказал о системе караулов Ла-Платы. Похвалился он и тем, скольких крестьян убил и жестоко пытал, не подозревая, что тем самым подписал себе смертный приговор. Пьяного майоралес отправили в арьергард с приказом убить, как только начнется нападение на казарму.

Следует отметить, что Фидель стремился отпускать всех пленных, а тем более раненых солдат противника. Щадил он и собственных дезертиров, а также тех бойцов, кто иногда отказывался выполнять приказ. Принципиальный Че поначалу был с этим не согласен, но Фидель все же был прав. Гуманность партизан на фоне начавшихся в Сьерре массовых репрессий со стороны армии и сельской гвардии создавала к повстанцам благосклонное отношение.

Осорио приговорили к казни именно за его зверства, а не потому, что он был враг.

17 января партизаны тремя группами подобрались к казарме на расстояние 40 метров, и в 2.40 ночи Фидель дал сигнал к атаке выстрелом в воздух. После первых залпов солдатам предложили сдаться, но те ответили ураганным огнем. Бой затягивался, и Фидель приказал поджечь стоящий рядом с казармой дом майоралес. С первых двух попыток это сделать не удалось, но затем Че и Креспо все же подожгли примыкавший к казарме склад кокосовых орехов. Это решило исход боя. Солдаты не захотели сгореть заживо и сдались. Умирать за Батисту никто не собирался. Помимо пленных в руки партизан попали восемь винтовок «спрингфилд», пулемет, тысяча единиц боеприпасов, продукты, каски, ножи и даже ром. Сами партизаны израсходовали

при нападении примерно 500 патронов. Были убиты двое солдат правительственной армии, пятеро ранены, у партизан же, как отмечал Че, не осталось ни единой царапины.

Отойдя в горы, партизаны отпустили всех раненых и пленных. Фидель и Рауль предложили солдатам присоединиться к отряду, но те ответили, что верны присяге. Фидель ответил: «Поздравляю вас, вы достойно вели себя и сделали все, что было в ваших силах. Мы не покушаемся на вашу жизнь. Можете быть свободны...»[109]

Несмотря на возражения Че, Фидель приказал оставить солдатам медикаменты. Че так вспоминал об этом: «С болью в сердце я, врач, обязанный иметь запас медикаментов для наших войск, отдавал по приказу Фиделя все имевшиеся в нашем распоряжении медикаменты пленным, чтобы они смогли оказать помощь своим товарищам»[110].

В ответ на этот гуманный акт ВВС Батисты разбомбили всю местность, уничтожив дома окрестных крестьян.

Фидель предположил, что армия пустится за ними в погоню, и решил устроить засаду. Несколько дней партизаны прождали напрасно, но 22 января перед рассветом раздались выстрелы, возвестившие приближение погони. Когда силуэты врагов стали ясно видны на лесной просеке, по ним был открыт огонь. В этом бою Че убил своего первого врага. Он снял с солдата винтовку и пояс с патронташем и осмотрел его: «Пуля попала ему чуть ниже сердца и вышла с правой стороны. Он был мертв»[111].

Первые победы партизан (пусть и небольшие по военным меркам) имели колоссальный отзвук на Кубе. Батиста совершил ошибку, отреагировав на это полицейскими репрессиями не только в Сьерре, но по всей стране. В горах армия сжигала крестьянские дома и расстреливала всех, кто подозревался в симпатиях к партизанам, в городах полиция тайно убивала на улицах реальных и потенциальных оппозиционеров. Рядом с изрешеченными пулями телами обычно находили неразорвавшимися динамитные шашки (которые должны были продемонстрировать, что погибшие были террористами). Эти убийства пытались представить как разборки внутри оппозиции, но такая версия не убедила даже благожелательно настроенного по отношению к Батисте посла США в Гаване Гарднера.

15 февраля 1957 года в депеше в Вашингтон Гарднер предложил прямо указать Батисте, что США не приемлют его версию репрессий[112]. Хотя госсекретарь Даллес отказал Гарднеру — мол, такого рода демарш будет воспринят как

вмешательство во внутренние дела Кубы, — американцы все же решили постепенно дистанцироваться от Батисты, который излишне компрометировал их своими зверствами.

Че блестяще проявил себя в первых боях, и его семья могла бы им гордиться, если бы знала об этом.

2 декабря 1956 года, когда Ильда пришла на работу, она заметила, что сослуживцы смотрят на нее с грустью и сочувствием. Ей передали свежую газету, и первый же прочитанный заголовок едва не лишил женщину сознания: «Вторжение на Кубу с моря — Фидель Кастро, Эрнесто Гевара, Рауль Кастро и все другие члены экспедиции мертвы»[113]. Ее даже отпустили домой, где Ильду принялись утешать друзья.

Ильда, конечно, не знала русской приметы, что тот, о чьей смерти сообщили зря, будет жить долго. После звонка из Буэнос-Айреса отца Эрнесто, ссылавшегося на посла Аргентины в Гаване, ей стало известно, что Че не найден ни среди мертвых, ни среди раненых и пленных. Это давало некоторую надежду.

Как было условлено заранее, после отплытия Че из Мексики Ильда 17 декабря 1956 года уехала с десятимесячным ребенком к родителям в Перу. Самолет совершил промежуточную посадку в столице Гватемалы, где за Ильдой пристально наблюдали полицейские. Отец Ильды был страшно горд, что его зять принял участие в таком благородном деле, как освобождение Кубы.

Раздался звонок из Аргентины. Эрнесто-старший сообщил, что получил весточку от Чанчо*: «Я истратил две жизни, у меня осталось еще пять. Верьте, что Господь Бог — аргентинец»[114]. Записку передали через третьи руки, но родители легко узнали почерк сына.

6 января 1957 года, получив от отца Че авиабилеты, счастливая Ильда вылетела в Буэнос-Айрес, где впервые познакомилась с семьей мужа. Конечно, Эрнесто-старший и Селия обрадовались внучке и приняли Ильду очень сердечно. Она убедилась, что Че по-прежнему был в семье любимым ребенком и его величали не иначе как «Эрнестито». И отец, и особенно мать очень беспокоились за сына.

Ильда и Селия подолгу беседовали о дорогом их сердцам человеке. Как-то раз, чтобы подбодрить свекровь, Ильда рассказала, что видела во сне улыбающегося Эрнесто, сообщившего, что с ним все в порядке. Конечно, образован-

---

* Ильда, конечно, знала о детском прозвище мужа.

ная Ильда в сны не верила, но именно в этот день пришло письмо от родственника из США, которого навестил один из членов «Движения 26 июля». Теперь стало окончательно ясно, что Эрнесто жив и здоров. Правда, пуля слегка задела шею, но рана уже зажила.

Дома начался праздник. Эрнесто-старший, как настоящий кабальеро, торжественно объявил, что если его сына захватят в плен, он сам отправится на Кубу и освободит его.

Летом, спасаясь от дикой жары в Буэнос-Айресе, Ильда с дочкой уехала на дачу семьи в городок Портела. Чтобы угодить родне, Ильда даже согласилась на крещение Ильдиты, хотя прекрасно знала, что Че этого бы не одобрил.

17 февраля 1957 года Фидель выиграл крупнейшее сражение «без ни единого выстрела со стороны партизан» (эту фразу придумал Эрнесто Гевара). Задолго до начала мировых информационных войн лидер кубинской революции полностью осознавал важность СМИ, способных влиять на исход любой революции или войны. Поэтому усилиями руководства «Движения 26 июля» было организовано интервью Фиделя Кастро с Гербертом Мэтьюзом — известным прогрессивным американским журналистом из «Нью-Йорк таймс». Мэтьюз работал в газете с 1922 года и когда-то брал интервью у самого Сталина.

Фидель мастерски провел интервью, не забывая ни о содержании беседы, ни о «пиаре». Встречу с журналистом устроили прямо на живописном пике Туркино, так как планировалась фотосъемка. В разгар беседы по заранее намеченному (и неизвестному Мэтьюзу) сценарию к Фиделю подбежал запыхавшийся партизан и радостно сообщил о прибытии «второй колонны», конечно же, вымышленной. Но известие о подкреплении должно было убедить корреспондента (а через него и Батисту), что партизан много.

Фидель принял меры, чтобы один из ближайших его соратников — Че — не попался на глаза американцу. Со времен событий лета 1956 года в Мексике мировое сообщество, а главное, американские спецслужбы знали, что Че — коммунист. Кастро же хотел нарисовать Мэтьюзу иную политическую «картинку», что в полной мере ему удалось.

Че вспоминал: «Во время беседы, на которой мне не пришлось присутствовать, Мэтьюз, по словам Фиделя, не задавал каверзных вопросов, и было похоже, что он симпатизирует революции. Когда корреспондент спросил, является ли Фидель противником империализма, последний ответил утвердительно и осудил снабжение Батисты ору-

жием (со стороны США. — *Н. П.*), указав при этом, что такая политика служит не делу защиты континента*, а лишь угнетению его народов»[115].

25, 26, 27 февраля «Нью-Йорк таймс» опубликовала три статьи Мэтьюза о встрече с Кастро. Фидель и его сторонники были представлены прогрессивными молодыми идеалистами-демократами и... антикоммунистами. Американский журналист даже сравнил их программу с «новым курсом» Рузвельта. Напротив, Батиста под пером Мэтьюза выходил диктатором-клептократом, попирающим демократические права и свободы своего народа. И этому попирателю американских ценностей США поставляли оружие!

28 февраля в депеше госдепартаменту посол США в Гаване Гарднер подтвердил многие выводы Мэтьюза, однако все же считал, что журналистом подана весьма односторонняя картина и Батиста держит страну под контролем[116]. Журналист, мол, излишне преувеличил силу и влияние «кастровского движения».

Однако после интервью Мэтьюза общественное мнение США стало склоняться именно в сторону Кастро. В госдепартаменте крепло стремление дистанцироваться от Батисты, тем более что в случае поражения диктатора к власти все равно придут прогрессивные, но антикоммунисты. Впервые возникла мысль об ограничении или полном эмбарго на поставки на Кубу американского оружия. Таким образом, встреча в горах Сьерра-Маэстра не только предотвратила возможную американскую интервенцию на остров в пользу Батисты, но и обеспечила нейтралитет США в разворачивающейся на Кубе гражданской войне.

Реакция диктатора на интервью была настолько неуклюжей и бестолковой, что только усилила веру в правдивость статей Мэтьюза. Батиста сначала утверждал, что никакого интервью вообще не было. Когда появились фотографии с Фиделем, он объявил их фальшивыми. Тем самым кубинский диктатор сильно испортил отношения с американскими СМИ, фактически обвинив их в подлоге.

Сразу после отъезда корреспондента на долю Че выпала крайне неприятная, но необходимая задача. В лагере находился разоблаченный предатель Эутимио Герра, во всем сознавшийся. Его приговорили к смертной казни. Герра, как отмечал Че, выслушал приговор с большим достоин-

---

* Формально США поставляли на Кубу оружие по соглашению о защите Западного полушария от мирового коммунизма.

ством. Он не возражал, упал на колени перед Фиделем и попросил, чтобы его расстреляли. Последним желанием приговоренного было, чтобы революция позаботилась о его детях*. Как раз в этот момент над лагерем собралась огромная черная туча. Повисла пауза, неприятная для Фиделя, так как никто не хотел исполнять приговор. Че достал пистолет 32-го калибра и выстрелил Герре в правый висок. Казалось, что предатель умер, но когда Че попытался снять прикрепленные цепочкой к ремню часы Герры, тот очнулся и прохрипел: «Сорви ее, сынок, какая теперь уж разница»[117].

После казни, вспоминал Че, начался один из самых тяжелых для него периодов партизанской войны. Отряд численностью всего 20 человек бродил по горам, избегая столкновения с армейскими подразделениями. 22 февраля Че почувствовал приближение приступа астмы, но никаких лекарств у него не было.

Еще 16 февраля 1957 года Фидель провел встречу с руководством «Движения 26 июля» (Франком Паисом, Селией Санчес, Вильмой Эспин, Айди Сантамария, Армандо Хартом и Фаустино Пересом). До этого момента движение «на равнине» считало отряд Фиделя лишь одним из звеньев революционной борьбы, основную тяжесть которой, как и раньше, испытывали подпольщики в городах. После совещания все изменилось — в ходе жарких дискуссий по инициативе Фиделя было принято решение направить все силы движения на поддержку партизанского очага в Сьерра-Маэстре. Накопленные в Сантьяго-де-Куба запасы оружия следовало переправить в горы. Туда же 5 марта должны были прибыть и добровольцы, изначально готовившиеся к вооруженной подпольной борьбе в самом Сантьяго-де-Куба.

Че благоразумно не вмешивался в трудные переговоры Фиделя с руководством движения. Уже по неформальным беседам в лагере ему стало ясно, что некоторые члены руководства (например, Армандо Харт) являются довольно убежденными антикоммунистами. Че решил, что сейчас нет смысла спорить с ними, но постепенно можно будет убедить товарищей в своей правоте.

Со своей стороны Фидель тоже проявил тактическую гибкость. Ему давно уже предлагали назначить Че полити-

---

* Че проконтролировал исполнение этого желания. Детям дали другие фамилии, и после революции они посещали школу на общих основаниях. Никто не упрекал их за отца.

ческим комиссаром отряда, ответственным за моральное воспитание бойцов и особенно прибывающего пополнения. Такая работа, бесспорно, требовалась. Че писал, что многие новобранцы, выходцы из состоятельных семей среднего класса, рассматривали партизанскую войну как веселое приключение без глубокого идейного смысла. Любые тяготы походной жизни немедленно вызывали в них желание вернуться к папе-маме. Например, они возмущались тем, что приходится есть один раз в день, да и еда не очень-то вкусная. Некоторые новобранцы под разными предлогами уходили из отряда, и Фиделю скрепя сердце приходилось их отпускать, что вызывало необходимость срочно менять место дислокации.

Хотя на должность «замполита», кроме Че, подходящих кандидатов не было, Фидель не стал назначать явного коммуниста. Это могло сорвать тщательно выверенную политическую тактику временного союза со всеми антибатистовскими силами, в том числе с национальной буржуазией. Ведь отряд в Сьерре был ничтожно мал, чтобы претендовать на руководящую роль в революции.

Пока эту роль приходилось завоевывать больше пропагандистскими методами.

20 февраля 1957 года Фидель написал манифест «За кого же мы проливаем кровь, как не за бедняков Кубы!». В нем давалась краткая история боевой деятельности отряда (который Батиста несколько раз объявил уничтоженным) и содержались очень мудрые слова, обращенные к правительственной армии: «...дети Батисты не направляются в горы, не едут туда и дети Табернильи, а также дети министров, сенаторов и миллионеров, использующих власть для своего обогащения за счет солдатской крови. Поэтому мы не чувствуем ненависти к солдатам, поэтому пленных после каждого боя выпускаем на свободу, поэтому раненые получают от нас первую помощь, несмотря на наши скудные запасы медикаментов... Когда же от наших выстрелов падает солдат, в нас больше грусти, чем удовлетворения, и мы сожалеем, что перед нашими прицелами не стоят настоящие преступники, те, кто никогда не был в Сьерре, — сенаторы, министры, политиканы, посылающие солдат на смерть...»[118]

Манифест заканчивался призывом к кубинскому народу осуществлять всеобщий саботаж в экономике и мстить — фактически ликвидировать всех «прислужников тирании, истязающих и убивающих революционеров». Кульмина-

цией компании гражданского неповиновения должна была стать всеобщая забастовка.

Некоторые члены руководства «Движения 26 июля», равно как и вся буржуазная оппозиция, коротавшая время на пляжах Майами, были возмущены содержавшимся в манифесте призывом поджигать плантации сахарного тростника, чтобы «лишить тиранию финансовых поступлений». Позднее это требование было выражено в слогане: «Или Батиста с урожаем, или урожай без Батисты!»

Оппозиционные буржуазные политики в Майами были озабочены тем, что поджоги принадлежащих американцам на Кубе плантаций могут резко изменить отношение США к разворачивающемуся на Кубе противостоянию. К тому же многие из них и сами были в этом бизнесе.

Но Фидель опять все рассчитал правильно, и именно с точки зрения реакции США. Когда поджоги действительно начались (это произошло уже в 1958 году), американские компании стали убеждать власти США отказаться от поддержки Батисты (который не смог организовать эффективной защиты их собственности) и наладить контакт с оппозицией. Многие бизнесмены даже стали платить налоги партизанам, чтобы защитить себя от гражданской войны. Че был очень доволен, когда в кассу Повстанческой армии стали поступать деньги от «Юнайтед фрут» — «зеленого монстра», задушившего революцию в Гватемале.

Наконец, призыв к поджогам сахарных плантаций имел и непосредственное военное значение — Батисте пришлось задействовать силы армии и полиции по всей стране и таким образом оттянуть их от Сьерры.

Кстати, Фидель постоянно напоминал, что к поджиганию плантаций призывали и лидеры антииспанского восстания в 1895—1898 годах — национальные герои Кубы Максимо Гомес и Хосе Марти, признанные даже Батистой. Гомес тогда воскликнул: «И вы мне будете еще говорить о каком-то тростнике, когда течет столько крови!»[119]

И все же весной 1957 года тема кубинского сахарного тростника сильно насторожила американцев, хотя и не в связи с манифестом Кастро.

В 1955—1956 годах кубинские власти безуспешно пытались убедить США повысить квоту на закупку кубинского сахара. Эйзенхауэру гораздо дороже какой-то Кубы были отношения с сенаторами и конгрессменами от сахаропроизводящих штатов. У Батисты лопнуло терпение, и, чтобы позлить своих надменных покровителей, он объявил

о готовности продать 150 тысяч тонн сахара... Советскому Союзу по 6,12 цента за фунт с поставкой в апреле—июле 1957 года[120]. Причем Москва получила от Гаваны еще и опцион на дополнительные 50 тысяч тонн.

Американцы были возмущены таким «предательством» Батисты, и это еще больше усилило их подозрения в отношении диктатора. Батиста ехидно отвечал, что цены на американском рынке упали ниже мировых, а Советы готовы закупать кубинский сахар именно по мировым ценам. Так что бизнес — и ничего личного. На самом деле заигрыванием с Москвой Батиста хотел отомстить американцам за намечавшийся поворот в сторону кубинской оппозиции.

Между тем интервью Мэтьюзу и манифест Фиделя имели и другое важное последствие — иные оппозиционные силы усилили борьбу против диктатуры, чтобы «перещеголять» Фиделя и его партизан, уже овеянных ореолом героизма.

«Революционный директорат» во главе с Хосе Антонио Эчеверрия не хотел отставать от «Движения 26 июля». 12 марта 1957 года объединенная в «Директорате» молодежь (в основном студенческая) решила ни больше ни меньше убить Батисту и таким образом положить конец диктатуре.

Отрядом из пятидесяти человек предполагалось захватить президентский дворец и ликвидировать диктатора. Вспомогательный отряд из ста бойцов в это время должен был не допустить подхода к дворцу правительственных войск. Третья небольшая группа должна была занять радиостанцию «Радио Релох», сообщить о смерти Батисты и призвать народ к восстанию.

В целом план* был отнюдь не плох, так как на Кубе того времени почти вся диктатура действительно держалась на одиозной личности Батисты. Вполне вероятно, что, оставшись без лидера, армейская верхушка пошла бы на раздел власти с буржуазной оппозицией и на досрочные выборы.

В последний момент операцию перенесли на 13 марта, но еще 11 марта некто, как вспоминал Батиста, во время детского праздника шепотом сообщил ему о предстоящем покушении.

13 марта 1957 года в 15.30 перед президентским дворцом остановился грузовик «быстрой доставки пакетов». Шофер поднял капот и стал копаться в моторе. Затем он открыл

---

* Его иронически нарекли «Домом трех грошей» — так в «Директорате» именовали президентский дворец.

двери кузова и закричал: «Вперед, ребята! Да здравствует свободная Куба!» Обомлевшая от внезапности охрана дворца фактически без боя уступила первый этаж, а через 10 минут — и второй. У бойцов «Директората» были планы дворца, и они считали, что кабинет Батисты расположен именно на втором этаже. Так оно и было, но нападавшие не знали точного распорядка дня диктатора. В момент атаки Батиста, по своему обыкновению, обедал на третьем этаже. Услышав выстрелы (поначалу их приняли за хлопнувшие автомобильные покрышки), он быстро позвонил в генштаб, и ему на подмогу выслали пехоту и танки. Отряд, страховавший нападение, растерялся и не оказал помощи товарищам.

На радиостанции все развивалось без помех (группой руководил лидер «Революционного директората» Эчеверрия). Бойцы заставили диктора зачитать их обращение к народу, в котором говорилось, что с Батистой покончено. Правда, станцию отключили и в эфир попало не все обращение. Группа благополучно покинула здание радиостанции, но по дороге попала в «пробку». Пришлось пойти на таран полицейской машины. Революционеры выскочили из автомобиля и открыли огонь, но силы были слишком неравны. Вся группа 24-летнего Хосе Антонио Эчеверрии погибла в бою.

Всего во время событий 13 марта были убиты 42 патриота и один американский турист. Улыбающийся Батиста обвинил в покушении Прио Сокарраса и «красных».

Фиделя попытались обвинить в том, что он якобы осудил атаку на президентский дворец как авантюрную акцию. Однако отношение лидера партизан Сьерры было иным: «Хотя наше движение и не имело отношения к этой акции, мы от всего сердца поддерживаем героев, которые, принося в жертву свои жизни, пытались положить конец диктатуре»[121].

Кстати, командир отряда, напавшего на дворец, — Фауре Чомон, — стал после победы революции послом Кубы в СССР.

«Революционный директорат 13 марта» (так стала называться эта организация) смог сохранить запасы оружия, и его было решено переправить в Сьерру. 20 апреля полиция Батисты разгромила практически все оставшееся в живых руководство «Директората». По распоряжению диктатора на неопределенное время был закрыт Гаванский университет*.

---

* Был открыт уже после победы революции.

Тем временем во влажных горах Кубы Че ужасно страдал от астмы и вколол себе последнюю ампулу адреналина. Больше всего его страшила мысль, что он может стать обузой для товарищей. Но Фидель все же распорядился оставить совсем обессиленного Че в доме дружественно настроенного крестьянина и немедленно послал в город за антиастматическими медикаментами. Курьер вернулся через два дня и смог принести только одну ампулу. 3 марта Че кое-как собрался с силами и двинулся на соединение с отрядом. Ему понадобилось на это целых семь дней.

Отряд Фиделя подвергался бомбежкам вражеской авиации, хотя они и не приносили прямых боевых потерь — обнаружить с воздуха маленький отряд в горных джунглях было почти невозможно. Хуже было с продуктами — их постоянно не хватало.

Обещанное «равнинным» «Движением 26 июля» подкрепление все не приходило. 50 бойцов, измученных тяжелым маршем по горам, появились в отряде лишь 16 марта. Только 30 человек были хоть как-то вооружены. Фидель поручил Че встретить новобранцев и привести их в партизанский лагерь. Че обрадовало, что к огневой мощи отряда прибавились два легких пулемета и два автомата.

Фидель разделил свой сильно выросший отряд на три взвода (колонны), которые возглавили Рауль Кастро, Хуан Альмейда и Хорхе Сотус (последний отвечал за новичков, на марше он был их командиром). Че пока не сделали командиром, потому что он был иностранец и коммунист. Именно в этот момент Рауль предложил назначить Че политическим комиссаром, но, как уже упоминалось выше, предложение не прошло. Че принимал постоянное участие в заседаниях неформального военного совета отряда, где и решались основные вопросы тактики и стратегии борьбы. На первом военном совете Фидель раскритиковал Че за то, что во время марша новичков на соединение с отрядом он передал командование Сотусу.

Формально Че оставался в должности врача отряда.

Пока не было боев, Фидель изо всех сил пытался пополнить запасы оружия, боеприпасов и продовольствия. Лидер «Движения 26 июля» в провинции Орьенте Франк Паис к тому времени уже был арестован полицией, но даже из тюрьмы ухитрялся поддерживать связь со Сьеррой. Покупать продукты у дружественно настроенных крестьян стало тяжело. Они уже не могли пригласить на кофе 70 с лишним человек. С крестьянами договорились, что они будут пере-

давать отряду часть урожая. Однако с едой все равно было очень трудно. Тем не менее мародерство жестко пресекалось — за него полагалась смертная казнь.

Пришлось даже есть конину, что вызвало крайнее недовольство примкнувших к отряду крестьян. Те считали, что лошадь — друг человека и съесть ее сродни каннибализму.

На марше впереди отряда обычно шел авангард под командованием Камило Сьенфуэгоса (которого Че считал лучшим партизанским командиром), затем следовал взвод Рауля Кастро, а потом штаб во главе с Фиделем, к которому был причислен Че. Ему в подчинение дали молодого парня, который помогал нести медикаменты.

Для повышения авторитета партизан среди окрестного населения Че стал проводить приемы местных крестьян прямо под открытым небом. У него почти не было лекарств, и помочь он мог только словом, в основном профилактическими советами. Как и в Чили или Гватемале, беззубые кубинские бедняки и их рахитичные дети страдали от одних и тех же болезней, вызванных тяжелым трудом и постоянным недоеданием. Че постоянно говорил им, что только справедливая аграрная реформа, за которую и борются партизаны, сможет превратить их безрадостное существование в полноценную, достойную человека жизнь.

15 апреля повстанцы получили письмо от члена руководства «Движения 26 июля» Селии Санчес, в котором было 500 долларов. Было получено и письмо Армандо Харта, сидевшего в тюрьме. У Че вызвало крайнее неудовольствие предложение Харта наладить плотный контакт с американцами через посольство США в Гаване.

28 апреля 1957 года партизаны достигли высшей точки Кубы пика Туркино и водрузили на нем национальный флаг*, провозгласив этот район «свободной территорией Кубы».

Марши марта—апреля 1957 года в достаточной степени закалили новобранцев, и с середины мая отряд был готов дать армии серьезный бой. Тем более что 20 мая из Сантьяго-де-Куба были получены 19 винтовок и 4 пулемета. Кстати, часть оружия ячейки «Движения 26 июля» получали с американской базы в Гуантанамо через симпатизировавших революции кубинских служащих базы.

---

* После переворота 1952 года Батиста сменил национальный флаг Кубы (который действует и сегодня) на пятицветный штандарт (зеленый, голубой, красный, желтый, белый).

28 мая 1957 года отряд Фиделя, в котором, как и 2 декабря 1956 года, насчитывалось 83 человека, атаковал военный лагерь Уверо (70 солдат).

Перед этим серьезным боем Фидель предложил всем сомневающимся покинуть отряд. Ушли девять человек. Че было поручено возглавить расчет пулемета «мадсен», смонтированного на треноге.

Партизанам сразу удалось вывести из строя радиостанцию гарнизона, и он уже не мог запросить подкрепления. Затем повстанцы под прикрытием пулеметного огня подобрались к казармам на 60 шагов, но еще до начала решающей атаки солдаты сдались. Мягкость Фиделя по отношению к пленным уже давала свои плоды. Весь бой продолжался 2 часа 45 минут.

Победа была полной. Противник потерял 47 человек убитыми и ранеными, 14 солдат сдались в плен, еще 6 смогли убежать. Среди повстанцев было 7 убитых и 4 раненых. Весь июнь 1957 года Че посвятил уходу за ранеными, в то время как за партизанами непрерывно охотилась вражеская авиация.

Че высоко оценил достигнутые результаты: «Для нас этот бой явился переломным моментом. После него боевой дух отряда окреп, еще сильнее стала вера в победу. И хотя последующие месяцы были временем суровых испытаний, мы уже владели секретом побеждать врага»[122].

К этому времени Фидель стал настолько популярной фигурой на Кубе, что остальные оппозиционные силы старались копировать его действия.

25 мая 1957 года из Бискейн-Бэй (Флорида) в направлении Кубы отплыла «вторая "Гранма"» — на борту зарегистрированной в США яхты «Коринтия» находились 27 бойцов — членов партии «аутентики» во главе с бывшим пилотом гаванского аэропорта Каликсто Санчесом. Эту экспедицию тоже подготовил Байо, а всю акцию финансировал Прио Сокаррас. Люди Санчеса должны были открыть против Батисты второй фронт в той же самой провинции Орьенте, в горном массиве Сьерра-Кристаль.

Вскоре после высадки (23 мая) недалеко от городка Майори отряд встретился с группой солдат, переодетых в крестьянскую одежду. «Крестьяне» кричали: «Да здравствует Фидель Кастро!» После братания солдаты обнажили оружие и заявили, что место высадки окружено тысячами военных. Экспедиция была предана еще перед отплытием — у полиции Батисты на руках был точный список всех, кто находился на борту «Коринтии».

Крах «Коринтии» заставил буржуазную оппозицию в Майами искать новых контактов с Кастро: Фиделя все же надеялись удержать под контролем. В Сьерра-Маэстре появились Фелипе Пасос (который все еще рассчитывал после свержения Батисты стать премьер-министром) и Рауль Чибас. Выбор второй фигуры был не случайным: Рауль был братом застрелившегося лидера «ортодоксов», которым ранее так восхищался Фидель. Че отмечал, что Рауль Чибас не унаследовал никаких выдающихся качеств своего знаменитого брата — «он не был ни хорошим оратором, ни проницательным и ни слишком умным человеком»[123]. Пасос был известен не столько как толковый экономист, сколько как не запятнанный коррупцией человек. Че саркастически заметил, что в те времена на Кубе это было выдающимся качеством.

Пасос и Чибас передали обеспокоенность кубинской буржуазной эмиграции слишком революционными призывами Фиделя типа поджогов плантаций сахарного тростника. Фидель проявил политическую гибкость и вроде бы немного отыграл назад. Хотя под его командованием было уже 200 неплохо вооруженных партизан, этого все же было слишком мало, чтобы бросать американцам открытый вызов. Ведь было понятно, что люди типа Прио, Пасоса и Чибаса контролируются Вашингтоном.

После тяжелых переговоров (Че в них не участвовал, но заметил, что тогда «нам было не до болтовни») 12 июля 1957 года на свет появился «Манифест Сьерра-Маэстры» — весьма умеренного содержания. В нем излагались требования свержения диктатуры и (для чего, собственно, и приезжали эмиссары из Майами) назначения кандидата на пост главы Временного правительства. Ясно, что эту должность «столпы кубинской политики» типа Прио или Пасоса мысленно зарезервировали за собой.

Партизаны внесли в манифест требование не допускать посредничества иностранных держав во внутрикубинском конфликте (явный антиамериканский пассаж). Прозорливость Фиделя проявилась и в том, что в документе категорически отвергался вариант замены диктатуры Батисты военной хунтой. Именно такой сценарий — батистовская политика без самого Батисты — американцы и попытались «провернуть» на Кубе в конце 1958 года.

Из экономических требований в манифесте содержалась только разработка основных принципов довольно умеренной аграрной реформы. Предполагалось распределять

среди нуждающихся крестьян только пустующие государственные и частные земли, причем частникам полагалось возмещение.

Че был, конечно, не слишком доволен содержанием манифеста, но понимал, что на этом этапе необходим временный тактический союз с кубинской буржуазией:

«Конечно, мы не были удовлетворены содержанием декларации, но, несмотря на это, она была необходима, так как в целом носила прогрессивный характер. Мы понимали, что эта декларация могла служить лишь до определенного момента, после которого она стала бы тормозом для дальнейшего развития революционного процесса. Но в тех условиях мы были готовы выполнить эти требования.

Для нас было понятно, что это программа-минимум, которая по существу ограничивает наши возможности. Но мы также понимали, что, находясь в горах, практически невозможно оказывать наше влияние в той мере, в какой нам хотелось. Поэтому в течение какого-то периода времени мы должны были уживаться с целым сонмом так называемых "друзей народа", которые в действительности хотели использовать нашу военную силу, а также огромную веру народа в Фиделя Кастро для своих темных махинаций и прежде всего для того, чтобы сохранить на Кубе господство империализма, опираясь на компрадорскую буржуазию, тесно связанную со своими североамериканскими хозяевами»[124].

17 июля 1957 года Фидель отдал приказ об образовании второй колонны своего отряда, уже именовавшегося Повстанческой армией, командиром колонны был назначен Эрнесто Гевара в звании капитана*. Колонна номер 2 насчитывала 75 человек, и ее вооружили за счет трофеев, захваченных в Уверо.

Таким образом, Че фактически стал вторым человеком в Повстанческой армии. Несмотря на то что Эрнесто Гевара был иностранцем, да еще и «красным», его назначение воспринималось всеми бойцами как давно заслуженное. Он был смел, но не безрассуден, суров, но справедлив. Все тяготы походной жизни этот больной астмой человек делил с товарищами поровну. С присущим ему юмором Че говорил, что порох для него — лучшее лекарство от астмы.

Предполагалось, что колонна Че будет действовать самостоятельно. Аргентинец немедленно вывел свое подразделе-

---

* В Повстанческой армии были следующие командирские звания: лейтенант, капитан и майор (команданте).

ние на позиции на холме между двумя речками — Пальма-Моча и Рио-Плата. Там бойцы три дня просидели в засаде, но 22 июля один из партизан случайно выстрелил и сорвал всю операцию. Фидель приговорил этого партизана к расстрелу, но благодаря вмешательству Че его помиловали.

К осени 1957 года партизаны контролировали в горах Сьерра-Маэстра примерно 4 тысячи квадратных километров. В некоторой степени этому поспособствовала тактика батистовской армии. После ощутимого поражения при Уверо все мелкие гарнизоны были выведены из горной местности. Правительство стало выселять из Сьерры и крестьян, якобы для их защиты. На самом деле Повстанческую армию просто хотели задушить голодом и заставить выйти на равнину. При тогдашнем соотношении сил (а особенно тяжелого вооружения) это было бы равносильно самоубийству.

Серьезным ударом по делу революции стало убийство лидера «Движения 26 июля» Франка Паиса. 30 июля 1957 года полиция выследила дом в Сантьяго-де-Куба, где прятался Паис*. Он и его друг Рауль Пухоль пытались уйти незамеченными, но были выданы доносчиком из числа студентов. Оба были расстреляны. На похороны собралось много людей, траурная процессия прошла через весь город. Толпа кричала: «Убийцы! Убийцы!» В Сантьяго-де-Куба началась всеобщая забастовка. Забастовки солидарности прокатились и по другим кубинским городам.

Всю страну охватила серия акций протеста. После свержения Батисты 30 июля отмечается на Кубе как День мучеников революции. Именем Паиса назван аэропорт в городе Ольгин.

После смерти Паиса национальным координатором «Движения 26 июля» «на равнине» стал Армандо Харт.

Еще до гибели Франка Паиса был убит его брат, и Фидель предоставил на подпись своим офицерам письмо с соболезнованиями. При этом он огласил новое назначение — Эрнесто Гевара был повышен в звании до команданте — высшего чина Повстанческой армии. С тех пор всему миру стал известен «команданте Че Гевара».

Че гордился назначением: «В каждом из нас есть искра тщеславия. В этот день я был горд как ни один человек в этом мире»[125].

---

* Об этой конспиративной квартире знали только четыре человека.

Че прилагал большие усилия, чтобы сделать из своей колонны закаленную воинскую часть. Он занял позицию в долине Эль Омбрито*, имея задачу не допустить прорыва армейских частей вглубь Сьерры — «Свободной территории Кубы».

В ночь на 29 августа один дружественно настроенный крестьянин предупредил о приближении колонны правительственных войск, которая хотела прорваться через долину Эль Омбрито. Че уже привык к тому, что армия подсылает к партизанам дезинформаторов и шпионов. Поэтому он приказал взять крестьянина в заложники и угрожал ему всяческими карами, советуя сознаться во лжи. Но человек стоял на своем.

Че разделил колонну на три группы. Одна с самым плохим вооружением должна была имитировать бой, отвлекая противника. Другая (с пулеметами) заняла позицию на фланге возможного маршрута движения противника. Сам Че с главными силами собирался вступить с батистовцами в бой на выгодном рубеже (куда их должна была завлечь первая группа повстанцев) и подставить наступавших под огонь фланговой группы. Также был выделен специальный ударный отряд для преследования разбитого противника.

Пока колонна врага, выбиваясь из сил, поднималась на горный склон, наблюдавший за ней Че играл пальцем на спусковом крючке своего пулемета «браунинг», который еще не побывал в бою. Он хотел пропустить первых 12 солдат и ударить по центру колонны, чтобы рассечь боевые порядки батистовцев надвое. Но те что-то заметили, раздался крик, и Че выпустил очередь по шестому человеку в колонне. Партизаны начали контратаку, поливая врага очередями с обоих флангов. Солдаты (это была рота под командованием майора Мероба Сосы) оправились от первоначального замешательства и стали обстреливать колонну Че из базук.

У партизан же неожиданно вышел из строя второй пулемет — «максим». Больше пулеметов в колонне не было. Че отдал команду отступить, прикрываясь арьергардом. В это время подоспела присланная Фиделем колонна номер 1 имени Хосе Марти. Партизаны отошли примерно на километр и приготовили новую засаду. Че наблюдал, как ба-

---

* По-испански — «человечек». Две скальные плиты, взгроможденные природой друг на друга, придавали этому причудливому изваянию вид человека.

тистовцы заняли место предыдущего боя и демонстративно сожгли тело единственного павшего в бою партизана.

Че оценил результаты боевого крещения своей колонны самокритично: «Этот бой показал нам недостаточный боевой опыт нашей группы, которая оказалась не в состоянии взять врага под прицельный огонь врага, который двигался мимо на столь небольшом расстоянии десяти или двадцати метров... Но несмотря ни на что, для нас это была большая победа, мы остановили колонну Мероба Сосы; она отошла с наступлением ночи, и мы достигли очень скромного успеха, захватив одну единицу стрелкового оружия, которая, к сожалению, стоила нам жизни ценного бойца»[126].

Че не снимал и с себя ответственности за не совсем удачный бой. Именно он открыл стрельбу слишком рано, решив, что враги заметили партизан. На самом деле солдат лишь крикнул, что вершина близка.

Фидель и «Движение 26 июля» предпринимали усилия, чтобы создать на Кубе другие очаги вооруженной борьбы против диктатуры. Еще в июне 1957 года члены движения вошли в контакт с патриотически настроенными военными в городе Сьенфуэгос. Там было намечено захватить арсенал с оружием и уйти в соседние горы Эскамбрай. Однако полиция Батисты работала неплохо: ей удалось напасть на след повстанцев и арестовать 35 человек. Выступление было решено отложить.

5 сентября 1957 года «Движение 26 июля» решило провести синхронизированные по времени вооруженные вылазки в Гаване, Сьенфуэгосе, Мариэле, Сантьяго-де-Куба и других городах. В Гаване предполагалось захватить радиостанцию и призвать к всеобщей забастовке. Однако 2 сентября на экстренном совещании руководства движения было решено отложить акции на более поздний срок. Но в Сьенфуэгос сообщить об этом не успели.

На рассвете 5 сентября вооруженные группы «Движения 26 июля» при содействии отдельных моряков местной базы ВМС «Кайо Локо» проникли на базу и овладели ею без боя. Повстанцев вел командир артиллерии базы лейтенант Сан Роман. Революционеры стали раздавать оружие местному населению. Была атакована префектура полиции, сдавшаяся после ожесточенного сопротивления.

Практически весь Сьенфуэгос оказался во власти восставших. На улицах звучали здравицы в честь Фиделя и Повстанческой армии. Но уже к полудню из Санта-Клары подошли танки, а над городом появилась военная авиация

Батисты*. Революционеры героически сопротивлялись, но к полуночи у них закончились боеприпасы.

В городе начались пытки и казни. Примкнувших к восстанию моряков расстреливали прямо на улице.

Не исключено, что попытка восстания сорвалась в том числе и из-за того, что Батисту вовремя предупредили американцы. 5 августа 1957 года адмирал Рэдфорд, председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) США**, получил детальную информацию о подготовке военного переворота против Батисты[127]. Американское посольство на Кубе якобы проинформировал об этом неназванный источник, заявивший, что «является секретным лидером движения Фиделя Кастро в Гаване».

Посол США в Гаване признавал в телеграмме в госдепартамент от 13 сентября 1957 года, что ключевым фактором в подавлении восстания в Сьенфуэгосе были американские самолеты Б-26 и Ф-47[128]. Причем Б-26 были переданы Батисте якобы для обороны Западного полушария от мирового коммунизма.

Американцев факт использования Батистой этого вооружения против собственного народа сильно раздражал, так как подрывал в Латинской Америке и так небольшую веру в честность внешней политики США. Примечательно, что посол США не обнаружил никаких видимых следов участия коммунистов в восстании в Сьенфуэгосе, о чем и сообщил в Вашингтон. Посол отмечал: «Нас критикуют на Кубе за поставки оружия кубинскому правительству. У Кубы нет внешних врагов. Поэтому бóльшая часть поставленного оружия используется для поддержания внутренней безопасности и сохранения власти нынешним режимом. Нам ясно, что если кубинское правительство намеревалось использовать переданное нами вооружение против мятежников в Сантьяго-де-Куба, то оно должно было запросить у [гос]департамента на это разрешение и с учетом сложившихся обстоятельств такого разрешения никто бы не дал...»[129]

Посол всего лишь рекомендовал подумать над этой щекотливой темой, подчеркнув при этом, что «любые действия США в плане критики кубинского правительства за ненадлежащее использование переданного нами военного имущества могут серьезно ослабить режим Батисты...».

---

* Некоторые летчики отказались бомбить город и сбросили бомбы в море, за что их предали суду военного трибунала.

** Высшая военная должность в США.

Американская разведка еще в августе 1957 года считала, что ввиду непрекращающихся забастовок и роста влияния оппозиции шансы Батисты дотянуть до назначенных им на июнь 1958 года президентских выборов* небольшие.

Поэтому уже с лета 1957 года американцы постепенно начинают реализовывать вариант возможной замены одиозного Батисты «демократическим» проамериканским правительством. Первым шагом стало назначение нового посла в Гаване вместо Артура Гарднера, который в отношении местного населения Кубы демонстрировал почти карикатурный снобизм.

Эрл Эдвард Тейлор Смит родился в 1903 году, окончил престижный Йельский университет и до войны работал брокером на Уолл-стрит (самая блестящая рекомендация в глазах братьев Даллесов, подвизавшихся там же). Рузвельт назначил Смита в Управление военного производства, а потом он служил в армии США и к концу войны «дорос» до подполковника. Когда в июне 1957 года Смит стал послом в Гаване, он не имел никакого дипломатического опыта и не говорил по-испански.

Задачей Смита (бизнесмена по своей сути) было наладить плотный контакт с респектабельной оппозицией и местными предпринимательскими кругами и несколько дистанцироваться от слишком одиозного Батисты.

Смит был потрясен двухсоттысячной демонстрацией в Сантьяго-де-Куба, которой сопровождались похороны Франка Паиса. С тех пор он постоянно предостерегал Вашингтон от недооценки Кастро и «Движения 26 июля». Недопущение этого движения к власти делало, по мнению Смита, задачу замены Батисты на более презентабельного лидера насущнее.

16 сентября 1957 года Смит сообщил в Вашингтон, что, несмотря на попытки Батисты представить Кастро несерьезной силой, «реальность совсем другая. Посольство получило информацию от целого ряда оцениваемых как надежные источников, что Фидель Кастро и его вооруженные сторонники в Сьерра-Маэстре в настоящее время адекватно вооружены легким стрелковым оружием и легкими пулеметами. У них нет тяжелого вооружения и весьма мало шансов на его приобретение... Некоторые оппозиционные силы считают, что повстанческие силы сейчас способны

---

* Батиста заявил, что баллотироваться на этих выборах не станет.

захватить и удерживать некоторое время какой-нибудь небольшой городок в Орьенте недалеко от гор...».

Смит ожидал, что партизаны вскоре перейдут от небольших засад и стычек к более крупным акциям, и делал вывод, что «кубинское правительство оказалось не в состоянии ликвидировать повстанческое движение в Сьерра-Маэстре, вероятность того, что оно это сделает в ближайшем будущем, мала, и эта операция будет продолжать ослаблять кубинские вооруженные силы с возможным серьезным воздействием на их боевой дух»[130].

В отличие от Гарднера, который предлагал Батисте заслать к партизанам агента, чтобы убить Кастро, Смит всего лишь предложил директору ЦРУ Аллену Даллесу внедрить в ряды партизан осведомителя.

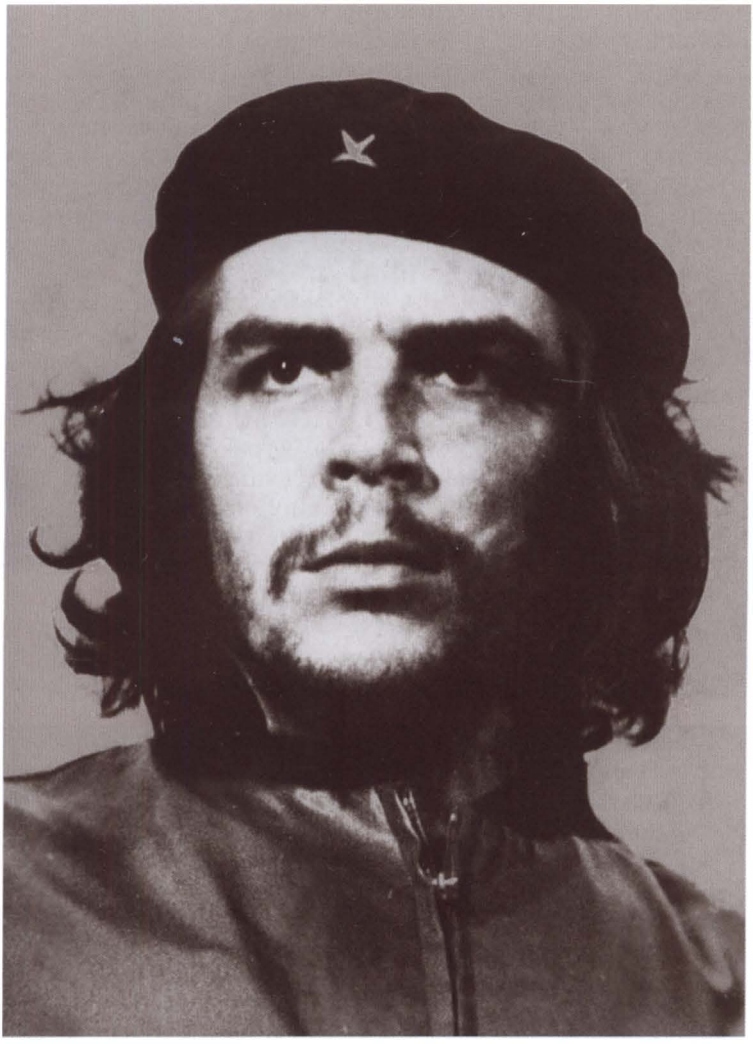
В начале сентября 1957 года, как бы подтверждая прогнозы Смита, колонны Фиделя и Че решили дать бой каскитос* в районе лесопилки Пино-дель-Агуа.

Лесопилка принадлежала испанцу, там постоянно жили несколько рабочих. Гарнизона батистовцев в Пино-дель-Агуа, по данным разведки, не было. Колонны Фиделя и Че 10 сентября вошли в поселок, где их радушно приветствовали местные жители. Партизаны распустили слух, что они уходят дальше в направлении Сантьяго-де-Куба, и колонна Фиделя отправилась именно этим маршрутом в роли «живца» для запланированной партизанами засады. Отряд Че тоже вышел из поселка, но той же ночью вернулся в окрестности Пино-дель-Агуа и замаскировался. Ждать пришлось целую неделю, пока на подъеме в гору не показалось пять натужно ревущих армейских грузовиков.

Планировалось огнем из автоматического оружия остановить машины на узкой дороге и перебить экипажи. Но группы недостаточно обученного отряда вновь не смогли действовать скоординированно. Когда началась стрельба, бойцы смогли остановить только один грузовик. Потом кто-то дал неправильный приказ отступать, и Че пришлось самому восстанавливать положение прямо на поле боя. Партизанам досаждал стрельбой укрывшийся под грузовиком солдат. Один из партизан с вызовом сказал Че, что вот шанс для командира проявить себя в настоящем деле. Че тон бойца, конечно, не понравился, но он как настоящий командир привык поступать по принципу «делай, как я».

---

* Солдаты правительственной армии в отличие от партизан носили каски, поэтому повстанцы называли их «каскитос».

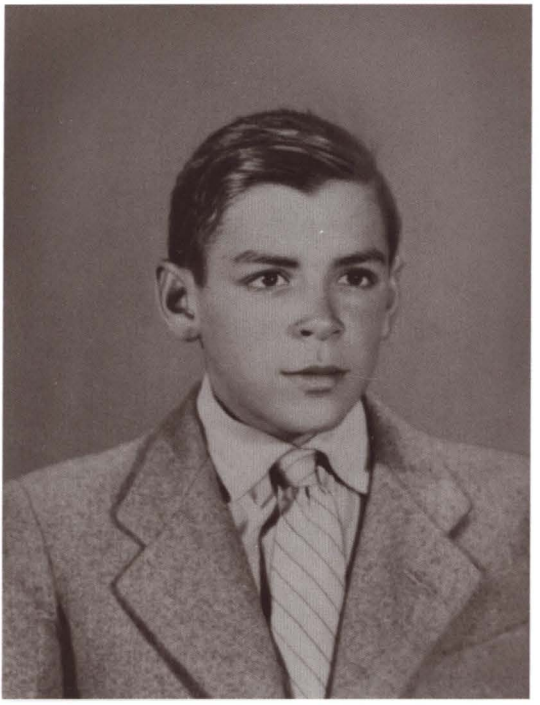


Che

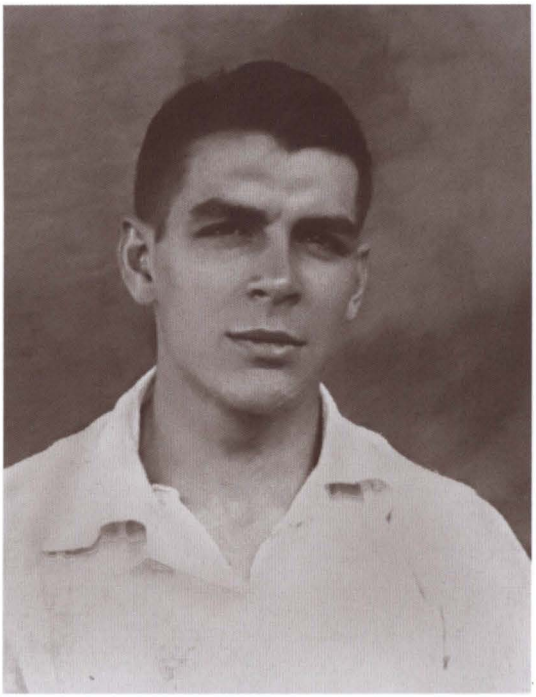
Селия де ла Серна с маленьким Эрнесто. *1928 г.*

В семье Эрнесто Гевары Линча и Селии де ла Серна, помимо Че, было еще четверо детей: дочери — Селия (слева) и Анна Мария, сыновья — Роберто и Хуан Мартин (на руках у отца). *Около 1945 г.*

Юный Че. *1943 г.*



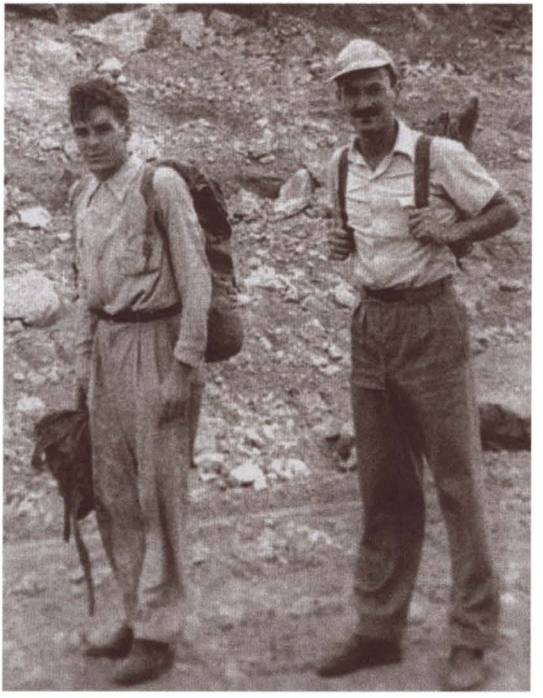
Че-планерист. *1946 г.*



Эрнесто — студент медицинского факультета Университета Буэнос-Айреса

Че со своей первой любовью Чичиной — Марией дель Кармен Феррейра

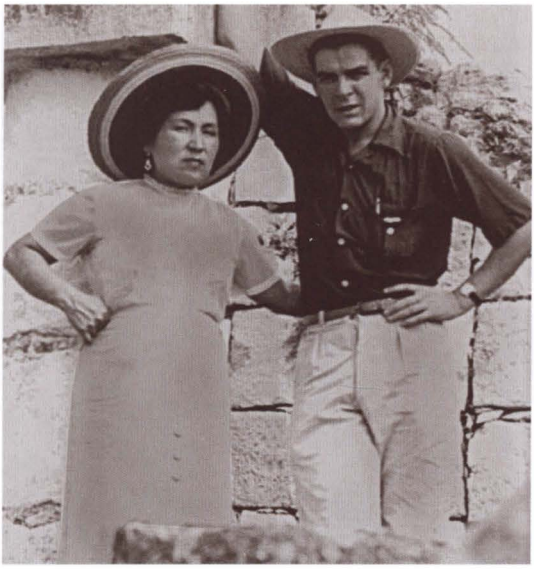
По воде и по суше с Миалем — Альберто Гранадо. *Около 1952 г.*



Президент Гватемалы Хакобо Арбенс, свергнутый ЦРУ в 1954 году. Именно в Гватемале Че стал настоящим революционером

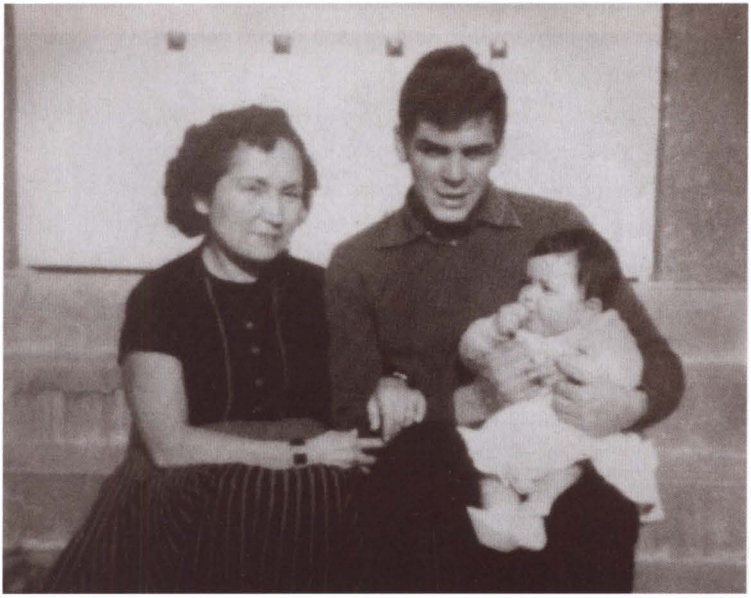
Кубинский диктатор Фульхенсио Батиста

Президент Аргентины Хуан Доминго Перон с супругой Эвитой



Ильда Гадеа и Че на Юкатане. *1956 г.*

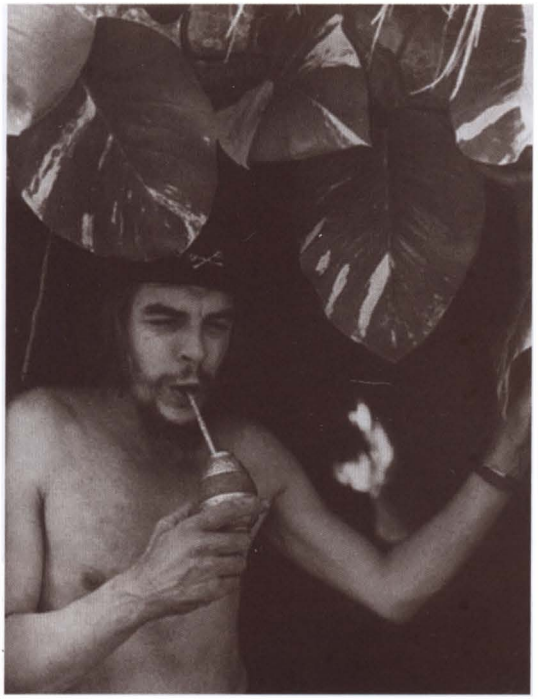
Супруги Гевара с дочерью Ильдитой. *Мехико. 1956 г.*



Повстанцы
во главе
с Фиделем Кастро
в горах
Сьерра-Маэстра.
1958 г.

Именно
со знакомства
с Раулем Кастро
(слева)
начался путь
Эрнесто Че Гевары
к славе
и бессмертию

Команданте
на отдыхе



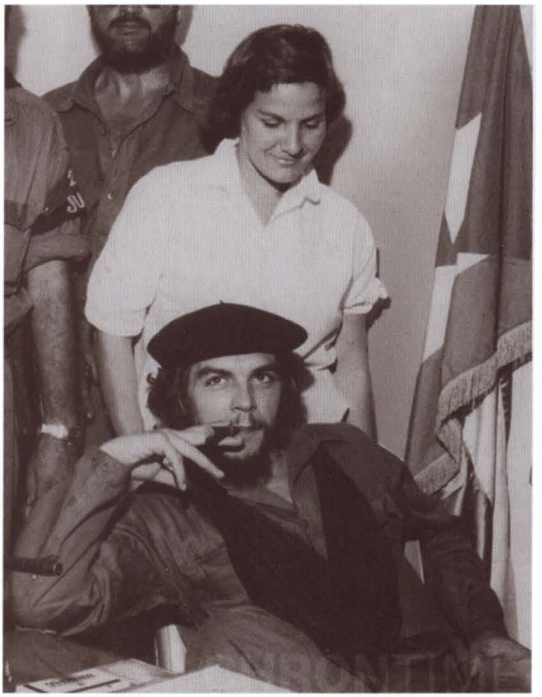
Пристрелка

Верхом на муле в лесах под Санта-Кларой. *1958 г.*

После битвы за Санта-Клару. *1 января 1959 г.*

Победа! *Гавана. Январь 1959 г.*

Че Гевара, кубинский президент Мануэль Уррутия (в темных очках) и Камило Сьенфуэгос (с п р а в а) встречаются с журналистами. *Гавана. 1959 г.*



Че со своей помощницей Алейдой Марч

Свадьба Эрнесто Гевары и Алейды Марч. *2 июня 1959 г.*

Два команданте на рыбалке: Фидель и Че. *1960 г.*

С родителями в Гаване. *1959 г.*

Че в Пакистане. *1959 г.*

Рукопожатие с «великим кормчим» Мао. *1960 г.*

В Корейской Народно-Демократической Республике. *1960 г.*

Властители дум: Жан Поль Сартр и Эрнесто Че Гевара. *1960 г.*

Че учился всю жизнь, его лучшим другом была книга

Он постоянно находился в центре внимания, хотя всегда оставался скромным и даже застенчивым

«Я собрал все свое мужество, в глубине души будучи обиженным такими словами, которыми выражалось сомнение в моих качествах. Но как только мы попытались приблизиться к этому невидимому нам солдату, стрелявшему по нам из-под грузовика из автоматической винтовки, мы были вынуждены признать, что цена, которой мы хотели продемонстрировать свою бесшабашность, может оказаться слишком высокой; ни тот, кто усомнился во мне, ни я сам не выдержали этого испытания. Солдат со своей автоматической винтовкой отполз назад и спасся...»[131]

Наверное, далеко не каждый военный так напишет о себе в мемуарах, особенно после победы в войне.

Все же солдаты в беспорядке бежали на двух грузовиках, бросив часть оружия и снаряжения. Прямо на поле боя к бойцам Че перебежал ранее попавший в плен партизан Хильберто Кардера. Батистовцы готовили его к отравлению Фиделя Кастро, вручив пузырек с ядом.

В одном из грузовиков обнаружили тяжелораненого солдата, и один из партизан пристрелил его, чтобы избавить от лишних мучений. Че был возмущен тем, что солдату сначала не предложили сдаться, и стал громко отчитывать подчиненного (хотя у того батистовцы убили всю семью). Тут неожиданно из-под одеял на дне кузова выбрался еще один раненый солдат и попросил не убивать его. Ему оказали медицинскую помощь, и каждый раз, когда мимо проходил кто-либо из партизан, пленный кричал: «Не убивайте меня! Не убивайте меня! Че сказал, что пленных убивать нельзя».

На поле боя были захвачены одна автоматическая винтовка, пять самозарядных винтовок и пулемет на треноге. Противник потерял трех человек убитыми, партизаны — одного.

Бой закончился победой партизан, но Че, как обычно, был весьма критичен: «Оценка боя выявила, что, хотя это был военный и политический успех, у нас все еще были большие недостатки. Мы должны были лучше использовать момент внезапности, чтобы полностью уничтожить экипажи всех трех первых грузовиков... Все это говорило о том, что было срочно необходимо улучшить боевую готовность и дисциплину наших сил. Это была та задача, которой мы и посвятили себя в последующие дни»[132].

О характере Че как командира и как человека дают представление еще два эпизода того периода.

В его отряде воевал некто Роберто Родригес, экзальтированный городской юноша. У него было плохо с дисци-

плиной, и командир группы приказал ему на время сдать оружие. Родригес вспылил, выхватил у одного из бойцов пистолет и застрелился. Че распорядился похоронить его без воинских почестей, расценив самоубийство в трудное время как дезертирство. Возник спор с товарищами, и в конце концов был достигнут компромисс — воинские почести свели к почетному караулу у могилы.

Таким образом, Че не боялся отступать от своего первоначального решения, если чувствовал, что не совсем прав.

Второму эпизоду Че посвятил отдельный раздел своих воспоминаний, что говорит о том, насколько сильно он его впечатлил.

К отряду привязался маленький щенок (ему было всего несколько недель), ставший любимцем всех партизан. Че и Камило Сьенфуэгос в то время преследовали колонну врага во главе с особенно жестоким командиром Санчесом Москеррой, на совести которого было много убитых крестьян и сожженных домов. Щенка оставили в лагере вместе с поварами, но тот незаметно увязался за выдвинувшимися на боевую позицию партизанами. В самый ответственный момент — в засаде — собачонка радостно залаяла, увидев своих друзей.

Че не мог рисковать успехом операции и скрепя сердце приказал одному из партизан задушить щенка: «Феликс посмотрел на меня пустыми глазами. В кругу обессиленных партизан он с щенком, естественно, оказался в центре внимания. Очень медленно он взял веревку, обмотал ее вокруг шеи собачонки и начал затягивать петлю. Так любимое нами подрагивание хвостиком вдруг перешло в судороги, чтобы постепенно затихнуть вместе с последним жалобным звуком... Я не знаю, сколько времени все это продлилось, но всем нам это показалось бесконечно долгим...»[133]

Че страшно переживал, тем более что засада сорвалась и смерть беззащитного любимца оказалась напрасной.

На обратном пути отряд сделал привал в одном из поселков, где Феликс играл на гитаре грустные песни. Во время ужина он бросил на пол небольшую кость. Че вспоминал: «Какая-то собака из дома доверчиво подошла ближе и подняла ее. Феликс положил ей руку на голову, и собака посмотрела на него. Феликс тоже взглянул на нее, и потом наши с ним взгляды, в которых отражалось чувство вины, встретились. Мы вдруг затихли. На нас нахлынули одни и те же чувства. Перед нами как будто возник удавленный

щенок с его доверчивым, ребячьим и немного укоризненным взглядом. Это был он, хотя и смотрел сейчас на нас глазами другой собаки»[134].

Как командиру, Че и тогда, и позднее приходилось принимать сложные, порой жестокие решения. Но принимал он их только для того, чтобы сберечь жизни вверенных ему людей. Никакого желания упиваться властью или утверждать такими методами свой авторитет у него никогда не было. Ни в малейшей степени.

В своей колонне Че организовал «дисциплинарную комиссию», которая должна была при участии всего личного состава разбирать проступки партизан. Вскоре в его отряде едва не вспыхнул бунт.

Пока Че находился в лагере Фиделя, один из самых опытных офицеров его колонны Лало Сардиньяс приставил пистолет к голове одного из партизан, проявивших непослушание. Как потом объяснял Сардиньяс, пистолет сработал самопроизвольно, и боец был убит на месте. Партизаны требовали расстрела Сардиньяса, и Че не смог их переубедить. Пришлось держать речь самому Фиделю, и только после этого большинством голосов (76 против 70) смертную казнь заменили понижением в звании.

Конец 1957 года ознаменовался неким необъявленным перемирием между Батистой и партизанами Сьерры. Армейские подразделения прекратили вылазки в горы, партизаны пока не спускались на равнину. Че отмечал, что закончился «кочевой период» Повстанческой армии. Теперь она занимала определенную территорию (фактически весь массив Сьерра-Маэстра) и была готова ее защищать.

Четвертая колонна под командованием Че* действовала восточнее пика Туркино, основная, первая колонна под командованием Фиделя — западнее.

Фидель поручил Че создать базовый партизанский лагерь Повстанческой армии. Решили обосноваться во все том же каньоне Эль Омбрито, куда и выдвинулась колонна Эрнесто Гевары.

Че проявил себя не только толковым и рассудительным командиром, но и прекрасным хозяйственником, заботившимся о благополучии вверенного ему личного состава. Он договорился с крестьянами, и те посадили для снабжения

---

* Колонн в Повстанческой армии на тот момент было всего две, и порядковый номер 4 был присвоен отряду Че, чтобы ввести противника в заблуждение относительно истинной численности партизан.

колонны овощи. Погонщики мулов и лошадей должны были доставлять в лагерь провизию. Вокруг лагеря создали систему постов наблюдения и оповещения. В лагере появились пекарня, сапожная мастерская и небольшой госпиталь.

Неподалеку от лагеря действовали правительственные войска под командованием Санчеса Москерры (из-за которого погиб бедный щенок). Москерра взял на вооружение тактику самих партизан. Утром небольшие группы солдат выдвигались из укрепленного лагеря и нападали на партизанские дозоры и окрестных крестьян. Когда Че высылал на помощь своих бойцов, солдаты отходили в лагерь. Штурмовать его было делом самоубийственным — у партизан не было тяжелого оружия, в то время как у каскитос были хотя бы ручные гранатометы.

Правда, партизаны обстреливали солдат своими «спутниками»* — жестянками (иногда просто консервными банками из-под молока), начиненными тротилом, полученным из неразорвавшихся авиабомб. Забрасывали их поначалу с помощью катапульты, сделанной из ружья для подводной охоты. Но батистовцы просто натянули поверх лагеря прочную сетку («антиспутник»). Жестянки пружинили и взрывались в воздухе. Так что партизанские «спутники» (названные так в честь первого советского искусственного спутника Земли) были скорее психологическим оружием.

В конце ноября 1957 года терпение Че лопнуло. Поступили сведения, что Санчес Москерра покинул лагерь и двигается в долину Мар-Верде (Зеленое Море), сжигая на своем пути крестьянские дома. Че отправил лучших бойцов во главе с Камило Сьенфуэгосом наперехват. Авангард должен был вступить в бой, в то время как основные силы колонны Че ударили бы по Санчесу Москерре с тыла. Но перехватить солдат не удалось, и когда партизаны в темноте прибыли в поселок Мар-Верде, жители уже в спешке покинули его.

На следующий день поступили сведения, что лагерь Санчеса Москерры находится всего в двух километрах. Группа Камило Сьенфуэгоса уже заняла позиции неподалеку и

---

* Еще эти самодельные бомбы называли М-26. Партизаны носили на рукавах черно-красные повязки с надписью М-26 (*Movimiento 26 Julio* — «Движение 26 июля»). К тому же М-26 были своего рода партизанским ответом на Б-26 — основной тип бомбардировщика правительственной армии.

ожидала прибытия основных сил во главе с Че. Че быстро повел отряд на соединение с Камило. 29 ноября партизаны заняли позиции, отрезавшие солдатам пути отхода, и были готовы к бою.

Вооруженный только пистолетом «люгер», Че вместе с одним из бойцов занял позицию возле дерева и увидел, как прямо на него движутся несколько солдат. Нервы не выдержали, и он выстрелил. Слишком рано. Солдаты укрылись в зарослях, и началась всеобщая стрельба. Часть отряда взяла под обстрел крестьянский дом, где базировались главные силы Санчеса Москерры. В конце дня сквозь окружение партизан прорвалось подкрепление правительственных войск, и отряду Че пришлось отступить. Партизаны потеряли двух человек убитыми, причем один из них попал в плен и был хладнокровно убит выстрелом в голову. Пять бойцов получили ранения.

Пока колонна Че отдыхала в лагере Эль Омбрито, Санчес Москерра решил потревожить партизан на их главной базе. Чтобы задержать приближение противника, Че распорядился заминировать дороги самодельными минами. Но они не сработали, и авангард партизан покинул передовые позиции, открыв врагу путь к лагерю. Колонна Че отступила из долины и устроила врагу засаду. План боя был весьма простым. Камило должен был с максимально короткой дистанции убить первого появившегося солдата, после чего огонь открывали расположенные вдоль пути движения противника наиболее меткие стрелки-партизаны. Че с несколькими бойцами находился на запасной позиции примерно в 20 метрах от предполагаемого поля боя. Однако позиция командира была не слишком хорошей — он только частично был скрыт деревом.

Ждать пришлось три дня. Как только появился первый осторожно озиравшийся по сторонам «каскито», весь лес наполнился гулом выстрелов. Санчес Москерра применил гранатометы, но так как бой шел на близкой дистанции, мины разрывались далеко в тылу партизан. Че был ранен в правую ногу, и к нему приближались враги. Огонь по его позиции был настолько плотным, что он даже не мог перевернуться, чтобы перезарядить пистолет. Тут к нему подбежал боец, у которого заело пулемет. Че правильно вставил ленту и отослал молодого партизана обратно в бой. Того сразу же ранило в левую лопатку — такова была плотность огня правительственных войск, которые в отличие от партизан не экономили боеприпасы.

Ползком Че и его товарищ с трудом добрались до своих. Отряд начал отступать. Несмотря на рану, Че большую часть пути прошел пешком и лишь потом согласился сесть верхом на мула.

Таким образом, в Эль Омбрито партизанам закрепиться не удалось, и к концу 1957 года колонна ушла в ущелье Ла-Меса. Там возник новый постоянный лагерь, который Че опять обустроил по-хозяйски. Он организовал даже небольшую табачную фабрику, столярные и шорные мастерские. Для подачи тока на все эти объекты достали дизельный генератор.

Гордостью команданте Че Гевары стала оружейная мастерская его колонны. Там стали ремонтировать винтовки, хотя из инструментов поначалу были только отвертка, напильник и молоток. Позднее достали токарный станок и приладили к нему бензиновый моторчик. Из неразорвавшихся авиационных бомб стали делать гранаты. В мастерской с удовольствием работал и сам Че. По его предложению укоротили ствол охотничьего ружья 16-го калибра, поставили его на сошки, и получился импровизированный гранатомет. Выпущенная из него граната пролетала 150—200 метров.

Че уделял большое значение пропаганде. В конце 1957 года по его инициативе партизаны стали издавать газету «Куба либре» («Свободная Куба»). Типографское оборудование для газеты «Движение 26 июля» смогло тайно доставить в Сьерру из Гаваны.

В первом же номере газеты подробно рассказывалось о важности всеобщей забастовки для свержения диктатуры: «Нет сомнений в том, что в городах и селах надо самым тщательным образом готовить всеобщую забастовку, соединяя интересы различных классов с великой революционной истиной: нет ничего хуже Батисты и все должны объединиться, чтобы свергнуть его...»[135]

Что касается политики по отношению к крестьянам и буржуазии, то Че говорил, что надо помогать бедным и «как можно меньше мешать богатым на первом этапе войны. Но по мере развития последней противоречия будут обостряться. Придет время, когда те, кто с известной симпатией относился к революции, займут диаметрально противоположную позицию и сделают первый шаг, направленный против народных сил. В этот момент партизан должен действовать, защищая интересы народа, карать любое предательство»[136].

Фактически очистив к концу 1957 года Сьерру от правительственной армии, Повстанческая армия приступила к наведению порядка, в том числе и с помощью жестокой борьбы против бандитизма. Банды уголовных элементов (например, шайка некоего китайца Чана) под прикрытием принадлежности к повстанцам убивали и грабили крестьян, насиловали женщин. И Фидель, и Че проявляли по отношению к таким главарям максимальную жесткость — их казнили.

Что касается мирной жизни на освобожденной территории, то среди местных крестьян было распределено несколько тысяч коров, конфискованных у богатых землевладельцев, поддерживавших Батисту. Крестьян (вместе с партизанами) учили грамоте, а также оказывали бесплатную медицинскую помощь. Да и вообще местных жителей (самых бедных на Кубе) поражало уважительное к ним обращение со стороны образованных горожан. Ведь большинство так называемых средних слоев в городах восхищались американским образом жизни, а кубинских крестьян считали по интеллекту сродни мулам.

21 февраля 1958 года повстанцы приняли судебный кодекс, призванный защитить права населения освобожденной зоны. Особенно сурово каралось мародерство.

Началось проведение аграрной реформы. Пока землю конфисковывали только у предателей и сторонников Батисты и раздавали крестьянским семьям по числу едоков.

Все эти меры, естественно, повысили популярность Повстанческой армии среди местного населения, особенно на фоне грабежей и насилий со стороны правительственных войск.

Если в военных делах положение партизан к концу 1957 года стабилизировалось, то в политических — до стабильности было еще далеко.

Буржуазная кубинская эмиграция в Майами, уже уловившая отход Вашингтона от Батисты, решила создать правительство в изгнании, естественно без учета мнения Фиделя Кастро. У партизан готовились украсть их возможную военную победу. 1 ноября 1957 года в Майами была образована «Хунта освобождения Кубы». В нее вошли все кубинские оппозиционные силы за исключением коммунистов, которых специально оставили за бортом с оглядкой на США. Фактически «Хунту» возглавил Фелипе Пасос, который выдавал себя за представителя «Движения 26 июля».

«Хунта» опубликовала «Майамский пакт», в котором кубинская революция сводилась только к свержению Батисты, восстановлению конституции 1940 года и проведению выборов. Все вооруженные партизанские силы должны были просто влиться в существовавшую правительственную армию.

«Движение 26 июля» «на равнине» в лице Армандо Харта, по-видимому, дало Пасосу некие полномочия. Потом Харт оправдывался перед Фиделем, что Пасос все же не был им уполномочен, но в целом «Хунту» можно было бы и поддержать.

Че был возмущен тем, что явно антикоммунистическая и проамериканская хунта действовала от имени «Движения 26 июля». В то же время он понимал, что многие руководители самого «Движения 26 июля» «на равнине» — убежденные антикоммунисты. Че недолюбливал их, и ему платили той же монетой, считая его опасным коммунистом и советской марионеткой. Че не раз жаловался Фиделю, что его колонну «товарищи с равнины» умышленно плохо снабжают оружием и боеприпасами.

Сам Фидель тоже был не восторге от политики «Движения 26 июля» за пределами Сьерры. Но партизаны были блокированы в горах и полностью зависели от своих единомышленников «на равнине» в плане снабжения оружием и боеприпасами. А оружие это приобреталось в том числе и на деньги кубинской диаспоры в США. Поэтому Фидель терпел самоуправство «товарищей с равнины», хотя и его терпение подходило к концу.

Армандо Харт (на тот момент убежденный антикоммунист) и другие члены «равнинного» руководства движения считали партизанский очаг в Сьерра-Маэстре одним, но далеко не главным фактором антибатистовского сопротивления, полагая, что диктатура будет свергнута не маленьким отрядом в далеких горах, а акциями гражданского неповиновения и всеобщей забастовкой в городах. Отряд Фиделя одним своим существованием должен лишь отвлекать на себя часть правительственных войск. Как и американцы, «равнинное» руководство «Движения 26 июля» даже представить себе не могло, что партизаны Фиделя разгромят в открытых боях основные силы армии Батисты.

Че вспоминал: «Внутри нашего движения существовало две довольно ясно выраженных тенденции, которые мы уже тогда определили наименованиями “Сьерра” и “равнина”. Нас разделяли различия в стратегии. “Сьерра” была

уже твердо убеждена в том, что она может и дальше развивать партизанскую борьбу, она хотела перенести ее в другие районы и, опираясь на сельскую местность, окружить контролируемые тиранией города, чтобы войной на истощение развалить весь государственный аппарат режима. "Равнина" придерживалась на первый взгляд революционной позиции, а именно вооруженной борьбы в городах, которая должна была вылиться во всеобщую забастовку, следствием которой стало бы свержение Батисты и захват власти в максимально короткий срок.

Но эта позиция была революционной лишь на первый взгляд, так как политическое развитие товарищей "на равнине" на тот момент было еще не завершенным, а их взгляд на всеобщую забастовку — еще слишком узким»[137].

Че имел в виду то, что многие лидеры движения «на равнине» (выходцы из средних городских слоев) были антикоммунистами. Поэтому они так и не смогли наладить контакты с рабочими организациями, без которых говорить о всеобщей забастовке было бы просто смешно.

До конца 1940-х годов компартия Кубы (НСП) имела преобладающее влияние в главном кубинском профцентре — Конфедерации трудящихся Кубы (КТК). Однако после начала мировой холодной войны по требованию американцев власти путем подтасованных выборов зачистили КТК, и его новый лидер Эусебио Мухаль был верным слугой диктатуры. Тем не менее к 1958 году именно НСП все еще пользовалась максимальной поддержкой среди рядовых членов профсоюзов. Только в союзе с этой партией можно было бы организовать всеобщую забастовку, против которой как таковой «Сьерра», естественно, не возражала. Однако зараженная антикоммунизмом «равнина» от всех контактов с НСП бежала как черт от ладана. «Равнинное» руководство «Движения 26 июля» решило в пику компартии создать собственную рабочую организацию — Национальный рабочий фронт (НРФ). Собственно, рабочих в этой малочисленной подпольной структуре было немного, но «равнина» убеждала «Сьерру», что этой боевой организации вполне по силам начать всеобщую забастовку.

В декабре 1957 года Че решил, что пора указать буржуазной кубинской оппозиции ее истинное место, а заодно приструнить слишком заигравшихся с американцами лидеров «Движения 26 июля».

9 декабря 1957 года Че написал Фиделю письмо, в котором прямо обвинил руководство «Движения 26 июля» в

откровенном саботаже в отношении возглавляемой им колонны. Че фактически требовал от Фиделя навести порядок, угрожая в противном случае своей отставкой. Фиделю предстоял трудный выбор между «равниной» и Че, и он сделал его уже через пять дней.

14 декабря 1957 года на свет появился подписанный Фиделем Кастро «Манифест Сьерры», означавший фактический разрыв с «Хунтой» в Майами, да и со всей кубинской буржуазной эмиграцией в целом.

Этот документ явно родился не без влияния Че. Прежде всего, в нем говорилось, что «Майамский пакт» был принят без всякой консультации с партизанами Сьерры и поэтому они не могут его одобрить. По существу партизаны были не согласны с тем, что в пакте не упоминалось о недопустимости вмешательства иностранных держав во внутрикубинский конфликт. Хотя США прямо не упоминались, Фидель упрекал эмиграцию в пресмыкательстве и подхалимстве. Было и так ясно, перед кем.

«Ибо мы кубинцы — и как кубинцы не останемся равнодушными, если в любой другой стране Латинской Америки развернется борьба за свободу... Как же так получается, что находятся кубинцы, которые сейчас, когда в их собственном отечестве идет жестокая борьба против тирании, живут в эмиграции... и отказывают в помощи кубинцам, ведущим эту борьбу? Или они хотят выдвинуть нам односторонние и несправедливые условия этой помощи? Может, нам для получения этой помощи надо предложить нашу республику как трофей?»[138]

Вторым принципиальным моментом для партизан было недопущение замены Батисты какой-либо «прогрессивной» военной хунтой (как это собственно и планировали в Вашингтоне). Наконец, полностью отвергался тезис о вхождении партизан в ряды правительственной армии.

Чтобы отрезвить уже грезивших о высоких постах лидеров эмиграции, Фидель жестко предложил согласиться с кандидатурой Мануэля Уррутии в качестве временного президента Кубы после свержения Батисты. Уррутия был обычным судьей (то есть в политике «не засветился»). В марте 1957 года он председательствовал на судебном процессе против членов «Движения 26 июля» и счел, что они действовали в рамках защиты своих гражданских прав. Его имя стало широко известно и против его кандидатуры трудно было возразить.

В «Манифесте Сьерры», наконец, говорилось, что если остальные оппозиционные партии не примут эти условия, то партизаны самостоятельно добьются победы революции.

На первый взгляд «Манифест Сьерры» был довольно радикальным и должен был взволновать Вашингтон. Однако в то время американцы по-прежнему не считали партизан Кастро серьезной силой. Пентагон оперировал цифрами, упуская из виду политику. Как могут 200 плохо вооруженных и считающих каждый патрон «гражданских» победить 20-тысячную до зубов вооруженную армию? С военной точки зрения это немыслимо, да ведь партизаны так и не решились за год покинуть спасительные горы. Поэтому в ОКНШ США, опираясь на данные военной разведки, полагали, что Батисте ничто не угрожает и он сможет спокойно передать власть своему преемнику в ходе президентских выборов 1958 года.

ЦРУ и госдепартамент с военными были не совсем согласны. Там считали, что режим на Кубе непрочен, но не столько благодаря действиям отряда Кастро, сколько из-за повсеместного неприятия диктатуры всеми слоями населения. Как и «равнинное» руководство «Движения 26 июля», посольство США в Гаване предполагало, что Батисту может свергнуть компания гражданского неповиновения в городах, поддержанная военным переворотом недовольных Батистой офицеров.

Что касается Кастро, то посольство США на Кубе и ЦРУ, конечно, относились к нему с некой опаской как к агрессивному радикалу, но никак не могли обнаружить в его отряде «коммунистического» влияния. А влияние это (пока теоретическое) было, и имя ему — Эрнесто Гевара. Но Фидель так тщательно скрывал Че от глаз «публики», что американские спецслужбы после Мексики потеряли его из виду.

Сам Фидель, как уже упоминалось, установил контакты с НСП еще в Мексике перед отплытием яхты «Гранма». В отличие от коллег по руководству «Движением 26 июля» антикоммунистом он не был. НСП обещала содействие в свержении диктатуры, хотя и считала метод партизанской войны в горах неподходящим для такой развитой и «городской» страны, как Куба. Парадоксально, но в своей тактике борьбы против Батисты коммунисты были схожи с антикоммунистической «равниной» — гражданское неповиновение и всеобщая забастовка в городах.

Первоначальные успехи партизан привели к смене тактики (пока еще не стратегии) НСП: коммунисты решили

укрепить сотрудничество со Сьеррой. Уже летом 1957 года по указанию руководства НСП молодой коммунист из Гаваны Пабло Рибальта присоединился к колонне Че.

Сам Че своих убеждений от партизан не скрывал, хотя никому из бойцов их не навязывал. Для многих крестьян слово «коммунизм» было ругательным, хотя они абсолютно не понимали его значения. Но их поражало, что такой авторитетный и опытный партизанский командир, как Че, таскает за собой по горам странные книги о каком-то Ленине. Когда один из бойцов набрался мужества и спросил, кто такой Ленин, Че улыбнулся и ответил, что, как и Хосе Марти, Ленин сражался за народ, поэтому это хороший человек.

Увидев в Рибальте единомышленника, Че сначала поручил ему организовать запись в партизаны местных коммунистов из Орьенте (там их было немного — НСП тоже была «городской» партией). Через несколько месяцев Че уже использовал Рибальту как своего рода «комиссара», отвечавшего за политическое воспитание прибывавших в его колонну новобранцев. Только Фидель, Че и еще несколько высших командиров знали о членстве Рибальты в НСП — этот факт тщательно скрывали, так как в то время члены руководства «равнины» поддерживали контакты с посольством США, и такого рода информация могла всполошить американцев.

В октябре 1957 года Фидель встретился с членом НСП и бывшим руководителем профсоюза рабочих сахарной промышленности Урсино Рохасом[139]. Обсуждалось взаимодействие между «Движением 26 июля» и НСП при организации всеобщей забастовки. Рохас убеждал Фиделя, что организованный «равниной» антикоммунистический рабочий фронт только вносит раскол и поэтому на руку диктатуре. Но тогда Фидель все еще был не готов к разрыву со своими соратниками на «равнине».

В свободное время Че учил бойцов своей колонны грамоте, а с более образованными вел беседы о марксизме. Этим пока коммунистическое влияние в Сьерре и ограничивалось. Поэтому неудивительно, что о нем не знали ни ЦРУ, ни госдепартамент.

Но в январе 1958 года полиция Батисты арестовала Армандо Харта после его встречи с Фиделем. У Харта нашли письмо, в котором говорилось о марксистских взглядах Че и Рауля Кастро, также о разногласиях между «равниной» и Сьеррой. Письмо было зачитано на правительственном ра-

дио, но большого пропагандистского эффекта эта акция не возымела — население уже не верило диктатуре, даже если говорилась правда.

И это отнюдь не было удивительно, если учесть, что методы Батисты в борьбе с оппозицией все больше и больше раздражали даже американцев. Сразу же после ареста Харта полиция тайком вывезла из тюрьмы в Сантьяго-де-Куба 23 оппозиционера. Их доставили в предгорье Сьерра-Маэстры и хладнокровно убили. Правительственные СМИ потом показывали трупы как свидетельство блестящей победы армии, отразившей вылазку партизан с гор.

Посла США в Гаване Смита сильно обеспокоило найденное у Харта письмо. Во время своего визита в госдепартамент в январе 1958 года он выступил в поддержку Батисты. На встрече с журналистами Смит заявил, что не может представить себе Кастро в качестве партнера правительства США.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Гомер Бигарт посетил посла после того, как наведался в Сьерра-Маэстру. Едва он начал рассказывать о своих впечатлениях, как Смит перебил его: «Да как вы могли поехать в Сьерру и разговаривать с этими коммунистами? Фидель Кастро — это коммунист и возглавляет небольшую банду преступников, которые грабят и убивают в Сьерре»[140]. Журналист после этой беседы записал в своем дневнике: «Если США будут продолжать свою нынешнюю политику на Кубе, то у них там останется только один друг — диктатор Фульхенсио Батиста».

В начале 1958 года на Кубе продолжала работать военная миссия США (14 офицеров плюс вспомогательный персонал), в задачу которой входило администрирование поставок оружия и боеприпасов кубинской армии. Вместе с членами этой миссии посол США считал, например, что варварские бомбардировки Сьенфуэгоса во время восстания 1957 года с поставленных американцами самолетов представляют собой «легитимную оборону со стороны законного правительства Кубы, которое признано Соединенными Штатами. Если и были допущены эксцессы, то они не меняют этого основополагающего вывода...»[141].

К концу 1956 года ВВС Батисты состояли из эскадрильи бомбардировщиков Б-26 (20 самолетов), эскадрильи штурмовиков (Ф-47 — 17 и Т-33 — 8) и эскадрильи транспортной авиации (33 самолета различных типов). Численность армии к моменту победы революции достигла 40 тысяч человек, и вся она была оснащена американским оружием.

Американцы тесно сотрудничали с военной разведкой Батисты СИМ (*Servicio de Inteligencia Militar, SIM*), учрежденной еще в 1934 году. Штаб-квартира СИМ в апреле 1958 года располагалась в военном городке под Гаваной (казарма имени полковника Бланко Рико). В каждом армейском полку имелись полковые разведотделы СИР (*Servicio de Inteligencia Regimental, SIR*). Интересно, что в официальных документах некоторых офицеров военной разведки в качестве домашнего адреса был указан адрес посольства США в Гаване. Военная разведка занималась не только выявлением неблагонадежных в армии, но и убийствами оппозиционеров среди гражданских лиц.

Национальная полиция (*Policia Nacional*) имела по стране 19 региональных штаб-квартир и насчитывала в конце 1956 года 7665 человек. В ее структуре были созданы секретная полиция (*Policia Secreta*) и специальная служба охраны Батисты (*Servicio Secreto de Palacio* — Секретная служба президентского дворца).

По американскому образцу было создано Бюро расследований (*Buro de Investigaciones*), занимавшееся пытками и убийствами оппозиционеров. Именно этот орган ведал государственной безопасностью и борьбой против шпионов. Агенты именно этой структуры следили за Фиделем и его соратниками в Мехико, причем сотрудник Бюро Николас Картайо Гомес (работал под «крышей» военно-морского атташе Кубы в Мехико) пытался заслать агента в «Движение 26 июля» с целью ликвидировать Фиделя Кастро.

Президент США Дуайт Эйзенхауэр (бывший генерал) высоко ценил главного батистовского генерала — начальника Объединенного штаба Франсиско Табернилью. Еще в 1954 году он вручил ему медаль ордена Почетного легиона (степень кавалера), а после назначения на пост начальника Объединенного штаба направил личные поздравления.

По просьбе госдепартамента Батиста на время отменил в стране цензуру*, чтобы показать, насколько серьезно он готовится к свободным выборам, намеченным на лето 1958 года. Фидель решил воспользоваться «оттепелью» для начала нового наступления — были шансы, что успехи партизан на сей раз найдут отражение в кубинских газетах и на радио. Тем более что правительство чуть ли не каждый день сообщало о вымышленных боях, в которых «гибли» десятки повстанцев.

---

* За исключением провинции Орьенте, где цензуру сохранили.

9 января 1958 года вернувшийся из рождественского отпуска кубинский посол в Вашингтоне Кампа посетил помощника госсекретаря по латиноамериканским вопросам Роя Руботтома и в ответ на вопрос последнего о здоровье Батисты заверил, что оно хорошее. Правда, Батисту обеспокоили задержки с поставками небольших партий американского оружия. Но в целом в Гаване все спокойно, а об активности партизан на востоке Кубы ничего не слышно[142].

В том же самом году Батиста направил в США 18 запросов на поставки оружия, 11 из которых были быстро удовлетворены, а семь еще рассматривались по состоянию на январь 1958 года[143]. Из этих семи посольство США в Гаване рекомендовало удовлетворить как минимум четыре, в том числе 100 тысяч снарядов калибра 20 миллиметров для кубинских ВМС. Причем американцы отмечали, что эти снаряды нужны Батисте для предотвращения поставок оружия партизанам Фиделя Кастро по морю. Дополнительно посольство одобрило поставки 10 тысяч ручных гранат, подчеркивая, что они будут применяться «преимущественно в провинции Орьенте». «Возможно, — сообщало посольство, — что там же будут использованы запрошенные кубинскими властями 3 тысячи 75-миллиметровых гаубичных снарядов». На тот момент на каждого бойца Повстанческой армии пришлось бы по 10 таких снарядов и по 30 ручных гранат.

11 января 1958 года посол США на Кубе Смит просил госдепартамент «срочно» удовлетворить соответствующую просьбу Батисты и передать ему 20 бронетранспортеров[144]. Бронетранспортеры были запрошены диктатором еще в июне 1957 года. Диктатор обещал в качестве «жеста доброй воли» не продлевать чрезвычайное положение, срок которого заканчивался 27 января 1958 года. Госсекретарь Даллес обещал передать машины между 4 марта и 4 июня 1958 года.

С мая 1957 года полностью экипированный американцами согласно договору о взаимной помощи элитный батальон кубинской армии (1-й батальон 1-го пехотного полка) в составе восьмисот человек в нарушение этого самого договора был переброшен на борьбу против партизан. 75—90 процентов офицеров батальона были подготовлены американскими инструкторами. Посол Смит в своей депеше в госдепартамент от февраля 1958 года утверждал, что, несмотря на данные оппозиции о варварских бомбардировках населенных пунктах в Орьенте, у посольства нет этому

никаких подтверждений. Примерно в это же время Объединенный штаб кубинских вооруженных сил рекомендовал расширить бомбардировки, так как «крестьяне очень боятся авиации».

Таким образом, американцы усиленно накачивали Батисту оружием, уже без всякой ссылки на защиту Западного полушария «от коммунизма», полагая, что его вполне хватит, чтобы покончить с Кастро, военный потенциал которого посол Смит по-прежнему оценивал как незначительный.

Партизаны решили немного изменить мнение чересчур самоуверенного посла. Комбинированный удар обеих колонн вновь решили нанести по поселку Пино-дель-Агуа. Это был самый выдвинутый в горы опорный пункт армии, затруднявший маневры партизан в Сьерре.

В начале февраля 1958 года партизаны провели разведку местности и подготовили запас «спутников». На лесопилке была расквартирована целая рота, и Фидель даже не рассчитывал взять этот опорный пункт штурмом. Предполагалось незаметно подойти к гарнизону, снять часовых и приступить к демонстративной осаде. Военные по своему обыкновению должны были запросить по рации подкрепление, и вот оно-то и должно было попасть в заранее подготовленную засаду.

Утром 16 февраля партизанский «спецназ» Камило Сьенфуэгоса выдвинулся в окрестности лесопилки, чтобы снять передовую охрану противника. Однако разведка не проинформировала о том, что ночью часовые отходят почти к стенам казармы. Поэтому люди Камило долго и безуспешно прочесывали местность. Чтобы проверить 500 метров между позициями, Камило и его двадцати бойцам понадобился целый час. Потом партизанам немного повезло. Батистовцы устроили вокруг гарнизона примитивную, но оправдавшую себя еще в годы Второй мировой войны сигнализацию — подвешенные к проволоке пустые консервные банки. Они зазвенели, потревоженные партизанским авангардом, но рядом паслись армейские лошади и их ржание заглушило подозрительные звуки.

Расположенные с другой стороны гарнизона и не имевшие с авангардом никакой связи главные силы партизан стали уже беспокоиться, когда наконец раздался первый выстрел. По врагу выпустили шесть «спутников», как вспоминал Че, с «весьма посредственным результатом».

Бойцы Камило быстро сломили сопротивление охраны, захватив 11 единиц столь ценного для партизан стрел-

кового оружия (в том числе два пулемета). Семь человек из рядов неприятеля были убиты, трое взяты в плен. Однако засевшие в казарме солдаты оказали ожесточенное сопротивление, и у партизан вскоре появились первые потери. Сам Камило был ранен, когда безуспешно попытался подобрать брошенный одним из бойцов пулемет. Пулемет вместе с головным убором Сьенфуэгоса (на нем было помечено имя владельца) достался врагам, и те открыли огонь, насмешливо крича: «Ну как вам пулемет, Камило?»[145]

Между тем, как и предполагал Фидель, на помощь гарнизону Пино-дель-Агуа на грузовиках выдвинулась целая рота. Ее передовой отряд попал в засаду и был практически полностью уничтожен — погибли 11 солдат и пять были ранены. Повстанцы захватили 12 винтовок и легкий пулемет.

Отступившая подмога, в свою очередь, запросила подкрепление, выслав вперед двух разведчиков, переодетых крестьянами. Партизаны «купились» на эту хитрость, и лазутчики выявили их позиции. Повстанцев стали обстреливать с самолета Б-26, а основной удар был нанесен по участку, который прикрывал отряд Рауля Кастро. Положение стало настолько отчаянным, что Че и другие командиры написали «ребяческое» (по выражению самого Че) письмо Фиделю, в котором просили его больше не принимать непосредственного участия в боях, опасаясь за жизнь командующего Повстанческой армией.

Ночью Че предложил провести внезапную атаку гарнизона в Пино-дель-Агуа и забросать деревянную казарму бутылками с горючей смесью. Пожар, по его мнению, быстро заставил бы солдат сдаться. Фидель долго противился, потом неохотно согласился — он считал, что риск неудачи и больших потерь был очень велик.

Когда бойцы Че выдвинулись на позиции для решающего штурма, ему доставили записку Фиделя:

«16 февраля 1958 года.

Че! Если все зависит от успеха нападения с твоей стороны без всякой возможности помощи от Камило и Гильермо, то я не думаю, что надо предпринимать самоубийственные действия, так как они могут привести к многочисленным потерям и все равно не достигнуть цели. Поэтому я очень рекомендую тебе быть осторожным. Я решительно приказываю тебе не принимать личного участия в бою. Позаботься лучше о том, чтобы хорошо командовать своими людьми, ибо сейчас необходимо именно это»[146].

Конечно, Че был очень тронут такой заботой командующего. Но он не хотел бросать своих бойцов в опасный бой и оставаться в тылу. Подумав, Че решил полностью отказаться от своей затеи — он не мог бы смотреть в глаза своим людям, часть из которых вряд ли вернулась бы живыми с этой именно им задуманной операции.

На следующий день под непрерывными бомбежками был дан приказ отхода всех партизанских сил.

В целом этот тяжелый бой оказался весьма успешным для Повстанческой армии — были убиты 18—25 солдат противника и захвачено много оружия (33 винтовки, 5 пулеметов и много боеприпасов). Правительственные газеты, естественно, сообщили о полном разгроме партизан, которые якобы потеряли 16 человек убитыми. Собственные потери правительственная армия оценила в пять человек. Несколько туманно говорилось о ранении «известного аргентинского коммуниста» Че Гевары, правда, этому еще требовалось подтверждение.

Фидель пришел к выводу, что бой против сильного отряда правительственной армии в целом продемонстрировал неплохую боевую выучку партизан. Поэтому было принято стратегическое решение о расширении района вооруженной борьбы.

Основную, 1-ю колонну Фиделя разделили на три. Сам главнокомандующий Повстанческой армией так и остался в Сьерра-Маэстре. Отпочковавшаяся колонна номер 3 во главе с капитаном Альмейдой выдвинулась в район севернее Сантьяго-де-Куба (Третий фронт). Еще дальше на восток в район горного массива Сьерра-Кристаль ушла колонна номер 6 имени Франка Паиса во главе с капитаном Раулем Кастро. Район действий 6-й колонны официально стал называться Вторым фронтом. Капитанов Альмейду и Рауля Кастро повысили до команданте.

Небольшая рейдовая группа Камило Сьенфуэгоса была выслана на равнину в предгорья Сьерры. Ей предстояло совершать налеты на города и мешать транспортным коммуникациям противника.

Таким образом, партизанская война охватила практически всю провинцию Орьенте.

Че был освобожден от командования 4-й колонной. Ему предстояла самая трудная задача. Он должен был подготовить новый отряд и, возглавив его, выдвинуться в самый центр Кубы — провинцию Лас-Вильяс. Это был марш в несколько сотен километров по практически открытой

равнинной местности. Там Че должен был обосноваться в горах Эскамбрай и полностью перерезать все пути снабжения правительственных войск между Гаваной и Орьенте.

К решающему удару против повстанцев готовилась и диктатура. Батиста поставил задачу ликвидировать партизанский очаг еще до президентских выборов. В Объединенном генеральном штабе правительственных вооруженных сил рассматривалось три варианта боевых действий:

«План населенных пунктов»: требовалось ввести крупные гарнизоны в 33 ключевых населенных пункта района Сьерра-Маэстры, чтобы связать маневренность повстанцев на их же территории. Места возможной дислокации партизан надо было бомбить беспрерывно, хотя бы и из чисто психологических соображений;

«План секторов»: Сьерра-Маэстру предполагалось разделить на три сектора — восточный, центральный и западный. Группировки армии в каждом из секторов не должны были давать партизанам покоя, сжимая кольцо окружения и опять-таки лишая Повстанческую армию маневра;

«План демобилизации»: вывод войск из Сьерра-Маэстры при сопровождении этой «демобилизации» мощной пропагандистской кампанией о разгроме основных сил партизан. Бомбежки Сьерра-Маэстры планировалось не прекращать, а самые боеспособные части сконцентрировать рядом с Сьеррой и, когда удастся выманить партизан на равнину, разбить их.

Хотя наиболее результативным явно был «План секторов», Батиста по политическим соображениям выбрал третий вариант. И вроде бы даже угадал — ведь Фидель как раз собирался вынести боевые действия за пределы Сьерра-Маэстры. Однако партизаны не собирались штурмовать крупные города, на что так рассчитывал Батиста. Наоборот, их цель состояла в том, чтобы, оперируя в сельской местности, отрезать городские гарнизоны друг от друга.

Выгоды от реализации третьего варианта контрпартизанской борьбы в штабе вооруженных сил Батисты суммировали следующим образом:

«а) сразу же упадет значение личности Ф. К. [Фиделя Кастро] в народе, который сделает логичный вывод: если правительство демобилизует такое количество солдат, то значение повстанцев падает;

б) это сократит до минимума экономические расходы и сохранит жизнь солдат...

в) при умелом выполнении этого плана, возможно, Ф. К. потеряет терпение и подталкиваемый обстоятельствами, которые будут диктовать вооруженные силы, ради поддержания ореола вокруг своей личности или начнет рисковать сам или рискнет послать большую группу на равнину, где повстанцы никогда не смогут победить наши войска...»[147]

Анализ был неплох, но в нем содержался и главный недостаток всего плана — отступление армии из Сьерры даст партизанам возможность установить более плотный контакт с другими провинциями Кубы.

Высылка в марте 1958 года отрядов Повстанческой армии в другие части провинции Орьенте была, конечно, обусловлена не тем, что Фидель потерял терпение или был озабочен своим «ореолом». Тем более что два новых фронта оперировали отнюдь не «на равнине» и в бои с превосходящими силами противника не ввязывались. Просто на тот момент руководство «равнинного» «Движения 26 июля» сделало неправильный вывод, что диктатура на краю гибели и ее стоит только подтолкнуть.

На первый взгляд так оно и было. Даже посольство США в Гаване отмечало, что вся Куба находится в состоянии каждодневного восстания. Кубинский журнал «Боэмия» в феврале 1958 года писал: «В городах, поселках, на фермах и хуторах идет непрерывная борьба. Используется любое оружие: динамит, бензин, дробь охотничьих ружей, веревка, свинец...»[148]

На железных дорогах саботаж достиг такой степени, что поезда опаздывали на 18—20 часов. Когда на них посадили вооруженную охрану, рабочие поездных бригад со ссылкой на безопасность отказывались выходить в рейс. 19 февраля группа «равнины», сняв с поезда охрану, устроила крупную железнодорожную катастрофу, ущерб от которой оценили в 100 тысяч долларов.

Все пассажирские автобусы в Орьенте тоже стали сопровождать солдаты. Это создавало среди населения обстановку нервозности.

21 февраля оппозиционеры проникли в Национальный банк и сожгли архивы и ценные бумаги на сумму 16 миллионов долларов.

В феврале—марте 1958 года объявили политическую забастовку студенты и ученики старших классов.

Городская милиция «равнины» (в ней насчитывалось около двух тысяч, правда, очень плохо вооруженных лю-

дей), «Революционный директорат 13 марта» и другие оппозиционные группы прибегали и к покушениям на наиболее одиозных функционеров режима. В середине марта в своем собственном ресторане был убит почетный майор, близкий друг начальника национальной полиции Борис Колманович, который возглавлял большую сеть полицейских осведомителей. Колманович был агентом Бюро расследований и, по некоторым данным, работал еще и на израильскую разведку[149].

Гаванская организация «Движения 26 июля» похитила известного аргентинского автогонщика, чемпиона мира Хуана Фанхо. Ему сказали, что, несмотря на все восхищение его спортивными результатами, Кубе сейчас не до праздников. Аргентинца отпустили сразу же после окончания соревнований, и он отнесся с пониманием к своему непродолжительному плену.

В начале 1958 года набрал силу саботаж на промышленных предприятиях Кубы. 20 февраля 1958 года в Сантьяго-де-Куба было взорвано химическое предприятие американской компании «Эйр редакшн К Инк». Ущерб превысил 100 тысяч долларов. В марте были отмечены взрывы на бензохранилище компании «Синклер» в Сантьяго-де-Куба и заводе «Эссо» в Гаване. 25 марта гигантский пожар возник на сахарном заводе «Элья» в провинции Камагуэй (граничила на западе с провинцией Орьенте). Сгорело 20 тысяч мешков сахара по 250 фунтов каждый. Ущерб превысил 2 миллиона долларов.

Скоординированные по всей стране акции по поджогу плантаций сахарного тростника привели к сокращению урожая главного экспортного товара Кубы на 1,8 миллиона тонн. Причем Фидель приказал начать эту кампанию с поджога плантации собственной матери.

Ширилось недовольство диктатором и в вооруженных силах — единственной опоре режима. В январе 1958 года был раскрыт заговор во главе с капитаном Олмо Кабрерой в военном лагере «Ла-Кабанья» под Гаваной — главном арсенале Кубы.

Американское посольство в Гаване сообщало в Вашингтон, что «Движение 26 июля» поддерживает даже кубинская католическая церковь.

Столь массовые акции гражданского неповиновения и повседневный саботаж заставили Батисту перенести намеченные на 1 июня президентские выборы на ноябрь 1958 года. Официально это мотивировалось слабой работой

избирательных комиссий, которые якобы еще не до конца зарегистрировали всех кубинцев, имеющих право голоса. Но на самом деле Батиста решил весной—летом с помощью генерального наступления покончить с повстанцами Кастро, чтобы к осени Куба была уже «умиротворена».

23 января 1958 года посол США в Гаване Смит встретился с Батистой и обещал ему продолжение поставок оружия в обмен на некие «умиротворяющие жесты» типа отмены чрезвычайного положения. Батиста повиновался, и 25 января чрезвычайное положение было отменено во всех провинциях, за исключением Орьенте. Госдепартамент обещал Смиту (а через него и Батисте) поработать с американской прессой, чтобы она перестала благоприятно писать о Кастро. Кроме того, послу рекомендовали задействовать американских бизнесменов на Кубе, чтобы они давили на конгресс США, где тоже стали раздаваться голоса в поддержку Кастро[150].

В феврале—марте 1958 года буржуазная оппозиция (как на Кубе, так и в эмиграции) с подачи американцев попыталась продвинуть идею прекращения «братоубийственного кровопролития» и создания некоего правительства национального примирения. По радио выступил известный журналист, бывший сокурсник Фиделя по Гаванскому университету Конте Агуэро. Обращаясь к Фиделю как к «брату», он говорил: «Ты не можешь ликвидировать режим, а режим не может ликвидировать тебя». На стороне Батисты сила власти, а у Кастро, де, — лавры идола. В этой патовой ситуации надо создать единый правительственный «кабинет мира».

В марте 1958 года с предложением создания «правительства национального единства» выступил глава католической церкви Кубы кардинал Мануэль Артега. Несколько лидеров легальной буржуазной оппозиции после этого образовали Комиссию национального единства и встретились с Батистой. По результатам переговоров Батиста и принял решение о перенесении президентских выборов на ноябрь. Мол, за это время будет объявлена амнистия, партизаны смогут спуститься с гор и принять участие в голосовании.

10 марта 1958 года, ко всеобщему удивлению, диктор программы телевидения в Сантьяго-де-Куба зачитал на всю страну ответ Фиделя Кастро на все эти «мирные» предложения (эту смелую акцию осуществили бойцы милиции «равнины»). Фидель говорил, что ни один порядочный кубинец не должен принимать участия в этих маневрах продажных политиканов. Командующий Повстанческой армией при-

звал кубинский народ «быть начеку» и готовиться к решающему сражению с диктатурой. Это говорил человек, за голову которого на тот момент была назначена награда в 100 тысяч песо*.

Посол Смит 10 февраля радостно сообщал в госдепартамент, что после отмены Батистой чрезвычайного положения Фидель Кастро теряет престиж. Все больше и больше кубинцев сомневаются в успехе «Движения 26 июля», «...революционные элементы дезорганизованы, расколоты, не имеют политической программы и тесной связи с населением. Если Батиста станет жертвой покушения, то не найдется ни одной ответственной группы, способной образовать правительство»[151].

Посол США уже в который раз явно выдавал желаемое за действительное.

24 февраля 1958 года партизаны окончательно прорвали информационную блокаду — начала свои передачи радиостанция Повстанческой армии «Радио Ребельде» («Повстанческое радио»). Че вспоминал: «Когда начала работать наша радиостанция, о существовании Повстанческой армии и ее боевой решимости стало известно по всей стране. Наши связи с населением стали обширными и сложными; они простирались на западе страны до Гаваны и Камагуэя (эти города были для нас важными центрами снабжения), а на востоке — до Сантьяго-де-Куба. Мы располагали надежной сетью оповещения. Многие крестьяне немедленно предупреждали нас о приближении не только солдат противника, но и о появлении в горах любого постороннего человека с тем, чтобы повстанцы могли быстро захватить его и выяснить, чем он занимается. Таким образом, были обезврежены многие вражеские агенты и шпионы, проникшие в расположение нашей армии для ведения разведки».

21 февраля 1958 года генеральное консульство США в Сантьяго-де-Куба, подытоживая свои трехлетние наблюдения за Кастро и «Движением 26 июля», сообщало в Вашингтон: «События в стране диктуются двумя кубинцами, лютыми врагами по отношению друг к другу, которые, по всей видимости, полны желания ликвидировать друг друга в смертельной борьбе, если потребуется. Эти два человека — президент Фульхенсио Батиста и Фидель Кастро... Кастро, надо сказать, самый любимый, самый ненавидимый и самый противоречивый персонаж на кубинской политической сцене...»[152]

---

* К июлю 1958 года эта сумма возросла до 500 тысяч песо.

Американские дипломаты отмечали, что при одном только упоминании братьев Кастро армейские офицеры приходили в бешенство. Они постоянно твердили американцам, что и Фидель, и Рауль — коммунисты. Эта тема Вашингтон, конечно, очень интересовала: «Сотрудник консульства, подготовивший данный доклад, попросил кубинцев прокомментировать сведения о том, что один из самых доверенных помощников Кастро, доктор Эрнесто Гевара, аргентинец, является коммунистом или сочувствующим. Все они взволнованно это опровергали, но признавали, что ничего не знают о его прошлом, и предпочитали окончить беседу утверждением, что доктор Гевара — идеалист и искатель приключений».

Таким образом, Че и Фиделю удавалось блестяще скрывать до поры до времени убеждения «доктора Эрнесто Гевары». Само консульство США при всем желании госдепартамента ничего не могло высосать из пальца насчет коммунистического проникновения в Повстанческую армию, ограничившись лишь откровенно вымученным и бредовым предположением: «Люди Фиделя Кастро, вероятно, устали, они одиноки, живут на природе и каждый день смотрят смерти в лицо. Следовательно, они должны быть очень плохо настроены по отношению к обществу и при таком состоянии ума они могут с готовностью принять русских агентов».

Консульство США в Сантьяго-де-Куба считало, что на конец 1957 года под командованием Кастро находилось 500—1000 хорошо вооруженных бойцов.

На самом деле в марте 1958 года Повстанческая армия насчитывала примерно 300 партизан, вооруженных легким стрелковым оружием. «Русские агенты» жить на природе явно не торопились и в Сьерра-Маэстре не показывались. В колонне Рауля Кастро (Второй фронт) на момент ее создания было 67 человек, у Хуана Альмейды (Третий фронт) — 62.

1 марта 1958 года, пользуясь отступлением батистовской армии из Сьерры, колонны покинули базовый лагерь и до 7 марта продвигались на восток провинции Орьенте совместно. Затем отряд Рауля Кастро пошел дальше и смог на реквизированных грузовиках 10 марта незаметно пересечь главную транспортную магистраль Кубы — Центральное шоссе*.

---

* Шоссе проходило через весь остров и соединяло Гавану с Сантьяго-де-Куба. На тот момент в провинции Орьенте это была единственная дорога с твердым покрытием.

31 марта из Сьерры к реке Кауто вышла группа Сьенфуэгоса (8—10 человек), начавшая активно беспокоить правительственные войска «на равнине». 15 апреля Сьенфуэгосу было присвоено звание команданте.

12 марта 1958 года в Сьерре было проведено совещание командования Повстанческой армии Сьерры и Национального руководства «Движения 26 июля» «на равнине». «Равнина» убедила Фиделя, что саботаж и акции гражданского неповиновения в городах уже изрядно подточили диктатуру, и настало время нанести по ней завершающий удар. Че так не считал, но его натянутые отношения с «равниной» были известны, и члены руководства «Движения 26 июля» считали этого «красного» предвзятым критиком.

По итогам совещания был принят «Манифест к народу», представлявший собой главную ошибку революционного движения. В документе абсолютно неверно был констатирован «саморазвал диктаторского режима», вследствие чего борьба против диктатуры якобы «вступила в решающую фазу»: «Стратегия решающего удара основывается на всеобщей революционной забастовке, поддержанной вооруженными действиями».

«Равнина» заверила Фиделя, что сил «Движения 26 июля» вполне хватит на то, чтобы организовать на Кубе всеобщую забастовку, да еще и захватить ключевые объекты в городах. Исходя из этого, было отвергнуто не только сотрудничество с коммунистами (по некоторыми оценкам, за ними шло 25 процентов членов профсоюзов), но и со всеми другими революционными организациями. Поэтому в манифесте боевые действия поручили вести Повстанческой армии и милиции «Движения 26 июля», а всеобщую забастовку должен был организовать Национальный рабочий фронт — малочисленная, глубоко законспирированная часть «равнинного» «Движения 26 июля». Причем возглавлял этот фронт ярый антикоммунист, ранее исключенный из НСП Давид Сальвадор. У него постоянно возникали стычки с Че, который справедливо считал Сальвадора сектантом*.

Манифест запрещал с 1 апреля 1958 года любое передвижение транспортных средств в провинции Орьенте.

---

* После победы революции Сальвадор стал лидером кубинских профсоюзов (Конфедерация трудящихся Кубы), но уже 14 апреля 1960 года подал в отставку в знак протеста против «радикализации» революции. В ноябре 1960 года он был задержан за контрреволюционную деятельность кубинскими органами госбезопасности. После освобождения выехал в США.

С этой же даты запрещалось платить любые налоги государству: «...налоги, заплаченные вопреки этому решению в казну диктатора, будут аннулированы и вновь взысканы Революционным правительством». С 1 апреля квалифицировалось как предательство пребывание на любом посту исполнительной власти. Каждого офицера и солдата армии и полиции угрожали в будущем лишить звания и права служить в вооруженных силах, если он останется в их рядах после 5 апреля. То же самое касалось и судей.

Манифест заканчивался следующими словами: «Начиная с этого момента вся страна объявляется в состоянии тотальной войны против тирании... Народ будет вынужден уничтожать солдат регулярной армии, где бы они ни находились. Вся нация готова стать свободной или умереть!»[153]

Вся эта стратегия комбинирования гражданского неповиновения, всеобщей забастовки и вооруженной борьбы в городах была бы абсолютно верной, если бы верным был анализ ситуации в стране, на котором все это базировалось.

Но диктатура отнюдь не находилась в состоянии «саморазвала». Многие горожане и правда верили в то, что Батиста покинет свой пост после выборов. Так уж лучше тогда их скорее провести, чем оттягивать их бессмысленной вооруженной борьбой и тем самым продлевать пребывание диктатора у власти. Наконец, «равнинное» «Движение 26 июля» на тот момент не обладало ни силой, ни авторитетом в народе (и особенно в профсоюзах), чтобы провести в жизнь все обозначенные в манифесте меры.

Определенную роль в неправильной оценке революционерами ситуации сыграли и действия правительства США. 14 марта 1958 года американцы неожиданно объявили о прекращении с 31 марта поставок оружия Батисте. Многие кубинские оппозиционеры (в том числе и лидеры «равнины») расценили это как полное прекращение поддержки Вашингтоном диктаторского режима. На самом деле американцы уже одобрили основные поставки на 1958 год и теперь стремились подыграть Батисте в его «миролюбивой политике», которую сами же инициировали. Мол, если теперь партизаны, в свою очередь, не сложат оружие, то вся ответственность за продолжение кровопролития падет исключительно на них.

Батиста немедленно воспользовался манифестом, чтобы прекратить навязанную американцами игру в демократию, и опять ввел в стране чрезвычайное положение. 12 марта в посольство США в Гаване прибыл кубинский премьер

Гел и сообщил, что положение на Кубе столь серьезно, что придется опять отменить конституционные гарантии прав человека. Американцы выразили «разочарование»[154]. Госдепартамент на всякий случай рекомендовал посольству освежить в памяти подготовленный еще в 1956 году план эвакуации с Кубы американского диппредставительства.

На следующий день Батиста встретился с послом США и заверил, что полностью контролирует ситуацию и увеличил численность армии, в том числе и для «защиты американских жизней и собственности» на Кубе. Батиста стращал посла, что коммунизм наращивает влияние вокруг Кубы — в Мексике, Гватемале, Венесуэле и т. д. — и «что правительство Кубы абсолютно уверено в том, что коммунисты содействуют попыткам свержения кубинского правительства»[155]. Посол сообщил в Вашингтон о своей уверенности в том, что Батиста проведет честные выборы и готов после них уйти в отставку.

17 марта глава центральноамериканского отдела госдепартамента Виланд принимал Мануэля Уррутию, «кандидата Кастро на пост временного президента». Уррутия, заметив, что лично с Кастро не знаком, просил американцев окончательно прекратить поставки оружия Батисте. Ему ответили с характерным цинизмом: вот ведь народ Венесуэлы смог свергнуть диктатуру, опирающуюся на хорошо вооруженную армию, пусть и кубинцы попробуют.

Чтобы показать, что власти не боятся никаких повстанцев, 3 апреля Батистой была объявлена амнистия. Над Сьеррой сбрасывали листовки следующего содержания:

«Соотечественник!

Если ты оказался замешанным в антиправительственном заговоре и в настоящее время продолжаешь находиться в лесах или горах, у тебя есть возможность одуматься и вернуться в лоно своей семьи. Правительство обещает с уважением относиться к твоей жизни и вернуть тебя к домашнему очагу, если ты сложишь оружие и будешь действовать согласно закону...»[156]

Ответ повстанцев не заставил себя ждать.

9 апреля в 11 часов утра группы «Движения 26 июля» захватили главные национальные радиостанции в Гаване и передали призыв немедленно начать всеобщую забастовку:

«Внимание, кубинцы!

"26 июля" призывает ко всеобщей революционной забастовке... Сегодня — день освобождения, день всеобщей

революционной забастовки. С этого момента начинается по всей Кубе последний этап борьбы, который закончится только поражением диктатуры»[157].

Все кубинские профсоюзы на тот момент были объединены в единую Конфедерацию трудящихся Кубы (КТК), насчитывавшую более миллиона членов. Еще со времен господства в КТК НСП (1930—1940-е годы) члены профсоюзов привыкли не только к легальности, но и к тому, что власти в принципе готовы удовлетворять экономические требования трудящихся. Кубинские квалифицированные рабочие принадлежали к числу самых высокооплачиваемых в Латинской Америке. К забастовкам кубинцы прибегали редко — обычно хватало переговоров с предпринимателями.

Лидером КТК в 1958 году был соглашатель Эусебио Мухаль, который в духе британских тред-юнионов считал, что бороться рабочим следует лишь за экономические требования. С помощью «аутентиков» Мухаль (бывший в юности марксистом) в 1947 году узурпировал руководство КТК, изгнал оттуда коммунистов и с тех пор проводил линию на невмешательство профсоюзов в политику. Эта его линия щедро вознаграждалась властями. «Борец за интересы рабочего класса» владел только в провинции Гавана 132 кабальериями* земли. У него были доли в животноводческих компаниях, выращивали для Мухаля еще свиней и помидоры. Всего поместья профбосса оценивались в 4 миллиона кубинских песо.

В своей речи незадолго до объявления «равниной» революционной (то есть политической) забастовки Мухаль увещевал и грозил членам КТК: «Никто не должен покидать своего рабочего места. Военный закон** определяет забастовку как преступление против родины. Тот, кто оставит свое рабочее место, будет приговорен к смерти... Пока я жив***, на Кубе не состоится всеобщей забастовки, а Фидель Кастро не вступит в Гавану»[158].

---

* 1 кабальерия — 13,420 гектара.

** То есть закон о чрезвычайном положении.

*** 1 января 1959 года Эусебио Мухаль укрылся в аргентинском посольстве. Возмущенная толпа требовала его выдачи. Революционное правительство согласилось выпустить Мухаля в Аргентину при условии, что потом аргентинские власти официально выдадут его Кубе. Аргентинцы согласились, но как только Мухаль оказался в Буэнос-Айресе, он немедленно сбежал оттуда в Майами. Умер в 1986 году в штате Мэриленд.

Время объявления забастовки было выбрано крайне неудачно. К 11 часов утра все уже находились на рабочих местах и многие рабочие вообще не услышали никакого призыва. Так как никакой подготовительной работы в профсоюзах «равнина» не провела, воззвание стало полной неожиданностью. Многие вообще восприняли все это как провокацию режима, направленную на то, чтобы вычислить оппозиционеров среди деятелей профсоюзов.

Хотя милиция «равнины» провела многочисленные акции саботажа (особенно в Гаване и Сантьяго-де-Куба), забастовка провалилась. В Гаване разбросали листовки и частично нарушили автобусное сообщение и телефонную связь. Но этого оказалось мало. Полиция сорвала попытку захватить столичный арсенал. У «равнины» якобы была договоренность с молодыми офицерами из столичного военного городка «Колумбия» о том, что они присоединятся к восстанию, если оно наберет обороты и правительство задействует для подавления армию. Но этого не случилось. Полиция также сорвала попытку оповестить о начале забастовки звоном церковных колоколов. Характерно, что наибольшего успеха в пропаганде забастовки «равнина» добилась не среди рабочих, а среди банковских служащих.

Посол США Смит постоянно держал связь с госсекретарем Даллесом по телефону. Примерно в 6 вечера 9 апреля американское посольство в шифровке в Вашингтон с облегчением констатировало, что нет никаких видимых признаков успеха всеобщей забастовки[159].

Анализируя причины провала забастовки, посольство писало в госдепартамент, что «Движение 26 июля» сделало практически все ошибки, которые можно было сделать, в то время как правительство не допустило никаких промахов. Столь слабое влияние «равнины» в городах стало для американцев приятным сюрпризом.

Фидель Кастро так оценивал события 9 апреля: «Поражение 9 апреля было самым тяжелым... потому, что никогда прежде народ не имел столько надежд, сколько связывал с этим днем. Никогда у нас не было столько иллюзий, как в тот день. Я могу сказать, что был самый тяжелый удар, который понесла наша революция»[160].

Бюро разведки Госдепартамента США оценивало события на Кубе следующим образом: «9 апреля была предпринята попытка забастовки, но она не получила поддержки во всей стране и была быстро сорвана контрмерами правительства»[161].

Уже в марте 1958 года посольство США на Кубе стало уделять пристальное внимание Эрнесто Геваре де ла Серна.

3 марта оно сообщило в Вашингтон впечатления упоминавшегося выше корреспондента «Нью-Йорк таймс» Бигарта, который побывал в Сьерре и долго (хотя и через переводчика) беседовал с Че.

Че развеял распространяемые батистовскими СМИ «сведения», что он учился во Франции, где мог «нахвататься» коммунистических идей. Рассказав Бигарту свою биографию, Че заметил, что он не коммунист, а просто человек левых взглядов и либерал[162].

Тем не менее заискивать перед американцами Че не собирался, откровенно поведав о своей поддержке режима Арбенса в Гватемале. Со слов Бигарта посольство сообщало в госдепартамент: «Гевара выразил довольно сильные антиамериканские чувства. Он считает, что Соединенные Штаты постоянно вмешиваются в латиноамериканские дела, проводят империалистическую политику, поддерживают диктаторские режимы и часто пытаются действовать против воли граждан латиноамериканских наций...

Бигарт сообщил, что Гевара на вид в добром здравии и у него не заметно следов ранений».

Американский корреспондент попытался выяснить характер отношений между Фиделем и Че, спросив у первого, зачем ему нужен этот аргентинец. Бигарт прямо-таки донес Фиделю, что Гевара — радикальный левак, а то и коммунист. Потом он попробовал применить лесть. Мол, как-то странно, что столь популярная на Кубе личность, как Фидель, зависит от помощи какого-то аргентинца. Фидель честно рассказал, что, встретив Че в Мексике, поначалу использовал его как врача, но Эрнесто Гевара «оказался очень способным бойцом и военным руководителем». Фидель «успокоил» Бигарта: только он как главнокомандующий определяет политическую линию Повстанческой армии, поэтому политические взгляды Че не имеют значения.

Бигарт сообщил в посольство, что многие члены руководства «Движения 26 июля» в отличие от Фиделя обеспокоены взглядами Че. В свою очередь они заверили Бигарта, что Фидель — всего лишь один из членов Национального руководства движения и не определяет его политическую линию. Бигарт все же понял, по словам посольства, что «Кастро в реальности руководит всем шоу».

Само посольство дополнило рассказ Бигарта тем, что родственник Эрнесто Гевары — нынешний посол Арген-

тины на Кубе. Якобы отец Эрнесто Гевары несколько месяцев тому назад запрашивал своего родственника, предоставит ли он в случае чего его сыну убежище в посольстве Аргентины, и получил резкий отказ.

Провал забастовки 9 апреля позволил, наконец, Фиделю и его Сьерре навести порядок в «Движении 26 июля». «Равнина» была полностью дискредитирована провалом предложенной ею стратегии городского восстания. Оказался прав и Че, резко упрекавший «равнину» в антикоммунизме и сектантстве.

Неудивительно, что на состоявшемся в Сьерре в начале мая 1958 года совещании Национального руководства «Движения 26 июля» Фидель был избран его генеральным секретарем. Он уже не был только первым среди равных. Отныне и все национальное руководство находилось не в Гаване или Сантьяго-де-Куба, а в горах при штабе Повстанческой армии.

Организационные перемены привели и к смене стратегии революционной борьбы. Отныне основная ставка делалась на партизанскую войну, акции в городах должны были ей способствовать.

Довольный такой сменой приоритетов Че так описывал итоги совещания: «Во-первых, нам удалось добиться согласия, что военное и политическое руководство борьбой будет осуществлять Фидель, выполняя функции одновременно главнокомандующего всеми вооруженными повстанческими силами и генерального секретаря нашей организации. Во-вторых, было решено, что и впредь будет проводиться курс на всеобщую вооруженную борьбу, предложенный повстанцами из Сьерра-Маэстры. Было покончено с наивными иллюзиями тех, кто верил в успех всеобщей революционной забастовки в то время, когда условия для ее проведения еще недостаточно созрели и не была проведена соответствующая подготовка. Кроме того, фактическое руководство движением находилось в Сьерра-Маэстре и в связи с этим возникали определенные трудности практического характера. Сама жизнь показала, что у бойцов из Сьерра-Маэстры была более высокая политическая сознательность, подтвердилась правильность их позиции и оценки происходящих событий»[163].

Че прямо сказал Фиделю, что антикоммунизм Давида Сальвадора был главной причиной срыва забастовки, и потребовал его отставки. После горячих дебатов Фидель поставил предложение Че на голосование, и оно было принято.

Отныне Фиделю подчинялась и вооруженная милиция «равнины» в городах.

В то же время, взяв на себя всю ответственность за ход дальнейшей борьбы, Фидель сильно рисковал. После провала забастовки 9 апреля, в городах среди оппозиционеров всех мастей широко распространились апатия и неверие в собственные силы. Диктатура, как казалось, была на пике своего могущества и теперь могла бросить все силы на подавление партизанского очага в горах.

Близилась решающая схватка, в которой Сьерре трудно было уже рассчитывать на какую-либо серьезную помощь из других районов Кубы.

Второй и третий повстанческие фронты в апреле—мае 1958 года накапливали силы и переходили к партизанским набегам против гарнизонов противника. 12 апреля командующий Вторым фронтом Рауль Кастро отдал приказ об образовании военно-воздушных сил фронта. Все ВВС пока состояли лишь из одной захваченной авиетки.

В ночь с 20 на 21 апреля бойцы Камило Сьенфуэгоса совершили дерзкий налет на электростанцию города Баямо. Именно в Баямо находился штаб частей батистовской армии, блокировавших Сьерру. Убив несколько солдат противника и нанеся серьезный ущерб электростанции, группа Сьенфуэгоса на заранее подготовленных грузовиках покинула город.

Колонна номер 1 активно готовилась к отражению решающего наступления батистовской армии на Сьерру. Впервые партизаны переходили от маневренной к позиционной войне. Ставилась задача измотать наступавшего противника в горных боях и нанести ему поражение. Были прорыты десятки километров траншей, налажена телефонная связь между различными позициями, что впервые позволило активно маневрировать силами внутри единого укрепленного района. Организованная Че оружейная мастерская не только приводила в порядок оружие, но и начала набивать новые патроны из стреляных гильз (хотя и не всех калибров).

Сам Че в конце апреля подыскивал место для взлетно-посадочной полосы, на которую маленькими самолетами можно было бы доставлять в блокированную Сьерру оружие и боеприпасы. Кроме этого, он продолжал курировать работу школы подготовки новобранцев в местечке Минас-дель-Фрио.

Противник сразу же после провала забастовки усилил бомбежки Сьерры, причем бомбили в основном посел-

ки мирных жителей, чтобы лишить партизан поддержки гражданского населения. Уже 10 апреля правительственные ВВС (в том числе три американских Б-26) фактически стерли с лица земли деревню Кайо-Эспино. Повстанцам ничего не оставалось, как призвать всех крестьян Сьерры строить бомбоубежища.

Объединенный штаб батистовской армии наметил на конец мая 1958 года решающее наступление в Сьерра-Маэстре с целью полного уничтожения партизанского очага. План назвали «ФФ» (*Fase Final* — «финальная фаза» или, как шутили батистовцы, — *Fin de Fidel* — «конец Фиделя»). Ничего сложного в этом оперативном плане не было. Усиленные отряды армии при поддержке авиации со всех сторон должны были вторгнуться в горы. Подавляющее превосходство в людях и вооружении должно было решить исход борьбы.

Посол Смит в то же самое время «бомбардировал» госдепартамент депешами, требуя отмены эмбарго на поставки оружия Батисте (диктатор запросил, в частности, американские винтовки М-1). Смит писал, что решением не поставлять оружие ни одной из воюющих на Кубе сторон Вашингтон ставит на одну доску кубинское правительство и мятежников Кастро[164]. И теперь у бедных батистовцев даже нет оружия, чтобы защищать американскую собственность на Кубе.

14 апреля 1958 года на заседании СНБ США с анализом обстановки на Кубе выступил директор ЦРУ Аллен Даллес. Отметив провал забастовки 9 апреля, глава американской разведки совершенно правильно предсказал, что Кастро отныне полностью сконцентрируется на партизанской войне в Сьерре, откуда его будет очень сложно выбить[165]. По оценкам ЦРУ, ядро сил Повстанческой армии состояло из 1200 хорошо вооруженных бойцов (это было сильным преувеличением). Однако правительственная армия лояльна Батисте, и Кастро придется нелегко. Даллес подчеркнул, что ЦРУ не удалось найти сведения, подкреплявшие бы версию о коммунистическом проникновении или поддержке «мятежа Кастро».

Американцы размышляли над вариантом убрать с политической сцены Кубы как Батисту, так и Кастро. Мол, после поражения стачки 9 апреля Батиста уже не находится под давлением Кастро и надо попытаться уговорить его провести максимально честные выборы, после которых ему надо бы как «патриоту» подать в отставку.

Таким образом, как это ни парадоксально, поражение 9 апреля сыграло на руку повстанцам, хотя бы и во внешнеполитическом отношении. В Вашингтоне успокоились и не стали возобновлять продажу оружия Батисте — мол, он может победить и имеющимися силами. На самого Батисту стали давить, чтобы он быстро провел респектабельные выборы и ушел в отставку. Батиста в принципе не возражал — он неоднократно говорил американцам, что уверен в победе на президентских выборах правительственного кандидата. Но в то же время для проведения выборов было необходимо, полагал Батиста, предварительно решить «проблему Кастро».

15 апреля 1958 года ЦРУ подготовило обширную биографическую справку об Эрнесто Геваре Серна («Че»), явно на основе бесед Че с американскими корреспондентами, скорее всего с Бингамом[166]. Че стал интересен американской разведке потому, что, как отмечалось в документе, возглавлял самую сильную из партизанских колонн.

В документе довольно подробно излагалась биография Че, включая Гватемалу.

Затем ЦРУ отмечало: «Гевара решительно заявляет, что он не коммунист и никогда им не был. Он самодовольный индивидуалист, нонконформист и ультранационалист в латиноамериканском смысле. Он отвергает обвинения в том, что он коммунист, и обвиняет Соединенные Штаты и американскую прессу в распространении подобных утверждений... Гевара обладает хорошими манерами, говорит спокойно, в беседе обдумывает свои слова. Он очень популярен в "Движении 26 июля", причем как среди гражданских, так и военных его членов. Несмотря на свои вежливые манеры, он, по-видимому, является самым способным военным командиром среди руководства движения. Он энергичен, атлетичен и участвует в любой деятельности в лагере, будь то игра в софтбол, отдых или уход за животными. Его люди уважают его, потому что он смел в бою и никогда боя не избегает...

Гевара ростом примерно в 5 футов 11 дюймов, весит около 170 фунтов, среднего телосложения. Сейчас он очень загорел, но обычно кожа у него белая. Волосы грубо постриженные, темно-коричневые, коричневые глаза и довольно высокий лоб, редкая борода. Обычно он носит форму оливкового цвета и черный свитер-водолазку. Карманы его формы обычно забиты документами.

Гевара страдает от хронической астмы и вынужден пользоваться ингалятором ночью и во время маршей. Фидель Кастро приказал ему по возможности ездить верхом во время походов...»

Таким образом, Че, похоже, пока удалось ввести американскую разведку в заблуждение относительно своих политических взглядов. Для этого американцам пришлось правдиво рассказать почти всю биографию. Они могли ее проверить и убедиться в искренности Че. Эта искренность, в свою очередь, видимо, рассеяла сомнения ЦРУ и в отношении его политического кредо.

2 мая 1958 года в госдепартаменте состоялось совещание с участием представителей ОКНШ. Американские военные были крайне недовольны тем, что решение о приостановке поставок оружия Батисте было принято без предварительных консультаций с Пентагоном, а также тем, что эмбарго нарушало действующие контракты со «свободно избранным правительством» Кубы. Госдепартамент успокоил — под эмбарго попали всего лишь 1950 винтовок М-1 «гаранд»* из пяти тысяч, заказанных Батистой. Батиста — диктатор, и США не могут позволить себе быть слишком тесно с ним связанными, так как время диктаторов в Латинской Америке уходит. Вот, мол, и Перона свергли в Аргентине. Адмирал Берк (начальник штаба ВМС США) ответил, что диктаторов много, но к ним надо подходить дифференцированно.

Когда посол США на Кубе Смит в начале мая находился на консультациях в госдепартаменте, ему дали указание избегать любых шагов, которые каждая из противоборствующих сторон на Кубе могла бы истолковать в свою пользу. Смит вновь и вновь требовал возобновить поставки оружия, иначе, мол, ему будет сложно убедить Батисту в необходимости политического компромисса с умеренной оппозицией.

24 мая 1958 года войска Батисты (14 батальонов под общим командованием генерала Эулохио Кантильо) с разных сторон перешли в генеральное наступление на Сьерру.

---

* Винтовка М-1 стала второй в мире самозарядной винтовкой после советской АВС-36 и была принята на вооружение армии США в 1936 году. С 1943 года винтовка стала основным оружием морской пехоты США. С 1957 года М-1 была официально снята с вооружения и активно поставлялась за рубеж, в частности на Кубу, в Грецию, Сальвадор, Никарагуа, ФРГ, Японию и т. д.

Атаковавших (в разное время 7—10 тысяч человек) поддерживали авиация, горная артиллерия и танки. Боевой дух батистовской армии был слабым, к тому же треть контингента состояла из необстрелянных новобранцев. В отличие от партизанских командиров, офицеры правительственной армии относились к своим солдатам как к пушечному мясу: они бездумно бросали их в бой, сами же обычно отсиживались на тыловых позициях.

Вся «свободная территория» Кубы на тот момент не превышала нескольких десятков квадратных километров. Штаб Фиделя находился в 12 километрах от северного участка фронта. На полпути между штабом и фронтом располагалась школа новобранцев, созданная Че. С юга (там на побережье располагались гарнизоны ВМС и морской пехоты) до ставки Фиделя было всего 7 километров. Вся партизанская армия в Сьерре насчитывала 280 бойцов, на каждого из которых приходилось по 50 патронов. В резерве командования насчитывалось не более пяти тысяч патронов.

На восточный сектор Сьерры, которым командовал Че, наступал его «старый знакомый» — повышенный до звания подполковник Санчес Москерра. Затем Фидель приказал Че принять командовании партизанами в районе Лас-Мерседес на Северном фронте, откуда противник наносил главный удар в направлении штаба Повстанческой армии. Невооруженные новобранцы из школы Че лихорадочно рыли окопы. Некоторые не выдерживали напряжения и дезертировали. Но Че был против расстрелов пойманных дезертиров, так как понимал, насколько тяжело совсем еще молодым ребятам участвовать в жестоких боях с превосходящим в силах жестоким противником. Многие новобранцы панически боялись авиации. После налета на школу 4 июня двух штурмовиков, выпустивших шесть ракет, десять человек попросили отпустить их домой.

Офицерам же, допускавшим грубость и рукоприкладство по отношению к подчиненным, Че грозил смертной казнью.

Тем временем противник прорвался на юге, под угрозой оказалась партизанская школа, и Че посылал своих бойцов закрывать брешь.

Батистовцы все же захватили на северном участке фронта Лас-Мерседес, который обороняли всего 14 партизан. Но для этого правительственной армии понадобилось 30 часов. Ни солдаты, ни офицеры армии не желали подставлять свои головы под партизанские пули, поэтому за 15 дней наступления ударный батальон Санчеса Москерры

продвинулся всего на 10 километров. И все же кольцо вокруг партизанского очага неуклонно сжималось.

28 мая батистовцы атаковали позиции Второго фронта, но к концу первой недели июня Раулю Кастро удалось стабилизировать фронт. В начале июня правительственные войска с моря высадились на побережье Сьерра-Маэстры и начали наступление на север.

3 июня 1958 года светившийся от уверенности в своих силах Батиста принял американского посла и сообщил Смиту, что отдал приказ захватить Фиделя Кастро живьем[167]. По мнению диктатора, этот приказ будет выполнен в течение максимум двух месяцев.

Американцев беспокоило лишь то, что против повстанцев воюют оснащенные и подготовленные военной миссией США части. При раскрытии этого факта могли возникнуть неприятные отклики в американском общественном мнении и в конгрессе, так как такого рода участие представляло собой нарушение кубино-американского договора о военном сотрудничестве. 13 июня Смиту было дано указание просить Батисту передислоцировать подготовленные американцами части в район Гаваны. Смит продолжал гнуть свою линию —16 июня он писал в госдепартамент, что любая напряженность в отношениях между Батистой и США на руку только коммунистам. Тем более что 75 процентов пилотов кубинских ВВС подготовлено американцами и их вывод из боя фактически лишит правительственные войска поддержки с воздуха.

Своей кульминации наступление правительственной армии достигло 19 июня, когда было захвачено местечко Лас-Вегас-де-Хибакоа и до ставки Фиделя оставалось четыре часа обычного марша. Между войсками, атаковавшими с обеих сторон, расстояние сократилось до 7 километров. Однако батистовцы были уже крайне измотаны, в то время как партизаны даже еще не израсходовали свой резерв боеприпасов.

В этот критический момент на помощь прибыла вторая колонна (40 человек) под командованием Камило Сьенфуэгоса, который попросил Фиделя направить его людей на самый трудный участок обороны. Фидель вспоминал, что хотя было мало боеприпасов, но «моральный дух на всю тысячу процентов»[168].

Партизаны слышали, как офицеры армии Батисты подбадривают своих подчиненных, обещая разрешить им грабить и насиловать в захваченных населенных пунктах.

29 июня они одержали свою первую победу, причем над очень сильным и опытным противником. Был успешно контратакован батальон Санчеса Москерры, и 22 солдата сдались в плен. Партизаны захватили много оружия, а также коротковолновую рацию с секретным шифром, что позволило повстанцам слушать переговоры отдельных отрядов правительственных войск.

Батисте было уже не до прежней самоуверенности, и 23 июня он потребовал от начальника генштаба Табернильи объяснить причины фактического провала «решающего наступления». Табернилья просил еще 1800 солдат и 90 офицеров и сетовал на слабое снабжение боеприпасами, которые, мол, сложно транспортировать в горной местности. При этом на вооружении наступавших сил, по данным самого же генштаба, находилось более 8 миллионов патронов.

Партизанам, и особенно мирному населению, очень сильно досаждали непрерывные бомбежки правительственных ВВС. Каждый день «Радио Ребельде» обращалось к кубинским медикам с просьбой прибыть в горы и помочь раненым: «Пожалуйста... просим всех врачей, которые могут прибыть в Сьерра-Маэстру, пусть не преминут сделать это. Нам нужны хирурги, кровь, плазма... есть тысячи раненых крестьян, обреченных на смерть из-за невозможности оказания им медицинской помощи...»[169]

А госдепартамент все это время продолжал препирательства с ОКНШ — американские военные требовали снять эмбарго на поставки оружия Батисте, хотя понимали, что мирное население в провинции Орьенте уничтожают с воздуха на американских самолетах подготовленные США летчики.

Госдепартамент отмечал наличие определенной дилеммы во внешней политике США по отношению к Кубе: «С одной стороны, появляется все больше доказательств того, что режим Батисты из-за ограничения свободы прессы и растущих военных и полицейских репрессий теряет популярность. С другой стороны, есть все основания предполагать, что нынешнее [кубинское] правительство, имеющее историю дружественного сотрудничества с США, сохранит власть и проведет выборы в ноябре, чтобы избрать преемника. Правительство проводит полномасштабное наступление против сил повстанческого лидера Фиделя Кастро в горах на востоке Кубы. Тот факт, что поставленное США военное снаряжение и подготовленные США военные используются в этом наступлении против повстанцев,

навлекло на нас сильную критику со стороны оппозиционно настроенных по отношению к действующему правительству кубинцев, а также со стороны части американской прессы, общественности и конгресса»[170].

Таким образом, повстанцы продолжали одерживать верх над Батистой не только в Сьерра-Маэстре, но и в общественном мнении США.

2 июня 1958 года Рауль Кастро, чтобы заставить США прекратить бомбардировки, отдал приказ о проведении «противовоздушной операции». 26 июня бойцами Второго фронта были захвачены 11 служащих американской никелевой компании «Моа бэй майнинг». 27 июня на Центральном шоссе был задержан автобус с американскими военными моряками (24 человека* и еще 20 граждан США), следовавшими на базу Гуантанамо. Партизаны потребовали от американцев в обмен на освобождение заложников прекратить снабжать ВВС Батисты горючим с базы в Гуантанамо.

«Противовоздушная операция» не была согласована с Фиделем, и поначалу он был в ярости. Акция Второго фронта грозила развернуть общественное мнение США против повстанцев и могла даже привести к отмене эмбарго на поставки оружия Батисте. В самом пиковом для повстанцев варианте американцы могли бы решиться и на прямую военную интервенцию под уже не раз опробованным в Латинской Америке предлогом защиты своих граждан.

Положение было действительно угрожающим, тем более что американские военные давно жаждали предлога прийти на помощь кубинской диктатуре. Командующий Атлантическим флотом США адмирал Урайт провел экстренное совещание на базе Гуантанамо. Оживилось лобби Батисты в конгрессе США. Адмирал Берк из ОКНШ опять прибыл в госдепартамент и потребовал возобновить поставки оружия Батисте, так как полностью разделял мнение посла США в Гаване Смита, что «кубинская армия борется против элементов, связанных с коммунистами»[171].

1 июля 1958 года посол США Смит предложил предъявить партизанам ультиматум: если в течение 48 часов американцы не будут освобождены, США сами освободят их любыми доступными средствами. Однако командующий базой в Гуантанамо Эллис просил свое начальство в Вашингтоне категорически исключить использование воен-

---

* Включая 11 «элитных» морских пехотинцев.

ной силы. Он лишь предлагал в качестве жеста устрашения доставить на базу по воздуху 200 морских пехотинцев.

Против военного вмешательства США выступил и... директор ЦРУ Аллен Даллес. Парадоксально, но многоопытный шеф американской разведки рассудил, что повстанцы специально захватили моряков, чтобы вовлечь США в гражданскую войну на Кубе (!)[172].

В течение трех недель на территории Второго фронта шли переговоры между Раулем Кастро и генеральным консулом США в Сантьяго-де-Куба Уолламом. Рауль вполне добился поставленных противовоздушной операцией целей — на время переговоров правительственные войска прекратили бомбардировки и наступление на Сьерра-Кристаль. Рауль добился даже успеха, которого от операции никто не ожидал —2 июля госдепартамент прекратил поставки на Кубу самолетов-штурмовиков Т-28*. Американцы даже пытались уговорить Батисту пропустить Фиделя из Сьерра-Маэстры, чтобы он мог встретиться с братом и отдать ему приказ об освобождении американцев.

Таким образом, «противовоздушная операция» завершилась успешно и по приказу Фиделя все захваченные американцы были освобождены (гражданских лиц освободили к 9 июля).

Прямо посреди тяжелейших боев Че отметил в горах свое тридцатилетие. Ранее он связался с матерью по радио, и она прислала ему к юбилею письмо:

«Милый Тэтэ,

я была так счастлива услышать твой голос после столь длительной разлуки. Я тебя даже не узнала — ты стал, видимо, совсем другим. Может, связь была плохой, может, ты сильно изменился. Но когда ты назвал меня "старой дамой", голос твой звучал, как раньше. Какие прекрасные новости ты мне сообщил! И как жаль, что связь прервалась, прежде чем я смогла сообщить тебе здешние новости»[173].

Переписывался Че и с Ильдой, хотя письма с оказиями шли по нескольку недель, а то и месяцев. Ильда жила с дочкой в Перу и возглавляла там Комитет солидарности с кубинскими повстанцами. В январе 1958 года она предложила Че приехать к нему в горы — Ильдита стала уже достаточно взрослой, чтобы можно было препоручить ее заботам бабушки и дедушки. Через несколько месяцев (уже в мае) пришел ответ — Че писал, что предстоит генеральное на-

---

* Американцы считали их учебными самолетами.

ступление правительственных войск и Ильде в горах угрожала бы смертельная опасность.

В письме была чистая правда без всяких задних мыслей. Вообще Че поражал своих бойцов не только тем, что читал Ленина, но и тем, что был абсолютно равнодушен к женщинам, хотя на прославленного и образованного командира заглядывались многие местные крестьянки. Че в этом отношении отнюдь не был аскетом, но верность жене (причем жене-товарищу по борьбе), так же как и верность революции были для него понятиями морального долга, а значит, вещами незыблемыми.

В июле 1958 года Батиста по просьбе Табернильи увеличил численность правительственных войск в Орьенте до 10 тысяч (половина всей кубинской армии) и вся группировка была поставлена под командование генерала Кантильо, чтобы улучшить координацию действий между отдельными батальонами.

Между тем в Сьерра-Маэстре для правительственных войск назревал настоящий «кубинский Сталинград».

Еще 10 июня 18-й батальон под командованием майора Хосе Кеведо получил приказ прочесать местность в районе населенных пунктов Альто-де-ла-Каридад, Эль-Наранхаль и Хигуэй и закрепиться там. Почти месяц батальон медленно продвигался вглубь Сьерра-Маэстры, проведя 14 боев с партизанами.

В район Хигуэя отправился лично Фидель, поручив Че оборону главного лагеря и школы новобранцев. 3 июля партизаны окружили батальон со всех сторон, и через неделю у Кеведо закончились продукты. С 11 по 14 июля Кеведо несколько раз пытался вырваться из кольца, но безуспешно. Батистовское командование в Баямо обещало подкрепление, но оно явно запаздывало. 15 июля авиация пыталась сбросить Кеведо продукты, но все они достались партизанам. Не помогла и бомбардировка — позиции сторон были настолько близки, что летчики боялись задеть своих.

16 июля, исходя из гуманных соображений, повстанцы объявили трехчасовое прекращение огня и предложили окруженным сдаться. Кеведо отклонил ультиматум. С помощью захваченной радиостанции партизаны знали, что к 18-му батальону направлены подкрепления. 17 июля в 6 часов утра с берега моря вышла пехотная рота, но ее уже ждали 50 партизанских автоматов и два пулемета. Только за первые 15 минут боя противник потерял почти два взвода пехоты: 12 человек были убиты, 24 — взяты в плен. В каче-

стве трофеев были захвачены 32 винтовки и автомата, один пулемет, 18 тысяч патронов и 48 гранат.

Партизаны были в своей стихии — теперь охотились не на них, они сами стали охотниками.

Командование в Баямо сообщило по рации Кеведо, что солдаты посланной на помощь роты — «трусы и дерьмо» и что скоро подойдет более многочисленное подкрепление. Если же и эти солдаты струсят, то их расстреляют с самолетов.

19 июля в Хигуэй попытался прорваться уже целый батальон, поддержанный авиацией и береговой артиллерией. Бой шел целые сутки, но контратака Фиделя вынудила батистовцев отойти обратно на берег моря. Партизаны потеряли четырех человек убитыми, противник —17. 21 солдат сдался в плен. Уже стало ясно, что большинство каскитос не собираются рисковать своей жизнью ради диктатора. Тем более что партизаны, как обычно, относились к пленным хорошо, и это стало широко известно в батистовской армии.

Тем временем кольцо окружения вокруг Кеведо сжималось до тех пор, пока партизаны подошли на 50 метров и отрезали солдатам доступ к ручью, лишив их таким образом пресной воды.

Используя захваченную рацию, один из партизан вышел в эфир от имени одного из офицеров Кеведо и сообщил о сдаче его батальона. Разгневанное командование батистовской армии подвергло позиции «струсившего» батальона бомбардировке, что еще больше деморализовало окруженных[174].

20 июля повстанцы опять на четыре часа прекратили огонь и снова предложили врагу сдаться. Солдаты находились в полуобморочном состоянии, и партизаны делились с ними хлебом. Возникли стихийные братания.

Когда Фидель узнал, что батальоном командует Кеведо, с которым они когда-то вместе изучали в Гаванском университете юриспруденцию, он под влиянием нахлынувших добрых воспоминаний написал майору письмо:

«Вот это сюрприз, ты здесь! Как бы ни была сложна ситуация, я всегда рад услышать о ком-нибудь из вас. Я пишу тебе совершенно спонтанно, без всяких предложений и требований. Настоящим хочу передать тебе привет и от всего сердца пожелать счастья»[175].

Кстати, Кеведо был нетипичным офицером батистовской армии — он жалел солдат и они искренне любили своего командира.

20 июля, в 9 часов вечера, Кеведо встретился с Фиделем. Бывшие университетские товарищи обнялись.

Момент истины наступил 21 июля, когда в час ночи весь 18-й батальон в количестве 170 человек сложил оружие. Это была уже не просто очередная победа в очередном бою — наступил перелом в ходе всего сражения за Сьерру. В ходе десятидневных боев в районе Хигуэя был убит 41 солдат, 241 попал в плен. Арсенал Повстанческой армии пополнился 249 единицами оружия. Кеведо — один из самых способных офицеров кубинской армии — после нескольких недель плена присоединился к повстанцам*. Остальных пленных отправили по домам и не только потому, что у партизан элементарно не хватало продуктов, чтобы их прокормить. Фидель вспоминал: «...пленный на свободе представлял собой самое убедительное опровержение фальшивой пропаганды тирании, неустанно твердившей о том, что "партизанские банды убивают пленных кубинских солдат"»[176].

Батиста противился передаче пленных солдат через Красный Крест. Но она все же состоялась 24 июля. Свободу обрели 253 человека (в том числе 57 раненых).

Фидель по-прежнему был на голову выше и Батисты, и американцев в информационной войне.

Победа под Хигуэем совпала с не менее блестящей политической победой Повстанческой армии. 20 июля был опубликован «Каракасский манифест» кубинской оппозиции. Помимо «Движения 26 июля» документ подписали «аутентики» Карлоса Прио, «Революционный директорат», баркинисты** и движение «Монтекристи»*** под руководством Хусто Каррильо. Коммунистов опять оставили за бортом любых соглашений.

«Каракасский манифест» был полной победой Сьерры (не случайно, что в отличие от предыдущего «Майамского пакта» он был принят не на территории США). Он провозглашал вооруженную борьбу против диктатуры единствен-

---

* После победы революции Кеведо стал военным атташе посольства Кубы в СССР.

** Сторонники бывшего полковника кубинской армии Баркина, который попытался осуществить военный переворот против Батисты и на тот момент сидел в тюрьме на острове Пинос.

*** Названо так в честь «Манифеста Монтекристи», написанного Хосе Марти в 1895 году в городе Монте Кристи (Доминиканская Республика) и призывавшего кубинцев к борьбе против испанского колониального господства.

ным путем развития революции и назначал Фиделя Кастро главнокомандующим всеми вооруженными силами оппозиции. Единым кандидатом оппозиции на пост временного президента республики после свержения Батисты назначался кандидат Повстанческой армии Мануэль Уррутия.

Батиста, потерпев оглушительное поражение в Сьерре, пытался подвигнуть США к вмешательству (естественно, на его стороне) в кубинскую гражданскую войну, в чем диктатора полностью поддерживал посол Смит. Главным аргументом по-прежнему была «коммунистическая опасность».

24 июля Смит направил в Вашингтон меморандум о росте коммунистического влияния на Кубе. В нем приводились данные самого Батисты о том, что на Кубе якобы более 100 тысяч членов НСП[177]. Когда Смит напомнил диктатору, что тот оценивал численность компартии шестью тысячами человек в начале 1957 года, Батиста ответил, что не помнит этого. Прихвостень диктатуры и лидер КТК Мухаль на обеде в посольстве говорил Смиту о 50 тысячах членов НСП и еще о 100 тысячах сторонниках партии. Из 1833 профсоюзов НСП контролировала 30, а всего коммунистов в КТК примерно 30 тысяч.

Смит был склонен верить Мухалю и Батисте хотя бы потому, что на последних свободных выборах в 1948 году НСП получила 150 тысяч голосов. К тому же, мол, Мухаль сам бывший коммунист и знает, что говорит. Посол США, правда без всяких оснований, пытался в депеше приписать коммунистам похищение граждан США и хотя бы так както связать НСП с «Движением 26 июля». Смит с сожалением констатировал, что, так как компартия работает в подполье, ее лидеры неизвестны.

На самом деле Второй фронт Рауля Кастро действительно установил самые плотные контакты с НСП, причем Фидель был в курсе этих связей. Члены НСП не только сами вливались в ряды Второго фронта, но и организовывали крестьян, снабжавших повстанцев продовольствием. Хотя Рауля в свое время и исключили из молодежной организации НСП, это никак не отразилось на его коммунистических убеждениях.

Сам Фидель имел в Сьерре обстоятельную беседу с одним из руководителей НСП Карлосом Рафаэлем Родригесом (бывшим министром в правительстве Батисты в 1940-е годы). Была достигнута полная договоренность о совмест-

ной борьбе против диктатуры, чего не смогли, а точнее не захотели, достичь антикоммунисты с «равнины». Позднее Карлос Рафаэль Родригес вообще остался при штабе Фиделя как представитель партии.

В школе новобранцев Че продолжал работать в качестве главного политического руководителя коммунист Рибальта.

Но ни одного из этих фактов ни Смит, ни представитель ФБР (работал в должности атташе посольства по правовым вопросам), ни резидент ЦРУ не знали, что свидетельствует о блестящей конспирации повстанцев и о плохой работе американских спецслужб. Посол США оценивал количество членов НСП в 12 тысяч, и еще 25 тысяч кубинцев он причислил к сторонникам партии. Такая информация Вашингтон скорее успокоила, чем встревожила.

Надо сказать, что в госдепартаменте не разделяли пробатистовских взглядов Смита, и вовсе не потому, что симпатизировали Фиделю, да и вообще кубинской оппозиции. Просто после провала наступления кубинской армии в Сьерре в Вашингтоне пришли к выводу, что удержать диктатора у власти уже невозможно и надо думать уже о том, чтобы обеспечить проамериканскую линию нового правительства Кубы.

Для окончательного формулирования нового курса в отношении Кубы на остров был послан заместитель начальника отдела Центральной Америки госдепартамента Стюарт, который суммировал свои выводы в пространной депеше в Вашингтон от 24 июля 1958 года. Со ссылкой на консула США в Сантьяго-де-Куба и освобожденных Раулем Кастро американских военных Стюарт выражал сомнение в том, что кубинская армия сможет победить повстанцев.

Специальный посланник госдепартамента пришел к следующему заключению:

«1. Режим Батисты непопулярен и не смог убедить общественность в том, что может обеспечить честные выборы.

2. Вооруженное восстание под руководством Фиделя Кастро набирает силу с тревожащей скоростью.

3. Хотя подозрения (по отношению к США. — *Н. П.*) не исчезли полностью, наша политика по приостановлению поставок боевого снаряжения Батисте в целом одобрена антибатистовской оппозицией.

4. Изменение в политике по продаже оружия может привести к дальнейшим похищениям и репрессиям в отно-

шении американских граждан и собственности не только в провинции Орьенте, но и в других районах [Кубы]...

6. Если ситуация не улучшится, то оппозиция по отношению к Батисте будет продолжаться и со временем Кастро будет становиться все сильнее и сильнее.

7. Полномасштабная поддержка [США] Батисты только продлит противостояние и будет непопулярна не только среди большинства кубинского народа, но и вызовет сильную критику из других частей мира.

8. Необходимо серьезно продумать альтернативный курс действий... для того чтобы разрешить кубинскую ситуацию еще до того, как Кастро станет настолько силен, что будет диктовать тип будущего правительства. Если честно, то мы не знаем, что на уме у Кастро...»[178]

Таким образом, Рауль Кастро не только напугал американцев своей «противовоздушной операцией», но и фактически заставил их еще больше дистанцироваться от Батисты.

Разгром при Хигуэе еще больше подорвал и так невысокий боевой дух батистовской армии. Во время перемирия с целью передачи пленных Че со своими бойцами выдвинулся на блокирование и уничтожение гарнизона противника в местечке Лас-Вегас. В течение дня лагерь врага был полностью окружен, и Че предложил солдатам сдаться. 25 июля его посетили два парламентера и предложили выпустить гарнизон с оружием при условии, что войска оставят партизанам продовольствие. Че ответил категорическим отказом, хотя и не предполагал, что парламентеры пришли только для отвода глаз. Пока шли переговоры, окруженная рота на грузовиках под флагом Красного Креста попыталась просто уехать из Лас-Вегаса. Узнав о недостойной уловке противника, Че немедленно приказал открыть огонь и организовал преследование.

Разрозненные батистовские батальоны, которые так и не смогли наладить оперативного взаимодействия, после Хигуэя стали без всякой координации отступать в предгорья. Партизаны пытались брать их в кольцо по образцу Хигуэя.

Фидель поручил Че окружить и уничтожить 17-й батальон, окопавшийся в местечке Лас-Мерседес на северном участке фронта. Под командование Че передали 250 партизан, и Фидель был уверен, что фронтальная атака и взятие Лас-Мерседеса будет означать полный разгром правительственной армии, а то и конец диктатуры. Че был более

осторожен в оценках — он считал, что после Хигуэя правительственная армия хотя и надломлена психологически, но далеко еще не побеждена.

31 июля колонна Че обрушилась на Лас-Мерседес с юго-востока, и партизаны даже смогли подбить танк из трофейной базуки. Остальные отряды ударили с севера, а группа Камило Сьенфуэгоса находилась в засаде, чтобы предотвратить возможный подход подкреплений. К концу дня после ожесточенных боев повстанцы вплотную приблизились к Лас-Мерседесу, и Фидель во избежание потерь отдал приказ прекратить наступление в надежде на сдачу противника[179].

Но прогнозы Че оказались верными — враг пока и не думал сдаваться. Главнокомандующий операцией в Сьерре генерал Кантильо решил подготовить партизанам ловушку именно у Лас-Мерседеса. 5 августа против окружавших 17-й батальон партизан были брошены три батальона (тысяча солдат) при поддержке пяти танков. Четыре партизанских отряда оказались между Лас-Мерседесом и наступавшим с севера противником. Теперь уже им самим угрожало окружение. К середине дня противник прорвал фронт.

Фиделю пришлось прибегнуть к военной хитрости — он запросил у Кантильо перемирия. С этим согласился и Батиста, и 6 августа в штаб Кастро прибыл подполковник Фернандо Нойгарт, думая, что партизаны будут обсуждать с ним условия сдачи. Фидель прочитал ему пространную политическую лекцию (Че сидел в уголке и помалкивал) и предложил вернуться на следующий день. 7 августа все повторилось — Фидель почти десять часов убеждал Нойгарта в близости конца диктатуры.

На третий день Нойгарт сам предложил немедленное прекращение огня, формирование военно-гражданской хунты и проведение выборов (то есть фактически озвучил американский план). Он отбыл из штаба 8 августа с контрпредложением Фиделя, неприемлемым для диктатора. Пока шли эти переговоры, партизаны спокойно отошли из грозившего им кольца и заняли хорошо укрепленные позиции. Теперь они могли уже не опасаться возобновления наступления Кантильо.

Фактически этим закончилось решающее наступление батистовской армии, начатое 25 мая. Стороны провели более тридцати мелких стычек и шесть боев. Повстанцы полностью взяли в плен один батальон (18-й) и нанес-

ли тяжелые потери еще трем (11, 12 и 17-му). Были убиты 231 солдат и офицеров (примерно столько же, сколько правительственные войска потеряли в боях за весь период до начала генерального наступления) и еще 422 человека попали в плен. Партизаны захватили много оружия, включая один танк с 37-миллиметровой пушкой. Повстанцы потеряли убитыми 25 бойцов (48 человек были ранены).

18 августа 1958 года Фидель по «Радио Ребельде» объявил о полной победе: «После 76 дней непрерывных боев Повстанческая армия разбила и фактически уничтожила лучшие силы тирании»[180].

Даже в генштабе Батисты признавали, что наступление провалилось прежде всего из-за низкого боевого духа армии, в то время как мотивация партизан была очень высокой.

К тому же планирование операции было бестолковым. Десять батальонов так и не вступили в бой, их непонятно зачем держали в резерве. В горы вошли только четыре батальона, не имевшие постоянной связи. В то время как один батальон сдался, остальные три отступили после первых же боестолкновений с партизанами. Главнокомандующий Кантильо, видимо, не доверял собственным солдатам, поэтому и держал 75 процентов вверенных ему войск в резерве. Больше всего он не хотел повторения позора при Хигуэе. Солдаты уже были хорошо осведомлены, что партизаны отпускают пленных, поэтому предпочитали без нужды не рисковать жизнью.

Еще 30 июля адмирал Хосе Родригес Кальдерон предложил прекратить прочесывание Сьерры мелкими силами и единовременно бросить все 11 батальонов в район пика Туркино, где предполагали дислокацию ставки Повстанческой армии («План N»). Самое интересное заключалось в том, что именно так и планировали поступить в мае 1958 года при начале наступления. Но Кантильо так и не решился задействовать все силы.

Не исключено, что на тот момент Кантильо уже лелеял мысль о свержении Батисты и достижении компромисса с повстанцами. В идеале Батиста сам должен был передать ему власть, и уж он, Кантильо, мог вполне договориться с оппозицией. Этот план устроил бы и США. При таком раскладе Повстанческая армия была нужна генералу как средство давления на Батисту.

12 августа у Кантильо был шанс не просто убить Фиделя, но захватить его живым. В этот день Фидель и Че

встречались с полковником армии для передачи ему сотни пленных. Они мирно пили кофе, и тут полковник предложил главным партизанским командирам полетать на его вертолете. Оба команданте охотно согласились, и полковник 15 минут «катал» Фиделя (за голову которого на тот момент было обещано 500 тысяч песо) и Че над Сьеррой. На прощание он признался, что и сам уже не верит в победу правительственной армии.

31 июля, пока Че атаковал солдат правительственной армии у Лас-Мерседеса, Батиста принимал посла США Смита и обещал ему выделить 200 солдат для охраны принадлежавших американцам никелевых рудников в Моа и Никаро (провинция Орьенте)[181]. И это в то время, когда этих самых солдат так не хватало в Сьерре. Правда, в качестве условия Батиста требовал от американцев срочной поставки двух тысяч винтовок. Истребители-штурмовики типа «Си фьюри» Батиста закупил в Англии.

8 августа 1958 года в специальном меморандуме о ситуации на Кубе посольство США было вынуждено констатировать пат между армией и повстанцами в Орьенте.

«Армии, которая относительно хорошо вооружена, не хватает дисциплины и боевого духа для наступления... Попытки разбить Фиделя Кастро, предпринятые армией за последние три недели в Сьерра-Маэстре, по-видимому, обернулись тяжелыми потерями для армии и ее возвращением на равнину...

Войска "Движения 26 июля", как представляется, имеют высокий боевой дух, но в настоящее время у них нет оружия, чтобы бороться с армией за контроль над городами и равнинами Орьенте...»[182]

Посольство пришло к абсолютно ложному выводу о том, что повстанцев поддерживают только в Орьенте, в то время как население остальных провинций не видит в «Движении 26 июля» альтернативы правительству Батисты.

Смит и не знал, что совсем скоро Фиделю и Че предстояло убедить американцев в обратном.

В целом посольство рекомендовало продолжать политику строгого нейтралитета во внутрикубинском конфликте. Хотя Смит не удержался и написал, что с точки зрения «морали» следовало бы до конца поддерживать дружественное США правительство Батисты.

Как только наступление правительственной армии окончательно захлебнулось, Фидель и Че сразу же вернулись к своим планам, которые они начали осуществлять еще в

апреле—мае. Школа новобранцев, которой руководил Че, была изначально задумана для формирования новых партизанских колонн с целью перенесения войны за пределы провинции Орьенте.

Че должен был пробиться со своей вновь сформированной колонной номер 8 имени Сиро Редондо в провинцию Лас-Вильяс (столица город Санта-Клара) в самом центре острова. Там предполагалось создать партизанский очаг в горах Эскамбрай и полностью перерезать все коммуникации между Гаваной и Орьенте.

У Че была и важнейшая политическая задача — в горах Эскамбрай уже действовали несколько вооруженных отрядов различных оппозиционных групп. Всех их следовало либо аккуратно разоружить, либо (в идеале) влить в ряды Повстанческой армии. Дело было сложное, если учесть, что эти отряды были не только антикоммунистическими, но и враждовали друг с другом. В Эскамбрае оперировали и просто полууголовные группы, под политическими лозунгами обиравшие местных крестьян.

Наконец, в провинции Лас-Вильяс организацию «Движение 26 июля» возглавляли антикоммунисты, что заранее программировало конфликт с Че.

Вместе с Че на запад Кубы должна была выдвинуться и колонна имени Антонио Масео под командованием Камило Сьенфуэгоса. Тот должен был прорваться на крайний запад острова, в провинцию Пинар-дель-Рио (где когда-то и действовали бойцы Антонио Масео). Оттуда партизаны должны были угрожать самой Гаване.

И Камило, и Че, равно как и уже существовавшие партизанские фронты в Орьенте, в районах своей дислокации должны были сорвать намеченные на 3 ноября «выборы».

Че решил поначалу набрать в колонну добровольцев из своей школы в Минас-дель-Фрио. Он честно сказал, что в живых останется не более половины — ведь предстояло пройти по равнине около 600 километров. После таких слов добровольцев набралось не так уж и много. К делу подключился Фидель, и вскоре примерно 140 партизан были готовы к броску.

Предполагался именно бросок. На реквизированных грузовиках с запасом бензина партизаны должны были быстро выбраться из Орьенте, проследовать через провинцию Камагуэй и добраться до Эскамбрая. Боев с противником следовало по возможности избегать.

В случае успеха операции повстанческая война должна была охватить всю Кубу. В Сьерра-Маэстре оставались довольно ослабленные партизанские силы, но Фидель абсолютно верно рассудил, что после провала «генерального наступления» правительственные войска уже ни на какое другое наступление не способны и предпочтут отсиживаться в городах.

15 августа 1958 года Бюро разведки госдепартамента подготовило аналитическую записку о положении «Движения 26 июля» после провала всеобщей забастовки 9 апреля[183]. Среди факторов, которые позволили движению воспрянуть после такой серьезной неудачи, Бюро выделило открытие Второго фронта под командованием Рауля Кастро, в рядах которого насчитывается якобы четыре тысячи бойцов (дикое преувеличение со стороны американцев). Хотя в записке признавалась антиамериканская линия «Движения 26 июля», выразившаяся, в частности, в захвате американских граждан партизанами Рауля Кастро, аналитики госдепартамента приходили к старому, комфортному для них выводу: «Несмотря на то, что кубинское правительство неоднократно заявляло, что "Движение 26 июля" подвержено коммунистическому проникновению и влиянию, существует мало доказательств, подтверждающих эти обвинения, хотя постоянно появляются сообщения о том, что несколько коммунистов проникли в рядовой состав повстанческих сил».

Главного коммуниста Повстанческой армии — Эрнесто Че Гевару — американцы так и не выявили, несмотря на то, что материалы о нем в ФБР и ЦРУ имелись как минимум с лета 1956 года.

21 августа 1958 года Фидель отдал Че приказ выдвигаться в Лас-Вильяс. Он назначался командующими всеми повстанческими силами провинции, получив права судопроизводства и проведения аграрной реформы по образцу Сьерра-Маэстры.

Сьерру по-прежнему окружали 14 батальонов правительственной армии, а «свободную территорию Кубы» беспощадно бомбили. Только 23 августа на повстанческий лагерь было совершено 12 налетов. Фидель опасался, что самолеты заметят выдвижение колонны Че и рассеют ее ударами с воздуха.

Че решил обойти северное кольцо окружения Сьерры с запада и двигаться в Лас-Вильяс по берегу моря, вдали от

Центрального шоссе. Своим заместителем он назначил ветерана колонны номер 4 Рамиро Вальдеса, «политкомиссаром» оставался член НСП Пабло Рибальта.

28 августа Че выступил перед бойцами колонны номер 8, сказав, что их миссия настолько опасна, что шансы на ее успех не превышают 15 к одному. Поэтому он еще раз заявил: нужны только добровольцы. 150 человек решились последовать за ним в неизвестность.

Противник не собирался сидеть сложа руки и ждать партизанского контрнаступления. В тот же день 28 августа бомбежке подвергся партизанский аэродром, на который только что доставили оружие и боеприпасы для колонны Че. Причем на аэродром начали наступать и по земле, и Че пришлось отдать приказ уничтожить повстанческий самолет, чтобы он не достался врагу.

Но беда, как известно, не приходит одна — батистовцы смогли уничтожить приготовленные для броска на запад грузовики вместе с запасом бензина. Это означало, что 600 километров в сезон дождей придется преодолеть пешком в условиях безраздельного господства врага в воздухе и без всякой надежды на помощь. 30 августа Че собрал командиров колонны и строго-настрого запретил есть и курить во время прорыва. Он намеревался выскользнуть из Сьерры и в районе Баямо (штаб-квартира батистовских войск, окружавших Сьерра-Маэстру) все же захватить три грузовика для броска на запад.

Но счастье явно отвернулось от повстанцев. 1 сентября на Орьенте обрушились мощные проливные дожди, и все дороги за исключением Центрального шоссе стали непроходимыми для любого колесного транспорта. Пришлось идти пешком — только Че, Рамиро Вальдес и еще несколько командиров ехали на мулах*.

В течение недели колонна номер 8 успешно обошла армейские посты вокруг Баямо и двинулась в провинцию Камагуэй. Колонна Камило Сьенфуэгоса (82 бойца) двигалась параллельным курсом. Из-за постоянных дождей партизаны обеих колонн шли почти по колено в воде или в грязи. Чтобы ускользнуть от внимания вражеской авиации, двигались в основном ночью.

Камило докладывал Фиделю: «31 день мы шли по провинции Камагуэй. За это время ели только 11 раз... После

---

* Че очень любил животных и трогательно относился в Сьерре к своему мулу Армандо. Оставляя его в лагере, он просил хорошо заботиться о своем друге и боевом товарище.

четырех дней полного голодания мы вынуждены были пожертвовать лучшей лошадью из нашей жалкой кавалерии. Почти все продукты остались в болотах»[184].

В провинции Камагуэй обе колонны соединились и два дня шли вместе.

Первый раз колонна Че попала в засаду в местечке Ла-Федераль западнее реки Хобабо, но быстро отогнала противника, убив трех солдат и четверых захватив в плен. 14 сентября в местечке Куатро-Компаньерос колонна Че фактически попала в окружение, когда пыталась пересечь железнодорожные пути. Колонна пошла на прорыв, и бой длился более двух часов, что позволило противнику подтянуть авиацию. Че дал приказ на отход, причем партизаны бросили часть имущества.

Врагу достался, в частности, ранец Рибальты с документами НСП. Батистовская пропаганда немедленно стала трубить, что наконец-то доказаны связи Кастро с коммунистами через известного аргентинского коммуниста Эрнесто Гевару. Правительственные газеты сообщили также, что в бою при Куатро-Компаньерос колонна Че была рассеяна, а сам он убит.

20 сентября Батиста принял Смита, который отметил, что их двухчасовая беседа прошла в «откровенной, сердечной и дружественной атмосфере». Диктатор рассуждал о ситуации в мире, причем именно так, как это хотел услышать посол США. Мировой коммунизм — общий враг Кубы и США, а Хрущев — «змея, которая хочет уничтожить США и другие западные державы»[185]. Коммунисты проникли почти во все страны Латинской Америки. На Кубе коммунисты используют революционеров (то есть «Движение 26 июля») для достижения своих собственных целей, а именно для подрыва правительства с помощью распространения ненависти и насилия.

Диктатор заметил (довольно точно), что из Сьерра-Маэстры на запад вышли две колонны повстанцев общей численностью 230 человек. Что касается Че Гевары, то его колонна разгромлена и рассеялась на мелкие группы (здесь Батиста выдавал желаемое за действительное). Захвачены материалы, свидетельствующие о коммунистическом проникновении в «Движение 26 июля», и он, Батиста, передаст копии Смиту[186].

Вывод Батисты был прежним — США должны срочно возобновить поставки оружия, особенно самолетов. Смит, как бы оправдываясь, сказал, что уже отправил на сей счет сообщение в госдепартамент и ждет ответа.

Посол США Смит немедленно ухватился за информацию о коммунистах в колонне Че и собрал 20 сентября экстренное совещание руководства посольства на тему о «коммунистических связях» Повстанческой армии. Однако резидент ЦРУ заявил, что не может ни подтвердить, ни опровергнуть эти самые связи[187]. Смит потерял терпение и закричал: «Да я сам знаю, что Гевара коммунист, даже если вы этого не знаете! Я заставлю телефонные провода в Вашингтон накалиться, я сообщу им, что коммунисты маршируют через всю Кубу, как когда-то генерал Шерман к морю»*.

Правда, в отличие от Шермана Че упорно двигался на запад, уклоняясь по возможности от любых боев. Его преследовал лейтенант Армандо Суарес Сукет, громогласно возвещавший, что столь опасный партизанский командир-коммунист Эрнесто Гевара оказался обыкновенным трусом. Сукет явно пытался спровоцировать Че на бой, но тот на провокацию не поддался. Сам Сукет в то же время постоянно запрашивал подкреплений. Особенно ему нужны были портативные рации для установления немедленного контакта с авиацией.

25 сентября заместитель директора ЦРУ Чарлз Кейбелл докладывал на заседании СНБ США о ситуации на Кубе. Он отметил рост силы и влияния «Движения 26 июля», но ничего уж очень опасного в этом не усмотрел. Правда, Бюро разведки госдепартамента выразило глубокую озабоченность недостаточностью сведений о политических взглядах руководства «Движения 26 июля»: «На самом деле это было бы очень серьезно, если бы наше правительство предположило, что в этом движении не доминируют коммунисты, а позднее выяснилось бы, что это так и есть. И было бы несчастьем предположить, что в движении доминируют коммунисты, если бы это предположение оказалось ошибочным. Самые точные сведения, которые у нас есть, поддерживают тезис, что Фидель Кастро не коммунист и коммунисты не играют лидирующей роли в "Движении 26 июля". Однако наша информация не столь однозначна, какой бы мы хотели ее видеть»[188].

29 сентября колонну Че на болотистом берегу моря блокировали примерно 200 солдат. Че не стал повторять ошиб-

---

* Смит имел в виду марш армии северян под командованием генерала Шермана через южные штаты во время Гражданской войны в США 1861—1865 годов. Тогда северяне жгли усадьбы местного населения, чтобы подавить любую волю к сопротивлению.

ку и вместо лобовой атаки приказал дождаться ночи, чтобы в темноте все же проскользнуть через боевые порядки врага. Батистовцы подтянули авиацию, активно бомбившую пролесок, пока партизаны Че прятались в соседнем болоте. Один из молодых лейтенантов Рохелио Асеведо обнаружил относительно безопасный путь через лагуну, которую батистовцы, видимо, считали непроходимой. 140 смертельно уставших бойцов (у многих к тому времени не было обуви) прошли через лагуну в какой-нибудь сотне метров от вражеских позиций. Че полагал, что враг их все же заметил, но побоялся ночного боя — низкий боевой дух армии был главным союзником партизан.

7 октября, несмотря на постоянные бомбежки, колонна Че пересекла реку Хабонитико, отделявшую провинцию Камагуэй от провинции Лас-Вильяс.

Люди мучились от постоянного голода и усталости, не говоря о бомбежках и стычках с врагом. Че вспоминал: «Уныние постепенно овладевало бойцами. Голод и жажда, усталость и чувство бессилия перед силами противника, который с каждым днем все крепче брал нас в окружение, и, главным образом, ужасная болезнь ног, известная крестьянам под названием "масаморра" и превращавшая каждый шаг бойца в невообразимую пытку, сделали из нас бродячие тени. Нам было трудно, очень трудно продвигаться вперед. С каждым днем ухудшалось физическое состояние бойцов, и скудная еда не способствовала улучшению их плачевного состояния... С воздуха нас постоянно атаковала авиация. У нас не было ни одной лошади, чтобы перевозить по неприветливым горам ослабевших товарищей. Ботинки совсем развалились от грязной морской воды. Наше положение было действительно катастрофическим...»[189]

Несколько партизан ушли из колонны, и Че не стал их преследовать.

Во время продвижения по Камагуэю Че потерял свое любимое старое засаленное военное кепи, принадлежавшее его погибшему другу Сиро Редондо*. Он был потря-

---

* Сиро Редондо, в честь которого была названа колонна Че, родился в 1931 году. Он участвовал в нападении на казармы Монкада и был приговорен к десяти годам тюрьмы. После освобождения уехал в Мексику, где и познакомился с Че. Высадился на Кубе в составе отряда «Гранмы». Был заместителем Че в колонне номер 4. 29 ноября 1957 года погиб в бою.

сен, бойцы еще никогда не видели своего командира таким грустным. Именно с того дня Че стал носить черный берет, ставший неотъемлемой частью его образа.

Силы колонны уже были на пределе, «...усталость овладевала бойцами, настроение их становилось все более мрачным. Однако, когда положение казалось безвыходным, когда только оскорблениями, руганью или мольбой можно было заставить выдохшихся бойцов продолжать поход, вдали мы узрели нечто, что оживило нас и придало новые силы партизанам: на западе засверкало голубое пятно горного массива Лас-Вильяс»[190].

Еще по дороге в горы к Че прибыли представители «Движения 26 июля» в провинции Лас-Вильяс и пожаловались на Элоя Гутьерреса Менойо.

Менойо был членом «Революционного директората 13 марта» и участвовал в нападении на президентский дворец Батисты в марте 1957 года. Во время боя там погиб его брат Карлос. С ноября 1957 года Менойо партизанил в горах Эскамбрая, возглавляя «Второй национальный фронт»*. Правда, воевал он не столько против правительственных войск, сколько против других партизанских групп, в том числе и против «равнины». Менойо был ярым антикоммунистом, хотя в этом не сильно отличался от руководителей «Движения 26 июля» в Лас-Вильясе. Его заместителем был американец Уильям Морган, поэтому из США Менойо получал оружие и добровольцев.

Менойо арестовал Виктора Бордона — лидера вооруженных групп «равнины» в Лас-Вильясе, и со дня на день все это грозило вылиться в открытые вооруженные столкновения между «вторым фронтом» и «равниной»**.

С точки зрения Че, и Менойо, и Бордон были мелкобуржуазными антикоммунистами, а Че без оговорок доверял только одной политической силе — НСП.

---

* Таким образом Элой Гутьеррес Менойо хотел поставить себя на один уровень с Кастро — мол, в стране есть всего два партизанских фронта — в Сьерра-Маэстре и Эскамбрае.

** После победы революции Менойо уехал в США и возглавил там террористическую контрреволюционную группировку «Альфа-66». В 1965 году был арестован кубинскими органами госбезопасности и 22 года провел в заключении. В 1986 году освобожден в качестве жеста доброй воли и выехал в Испанию, а оттуда — в США. С 1993 года выступал за примирение с кубинским правительством и в 1995 году был принят Фиделем Кастро. Кубинская эмиграция объявила его «предателем». С 2003 года жил в Гаване, где и скончался в 2012 году.

Точно такую же позицию занимал и Камило Сьенфуэгос. Его колонна на пути на запад тоже страдала от голода и вражеской авиации, но 7 октября с минимальными потерями (трое убитых и один дезертир) его отряд вошел в провинцию Лас-Вильяс. Командование Повстанческой армии приняло решение оставить здесь колонну Камило под общим командованием Че. Люди были слишком обессилены, чтобы проделать еще несколько сотен километров до Пинар-дель-Рио. Отряд Че должен был действовать на юге провинции, отряд Камило — на севере.

8 октября 1958 года в местечке Хокобо-Росадо колонна Камило встретилась с партизанским отрядом НСП под командованием Феликса Торреса. У коммунистов было 75 бойцов, но вооружены они были лишь охотничьими ружьями и револьверами. Люди Торреса угостили голодных бойцов Камило горячим шоколадом, оказали медицинскую помощь; коммунисты даже мыли больным партизанам ноги. Не возникло никаких проблем относительно стратегии будущей борьбы — Торрес изъявил желание воевать вместе с Камило.

В то же время командующий вооруженными силами «Движения 26 июля» в этом районе Виктор Панеке (Майор Диего) был антикоммунистом и раскритиковал сотрудничество Сьенфуэгоса с отрядом Торреса.

Уже в начале октября 1958 года НСП направила своих связных к Че, которые выделили колонне проводников и деньги. Коммунисты обещали также предоставить коротковолновый радиопередатчик. 15 октября уже в горах Эскамбрай Че встретился с представителем НСП Овидио Диасом. Коммунисты обещали колонне номер 8 всяческое содействие. Че вспоминал: «На официальных встречах с членами НСП коммунисты искренне стремились к единству и отдавали в распоряжение этого единства свою организацию на равнине и своих партизан в Ягуахае»*.

На Диаса Че также произвел самое благоприятное впечатление тем, что очень заботился о своих бойцах: он не только знал их по именам, но и мог рассказать биографию каждого партизана (семья, социальное происхождение, политические взгляды).

Встреча с координатором «Движения 26 июля» в Лас-Вильяс Энрике Олтуски** (псевдоним Сьерра) прошла от-

---

* Имелся в виду отряд Торреса.

** Отец Олтуски был богатым обувным фабрикантом. В 1954 году Энрике Олтуски окончил университет в Майами по специальности

нюдь не столь конструктивно. Олтуски (потомок польских эмигрантов) был типичным представителем средних слоев («мелким буржуа», как сказал бы Че) и убежденным антикоммунистом.

Че и Олтуски всю ночь напролет горячо проспорили об аграрной реформе. Сьерра был против немедленной передачи земли крестьянам — он хотел продавать земельные участки и так нищим крестьянам, что вызвало ярость Че[191]. Он уже привык к тому, что образованные лидеры «равнины» свысока поглядывали на «тупых» крестьян и смеялись над Че, что он, признанный интеллектуал, окружал себя бестолковыми неграми и гуахиро*. Какого черта, вопрошал в ответ Че, вы все, мелкобуржуазные горожане, так относитесь к людям, которые вас кормят? Потому что вы грамотные, а селяне — нет?

Отношения между Олтуски и Че немного нормализовались, лишь когда Сьерра подогнал измученным партизанам колонны номер 8 грузовик с продовольствием.

Ждали Че и батистовцы. Командующий Вторым округом (провинция Лас-Вильяс) полковник Перес Коухиль заявил: «Наша миссия ясна — захватить живым или мертвым Че Гевару и всех преступников, которые его сопровождают... Считаю, что в течение 24 часов напряженной работы без сентиментальностей мы выполним эту задачу. Второй военный округ или покроет себя славой, или мы докажем, что ни на что не годны»[192].

Между тем Фидель провозгласил в Сьерра-Маэстре закон номер 1 об аграрной реформе, и Че теперь уже мог ссылаться на авторитет командующего Повстанческой армией. Но у него сразу возникли новые разногласия с антикоммунистической «равниной». Согласно приказу Фиделя Че, как командующий всеми повстанческими силами в провинции Лас-Вильяс, имел право вводить и собирать налоги для финансирования революционной борьбы. Но

«инженер сельскохозяйственного производства» и считал себя специалистом в этом вопросе. На Кубе он работал на дочернем американском предприятии англо-голландской компании «Шелл». После победы революции от «Движения 26 июля» он вошел в правительство как министр транспорта и связи. Потом занимал пост заместителя председателя центральной плановой комиссии. С 2007 года и до своей смерти в 2012 году являлся заместителем министра рыболовства.

* Почти половина отряда Че состояла из потомков африканских рабов, некогда завезенных на Кубу испанцами. И это в то время, когда в кубинских городах негров не пускали в рестораны и парки.

времени у Эрнесто Гевары было мало — он должен был сорвать намеченные на 3 ноября выборы, хотя и прибыл в Эскамбрай почти на месяц позже запланированного срока. Поэтому Че предложил лидерам «равнины» приступить к экспроприации банков. Олтуски, Панеке и иже с ними были возмущены таким неуважением к частной собственности — ведь они сами либо происходили из деловой среды, либо занимались бизнесом.

Сам Че считал бизнес, как и любую буржуазию, своими врагами и понимал, что при строительстве нового общества ему с ними не по пути. О взглядах Че дает представление следующий эпизод. Еще по пути в Лас-Вильяс он встретился на одной из рисовых плантаций с ее управляющим, американцем. Когда один из партизан спросил его, какое впечатление произвела на него встреча, Че ответил: «Я с удовольствием пал бы в борьбе против таких людей»[193].

Пока же Че пытался наладить хотя бы какое-нибудь взаимодействие между своей колонной, «равниной», Менойо и «Революционным директоратом 13 марта». Каждая из группировок была не прочь иметь в союзниках уже легендарного партизанского командира, но между собой эти люди никак не хотели столковаться. Не встретило понимания и логичное предложение Че о создании единого штаба — личные амбиции «вождей» и «командиров» были им важнее.

22 октября 1958 года Че посетил один из командиров «второго фронта» Пенья, о котором было известно, что он отбирает у крестьян скот. Естественно, что Че и Пенья расстались как ярые противники. Пенья предостерег Че от боевых действий на «его» территории, на что Че было совершенно наплевать. Но Че был крайне возмущен, когда узнал, что направленная его разутой колонне партия обуви была перехвачена и присвоена «вторым фронтом».

Один раз дело вообще чуть не дошло до рукопашной Че с заместителем Менойо Хесусом Каррерой, который не хотел пропускать отряд через «свою» территорию без пароля.

Че решил ковать единство различных оппозиционных групп на поле боя и предложил совместно атаковать армейский гарнизон в городке Гуиниа-де-Миранда. Однако «Революционный директорат 13 марта», «равнина» и «второй фронт» уклонились от операции. Пришлось действовать своими силами. 26 октября партизаны колонны номер 8 подошли к казарме и выстрелили по ней из базуки, но промахнулись. В ответ раздалась ожесточенная стрельба. По

казарме еще три раза стреляли из базуки — и опять мимо. Че был раздосадован, но как настоящий командир решил действовать личным примером. Его выстрел из базуки оказался точным, и гарнизон (14 солдат) сразу же сдался.

Че, правда, был недоволен итогом боя. Было потрачено много боеприпасов, а захваченных оказалось меньше, чем ожидалось. То есть трофеи не восполнили истраченного боезапаса, и, как отмечал Че, «сальдо боя» оказалось в этом смысле отрицательным. В бою погибли двое партизан (семеро были ранены) – большие потери для боя с маленьким вражеским гарнизоном. Че справедливо винил в таком исходе боя своих незадачливых союзников. Он демонстративно подарил отряду «Директората» один из захваченных армейских джипов, чтобы они помнили о бое, участвовать в котором отказались.

Затем было еще несколько мелких стычек: Че создавал в Лас-Вильяс нервозность, ибо главная цель пока заключалась в срыве выборов 3 ноября. Попутно продолжались споры с «равниной». Олтуски угрожал отставкой координаторов движения в городах, если Че не откажется от своих планов экспроприаций банков и от аграрной реформы. Че ответил, что против отставки не возражает и никакого сопротивления своим приказам терпеть не намерен: «Мне ясно, что опять воскресала старая, казалось, давно преодоленная вражда, которую я связываю со словом "равнина". Ваши лидеры потеряли контакт с массами, но утверждают, что знают, чего хочет народ»[194].

22 октября посол Смит встретился с одним из кандидатов на пост президента Карлосом Маркесом Стерлингом*, бывшим профессором Гаванского университета. Стерлинг ничтоже сумняшеся заявил, что 80—85 процентов членов «Движения 26 июля» — коммунисты, а братья Кастро (которых он учил в университете) — ментально нестабильны. Рауль еще и к тому же, по всей видимости, гомосексуалист. Смит, естественно, передал весь этот бред в Вашингтон.

30 октября 1958 года на заседании СНБ США директор ЦРУ Аллен Даллес сообщил, что в провинции Орьенте и в

---

* Карлос Маркес Стерлинг родился в 1898 году, учился во Франции и США, был при Батисте министром образования. В 1958 году при поддержке властей образовал Партию свободного народа специально для участия в президентских выборах. После победы революции в 1961 году переехал в Нью-Йорк, затем проживал в Майами, где и умер в 1991 году.

некоторых других провинциях выборы, скорее всего, будут сорваны[195]. Фидель Кастро объявил, что все, кто выступит кандидатами на выборах, — предатели кубинского народа и будут уничтожены. Госсекретарь Джон Фостер Даллес в шутку заметил, что это — прекрасная идея. Все засмеялись. Понятно, продолжал Аллен Даллес, что победит правительственный кандидат, но повстанцы, естественно, этого результата не признают. Эйзенхауэр спросил директора ЦРУ, почему Батиста всерьез не пытался подавить повстанцев, ведь их, по данным ЦРУ, всего-то 3—5 тысяч человек (и эти данные были преувеличенными. — *Н. П.*). Даллес совершенно справедливо ответил, что Батиста-то пытался, но у него ничего не вышло. Эйзенхауэр не унимался — есть ли у Батисты флот, и если есть, то почему ВМС Кубы не блокируют Орьенте с моря? Шеф американской разведки терпеливо разъяснил, что выполнить эту задачу кубинские ВМС тоже не способны.

Эта дискуссия ясно показала, что Эйзенхауэр, как и многие генералы (например, белые времен Гражданской войны в России), ничего не смыслил в гражданской войне. Здесь все решала не численность враждующих армий или их вооружение, а симпатии населения. А они, даже по оценкам ЦРУ, были отнюдь не на стороне Батисты.

В день выборов Че решил с трех сторон атаковать более крупный город Кабайгуан. Планировалось использовать хорошо зарекомендовавшую себя базуку. Однако в 4 утра командовавший нападением капитан колонны Анхель Фриас доложил, что атака невозможна из-за сильного охранения правительственной армии. Че заподозрил Фриаса в элементарной трусости, но дал возможность реабилитироваться: ему приказали атаковать другой гарнизон в городке Хикима. Но и тут ничего не произошло — Фриас доложил, что не смог найти подходящей позиции для атаки.

Тем не менее в целом действия колонн Че и Камило Сьенфуэгоса достигли поставленной цели — 3 ноября провинция Лас-Вильяс была практически парализована. Того же добились партизанские фронты в Орьенте. Консульство США в Сантьяго-де-Куба сообщало, что по его данным в выборах приняли участие не более 5 процентов электората города. Зато Смит сообщал из Гаваны, что выборы достойно прошли в мирной атмосфере, но наверняка, мол, скоро появятся сведения о фальсификациях.

Большинство кубинцев сочли выборы фарсом, и явка составила не более 30 процентов. Не помогли приставлен-

ная ко всем кандидатам (в парламент, провинциальные и местные органы власти) охрана, а также сниженная в день выборов на 50 процентов плата за проезд в общественном транспорте. Конечно, «победил» ставленник Батисты Риверо Агуэро*, который должен был вступить в должность 24 февраля 1959 года. Батиста сообщил американцам, что после передачи власти Агуэро намерен до конца дней жить на Кубе.

4 ноября Смит отправил в Вашингтон паническую депешу, требуя от правительства США выявить связи «Движения 26 июля» с коммунистами: «Наша информация на данную тему опасно неоднозначна»[196].

В целом США признали результаты выборов, хотя в документах для внутреннего пользования госдепартамент отмечал практически двухлетнюю цензуру на Кубе, которая делает эти выборы как минимум спорными.

После выборов Че некоторое время занимался обустройством своего базового лагеря, причем как обычно делал это толково и тщательно: рылись траншеи, возводились укрепленные позиции, строились временные жилища из глины. Скоро у партизан появились больница, собственная электростанция, небольшая табачная фабрика** и различные мастерские.

Коммунисты, как и обещали, прислали радиопередатчик и специалистов по его обслуживанию. По образцу Сьерра-Маэстры была учреждена школа для новобранцев. На полученном опять-таки от НСП мимеографе с ноября стали печатать газету «Милисиано» — Че всегда придавал большое значение пропаганде.

Успешно проведенные колонной Че бои сделали его главным авторитетом для местных жителей среди дотоле многочисленных «фронтов» и «колонн». К тому же бойцы Че уважали гражданское население и не занимались мародерством. Были налажены плотные контакты не только с крестьянами, но и с рабочими-транспортниками провинциального центра Санта-Клары, которые обеспечили партизан картами города и обещали помощь в борьбе за столицу провинции.

---

* Агуэро набрал 70 процентов голосов (428 тысяч по официальным данным). На втором месте оказался Стерлинг — 15,7 процента (95 тысяч голосов).

** Че пристрастился к кубинским сигарам уже во время партизанской борьбы, хотя впервые Фидель угостил его ими еще в Мексике. Тогда в сочетании с ромом они ему не понравились — заболела голова.

На различные угрозы и ультиматумы «второго фронта» Че не реагировал — он был готов, в крайнем случае, силой разоружить раскольников. Его бойцы так и поступили, когда узнали, что «революционеры» «второго фронта» отбирают у крестьян деньги. Че выступил перед разоруженным отрядом и строго предупредил, что такого второго случая он не потерпит. После его слов некоторые бойцы Менойо спонтанно присоединились к его колонне. Вскоре «второй фронт» получил от Че «приказ номер 1», в котором содержалось обещание преследовать любые нарушения законности и правопорядка (в том числе и распитие алкогольных напитков в общественных местах) по «законам революционной армии».

Почувствовав, что шутки закончились, под командование Че перешли отряды «Революционного директората 13 марта» под руководством его лидера Фауре Чомона, хотя последний продолжал настаивать на недопустимости любого взаимодействия с коммунистами.

1 декабря 1958 года «Движение 26 июля» и «Революционный директорат 13 марта» подписали в населенном пункте Педреро совместное обращение ко всем другим оппозиционным Батисте силам («Пакт Педреро») с призывом объединить усилия для нанесения решающего удара по диктатуре. Обращение сразу же получило поддержку НСП: «Мы придерживались и придерживаемся той точки зрения, что одним из главных факторов, способствующих существованию тирании, является разобщенность оппозиции, отсутствие единства и координации действий всех революционных и демократических сил страны»[197].

«Второй фронт» «Пакт Педреро» поддержать отказался, оставшись, таким образом, в гордом одиночестве. Че терпеливо, но настойчиво все же объединил практически все революционные силы провинции Лас-Вильяс под своим руководством. «Равнина» покорилась ему неохотно — ее лидеры все-таки считали Че опасным авантюристом и «красным».

Че с Камило Сьенфуэгосом ни на один день не выпускали из поля зрения политическую работу и, несмотря на недовольство «равнины», пытались проводить социально-экономические преобразования на контролируемых ими территориях.

16 ноября при колонне Сьенфуэгоса была учреждена рабочая комиссия. Она занялась проведением в профсоюзах свободных выборов и выработкой требования по улуч-

шению положения рабочих, прежде всего тех, кто должен был быть занят на предстоящей сафре. И Камило, и Че проводили собрания и съезды рабочих и крестьянских организаций, стараясь пробудить активность масс. Так, 15—20 декабря 1958 года на севере провинции Лас-Вильяс прошел общенациональный съезд рабочих-сахарников. На него прибыли более семисот делегатов из пяти провинций страны. По случаю открытия съезда была проведена массовая демонстрация, в которой приняли участие более трех тысяч человек. Партизаны смогли опубликовать материалы съезда тиражом 10 тысяч экземпляров.

Точно такую же линию проводили Фидель и Рауль Кастро в Орьенте, где повстанцы к началу декабря контролировали 36 из 41 предприятия по выработке сахара (централей).

12 ноября 1958 года Фидель отдал приказ Че, в котором стратегической целью Повстанческой армии в провинции Лас-Вильяс объявлялось взятие провинциальной столицы и важного транспортного узла Кубы — города Санта-Клары.

Но еще до выполнения этой задачи произошла встреча, коренным образом поменявшая личную жизнь команданте Че Гевары.

Алейда Марч родилась в марте 1936 года в провинции Лас-Вильяс в имении своих родителей — некогда богатых, но затем обедневших землевладельцев (у родителей Алейды было 20 гектаров земли). На первый взгляд такое происхождение роднило ее с Че — ведь он тоже был отпрыском славного рода, чьи блестящие дни остались далеко в прошлом. Но если родители Че были людьми прогрессивными, выбивавшимися всем образом жизни из «своего» класса, то в семье Алейды почитались традиции прошлого.

В провинции Лас-Вильяс вообще было много мелких землевладельцев, считавших себя, однако, средним классом, особенно на фоне бесправного и дискриминируемого негритянского населения. Расистские предрассудки (которые даже нельзя было себе представить в семье Эрнесто Гевары-старшего) процветали в семье Алейды Марч, как и в большинстве «хороших» семей провинции Лас-Вильяс. Принадлежность к среднему классу родители Алейды, в частности, обосновывали тем, что в их доме был цементный пол — у соседей полы были земляными.

Алейда была младшей дочерью, в семье было еще пятеро детей.

Девушка мечтала стать учительницей и окончила педагогический факультет Университета Санта-Клары. После атаки группы Фиделя Кастро на казармы Монкада она всерьез заинтересовалась политикой и уже в 1956 году вступила в «Движение 26 июля». Алейда была очень красива и хорошо сложена — парней особенно сводил с ума редкий для Кубы цвет ее волос — она была блондинкой.

Алейда стала связной руководства «Движения 26 июля» в Санта-Кларе, и полиция Батисты не только не могла напасть на ее след, но долго не знала даже истинного имени девушки. По данным осведомителей, Алейда проходила в полицейском досье как «Лицо со шрамом» или «Грудь с пятном»*. Как и Че, Алейда была искренне предана делу революции и поэтому выполняла все задания не только с удивительной смелостью, но и с не менее удивительной для молодой девушки основательностью. Она участвовала в восстании в Сьенфуэгосе в сентябре 1957 года и в вооруженных акциях «равнины» по время неудачной всеобщей забастовки апреля 1958 года. В круг ее обязанностей входила и помощь тем, кто скрывался от полиции.

Как и многие члены «городского» «Движения 26 июля», Алейда была невысокого мнения о коммунистах. В университете преподавал профессор-коммунист, который (как и вся НСП в то время) осуждал авантюристические и безрассудные попытки молодежи поднять вооруженное восстание против Батисты.

После того как в Лас-Вильяс появилась колонна Че, Алейда несколько раз переправляла ему в горы сообщения от руководителей «Движения 26 июля» в Санта-Кларе.

Поначалу Че не понравился девушке из хорошей семьи — он казался тощим, оборванным и даже грязным. Однако его авторитет как прославленного партизанского командира был для нее непререкаемым.

Че поручил девушке важную миссию — помочь в сборе революционного налога с производителей сахара. Бизнесмены, видимо, «настучали» в полицию, и в доме Алейды был произведен обыск. Ей было крайне опасно возвращаться в Санта-Клару, и она попросила Че разрешить ей остаться в лагере. Че был недоволен — он принципиально не допускал присутствия в лагере женщин. Однако и рисковать жизнью

---

* Шрам на лице у Алейды действительно был — в детстве ее укусила собака. Второе прозвище тоже имело под собой объективную основу — на левой груди у нее была родинка.

такой опытной связной он, естественно, не хотел и скрепя сердце дал согласие.

В конце ноября 1958 года армия начала наступление на партизанскую штаб-квартиру Че в Педреро. С трех сторон на лагерь надвигались несколько рот хорошо вооруженных солдат при поддержке авиации и танков. Положение колонны номер 8 было довольно тяжелым, но тут на помощь прибыл Камило Сьенфуэгос с частью своего отряда. Через шесть дней ожесточенных боев, 4 декабря 1958 года, противник отступил. В руки партизан наряду с прочими трофеями попал танк с 37-миллиметровой пушкой.

Че пришел к выводу, что коллапс диктатуры — дело самого ближайшего времени, если Батисту не спасет прямая вооруженная интервенция США[198]. Ключом к военной победе была Санта-Клара — третий по значению город Кубы. С его занятием снабжение войск Батисты на востоке Кубы было бы возможно только по воздуху. Основные силы Повстанческой армии во главе с Фиделем и так к началу декабря 1958 года контролировали практически всю сельскую местность провинции Орьенте и готовились к броску на Сантьяго-де-Куба. Занятие колонной Че Санта-Клары делало сопротивление войск Батисты вопросом даже не недель, а дней.

Взятие Санта-Клары с населением 150 тысяч человек и с мощным гарнизоном было, мягко говоря, нелегкой задачей, и Че подошел к ее решению основательно.

Сначала партизаны взорвали в провинции несколько мостов и тем самым изолировали гарнизоны правительственных войск в крупных городах друг от друга. Че хотел перед штурмом Санта-Клары освободить несколько более мелких городов, чтобы приобрести опыт уличных боев, а также поднять победами боевой дух своих войск и ослабить настрой противника. В отличие от профессионального военного Эйзенхауэра он прекрасно понимал, что именно моральное состояние противоборствующих сил, а не калибр и численность орудий решат исход битвы.

После этого Че планировал отрезать Санта-Клару от других городов и лишить гарнизон снабжения. Он знал, что батистовские солдаты были очень чувствительны к малейшим перебоям в снабжении. Это сразу же отражалось на их и так невысокой готовности сражаться.

Учитывая численное превосходство правительственной армии в Санта-Кларе, Че предполагал атаковать город с разных сторон, чтобы не дать противнику сконцентриро-

вать силы в один кулак. При финальном наступлении на Санта-Клару отряды «Революционного директората 13 марта» должны были атаковать с юга, а колонна Че — с севера и востока.

Как и раньше, Че не упускал из вида свою теоретическую подготовку. В горах Эскамбрай он прочел классический труд Гиббона о падении Римской империи. Ведь, как известно, хорошо вооруженная и на голову превосходящая варваров тактически римская армия была этими самыми варварами разбита. Аналогии с борьбой плохо вооруженных партизан против Батисты были налицо.

Че начал осуществлять свою тщательно продуманную стратегию 14 декабря 1958 года атакой на город Фоменто (юго-восточнее Санта-Клары) с населением восемь тысяч человек. Взяв под контроль ведущее в город шоссе, Че позвонил по телефону командиру гарнизона Фоменто и предложил сдаться. Тот гордо отказался, и Че, бросив трубку, приказал отрезать город от водоснабжения. Он хотел избежать лишних потерь, хотя самих партизан постоянно бомбила вражеская авиация. Через три дня гарнизон сдался, причем часть солдат пополнила ряды повстанцев. Были захвачены богатые трофеи оружия и боеприпасов.

16 декабря, взорвав мост на Центральном шоссе и выведя из строя часть полотна железной дороги, партизаны Че прервали сообщение между Гаваной и Сантьяго-де-Куба.

Камило Сьенфуэгос зачищал от врага прилегающие к Центральному шоссе с севера города. Че, в свою очередь, 21 декабря атаковал город Гуайос к югу от шоссе и взял его за два часа. После этого колонна Че соединилась с отрядами «Директората» для атаки на город Кабайгуан.

Во время боев на подступах к Кабайгуану правительственные Б-26 бомбили и обстреливали партизан практически с бреющего полета. Скрываясь перебежками от бомбежки, Че упал со стены и сломал правую руку. На счастье, под рукой оказался доктор, быстро наложивший шину. Это было уже третье ранение Эрнесто Гевары за время партизанской войны на Кубе.

23 декабря Кабайгуан сдался без боя, и Че с рукой на черной повязке двинулся дальше на город Пласетас (30 тысяч жителей), расположенный менее чем в 30 милях от Санта-Клары. Армия испугалась уличных боев и укрылась в казармах. Хватило несколько предупредительных выстрелов, чтобы солдаты сдались.

Во время этой решающей битвы Алейда сумела завоевать сердце Че, и они стали жить вместе.

Сама она вспоминала, что как-то ночью ей не спалось, и она вышла погулять. Было три или четыре часа ночи, и девушке никто не мешал. Неожиданно подъехал джип, за рулем сидел Че. Алейда пожаловалась командиру, что не может заснуть. Че ответил, что едет в Кабайгуан, партизаны скоро приступят к атаке на город, и он может взять ее с собой. Алейда к тому времени была уже влюблена в Че и отказываться не стала.

С той самой ночи они были вместе, и это сразу же заметили партизаны: Алейда не отходила от Че ни на шаг, готовила и стирала ему.

Че был не только честным и прямым человеком, но и очень щепетильно относился к долгу настоящего мужчины по отношению к любящей его женщине. Ему и в голову не могло прийти завести от жены интрижку на стороне. Он полюбил Алейду, но сохранил безмерное уважение к Ильде как к товарищу по борьбе и матери его ребенка. И он был намерен сделать выбор в пользу одной из женщин, сообщив о своем решении другой.

Но пока все его душевные и физические силы были поглощены боями, от которых во многом зависели судьбы революции в целом.

Когда пал Пласетас (самый крупный город, доселе взятый повстанцами), уже ничто не мешало решающему наступлению на Санта-Клару. Че выслал отряд западнее города, чтобы заблокировать возможное прибытие подкреплений из Гаваны. Затем он отрезал Санта-Клару от Атлантического океана. Для этого надо было взять город Ремедиос. После небольшой перестрелки на улицах города оборонявшие его полицейские и солдаты 25 декабря согласились сложить оружие, и их отпустили в Гавану[199].

Примерно в это же время партизаны освободили портовый город Кайбарьен.

Но Че все эти легкие победы не успокоили. Он знал, что гарнизон Санта-Клары силен, недавно получил подкрепление из Гаваны и будет драться ожесточенно, по крайней мере на первых порах.

Фактический развал сопротивления в центре Кубы активизировал генералов, стремившихся сохранить власть путем отстранения Батисты. Начальник генштаба Табернилья предлагал образовать хунту во главе с генералом Кантильо, который раньше, по данным консульства США,

в Сантьяго-де-Куба пытался наладить тайные контакты с Фиделем Кастро.

17 декабря Смит сообщил Батисте, что США уже не поддерживают ни его, ни любого другого политика, которого сам Батиста назначит своим преемником. Посол США предложил кубинскому диктатору как можно быстрее уехать в Испанию под крылышко другого диктатора, «генералиссимуса» Франко. Американцы, таким образом, первыми побежали с тонущего корабля, и упреки Батисты в предательстве их не волновали. В Вашингтоне срочно думали над вариантом переворота на Кубе, с тем чтобы не дать Повстанческой армии вступить в Гавану.

24 декабря Кантильо предложил Кастро заключить перемирие в провинции Орьенте, где повстанцы, как и в провинции Лас-Вильяс, каждый день занимали все новые города. С помощью этого маневра американцы и их марионетки в армии пытались выиграть время. Но Фидель на уловку не поддался и предложение о перемирии отверг. Повстанческую армию устраивала только полная капитуляция противника.

25 декабря предложение о перемирии последовало уже в адрес Че от полковника Флорентино Россела, командующего мощным бронепоездом, направленным из Гаваны в Санта-Клару. Че твердо ответил, что революция делалась не ради таких вот сиюминутных компромиссов. Тем более что Фидель приказал атаковать Санта-Клару, указав Че на решающее политическое значение взятия этого города. После освобождения Санта-Клары Че и Камило Сьенфуэгос должны были ускоренным маршем идти на Гавану, чтобы не допустить создания там проамериканской военно-гражданской или военной хунты. В авангарде, как обычно, должны были двигаться бойцы Камило Сьенфуэгоса.

Один из лидеров «Движения 26 июля» в Санта-Кларе Исмаэль Суарес почти 30 часов вел переговоры с полковником Росселом. Они окончились ничем, но Суарес смог выявить расположение основных частей трехтысячного гарнизона города и сообщил об этом Че 27 декабря. Россел расположил свою главную ударную силу — бронепоезд — на северной окраине Санта-Клары рядом с укрепленной позицией на холме Капиро. Экипаж бронепоезда состоял из четырехсот солдат с большим количеством оружия и боеприпасов. Чтобы войти в город, надо было или блокировать, или захватить бронепоезд.

29 декабря 1958 года началась битва за Санта-Клару.

Че приказал одному из своих лейтенантов Рохелио Асеведо тихо занять университетский городок в северной части города, где Че был намерен устроить свой командный пункт. Все прошло по плану, и на рассвете 29-го Че был уже в университетском городке. Он приказал Асеведо немедленно атаковать центр города, но тот колебался, предлагая дождаться ночи — ведь у него было только 400 бойцов против трех тысяч у Россела. Но Че был непреклонен, и партизаны двинулись в город, укрываясь в сточных канавах вдоль дорог. На железнодорожной линии нападавшие натолкнулись на сопротивление колонны противника, усиленной двумя танками. Однако повстанцы выдержали шквальный огонь и отбросили солдат к центру города.

В это же время отряды «Революционного директората 13 марта» атаковали казармы номер 31 на юго-востоке Санта-Клары. Партизаны Че в то время концентрировались на северной и западной окраинах города.

Однако бронепоезд, окруженный траншеями, блокировал любое продвижение в город с севера. Че приказал капитану Рамону Пардо Гере разрушить железнодорожное полотно позади бронепоезда, чтобы не дать ему уйти. Еще утром 29 декабря приказ был выполнен с помощью реквизированного бульдозера.

Для взятия холма Капиро с использованием ручных гранат Че отрядил «команду смертников» под командованием любимого командира и друга 23-летнего Роберто Родригеса, известного как Эль Вакерито (Маленький Ковбой)*. Повстанцы захватили холм Капиро и стали забрасывать бронепоезд бутылками с горючей смесью, превратив блиндированные вагоны в печки. Не зная о разрушении пути, командир бронепоезда приказал отходить в центр города, и поезд с грохотом сошел с рельсов. Че предложил сдаться, и через 15 минут партизаны стали хозяевами присланного Батистой бронепоезда, в котором оказалось огромное количество оружия и боеприпасов (600 винтовок, миллион патронов, десятки пулеметов, 20-миллиметровое орудие и т. д.).

Армейские части и полиция еще сопротивлялись в нескольких зданиях в центре города, но на улицы Санта-Клары уже выходили восторженные горожане, радостно приветствовавшие Повстанческую армию.

---

* Родригес был маленького роста и носил смешно сидевшую на нем широкополую шляпу, которая и дала ему прозвище.

Хотя 30 декабря гаванское радио сообщило о разгроме повстанцев в Санта-Кларе и гибели Че Гевары, дело обстояло с точностью до наоборот. Сопротивление гарнизона приняло очаговый характер. Солдаты еще держались в здании провинциального правительства, штаб-квартире полиции, «Гран-отеле» (там повстанцам сильно досаждали снайперы с 9-го этажа) и казармах.

Главное командование батистовской армии отдало варварский приказ бомбить Санта-Клару, но это уже не помогло. 31 декабря пало здание провинциального правительства, была захвачена тюрьма. К вечеру этого дня продолжали сопротивление казарма номер 31, центральная казарма в «Леонсио Видаль» и «Гран-отель». Командир гарнизона казарм «Леонсио Видаль» майор Кандидо Эрнандес запросил у Че перемирия. Че ответил, что войскам надо немедленно сдаться. Если в конфликт на Кубе в последний момент вмешаются США, то его, Эрнандеса, будут судить за государственную измену как предателя Кубы. Этот аргумент возымел действие, и в 12.30 казарма сдалась.

1 января утром вся Санта-Клара была уже в руках повстанцев. Бойцы Че заняли и аэропорт, хотя его даже не пришлось атаковать.

Радость от взятия Санта-Клары омрачалась для Че гибелью Эль Вакерито, которого он искренне любил.

Пока Че зачищал Санта-Клару, Фидель и Рауль взяли под контроль фактически всю провинцию Орьенте и стягивали войска к Сантьяго-де-Куба.

Че был прав: американцы из последних сил пытались не допустить занятия Повстанческой армией Гаваны, хотя идти на прямое военное вмешательство все же не решались.

28 декабря Фиделя в Орьенте посетил генерал Кантильо и попросил его прекратить огонь на три дня. За это время он, Кантильо, вернется в Гавану, свергнет и арестует Батисту. После этого вся армия будет передана под командование Фиделя Кастро. Фидель со всем этим согласился, хотя, конечно, Кантильо не доверял. Поэтому еще 26 декабря он приказал Камило и Че после взятия Санта-Клары двигаться ускоренным маршем на Гавану. Камило должен был занять самый сильный гарнизон и арсенал правительственной армии — военный городок «Колумбия». Че предстояло захватить старую гаванскую крепость (построенную еще испанцами) Сан-Карлос-де-ла-Кабанья (Ла-Кабанья).

Хотя в Лас-Вильяс Камило подчинялся Че, именно ему поручили взять столицу. И дело не в том (как пишут неко-

торые западные исследователи), что Фидель завидовал Че и хотел лишить его чести взять кубинскую столицу. На самом деле Фидель (как и Че) все еще опасался возможной военной интервенции США и поэтому старался держать аргентинца и коммуниста Че подальше от корреспондентов, особенно американских. Надо было сделать все, чтобы не дать Вашингтону ни малейшего предлога твердить о «красной опасности». Гватемала не должна была повториться на Кубе.

Американцы были на сей счет, естественно, иного мнения. Они хотели поскорее избавиться от Батисты, чтобы передать бразды правления проамериканским элементам.

Еще 24 ноября 1958 года в специальном докладе о положении на Кубе американская разведка справедливо отмечала, что выборы 3 ноября никоим образом не улучшили положение правящего режима[200]. Но вот уже следующий вывод был абсолютно неверным: «Фидель Кастро продолжает свою партизанскую борьбу, но его движение даже в комбинации с другими существующими оппозиционными группами, по всей вероятности, не сможет в течение ближайших месяцев свергнуть правительство...»

Прогноз ЦРУ лишний раз доказывал, что опасения Фиделя и Че были более чем оправданными: «Кубинские вооруженные силы, однако, остаются самым главным элементом, способным устранить политический пат путем свержения режима и образования хунты...»

В конце ноября в госдепартаменте и ЦРУ созрел план отправить к Батисте бывшего посла США в Бразилии и Перу Паули. Паули должен был убедить диктатора сдать власть «недружественно настроенному» по отношению к нему правительству, которое, однако, естественно, гарантирует его безопасность. Главная цель состояла в недопущении к власти Фиделя Кастро[201].

2 декабря неутомимый Смит передал в госдепартамент мнение американских бизнесменов на Кубе, что Батиста не сможет передать власть Агуэро 24 февраля и что Фидель Кастро и его сторонники — коммунисты*. Интересно, что бизнесмены сравнивали публичные заявления «Движения 26 июля» с политикой Хакобо Арбенса в Гватемале. Вывод был все тем же: Батисту спасти поздно, но США должны

* При этом Смит был вынужден заметить, что, несмотря на единодушие американских бизнесменов в этом вопросе, они не представили никаких доказательств.

содействовать образованию военно-гражданской хунты и снабдить ее оружием для борьбы против Кастро.

6 декабря на заседании СНБ США с анализом ситуации на Кубе выступил директор ЦРУ Аллен Даллес. Он отметил, что положение быстро ухудшается: армия Батисты сдает позиции, а повстанцы наступают. Спасти Батисту уже нельзя.

Через три дня в течение трехчасовой беседы Паули уговаривал Батисту сдать власть и переселиться в США*. Американцы, уверял Паули, не допустят прихода к власти Кастро, ведь он — коммунист. Так как Кастро уверяет, что воюет только против Батисты, уход последнего лишит его смысла продолжать борьбу и Кастро придется сложить оружие. Военную хунту, с точки зрения США, мог бы возглавить полковник Баркин, сидевший на тот момент в тюрьме по обвинению в попытке государственного переворота против Батисты. Таким образом, всей Кубе продемонстрировали бы «оппозиционный» характер новой власти.

Батиста упрямился — он хотел передать власть Агуэро 24 февраля и был уверен, что продержится до этой даты.

15 декабря доминиканский диктатор «генералиссимус» Трухильо заклинал американского посла: США должны помочь Батисте, ведь среди «главных помощников Кастро находятся явные коммунисты» (намек на Че. — *Н. П.*), а сам Кастро получает финансовую помощь от Советского Союза (!). «По последним слухам», заявил Трухильо, СССР передал Кастро 9 миллионов долларов. В такую чушь не поверили даже американцы с их манией везде искать «руку Москвы».

На следующий день американская разведка представила президенту новый доклад о положении на Кубе, в котором отмечалось, что ситуация там ухудшается гораздо быстрее, чем можно было предвидеть еще несколько дней назад: «Повстанцы сейчас доминируют в провинции Орьенте за исключением Сантьяго-де-Куба и повысили свою активность в провинциях Камагуэй, Лас-Вильяс и Пинар-дель-Рио... Кубинские вооруженные силы проявляют признаки деморализации...» Как и ранее, ЦРУ видело выход в скорейшем образовании военно-гражданской хунты: «Для того, чтобы подавить движение Кастро силой,

---

* Содержание беседы известно только со слов самого Паули. Официальная запись не велась.

хунте понадобятся широкомасштабные поставки оружия, в которых было отказано Батисте...»[202]

17 декабря Смит встретился с Батистой и убеждал его не только сдать власть, но и уехать с Кубы, лучше всего в Испанию. Возмущенный американским предательством, диктатор сказал послу, что США фактически работают в пользу Кастро.

18 декабря на заседании СНБ Аллен Даллес впервые употребил по отношению к событиям на Кубе термин «гражданская война» и выразил мнение, что эту войну выиграет Кастро. Эйзенхауэр со ссылкой на «своих латиноамериканских друзей» довольно пророчески заметил, что Куба с Кастро во главе станет проблемой для США и что могут появиться «новые Кубы». По мнению президента, Батиста должен был срочно передать власть своему преемнику. Даллес заметил, что эта передача должна выглядеть как антибатистовский переворот, иначе в ней нет смысла. Эйзенхауэр (так и не понявший стратегии гражданской войны) выразил удивление, как это повстанческие силы смогли так быстро добиться столь впечатляющих успехов.

В очередной раз СНБ США обсуждал положение на Кубе 23 декабря. Аллен Даллес сообщил, что хотя Батиста и пытается перейти в контрнаступление, его армии это уже не под силу. «Коммунисты, по-видимому, проникли в движение Кастро, несмотря на некоторые усилия Фиделя держать их за бортом. Если Кастро возьмет власть, то следует ожидать участия коммунистических элементов в правительстве»[203].

Дальнейшая дискуссия показала, насколько были оправданы опасения Фиделя и Че. Эйзенхауэр спросил, подготовило ли министерство обороны США план возможного военного вмешательства на Кубе. Аллен Даллес решительно заявил, что США должны сделать все, чтобы помешать приходу Кастро к власти. Эйзенхауэр заметил, что такая решимость звучит на заседании СНБ впервые.

26 декабря Эйзенхауэр упрекнул Аллена Даллеса, что по непонятным причинам от него, президента, скрывали истинное положение дел на Кубе. Он потребовал от ЦРУ подготовить план подрывных операций на Кубе.

30 декабря ОКНШ предложил отменить эмбарго на поставки оружия Батисте. В этот же день госдепартамент сообщил посольству США на Кубе мнение министерства обороны США, что части повстанцев в провинции Лас-

Вильяс под командованием Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса только номинально подчиняются Кастро, а на самом деле получают указания от компартии. От Смита требовали прокомментировать этот тезис.

31 декабря 1958 года заместитель госсекретаря Гертер* собрал межведомственное совещание по Кубе с участием помощника президента Грея, представителей ЦРУ, министерства обороны, министерства ВМС, ОКНШ. Гертер отбивался от обвинений военных, что США зря бросили Батисту и перестали поставлять ему оружие. Мол, оружие готова дать Доминиканская Республика, а саму ситуацию на Кубе еще можно спасти неким посредничеством ОАГ. Специально обсудили «бэкграунд» Че Гевары и Рауля Кастро. Вывод был правильным, но сильно запоздалым: «Че — аргентинский врач, хороший боец и коммунистический организатор»[204]. Тем не менее, заметил Рой Руботтом, вряд ли удастся прикрепить коммунистическую этикетку к движению Кастро. Помощник Эйзенхауэра продолжал жаловаться: мол, только на последнем заседании СНБ президент понял, что у его правительства в отношении Кубы существует некая единая позиция. Но так ли это на самом деле? Нет, это было далеко не так.

Военные фактически обвинили госдепартамент, что своей политикой он «сдал» Батисту и помог Кастро. Гертер оправдывался, что он не против поставок оружия, но не слабаку Батисте, а новому сильному человеку на Кубе. Начались столь же лихорадочные, сколь и безуспешные поиски этого «сильного человека». Между тем Грей наседал: правильно ли он понял, что позиция госдепартамента состоит в том, чтобы не допустить Фиделя Кастро к власти? Гертер ответил, что это не так. Представитель ЦРУ Кейбелл рассуждал о том, что США надо найти на Кубе «третью силу» между Кастро и Батистой. Гертер ухватился за эту мысль и поинтересовался, нет ли такой силы в провинции Лас-Вильяс. Руботтом ответил, что в этой провинции армия достигла больших успехов против повстанцев (!).

На упреки военных Руботтом отвечал, что вероятность прихода коммунистов к власти на Кубе ничтожна. Тем не менее военные предложили направить в начале января 1959 года к берегам Кубы десантно-штурмовой корабль

---

* На тот момент госсекретарь Джон Фостер Даллес был уже серьезно болен, и его заместитель Кристиан Арчибальд Гертер фактически руководил работой госдепартамента.

«Боксер» с морскими пехотинцами на борту. В случае чего, «Боксер» может прибыть на место и раньше. Высадка морской пехоты может быть аргументирована защитой жизни и собственности американских граждан на Кубе.

31 декабря в 18.00 Смит прислал депешу в госдепартамент, в которой сообщал о некоторых успехах правительственных войск (!). Там же содержались сведения о Че: «Как [гос]департамент уже знает, Гевара придерживается крайне левых и антиамериканских взглядов и иногда о нем сообщают, что он — коммунист... Источник из "Революционного директората" сообщил, что Гевара пытается назначить местных коммунистических лидеров главами оккупированных повстанцами городов»[205]. Проверить эти сведения, по мнению Смита, был сложно.

Когда участники совершенно бесплодного совещания в госдепартаменте стали расходиться, пришло сообщение от Смита, что Батиста, наконец, готов уйти в отставку и спрашивает через него американцев, кого бы они хотели видеть членами хунты. Но и на этот вопрос решили не отвечать. Возник лишь спор, должен ли быть членом хунты Фидель Кастро. Пришлось согласиться, что без этого вряд ли можно обойтись.

На самой Кубе события в сочельник развивались следующим образом. В 12.00 Батисте позвонил полковник Касильяс и сказал, что без подкреплений Санта-Клару удержать не удастся. Через некоторое время на проводе был уже генерал Кантильо из Орьенте, тоже с плохими новостями — падение Сантьяго-де-Куба неминуемо.

Тем временем высшие офицеры и сановники режима собрались на традиционный новогодний прием в военном лагере «Колумбия». Батиста пригласил наиболее доверенных генералов в соседнюю комнату и сообщил о своей отставке и передаче власти старейшему члену Верховного суда Карлосу Мануэлю Пьедре. Реальная власть (командование вооруженными силами) передавалась в руки генерала Кантильо. Приняв присягу у Кантильо, Батиста с семьей, телохранителями и приближенными отправился на военный аэродром, где его уже ждал заранее подготовленный самолет. В 3 часа ночи 1 января 1959 года Батиста был уже в воздухе и поначалу летчики думали, что он прикажет лететь в США. Но поступило указание лететь в Доминиканскую Республику. Американцы не хотели видеть своего «друга» и соратника по борьбе с коммунизмом у себя. По крайней

мере пока*. С собой диктатор вез 40 миллионов долларов наличными. Еще как минимум 300 миллионов долларов уже находились на счетах в банках за пределами Кубы.

1 января в 6 часов утра Смит сообщил в Вашингтон о бегстве Батисты: «В Гаване спокойно. Нет никаких признаков беспорядков. Посольство внимательно следит за ситуацией. Кантильо сказал мне, что предпримет усилия по достижению мира с братьями Кастро». Но усилия Кантильо были уже никому не нужны.

2 января 1959 года колонна грузовиков и джипов, на которых разместились 400 бойцов Эрнесто Гевары, выехала из Санта-Клары на запад. Партизаны были готовы к бою, но никакого сопротивления им уже никто не оказывал.

В 4.00 3 января колонна была у ворот крепости Ла-Кабанья. В крепости все еще находились 1100 солдат, а у ворот расположились танки, и Че приказал своим людям быть начеку. Однако и Ла-Кабанья тоже сдалась без боя.

Партизанская война закончилась полной победой, предстояла борьба за новое общество. Гораздо более тяжелая и опасная.

---

* Из Доминиканской Республики Фульхенсио Батиста перебрался в Португалию (где правил фашистский диктаторский режим Антониу ди Салазара), а оттуда — в Испанию к Франсиско Франко (как и советовали американцы). Умер 6 августа 1973 года в Марбелье от сердечного приступа.

Глава пятая

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...». КУБА (1959—1962)

Навеки со мной ты пребудешь,
я знаю без всяких сомнений —
Свой взгляд ты мне в сердце вонзила,
как тонкий стилет сновидений.

Николас Гильен.
Куба. Ты роза печальная

8 января 1959 года в Гавану прибыл Фидель Кастро. 9 января посольство США отмечало в депеше: «Вчера население Гаваны устроило Кастро триумфальный прием героя. Сотни тысяч вышли на улицы приветствовать его. Вершиной дня была его получасовая речь в военном городке "Колумбия" перед примерно 40 тысячами собравшихся. Речь получилась искренней, зажигательной, сильной и была встречена с энтузиазмом»[206].

Вообще кубинская столица в начале января пребывала в атмосфере всеобщего праздника. Бородатым повстанцам (барбудос) в грязных униформах предлагали бесплатно места в лучших отелях, а владельцы борделей были готовы столь же бесплатно снабдить их своим «товаром». Гавана в то время была столицей порока всей Центральной Америки, и некоторых партизан (особенно молодых) эти пороки манили. Тем более что многие крестьянские парни из Повстанческой армии до той поры никогда в Гаване не бывали.

Че был полон решимости не допускать разложения своих бойцов и ввел жесткие правила, запретив всем военнослужащим своей колонны посещение злачных мест. Гражданские были вольны делать то, что им заблагорассудится.

В целом следует отметить, что милиция «Движения 26 июля» быстро навела порядок, и ее вооруженные патрули не допустили в городах мародерства и самосуда, хотя повсеместно раздавались призывы громить дома приспешников Батисты.

Кубинский бизнес поспешил заверить новые власти в готовности оказать всяческую поддержку. Наиболее известным партизанским командирам постоянно предлагались подарки и «добрые услуги». От кубинских предпри-

нимателей не отставали и их американские коллеги (хотя главари мафии, например Мейер Лански, державшие на паях с Батистой и его клевретами ночные заведения Гаваны, поспешили до поры до времени уехать с острова).

Че жестко пресекал визиты подобных «доброжелателей». Когда у него просили автограф, он отворачивался и цедил сквозь зубы, что он не кинозвезда.

Самый известный поэт Кубы того времени, коммунист Николас Гильен* находился в эмиграции в Аргентине и по просьбе одного еженедельника написал стихотворение в честь прославленного партизанского командира Эрнесто Гевары.

Победившим революционерам опять удалось обвести вокруг пальца американцев, пристально следивших за ситуацией на Кубе. Вашингтон был вполне удовлетворен крайне умеренным составом нового правительства Кубы. Временным президентом стал Мануэль Уррутия, весьма активно посещавший госдепартамент весь 1958 год. На пост премьера назначили Хосе Миро Кардону — бывшего профессора Гаванского университета, человека крайне умеренных взглядов, твердого антикоммуниста. У «Движения 26 июля» было всего три места в правительстве, и занимали их антикоммунисты из «равнины».

Неудивительно, что США, как и все страны Латинской Америки, признали новое правительство**, хотя еще 2 января по просьбе посольства США из Флориды прибыло судно «Сити оф Хабана», эвакуировавшее более пятисот американцев[207].

Госсекретарь Гертер понимал, что придется отозвать посла Смита, который слишком «засветился» своими пробатистовскими высказываниями. Эйзенхауэр же считал, что Смит свою работу на Кубе выполнял прекрасно, и просил госдепартамент как-нибудь оставить его на Кубе, хотя бы и временно.

7 января 1959 года Гертер написал докладную записку Эйзенхауэру, предлагая признать новое правительство Кубы, так как «...временное правительство кажется свободным от коммунистической окраски и есть признаки, что оно намерено стремиться к хорошим отношениям с Со-

---

* В 1954 году Николас Гильен получил Сталинскую премию «За укрепление мира между народами».

** 6 января 1959 года американские бизнесмены на Кубе во время встречи в посольстве США просили как можно быстрее признать новое правительство.

единенными Штатами»[208]. Такую же точку зрения выразил и Смит, польщенный тем, что новый министр иностранных дел Роберто Аграмонте просил его не покидать Гавану. Однако 9 января Гертер приказал Смиту уехать с Кубы как можно быстрее, и 10 января Смит обратился к президенту с просьбой об отставке.

С 12 января новым послом США на Кубе стал Филипп Бонсал*, не подозревавший, что надолго в Гаване не задержится. На следующий день госдепартамент представил Эйзенхауэру своего рода политический портрет Фиделя Кастро: «...У Кастро были контакты с руководимыми коммунистами группами в его студенческие дни и имеются постоянные сведения о возможных коммунистических связях некоторых из его основных лидеров. Однако в настоящее время нет твердых признаков того, что Кастро симпатизирует коммунистам или того, что коммунисты занимают доминирующие позиции в его организации. Кастро кажется националистом и немного социалистом и, хотя он критиковал поддержку Батисты со стороны США, нельзя сказать, что он лично враждебен по отношению к США...»[209]

В США сперва даже не встревожились требованием Фиделя о выводе с территории Кубы американской военной базы в Гуантанамо. Оно было высказано в интервью, и его списали на горячность и популизм Кастро.

В Москве поначалу ничего не знали о политической направленности нового кубинского правительства. Но затем Н. С. Хрущеву доложили (со ссылкой на данные, полученные от НСП), что среди победивших повстанцев есть марксисты и можно ожидать антиимпериалистического курса Гаваны. Обрадованный Хрущев заявил, что в случае необходимости новым кубинским властям можно оказать содействие. 10 января 1959 года СССР признал революционное правительство Кубы.

---

* Родился в 1903 году в Нью-Йорке. Его отец был известным в США дальневосточным корреспондентом американских газет. Филипп Бонсал имел «кубинский опыт»: был представителем на острове американской телекоммуникационной компании «AT & T Inc». В 1955 году был назначен послом США в Колумбии, в 1955—1957-м занимал тот же пост в Боливии. Последнее назначение и предопределило его отправку на Кубу. В Вашингтоне считали, что Бонсалу в Ла-Пасе удалось наладить доверительные контакты с революционным правительством НРД и удержать Боливию во внешнеполитическом фарватере США.

Однако в Гаване (учитывая возможную нервозность Вашингтона) не спешили налаживать сотрудничество с Москвой.

Фидель Кастро продолжал успешно разыгрывать перед США роль обычного латиноамериканского националиста, с которым вполне можно договориться. Он подчеркивал отсутствие политических амбиций и стал «всего лишь» главнокомандующим вооруженными силами, его брат Рауль — военным комендантом провинции Орьенте. Че вообще получил крайне скромную должность военного коменданта крепости Ла-Кабанья. Таким образом, Фидель с оглядкой на США держал своего брата и Че (которых американцы подозревали в симпатиях к коммунистам) подальше от высоких публичных постов.

Американцы поначалу не придали особого значения тому, что Повстанческая армия взяла под контроль вооруженные силы — партизаны возглавили военные комендатуры всех провинций. Военным губернатором Гаваны и начальником Генерального штаба вооруженных сил стал, например, Камило Сьенфуэгос. Американцы сочли, что Фидель и его партизаны тихо вольются в ряды уже существовавшей армии.

Фидель вместе с Раулем и Че постоянно вел тайные переговоры с руководством НСП, о которых американские спецслужбы не имели ни малейшего понятия.

Че получил от Фиделя особое секретное задание — полностью очистить вооруженные силы от приспешников Батисты и провести на ключевые посты сторонников революции. Че выступил перед гарнизоном Ла-Кабаньи, назвал прежнюю кубинскую армию «неоколониальной», которая только и умеет, что маршировать на парадах[210]. Запятнавшие себя преступлениями офицеры и унтер-офицеры были арестованы, других просто уволили или отправили в почетную ссылку.

Че прекрасно помнил уроки Гватемалы и постоянно говорил: «Арбенс проиграл потому, что не зачистил армию, которая его затем и предала». Сначала он отправил всех солдат крепости в отпуск на месяц, но оружие они должны были оставить в Ла-Кабанье[211]. Офицерам оставили личное огнестрельное оружие. Через месяц они узнали, что уволены с воинской службы.

По образцу партизанской школы Че уже 13 января 1959 года открыл в Ла-Кабанье «Военно-культурную академию» для военнослужащих новой кубинской армии. Сол-

дат и офицеров там не только учили грамоте, но прививали революционное политическое сознание. Среди преподававшихся предметов были история, география, обществоведение, экономика Кубы и т. д. Из военных делали не простых исполнителей любых приказов (как это было в армии Батисты), а сознательных патриотов. Их учили и общей культуре, и культуре поведения. Че запретил дотоле популярные в армии петушиные бои, заменив их концертами, шахматами, верховой ездой, посещением театров, музеев и выставок. Повседневное руководство «Академией» осуществляли члены НСП, не афишировавшие свою партийную принадлежность.

Надо сказать, что временное революционное правительство запретило на Кубе (опять-таки временно) все политические партии, которые надлежало перерегистрировать и очистить от сторонников свергнутого диктаторского режима. Формально под запретом находилась и НСП, но американское посольство с тревогой отмечало, что коммунисты открывают свои отделения по всей стране, растет число членов НСП и легально выходит партийная газета «Ой» («Сегодня»).

В личной жизни Че все было не так просто. Предстояло нелегкое объяснение с Ильдой, в супружеской верности которой Че никогда не сомневался.

Алейда вспоминала, как Че сделал ей предложение. Она работала его личным секретарем и отвечала за всю корреспонденцию. Примерно 12 января 1959 года Че попросил ее прочитать и отправить письмо Ильде, в котором Че просил о разводе, так как встретил молодую кубинку и хочет на ней жениться. Алейда спросила, что это за женщина. Че с удивлением посмотрел на нее и ответил: «Ты». До этой минуты они никогда не обсуждали возможный брак. Алейда ничего не ответила, а просто отправила письмо[212].

В январе 1959 года Ильда с Ильдитой уже прилетели в Гавану. Эрнесто прямо сказал жене, что у него есть другая женщина, он любит ее и как честный человек обязан на ней жениться. Эти слова дались Че с огромным трудом — он не мог смотреть на Ильду, в глазах которой стояли слезы. Ильда, конечно, дала согласие на развод, но скрыть своего горя не смогла. Че, осознав, какую боль он причиняет матери своего ребенка, выдавил из себя: «Лучше бы я погиб в бою»[213].

Но для Ильды, как и для Че, служение обществу было неизмеримо выше любых личных проблем. Зная мужа, чье

мировоззрение сформировалось не без ее помощи, Ильда твердо сказала, что Че должен жить и отдавать все силы строительству нового, справедливого общества. Он должен помочь Кубе избежать ошибок Гватемалы, а сама революционная Куба обязана прийти на помощь другим странам Латинской Америки, страдающим от гнета коррумпированных проамериканских диктаторов.

Они решили остаться друзьями и товарищами по борьбе. Ильда, как очень хороший специалист по макроэкономике, стала работать на Кубе, всецело отдавая знания и опыт на пользу победившей революции*. С 1959 года в составе специальной комиссии она занималась восстановлением крестьянских домов, разрушенных батистовской армией в ходе гражданской войны.

Че постоянно виделся с дочкой, которую привозили в Ла-Кабанью, и Ильдита беззаботно играла в кабинете всемирно известного команданте. Ильда передала с дочерью их совместные фотографии гватемальского периода, которые Че рассматривал с ностальгией. Маленькая Ильдита даже спрашивала мать: «А я что, тоже родом из Гватемалы?»

Развод с Ильдой был оформлен 22 мая 1959 года, а 2 июня Алейда и Че стали мужем и женой.

9 января 1959 года Че после шестилетней разлуки обнял в аэропорту Гаваны своих родителей. Они прилетели на самолете, который кубинское правительство направило в Аргентину, чтобы привезти на родину кубинских политических эмигрантов. Эрнесто-старший в порыве чувств поцеловал взлетную полосу гаванского аэропорта. Он очень гордился своим знаменитым на весь мир сыном и все же не понимал его.

Отец считал кубинскую эпопею Тэтэ веселым и опасным приключением, которое теперь благополучно завершилось. Он без всякой задней мысли спросил сына, когда тот намерен вернуться к врачебной практике. Че со свойственной ему иронией ответил, что у них с отцом одинаковые имя и фамилия, поэтому Эрнесто-старший может вполне открыть врачебную практику и калечить там пациентов с таким же успехом, как это делал бы сам Че.

Нет, любимый сын Эрнесто-старшего и Селии навсегда выбрал путь революционера: Че грустно пошутил, что даже не знает, в какой земле упокоятся его бренные останки.

---

* Ильда умерла в Гаване в 1974 году.

Родители Че (особенно отец) сразу почувствовали, что сын не шутит. Хотя Че был знаменит и крайне популярен на Кубе, он сразу же сказал родителям, что не позволит ни себе, ни им пользоваться здесь какими-либо привилегиями за государственный счет. Когда Эрнесто-старший изъявил желание посмотреть места боев в Сьерра-Маэстре, Че был готов выделить джип с провожатым (ветераном боев), но бензин и еду родители должны были оплачивать самостоятельно. Поездка не состоялась.

С момента победы революции Че пришлось заниматься крайне для него неприятным, но необходимым делом. В крепости Ла-Кабанья была военная тюрьма, и она стала наполняться уже 1 января, когда люди вышли на улицы и стали ловить полицейских и агентов спецслужб диктатуры. Вскоре в Ла-Кабанье скопилась примерно тысяча заключенных. Это были в основном должностные лица репрессивных органов свергнутой диктатуры низшего и среднего звена — главные преступники предпочли сбежать вместе с Батистой.

Тем не менее в руки революционеров все же попали Эрнандо Эрнандес — глава национальной полиции при Батисте, а также Эрнесто де ла Фе — министр информации, тесно связанный с мафией*.

13 января 1959 года временное революционное правительство ввело смертную казнь, отмененную конституцией 1940 года.

Все кубинское общество, в том числе и СМИ самого разного направления, требовало сурового наказания тех сторонников диктатора, кто запятнал себя пытками и убийствами оппозиционеров. Стремясь избежать самосуда и расправ на улицах, Фидель поручил Че нелегкую роль карающего меча революции.

Че внимательно относился к каждому заключенному, попадавшему в Ла-Кабанью. Он часами (часто ночью) изучал представленные улики и доказательства, особенно если человеку грозила смертная казнь. Суды проходили гласно, у всех обвиняемых был адвокат. Че решительно отводил из членов судов тех, у кого были с обвиняемым личные счеты (например, если обвиняемый лично пытал члена суда). Смертная казнь не применялась только за избиения заключенных в застенках Батисты. Требовалось доказать неоднократные случаи применения пыток и тяжких телесных повреждений.

---

* Он отсидел в заключении на Кубе 15 лет.

Отнюдь не все суды выносили смертные приговоры. Например, были полностью оправданы 44 пилота ВВС Батисты, которых обвиняли в бомбежке населенных пунктов. Кстати, этот приговор привел к массовым протестам на Кубе.

Че выступал на процессах в Ла-Кабанье в роли главного прокурора. Однако сами обвинения выдвигали только жертвы пыток. Причем обычно пострадавшие демонстрировали суду шрамы, вырванные ногти, увечья и т. д. За сто дней были расстреляны 55 человек, что вызвало бурю возмущения, прежде всего в американской печати.

Посол Смит лично отправился к Камило Сьенфуэгосу и помешал расстрелу генерала Кантильо (тот позднее получил 15 лет тюрьмы).

Тем не менее американцы не хотели осуждать казни на официальном уровне, понимая, что этот шаг сильно ударил бы по их и так не блестящему имиджу на острове, ведь они абсолютно не осуждали беззаконных расправ Батисты над его политическими противниками. 15 января 1959 года госдепартамент в циркулярном письме некоторым посольствам США в странах Латинской Америки отмечал, что США по соображениям гуманности не приветствуют казни на Кубе, но считают их внутренним делом правительства Кубы[214].

Фидель ответил на критику в американской прессе гневной отповедью: как может страна, бомбардировавшая Хиросиму, лить слезы относительно «кровавых расправ» на Кубе? Если же эта критика призвана подготовить военную интервенцию США на остров, то она окончится 200 тысячами мертвых гринго[215].

Че старался держаться подальше от американской прессы и кропотливо налаживал доверительные контакты с НСП. Свою работу в трибунале он рассматривал как временную, отвлекавшую его от главной задачи — строительства на Кубе нового общества. Публично он тогда избегал слова «социализм» — помня об уроках Гватемалы и не желая раздражать американцев раньше времени (хотя бы пока на Кубе не будет создана новая армия, а народу не раздадут оружие для защиты революции).

Первоочередной задачей Че считал аграрную реформу, но, конечно, не такую, какую еще в 1958 году начала проводить Повстанческая армия. Пока предусматривалось передавать малоземельным крестьянам пустующие част-

ные и государственные земли. Прежним собственникам надлежало заплатить компенсацию. Против такой реформы ничего не могли возразить и в Вашингтоне — подобные преобразования прошли или проходили во многих странах Латинской Америки. Тем более что необходимость аграрной реформы была закреплена еще в кубинской конституции 1940 года.

Че, как истинный марксист, видел смысл аграрной реформы в кооперировании сельского хозяйства, то есть в фактической ликвидации частной собственности на землю. Но в 1959 году говорить об этом на Кубе было еще рано, и не только из-за возможной негативной реакции США: сами кубинцы были сильно индоктринированы многолетней антикоммунистической пропагандой.

Главной и стратегической задачей экономической политики Че считал скорейшее преодоление монокультурного характера кубинской экономики. Еще на примере Чили, Боливии и Гватемалы он убедился, насколько зависят от мировой конъюнктуры страны, экспортирующие только один вид продукции, да еще к тому же сырьевой. А конъюнктуру эту определяли американцы. Кубинские власти (независимо от их политической окраски) каждый год вели трудные переговоры с США, которые то понижали, то повышали квоту на закупку кубинского сахара. Отказ США закупать сахар привел бы к коллапсу экономики Кубы, так как все продукты, машины и оборудование (в том числе и для сахарной промышленности) кубинцы закупали все в тех же США на деньги, вырученные от продажи сахара.

Че понимал, что без диверсификации кубинской экономики и внешней торговли у страны не будет реальной независимости. Необходимо создавать собственную промышленность, в том числе и для импортозамещения. А для этого нужны кредиты. Было ясно, что американцы их не только не предоставят, но и заблокируют помощь Кубе во всех западных странах. Отсюда следовал логический вывод: деньги и техническую помощь можно получить только в социалистических странах.

Фидель был полностью согласен с Че, но не хотел форсировать развитие отношений с социалистическим лагерем, чтобы не злить американцев, пока революция еще слаба. Фидель придумал гениальный политический ход — совершить свой первый визит в качестве главы правитель-

ства* в США, попросить американцев о помощи, получить предполагаемый отказ и тогда уже с «чистой совестью» обратиться к Москве.

К тому же Фидель (которого американцы почему-то считали излишне горячим) был в вопросах экономической политики гораздо осторожнее Че. Он понимал, что резкая смена экономической политики, разрыв с США приведут к коллапсу кубинской экономики и падению жизненного уровня населения. Причем населения бедного — главной опоры победившей революции. К тому же позиция социалистических стран по отношению к новому кубинскому руководству в первой половине 1959 года казалась еще очень осторожной.

Пример необдуманных действий в сфере экономики только что подал президент Уррутия. Как юрист-педант, мало смыслящий не только в экономике, но и в повседневной жизни, он распорядился немедленно закрыть все казино и публичные дома как «гнезда порока». С моральной точки зрения он был, безусловно, прав, но туризм (а казино и публичные дома обслуживали в основном американских туристов) приносил в кубинскую казну не меньше денег, чем сахар. А казна эта после бегства Батисты оказалась практически пустой. Наконец, диктатор оставил Кубе огромный внешний долг —1,2 миллиарда долларов.

К тому же после закрытия казино без работы остались тысячи кубинцев, которые вышли на улицу с антиправительственными лозунгами. Фидель осудил поспешность Уррутии — злачные места надо было закрывать лишь тогда, когда власти смогут предложить людям альтернативное место работы. Именно после этого правительственного кризиса Фидель стал премьером.

Че работал над будущими экономическими преобразованиями вместе с экспертами НСП. Он брал уроки экономики и математики у маститых ученых, так как никогда не стеснялся признавать недостаток знаний, какие бы высокие посты ни занимал.

В публичных выступлениях Че был крайне осторожен. 27 января 1959 года он произнес речь «Социальная программа Повстанческой армии» на организованном комму-

---

* Фидель Кастро стал премьер-министром Кубы 19 февраля, когда свой пост покинул Миро Кардона. (Первый раз Кардона подал в отставку еще 19 января 1959 года в знак протеста против нерешительности президента Уррутии, формально мотивировав свое прошение слабым здоровьем.)

нистами форуме. Говоря об аграрной реформе как «острие копья Повстанческой армии», Че аккуратно поставил под вопрос главный для бизнеса и землевладельцев принцип — отчуждение земли за плату: «Конституция (1940 года. — *Н. П.*) устанавливает, что всякой экспроприации земли должна предшествовать денежная компенсация. Если аграрная реформа будет проводиться по этому принципу, то она, по-видимому, окажется медленной и дорогостоящей. Необходимы *коллективные* (выделено автором) действия крестьян, с победой революции завоевавших право на свободу, чтобы демократическим путем добиться отмены этого принципа и суметь прямо идти к подлинной и широкой аграрной реформе»[216].

Далее Че абсолютно грамотно с макроэкономической точки зрения говорил о необходимости создания «емкого внутреннего рынка и диверсификации сельскохозяйственных культур» (об отходе от роли Кубы как «сахарницы США»), «то есть о двух важнейших взаимосвязанных целях революционного правительства, которые нельзя откладывать».

Все эти предложения Че предварительно обсуждал с Фиделем, но на публике они играли перед США роли «доброго» и «злого» полицейского соответственно. Че не занимал никакой должности в правительстве и мог говорить что угодно. В случае чего его слова всегда можно было представить личным мнением коменданта крепости Ла-Кабанья. Фидель изучал реакцию общественного мнения на Кубе и в США на «радикальные» тезисы Че и в зависимости от этой реакции либо отмежевывался от них, либо проводил их в жизнь.

Че в Ла-Кабанье чувствовал себя плохо, и его уговорили сделать рентгеновский снимок легких. 4 марта врачи обнаружили у команданте эмфизему легких и срочно рекомендовали сменить жилье. Фидель распорядился перевести Че в конфискованную виллу на пляже Тарара. Некоторые газеты не замедлили позлословить в адрес партизана-аскета, обнаружившего любовь к сладкой жизни. Принципиальный в личных делах, Че (он только что обидел отца, отказавшись финансировать его поездку в Сьерра-Маэстру за государственный счет) немедленно выступил с комментарием в газете «Революсьон»: «...якобы безобидная статья... под заголовком "Команданте Гевара переезжает в Тарара"... кажется поставила под сомнение мою революционную позицию... Я хотел бы разъяснить читателям "Рево-

люсьон", что я болен и нажил себе эту болезнь не в вертепах или варьете, а потому, что сделал для революции больше, чем смогло вынести мое тело.

Врачи порекомендовали дом в тихом месте, подальше от людской суеты. Я вынужден жить в вилле, принадлежавшей представителю старого режима, так как жалованье в 125 долларов, которое я получаю как офицер Повстанческой армии, не позволяет мне снять дом, достаточно большой, чтобы вместить всех, кто меня сопровождает.

Так как речь идет о жилище старого батистовца, то оно, конечно, шикарное; я выбрал самое простое, но это все равно оскорбление чувств общественности. Я обещаю... народу Кубы, что уеду оттуда, как только поправлюсь... Че»[217].

На вилле Че активно работал вместе с экспертами над законом об аграрной реформе. Он сдержал слово и уже через два месяца покинул виллу.

В США тем временем развернулась настоящая борьба между сторонниками и противниками нового кубинского правительства. Левые и либералы среди американской интеллигенции образовали общественную организацию «Комитет за честную политику в отношении Кубы» (*Fair Play Policy for Cuba*), за которым сразу же стало следить ФБР. Кубинские эмигранты и правые обвиняли Кастро в авантюризме и коммунизме, требуя от Эйзенхауэра решительных мер против «кастровского режима».

Посольство США в Гаване, как и при Смите, продолжало бомбардировать Вашингтон депешами о росте влияния коммунистов на Кубе. В этом винили прежде всего Эрнесто Гевару и Рауля Кастро. 14 апреля временный поверенный в делах США на Кубе Брэддок сообщал в госдепартамент: «Ла-Кабанья, по-видимому, — один из главных коммунистических центров, и ее комендант Че Гевара — центральный персонаж, которого связывают с коммунизмом. Гевара — точно марксист, хотя и не коммунист*... Гевара не только оказывает большое влияние на Фиделя Кастро, но и на Рауля Кастро, главнокомандующего вооруженными силами, который предположительно разделяет взгляды Че Гевары»[218].

Фидель, ранее блестяще выигравший информационную войну в американских СМИ, был не намерен уступать и теперь. Он использовал то, что американцы просто не

---

* Американцы наивно считали коммунистами только тех, у кого был членский билет компартии.

хотели верить в его радикальные, а тем более социалистические взгляды. Ведь это означало признание непреложного факта, что Фидель ввел в заблуждение не только госдепартамент, но и хваленые американские спецслужбы. И сделал это не где-нибудь в Сибири, а в 150 километрах от Флориды.

5 марта 1959 года Фидель принял американского посла на Кубе и 90 минут вел с ним «сердечную» (по оценке американцев) беседу. Он говорил об аграрной реформе, индустриализации и снижении цен на жилье. Бонсал ничего не смог против этого возразить, лишь осторожно намекнув, что американский бизнес хочет Кубе добра и трогать его не надо. Посол ушел с хорошим чувством, хотя никаких обязательств по отношению к США Фидель на себя не взял.

Чтобы закрепить успех в информационной борьбе с США, Фидель принял приглашение выступить на ежегодном собрании Американского общества издателей газет 17 апреля 1959 года. Кубинский лидер не проинформировал о своем решении госдепартамент и тем самым поставил американцев перед сложным выбором — надо ли направлять кубинскому премьеру официальное приглашение и «достоин» ли он встречи с президентом.

Причем любой вариант ответа был выигрышным для Кастро и проигрышным для США. Если не пригласить Кастро в Белый дом, то это укрепит позиции антиамериканского крыла кубинского руководства (Рауля Кастро и Че Гевары). К тому же такой афронт, отмечали в госдепартаменте, может негативно сказаться на положении американского бизнеса на Кубе. Если пригласить — это даст Кастро карт-бланш на проведение революционных преобразований якобы с ведома Вашингтона. К тому же на встрече у президента придется дать четкий ответ — будут ли США помогать Кубе и закупать сахар.

26 марта 1959 года на заседании СНБ США поздновато «прозревший» директор ЦРУ Аллен Даллес утверждал, что Кастро фактически стал уже диктатором, хотя с помощью демагогии все еще пользуется народной поддержкой[219]. Кубинский бизнес очень опасается за свое будущее. Тем не менее опять гнул свою линию директор ЦРУ, режим Кастро нельзя считать коммунистическим. Хотя Кастро и высказывался в пользу поддержки антидиктаторских движений в других странах Латинской Америки (особенно в Никарагуа и Доминиканской Республике), вряд ли кубинцы способны на какие-то серьезные акции.

Эйзенхауэр рекомендовал натравить против Кубы ОАГ, но Гертер считал, что из этого ничего не выйдет. Повода для вмешательства ОАГ во внутренние дела Кубы Кастро не давал.

Президент не унимался — может, просто не дать Кастро въездной визы? Аллен Даллес заметил, что антиамериканские высказывания Кастро могут подвигнуть конгресс к сокращению квоты на закупку кубинского сахара. Но тут уж возразил Эйзенхауэр — тогда весь этот сахар наверняка купит Советский Союз, а это противоречит американским интересам.

Также была высказана идея заставить американских издателей отменить приглашение, но тем очень хотелось увидеть и услышать легендарного команданте.

В результате Эйзенхауэр решил по-страусиному спрятать голову в песок — 31 марта он быстро объявил о своем отпуске с 6 по 19 апреля[220]. Гертер был готов принять Кастро за обедом в госдепартаменте. Фидель с благодарностью принял переданное Бонсалом приглашение, но выразил намерение переговорить еще и с вице-президентом Никсоном, чем снова поставил американцев в трудное положение: ведь во время отпуска президента вице-президент был обязан быть «на хозяйстве» в Вашингтоне. Никсон понял, что отступать некуда, но все же решил не принимать Кастро в своем кабинете, а пригласить его к себе домой.

Перед визитом Фидель принял американского посла и заявил, что США гораздо важнее для Кубы, чем наоборот, и он очень хочет, чтобы визит прошел конструктивно.

15 апреля 1959 года Фидель вылетел в США, взяв с собой наиболее консервативно настроенных министров*. Что касается возможной экономической помощи со стороны США, Кастро сам был не намерен ставить этот вопрос, но был готов его обсуждать, если его затронут американцы. Однако перед визитом Кастро через посла Кубы в США попросил продать Кубе самолет ДС-4, на котором он и хотел прилететь в Америку.

Ничего из этого не вышло. Еще до визита Кастро в США госдепартамент заготовил для госсекретаря материал для переговоров, в котором, в частности, уже содержался отказ на возможную просьбу Кастро о предоставлении Кубе кредита. Предполагалось «отослать» кубинцев в МВФ.

---

* В том числе американского любимчика — директора Центрального банка Кубы Фелипе Пасоса.

Речь Фиделя (уже одетого в свою знаменитую оливково-зеленую форму) перед издателями произвела фурор и была воспринята благожелательно. Кубинский лидер подчеркнул свое стремление укреплять отношения с США на равноправной основе, уважать интересы американского бизнеса на Кубе и не трогать базу в Гуантанамо. К тому же он, Кастро, — не коммунист.

После этой речи американская общественность стала симпатизировать Кастро, что вызвало крайнее неудовольствие Белого дома.

Во время завтрака кубинской делегации с Гертером его заместитель по латиноамериканским делам Руботтом отверг просьбу Пасоса (они сидели за столом рядом) рассмотреть возможность увеличения закупок кубинского сахара, что позволило бы Кубе выровнять платежный баланс без кредита. Пасос горько заметил, что Америка что-то не похожа на горячего сторонника свободной торговли, хотя не перестает об этом говорить.

18 апреля Гертер доложил о беседе с Кастро Эйзенхауэру, выразив «определенное сожаление», что президенту не удалось познакомиться с таким замечательным человеком. «Он (Гертер. — *Н. П.*) описал его как очень интересного индивидуума, во многом похожего на ребенка, довольно незрелого в том, что касается вопросов государственного управления. По-английски он говорил сдержанно и производил хорошее личное впечатление. Переходя на испанский, однако, он становился многословным, эмоциональным и в какой-то мере "диким". Кастро просил [США] о терпении, пока его правительство занято преодолением сложного положения на Кубе»[221]. Эйзенхауэр снисходительно напомнил Гертеру об арабских лидерах — те тоже становятся эмоциональными, когда начинают говорить.

Таким образом, Фидель вновь провел Гертера (а заодно и Эйзенхауэра), выставив себя наивным простачком, которого можно не опасаться.

Разговор с Никсоном 19 апреля длился два с половиной часа и расставил все точки над «i». Никсон был не только ярым антикоммунистом и сторонником бесноватого сенатора Маккарти (которого потом благополучно предал), но и искренне ненавидел всех латиноамериканцев. Ведь во время визита по Латинской Америке в 1958 году его с супругой едва не побили в «дружественной» Венесуэле. Да и в других странах Западного полушария его забрасывали не цветами, а камнями и яйцами.

Никсон злился, что ему все-таки пришлось принять Кастро в своем официальном кабинете в Капитолии. Вице-президент признал, что у Кастро есть все качества сильного лидера и он станет важной фигурой во всей Латинской Америке. «Он кажется искренним. Он или сильно наивен по отношению к коммунизму, либо находится под влиянием последнего — думаю, что верно первое предположение». Таким образом, «купился» и Никсон, поверив в неискушенность и неопытность Фиделя.

Сам вице-президент США вел себя нагло и говорил свысока. Он сильно обидел Кастро предложением учиться экономической политике у Пуэрто-Рико — страны, которая была американской колонией, где США в 1950 году подавили восстание сторонников независимости.

Вернувшись из США, Фидель решил, что настало время серьезных экономических реформ, над которыми тайно работали Че с командой экспертов. Одновременно «наивный» Кастро дал команду на время свернуть помощь никарагуанским и доминиканским революционерам, которые хотели высадиться на родине и по кубинскому образцу свергнуть своих тиранов – Сомосу и Трухильо. Слишком злить успокоившихся было американцев не следовало. Чтобы еще больше усилить симпатии американской общественности, Фидель распорядился прекратить казни на Кубе.

Наконец, кубинцы пока не видели необходимости в приезде в Гавану советского посла, что тоже радовало американцев.

Таким образом, внешнеполитическая почва для глубоких преобразований кубинского общества была подготовлена.

7 мая, практически сразу же по возвращении из США, Фидель подписал законопроект по аграрной реформе. 17 мая 1959 года вступил в силу разработанный группой Че закон об аграрной реформе. Максимальный объем землевладения был ограничен 3333 акрами (13 квадратных километров), и все излишки подлежали экспроприации и распределению среди крестьянства участками по 67 акров (примерно 271 квадратный метр).

Американцы были неприятно поражены — в законе содержался запрет на владение плантациями сахарного тростника иностранцами. Еще больше их обозлило то, что за экспроприированную землю им платили не валютой и даже не «живыми» кубинскими деньгами. Предлагалось согласиться на государственные двадцатилетние облига-

ции под 4,5 процента годовых. Заметим, что точно такой же порядок компенсации предусматривала, например, мексиканская аграрная реформа еще довоенного времени.

Для проведения аграрной реформы создавалось специальное ведомство — Национальный институт аграрной реформы (транслитерация испанской аббревиатуры — ИНРА*). Скромное название организации ничего не говорило о ее истинном предназначении — под крышей ИНРА для коренной реформы всей кубинской экономической системы Че собрал ведущих экономистов (причем не только кубинских, но и чилийских, и эквадорских). По сути, ИНРА был зародышем мощного министерства экономики, и не случайно у истоков его организации стал сам Фидель.

Чтобы скомпенсировать негодование в США, Фидель отправил Че (за которым американцы подозревали авторство реформы) в длительную зарубежную поездку. Внешне это могло выглядеть как почетная ссылка, но на самом деле перед Че стояли важнейшие задачи. Кубинцы понимали, что США отреагируют на аграрную реформу санкциями: возможно, сокращением закупки кубинского сахара или ограничениями на экспорт на Кубу машин и оборудования.

Не исключался и нефтяной бойкот. В то время Куба получала нефть из Венесуэлы, где правил проамерикански настроенный президент Бетанкур. Еще до поездки в США Фидель побывал в Каракасе и прямо спросил Бетанкура, будет ли Венесуэла продолжать поставлять нефть на Кубу в случае ухудшения кубинско-американских отношений. Бетанкур отговорился, что его страна продаст нефть за деньги по мировой рыночной цене кому угодно, но Фидель понял, что на Бетанкура рассчитывать нельзя. К тому же венесуэльскую нефть на Кубе перерабатывали американские компании.

Че должен был договориться за рубежом о новых рынках сбыта кубинского сахара и о кредитах и технической помощи в целях индустриализации (и импортозамещения) на Кубе.

В западные страны ехать было бесполезно — там решения принимали американцы. Чтобы все-таки не злить Вашингтон, кубинская делегация под руководством Че должна была обойти стороной и социалистические страны.

В то время СССР обычно налаживал не подлежавшие широкой огласке связи с важными странами «третьего мира»

---

* *Instituto Nacional de Reforma Agraria.*

через Чехословакию. Так было с Гватемалой Арбенса Гусмана или с Египтом Насера. Маленькая и самая «западная» по менталитету и образу жизни из социалистических стран Чехословакия не внушала американцам столь сильного подозрения, к тому же в ней не было советских войск. В то же время Чехословакия имела опыт экономического сотрудничества с Кубой еще с довоенных времен*, и его возобновление казалось делом естественным. Наконец, несмотря на небольшие размеры, Чехословакия была самой промышленно развитой страной социалистического лагеря и имела отличную военную промышленность.

В начале 1959 года чехословацкая разведка (резидентура в Мексике) была неплохо информирована о событиях на Кубе, получая сведения в основном от членов НСП. Многие кубинские коммунисты регулярно бывали в Праге и убеждали руководство компартии Чехословакии в прогрессивной ориентации новых кубинских властей.

24 марта 1959 года политбюро ЦК КПЧ приняло решение направить на Кубу торговую делегацию для изучения перспектив двустороннего экономического сотрудничества[222]. В случае необходимости делегация имела полномочия обсудить поставки стрелкового оружия. Об этом просил в марте 1959 года прибывший в Прагу член руководства НСП Северо Агирре (он ехал в Москву на XXI съезд КПСС). Причем Агирре подчеркнул, что благодаря влиянию Рауля и Че Гевары Фидель за последнее время сильно изменил свои взгляды в левую сторону.

4 июля 1959 года ответственный сотрудник Министерства внешней торговли ЧСР Йозеф Гокеш встретился в Гаване с Че и пригласил его в Прагу. Но Че прекрасно помнил уроки Гватемалы — всего один корабль с чехословацким оружием дал тогда Вашингтону повод для изоляции режима Арбенса в Западном полушарии. Поэтому он ответил, что его визит в Чехословакию пока «политически неприемлем для Кубы»[223]. Но этой беседе все же было суждено иметь важные последствия в самом ближайшем будущем.

Пока выбор для визита Че был сделан в пользу нейтральных и развивающихся стран — Марокко, Судана, Египта, Сирии, Пакистана, Индии, Цейлона, Бирмы, Таиланда,

---

* Например, еще в 1937 году чехословацко-кубинский товарооборот составил 26 миллионов чехословацких крон, из них экспорт Чехословакии — 21 миллион. Не прекращалась торговля и во времена Батисты: товарооборот в 1957 году достиг 20,1 миллиона крон.

Индонезии, Югославии, Греции... и Японии. Японцы, конечно, были тогда оккупированной США страной, но достигли больших успехов в индустриализации, которые Че хотел изучить. К тому же Япония традиционно покупала кубинский сахар. Кстати, за сахар в делегации Че отвечал член НСП Альфредо Менендес — квалифицированный эксперт в этом вопросе.

10 июля 1959 года в ЦРУ поступило небольшое донесение о внешнеполитических взглядах Че. Его спросили (источник не раскрыт), базируется ли внешняя политика Кубы на принципах неприсоединения. «Гевара ответил, что в настоящий момент руки Кубы связаны наличием американской военно-морской базы на ее территории... Гевара добавил, что постепенно новый кубинский режим найдет путь, как это уже сделал Абд-эль-Насир (так в тексте. — *Н. П.*) с Суэцким каналом, выдавить базу США с Кубы и тогда новый режим покажет свою истинную политическую окраску»[224].

Фидель рекомендовал Че взять собой Алейду (своего рода свадебное путешествие), но тот вновь был бескомпромиссен — жена команданте не должна путешествовать за государственные средства.

12 июня 1959 года Че отбыл в свое заграничное турне и оказался плохим дипломатом. Причем в самом хорошем смысле этого определения. Он уставал от пустых протокольных мероприятий и банально-вежливых разговоров (и часто давал это понять). Он словно стеснялся, что ездит по миру за счет государства, и старался выбить из каждой столицы на своем пути максимум экономических и политических выгод для Кубы.

Как только Че покинул Кубу, Фидель обратился к США с просьбой увеличить закупки кубинского сахара с трех до восьми миллионов тонн в год — то есть американцам предложили весь кубинский урожай. США (как и предполагал Фидель) отказались, и Че получил свободу маневра — теперь даже союзники США могли покупать сахар с Кубы. Ведь американцы на него не претендовали.

Большинство собеседников Че в Европе, Азии и Африке были поражены несоответствием его внешнего и внутреннего облика. Все ожидали, что одетый в форму бородатый партизан должен быть говорливым, грубым и напористым. Но Че больше слушал, чем говорил, был вежлив и интеллигентен, даже застенчив, к тому же и более начитан, чем большинство из тех, с кем он встречался.

Конечно, Че прежде всего интересовали такие признанные лидеры национально-освободительной борьбы, как Насер, Неру и Сукарно.

С Гамалем Абдель Насером, который только что национализировал Суэцкий канал и начал (через Чехословакию) закупать советское оружие*, связи установились легко.

Но главное, что именно в Каире Че вступил в контакт с СССР, что обе стороны пока не афишировали. Посол Чехословакии в Египте Карпишек организовал встречу Че с советским послом. До этого, 16 июня, Че просил Карпишека о чехословацкой экономической и технической помощи. Переговоры с Че произвели в Праге такое позитивное впечатление, что уже 23 июня 1959 года политбюро ЦК КПЧ не только приняло решение о нормализации дипломатических отношений с Кубой, но и утвердило новую концепцию активизации отношений Чехословакии со странами Латинской Америки[225].

В результате переговоров Че с советским послом в Каире (о них постоянно информировали и Хрущева, и Фиделя) СССР обязался купить на Кубе полмиллиона тонн сахара. С оглядкой на американцев сделку договорились осуществить через нейтрального маклера в Лондоне.

С Джавахарлалом Неру, с которым Че мечтал встретиться еще в ранней юности, разговор не клеился. За торжественным обедом (на нем присутствовала дочь Неру Индира Ганди со своими сыновьями) на прямые вопросы Че, типа состояния китайско-индийских отношений, Неру глубокомысленно отвечал сентенциями о качествах тех или иных подаваемых блюд. Видимо, он не воспринимал молодого кубинца всерьез. Или был чересчур осторожен. А ведь Че ради встречи с кумиром своей юности даже сменил форму на костюм, после чего мрачно пошутил: «Ну, думаю, я достаточно элегантен, чтобы пообедать с премьер-министром самой слаборазвитой страны мира»[226]. Че иронично говорил о Неру как о мудром патриархе, снизошедшем до представителей кубинского народа.

Индия стала разочарованием — вместо мудрости и философии Че увидел касты, феодальные предрассудки, голод и нищету. Учиться тут было особо нечему. Это было для Че прощание с юношеской мечтой.

---

* Сначала Насер обратился с просьбой продать оружие к США, но получил отказ. Американцы не хотели подводить своих британских союзников, у которых Насер и отобрал Суэцкий канал.

Из Индии Че написал матери грустное (и, как всегда, проникнутое самоиронией) письмо, лучше многих томов говорящее о характере этого человека:

«Дорогая старушка,

моя старая мечта, посетить все эти страны, исполняется ныне таким образом, что я никак не могу насладиться своим счастьем. Мне постоянно приходится говорить о политических и экономических проблемах, давать приемы — не хватало только начать носить смокинг — и отказываться от того, что мне больше всего нравится — а именно выйти на волю и помечтать в тени пирамиды или у саркофага Тутанхамона. И кроме того мне не хватает Алейды, которую я не смог взять собой из-за своих сложных психических комплексов...*

Но между тем у меня возникло ощущение противоречия между гигантской задачей и моей личностью. Я все тот же одиночка, как и раньше, и ищу свой путь без помощи других, но теперь я сознаю свой исторический долг. У меня нет родины, нет жены, нет детей, нет родителей, нет братьев и сестер. Мои друзья остаются моими друзьями только до тех пор, пока они разделяют мои политические взгляды. И все же я доволен, так как ощущаю нечто в моей жизни, не только большую внутреннюю силу, которую я чувствовал всегда, но уже способность вести за собой других, и фантастическое чувство великой миссии, которое лишает меня любого страха»[227].

«Самокопание», а точнее, самоанализ, да еще и беспощадный к самому себе — это удел умных, сильных и в то же время очень ранимых и, как бы сказали в России, «душевных» людей. Каким и был Эрнесто Гевара.

Че уже тогда ясно представлял себе характер своей будущей великой миссии — освобождение Латинской Америки от американского диктата. И не только представлял, но уже обдумывал детали. Как-то в Японии, к удивлению членов своей делегации, Че вдруг стал говорить о нагорье в Боливии, рядом с Парагваем, откуда недалеко и до Аргентины, Перу, Чили, Бразилии, Уругвая. Именно там надо начать партизанскую борьбу, которая должна охватить весь континент. Тогда мало кто придал серьезное значение этим размышлениям вслух.

---

* Уже в ходе визита Фидель опять предложил Че отправить к нему жену, но уговоры были бесполезны.

Хорошие отношения установились у Че с президентом Индонезии Хаджи Ахмедом Сукарно — оба были людьми открытыми и неформальными. Тем более что у Сукарно было о чем рассказать кубинскому гостю — в 1957 году ЦРУ попыталось поднять против него военный мятеж. К берегам Индонезии были переброшены американские военные корабли с десантом морской пехоты. Сукарно обратился за помощью к СССР и быстро получил советское новейшее оружие. В Индонезию пришли советские подлодки, и американцам пришлось трубить отбой. Че хорошо запомнил индонезийский опыт.

В Японии визит вообще грозил закончиться, так и не начавшись. Че наотрез отказался возложить венок к могиле Неизвестного солдата (эту церемонию согласовали без его ведома). Он не хотел чтить память «империалистической армии», уничтожившей в годы Второй мировой войны миллионы азиатов. Вместо этого, заявил Че, он лучше поедет в Хиросиму, где американцы убили тысячи ни в чем не повинных мирных жителей Японии. Целых 12 дней (с 15 по 27 июля 1959 года) Че ездил по Стране восходящего солнца, знакомясь, прежде всего, с работой японских компаний, таких как «Тошиба» и «Мицубиси».

Че сделал японцам, как ему казалось, разумное предложение. Япония так и так закупает в год миллион тонн сахара, треть этого количества — на Кубе. Кубинцы согласились бы, говорил Че, вместо долларов принять в оплату иены (тогда это была отнюдь не востребованная мировая валюта) и закупить на эти иены промышленное оборудование в Японии. К удивлению Че, японцы отказались и честно признались, что боятся негативной реакции США.

В Осаке кубинский консул пригласил делегацию в самое большое кабаре мира (там танцевали сразу 600 женщин), видимо припомнив опыт времен Батисты. Гражданским членам делегации Че разрешил принять решение самостоятельно. Сам же, конечно, не пошел: он не мог себе представить, как можно ночь напролет веселиться за государственные деньги.

Главным итогом длительной зарубежной поездки Че стал рост популярности кубинской революции в мире. С этой задачей открытый, скромный и интеллигентный команданте справился блестяще. С экономической точки зрения успехи были скромнее, если не считать выгодного для Кубы соглашения о закупке кубинского сахара СССР. Развивающиеся страны были по уровню развития еще ниже Кубы и не

могли оказать помощи в индустриализации. Стало окончательно ясно, что посодействовать в этом отношении могут только страны социализма. Столь же понятно было и то, что американцы воспримут тесные отношения Кубы с Москвой и ее «сателлитами» как неофициальное объявление войны. В этом случае Кубе была бы уготована судьба Гватемалы. И Че, понимая это, делал все возможное, чтобы на этот раз исход противостояния с могучим северным колоссом был иным.

Первые прямые экономические контакты со странами социализма были налажены через Прагу. В июле 1959 года на Кубу прибыла делегация Министерства внешней торговли ЧСР и находилась на острове до середины августа*. Гостей приняли президент Кубы** и несколько министров. Чехословакия обязалась закупить на Кубе 100 тонн кофе, 45 тонн табака и была готова поставить грузовики, тракторы, дизельные моторы. С учетом аграрной реформы кубинцы были заинтересованы и в поставках сельскохозяйственных машин. Чехословацкие специалисты по просьбе Кубы были готовы наладить на острове геологоразведку и модернизировать телефонную связь[228].

С оглядкой на США кубинцы просили пока не форсировать обмен посольствами (они, к неудовольствию Праги, задерживали агреман послу ЧСР в Мексике, который по совместительству должен был представлять интересы Чехословакии на Кубе). Тем не менее по итогам визита делегации на Кубе осталась небольшая чехословацкая торговая миссия, члены которой обладали дипломатическим иммунитетом.

С кубинской стороны был подтвержден интерес к закупкам чехословацкого оружия, но только через третьи страны.

Американцы внимательно следили за зарубежным визитом Че. 24 июня на заседании СНБ США директор ЦРУ Аллен Даллес проинформировал президента, что «Че Гевара, один из основных левонастроенных помощников Кастро, недавно отправился с визитом к Насеру. Во вре-

---

* Ни одного советского гражданина на Кубе до осени 1959 года не было.

** В июле 1959 года Мануэля Уррутию на этом посту сменил Освальдо Дортикос Торрадо (был президентом до 1976 года). По образованию юрист, член НСП с 1940-х годов. Позднее Дортикос Торрадо примкнул к «Движению 26 июля», в 1958 году был арестован охранкой Батисты.

мя встречи с Насером он в резких выражениях говорил о США»[229].

9 июля опять-таки на заседании СНБ директор ЦРУ доложил, что «...Че Гевара достиг Индии и вступил там в контакт с индийскими коммунистами. Он жаловался им, что руки Кубы связаны из-за американской базы в Гуантанамо. Он, однако, предсказал, что Куба скоро избавится от этой базы...».

2 августа посольство США на Кубе опровергло «сдвиг влево» режима Кастро: «Следует отметить, что лидеры, которых связывали с прокоммунистическими тенденциями, а именно Рауль Кастро, Че Гевара и Нуньес Хименес*, категорически отрицают, что они коммунисты... Эти люди антиамерикански настроены и во многих отношениях они кажутся коммунистами по своему мышлению, но их не надо списывать со счетов и отдавать на откуп коммунистам».

19 августа о визите делегации Че доложил госсекретарю заместитель начальника Бюро разведки госдепартамента Арнесон: «Эта миссия, якобы чисто экономическая, имеет, однако, целью и укрепление уз дружбы с этими странами, и разъяснение им политики режима Кастро. Делегацию возглавляет доверенный помощник Фиделя Кастро противоречивый аргентинец Эрнесто "Че" Гевара, который выражал резкие антиамериканские и националистические взгляды и чьи воззрения во многих аспектах параллельны коммунистической идеологии...»[230]

Американцы отметили заявление Че в Египте о том, что США враждебно настроены по отношению к Кастро, так как опасаются, что пример революционной Кубы окажется привлекательным для других стран Латинской Америки, а это будет означать конец там «американского империализма» (кавычки госдепартамента. — *Н. П.*). В Индии Че «атаковал» политику США по поддержке диктаторов в Латинской Америке.

Упомянул он и «гватемальский прецедент». В Индонезии Че прямо обвинил США в агрессии против Кубы и отметил, что компания «Юнайтед фрут» играет на Кубе такую же роль, какую играла в Гватемале.

Миссию Че в Египте госдепартамент оценивал как успешную, а вот в Индии особых успехов не отмечалось. В Бирме договорились об обмене кубинского сахара на рис. В Японии Геваре (которого встретили скептически)

---

* Директор ИНРА, единомышленник Че.

удалось произвести очень благоприятное впечатление, но конкретных экономических соглашений не достигнуто. Короткие визиты в Индонезию, Пакистан и на Цейлон практически ничего не дали. В Югославии американцы обратили внимание на высказывание Че о необходимости использования югославского опыта на Кубе. Это насторожило госдепартамент, так как Югославия была хотя и неприсоединившейся, но все-таки социалистической страной.

Кубинцы уделяли большое внимание противодействию американской информационной войне против Кубы, которая после объявления Фиделем аграрной реформы быстро набирала обороты.

16 июня 1959 года по инициативе Че было основано мощное информационное агентство «Пренса Латина» («Латиноамериканская пресса»), во главе которого встал земляк Че аргентинский журналист Хорхе Рикардо Массети, бравший интервью у Фиделя еще в горах Сьерра-Маэстра. Само название агентства говорило о его главной цели — не только распространении информации о Кубе во всем Западном полушарии, но и противодействии американской пропагандистской машине в Латинской Америке. Кубинцы были твердо намерены запустить «свое» Си-эн-эн.

После объявления аграрной реформы американцы уже твердо взяли курс на свержение Кастро, не исключая возможной физической ликвидации кубинского лидера. 16 июля посольство США сообщило в Вашингтон, что Кастро убежден: США готовят его свержение. Бонсал предлагал успокоить кубинского лидера: США, мол, относятся к нему с симпатией и верят, что он не коммунист. Госдепартамент согласился с таким предложением.

Еще 12 июня 1959 года посол Бонсал посетил Фиделя и выразил озабоченность тем, что из-за аграрной реформы может сократиться экспорт кубинского сахара в США, и это после того, как американцы только что отказались увеличивать закупки (!)[231]. Кастро твердо пообещал, что все обязательства перед США будут выполнены. Причем для этого, продолжал кубинский лидер, стоит, видимо, не передавать отчуждаемые земли мелкими участками крестьянам (так сахарный тростник не вырастишь), а образовывать сельхозкооперативы (идея Че). Бонсал был вынужден без возражений «проглотить» эту идею. Фидель заверил по-

сла, что он не против американских частных инвестиций, и, засмеявшись, согласился с утверждением Бонсала, что американские фирмы играют в кубинской экономике конструктивную роль.

Тем не менее американцы направили в МИД Кубы фактически ноту протеста против аграрной реформы. При этом в анализе госдепартамента относительно ситуации в кубинской экономике за первое полугодие 1959 года отмечалось, что она в «хорошем состоянии». Одновременно признавая бегство частного капитала с Кубы во время свержения Батисты, госдепартамент выступил против предоставления Кубе кредита, компенсировавшего произошедшее из-за этого нарушение платежного баланса.

В качестве «последнего оружия» госдепартамент советовал сократить квоту на закупку кубинского сахара*.

Между тем ЦРУ, Сомоса, Трухильо и американская мафия активно финансировали кубинскую эмиграцию, которая летом 1959 года перешла от пропагандистской войны к прямым вооруженным акциям против своей родины.

Открыто против «коммунистической» политики Кастро выступил военный губернатор провинции Камагуэй, член руководства «Движения 26 июля» Убер Матос. Консервативно настроенные министры сельского хозяйства, внутренних и иностранных дел демонстративно подали в отставку.

На Кубе стали греметь взрывы, во Флориде контрреволюционные эмигранты формировали вооруженные отряды для вторжения на остров.

Кубинцы в долгу не оставались. В середине июня 1959 года в Доминиканской Республике высадился вооруженный отряд доминиканских оппозиционеров, получивших на Кубе оружие и военную подготовку. Экспедиция была разгромлена, и доминиканский диктатор Трухильо громогласно обвинял Кубу в экспорте революции, требуя вмешательства ОАГ и США.

В начале июня провалом закончилась попытка никарагуанских революционеров вторгнуться с территории Гондураса в Никарагуа. Оружие предоставила Куба, а экспедицией руководил друг Че с гватемальских времен Родольфо Ромеро. Девять партизан, в том числе и один кубинец, были убиты. Ромеро удалось выйти из гондурасской тюрь-

---

* США в 1959 году закупали 3 миллиона тонн — половину всего кубинского производства сахара.

мы (президент Гондураса Моралес сказал ему, что является горячим поклонником Че) и вернуться в Гавану.

24 июня на заседании СНБ США Аллен Даллес говорил о решимости Кастро избавиться от Сомосы и Трухильо. Причем в этом его тайно поддерживают президенты Коста-Рики (Фигерес) и Венесуэлы (Бетанкур). Даллес был вынужден признать, что оба диктатора настолько непопулярны в Латинской Америке, что на их защиту сложно мобилизовать механизм ОАГ[232]. Госсекретарь Гертер отметил, что если США открыто встанут на сторону этих диктаторских режимов, «...у них [США] возникнут серьезные проблемы со многими латиноамериканскими республиками».

7 июля посольство США на Кубе признавало, что в отличие от того же Трухильо Кастро пользуется широкой народной поддержкой, причем в том числе и среди средних слоев. Бонсал успокоил Вашингтон: коммунистов в вооруженных силах Кубы гораздо меньше, чем антикоммунистов.

Было широко известно, что доминиканский диктатор Трухильо сформировал у себя международный антикоммунистический Карибский легион, куда вошли не только кубинские эмигранты, но и бывшие эсэсовцы и нацистские коллаборационисты из стран Восточной Европы (например хорваты), скрывавшиеся в Доминиканской Республике от справедливого возмездия. Легионеры при поддержке ЦРУ должны были высадиться на Кубе и начать там партизанскую войну. Еще в феврале 1959 года представитель ЦРУ Фрэнк Бендер встретился с начальником тайной полиции Трухильо известным садистом Джонни Эббсом (по кличке Карибский Гиммлер) с целью планирования вооруженных акций против Кубы[233].

Но «наивный и неопытный», с точки зрения американцев, Фидель опять лихо переиграл американские спецслужбы. По его указанию бывший главком «второго фронта» в Эскамбрае Элой Гутьеррес Менойо (о котором было известно, что он твердый антикоммунист) вошел в «тайный» контакт с Трухильо и обещал к моменту высадки захватить город Тринидад вместе с тамошним аэродромом. Туда и должны были приземлиться «борцы против коммунизма» из Доминиканской Республики. Трухильо передал «заговорщику» Менойо три коротковолновых радиопередатчика. В Майами через зятя Трухильо Порфирио Рубироса было закуплено оружие для «партизан».

6 августа 1959 года яхта с оружием отчалила из Флориды, но вместо условленного места на побережье Кубы пристала прямо в Гаване, где ее осмотрел Фидель. Капитан яхты американец Уильям Морган (друг Менойо) тоже был в курсе игры против Трухильо. В руки кубинцев попали 40 крупнокалиберных пулеметов, десятки винтовок и большое количество боеприпасов.

Интересно, что ФБР США следило за Морганом во Флориде и было убеждено, что тот готовит покушение на Кастро[234]. Поэтому Моргану никто и не мешал. Доклад ФБР попал в госдепартамент, и тот через Бонсала предупредил Кастро о грозящей ему опасности. Вероятно, Фидель изрядно повеселился над этим «предупреждением».

Менойо вместе с Камило Сьенфуэгосом отправились в Эскамбрай и вышли оттуда на связь с Трухильо:

— Три Джей-кей вызывает Кей-джей-би.

— Три Джей-кей — прием. На связи Кей-джей-би. Слышу вас хорошо и четко.

— Указания выполнены. Я в горах и борюсь против коммунистов. Американец [Морган] пристал на условленном месте. Теперь все в ваших руках. Да здравствует свободная Куба!

Кубинцы также выдали СМИ фиктивное сообщение американского информационного агентства ЮПИ о восстании в горах Эскамбрай. 8 августа были арестованы два сотрудника посольства США в Гаване, замешанные в заговоре Трухильо. Прошли массовые аресты и в Эскамбрае. Эти аресты едва не поставили под вопрос успех всей операции.

9 августа ночью доминиканский самолет попытался приземлиться в Эскамбрае (кубинцы гостеприимно подсветили ему полосу), но улетел обратно из-за плохих погодных условий. 11 августа самолет ВВС Доминиканской Республики вернулся и сбросил на парашютах оружие и боеприпасы.

Трухильо услышал об арестах на Кубе и захотел лично пообщаться с Морганом:

— Три Джей-кей, говорит Кей-джей-би, прием.

— Говорит американец, — ответил Морган.

— Что у вас там творится!? — заорал диктатор. — Сюда доходят ужасные новости. Они [кубинцы] заявляют, что всех арестовали и что и тебя вот-вот схватят. Что можешь мне сказать? Прием.

— Информация информагентств сфабрикована правительством. Вы же знаете, эти люди мастера пропаганды.

Это план, специально направленный на создание неопределенности, чтобы задержать прибытие подкреплений.

Дальше к беседе подключился сам Фидель, все это время находившийся рядом с Морганом. Он пробормотал в микрофон, понизив голос:

— Три Джей-кей вызывает Кей-джей-би.

— Говорите, Три Джей-кей.

— Мне только что сообщили, что пал Тринидад, он в наших руках. Теперь вы можете прислать грузы прямо в аэропорт.

Трухильо проглотил наживку, и на следующий день 12 августа доминиканский С-47 сел в аэропорту Тринидада. Переодетые крестьянами солдаты кубинской армии радостно закричали: «Да здравствует Трухильо!» Личный эмиссар Трухильо отец Веласко был растроган таким радушным приемом и улетел обратно.

13 августа (в свой день рождения) Фидель вышел на связь с Трухильо, сообщил об ожесточенных боях, взятии Санта-Клары и просил прислать на помощь Карибский легион. Но доминиканский диктатор пришел к выводу, что события на Кубе развиваются столь благоприятно, что легион уже не нужен. Трухильо 14 августа прислал лишь еще один С-47 (управляемый личным пилотом Батисты) с группой экспертов и военных советников, а также с вооружением и боеприпасами. Личным эмиссаром Трухильо на сей раз был сын мэра Гаваны при Батисте Луис дель Посо, лично знавший Менойо. Дель Посо и Менойо обнялись, и первый немедленно попросил карту объектов, которые должны были бомбардировать доминиканские ВВС. Тут к нему подошли кубинские солдаты, и дель Посо упал в обморок. Игра была сделана.

Таким образом, успешно закончилась операция молодых органов кубинской госбезопасности, которые возглавил бывший заместитель Че в колонне номер 8 27-летний Рамиро Вальдес.

4 сентября 1959 года Фидель приехал на встречу с Бонсалом в посольство США. Кастро заметил американскому послу, что тот слишком пессимистически смотрит на двусторонние отношения. Они нормальные, хотя американская пресса и поливает Кубу помоями. Бонсал попытался подвигнуть кубинского лидера к каким-нибудь антикоммунистическим заявлениям, но Кастро «не проявил интереса». Да, он принимает поддержку местных коммунистов, особенно в профсоюзах. Но и только. Бонсал заговорил о

берлинском кризисе, в котором США обвиняли Хрущева*, и попытался выудить из Кастро хоть какие-нибудь антисоветские заявления. Но «наивный» Фидель был явно хитрее своего собеседника — он ответил, что все эти далекие от Кубы темы его мало интересуют. Если, он, Фидель, не присутствует на переговорах Хрущева с Эйзенхауэром**, то не ему давать им советы. Бонсал наседал: Куба должна публично выразить поддержку «свободному миру в борьбе против [коммунистического] рабства». Но Фидель опять «не проявил интереса». Против коммунистической идеологии на Кубе он тоже не собирался лично бороться, заявив, что у него есть более важные занятия.

18 сентября 1959 года в госдепартаменте состоялось совещание с целью выработки новой линии по отношению к Кубе. Заместитель госсекретаря Руботтом «покаялся», что госдепартамент слишком долго верил в демократические идеалы кубинской революции, но настало время смены вех. Американцы подозревали, что смелость Кастро в проведении социальных преобразований вызвана тем, что он рассчитывает на помощь «советского блока». На сей раз они были не далеки от истины, хотя искусно введенный в заблуждение Фиделем Бонсал призывал пока не портить отношения с Гаваной. Он даже предложил поставить на Кубу тренировочные самолеты Т-28 (которые были обещаны еще Батисте), но с ним не согласились.

Че после возвращения в Гавану (5 сентября 1959 года) был назначен начальником Департамента промышленности (Промышленное управление) ИНРА (7 октября), то есть фактически стал министром промышленности. Его солдаты в Ла-Кабанье были огорчены тем, что их боевой командир уходит «на гражданку», хотя за Че было сохранено воинское звание команданте. В своем военном качестве Че по-прежнему отвечал за политическую подготовку кубинских вооруженных сил.

Новый офис Че располагался в современном тринадцатиэтажном здании, которое при Батисте построили для мэрии Гаваны.

---

* В ноябре 1958 года Хрущев потребовал вывода американских, английских и французских войск из Западного Берлина и превращения его в нейтральный «свободный город». Советский лидер абсолютно верно констатировал, что никакой правовой основы для пребывания в Западном Берлине иностранных войск нет.

** 15—27 сентября 1959 года Хрущев находился с официальным визитом в США (это был первый визит советского лидера в Америку).

Состоявший сначала из пары человек* Департамент промышленности ИНРА активно взялся за дело. Фидель согласился с предложением изучить и при необходимости пересмотреть условия концессий, выданных при Батисте американским компаниям в сфере связи, электроэнергетики и горнодобывающей промышленности.

Концессии были пересмотрены.

Куба являлась для США важнейшим поставщиком кобальта и никеля**. И этот кубинский никель полностью принадлежал американскому тресту «Фрипорт сульфур», который через свои дочернии компании на Кубе («Кьюбен майнинг», «Никаро никель». «Моа бей никель» и «Америкэн никель») эксплуатировал на концессионных началах два завода по выработке никеля в Моа и Никаро. Правительство США имело контракт на закупку до 1965 года 123 тысяч тонн никеля, который американцы использовали в основном в военной промышленности.

27 октября 1959 года по инициативе Че был принят закон номер 617 о проведении нового учета отданных в концессию рудников. Согласно закону, концессионеры должны были выплачивать Кубинскому государству, кроме ежегодного налога на землю, еще 5 процентов среднегодовой стоимости добытой руды, а в случае экспорта — 25 процентов стоимости.

В ответ американские компании перешли к открытому саботажу и заявили, что не будут отгружать никель до 1960 года.

Одним из первых посетителей, кого Че принял в новом качестве, стал первый советский «официальный» представитель на Кубе — корреспондент ТАСС Александр Иванович Алексеев***. Он прибыл на Кубу 1 октября 1959 года и первым делом провел беседы с лидерами НСП. В Москве на тот момент уже знали, что главными сторонниками социализма в кубинском руководстве являются Рауль Ка-

---

* Это были Че с секретарем — супругой Алейдой.

** В 1957 году США импортировали с Кубы 22,8 тысячи тонн никеля (весь американский импорт никеля — 137,5 тысячи тонн).

*** В 1935—1939 годах Александр Алексеев учился на историческом факультете МГУ и в 1938—1939 годах работал переводчиком группы советских военных специалистов в Испании. На пятом курсе его пригласили на работу в НКВД. Был сотрудником советских посольств в Иране, Франции и Аргентине (1954—1958). В 1959-м официально работал в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей).

стро* и Че Гевара. Поэтому визит Алексеева к Че был запланирован заранее.

Че, как и Сталин, работал ночами напролет и поэтому принял советского гостя в 2 часа ночи 13 октября. Че был искренне рад, он расспрашивал Алексеева о событиях на своей родине, Аргентине, где тот недавно работал. Уже скоро собеседники перешли на «ты». Алексеев, увидев работавшую в кабинете красивую блондинку, шутливо упрекнул Че, что он борется против эксплуатации, а сам нещадно эксплуатирует своих сотрудников. Че улыбнулся: «Ах да! Ты прав, но это не только моя секретарша, но и моя жена».

Че просил передать в Москву, что кубинская революция истинно народная, антиимпериалистическая и антиамериканская, но она не сможет победить без помощи социалистического содружества. При этом Че подчеркнул, что это его личное мнение.

Че обещал Алексееву устроить встречу с Фиделем, о политических взглядах которого в Москве пока знали довольно мало. Че сдержал слово уже через три дня. Беседа с Фиделем прошла в том же здании ИНРА (присутствовал директор ИНРА Нуньес Хименес — неформальный министр экономики) и сразу приобрела дружеский характер, не в пример переговорам кубинского лидера с Бонсалом. Увидев принесенную русским гостем водку и икру, Фидель предложил все это немедленно попробовать. Как и большинство кубинцев той поры, Фидель знал о России в основном по американским СМИ, твердившим, что русские –люди отсталые и никаких хороших товаров у них быть не может. Но водка и икра ему так понравились, что он сказал Хименесу: «Нуньес, советские товары ведь прекрасны, не правда ли? Я их еще не пробовал. Думаю, нам стоит возобновить торговые отношения с Советским Союзом»[235].

Однако попытку Алексеева поставить вопрос о восстановлении дипломатических отношений Фидель отвел: пока не время. Кубинский народ еще слишком пропитан антикоммунизмом, который ему привили американцы. Фидель процитировал Ленина — массы сначала надо подготовить. В отличие от Че, он не употреблял в беседе слова «социализм», но говорил, что на Кубе строят общество, где не будет эксплуатации человека человеком.

* Через одного из лидеров НСП Ласаро Пенью Рауль Кастро еще весной передал в Москву просьбу о поставках оружия через Польшу или Чехословакию. Президиум ЦК КПСС 23 апреля 1959 года принципиально одобрил эту просьбу.

Нуньес Хименес предложил в качестве первого шага новых кубинско-советских отношений привезти в Гавану из Мехико открывшуюся там советскую торгово-промышленную выставку. В Мексике выставку открывал Анастас Иванович Микоян* — второй после Хрущева человек в тогдашнем советском руководстве. Фидель сразу же согласился с Нуньесом Хименесом и пригласил Микояна в Гавану.

Это был блестящий ход: что могли возразить американцы, если выставка уже гостила во вполне проамериканской Мексике?

Алексеев вылетел в Мехико, в душе сомневаясь, что Москва решится на такой спонтанный шаг. Однако Хрущев уже испытывал к кубинской революции искреннюю симпатию и немедленно дал Микояну «добро» на посещение Кубы.

Американцы полностью «проспали» Алексеева, хотя ранее внимательно следили за приездом на Кубу группы китайских журналистов, и Бонсал выражал Фиделю на сей счет «обеспокоенность».

Первый контакт с советским представителем сильно укрепил веру Фиделя в то, что Куба уже не находится один на один с США. Сразу же после беседы с представителем ТАСС было объявлено о замене министерства национальной обороны на министерство революционных вооруженных сил. Отныне в новом ведомстве были сконцентрированы все вооруженные органы Кубы, включая полицию. Сменилось не только название — министром стал не любимый американцами Рауль Кастро, которого, как и Че, они постоянно подозревали в коммунистических убеждениях. Бонсал писал в Вашингтон, что Рауль «экстремист-левак и часто говорят, что он коммунист. Это тревожное развитие событий»[236].

Но Фидель опять продемонстрировал недюжинное дипломатическое мастерство и 19 октября выступил на английском языке перед Американским обществом турагентов. Речь произвела крайне благоприятное впечатление, и Кастро завалили просьбами об автографах. Полтора часа кубинский лидер расписывался на значках и долларовых банкнотах. На последовавшем приеме к Бонсалу подсел «экстремист» Рауль Кастро: «Он был очень сердечен и дружелюбен. Он отказался от бокала вина, заявив, что только

---

* Анастас Микоян был в 1959 году членом Президиума ЦК КПСС, заместителем председателя Совета министров (правительство возглавлял сам Хрущев) и министром внутренней и внешней торговли.

что всей кубинской армии приказано воздержаться от употребления алкогольных напитков на два года (и в этом отношении Рауль и Че были единомышленниками. — *Н. П.*)... Рауль Кастро выразил заинтересованность во встречах со многими аккредитованными здесь военными атташе, в том числе и с американскими»[237]. Под конец беседы Рауль пригласил очарованного им Бонсала на морскую рыбалку.

Американцы для себя уже решили, что любая поддержка Кастро со стороны СССР будет предлогом для введения против Кубы экономических санкций. Директор управления по межамериканским экономическим вопросам госдепартамента Теркелл еще 1 июля 1959 года отмечал в меморандуме: «Если Россия начнет действовать, поддерживая Кастро, что мы считаем нетерпимым, США должны применить [против Кубы] санкции, предусмотренные для стран, находящихся под коммунистическим влиянием»[238].

Пока же американцы давили на Лондон. Кубинское правительство попросило Великобританию обменять находившиеся на вооружении кубинских ВВС английские самолеты «Си фьюри» на такое же количество самолетов «Хоукер хантер». Американцы возражали и объясняли такую лицемерную позицию нежеланием разворачивать гонку вооружений в Карибском бассейне, намекая на сложные отношения между Кубой и Доминиканской Республикой. При этом ВВС Трухильо по количеству боевых самолетов в разы превосходили ВВС Кубы, и доминиканский диктатор несколько раз публично угрожал разбомбить Гавану.

26 ноября 1959 года Че был назначен директором Национального банка Кубы (он возглавлял его 456 дней), причем других обязанностей (армия, ИНРА) никто с него не снимал. Че так комментировал свое назначение в письме родителям:

«Дорогие старики!

...Мы не люди, а рабочие машины, которые борются против времени в тяжелых и удивительных условиях.

Промышленное управление [ИНРА] я создавал сам; с болью выдохшегося отца я его наполовину забросил, чтобы посвятить себя моему, видимо, ниспосланному Богом призванию — финансам...»[239]

Национальный банк функционировал на тот момент по американскому образцу — то есть правительству не подчинялся и вел только монетаристскую политику, пытаясь регулировать находящуюся в обращении денежную массу. Никакого участия в финансировании промышленного раз-

вития страны банк не принимал — и не должен был принимать с монетаристской точки зрения. Именно такой подход и должен был в корне изменить Че.

Без денежной реформы в самое ближайшее время было не обойтись, но никто не горел желанием проводить столь непопулярные меры. Потому Фидель поручил это Че. Он знал, что в таком случае поручение будет добросовестно проработано и четко выполнено.

Задача была не из легких. Из-за оттока капитала, которым сопровождалось бегство Батисты, валютных резервов у банка почти не было*. Надеяться на американские или западные кредиты не приходилось. Американские банки еще до назначения Че отказались предоставить кубинским предприятиям (причем частным) обычные коммерческие кредиты (40—50 миллионов долларов), выделявшиеся до этого каждый год.

Сам Че, выступая в марте 1960 года перед студентами Гаванского университета, скромно заметил относительно всех своих должностей: «Позвольте мне остаться тем, кем я на самом деле являюсь, — скромным революционером и студентом первого курса... (*Аплодисменты.*) Я — студент первого курса по специальности "финансы" Университета Революции. (*Аплодисменты.*)»[240].

Сам Че неоднократно рассказывал, как произошло его назначение (в его подаче это был анекдот). Мол, Фидель на одном из заседаний сказал, что ему срочно нужны хорошие экономисты. Че немедленно поднял руку. Фидель удивился: «А ты разве экономист?» Че ответил: «А мне послышалось, что нужны хорошие коммунисты». Конечно, на самом деле назначение было продумано, но Че любил пошутить на собственный счет.

На церемонии приведения нового главы Нацбанка к присяге Че и Фидель были в военной форме и смотрелись на фоне присущих финансовому миру костюмов и галстуков как белые вороны. Че продолжал демонстрировать свое пренебрежение к формальностям.

Президент Кубы Освальдо Дортикос (который как юрист любил во всем точность и строгость) был удивлен,

* На начало января 1959 года Нацбанк Кубы располагал всего 111 миллионами долларов — самый низкий уровень валютных резервов после окончания Второй мировой войны. За пять лет правления Батисты (1953—1958) страна потеряла 379 миллионов долларов резервов. К концу 1959 года в США ожидали, что резервы Кубы сократятся до 75 миллионов долларов.

когда новый президент Национального банка подписал свою присягу не как «Эрнесто Гевара де ла Серна», а просто — «Че». Президент поручил обратить внимание новоявленного финансиста на то, что подписываться надо полным именем, а не прозвищем. Че, в свою очередь, передал главе государства: «Каждый подписывается, как хочет»[241]. На этом сюрпризы для делового мира не кончились — подпись «Че» появилась и на новых кубинских банкнотах.

Посол США на Кубе так прокомментировал назначение Че в депеше в госдепартамент: «Гевара не нуждается в специальном представлении. Он настроен антиамерикански, его позиции по отношению к американскому частному бизнесу [на Кубе] и в целом крайне левые позиции хорошо известны»[242].

1 декабря 1959 года на заседании СНБ США внимание Че уделил директор ЦРУ Аллен Даллес. В протокольной записи заседания СНБ указывалось: «...Назначение "Че" Гевары, аргентинского солдата удачи, директором Национального банка стало ударом по тем членам кубинского правительства, которые не хотят сдвига влево. Мистер Даллес сказал, что нам теперь следует быть готовыми к радикальным шагам типа экспроприации финансовой выручки от продажи сахара...» Даллес расценил последние события на Кубе как дрейф в сторону коммунизма при все более явной поддержке социалистических стран. «...Мистер Даллес отметил, что СССР действует очень умно, не позволяя раскрывать свои интересы на Кубе. Например, Микоян решил не ехать на Кубу (тут Аллен Даллес сильно ошибался. — *Н. П.*). Госсекретарь Гертер заметил, что СССР не хочет быть идентифицирован с любыми шагами Кубы в направлении коммунизма, так как он убежден, что мы предпримем действия против возможного коммунистического правительства Кубы по образцу наших действий в Гватемале».

10 декабря 1959 года на заседании СНБ тревогу относительно возможного укрепления советско-кубинских связей выразил вице-президент Никсон, что было отражено в протоколе: «Вице-президент спросил, какова линия коммунистов в отношении Кубы? У него сложилось мнение, что русские не возражают против жесткого курса Кубы*.

---

* Никсон имел в виду социально-экономические преобразования на Кубе, «жесткие» по отношению к американскому бизнесу на острове.

Мистер Бисселл* сказал, что Советы поддерживают жесткую антиамериканскую линию на Кубе под маской национализма. Микоян не остановился на Кубе во время своего последнего визита, чтобы не дать повода для утверждений о том, что люди вокруг Кастро имеют связи с коммунистами»[243].

Между тем американцы были вынуждены признать, что аргентинский «солдат удачи» пока неплохо руководил кубинскими финансами. Хотя в 1959 году у Кубы оказалось на 195 миллионов долларов меньше валютных поступлений, чем планировалось, с помощью ограничения некритического импорта внешний баланс удалось выровнять. В начале 1959 года революционное правительство повысило заработную плату на 86 миллионов песо (тогда одно кубинское песо соответствовало одному доллару США) и денежная масса выросла на 14 процентов. Стране угрожала инфляция. Что касается валюты, то, как упоминалось, ее не хватало.

В этой сложной ситуации Че действовал решительно, быстро и профессионально.

Были проведены меры бюджетной экономии, предприятия заставляли снижать издержки. К середине 1960 года угроза инфляции была преодолена. Что касается валюты, то был введен жесткий контроль над импортом, разрешение на который отныне выдавал Национальный банк. Особенно взбесило все «сливки» кубинского общества введенное Че ограничение на вывоз валюты при путешествиях — 150 долларов в год. А ведь кубинский «креативный класс» любил ездить на шопинг в Майами если не каждую неделю, то уж точно каждый месяц.

Тем не менее все эти меры стабилизировали валютный баланс Кубы.

Придя в Национальный банк, Че, как и большевики в 1917 году, столкнулся с явным саботажем. Многие чиновники подали в отставку, не желая работать под началом неквалифицированного, да к тому же еще «красного» иностранца. Че, казалось, подтвердил их опасения. Первым делом он отказался от высокой зарплаты, заявив, что военного жалованья ему вполне достаточно.

Затем он узнал, что еще при Батисте был заложен фундамент нового 31-этажного (!) здания Национального бан-

---

* Ричард Бисселл на тот момент был заместителем Даллеса в ЦРУ и курировал, в частности, программу полетов самолетов-шпионов У-2 над территорией СССР.

ка, расходы на возведение которого оценивались в 16 миллионов долларов. Архитекторы так и не смогли объяснить ему, зачем (кроме престижа и подражания американским небоскребам) в Гаване надо возводить высотку. Ведь это означало дополнительные расходы на лифты и противоураганные окна. Когда Че насмешливо сказал, что лифты вообще не нужны, ведь даже он с его астмой может с передышками подняться по лестнице на 31-й этаж, один из архитекторов с возмущением покинул кабинет.

Естественно, что Че отказался от помпезного здания, на фундаменте которого позднее возвели больницу.

В январе 1960 года, к неудовольствию Вашингтона, на Кубе были национализированы все сахарные плантации (в том числе и американские), которые в точном соответствии с идеями Че были преобразованы в государственные предприятия. При этом компенсаций американцам не предложили. Фидель был уже явно уверен в помощи СССР при возможном столкновении с США, поэтому преобразования на Кубе становились все радикальнее.

Че активно продолжал свою работу в ИНРА. Пока национализацию промышленных предприятий на Кубе проводить не решались — было и так много проблем с американцами в связи с аграрной реформой. Однако Че с помощью чилийских коммунистов пригласил на работу в ИНРА экономистов из Чили, а в этой стране еще задолго до Альенде был очень большой опыт государственного регулирования экономики.

Например, в Чили государство имело право проводить так называемые «интервенции» частных промышленных предприятий, то есть вводить там временное государственное управление. Поводом для интервенции могли быть, например, невыплата работникам заработной платы или прекращение инвестиционной деятельности на предприятии.

Постепенно чилийский опыт был задействован и на Кубе.

14 января 1960 года на заседании СНБ США директор ЦРУ Даллес говорил о том, что «Кастро и Гевара продолжают осуществление своей программы по захвату земли и прочих активов»[244]. К тому же кубинцы-де хотят организовать в Гаване «Конференцию голодных наций» (тоже, видимо, преступление, с точки зрения Даллеса). Еще одним «стратегическим» прегрешением Гевары (полностью выдуманным ЦРУ) были якобы планировавшиеся поставки кубинского никеля в СССР, хотя сама же американская разведка

признавала, что у Советского Союза вполне достаточно своего никеля.

Посол США вручил в МИД Кубы ноту протеста против деятельности ИНРА.

Надо отметить, что при основании ИНРА Че очень хотел возглавить эту организацию и горячо спорил с Фиделем, который был против. Че интересовала не должность — он понимал, что строительство социализма заключается именно в коренной реформе экономики. И Че считал, что он наиболее подходит для этой задачи. Фидель не возражал принципиально, но убеждал Че, что его как иностранца и «красного» все еще следует держать в тени с оглядкой на США.

В принципиальном плане надо отметить, что Че, как человек прямой и начисто лишенный пиетета по отношению к любым должностям, мог спорить с Фиделем на любую тему, и иногда эти споры проходили на повышенных тонах — и Фидель, и Че были людьми страстными, убежденными в правоте своего дела. Но они были единомышленниками, и поэтому споры не кончались ссорами. Иногда после жаркой схватки, придя к единой точке зрения, они садились рядом и молча и мечтательно смотрели в потолок, размышляя о будущем.

Че не забывал и о международных отношениях. Если раньше Куба послушно следовала в фарватере внешней политики США, то теперь было принято решение играть активную роль в формирующемся движении неприсоединения. Визит Че в страны Азии и Африки сыграл в этом повороте решающую роль. После этого на Кубу приехали экономические делегации Японии, Индонезии и Египта, были заключены торговые соглашения.

В январе 1960 года министр иностранных дел Кубы Рауль Роа пригласил в Гавану на международный конгресс практически все влиятельные развивающиеся страны (их Даллес и именовал «голодными нациями»). Таким образом, как и планировал Че, кубинская революция превращалась из латиноамериканского в мировое явление.

Все это вызывало уже не только недовольство в Вашингтоне. Там стали прилагать конкретные усилия к объединению кубинских контрреволюционных сил с целью дестабилизации или свержения (как задача-максимум) правительства Кастро.

Так как и ЦРУ, и ФБР в начале 1960 года признавали, что Кастро пользуется популярностью во всех слоях ку-

бинского общества, то выступать прямо против революции американская разведка считала делом малоперспективным. Возможная военная интервенция извне (например, руками Трухильо и Сомосы) привела бы только к еще большей консолидации всех кубинцев вокруг Фиделя.

Поэтому поначалу против Кастро попытались настроить его же соратников из бывшей консервативной «равнины» под лозунгом спасения революции от тоталитарного коммунизма.

Мятеж было поднял командующий войсками в провинции Камагуэй Убер Матос*. 19 октября 1959 года он заявил об отставке в знак протеста против сползания революции к коммунизму. Предполагалось, что к этому демаршу присоединятся другие влиятельные командиры и Кастро придется «сдать назад».

Но Фидель действовал решительно и быстро — Матоса и его сторонников обвинили в заговоре. 21 октября кубинский лидер лично прибыл в Камагуэй для разбирательства чрезвычайного дела. На центральной площади города Фидель обратился к тысячам кубинцев с краткой речью, сказав, что в провинции зреет заговор, возглавляемый Матосом, засевшим в настоящий момент в казармах, и что он прибыл, чтобы сорвать контрреволюционный переворот. Затем Фидель отправился в казармы, увлекая за собой людей. Матос и его сообщники были арестованы и отправлены в Гавану, а Фидель прямо с балкона казармы обратился с речью к сопровождавшим его жителям Камагуэя**.

Но в том же месяце (октябрь 1959 года) по кубинской революции все же был нанесен сильнейший удар.

Фидель первоначально приказал арестовать Матоса Камило Сьенфуэгосу. Тот прилетел в Камагуэй, быстро взял ситуацию под контроль и 23 октября по телевидению разъяснил жителям провинции произошедшие события. Камило был, пожалуй, на тот момент самым популярным че-

---

* До революции Убер Матос владел рисоводческим хозяйством. Во время гражданской войны командовал колонной номер 9 Повстанческой армии.

** В 1960 году Матос был обвинен в подстрекательстве к мятежу и приговорен революционным трибуналом к двадцати годам лишения свободы. Он отбыл этот срок полностью и в 1979 году был выслан с Кубы в Венесуэлу. Некоторое время жил в Каракасе, затем переехал в Коста-Рику, а потом — в Майами. По некоторым данным, Че и Рауль Кастро выступали за казнь Матоса, но Фидель ответил, что нет смысла превращать этого человека в мученика.

ловеком на Кубе после Фиделя и Че. Кубинцам нравились его бесшабашная смелость, скромность и веселый нрав. Сьенфуэгос не был коммунистом, однако был, бесспорно, настроен на глубокие социальные преобразования. Он не только уважал, но и искренне любил Че, и эти чувства были взаимными.

28 октября 1959 года Камило Сьенфуэгос вылетел из Камагуэя в Гавану на самолете «Цессна 310». Самолет исчез, хотя по радиосвязи не подавал никаких просьб о помощи. Его искали несколько дней, но так и не нашли.

С тех пор на Западе распространена версия, что Сьенфуэгоса «убрал» Фидель, якобы завидуя его популярности. Эта версия откровенно бредовая, если учесть, что у Камило не было никаких политических амбиций. Как и Че, он очень скромно относился к своим способностям и не хотел занимать никаких государственных постов.

Скорее всего (если проводить расследование по проверенному временем принципу «ищи, кому выгодно»), Сьенфуэгоса убрали противники Кастро. Либо люди Матоса смогли на аэродроме Камагуэя повредить самолет, который потом потерпел крушение над морем, либо «Цессну» сбили ВВС Трухильо. Доминиканский диктатор мог получить информацию о полете от людей того же Матоса.

Че так откликнулся на смерть своего друга: «Камило свято чтил верность. Он был верен и Фиделю, который, как никто другой, воплощает в себе волю народа, и самому народу. Народ и Фидель — одно целое. Именно этим руководствовался в своей деятельности непобедимый партизан. Кто убил Камило? Лучше спросим: кто уничтожил его физически? Ибо в памяти народной такие люди не умирают.

Его убил враг, убил потому, что хотел его смерти, убил потому, что абсолютно надежных самолетов не бывает, потому, что пилоты не могут предугадать всех случайностей, потому, что, обремененный работой, он намеревался быть в Гаване за несколько часов. Наконец, его убил собственный характер. Камило никогда не отступал перед опасностью, он смело смотрел ей в глаза, заигрывал с нею, дразнил ее, как тореадор, и вступал с нею в единоборство. В его сознании партизана не укладывалось, что какое-нибудь препятствие может остановить его или заставить свернуть с намеченного пути»[245].

С начала 1960 года американцы в отношении Кубы уже перешли к силовой политике. «Неопознанные» самолеты стали бомбить национализированные сахарные заводы.

ФБР прекратило чинить любые, даже минимальные препятствия антикастровской эмиграции в Майами, а ЦРУ приступило к объединению этой эмиграции в единую политическую силу. Фиделя решили победить так же, как он победил Батисту — организовать вооруженное вторжение на Кубу с моря в расчете на помощь внутренней оппозиции.

В то же время Кубе предполагалось предъявить ультиматум: Гаване следовало немедленно начать компенсировать ущерб экспроприированным американским собственникам. Для этого Кубе «советовали» ввести экстраординарный налог на экспортируемый сахар (1—1,5 цента за фунт) и все поступления от него направить на компенсацию. Госдепартамент предложил президенту США начать массированное пропагандистское контрнаступление против Кастро, используя в том числе и «подчищенные» материалы американской разведки[246]. Уже в январе 1960 года в конгресс следовало внести законопроект о сокращении закупок кубинского сахара.

Все это было частью программы «План действий против Кубы», разработанной госдепартаментом.

8 января 1960 года на совместном совещании ответственных представителей госдепартамента и ОКНШ обсуждалось уже возможное «посткастровское» руководство Кубы. Генерал Лемницер выразил обеспокоенность тем, что кубинцы по всему миру ищут оружие. Руботтом «успокоил» генерала — у Кубы нет денег. Но американские военные были куда как дальновиднее американских дипломатов. Адмирал Берк выразил мнение, что кубинцы могут купить оружие и нефть у русских[247]. Однако Руботтому все еще казалось «сомнительным», что русские зайдут так далеко «на нынешней стадии».

Но русские зашли.

4 февраля 1960 года советская делегация под руководством Микояна вместе с выставкой прибыла в Гавану*. Со стороны Москвы это был необычный и недвусмысленный жест доброй воли — столь высокопоставленный советский представитель приехал в страну, где даже не было советского посольства. Первоначально выставку хотели открыть 28 ноября 1959 года, но в это время в Гаване проходил конгресс католиков, и кубинское руководство опасалось анти-

---

* ЦРУ знало об открытии выставки в Гаване как минимум с 16 декабря 1959 года, когда Аллен Даллес проинформировал об этом на заседании СНБ США.

коммунистических провокаций. По улицам кубинской столицы прошли с факелами сотни тысяч человек, которых ЦРУ могло бы легко перенаправить против «безбожных советских коммунистов».

В качестве личного переводчика Микояна в Гавану приехал старый знакомый Че — Николай Леонов, учившийся в то время в разведшколе КГБ СССР. Он навестил Че, который в то время жил в бывшем военном городке «Сьюдад-Либертад» на западе Гаваны. Когда Леонов в обед приехал к Че, чтобы вручить подарок (пистолет), команданте еще спал. Он спросил Че, всерьез ли на Кубе собираются строить социализм. Последовал утвердительный ответ. Че напомнил другу, что брал у него советские книги в Мексике именно для того, чтобы знать, какое общество строить.

Выставка имела грандиозный успех — сотни тысяч кубинцев собственными глазами увидели передовой уровень советской промышленности. На выставке демонстрировались модель первого искусственного спутника Земли, макеты советских заводов и жилых домов, а также изданная в Советском Союзе литература на испанском языке*.

Беседы с Кастро произвели на Микояна самое благоприятное впечатление. Он сообщил Хрущеву, что Фидель — настоящий революционер, «такой же, как мы».

13 февраля 1960 года было подписано советско-кубинское торговое соглашение, согласно которому СССР обязался закупить по миллиону тонн кубинского сахара в течение последующих четырех лет. 20 процентов сахара оплачивалось в свободно конвертируемой валюте, остальное — советскими товарами. Кубинцы (за это отвечал Че) намеревались купить в Советском Союзе машины и оборудование, нефть и нефтепродукты, пшеницу, бумагу, цветные металлы.

Кроме того, Кубе был выделен льготный кредит (под 2,5 процента годовых на 12 лет) в объеме 100 миллионов долларов — очень большие деньги для кубинской экономики того времени. Че планировал направить кредит на индустриализацию Кубы, а точнее — на строительство первого в стране сталелитейного завода.

Кстати, ЦРУ ошиблось с прогнозами насчет советских кредитов Кубе. 21 января 1960 года на заседании СНБ США

---

* За три недели выставку посетили 800 тысяч человек — каждый восьмой кубинец.

глава американской разведки Аллен Даллес утверждал, что русские, «вероятно», дадут Кубе не более 5—6 миллионов долларов[248].

Че как твердый сторонник развития связей с социалистическим лагерем, особенно гордился тем, что СССР будет поставлять Кубе нефть по ценам на 33 процента ниже мировых. Только на этом Куба экономила 20 миллионов долларов. Конечно, такое великодушие Москвы выигрышно смотрелось на фоне постоянных угроз Вашингтона прекратить закупки кубинского сахара.

Кстати, сахар СССР обязался закупать по ценам выше средних мировых (по 19 центов за фунт).

Микояна отвезли в Сьерра-Маэстру, где он вместе с Фиделем ночевал на полу недостроенного туристического комплекса. Ели то же, что и местные жители — картошку, рис, пили крепкий кофе. Когда еда кончилась, Фидель предложил Микояну отправиться на рыбалку (советский гость подумал, что кубинский лидер шутит). Пойманную рыбу тут же зажарили и съели с солдатскими галетами.

Именно в Сьерре, подальше от фотообъективов прессы, Фидель и Че сообщили Микояну о своей решимости строить на Кубе социализм.

Микоян, к величайшей радости Фиделя, подарил ему советский вертолет Ми-8, который был одним из экспонатов выставки.

Непосредственным результатом визита Микояна стало создание 20 февраля 1960 года по инициативе Че «кубинского Госплана» — «Центральной хунты планирования» (*Junta Central de Planificacion, JUCEPLAN*). Отныне развитие всей кубинской экономики должно было идти по четко намеченному плану. Че опять получил дополнительное «кресло» — он стал членом совета директоров «Хунты».

Кстати, Че поразил советских гостей своей «нетипичностью». Русские ожидали увидеть горячего латиноамериканского революционера, этакого рубаху-парня. Вместо этого перед ними предстал пунктуальный менеджер, внимательно слушавший и записывавший, говоривший тихо и вдумчиво, без всякой претензии на внешний эффект. Че напоминал не кубинца и даже не аргентинца, а скорее немца.

Тема поставок советского оружия во время визита Микояна не обсуждалась. Тем не менее еще в феврале 1960 года госдепартамент поручил посольству США в Москве предупредить советское правительство, что США настроены рез-

ко против возможных поставок советского оружия в Западное полушарие и воспримут такие поставки как нарушение заверений СССР в его стремлении снизить международную напряженность[249]. Лицемерие американской позиции было налицо — поставки оружия тому же Трухильо из Англии или Швеции (причем речь шла не о винтовках, а о танках и самолетах) американцев почему-то не волновали.

Американцы не могли пройти мимо такого события, как визит Микояна, — был осквернен возложенный главой советской делегации венок к могиле Хосе Марти. Во время открытия советской выставки раздалась стрельба. На «спонтанных» антисоветских демонстрациях кубинцев стращали всеми традиционными ужасами в отношении советской тоталитарной системы — от холодной Сибири до упразднения в СССР брака и семьи.

Но главная месть была еще впереди.

4 марта 1960 года в 15.10 прямо на гаванском рейде взорвался французский сухогруз «Ля Кувр». Взрыв был такой силы, что его слышали во всех частях города. Части якоря потом нашли за несколько километров в центре столицы. Второй взрыв раздался в 16.00, когда полным ходом шли спасательные работы и на место теракта прибыли Фидель и Че.

Судно перевозило 76 тонн оружия и боеприпасов* из Бельгии (порт Антверпен). Число погибших составило 101 человек, 209 человек были ранены. Были убиты шесть членов экипажа «Ля Кувр», а трое получили ранения.

Фидель обвинил во взрыве ЦРУ и провозгласил новый лозунг революции — «Родина или смерть!». На Кубе был объявлен однодневный траур. Че выделил на помощь семьям погибших один миллион песо**.

На следующий день Фидель и Че, взявшись за руки, возглавили многотысячную молчаливую похоронную процессию, заполнившую главную набережную кубинской столицы — Малекон. Когда позднее Фидель обращался с речью к демонстрантам с балкона, молодой кубинский фотограф Альберто Корда сделал главный снимок своей жизни — Че Гевара, в черном берете со звездочкой, с развевающимися волосами и гневным взглядом. С тех пор это фото Че стало знаменитым во всем мире.

Фидель провел прямую параллель с взрывом американского корабля «Мэн» на гаванском рейде 15 февраля

---

* В основном автоматические винтовки.

** За один кубинский песо тогда давали 4,2 марки ФРГ.

1898 года, который США тогда использовали как предлог для вторжения на Кубу.

Сразу же после взрыва «Ля Кувр» Фидель пригласил на беседу Алексеева (в крепость Ла-Кабанья) и впервые поставил вопрос о закупке советского оружия. Он полностью согласился с идеей Че (навеянной печальным гватемальским опытом) о необходимости повсеместного вооружения населения, то есть создания народной милиции.

И Фидель, и Че исходили из того, что в случае американского вторжения только большие первоначальные потери американцев могли бы заставить их быстро прекратить войну. А для этого кубинцы хотели несколько уравновесить превосходство американцев в авиации и тяжелом вооружении советскими поставками и поголовным вооружением населения. СССР был единственным реальным источником военной помощи — ведь американцы саботировали и блокировали закупку оружия на Западе (Великобритания, Бельгия).

Кубинцев тогда интересовало прежде всего стрелковое оружие, и Фидель предложил тайно доставить его на Кубу на советской подлодке.

На тот момент на Кубе уже существовало небольшое советское торгпредство, и через него запрос был направлен Хрущеву. Уже через день пришел положительный ответ советского лидера. Правда, Хрущев вполне логично предложил не прятаться, а поставить оружие открыто. Ведь Куба, как суверенная страна, имела полное право заботиться о своей обороноспособности.

Обеспокоенность кубинского руководства была более чем оправданной.

14 марта 1960 года так называемый «Комитет 5412»* подготовил план подрывных операций против Кубы[250]. Цель плана была сформулирована абсолютно ясно: «...замена режима Кастро на режим, более отвечающий истинным интересам кубинского народа (то есть ЦРУ, видимо лучше знало, чего хотят кубинцы, чем сами жители Кубы. — *Н. П.*) и более приемлемый для США, таким путем, чтобы избежать видимости интервенции США. В принципе основной метод по достижению этой цели заключается в... поддержке...

---

* Межведомственная тайная группа (в нее входили представители госдепартамента, ЦРУ, СНБ, ОКНШ, министерство финансов), занимавшаяся планированием тайных подрывных операций против иностранных государств.

прямых акций вне и внутри Кубы... со стороны отобранных групп кубинцев».

17 марта 1960 года президент Эйзенхауэр одобрил план ЦРУ по созданию из кубинских контрреволюционных эмигрантов воинской части в количестве нескольких сотен человек. ЦРУ с помощью реакционных диктатур Центральной Америки (Никарагуа, Гондурас, Гватемала) должно было подготовить, вооружить кубинцев и доставить их на остров. Директор ЦРУ Аллен Даллес не скрывал в своем ведомстве, что хочет повторить на Кубе свой гватемальский успех.

В мае 1960 года ЦРУ начало в Майами набор кубинских эмигрантов в «Бригаду 2506» — так стали называть часть, которой предстояло вторгнуться на Кубу. Затем инструкторы ЦРУ на тихоокеанском побережье Гватемалы организовали военную подготовку бойцов бригады. Всю операцию курировал заместитель Даллеса Ричард Бисселл.

Хотя Фидель и не знал на тот момент подробностей этого плана американской разведки, до него все же доходили слухи о вербовке ЦРУ кубинских эмигрантов в Майами. Поэтому в конце апреля лидер кубинской революции выступил с речью, в которой предупредил США, что «второй Гватемалы» у них не выйдет. В ответ по указке США проамериканский президент Гватемалы Мигель Идигорас Фуэнтес обвинил Че в подготовке вторжения в Гватемалу с Кубы. 25 апреля Гватемала и Куба разорвали дипломатические отношения.

В ответ 8 мая 1960 года Фидель объявил о восстановлении дипломатических отношений с СССР. Послом в Москву был отправлен бывший лидер «Революционного директората 13 марта» Фауре Чомон.

Летом на Кубу тайно прибыла советская военная делегация для точного установления потребностей страны в оружии. Некоторые военные приехали с чехословацкими паспортами. Хотя Чехословацкая Социалистическая Республика установила дипломатические отношения с Кубой 17 мая 1960 года, чехословацкий посол Владимир Павличек находился на острове уже с марта. Почти полгода он один официально представлял на Кубе социалистический лагерь. Одновременно с посольством в Гаване была учреждена резидентура чехословацкой разведки, имевшая главной целью «подрыв позиций и дискредитацию политики США в Латинской Америке»[251].

10 июня 1960 года в Гаване было подписано кубинско-чехословацкое соглашение о торгово-экономических

связях, а на следующий день — соглашение о поставках оружия и военного снаряжения. Кубинцы придавали этому соглашению особое значение — его подписал лично Фидель. Прилетевший для подписания чехословацкий министр внешней торговли Франтишек Крайчир вел переговоры только с братьями Кастро и с Че. Остальных членов кубинского правительства в дела не посвящали, так как опасались утечки информации в США.

Чехословакия также предоставила Кубе льготный кредит (третий по размеру после СССР и Китая).

Все кубинско-чехословацкие торговые контакты также курировал Че.

Американцы тоже не упускали их из виду. На заседании СНБ США 8 июня Даллес отметил, что «...[советский] блок готов поставлять Кубе оружие через Чехословакию». Эйзенхауэр спросил собравшихся, должны ли США терпеть «наглость» русских, если те заключат с Кубой договор о взаимной помощи[252]. Толком ему никто из членов СНБ ответить не смог.

Американцам все это, конечно, не нравилось, но они уже понимали, что потеряли Кубу и мирным путем не смогут вернуть там былые порядки. Тем более что с июля 1960 года Куба находилась под советским «ядерным зонтиком». 9 июля 1960 года Хрущев публично заявил, что в случае нападения на Кубу СССР окажет этой стране любую военную помощь. Че был счастлив и заявил, что отныне Куба находится под надежной защитой самой большой армии мира. Советский лидер также сказал о своей готовности посетить Кубу, чему, однако, было не суждено воплотиться в жизнь.

Зато в 1960 году на Кубу приехал, пожалуй, самый известный философ той эпохи, властитель умов мировой интеллигенции Жан Поль Сартр. Он с самого начала поддерживал кубинскую революцию (при этом к СССР относился довольно критически) и мечтал познакомиться с ее лидерами, прежде всего с Фиделем и Че.

Поговорив с Че, Сартр произнес свою ставшую знаменитой фразу, что Эрнесто Че Гевара — самый совершенный человек, которого он, Сартр, видел в жизни. Че воплощал собой равенство и солидарность. Этих качеств, по мнению Сартра, так не хватало в современном мире. Позднее французский философ так писал о своих впечатлениях: «Радикальный при принятии решений, решительный как боец при их осуществлении, Гевара был необыкновенно образо-

ванным и после Кастро был одним из самых быстрых умов революции. Я его видел: только ненормальный мог бы подумать, что человечность и юмор, которые он проявляет по отношению к гостям, он всего лишь имитирует в приемные часы, это его истинные черты, хотя он проявляет их с перерывами»[253].

Даже внешний облик Че (мятая военная форма и растрепанные волосы), который многие считали снобизмом и позерством, говорил о другом — Че был всецело поглощен великим делом, делом всей жизни — строительством нового справедливого общества, и на всякие там бытовые мелочи не обращал никакого внимания. Он и встречал, и провожал людей не по одежке, а по уму, считая, что если кто-то уделяет излишнее внимание своему внешнему виду, то такой человек, как правило, лишен богатого внутреннего содержания.

Когда Рауля Кастро назначили министром обороны, он приказал всем офицерам постричься и побриться, чтобы приобрести некий официальный вид, как и подобает военнослужащим регулярной армии. Конечно, многие партизанские командиры гордились своими вихрами и бородами, за что во всем мире их называли «барбудос» («бородачи»), и были от приказа не в восторге. Когда капитан Хуан Эскалона передал в декабре 1959 года приказ Рауля Че, тот ответил: «Передай Раулю, что я постригусь, так как эти лохмы мне уже самому надоели, но пусть даже не думает о том, чтобы заставить меня побриться — этого я не сделаю»[254].

Как-то перед одним из официальных приемов президент Кубы Дортикос Торрадо поручил своему военному адъютанту сообщить Че, чтобы тот явился в парадной, а не в повседневной военной форме. Че ответил: «Да неужели доктор тебе это сам сказал? Это он пошутил. Сам знаешь, как доктор любит шутки». Когда Че появился на приеме в своей обычной форме, военный адъютант ожидал нагоняя от президента. Но тот смущенно заметил: «Я забыл вас предупредить: на Че мое указание не распространяется».

Че, однако, всегда стучался в дверь президентского кабинета, прежде чем войти, хотя Дортикос Торрадо несколько раз говорил ему, что он может входить без стука и лишних формальностей.

Летом 1960 года американцы попытались задушить экономику Кубы, лишив страну энергоносителей.

На Кубе не было собственных источников энергии, и страна жила за счет привозной нефти (в основном из Вене-

суэлы). Ее импортировали и перерабатывали четыре нефтеперерабатывающих завода мощностью немногим более 4 миллионов тонн в год. Один (самый маленький) завод принадлежал окружению Батисты и был после революции национализирован. Тремя другими владели американские компании «Эссо», «Тексако» и англо-голландская «Шелл». Например, «Эссо» производила 52 процента мазута, 74 процента авиационного бензина и 57 процентов керосина.

Кубинские революционные власти прекрасно понимали, чем стране грозит такая тотальная зависимость от американцев, но действовали постепенно и осторожно.

20 ноября 1959 года по инициативе Че был учрежден Государственный кубинский институт нефти, получивший права на нефтеразведку и добычу, а также на реализацию нефтепродуктов. Институту был передан бывший батистовский нефтеперерабатывающий завод. Но самое главное нововведение, вызвавшее негодование американских компаний, заключалось в том, что отныне только институт устанавливал отпускные цены на нефтепродукты.

Но на этом «безобразия» кубинских революционеров не закончились. Были ужесточены условия концессий, и теперь государству надо было выплачивать 60 процентов доходов от продажи нефти и природного газа[255]. Кроме того, все нефтеперерабатывающие заводы были обязаны по требованию правительства перерабатывать принадлежавшую государству нефть.

Все эти меры (в которых не было ничего «коммунистического») натолкнулись на ожесточенное сопротивление американских компаний. Они настаивали, что будут сами импортировать нефть и по ценам, которые сочтут для себя привлекательными. Когда Кубинский институт нефти подписал контракт с Венесуэлой об импорте 35 тысяч тонн нефти по цене 2,1 доллара за баррель, «Шелл», «Тексако» и «Эссо» отказались ее перерабатывать (сами они закупали нефть на 25 процентов дороже и перекладывали эту цену на плечи кубинских потребителей). Контракт пришлось аннулировать.

Одновременно, чтобы показать властям, кто в доме хозяин, нефтяные компании под разными предлогами сами сократили импорт и переработку нефти. На конец июня 1960 года на заводе «Эссо» нефти осталось на один день работы.

Но Че и Фидель уже подготовились к такому развитию событий. 17 апреля 1960 года на Кубу прибыл первый со-

ветский танкер, доставивший из Новороссийска 11 тысяч тонн сырой нефти. В мае прибыло еще 10 тысяч тонн нефти и 27 тысяч тонн нефтепродуктов, в июне, соответственно, 32 и 17 тысяч тонн. Всего с апреля по ноябрь 1960 года СССР поставил 1 миллион 286 тысяч тонн сырой нефти и 320 тысяч тонн нефтепродуктов.

Иностранные компании заявили, что советскую нефть перерабатывать не будут, так как она якобы слишком густая. 28 июня 1960 года правительство Кубы в соответствии с новым законодательством обязало завод «Тексако» принять советскую нефть как собственность Кубинского государства для переработки. В противном случае «Тексако» грозила интервенция государства*. 30 июня аналогичные предписания получила и «Шелл». Обе компании ответили отказом, и в тот же день над ними был установлен государственный контроль. Через месяц все заводы были национализированы.

Фидель прокомментировал все это следующим образом: «Этот трюк с нефтью закончился национализацией нефтеперерабатывающих заводов, и проблема нефти была решена полностью с помощью Советского Союза. Монополии потеряли свои нефтеперерабатывающие заводы, а страна не осталась без нефти. Это был первый серьезный шаг империалистов против нас. Это был первый бой, который был дан, — это был бой за нефть»[256].

Американцы надеялись, что кубинцы своими силами не смогут управлять сложным производством, и поэтому отозвали весь инженерный персонал из страны. Но уже в апреле 1960 года на Кубу прибыла группа советских экспертов, изучивших положение в отрасли. Они пришли к выводу, что Кубе стоит построить еще один современный нефтеперерабатывающий завод мощностью 1,5—2 миллиона тонн нефти в год.

Че, отвечавший за кубинскую промышленность, с этим мнением полностью согласился, и уже в сентябре 1960 года Куба обратилась к СССР с просьбой об экономической и технической помощи при строительстве такого завода.

Кубинская оппозиция и ее американские покровители стали твердить, что СССР специально продает Кубе нефть дешево, чтобы таким путем установить полный контроль

---

* Срок интервенции (то есть введения государственного управления) устанавливался в шесть месяцев, но премьер-министр в особых случаях мог продлить его еще на полгода.

над страной. Че ответил на эти обвинения следующим образом: «...есть те, кто утверждает, что Советский Союз продает нам нефть по такой цене из политических соображений, что это делается только для того, чтобы нанести ущерб Соединенным Штатам. Мы можем согласиться, что это действительно так. Да, если Советскому Союзу при осуществлении им своего суверенитета хочется проучить Соединенные Штаты, он продает нам нефть и покупает у нас сахар. Нас это не касается, нас не касаются их намерения, торгуя, мы просто продаем товар и не продаем национальный суверенитет, как это делали раньше. Мы просто будем говорить на языке равенства... В этом духе были заключены все договоры, и в этом духе будут заключаться новые торговые договоры...»[257]

ЦРУ понимало, кто стоит за ускорившимся движением Кубы к социализму.

В апреле 1960 года американская разведка подготовила докладную записку «Коммунистическое влияние на Кубе», где Раулю Кастро и Че уделялось повышенное внимание: «С помощью Гевары и Рауля Кастро коммунисты установили контроль над политическим воспитанием в вооруженных силах, в которые они внедрили много представителей коммунистической молодежи. Потом они (то есть Че и Рауль. — *Н. П.*) помогли создать Институт аграрной реформы под руководством Антонио Нуньеса Хименеса (тайный коммунист), который стал автономной политико-экономической империей... Что касается внешних связей, то кубинская внешняя политика находится в согласии с целями инициированной Советами "национально-освободительной борьбы"...

Были предприняты усилия с целью помочь оппозиционным элементам за границей, то есть содействовать "национально-освободительной борьбе". Эрнесто Гевара, отвечающий за помощь зарубежным революционерам, пытался достичь включения коммунистов в единые (оппозиционные) движения».

ЦРУ все еще надеялось на идеологический разрыв Фиделя с Че: «Хотя есть сведения, что коммунисты опасаются "шовинистической" и "буржуазной" позиции Фиделя Кастро, нет никаких данных, что они сомневаются в дружбе Рауля Кастро и Эрнесто Гевары, которые осуществляют, по всей видимости, больший организационный контроль над деятельностью правительства, чем Фидель».

Американцы тем временем форсировали подготовку к высадке на Кубу. Для подготовки населения к встрече «освободителей» на Каймановых островах был размещен радиопередатчик ЦРУ, который вел антикубинскую пропаганду. Руководил работой этой радиостанции тот самый Дэвид Эттли Филипс, который якобы впервые обратил внимание ЦРУ на Че в Гватемале в 1954 году.

В горах Эскамбрай ЦРУ поддерживала вооруженные оппозиционные группы, состоявшие в основном из бывших бойцов «второго фронта» Менойо. По данным американской разведки, этих «антикоммунистических партизан» было около тысячи, но действовали они разрозненно.

В Майами ЦРУ сколотила «объединенную кубинскую оппозицию» — Демократический революционный фронт (транслитерация испанской аббревиатуры — ФДР*), которую возглавил Мануэль Антонио Варона, бывший при президенте Прио Сокаррасе премьер-министром. Название блока говорило о тактике ЦРУ — понимая, что революция популярна на Кубе, американцы хотели устроить «вторую революцию» против «диктатора Кастро», то есть повторить тактику самого Фиделя в борьбе против Батисты. Однако ЦРУ ошибалось в коренной предпосылке — если Батисту ненавидели практически все кубинцы, то Фидель пользовался на Кубе огромной популярностью.

Кубинцы ответили, как и предлагал Че, созданием массовой народной милиции, которая вышла на митинг в Гаване 1 мая 1960 года. Перед ополченцами выступил Фидель, заявив, что в случае своей гибели просит народ оказать доверие его брату Раулю как лидеру революции. Восторженные люди скандировали: «Куба — да! Янки — нет!»

Помимо милиции, вооруженной только легким стрелковым оружием, американцев готовилась встретить и новая революционная армия, насчитывавшая, по оценкам ЦРУ, 50 тысяч человек. Благодаря системе политической пропаганды и тщательного отбора кадров, введенной Че, на предательство этой армии американцам рассчитывать не приходилось.

3 мая в конгрессе США выступил бывший начальник генштаба батистовской армии Табернилья, заявивший, что Фидель тайно размещает направленные против США советские ракеты в болотах Сьенага-де-Сапата на южном по-

---

* *Frente Democratico Revolucionario.*

бережье Кубы. Это была полная ложь, но конгрессменам нужен был предлог для введения санкций против Кубы. А здесь были хороши все средства.

3 июля 1960 года конгресс дал президенту Эйзенхауэру полномочия сократить квоту на закупку кубинского сахара. Фидель отреагировал принятием закона, дающего правительству право национализировать всю американскую собственность на Кубе. Американцы ответили быстро — 6 июля Эйзенхауэр объявил, что США больше не будут импортировать сахар с Кубы в 1960 году. По факту это означало отказ от прежних обязательств по закупке 700 тысяч тонн сахара.

Но американцы все время запаздывали. Благодаря прежде всего усилиям Че были заблаговременно найдены альтернативные покупатели на основной товар кубинского экспорта.

26 июля 1960 года (кубинцы отмечали очередную годовщину штурма казарм Монкада) Фидель выступил с речью, в которой выразил симпатии Кубы в отношении национально-освободительного движения в Латинской Америке: кубинский пример может превратить Анды в Сьерра-Маэстру Западного полушария. При этом речь шла не об экспорте революции, а об экспорте кубинской модели развития, которая становилась все более притягательной для обездоленных классов латиноамериканского субконтинента.

Для Че тема революционной борьбы за освобождение Латинской Америки была не просто темой — это было делом всей его жизни. Он уезжал из Буэнос-Айреса в 1953 году как «солдат [Латинской] Америки», и на Кубе он продолжал оставаться таковым.

28 июля Че выступил на открытии I съезда латиноамериканской молодежи, где вместе с ним в президиуме сидел Хакобо Арбенс. Приветствуя бывшего президента Гватемалы, Че сказал: «Мы благодарны ему и погибшей гватемальской демократии за пример и опыт, которые они нам дали. Мы поняли и верно оценили ошибки, с которыми не смогло справиться его правительство, чтобы, не повторяя их, дойти до сути проблемы и одним махом снести головы* и властям предержащим, и своре их наемных палачей».

---

* Че говорил в переносном смысле, используя выражение, которое употребляют рубщики сахарного тростника.

Че прямо поставил вопрос: является ли кубинская революция коммунистической? И сам же на него ответил: «...я бы после популярного объяснения по теме "что такое коммунизм" и игнорируя избитые доводы и обвинения империалистов, колониальных держав и т. п., которые вообще все валят в одну кучу, ответил бы так: если эта революция марксистская (заметьте, я сказал "марксистская"), то произошло это потому, что она сама, своими методами открыла те пути, на которые в свое время указал Маркс (*аплодисменты*)»[258].

Именно в этой фразе заключался тот путь, который привел Че к гибели уже через семь лет. Он считал, что метод кубинской революции, то есть вооруженная борьба небольшого отряда, раскачивавшего ситуацию в стране, — это новое слово в теории и практике марксизма. А значит, этот метод можно использовать и в других странах. Если Маркс и Ленин говорили о захвате власти пролетариатом, который сначала должен был организовать свою массовую революционную партию, то на Кубе вполне обошлись и без пролетариата, и без массовой пролетарской партии. Вместо долгой и кропотливой политической и агитационной работы по примеру русских большевиков кубинский маленький революционный авангард сделал все быстро и силой слова, и силой оружия.

И выступая перед латиноамериканской молодежью, Че не без гордости «уколол» советских друзей, утративших былой революционный пыл: «Недавно один из высокопоставленных деятелей Советского Союза, заместитель премьер-министра Микоян (*аплодисменты*), поднимая тост за кубинскую революцию, признал (будучи марксистом всю свою жизнь), что это — явление, которое Маркс не предвидел. (*Аплодисменты.*) И заметил, что жизнь учит нас большему, чем самые мудрые книги и чем самый глубокий из мыслителей (*аплодисменты*)»[259].

При этом надо подчеркнуть, что Че не был ни маоистом, ни троцкистом, как это часто утверждают. Он был гораздо бóльшим марксистом с точки зрения теоретической подготовки, чем многие члены тогдашнего советского руководства, включая самого Хрущева. Просто он считал советскую революцию несколько обюрократившейся и медлительной, «бабушкой на покое». Напротив, революция на Кубе была как советская, только сорока годами раньше. Она еще была молодой. Ведь в 1920-е годы большевики не

стеснялись поддерживать коммунистов в гражданской войне в Китае и даже готовили в 1923 году вооруженное восстание в Германии («немецкий Октябрь»).

С точки зрения Че, просоветские компартии в Латинской Америке зря встали на путь завоевания власти мирным путем. Американцы никогда не дадут этого сделать, что показал опыт Гватемалы. Поэтому Че считал ненасильственные методы борьбы латиноамериканских коммунистов не то чтобы теоретически неверными. Нет, он просто считал их бесперспективными. Забегая вперед отметим, что чилийский опыт 1970—1973 годов свидетельствовал как раз в пользу Че. Как ни старались тогда чилийские коммунисты придерживаться каждой буквы существовавших законов, это не уберегло их от пуль и танков, поддержанных американцами военных путчистов.

Таким образом, разногласия Че с Москвой касались не целей или стратегии, а всего лишь тактики революционной борьбы, да еще и в конкретном регионе земного шара — Латинской Америке.

Со своей стороны Хрущев и его команда тоже отнюдь не были противниками вооруженной борьбы за социализм, хотя именно в этом (помимо всего прочего) Москву тогда обвинял Пекин. СССР и при Хрущеве, и позднее оказывал самую разнообразную помощь (в том числе и военную) борющимся народам Вьетнама, Лаоса, Алжира, странам Черной Африки. Мирное сосуществование Хрущев понимал лишь как невозможность выиграть третью мировую войну в условиях, когда СССР и США располагают большими ядерными арсеналами. Но любая другая борьба двух систем Москвой отнюдь не отрицалась. Никакого идеологического перемирия объявлено не было. Империализм для Хрущева империализмом и оставался.

Однако в Москве подозревали все кубинское руководство, а особенно Че, в том, что оно излишне абсолютизирует вооруженную борьбу. Ведь на Кубе маленький отряд Фиделя, скорее всего, не добился бы успеха, если бы его не поддерживало в самых разных формах практически все кубинское население, включая часть крупной буржуазии. А ведь это население надо было предварительно организовать и провести пропагандистскую работу.

То есть, с советской точки зрения, малочисленный партизанский отряд своими действиями не создавал в той или иной стране революционную ситуацию, а скорее использо-

вал эту ситуацию, уже предварительно созданную массовой политической работой среди населения.

В любом случае, Москва никоим образом не ограничивала революционную активность Кубы в странах Латинской Америки. Хрущев никогда ничего не запрещал Кастро и даже не давал каких-либо рекомендаций.

Наконец, победа революции на Кубе была в определенной мере уникальной и стала возможной еще и потому, что Фиделю до самого конца 1959 года удавалось водить американцев за нос относительно истинных целей этой революции. Предположить, что американцы не учатся на своих ошибках и еще неоднократно наступят в Латинской Америке на те же грабли, — значило по меньшей мере недооценивать сильного врага. Тем более что отныне любая помощь Кубы любому политическому движению в Западном полушарии рассматривалась США уже как достаточное основание немедленно вступить в борьбу всей своей мощью, включая военную. Призрак «второй Кубы» стал главным кошмаром американской внешней политики, и американцы противостояли этой угрозе любой ценой.

Так что, как это ни парадоксально, блестящая победа кубинской революции сильно осложнила положение латиноамериканских революционеров. Вашингтон проснулся и, после того как обжегся на молоке, дул на воду изо всех сил. Прошло целых 20 лет, прежде чем сандинисты в Никарагуа смогли полностью повторить кубинский опыт, так же блестяще обманув США.

В Америке приближались президентские выборы, на которых кандидат Демократической партии молодой и харизматичный сенатор Джон Кеннеди бросил вызов вице-президенту США Ричарду Никсону.

Позднее Никсон то с горечью, то с яростью вспоминал, что проиграл Кеннеди именно из-за Кубы. По указанию Эйзенхауэра Кеннеди тайно информировали о подготовке вторжения на Кубу. Брифинги для кандидата демократов проводил лично Аллен Даллес. Причем делал он это с ведома Никсона, который курировал всю подрывную работу США против Кубы. Однако во время решающих теледебатов Кеннеди вдруг стал громогласно упрекать Никсона в том, что республиканская администрация сидит сложа руки и ничего не предпринимает против «коммуниста» Кастро. Никсон был возмущен такой подлостью — ведь он не мог оправдаться и прямо в телеэфире рассказать о планах

ЦРУ по высадке на Кубе «Бригады 2506». Кеннеди знал это и поэтому бил «ниже пояса».

На Кубе не ждали ничего хорошего ни от Никсона, ни от Кеннеди. И были правы. Как только Кеннеди был избран президентом, он дал Даллесу «зеленый свет» на форсирование вторжения на Кубу.

Но еще в 1960 году в сами США «вторгся» Фидель Кастро. Ни на какое приглашение (официальное или частное) он уже рассчитывать не мог, поэтому приехал в сентябре в Нью-Йорк на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Как всегда, кубинский лидер сразу же приковал к себе внимание американских СМИ — корреспонденты всех политических цветов и оттенков ходили за ним по пятам. И Фидель мастерски обыграл свою популярность и новое амплуа Давида, борющегося против североамериканского Голиафа. Желая подчеркнуть свою солидарность с чернокожим населением США, Фидель остановился в бедной гостинице в Гарлеме — самом бедном негритянском районе Нью-Йорка. Он впервые встретился и обнялся с Хрущевым, и оба лидера вместе ходили по бедным кварталам самого богатого американского города, финансовой столицы капиталистического мира.

Хрущев еще раз подтвердил — СССР готов защищать Кубу, если против нее будет предпринята агрессия извне.

Помимо Хрущева Фидель познакомился с главными борцами против империализма в «третьем мире» — с Насером, Неру и ганским президентом Кваме Нкрумой. Именно эти люди, а отнюдь не Эйзенхауэр, прочно захватили все заголовки ведущих американских газет.

В ООН, пользуясь отсутствием регламента для глав государств и правительств, Фидель произнес самую длинную речь в истории организации, находясь за ораторским пультом целых три часа. Эйзенхауэр не стал слушать антиамериканские высказывания кубинского лидера и в зале во время речи одетого в военную форму Кастро не присутствовал. Зато для прессы речь стала главным «ивентом», чего и добивался Фидель.

26 сентября 1960 года Кастро встретился в здании чехословацкой миссии при ООН с президентом ЧССР Антонином Новотным, отдав должное той важной роли, которую играла Чехословакия при налаживании контактов Кубы с социалистическими странами. Новотный немедленно со-

гласился с просьбой предоставить Кубе кредит. Затем поговорили на различные международные темы. В частности, Фидель назвал обоих кандидатов на пост президента США «идиотами, которые на Кубе не могли бы занять ни одного ответственного поста». Однако Новотный не согласился с Фиделем, когда тот заговорил о прогрессивном потенциале чернокожего населения США. Новотный, коренной рабочий по социальному происхождению, привыкший рубить правду-матку, сказал Кастро, что если бы негры были по-настоящему прогрессивными, они бы уехали из США в Африку помогать своим сородичам в борьбе против колониального ига[260].

Вернувшись из США, ободренный поддержкой Хрущева и соцлагеря Фидель приступил вместе с Че к очередной атаке на частный капитал.

11 октября Че пригласил на беседу самого богатого человека Кубы Хулио Лобо, которому все еще принадлежали обширные плантации сахарного тростника и 13 заводов по производству сахара. Лобо поддерживал борьбу против Батисты, но Че ценил его не только за это. Ему не нравилась ясно обозначившаяся тенденция к эмиграции в США квалифицированных кадров, особенно менеджеров сахарной промышленности, инженеров и техников. Поэтому Че предложил Лобо возглавить кубинскую государственную сахарную промышленность и предложил царский (по меркам аскета Че) оклад — 2 тысячи долларов в месяц. Сам Че тогда получал как команданте революционной армии 250 долларов, и ходили слухи, что его жена вынуждена экономить на питании. Че прямо сказал собеседнику, что на Кубе разворачивается социалистическая революция и скоро будут национализированы все сахарные заводы. Если Лобо не примет его предложения, ему, видимо, придется уехать из страны. Магнат попробовал отшутиться — а как же мирное сосуществование социализма и капитализма? Че вполне серьезно ответил, что оно возможно только на международной арене, но никак не внутри отдельных стран.

Лобо предпочел уехать в Майами, а на следующий день после его встречи с Че кубинское правительство национализировало все банки, а также крупные торговые, промышленные и транспортные предприятия, в том числе и заводы Лобо. Богатая коллекция живописи столь же богатого кубинца была превращена в государственный музей.

Затем были запрещены доходные дома — отныне никто не имел права владеть иной недвижимостью, кроме той, где он сам проживает.

Так как новая волна национализации опять затронула американские компании, Вашингтон 19 октября 1960 года отреагировал введением торговой блокады против Кубы. Был запрещен экспорт на остров любых американских товаров, за исключением продовольствия и медикаментов.

В ответ 25 октября были национализированы последние 160 американских компаний на Кубе. Американцы подключили к борьбе против Кубы ОАГ, где они 28 октября подвергли Гавану критике за «массированные закупки» советского оружия. На следующий день посол США на Кубе Бонсал был отозван в Вашингтон «для консультаций». Вернуться ему было уже не суждено.

В то время как Фидель в очередной раз очаровывал Америку и мировых лидеров в ООН, Че тоже занимался внешней политикой. В октябре 1960 года он возглавил первую официальную кубинскую делегацию высокого уровня, отправившуюся в социалистические страны: Чехословакию, СССР, Китай, КНДР и ГДР. Маски были сброшены и необходимость в секретности отпала.

Визит приобрел особую важность после введения американского торгового эмбарго. Теперь Куба могла закупать столь нужные ей промышленные и продовольственные товары только в соцстранах. И только с помощью социалистических стран мог Че осуществить свою мечту — провести индустриализацию Кубы с целью максимально возможного импортозамещения и сделать ее экономически независимой от мирового капиталистического рынка.

23 октября 1960 года Че прилетел в Прагу. Согласно указанию политбюро ЦК КПЧ, его визит проходил в особо теплой и дружественной обстановке, чтобы продемонстрировать солидарность Чехословакии с Кубой в свете американских санкций против Гаваны. Все просьбы кубинцев были удовлетворены. Льготный кредит (предоставленный в июне 1960 года) был увеличен на 20 миллионов долларов, сокращались сроки поставок на Кубу промышленного оборудования для строительства автомобильного завода. ЧССР предоставила сотни стипендий для обучения кубинцев в чехословацких вузах[261]. На Кубу были направлены эксперты государственной плановой комиссии ЧССР для налаживания там системы хозяйственного планирования.

Чехословакия играла ключевую роль и в так называемой «акции 313» — планировавшейся на 1961 год денежной реформе на Кубе. Еще в июле 1960 года Фидель и Че обратились с просьбой через чехословацкого посла помочь напечатать 150 миллионов новых банкнот. 17 сентября политбюро ЦК КПЧ дало свое согласие. Сроки были очень сжатые, и на фабрике государственных знаков ЧССР пришлось ввести десятичасовой рабочий день. В СССР закупили несколько сотен тонн специальной бумаги, а в капиталистических странах — офсетные краски.

Во время визита Че кубинцы попросили сделать для них еще 160 миллионов штук новых монет. Руководство ЧССР немедленно дало свое согласие, хотя Чехословакии требовалось закупить для этих целей 502 тонны меди и 168 тонн никеля на 4,2 миллиона чехословацких крон в свободно конвертируемой валюте. Производство собственных монет пришлось отодвинуть на 1962 год.

С целью соблюдения секретности (без которой не может обойтись ни одна денежная реформа) доставку готовых банкнот и монет взял на себя Советский Союз*. В конце марта 1961 года первая партия новых кубинских денег была доставлена на остров.

Помогла Чехословакия и с никелевой промышленностью Кубы, где после национализации сложилась критическая ситуация. Американцы вывезли с острова всю техническую документацию и своих инженеров. Кубинцы занимали на рудниках только низшие и средние должности и сами не могли наладить производство. Рудник в Моа был временно закрыт, и четыре тысячи человек остались без работы. На руднике скопились тысячи тонн сульфидов, из которых еще предстояло извлечь никель. Чехи обещали предоставить разработанную ими технологию отделения никеля от кобальта и проконсультироваться с СССР относительно переработки сульфидов.

Из Праги Че отправился в Москву, где сбылась его давняя мечта — 7 ноября он вместе со всем советским руководством стоял на трибуне Мавзолея, празднуя очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Никогда до той поры чести принимать парад на Мавзолее не удостаивался иностранный представитель, не

---

* Советскими кораблями обычно доставлялось и закупленное Кубой чехословацкое оружие.

имевший ранга главы государства или братской коммунистической партии.

Помимо обязательного посещения Большого театра, Че искренне пытались поразить русским гостеприимством, что ему не всегда нравилось. Водку он старался не пить, целых осетров тоже не жаловал — на рыбу у него была аллергия. И вообще его как революционера очень раздражала пышность и роскошь кремлевских официальных приемов. С присущей ему открытостью Че иронизировал относительно советских пролетариев, вкушающих яства на приемах с мейсенского фарфора.

Как бы там ни было, Че (человек очень искренний) был до слез поражен той теплотой и симпатией, которые проявляли к Кубе на улицах при встречах с ним обычные советские граждане. Такое срежиссировать было просто невозможно.

В одном из интервью Че подчеркнул, что Москва произвела на него масштабное впечатление. Он считал, что пробыл в советской столице слишком мало, чтобы составить полную картину, но ему понравилась и архитектура города, и новые проекты, и, основное, народ. Он сказал, что москвичи выразили огромную поддержку кубинскому народу в связи со сложным ходом революции. Даже дети знали, что происходит на Кубе, знали, кто такие Фидель Кастро и Че Гевара, и очень любили их. Че выразил уверенность в том, что чувства москвичей разделяет как весь народ Советского Союза, так и его правительство.

Хотя Че приехал в Москву в конце осени, когда уже было холодно, он был поражен, что люди купались в открытом бассейне «Москва»*, куда делегацию тоже привезли. Естественно, был кубинский гость очарован и Московским метро, каждая из станций которого была самостоятельным художественно-архитектурным шедевром.

Также Че посетил Ленинград, осмотрев крейсер «Аврора», Эрмитаж и другие достопримечательности города.

Его давнишней мечтой был Сталинград, и Че прислал своей жене открытку из этого героического города:

«Моя дорогая,

урываю несколько свободных мгновений из моей насыщенной событиями поездки, чтобы послать тебе эту открытку.

---

* Располагался на месте храма Христа Спасителя.

Здесь воочию видишь один из самых героических эпизодов всемирной истории.

Через два дня буду в Китае.

Целую. *Че*»[262].

Довольно непросто складывались экономические переговоры, хотя здесь, пожалуй, была виновата «детская болезнь левизны» самого Че.

Че совершенно справедливо считал, что без индустриализации на Кубе невозможно создание современной экономики и повышение жизненного уровня населения. Причем индустриализацию Че обосновывал точно так же, как Сталин в 1931 году, — невозможностью ждать сотни лет.

В речи на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года Сталин говорил: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать.

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Че в речи 24 июля 1964 года как будто подхватил слова Сталина: «Мы не можем идти по пути стран, которые встали на путь капиталистического развития 100 или 150 лет назад — то есть начать медленный процесс развития мощной механической промышленности, прежде чем перейти к другим более высоким формам, металлургии, химии и автоматике. Нам надо перепрыгнуть некоторые стадии (идея «прыжка», возможно, была навеяна китайским опытом. — *Н. П.*). И сознавая нашу отсталость, сознавая нашу экономическую и техническую слабость, мы должны стремиться использовать лучшую мировую технологию; не боясь иметь лучшую мировую технологию здесь и как можно быстрее готовить технические кадры, способные управлять этими заводами».

Для завершения этой цитаты прямо напрашивается еще одна мысль Сталина: «Кадры решают все!»

В отличие от СССР начала 1930-х Кубе начала 1960-х, конечно, было легче — Советский Союз мог и хотел помочь кубинской индустриализации.

Однако дело было в том, что Че поначалу понимал индустриализацию Кубы довольно схематично — он просил СССР прежде всего построить на Кубе сталелитейный завод мощностью 1 миллион тонн.

Сама по себе эта мысль возражений в Кремле не вызвала — было ясно, что без стали нельзя произвести ни собственных машин, ни прочего промышленного оборудования. Однако Хрущев прямо, хотя с несвойственной ему обычно мягкостью и вежливостью, сказал Че, что такой завод будет нерентабелен, а то и просто технически невозможен — ведь у Кубы нет ни угля, ни железной руды, ни необходимых для таких мощностей энергоресурсов. Че упирался — все сырье можно доставить из СССР, когда обратно на Кубу вернутся корабли, перевозившие кубинский сахар. Хрущев, крепкий и рачительный хозяйственник, только диву давался — ведь перевозки на такое расстояние страшно дороги, и сколько же тогда будет стоить готовая продукция металлургического завода? Но Че такие «денежные» вопросы не интересовали. Он считал, что при социализме деньги играют роль лишь счетной единицы и государство может установить на любой товар любую цену. Хрущев предложил дать советским экспертам немного времени, чтобы внимательно изучить ситуацию в кубинской металлургии.

До 1959 года на Кубе было 14 небольших предприятий черной металлургии, в том числе три передельных металлургических завода. Все они могли производить только арматурный профиль, но весь прокат приходилось импортировать главным образом из США (71,5 процента всего импорта проката)[263]. В 1958 году Кубе пришлось потратить на импорт проката 81 миллион долларов. Так что с точки зрения импортозамещения производство собственного проката было абсолютно необходимо.

Максимальное среднегодовое потребление проката в дореволюционной Кубе составляло 267 тысяч тонн, но должно было вырасти в разы после начала индустриализации.

Естественно, что в ходе визита Че первым делом была достигнута договоренность о реконструкции и расширении мощностей уже действующих кубинских заводов. Предполагалось, например, построить с советской помощью на заводе «Антильяна де Асеро» три новые мартеновские печи общей емкостью 350 тонн. После реконструкции всех заводов производство стали на Кубе должно было вырасти с

80 тысяч до 350 тысяч тонн. Все необходимое оборудование СССР согласился поставить в кредит в 1961—1962 годах.

Что касается нового завода, на чем настаивал Че, Хрущев все же убедил его строить передельный завод мощностью менее одного миллиона тонн. Ведь столько стали на тот момент Кубе было не нужно. Пока согласовали возведение в 1962—1964 годах первой очереди передельного завода мощностью 200—250 тысяч тонн стали. В случае необходимости первую очередь можно было бы впоследствии дополнить второй.

В Москве подошли к проекту очень тщательно — для снабжения новых заводов электроэнергией СССР обязался помочь построить тепловые электростанции мощностью 300 тысяч киловатт с необходимыми линиями электропередачи. А чтобы обеспечить эти тепловые электростанции мазутом, а заодно и гарантировать переработку советской нефти на бензин, керосин и масла, Советский Союз (опять-таки в кредит) дал согласие на строительство в 1963—1964 годах нефтеперерабатывающего завода мощностью 1 миллион тонн в год.

Че мог быть доволен — индустриализация Кубы становилась реальностью, причем в максимально короткие сроки. Только по программе реконструкции существовавших металлургических заводов было задействовано 20 проектных советских институтов. На Кубу поставили 20 тысяч тонн металлургического, механического и электротехнического оборудования, 15 тысяч тонн огнеупоров, 13 тысяч тонн других материалов[264].

В 1967 году советские прокатные станы на Кубе произвели 92,3 тысячи тонн проката, в 1968 году —103,4 тысячи тонн. Но об этом Че узнать уже было не суждено.

Во время визита Че было также подписано соглашение о подготовке в СССР кубинских кадров. В 1965 году первая группа в составе пятидесяти человек прошла производственное обучение на Енакиевском и Донецком металлургических заводах, а также в Волгограде и Таганроге. На самих кубинских заводах в процессе их реконструкции и строительства советскими специалистами были обучены 1370 человек, в том числе 519 специалистов прокатного производства.

Помог СССР и в металлообработке. Все станки и оборудование (а также запчасти к ним) до революции Куба закупала в США. В стране не было даже собственной ремонт-

ной базы. Средний возраст станков в 1959 году составлял 40 лет. На Кубе не было ни одного шлифовального станка. Американское эмбарго ставило на грань краха всю кубинскую промышленность, особенно производство сахара и никеля. Ведь кубинцы не могли самостоятельно отремонтировать технику даже в случае мелких поломок.

Во время визита Че СССР согласился построить на Кубе механический и напильниковый заводы.

Механический завод мог изготавливать запасные части весом до пяти тонн и имел проектную мощность до четырех тысяч деталей в год при работе в две смены. Станки и агрегаты для этого завода делались в Москве, Харькове, Коломне, Новосибирске и Липецке. В СССР для работы на заводе обучили 120 кубинцев. Сам завод был построен в рекордные сроки — за 16 месяцев. 3 мая 1964 года Че, выступая на торжественном открытии этого предприятия, заявил, что пуск механического завода зажег факел технической революции на Кубе. В стране завод уважительно прозвали «кубинским Уралмашем» — он производил плуги, культиваторы, грейдеры, скреперы, колеса для подвижного состава железных дорог, оборудование для уборки сахарного тростника и сахарных заводов.

Рядом с американской базой в Гуантанамо в декабре 1962 года заработал крупнейший в Латинской Америке напильниковый завод проектной мощностью 750 тысяч напильников в год при работе в одну смену. Русские возвели предприятие на год раньше запланированного срока.

В 1959 году во всей сахарной промышленности Кубы (а это была основа кубинской экономики) работали всего 50 инженеров. В других отраслях положение с квалифицированными техническими кадрами было еще хуже. Все инженерные должности занимали в основном американцы, которые к концу 1960 года уже покинули Кубу. Без скорейшей подготовки национальных кадров можно было не только забыть о любой индустриализации — грозили остановиться уже построенные на Кубе предприятия (на что, собственно, и рассчитывали в Вашингтоне).

Поэтому во время визита Че было подписано межправительственное соглашение о подготовке кадров, согласно которому советские вузы уже со следующего учебного года должны были принять 300 кубинских студентов для обучения по инженерным специальностям и еще 100 студентов — будущих научных работников. 400 кубинцев должны

были получить на советских предприятиях специальности техников и квалифицированных рабочих.

Таким образом, визит Че в СССР в ноябре 1960 года оказался не просто успешным — в ходе переговоров были заложены основы совершенно новой кубинской экономики, чего так страстно желал Эрнесто Гевара. Уже в 1961 году СССР вышел на первое место среди торговых партнеров Кубы. Если в 1960 году советско-кубинский товарооборот составил 160,6 миллиона рублей (в 1959 году — 6,7 миллиона), то в 1961-м — уже 539 миллионов.

СССР своим импортом оперативно «закрыл» отмену американской квоты на закупку кубинского сахара*.

Из Москвы Че отправился в Пекин, и за этой поездкой с особым вниманием следили не только в Вашингтоне, но и в Москве.

В 1960 году уже явно обозначился грядущий идеологический разрыв между КПСС и компартией Китая, хотя на официальном уровне формально еще говорили о «братских связях», а ЦРУ использовало в отношении соцлагеря термин «китайско-советский блок».

Отношения с Москвой целенаправленно обострял Мао. После смерти Сталина, которого он уважал и побаивался, китайский «великий кормчий» считал себя, а не «слабака» Хрущева лидером мирового коммунистического движения. А для обоснования этого лидерства должны были быть претензии на теоретическую уникальность самого Мао и китайского социализма.

То есть китайский лидер уверенно шел по пути Иосипа Броз Тито — когда тот порвал с Москвой, ему надо было доказать и своему народу, и мировому сообществу, что этот разрыв не случаен и не коренится в банальном стремлении сохранить власть. Поэтому Тито поручил главному идеологу югославской компартии Милована Джиласу изобрести такой социализм, который отличался бы от советского, но опирался бы на теорию Маркса. То есть надо было доказать, что советский социализм отошел от марксизма, а югославский — нет.

Джилас ухватился за термин «социалистическое самоуправление», хотя Маркс относил его уже к коммунисти-

---

* Первую партию сахара на Кубе Советский Союз купил в далеком 1925 году. Затем были разовые закупки в 1929 и 1930 годах (соответственно 20 и 87,8 тысячи тонн). В 1946—1958 годах СССР закупил в общей сложности 1 миллион тонн кубинского сахара.

ческому обществу. Тито счел «самоуправление» удачным ходом — тем самым югославский самоуправленческий социализм оказывался вроде бы ближе к коммунизму, чем советский. К тому же можно было бичевать Москву за излишний государственный бюрократизм — в Югославии-де он попросту невозможен, ведь все заводы в руках трудовых коллективов. На самом деле коммунистическое «самоуправление» привело в Югославии к фактической реставрации капитализма. Принадлежавшие трудовым коллективам заводы работали на рыночных началах, и им было абсолютно все равно, что происходило на других заводах. Уже скоро «коммунистическая» Югославия жила за счет западных кредитов, западных туристов и оттока своей рабочей силы в ФРГ.

Мао решил обойти СССР «слева». Если Москва говорила о мирном сосуществовании, то Пекин предрекал неизбежную третью мировую войну, в которой победит социализм. При этом Мао, прожженный циник, всегда презиравший людей, был не прочь «пожертвовать» сотней-другой миллионов китайцев ради торжества социализма во всемирном масштабе. На самом деле, конечно, он считал, что после ядерного смерча погибнут как раз русские и американцы, а Китай будет править миром. В 1958 году Мао уже предлагал Хрущеву совместными усилиями «освободить» Тайвань, прекрасно понимая, что это приведет к ядерной войне между СССР и США. Ее он, собственно, и добивался.

Мао хотел войны еще и по внутриполитическим соображениям. Его широко разрекламированный «большой скачок», в ходе которого предполагалось перегнать по производству зерна СССР, а по стали — Англию, не просто позорно провалился. Китай был охвачен голодом, погибли миллионы человек. Загнанные в коммуны крестьяне ели землю и отдавали на дорогах детей первому встречному, чтобы они не умерли от недоедания. В китайском руководстве впервые зазвучала публичная критика «председателя» Мао. В этих условиях любой международный кризис позволял Мао удержаться на плаву и консолидировать свою пошатнувшуюся власть.

В отношении международного коммунистического движения китайцы выступали с архиреволюционных позиций, что не могло не импонировать Че. Ведь он, будучи в отличие от Мао человеком кристальной честности, поначалу принимал революционную риторику Пекина за чистую монету.

Особенно благоприятную почву китайская ультрареволюционная пропаганда находила именно в Латинской Америке. Если русские советовали местным компартиям создавать и укреплять организационную структуру, вести массовую пропаганду среди населения, особенно среди рабочих, то китайцы говорили: нечего ждать роста массового сознания, беритесь за оружие. Короче, «винтовка рождает власть». Ясно, что такой лихой подход был особенно популярен среди молодежи, прежде всего студенческой. То, что из-за такого авантюризма могут погибнуть плохо подготовленные к вооруженной борьбе, только начинавшие жить люди, «великого кормчего» мало волновало. Вскоре он так же легко бросит в топку хаоса «культурной революции» миллионы молодых китайцев.

Мао скромно считал китайскую революцию новым словом в марксизме. Мол, движущей силой этой революции в Китае был не рабочий класс, как учили Маркс и Ленин, а крестьянство, а значит, именно китайский, а не советский путь должен применяться во всех развивающихся странах, где просто мало промышленных рабочих. Это опять-таки находило отклик среди латиноамериканских революционеров — зачем ждать индустриализации страны и появления пролетариата, если можно уже сейчас взять власть вооруженным путем, опираясь на крестьянство.

Идея об уникальности китайского пути к социализму импонировала Че хотя бы потому, что он считал уникальной и кубинскую революцию. Вспомним беседу Фиделя и Че с Микояном на сей счет. Кроме того, революционная риторика Мао и «коммунизация» китайского сельского хозяйства казались Че гигантскими шагами к коммунизму. А в СССР в это время Хрущев отказывался от моральных стимулов в пользу материальных, и это Че не нравилось. Если цель жизни советских людей состоит в приобретении материальных благ типа квартиры, автомобиля или финского сервелата, то зачем же было вообще делать революцию? Ведь такие же цели преследует и «капиталистический» человек.

Таким образом, Че ехал в Китай с большими ожиданиями, надеясь увидеть более свежий, более революционный социализм, чем в Советском Союзе. Кроме этого, Че считал Сталина и Мао крупнейшими теоретиками социализма современности (Хрущев, человек практического склада, на этот титул явно не тянул) и давно мечтал познакомить-

ся лично с «великим кормчим» (Сталин был уже мертв). Именно труды Сталина сделали Эрнесто Гевару марксистом, и он не одобрял начатой Хрущевым кампании по критике культа личности. Демонстративно защищал Сталина и Мао, хотя на самом деле ненавидел этого человека, о чем не раз говорил в узком кругу китайских партийных руководителей.

Но Че не знал всей этой подноготной и ехал на встречу к Мао как к великому и принципиальному теоретику социализма. Его поездка была хорошо подготовлена дипломатически —28 сентября 1960 года Куба — первая страна Западного полушария — признала КНР и установила с ней дипломатические отношения. Все остальные государства Латинской Америки вслед за США продолжали считать «Китаем» гоминьдановский режим на Тайване, который вопреки протестам СССР и его союзников занимал место в Совете Безопасности ООН.

Че встретился с Мао 19 ноября 1960 года[265]. «Великий кормчий» в отличие от радушного и искреннего Хрущева вел себя с кубинским гостем как умудренный годами учитель с нерадивым учеником (хотя так надменно Мао разговаривал и с Хрущевым — ведь ни один мировой лидер не годился ему в подметки).

Че был поражен, когда «революционер» Мао стал советовать Кубе не трогать национальную буржуазию. Че пришлось оправдываться, что национальная буржуазия сама первая начала борьбу против революции. Интересовался главный китайский коммунист и тем, какую компенсацию получили американские предприниматели за свое национализированное имущество. Да и вообще, продолжал Мао, есть смысл потерпеть присутствие на Кубе некоторых «империалистических компаний».

В отношении Латинской Америки Мао высказал... опасения, как бы на нее плохо не повлиял пример Кубы. И опять пекся о буржуазии — если Куба будет слишком форсировать социалистические реформы, то это отпугнет латиноамериканскую «прогрессивную» буржуазию. Вот, мол, мы в Китае не трогали буржуазию целых семь лет. Дальше Мао вообще дошел до того, что заявил: исчезновение кубинской национальной буржуазии выгодно США (!). Тут Че уже стал прямо возражать — буржуазия во всей Латинской Америке, в том числе и на Кубе, тесно связана именно с США. Зачем же ее обхаживать?

Как и в случае с Югославией, левая фраза закономерно родила правую политику. Хорошо, что Че уже не увидел дружбы Мао с Никсоном и Пиночетом и попытку «великого кормчего» заблокировать поставки советской помощи борющемуся Вьетнаму.

Мао (бесспорно, хитрый собеседник) решил (с оглядкой на Москву) заручиться поддержкой кубинского гостя в отношении своей теории о крестьянстве как движущей силы революции в развивающихся странах, а заодно и польстить «уникальности» кубинцев:

«*Председатель*. У меня есть еще вопрос. Вам потребовалось два года с момента высадки на Кубу до полной победы. Вы объединили крестьянство и одержали победу. Есть ли возможность, что и другие латиноамериканские страны последуют этой модели?

Гевара. На этот вопрос нельзя ответить однозначно. На самом деле у вас больше опыта и больше способностей всестороннего анализа, чем у нас. На мой взгляд, у Кубы были более сложные предпосылки для революции, чем в других странах Латинской Америки. Однако у нас был один очень благоприятный фактор: мы одержали победу, воспользовавшись самоуспокоенностью империализма. Империалисты не сконцентрировали свои силы против нас. Они думали, Фидель попросит у них кредиты после победы и будет сотрудничать с ними. Напротив, начало революции в других странах Латинской Америки столкнется с такой же опасностью, что и Гватемала, — США вмешаются и пошлют свою морскую пехоту».

Таким образом, Че не был ни маоистом, ни тем более догматиком. Он понимал, что повторить кубинский опыт в странах Западного полушария непросто. И все же через несколько лет он попытался сделать именно это.

Мао наседал: в каких странах Латинской Америки в ближайшем будущем возможны революции? Че разделил все страны Западного полушария на следующие категории:

страны, где уже развернулась вооруженная революционная борьба (Никарагуа, Гватемала и Парагвай). Причем Че оговорился, что недостаточно хорошо владеет ситуацией по этим странам;

страны, где появляется возможность образования народных революционных движений (Перу, Колумбия). Причем в Перу еще со времен инков есть тяга индейцев к «примитивному» коммунизму.

Тут Мао, пытаясь доказать свою ученость, сравнил Перу с Южной Африкой: и там и там угнетается коренное население. Че возразил против такого механического сопоставления, и хитрый китайский лидер сразу же перешел к похвалам в адрес Арбенса: он знал, какое значение в жизни Че играл гватемальский опыт.

За обедом Че отметил две особенности, которые роднят кубинскую и китайскую революции:

ставка на крестьянство, потому что горожане презирали партизан и не верили в их успех;

тактика противника: и Повстанческую армию, и отряды КПК пытались взять в кольцо и раздавить.

Тут присутствовавший на беседе глава китайского правительства Чжоу Эньлай снисходительно похвалил Че: «Вас можно считать интеллектуалом». Че скромно ответил: «Я еще не на той стадии развития, чтобы считаться интеллектуалом».

Мао продолжал «столбить» Че на своих позициях и заметил, что читал вкратце одну статью Че и согласен с его выводом о том, что «народ может победить реакционеров. Не надо ждать, пока созреют предпосылки для революции». И опираться надо на сельскую местность. Чжоу Эньлай немедленно подключился, заодно попытавшись вбить клин между Кубой и СССР: «Некоторые латиноамериканские товарищи (явный намек на просоветские компартии. — *Н. П.*) не уважают крестьян, в то время как вы это делали и победили. Китайская революция такая же: многие люди не придавали значения крестьянству, в то время как товарищ Мао Цзэдун делал это».

Че не возражал. Позже именно тезисы о значении крестьянства и особенно посыл «китайских друзей» о том, что не надо ждать революционной ситуации, привели его к гибели в боливийских горах.

Китайцы всячески хотели показать Че, что не отстанут от русских не только в теории, но и на практике. КНР обязалась купить 1 миллион тонн кубинского сахара урожая 1961 года (урожай 1960 года Че продал Советскому Союзу), Кубе был предоставлен кредит в размере 60 миллионов долларов.

За переговорами Че в Китае внимательно следила американская разведка, надеясь, что китайцы смогут поссорить кубинцев с русскими. Публичные выступления Че ЦРУ оценило как прокитайские, так как кубинский гость

подчеркивал схожесть революций на Кубе и в Китае. В анализе американской разведки говорилось: «Особенностью визита Гевары в Пекин было то, что он публично поддержал китайцев по основным пунктам советско-китайского конфликта. Во время приема... Гевара произнес речь, в которой он хвалил "народные коммуны" Китая (которые подвергаются критике со стороны Советского Союза) как "пример", показавший новый путь для латиноамериканских стран. Во время визита в Москву Гевара не делал аналогичных заявлений о примере СССР»[266].

В Москве тоже были обеспокоены возможным «прокитайским» креном Кубы после переговоров Че в Пекине. Поэтому, когда Че в декабре 1960 года возвращался домой через Советский Союз, Хрущев не только опять окружил кубинскую делегацию радушием, но и подтвердил обязательство купить 2,7 миллиона тонн сахара урожая 1961 года по цене 4 цента за фунт. Еще 300 тысяч тонн были готовы купить Чехословакия и ГДР*, куда Че приехал перед тем, как отправиться на Кубу. Все остальные социалистические страны Европы сами продавали на экспорт свекловичный сахар.

Как и КНР, ГДР в то время не признавал никто, кроме стран социализма. В Латинской Америке решились в то время на установление дипломатических отношений только кубинцы. А ведь согласно западногерманской «доктрине Хальштейна» это означало немедленный разрыв отношений с ФРГ.

Визит в ГДР (13—17 декабря 1960 года) был для Че наполнен таким же радушием и энтузиазмом местного населения, как и в Москве. На химическом комбинате в Лойне он ознакомился с технологией производства минеральных удобрений — важнейший вопрос для кубинского сельского хозяйства.

С учетом торговой блокады США, Че уделил большое внимание Лейпцигской ярмарке — самой представительной торгово-промышленной выставке социалистического мира. Договорились, что кубинские товары будут размещены уже на следующей ярмарке в начале 1961 года.

Во время беседы с кубинскими студентами в Лейпциге Че познакомился с предоставленной немецкой стороной

---

* Кубинцы ожидали в 1961 году производство сахара на уровне 6 миллионов тонн. Че хотел по итогам своего длительного визита продать как минимум 4 миллиона тонн.

переводчицей — Тамарой Бунке. Оба не подозревали, что скоро их жизненные пути сойдутся и одновременно оборвутся в далекой Боливии.

В 1961 году между ГДР и Кубой были заключены первые экономические соглашения, и спустя некоторое время именно социалистическая Германия стала вторым по значению торгово-экономическим партнером Кубы после СССР. Во время визита Че ГДР пообещала кредит в 10 миллионов песо и закупила 60 тысяч тонн сахара по 4 цента за фунт. Кубинцы также приобрели оборудование для текстильной фабрики на 100 тысяч веретен.

Если сравнивать впечатления Че от поездки в СССР и КНР, то можно сказать, что китайцам удалось обмануть кубинского гостя. Че говорил жене, что в СССР его неприятно поразили великолепие и пышность приемов и обедов в Кремле, в то время как китайские лидеры держались очень скромно, как настоящие революционеры.

На самом деле русские просто хотели поразить кубинцев традиционным гостеприимством, хотя в обыденной жизни Хрущев, человек простой, никакой роскоши не любил и питался примерно так же, как обычные советские люди. Причем при Хрущеве магазины многих советских городов ломились от дешевых и качественных продуктов. Мао же довел страну до ужасного голода, но себе ни в чем не отказывал — ел обильно (съедал по курице в день), в то время как китайцы питались травой и корой. Но Че всей этой изнанки «социализма с китайской спецификой» в Пекине не показали.

Бюро разведки госдепартамента высоко оценило результаты визита Че в страны социалистического содружества: «По итогам его поездки Куба имела торговые, финансовые соглашения, а также соглашения в сфере культуры со всеми странами [советского] блока, дипломатические отношения со всеми странами, кроме Восточной Германии, а также договоры о технической и научной помощи со всеми странами, кроме Албании»[267].

Сам Че так прокомментировал итоги поездки: «Я знаю, что недавно... товарищ Нуньес Хименес совершил путешествие в социалистические страны. Он пришел потом на телепередачу, начал рассказывать о том, что видел, и потом его прозвали “Алиса в стране чудес”. В самом деле, я сейчас тоже могу сказать, после того как объехал еще больше стран, объехал весь социалистический континент,

пусть меня теперь называют "Алиса на континенте чудес". (*Смех.*) Но надо говорить то, что действительно видишь, и быть честным. А достижения социалистических стран, как высокоразвитых, так и тех, которые пока еще переживают процессы, сходные с теми, что происходят на Кубе, чрезвычайно велики. И не может быть никакого сравнения с капиталистическими странами в том, что касается образа жизни, системы развития. И, прежде всего, нет никакого сравнения между тем, как люди воспринимают такое событие, как наша Революция... Во всех этих странах энтузиазм по отношению к Кубе просто поразителен.

Наверное, более всего это можно ощутить в Советском Союзе. Революция произошла там сорок три года назад, у всех высочайший уровень политической культуры, и было просто потрясающе видеть, как незнакомые люди узнавали нас — двоих, троих, носивших подобие бороды...»[268]

В октябре 1960 года на Кубе была полностью завершена национализация промышленности, что, с точки зрения американцев, делало примирение с режимом Кастро невозможным. Поэтому ЦРУ форсировало осуществление «плана Плутон» — так назвали операцию по высадке на Кубе «Бригады 2506».

Однако в ноябре 1960 года весь этот план едва не рухнул. В гватемальскую прессу просочились данные о подготовке на территории страны кубинских контрреволюционеров. Это вызвало взрыв негодования, в том числе и в гватемальской армии.

13 ноября солдаты и молодые офицеры захватили казарму в столице и в главном гватемальском порту Пуэрто-Барриос. Президент Гватемалы Идигорас Фуэнтес немедленно обвинил во всем Кубу, хотя кубинцы не имели к этим событиям никакого отношения. Восставшие военные, как и русские декабристы в свое время, упустили инициативу и отказались вооружать стекавшихся к ним крестьян. Вскоре кубинские контрреволюционеры при поддержке предоставленных ЦРУ бомбардировщиков Б-26 подавили мятеж. Однако несколько повстанцев, в том числе Марко Аурелио Йон Соса и Луис Турсиос Лима, ушли в горы и основали левонационалистическое партизанское «Движение 13 ноября», явно по образцу кубинского «Движения 26 июля».

Между тем американцы решили поменять первоначальный сценарий. Заново разработанный «план Плутон» предполагал уже не партизанские действия на Кубе, а высадку

на острове крупного воздушного и морского десанта. Эмигранты должны были закрепиться на побережье и захватить там военный аэродром для организации бесперебойного снабжения по воздуху и бомбежек экономической и военной инфраструктуры Кубы. После этого созданное ЦРУ эмигрантское кубинское правительство (так называемый «Кубинский революционный совет» во главе с бывшим кубинским премьером Миро Кардоной) должно было перебраться на плацдарм и попросить США о прямой военной помощи.

Однако ЦРУ все время опаздывало — на Кубе знали о готовящемся вторжении (у кубинских органов госбезопасности были неплохие источники в кубинской диаспоре Майами) и деятельно готовились к отражению агрессии.

Уже в конце 1960 года на Кубу начали поставлять советское современное бронетанковое, артиллерийско-минометное вооружение и некоторые виды стрелкового оружия. Небольшая группа советских военных специалистов развернула ускоренную подготовку орудийных расчетов, танковых экипажей и изучение основ тактики их применения в местных условиях.

Народная милиция получила достаточно стрелкового оружия и готовилась при необходимости к уличным боям. На проспектах Гаваны отбойными молотками крошили асфальт и ставили мины. Че было поручено защищать самый западный и наиболее близкий к США регион Кубы — Пинар-дель-Рио.

Однако кубинцы не знали, где конкретно высадятся контрреволюционеры. Не знали в Гаване и о том, поддержат ли вторжение вооруженные силы США.

Но всего этого до последнего момента не знали и в Вашингтоне.

Первоначально ЦРУ предполагало высадить «Бригаду 2506» на южном побережье провинции Лас-Вильяс недалеко от города Тринидад. Там в горах Эскамбрай действовало контрреволюционное «Революционное движение народа» (транслитерация испанской аббревиатуры — МРП*) во главе с Мануэлем Реем Риверо. Рей участвовал в борьбе против Батисты и после победы революции был назначен министром общественных работ. Но в ноябре 1959 года он подал в отставку и в мае 1960 года основал подпольное движение МРП.

---

* *Movimiento Revolucionario del Pueblo.*

К моменту высадки «Бригады 2506» Рей и его люди должны были начать восстание в разных уголках Кубы, чтобы отвлечь правительственную армию от плацдарма бригады. Особое внимание уделялось северу провинции Лас-Вильяс. Таким образом, американцы хотели повторить успех Че Гевары 1958 года — захватить провинцию Лас-Вильяс и рассечь Кубу надвое.

В ходе операции ЦРУ исходило из ликвидации Фиделя и Рауля Кастро, а также Че уже на ранней стадии боев.

В последний момент Кеннеди внес существенные коррективы в «план Плутон», которые и привели в том числе к его бесславному краху, и как следствие стоили жизни самому Кеннеди. Президент США наметил местом высадки уединенный полуостров Сапата на южном побережье Кубы в заливе Свиней. Оттуда якобы бойцы «Бригады 2506» могут легко пробиться в расположенные «неподалеку» горы Эскамбрай. Но, видимо, и Кеннеди, и одобривший новое место высадки Даллес не имели никакого понятия о географии Кубы. До гор Эскамбрай было от залива Свиней не менее 150 километров. К тому же с места высадки вглубь Кубы вела только одна дорога, зажатая между непроходимыми болотами. Если бы правительственная армия перекрыла эту дорогу (что можно было сделать и малыми силами), то контрреволюционерам пришлось бы пробираться в горы по побережью без всякого прикрытия от атак с воздуха.

Помимо изменения места высадки Кеннеди отказал Даллесу в использовании американских вооруженных сил, особенно авиации, для поддержки мятежников. Вся операция должна быть «кубинской» без официального участия правительства США, как это и произошло в Гватемале в 1954 году.

Даллес молча согласился с ограничениями президента, но он не сомневался, что если операция начнется, то Кеннеди придется дать добро на применение вооруженных сил США. Бойцов «Бригады 2506» попросту обманули — ЦРУ заверило командира бригады Хосе (Пепе) Сан Романа (бывшего капитана армии Батисты), что Америка поддержит высадку всей своей мощью.

На новый, 1961 год Фидель вывел на улицы Гаваны только что полученные советские танки — это было последнее предупреждение американцам. Посольству США было предложено сократить свой численный состав до двенадцати человек — то есть иметь столько же дипломатов, сколько насчитывалось в кубинском посольстве в Вашингтоне.

Эйзенхауэр воспользовался этим справедливым требованием для разрыва 3 января 1961 года дипломатических отношений с Кубой. Американцы полагали, что дни Кастро уже сочтены и к тому же посольству США нечего делать на Кубе в момент вторжения (жизнью американских дипломатов рисковать не хотели).

С согласия госдепартамента интересы Кубы в США стала представлять Чехословакия.

14 февраля 1961 года американской разведкой на Кубу была заброшена первая «серая команда» (*Gray team*). Всего таких команд до вторжения должно было тайно прибыть на Кубу целых семь (по пять человек в каждой). Эти передовые группы должны были провести целый ряд диверсионных актов, чтобы посеять панику в кубинском обществе и отвлечь армию и силы госбезопасности от предполагаемого района высадки. Кроме того, «серым командам» предписывалось установить контакт с контрреволюционным подпольем, прежде всего МРП, и организовать прием сбрасываемых ЦРУ с самолетов оружия и боеприпасов.

3 апреля 1961 года правительство США опубликовало «Белую книгу» по Кубе, в которой говорилось, что эта страна представляет угрозу для всех стран Западного полушария. Это был сигнал для «Бригады 2506» о том, что высадка вот-вот начнется.

13 апреля 1961 года в 7 часов вечера диверсантами ЦРУ был подожжен крупнейший кубинский универмаг «Эль Энканто» в Гаване, построенный еще в 1888 году (универмаг национализировали в 1959 году). За четыре дня до поджога у главного входа в «Эль Энканто» была взорвана бомба. При поджоге погиб директор детской секции, 18 человек получили ранения и травмы (магазин уже как час был закрыт). В тот же день патруль народной милиции задержал подозрительного человека, посылавшего в море световые сигналы. Это оказался служащий универмага Гонсалес Видаль, сознавшийся в поджоге. Он сообщил, что получил зажигательные устройства (американская армейская пластиковая взрывчатка С-4, замаскированная под пачки сигарет «Эден») от прибывшего из Майами агента ЦРУ Хорхе Камельяса (кличка Кэви). Сам план поджога был разработан Марио Помбо, шефом МРП в Гаване.

15 апреля 1961 года Че и его семью разбудили взрывы. Самолеты ЦРУ бомбили расположенный недалеко от дома команданте военный аэродром. Че выскочил из спальни и пробормотал: «Эти мерзавцы все же решились атаковать

нас». Опешившая охрана начала было суетливо передергивать затворы автоматов, но Че достал пистолет и предупредил, что убьет на месте первого, кто выстрелит. Паника улеглась, и Че отбыл на свой командный пункт в провинцию Пинар-дель-Рио. Именно там ждали высадки — Фидель, Рауль и Че и представить себе не могли, что американцы выберут для «Бригады 2506» непроходимые болота. Район высадки был окружен мангровыми зарослями и действительно непроходимыми болотами (Сьенага-де-Сапата), которые издавна называли «великими топями Карибов».

В ЦРУ и ОКНШ главное внимание уделяли предварительному авиаудару по кубинским ВВС, который должен был уничтожить все самолеты революционной армии на аэродромах и обеспечить мятежникам полное господство в воздухе. Без этого и разведка, и Пентагон считали шансы на успех операции «Плутон» минимальными.

Согласно воспоминаниям отвечавшего за операцию заместителя Даллеса Бисселла, план авиаудара по Кубе перед вторжением представлял собой «...стратегическую бомбардировку с целью ликвидации всей телефонной связи... некоторых линий коммуникации — железных дорог, мостов — и атаку на большие военные базы к югу от Гаваны, где находилась бронетехника Кастро»[269]. Бисселл имел в виду только что прибывшую из СССР боевую технику.

В течение 1960 года Советский Союз поставил Кубе танки Т-34 и ИС-2, самоходные установки СУ-100, 122-миллиметровые гаубицы. Это вооружение существенно повысило боеспособность Революционных вооруженных сил Кубы, однако именно в районе болот залива Свиней применение бронетехники было крайне проблематичным.

Кубинские ВВС состояли из шести британских турбовинтовых истребителей «Хоукер си фьюри» (*Hawker Sea Fury*)*, трех американских тренировочных самолетов (лег-

* Истребители «си фьюри» были разработаны в начале 1945 года и появились в британских ВВС уже после окончания Второй мировой войны. В 1945—1955 годах было построено 980 самолетов этого типа, поставленных в различные страны мира (в том числе в ФРГ, Канаду, Австралию, Бирму, Египет, Нидерланды, Марокко, Ирак и Пакистан). Диктаторский режим Батисты на Кубе получил 17 таких самолетов в 1958 году, и они принимали активное участие в борьбе против Повстанческой армии Фиделя Кастро. Одноместный истребитель обладал прекрасной скоростью (до 740 км/ч, крейсерская скорость 625 км/ч — это был самый быстрый из серийных турбовинтовых боевых самолетов мира) и мощным вооружением.

ких штурмовиков) Т-33 и пятнадцати американских бомбардировщиков Б-26 «инвейдер». Практически все пилоты кубинских ВВС до победы революции обучались в США.

Осенью 1960 года правительство Кубы попыталось обменять турбовинтовые «си фьюри» на 15 британских реактивных истребителей, но США сорвали сделку и к моменту вторжения «Бригады 2506» никаких реактивных боевых современных самолетов у Кубы не было.

ЦРУ считало вполне возможным уничтожить все кубинские самолеты в ходе одного внезапного налета. Однако ОКНШ на всякий случай рекомендовал сделать два авиаудара.

Для этих целей ЦРУ передало «Бригаде 2506» из состава Национальной гвардии Алабамы шесть бомбардировщиков Б-26, которые были размещены на построенном с помощью США тайном аэродроме в Гватемале. Формально самолеты были поставлены Гватемале, но их фактическая передача была задержана на шесть месяцев. Обучение кубинских пилотов-наемников проводили американские инструкторы.

Позднее из состава резерва ВВС США было получено еще 26 законсервированных Б-26, 20 из которых были переделаны в боевой вариант (самолеты были оснащены дополнительными баками и пусковыми ракетными установками).

С 9 апреля 1961 года «Бригада 2506» стала стягиваться из Гватемалы в никарагуанский порт Пуэрто-Кабесас — отправную точку для вторжения на Кубу. На следующий день президент США Кеннеди заверил мировую общественность, что США не планируют никаких военных действий против Кубы.

В ночь с 14 на 15 апреля 1961 года 164 кубинских наемника на вышедшем из Флориды американском судне под коста-риканским флагом должны были осуществить отвлекающую высадку на востоке Кубы в районе Баракоа, провинция Орьенте. Все эсминцы ВМС США вышли в море с расположенной на территории Кубы базы Гуантанамо, тоже имитируя флотилию вторжения. Американцы даже послали к кубинскому берегу разведывательные катера, но они были отогнаны огнем патрулей народной милиции. Один из кубинских самолетов Т-33 начал нести патрульную службу в районе Баракоа, но потерпел крушение и упал в море.

В воскресенье 15 апреля 1961 года в 6 утра восемь бомбардировщиков Б-26, вылетевших из Пуэрто-Кабесас (Ни-

карагуа), тремя группами одновременно атаковали международный аэропорт в Сантьяго-де-Куба и два аэродрома под Гаваной. Именно от этой бомбежки и проснулся Че в тот день.

Все самолеты несли опознавательные знаки военно-воздушных сил Кубы — ЦРУ собиралось прикрыть бандитский налет версией о том, что его якобы совершили «восставшие против Кастро» летчики ВВС Кубы. С этой целью двигатель девятого Б-26 был снят и обстрелян в ангаре на земле. После этого самолет вылетел из Никарагуа через Кубу прямо к побережью Флориды. Пилот-«перебежчик» по радио попросил власти США разрешить ему вынужденную посадку в Международном аэропорту Майами.

Там «дезертир» Хуан Гарсиа (на самом деле бывший летчик ВВС времен диктатуры Батисты Марио Суньига) заявил репортерам, что нанес удар по аэродромам Кубы и что вместе с ним дезертировали еще три пилота ВВС Кубы. Но американские журналисты быстро заметили, что на бомболюке Б-26 лежит слой пыли, электропроводка к системе управления пулеметами почти проржавела, а пулеметы зачехлены. Никакого нагара от выстрелов в стволах пушек и пулеметов журналисты также не обнаружили[270].

По оценке ЦРУ, в результате налета 15 апреля (операция «Пума») на земле было уничтожено пять кубинских самолетов и около десяти получили серьезные повреждения[271]. В Сантьяго-де-Куба были уничтожены транспортный самолет С-47, самолет-амфибия типа «Каталина», два Б-26 и несколько гражданских самолетов. На двух аэродромах под Гаваной были выведены из строя три Б-26, один «си фьюри» и один Т-33. Погибли семь кубинцев, 53 были ранены. Американская разведка была довольна.

Однако кубинцы заблаговременно рассредоточили свои Б-26, Т-33 и «си фьюри» по многим аэродромам, сконцентрировав на базах неисправные самолеты, по которым в основном и пришелся удар американских наемников. Например, погибли «подставленные» кубинцами два старых американских самолета П-47 «тандерболт». Фидель Кастро вспоминал: «Не должно было находиться рядом даже двух самолетов. Абсолютно все самолеты были рассредоточены на большой территории. А самолеты, вышедшие из строя, были расположены более или менее близко друг от друга. Иными словами, мы применили систему, рассчитанную на обман противника на авиационных базах: самолеты, вы-

шедшие из строя, стояли по два, три вместе, исправные — далеко друг от друга»[272].

Представитель Кубы в ООН Рауль Роа 15 апреля обвинил в подготовке и проведении воздушного нападения на Кубу США. Его американский коллега и бывший кандидат в президенты от Демократической партии Эдлай Стивенсон активно и искренне возражал — в тот же день Бисселл заверил его, что версия о дезертирах из кубинских ВВС абсолютно верна. Кеннеди также публично озвучил версию о «кубинских патриотах», дезертировавших от «диктатора Кастро».

Позднее узнав правду, Стивенсон был взбешен тем, как нагло он был обманут высшим чиновником ЦРУ. 16 апреля Стивенсон направил госсекретарю США Раску срочную шифровку, в которой предостерегал от повторения «катастрофы в стиле У-2»*.

Демарш разгневанного Стивенсона возмутил Раска, который был недоволен «самоуправством» ЦРУ и тем негативным резонансом в мире, который вызвала операция «Пума». Раск пожаловался советнику Кеннеди по национальной безопасности Банди, и тот в 21.30 16 апреля позвонил заместителю Даллеса генералу Кейбеллу, потребовав прекратить авианалеты. Банди был готов разрешить продолжение воздушной войны только с «освобожденной» территории Кубы. Раск в беседе с Бисселлом и Кейбеллом в тот же день разрешил самолетам ЦРУ только поддерживать десант в заливе Свиней, но прекратить все нападения с воздуха на цели в других районах Кубы[273]. Раск ссылался на Кеннеди, который якобы отменил второй воздушный налет на базы кубинских ВВС. Госсекретарь даже предложил Бисселлу и Кейбеллу позвонить от него президенту, чтобы убедиться самим, однако они отказались.

Сам Кейбелл был вынужден дать «отбой» в Пуэрто-Кабесас как раз в тот момент, когда пилоты ЦРУ уже разогревали двигатели для второго налета на Кубу. В ЦРУ все же попытались уговорить президента отменить свое решение

---

* 1 мая 1960 года силы ПВО СССР сбили в районе Свердловска американский самолет-шпион У-2. Эйзенхауэр это отрицал, так как ЦРУ заверило его, что не предпринимало никаких разведывательных полетов над СССР в преддверии саммита США, СССР, Англии и Франции в Париже. Когда в Москве был продемонстрирован захваченный в плен летчик Пауэрс, Эйзенхауэр был взбешен поведением ЦРУ, которое выставило его лжецом, и даже хотел подать в отставку.

и разрешить авиаудар, но Кеннеди в телефонном разговоре с Кейбеллом утром 17 апреля (который все же организовал Раск) был непреклонен. Кейбелл сообщил президенту, что авиация Кастро не выведена из строя, но и это не поколебало Кеннеди, который всячески стремился избежать нового взрыва антиамериканских настроений в мире.

Провожая «Бригаду 2506» в Пуэрто-Кабесас, никарагуанский диктатор Луис Сомоса попросил привезти ему волосок с бороды Кастро.

Еще перед вторжением Че едва не погиб от шальной пули. Когда Алейда узнала от Фиделя, что ее муж ранен, она немедленно поспешила на командный пункт. Че, который только что перенес операцию, как всегда шутил с серьезным лицом: «Вот не везет! Из всех возможных пуль этой надо было прилететь именно в меня!»[274] Оказалось, что он бросил винтовку, не поставив ее на предохранитель. Пуля вошла в щеку и вышла сзади уха. Если бы она прошла на несколько сантиметров правее, ранение оказалось бы смертельным. От госпиталя Че отказался, оставшись на командном посту.

Сама Алейда укрылась во время вторжения на квартире гражданской жены Фиделя Селии Санчес.

В полночь 17 апреля с четырех транспортных судов ЦРУ под либерийским флагом «Хьюстон», «Рио Эскондидо», «Карибе» и «Атлантико» началась высадка «Бригады 2506» в трех точках залива Свиней. Интервенты везли с собой 30 тысяч галлонов авиационного топлива для бомбардировщиков, которые должны были перебазироваться на захваченный аэродром в районе высадки. По настоянию ОКНШ «Бригаде 2506» был придан батальон танков.

За пределами кубинских территориальных вод десант страховали боевые корабли ВМС США, включая авианосец «Эссекс», вертолетоносец «Боксер», 11 эсминцев и две подводные лодки. В случае необходимости командующий этой боевой группой ВМС США адмирал Кларк мог рассчитывать и на находившийся в Карибском море авианосец «Шангри-Ла».

Десант был сразу обнаружен моторизованным патрулем народной милиции в составе пяти бойцов (четыре автомата). От предложения сдаться милиционеры отказались и открыли огонь. Прежде чем погибнуть в неравной схватке, они успели сообщить по рации о начавшейся высадке. Радиосообщение бойцов милиции приняла радиостанция сахарного завода «Аустраль» недалеко от поселка

Хирон: «Их много. Мы деремся, но не сможем выдержать долго. Быстро высылайте подмогу. Родина или...»[275] Слово «смерть» милиционеры уже не успели произнести — она сама их настигла.

Благодаря героизму милиционеров уже в 6.30 17 апреля над районом высадки появились самолеты кубинских ВВС — три «си фьюри», один Б-26 и два Т-33.

Один из «си фьюри» пилотировал ас Революционных ВВС капитан Энрике Контрерас, обучавшийся ранее в США. Он зашел на «Хьюстон» (водоизмещение 8 тысяч тонн) и точно выпустил в корму транспорта четыре ракеты. Контрерас не знал, что в этот момент с корабля по нему вел огонь из 12,7-миллиметрового пулемета сотрудник ЦРУ Линч. «Хьюстон» (на котором размещался 5-й батальон «Бригады 2506») задымил, и через 2 часа капитан был вынужден выбросить судно на берег. Два других «си фьюри» также поразили корабли.

Контрерас зашел на «Рио Эскондидо», на котором находилось авиационное горючее интервентов. Пилот различил на палубе цистерны с топливом и точно ударил по ним ракетами. Взлетели на воздух 3 тысячи галлонов топлива и 145 тонн боеприпасов. «Рио Эскондидо» взорвался, и над гибнущим кораблем взметнулся большой «гриб». Наблюдавший с десантного корабля в 16 милях от берега за высадкой сотрудник ЦРУ Робертсон подумал, что Кастро сбросил атомную бомбу[276].

Однако Контрерас не вышел из боя, а сбил еще и один Б-26 наемников. Его коллега капитан Хакес Лагес Марреро потопил две небольшие десантные баржи. Таким образом, в первые же часы боя ВВС Кубы уничтожили четыре корабля интервентов. 180 спасшихся с «Хьюстона» наемников уже не могли идти в бой, так как утратили все вооружение и боеприпасы. Невредимые транспорты были вынуждены примерно в 11.00 срочно отойти за пределы территориальных вод Кубы, и между ними и берегом образовалось пространство в 35—40 километров. Самолеты ВВС Кубы плотно преследовали отходившие суда.

Из шестнадцати самолетов «Бригады 2506» кубинцы в первый же день операции «Плутон» сбили шесть, сами потеряв две машины. Один «си фьюри» упал в море после того, как был поврежден огнем ПВО интервентов. Примерно в 12.00 был сбит с земли один бомбардировщик ВВС Кубы Б-26 — три пилота погибли.

В 7.30 утра 17 апреля пять транспортных самолетов ЦРУ С-46 и С-54 сбросили воздушный десант из 177 человек на дорогу, ведущую через болота к району высадки. Операцию «Сокол» прикрывали четыре Б-26. Часть оружия попала в болото, и десант оказался частично небоеспособен, но в течение почти двух дней после подхода подкреплений с побережья сдерживал натиск кубинских войск.

В полдень 17 апреля прибывшие на место высадки первыми курсанты военного училища из Матансаса начали наступать на побережье, но понесли тяжелые потери от самолетов Б-26 мятежников. На прикрытие наступавших курсантов вылетели Т-33, сбившие три бомбардировщика интервентов. В 16.00 на сахарный завод «Аустраль» прибыл для руководства операцией Фидель Кастро.

ЦРУ в обход ясного указания Кеннеди попыталось вечером 17 апреля все же нанести удар по авиабазе кубинских ВВС в Сан-Антонио-де-лос-Баньос. Но пять Б-26 не смогли осуществить налет якобы из-за плохих метеоусловий. На самом деле пилоты, напуганные блестящими боевыми качествами ВВС Кубы, просто отказались вылетать без сопровождения истребителей.

Утром 18 апреля интервенты были выбиты из двух пунктов высадки и стекались на юг, к району Плайя-Хирон. Но примерно в 17.00 шесть бомбардировщиков интервентов довольно успешно напалмом атаковали колонну правительственных войск, перевозившую на грузовиках и автобусах танки и живую силу к месту боев. Кубинские войска понесли ощутимые потери, однако колонна быстро перегруппировалась и продолжила наступление.

Вечером 18 апреля командир «Бригады 2506» Сан Роман взывал по рации к офицеру ЦРУ Линчу: «Вы что там, не понимаете, в какой отчаянной ситуации мы здесь находимся?.. Пожалуйста, не бросайте нас. У меня нет противотанковых боеприпасов. На рассвете танки сомнут меня...»

В тот же день вечером Кеннеди давал торжественный прием для конгрессменов. Прямо из Белого дома президента в полночь «выдернул» Бисселл и два часа умолял Кеннеди дать добро на участие американских истребителей с авианосной группы в прикрытие бомбардировщиков «Бригады 2506». Кеннеди созвал экстренное совещание с участием ЦРУ, госдепартамента и ОКНШ. Раск был против, военные и ЦРУ — за. Кеннеди, как всегда, решился на компромисс, который мало кого устроил — он разрешил палубным

самолетам в течение одного часа 19 апреля прикрыть десантные суда и саму «Бригаду 2506», чтобы дать ей возможность перегруппироваться и перейти в контрнаступление.

В ночь с 18 на 19 апреля транспортный самолет С-46 доставил «Бригаде 2506» боеприпасы, однако этот груз не мог восполнить утраченное при высадке снаряжение.

19 апреля в 6.30 бомбардировщики интервентов вылетели на свое последнее боевое задание — операцию под кодовым названием «Полет бешеной собаки» (*Mad dog flight*). В налете на наступавшие кубинские войска участвовали пять Б-26, четыре из которых пилотировали завербованные ЦРУ американцы из национальной гвардии Алабамы. Три кубинских истребителя (один «си фьюри» и два Т-33) сбили два Б-26, в результате чего погибло четверо американцев. Остальные два Б-26 спешно повернули обратно, сбросив бомбы в море. ЦРУ позднее сообщило вдовам, ничего не знавшим о местонахождении своих мужей, что их супруги «утонули во время купания». Годами жены так ничего и не знали о судьбе своих мужей.

Сан Роман услышал по радио от офицера связи ЦРУ: «...Мы не в состоянии оказывать вам дальнейшую поддержку. Рассчитывайте на собственные силы». В ответ командир бригады произнес: «Вы сукин сын, сэр!»[277] Два американских эсминца все же попытались подойти к берегу, чтобы эвакуировать контрреволюционеров, но были отогнаны огнем кубинских танков и артиллерии.

Вечером 19 апреля ЦРУ приняло последнюю радиопередачу от командира «Бригады 2506» Сан Романа, который, по его собственным словам, уже стоял по колено в море: «Мне нечем сражаться. Я направляюсь в болото». После этого Сан Роман грязно выругался.

Операция «Плутон» бесславно провалилась. 114 бойцов «Бригады 2506» было убито, 1202 попали в плен. Кубинская армия потеряла 176 человек. В декабре 1962 года пленные контрреволюционеры были обменены на продовольствие и медикаменты стоимостью 53 миллиона долларов и выехали в США. Переговоры вел американский адвокат Джеймс Донован, при посредничестве которого легендарный советский разведчик Абель был обменен на пилота сбитого под Свердловском У-2 Пауэрса.

Американцы добились своим «Плутоном» только одного — Фидель впервые официально публично провозгласил кубинскую революцию социалистической. Естественно,

что этому радовался и Че, которому не пришлось принять непосредственного участия в боях в заливе Свиней. Через четыре месяца в Уругвае Эрнесто Гевара попросил советника Кеннеди Ричарда Гудвина передать президенту США искреннюю благодарность за Плайя-Хирон: «Перед вторжением революция была шаткой. Теперь она сильна как никогда»[278].

Многочисленные общественные и политические задачи, которые выполнял Че (и в основном он это делал бесплатно), оставляли мало места для семейной жизни. Иногда Че даже ночевал на работе, хотя не любил этого и старался обязательно попасть домой. Он не делал из работы культа, стараясь показать всем окружающим, как он занят. Просто работы было действительно много, а он не привык делать ее кое-как.

Была сильно занята и Алейда. Помимо семейных обязанностей, она работала личным секретарем Че, занимала руководящий пост в Федерации кубинских женщин (бесплатно), активно и тоже бесплатно участвовала в кампании по ликвидации неграмотности.

И все же они всегда находили время друг для друга. Че искренне любил свою жену, и казалось, что с годами это чувство не остывает. Как только выпадала свободная минута, они шли в кино или вместе читали, обсуждая прочитанное. Несмотря на чудовищную занятость, Че, как и в молодости, не мог прожить дня без книги. Алейда вспоминала, что он читал обычно по книге в день, иногда по ночам. По-прежнему его любимым романом оставался «Дон Кихот», прочитанный как минимум раз шесть. Из «серьезной литературы» Че внимательно изучал «Капитал» Маркса, который считал вершиной человеческой мысли. Продолжал читать он и советские книги, попутно изучая русский язык.

Алейда любила исторические романы, и Че советовал жене начать изучать в университете историю. Когда его назначили в 1961 году министром промышленности, он уже рекомендовал Алейде взяться за изучение экономики. Но у нее не было времени на университет — «пошли» дети.

Алейда и Че могли спорить по политическим вопросам. После возвращения из Китая Че восторгался тамошними коммунами, как ячейками коммунистического общества. Алейда посетила Китай в 1961 году в составе делегации Федерации кубинских женщин и была неприятно поражена нищетой, царившей в этих «ячейках».

Че был классическим однолюбом именно потому, что уважал женщин и не мог себе представить, что их чувство можно бессовестно обмануть. Когда красивые женщины на приемах или иных общественных мероприятиях пытались обратить на себя его внимание, он всегда отходил в сторону, не поощряя знакомства. А один раз на приеме он при всех отругал одну молодую девушку, пытавшуюся с ним флиртовать.

Че терпеть не мог проституток, считая, что женщина должна быть гордой и скорее обязана умереть от голода, чем отдаваться за деньги. Например, ему очень понравилась Прага — Че всегда любил памятники истории, которым так богата чехословацкая столица. Но как только он увидел в отелях праздношатающихся женщин с явными намерениями, его позитивные впечатления сменились негативными.

Такие взгляды были довольно странными на Кубе, стране легких нравов, где мужчины открыто хвалились своими любовницами, а жены о них обычно знали.

Че так и не стал кубинцем, если судить по повседневным привычкам. Он не любил праздников и шумных застолий, а зажигательным карибским ритмам предпочитал танго (хотя музыкальным слухом так и не обзавелся). Кофе он пил, но больше всего на свете любил аргентинский чай мате. Он частенько критиковал кубинский менталитет за известную расхлябанность и безалаберность. Но при этом Че не отделял себя от своей новой родины. Даже критикуя недостатки, он всегда говорил «мы, кубинцы...».

Будучи аскетом по своим революционным убеждениям, Че любил обычный скромный домашний комфорт.

Он вставал обычно в 9 или 10 часов утра (так как работал до поздней ночи или скорее раннего утра), выпивал приготовленную женой чашку сладкого черного кофе и проглатывал молочный пудинг — свое любимое блюдо. Он любил сидеть за столом, наблюдая, как Алейда готовит завтрак. Только с ней он приобрел домашний очаг, которым очень дорожил, понимая, что скоро его не будет. Пока жена хлопотала на кухне, он пил газированную воду из своего любимого зеленого стакана. Для кофе у него тоже была своя любимая, привычная кружка.

Жила семья очень скромно, и это была не показуха, а искренние убеждения Че и Алейды. В новом справедливом обществе руководители должны показывать пример всей своей жизнью, а не только речами на митингах.

В 1962 году на Кубе были введены карточки и нормы снабжения населения основными продуктами. Как-то один из служащих министерства промышленности пожаловался Че, что нормы невысокие. Министр совершенно искренне удивился — ему и его семье вполне хватало. Тогда служащий «просветил» Че — он, как министр, получает еду по специальным повышенным нормам. Че очень удивился, немедленно разобрался в ситуации и приказал больше никогда не приносить ему дополнительный паек.

Один из друзей подарил Че часы с золотым браслетом. На следующий день он с удивлением увидел на команданте подаренные часы, но уже с кожаным ремешком. Че с гордостью продемонстрировал другу расписку о том, что Эрнесто Гевара сдал золотой браслет в Фонд индустриализации Кубы.

До Че дошли слухи, что его супруга семь раз появлялась на различных приемах в одном и том же платье, что, мол, не очень хорошо для престижа Кубы. Когда он спросил об этом Алейду, та поправила мужа — она носила это платье не семь, а восемь раз. Ведь это было единственное платье в ее гардеробе, подходившее для периода беременности.

Когда Че отправлялся в октябре 1960 года в свою поездку по социалистическим странам, Алейда была беременна. Че был убежден, что у него будет сын. Он хотел порвать с латиноамериканской традицией и не называть первенца в честь отца — Эрнесто. Они с женой уже определили другое имя — Камило, в честь лучшего друга Че, трагически погибшего Камило Сьенфуэгоса. Из Китая Че прислал Алейде телеграмму, что, если родится дочка, он выбросит жену с балкона. Тем не менее так и произошло, и малютке не давали имени до возвращения отца — ведь никаких предварительных договоренностей между Че и Алейдой на счет девичьего имени не было.

Получив известие о рождении девочки, Че прислал Алейде из Шанхая открытку:

«В этом городе я узнал о своем новом приобретении. Ты уж всегда позаботишься о том, чтобы я выглядел в неблагоприятном свете. Ну, ничего не поделаешь. Шлю тебе поцелуй, и помни, что не надо плакать по поводу разлитого молока.

Обнимаю. *Че*»[279].

Че вернулся с подарком для девочки — стеганым одеялом и предложил назвать дочку Алейдой. То ли в шутку, то ли всерьез (понять Че часто бывало трудно), он говорил,

что полюбил имя жены раньше, чем ее саму, мол, это имя очень музыкально. Якобы еще до первой встречи с будущей женой Че услышал имя «Алейда» по радио и оно ему очень понравилось*. Алейда только смеялась в ответ по поводу «музыкальной версии» — ведь Че, что называется, медведь на ухо наступил.

Итак, первенца нарекли Алейдой, но мать и отец обычно звали ее Алючей.

Между тем Кеннеди снял Аллена Даллеса с поста директора ЦРУ за провал в заливе Свиней, хотя и сделал это без лишнего публичного шума. Но в узком кругу президент просто кипел от ярости и угрожал порвать ЦРУ на тысячи мелких кусков и развеять по ветру. Однако Кеннеди не только не отказался от планов по дестабилизации Кубы, но решил их усилить. Все лето 1961 года Кеннеди вместе с братом Робертом (министром юстиции) посвятили изучению трудов Мао и Че Гевары о партизанской борьбе для того, чтобы сформулировать эффективную контрповстанческую стратегию.

Уже в сентябре 1961 года было принято решение о создании в США элитных контрпартизанских сил — «Зеленых беретов».

«Проект Куба» — так сначала назывался план по борьбе против правительства Кастро — возглавил брат президента Роберт Кеннеди. На тот момент Роберт был не только ярым антикоммунистом (уже очень скоро его взгляды сильно изменятся), но и считал Кастро абсолютным злом, в борьбе против которого все средства хороши и нет места угрызениям совести.

Целью «Проекта Куба» (с 4 ноября 1961 года — операция «Мангуст» — то есть Кастро сравнивали со змеей) были дестабилизация Кубы и создание предлога для прямой военной интервенции США. На кубинских контрреволюционеров в Вашингтоне уже не надеялись.

Основным средством дестабилизации братья Кеннеди видели убийство Фиделя Кастро. Для этого Роберт Кеннеди, известный и искренний борец против американской мафии, был готов воспользоваться услугами той самой мафии и даже отменить для этого свои приказы о депортации из США боссов преступного мира.

---

* В радиопередаче упоминалось имя Алейды Фернандес, погибшей в борьбе против диктатуры Батисты.

Сопровождаемый закулисными насмешками профессионалов из ЦРУ, Роберт «производил» на свет самые причудливые планы убийства Фиделя. То ядовитый газ хотели тайно впрыснуть в акваланг кубинского лидера (Фидель любил заниматься дайвингом), то планировали поместить на дно моря (там, где Фидель погружался) красивую раковину с заложенной внутрь взрывчаткой. Более реальным было отравление мороженого в любимом ресторане Кастро. Причем этот план был реализован, но пока ядовитое мороженое стояло в морозильнике, яд утратил свои вредные свойства.

Оперативный контроль над операцией «Мангуст» осуществляли от ЦРУ Уильям Кинг Харви, а от Пентагона — Эдвард Лэнсдейл.

Уильям (Билл) Харви был практически единственным сотрудником ФБР, перешедшим на работу в ЦРУ (директор ФБР Джон Эдгар Гувер уволил его за пьянство и после перехода в ЦРУ считал «предателем»). Харви ненавидел коммунистов хотя бы потому, что «проспал» в Вашингтоне советского разведчика Кима Филби, который работал там как официальный представитель британской разведки при американских спецслужбах. Затем Харви возглавил крупнейшую резидентуру ЦРУ в мире (берлинскую), где запомнился своими ковбойскими замашками. Он даже в туалет ходил с пистолетом и как-то выронил его прямо в кабинке. Раздался выстрел, на который сбежались встревоженные сотрудники.

Лэнсдейл был ходячей знаменитостью в кругу американских рыцарей «плаща и кинжала». Он прославился успешным подавлением коммунистического партизанского движения на Филиппинах в 1950-е годы. Причем работал он «творчески» и плевал на любые законы, что нравилось братьям Кеннеди, любившим «крутых парней» в стиле американских боевиков и вестернов. Например, на Филиппинах Лэнсдейлом был распущен слух, что на каждого крестьянина, кто поможет коммунистам, нападут вампиры. А чтобы малограмотные сельские жители поверили в эти сказки, Лэнсдейл приказал убить несколько известных своими левыми взглядами крестьян, изъять у них всю кровь и подбросить трупы в людных местах.

Именно такие «креативные» люди, по мнению Роберта Кеннеди, и требовались для борьбы против Кубы.

Штаб-квартира «Проекта Куба», естественно, обосновалась в Майами (центре кубинской контрреволюционной

эмиграции), и уже в 1962 году операция «Мангуст» стала самым высокофинансируемым проектом в истории американских подрывных операций.

Общий план состоял из тридцати трех отдельных направлений (саботаж, пропаганда, теракты и т. д.) по количеству известных на Земле видов мангустов (чувствовалась рука «креативного» Лэнсдейла). Планировалось, в частности, уничтожить все посевы сахарного тростника на Кубе (путем поджогов плантаций и распространения насекомых-вредителей) и заминировать основные порты, чтобы парализовать кубинскую внешнюю торговлю и сорвать поставки оружия и оборудования из социалистических стран.

Сидни Готлибу из технического управления ЦРУ было поручено придумать что-нибудь, для того чтобы подорвать популярность Кастро среди кубинского населения. Готлиб, «ученый» с дипломом химика Калифорнийского технологического института, был тем человеком, который курировал в ЦРУ создание яда для убийства премьер-министра Конго Патриса Лумумбы. В отношении Фиделя он предложил опрыснуть телестудию перед выступлением Кастро галлюциногенным препаратом. В таком случае кубинские зрители увидели бы своего лидера, болтающего несусветную чепуху. Еще одной идеей Готлиба было насыпать в ботинки Фиделя таллий, из-за которого должна была выпасть знаменитая борода лидера кубинской революции.

Тайный «Проект Куба» был дополнен публичной инициативой «Союз ради прогресса», который американская пропаганда окрестила «планом Маршалла для Латинской Америки». Якобы план был нацелен на бескорыстную экономическую и финансовую помощь США демократическим (ни в коем случае не диктаторским), но обязательно антикоммунистическим режимам в Западном полушарии. Цель этой инициативы состояла в том, чтобы не допустить появления «второй Кубы»: все страны Латинской Америки должны были убедиться в том, что дружба с США означала прогресс и процветание, а повторение кубинского примера — блокаду и нищету.

Осуществить поставленную цель планировалось путем решения триединой задачи: ускорение экономического развития стран Латинской Америки, достижение структурных изменений латиноамериканских обществ, а также их политическую демократизацию.

Для выполнения этого рассчитанного на десять лет плана предполагалось:

обеспечить прирост валового национального продукта стран региона в расчете на душу населения не менее чем на 2,5 процента в год;

ускорить процесс их индустриализации и создания развитой многоотраслевой экономики; содействовать осуществлению аграрной, налоговой, финансовой, административной и прочих реформ;

ликвидировать неграмотность, улучшить условия жизни латиноамериканцев и т. д.

США брали на себя обязательство в течение десятилетнего периода предоставить своим южным соседям (в основном из государственных средств) 20 миллиардов долларов, как за счет своих собственных ресурсов, так и за счет кредитов и займов международных финансовых организаций, а также со стороны западноевропейских стран и Японии. Сами государства Латинской Америки должны были выделить еще 80 миллиардов долларов в виде самопомощи.

Если «план Маршалла» в 1947 году был нацелен на изоляцию СССР в Европе (этот план специально задумали так, чтобы СССР отказался к нему присоединиться), то «Союз ради прогресса» был нацелен на изоляцию Кубы в Западном полушарии. В Вашингтоне поставили всем будущим участникам «Союза» четкое условие — разрыв всяческих отношений с Кубой. Таким образом, введенная США против Кубы экономическая блокада (Кеннеди еще больше ужесточил ее) должна была стать блокадой латиноамериканской.

Для пропаганды «Союза ради прогресса» в августе 1961 года в курортном уругвайском местечке Пунта-дель-Эсте США была созвана экономическая конференция ОАГ. Американскую делегацию возглавил министр финансов Дуглас Диллон, кубинскую — министр промышленности Эрнесто Гевара. Сложно себе даже представить более разных людей не только с политической, но просто с человеческой точки зрения.

Отец Диллона* был миллионером и совладельцем инвестиционного банка «Диллон, Рид энд К°». Сам Дуглас Диллон получил начальное образование в Лейкхёрсте, штат Нью-Джерси, где также проходили обучение три брата из семьи

---

* Настоящая фамилия отца — Лаповски, он был из семьи еврейских эмигрантов из Польши.

Рокфеллеров — Нельсон, Лоуренс и Джон. В 1931 году в Гарвардском университете Диллон получил степень бакалавра искусств в области американской истории и литературы. Но в отличие от Че литературой не очень интересовался — он трудился в поте лица маклером на Нью-Йоркской фондовой бирже, а затем стал председателем правления в банке своего отца. В 1953 году Эйзенхауэр назначил Диллона послом США во Франции. В 1958 году он стал заместителем госсекретаря по экономическим вопросам, а Кеннеди назначил сына миллионера министром финансов.

Но одна общая черта у Диллона и Че все же была — они оба подписывали банкноты своих стран.

Естественно, что Че сразу же стал медийной «звездой» в Пунта-дель-Эсте, хотя как обычно вел себя очень скромно. Его ужасно мучила астма (видимо, сказывался морской климат), и он иногда выскальзывал из зала заседаний, чтобы подышать в свой ингалятор, стараясь, чтобы этого никто не заметил. Однажды приступ был настолько тяжелым, что у него едва хватило сил вытащить ингалятор из кармана.

Тем не менее, в отличие от всех других делегатов, Че произнес свою речь на пленарном заседании 9 августа 1961 года стоя. Диллон демонстративно зевал и смотрел в потолок, в то время как Че аргументированно критиковал американское лицемерие — одним странам США предлагают помощь, других блокируют. При этом Че подчеркнул, что Куба готова к немедленной нормализации отношений с США и переговорам без всяких предварительных условий. От США требуется только признать право кубинского народа самому определять свой образ жизни.

Причем Че подчеркнул, что Куба не собирается экспортировать свою революцию, в чем ее постоянно обвиняли США: «Мы не можем прекратить экспортировать модель, как этого желают Соединенные Штаты, так как модель естественным образом оказывает влияние через границы. Но мы можем гарантировать, что мы не будем экспортировать революцию, мы гарантируем, что ни одна винтовка не покинет Кубу, что ни одна единица оружия не покинет Кубу для применения в любой другой стране Америки»[280].

Че весьма конкретно раскритиковал «Союз ради прогресса» с чисто экономической точки зрения, не отвергая идею в целом, но предлагая ее дополнить и модифицировать. Американцы обещают среднегодовые темпы роста в 2,5 процента, а Куба намерена в ближайшее время достиг-

нуть 10 процентов*. К тому же страны—участницы «Союза» должны иметь право свободно экспортировать свои товары, а американцы, раз уж они такие приверженцы свободной торговли, должны отменить все протекционистские барьеры для доступа латиноамериканских товаров на свой рынок (кубинцы помнили, к чему привела зависимость от американской квоты на ввоз сахара). В этом случае страны Латинской Америки вполне смогут заработать сами, и ни в какой помощи они не станут нуждаться**. К тому же США надо прекратить субсидирование своих товаров, что представляет собой нарушение принципа свободной конкуренции.

Все представители СМИ отмечали умеренный тон выступления главы кубинской делегации.

«Со всей откровенностью кубинская делегация заявляет вам, — говорил Че, — что мы желаем, не меняя нашего естества, оставаться в семье латиноамериканских республик, сосуществовать с вами. Мы хотели бы, чтобы вы росли, если можно, теми же темпами, что и мы, но мы не будем сопротивляться, если ваш рост пойдет другими темпами. Мы только требуем гарантий неприкосновенности наших границ».

После этой речи на сцену попытались прорваться разъяренные кубинские эмигранты, но Че (как обычно выступавший в своей военной форме) спокойно покинул зал.

В качестве доказательства своей доброй воли кубинская делегация представила на рассмотрение конференции 29 различных проектов постановлений, охватывающих широкий круг вопросов, связанных с проблематикой конференции.

Большинство из двадцати девяти предложений Кубы, вспоминал позднее Че, отвергнуть с ходу было невозможно, так как они предусматривали конкретную помощь развитию экономики латиноамериканских стран. Поэтому в ходе работы комиссий и комитетов американцам и их марионеткам срочно пришлось разрабатывать контрпредложения, которые они затем соединяли с кубинскими предложениями, выхолащивая, таким образом, из них всю суть.

---

* В 1964 году ВВП Кубы вырос примерно на 15 процентов по сравнению с предыдущим годом.

** Кстати, эти предложения Че актуальны и по сей день. Хотя США в 2000-е годы заключили ряд соглашений о свободной торговле с латиноамериканскими странами, все они содержат ограничения для доступа главных экспортных товаров этих стран на рынок США.

Например, в предложениях Кубы содержалось требование отмены субсидий на экспортируемые товары. Американцы заменили этот более чем конкретный пункт следующим: «...сократить [субсидии] вплоть до полной отмены, если это представится возможным...»

Все же за время работы конференции кубинской делегации удалось кое-чего добиться: стало заметно, что делегаты разговаривают другим языком, отличным от того, который всегда был принят на подобных мероприятиях. Американцы стали опасаться утраты контроля над своим же собственным «детищем».

Че отмечал, что три делегации в Пунта-дель-Эсте — Бразилии, Эквадора и Боливии — заняли довольно благожелательную позицию по отношению к Кубе.

В особенности Че подчеркивал позицию Боливии, президентом которой являлся уже упомянутый выше «революционер» Виктор Пас Эстенссоро. Боливия, писал Че, — «это расположенная почти в центре континента страна буржуазно-демократической революции, терзаемая капиталистическими монополиями соседних стран и почти удушенная, в конце концов, общим для наших стран угнетателем — североамериканским империализмом. Ее основное население составляют рабочие-горняки и крестьяне, находящиеся под бременем тяжелой эксплуатации».

Деятельность же боливийской делегации в Пунта-дель-Эсте Че оценивал следующим образом: «Если не говорить о плане кубинской делегации, то из всех делегаций именно боливийская представила наиболее конкретный экономический план и, в общем, занимала довольно положительную позицию. На специфическом языке, языке лицемерия, который употребляется на подобного рода сессиях, боливийских представителей называли “двоюродными братьями” Кубы»[281].

Че вновь проявил интерес к Боливии — стране, которой было суждено стать его могилой.

Столь же умеренным и конкретным было выступление Че и на заключительном заседании конференции 16 августа 1961 года. Он так вспоминал об этом:

«На последнем пленарном заседании конференции кубинская делегация воздержалась от голосования по всем выработанным документам и выступила с объяснением своей позиции. Мы объяснили, что Куба не согласна ни с “денежной” политикой, ни с принципом свободного пред-

принимательства, ни с тем, что в окончательных документах нет слов, осуждающих виновников наших несчастий — империалистические монополии, нет осуждения агрессии. Кроме того, на все вопросы нашей делегации, может ли Куба принимать участие или нет в "Союзе ради прогресса", ответом было молчание, которое мы истолковываем как отрицательный ответ. Вполне понятно, что мы не могли участвовать в союзе, который ничего не дает для нашего народа».

16 августа 1961 года Че говорил: «...настало время уточнить, что же конкретно принесет "десятилетие демократического прогресса"*, выяснилось, что при предполагаемом чистом годовом приросте в 2,5 процента на душу населения мы только через сто лет придем к нынешнему уровню жизни в Соединенных Штатах — уровню, бесспорно, высокому, но не столь уж недостижимому, и цели, не столь уж вдохновляющей. И еще одно (не претендуя при этом на строгую научность расчета): если сохранятся нынешние пропорции развития различных групп стран, ста слаборазвитым странам потребовалось бы 500 лет, чтобы сравняться в доходах на душу населения со странами развитыми...

"Союз ради прогресса" — это попытка найти решение в рамках экономического империализма. Мы считаем, что в таких условиях "Союз ради прогресса" провалится. Я не хочу никого обидеть, но позволю себе усомниться в том, что в ближайшие годы мы действительно будем располагать двадцатью миллиардами долларов»[282].

Прогноз Че оказался точным. Американцы не помогали — максимум, давали в долг, и к 80-м годам XX века Латинская Америка оказалась регионом с самой большой внешней задолженностью в мире.

Но американцы к помощи и не стремились — истинной целью «Союза ради прогресса» была изоляция Кубы в Западном полушарии, и после конференции в Пунта-дель-Эсте США усилили давление на все латиноамериканские страны, чтобы заставить их разорвать дипломатические отношения с Гаваной.

Визит в Уругвай дал Че желанную возможность еще раз увидеться с семьей и едва не приблизил смерть команданте на несколько лет.

Все родственники — отец, мать, братья Роберто и Хуан Мартин, сестры Анна Мария и Селия и любимая тетя Беа-

---

* «Союз ради прогресса» был рассчитан на десять лет.

трис — приехали в Уругвай, чтобы увидеться со своим Тэтэ, ставшим мировой величиной.

Че долго беседовал со своим младшим восемнадцатилетним братом Хуаном Мартином, который под влиянием знаменитого брата еще раньше увлекся марксистской литературой. Без особого энтузиазма Хуан Мартин изучал в университете журналистику, но грезил революцией. Че предложил брату перебраться на Кубу и продолжить обучение там, чтобы иметь возможность не только говорить о революции, но и делать ее своими руками. Че любил говорить, что лучше всего учиться в практической работе.

Встречался Че и с другом своей юности Рикардо Рохо, который работал в аргентинском посольстве в Бонне, но подал в отставку в знак протеста против проамериканской внешней политики Аргентины.

В то время как Че вместе с кубинской делегацией жил в скромном отеле, его семья обосновалась на расположенной рядом вилле, которую сняла левая аргентинская журналистка Хулия Констенла де Гиссани (за миниатюрный рост друзья прозвали ее Чикита — «девочка»). В Аргентине Хулия издавала дружественно настроенный по отношению к Кубе журнал с характерным названием — «Че». Она подружилась с матерью Эрнесто и мечтала взять у легендарного команданте интервью.

Но интервью было лишь маскировкой, чтобы ввести в заблуждение американские и аргентинские спецслужбы.

Во время встречи Хулия предложила Че возглавить объединенный список перонистов и других левых партий на грядущих в Аргентине парламентских выборах. Кубинские революционные руководители, включая Че, в публичных заявлениях хвалили жившего в эмиграции в Испании Перона и даже пригласили его приехать жить на Кубу. Но Перон отказался, хотя и сохранял поле для политического маневра — он тоже тепло отзывался о Кастро.

Че немедленно отверг предложение Хулии со свойственной ему иронией: «Я уже министр, а вы предлагаете мне кресло депутата парламента!» На самом деле Че считал, что, во-первых, местная аргентинская олигархия и стоявшие за ней аргентинская армия и американцы никогда не позволят левым силам победить на любых выборах. Поэтому принимать в них участие нет большого смысла. Во-вторых, Че совершенно справедливо считал лидеров аргентинских левых «кофейными политиками», любящими произносить радикальные речи, но неспособными на по-настоящему

революционные действия. Например, он передал через Хулию лидеру Социалистической партии Аргентины Альфредо Паласиосу свою книгу «Партизанская война» с характерным саркастическим посвящением: «Доктору Паласиосу, который говорил о революции еще во время моего детства». Хулия сочла посвящение слишком дерзким и неуважительным, на что Че лишь заметил: «Больше он ничего не сделал».

Но вот второй вариант развития политической ситуации в Аргентине, предложенный журналисткой, Че уже серьезно заинтересовал.

Если выборы после победы левых сил во главе с Че отменят, или, как это случалось ранее, армия произведет реакционный военный переворот, то тогда Че мог бы возглавить партизанское движение в Аргентине. А победа партизан в Аргентине означала бы начало революции во всей Латинской Америке. Напротив, на Кубе Че находился бы в изоляции от латиноамериканского революционного процесса, в условиях жесткой американской блокады.

Мечтой жизни Эрнесто Гевары было освобождение Латинской Америки от империализма США, поэтому такое предложение не могло его не заинтересовать. Он начал подробно расспрашивать Хулию о позициях и расстановке различных политических сил Аргентины, особенно о перонистах и находившихся под их контролем профсоюзов. У Че уже тогда (не без дурного влияния китайцев) сформировалась концепция партизанской борьбы с опорой на сельское население. Но Аргентина как раз была страной городской с очень активным политически и хорошо организованным рабочим классом.

Тем не менее Че в разговоре с Хулией все же настаивал на «сельском варианте» разворачивания партизанской борьбы, и его крайне волновал вопрос, поддержат ли партизан перонистские профсоюзы акциями в городах. Спрашивал он, где можно организовать партизанский очаг по типу Сьерра-Маэстры. Хулия даже и предположить не могла, что все эти вопросы носят сугубо практический характер. К этому времени на Кубе уже проходили военную подготовку аргентинцы — будущее ядро партизанской армии, которую должен был возглавить сам Че.

Тем не менее Че пока еще не принял окончательного решения — революционная обстановка в Аргентине все еще казалась ему недостаточно созревшей для начала вооруженной борьбы.

В Уругвае Че получил секретную просьбу президента своей родины либерала Артуро Фрондиси, который хотел встретиться с министром промышленности Кубы в обстановке строгой тайны. На самом деле этот контакт был инициирован Кеннеди, о чем Че тогда не знал. Американцы конфиденциально попросили две самые влиятельные страны Южной Америки — Аргентину и Бразилию — о посредничестве в разрешении конфликта между Кубой и США. Когда-то, еще в 1920-е годы, так называемая группа *ABC* (аббревиатура первых букв испанских названий стран Аргентина, Бразилия и Чили) довольно успешно посредничала в споре между США и революционным правительством Мексики.

Теперь Кеннеди решил повторить успех почти полувековой давности, и Фрондиси было передано единственное условие, которое должна была выполнить Куба в обмен на нормализацию отношений с США — разрыв всех отношений с Советским Союзом.

19 августа 1961 года на воздушном такси Че и его помощника Рамона Аха Кастро перевезли на небольшой аэродром «Дон Таркуато» в предместьях Буэнос-Айреса[283]. К тому времени у Че уже было аналогичное (правда, официальное и открытое) предложение о встрече с бразильским президентом Жаниу Куадрусом. С аэродрома Че в сопровождении двух лейтенантов ВМС из президентской свиты на автомобиле выехал в резиденцию «Оливос», где его уже ждал Фрондиси. Офицерам президент лишь сказал, что они должны встретить у самолета человека, которого «без труда узнают».

Че и Фрондиси уважали друг друга, хотя в 1959 году Фрондиси совершил первый в истории республики официальный визит президента Аргентины в США, а в 1960 году в одностороннем порядке денонсировал существовавшие торговые договоры со странами социалистического блока: СССР, Румынией, ГДР и Болгарией.

Но в то же время Фрондиси как истинного либерала не любила армия, и это чувство было взаимным. Перед тем как включиться в борьбу за пост президента Аргентины в 1958 году, Фрондиси тайно направил эмиссаров к Перону в Венесуэлу, и оба политика заключили тайный союз. Перонисты в Аргентине поддержали на выборах Фрондиси, а он обещал легализовать перонистскую партию. Даже аргентинские коммунисты на выборах призвали голосовать за Фрондиси.

Как и Че, аргентинский президент выступал за ускоренную индустриализацию Аргентины при лидирующей роли государства. Однако с легализацией перонизма он не спешил (видимо, с оглядкой на антиперонистски настроенную армию), и разгневанный этим Перон в 1959 году предал тайный пакт 1958 года огласке.

Беседа носила сердечный характер, но Че все же понял, что Фрондиси «попросили» как можно больше узнать о намерениях кубинского руководства, особенно о связях Кубы с СССР. Фрондиси в лице Че уговаривал Кубу не присоединяться к Варшавскому договору, но в принципиальных моментах Че был тверд — он ответил, что никакого иного пути для стран Латинской Америки, кроме опоры на СССР, в борьбе против американского империализма не существует. Позднее аргентинский президент говорил, что Че произвел на него сильное впечатление как «темпераментный идеалист, решительный и страстный, однако коренным образом заблуждавшийся в своем анализе латиноамериканской ситуации»[284].

После обеда Че попросил собеседника о любезности — он хотел навестить свою тяжелобольную тетю Марию Луизу, которая жила в столичном пригороде Сан-Исидро. Фрондиси согласился, и Че в последний раз увидел столицу своей родины из окна президентского лимузина. Затем его тайно вывезли обратно в Уругвай.

Хотя визит Че на родину был тайным, известия о нем распространились по всей Аргентине в тот же день. И в ту же ночь взорвалась бомба у входа в дом, где жил дядя Че Фернандо Гевара. Тот в интервью прессе выразил сожаление, что племянник его не навестил: можно было бы съездить поужинать вместе, если только кто-нибудь, продолжал дядя, не подорвал бы их вместе с машиной.

Военные не простили Фрондиси встречи с Че, хотя президент и действовал с ведома американцев. Министру иностранных дел пришлось подать в отставку, а через семь месяцев, в марте 1962 года (после того как Фрондиси все-таки легализовал перонистскую партию), армия свергла и самого Фрондиси.

Еще перед встречей с Фрондиси Че 17 августа 1961 года встретился в доме бразильского дипломата в Монтевидео с помощником Кеннеди Ричардом Гудвином. Встречу организовали Аргентина и Бразилия — предлогом было празднование дня рождения бразильца — хозяина дома. Оба собеседника выступали в «личном качестве». Тем не менее

это был первый контакт между Кубой и США на высоком уровне после разрыва дипломатических отношений в январе 1961 года.

Гудвин повторил фактический ультиматум правительства США Кубе с требованием разорвать связи с СССР. В противном случае Куба будет исключена из ОАГ и изолирована в Западном полушарии. Перед встречей Гудвина и Че американцы пришли к неверному выводу, что СССР не поможет Кубе экономически (особенно продовольствием) и Гаване придется вернуться в объятия северного соседа.

Че держался очень конструктивно. Он заявил, что вполне можно договориться о следующих вещах:

выплате компенсации за национализированное на Кубе имущество граждан США;

обязательстве Кубы не содействовать вооруженным путем революционной борьбе народов стран Латинской Америки;

невхождении Кубы в военно-политический союз социалистических стран — Варшавский договор.

Но в одном вопросе кубинцы были не готовы ни к каким компромиссам — народ Кубы имеет право строить социалистическое общество, и США должны уважать этот выбор. Если бы Кеннеди был реально заинтересован в нормализации отношений с Кубой, то переговоры Че с Гудвином (бразильский и аргентинский дипломаты переводили ночную беседу) могли бы послужить для этого хорошей основой.

Ведь формально американцы обвиняли Кубу не в строительстве социализма (это было бы абсурдом с точки зрения международного права), а именно в экспроприации без выкупа американской собственности и военных связях с СССР (которые якобы представляют угрозу соседям Кубы). Кубинцы были готовы договориться по этим вопросам и даже отказаться от закупок советского оружия в обмен на обязательство США не нападать на Кубу.

Но беседа с Гудвином еще раз показала Че и Фиделю, что американцы требуют от них перестать быть марксистами, то есть отказаться от своих политических убеждений. А компенсация за национализированное имущество и связи с Москвой были лишь предлогом, дипломатической дымовой завесой.

Тем не менее Че предложил Гудвину продолжить кубинско-американские контакты по всем спорным вопросам на экспертном уровне.

Но когда о встрече Гудвина с Че стало известно в США, помощника президента вызвали в сенат и подвергли пристрастному допросу. Гудвин едва не лишился работы — некоторые сенаторы сочли, что встреча с Че Геварой говорит о близости помощника президента к мировому коммунизму. Глава внешнеполитического ведомства Аргентины Адольфо Мухика лишился своего поста только за то, что посмел в одном из интервью высказать мнение, что встреча Че Гевары и Ричарда Гудвина свидетельствует о намерении режима Кастро улучшить отношения с США.

22 августа 1961 года госдепартамент выступил с официальным заявлением, в котором утверждалось, что беседа Гудвина с Че была случайной встречей на дипломатическом приеме, во время которой Гудвин только... слушал своего случайного собеседника. Этот же текст официальной нотой был передан всем латиноамериканским странам.

Сам «миротворец» Гудвин уже в секретном меморандуме на имя Кеннеди от 1 сентября 1961 года предложил целую программу экономической и пропагандистской войны против Кубы, включавшей, помимо всего прочего, диверсии и саботаж на кубинской территории. Не отрицал он и продолжение диалога с кубинцами, только вот с какой «благородной» целью: «Необходимо поручить ЦРУ в течение недели подготовить тайный вариант продолжения секретных переговоров с кубинским правительством. Цель этого диалога — выяснить возможность раскола среди кубинских властей и стимулировать перспективы такого раскола — была уже детально изложена в направленном Вам мною меморандуме»[285].

Упомянутый Гудвином меморандум был направлен им Кеннеди 22 августа 1961 года по итогам беседы с Че. В документе говорилось: «Необходимо продолжить тайный диалог, начатый Че. Таким образом, мы ясно дадим понять, что хотим помочь Кубе и сделаем это, если она разорвет свои связи с коммунизмом (то есть с СССР. — *Н. П.*) и будет демократизирована. Таким путем мы сможем начать выявлять раскол в кубинском руководстве, который может существовать».

Че еще в Уругвае сказал Гудвину, что надеяться на раскол в кубинском руководстве бессмысленно и революция носит необратимый характер. При этом, правда, Че заметил, что кроме него у кубинских лидеров нет теоретической марксистской подготовки, что, видимо, и ободрило Гудвина.

В любом случае предложение Гудвина продолжить секретный диалог с кубинцами, хотя бы и с такими целями, натолкнулось на решительный отпор президента и его брата. Гудвин вспоминал, что оба Кеннеди жаждали отомстить Кастро за поражение в заливе Свиней и уповали на «Мангуста» в исполнении авантюристов от разведки Лэнсдейла и Харви.

Причем Че хотели убить уже в Уругвае. Переброшенная туда ЦРУ группа кубинских эмигрантов устроила стрельбу во время выступления Че в Университете Монтевидео. Погиб ни в чем не повинный профессор.

Че продолжил свою миссию доброй воли, прибыв из Уругвая в Бразилию.

Президент Бразилии Жаниу Куадрус вступил в должность президента Бразилии 31 января 1961 года (это была первая мирная передача власти за всю историю республиканской Бразилии) и в отличие от своего аргентинского коллеги занял во внешней политике более независимую от США позицию. В частности, он восстановил дипломатические отношения с СССР и другими социалистическими странами, разорванные в октябре 1947 года. Куадрус открыто выражал симпатии кубинской революции.

Весной 1960 года, еще будучи кандидатом в президенты, Куадрус побывал на Кубе вместе с супругой и там познакомился с Че. На приеме в бразильском посольстве в Гаване Че поразил Куадруса своей искренностью — он прямо сказал, что является сторонником марксизма-ленинизма.

Когда Че 18 августа 1961 года приехал в Бразилию, Куадрус демонстративно наградил его престижным бразильским орденом «Солнечный крест» (решение было принято быстро, и экземпляр награды едва удалось отыскать). Бразильские военные были взбешены этим, хотя к тому времени бразильские ордена уже имели президент Кубы Освальдо Дортикос и даже «советский коммунист» Юрий Гагарин. Некоторые бразильские офицеры, тем не менее, отказались принять участие в торжественной церемонии встречи кубинского «коммуниста» перед президентским дворцом.

Сделав на вертолете круг над бразильской столицей, Че прибыл на аэродром и улетел в Гавану. А в Бразилии из-за его протокольного визита разворачивался масштабный политический кризис. 21 августа 1961 года, явно следуя кубинскому примеру, Куадрус аннулировал концессию американской горнодобывающей компании «Ханна майнинг» и передал ее под контроль государства.

Такая политика нового президента не понравилась ни американцам, ни финансовой олигархии, ни военной верхушке Бразилии. В стране начался очередной политический кризис. 24 августа 1961 года по национальному телевидению страны выступил Карлус Ласерда, губернатор штата Гуанабара, который заявил, что в Бразилии готовится государственный переворот, а президент уже не имеет реальной власти. На следующий день было обнародовано письмо Куадруса, адресованное парламенту, в котором он снял с себя полномочия президента.

Американцы никаких симпатий в адрес Гаваны никому не прощали.

В декабре 1961 года Кеннеди добился принятия резолюции странами—соседями Кубы, в которой осуждались тесные отношения Гаваны с Москвой. Против голосовала только Мексика. В этом же месяце под давлением США дипломатические отношения с Кубой разорвали Колумбия, Панама, Никарагуа и Сальвадор.

Фидель ответил на новый нажим выступлением, в котором впервые открыто признал, что он марксист-ленинец.

К тому же Куба активно готовилась к отражению американской высадки на остров.

4 августа 1961 года было подписано соглашение с СССР о поставке на Кубу в 1961—1962 годах оружия на 48,5 миллиона долларов. Причем 30 миллионов долларов Кубе простили сразу, а из 18,5 миллиона Гаване следовало заплатить только треть. Да и на эту треть (6 миллионов) Кубе предоставили кредит под 2 процента годовых. По соглашению Гавана получала 64 самоходные артиллерийские установки (САУ) калибром 152 миллиметра* (плюс 19 190 снарядов к ним), 64 установки СУ-122 со 122-миллиметровой гаубицей (35 840 снарядов к ним), 30 танков ИС-2М (7350 снарядов и 10 запасных моторов к ним, а также более миллиона патронов к танковым пулеметам), 50 танков Т-34-85 (более 30 тысяч снарядов к ним), 54 57-миллиметровые зенитки (плюс 108 тысяч снарядов), 81 артиллерийский тягач.

Все это было подержанное вооружение времен Великой Отечественной войны и не могло по определению представлять никакой угрозы для США.

---

* Эти САУ получили во время Великой Отечественной войны у солдат уважительное прозвище «Зверобой», так как поражали «звериные» немецкие танки «тигр» и «пантера». Кубинцам поставили бывшие в эксплуатации, но отремонтированные образцы.

К тому же по упомянутому соглашению Куба получала 12 реактивных истребителей-перехватчиков МиГ-19 («Фермер» по натовской классификации), 29 истребителей МиГ-15-бис с бомбами, запасными моторами и боеприпасами для авиационных пушек. МиГ-15 — первый советский реактивный истребитель — к тому времени уже устарел (эти самолеты участвовали в корейской войне 1950—1953 годов).

В ноябре 1961 года на Кубу прибыли первые восемь из двенадцати перехватчиков МиГ-19П. Кубинские летчики были недовольны самолетом и старались при первом удобном случае перейти на МиГ-17 или МиГ-21. МиГ-19 относительно недолго стояли на вооружении кубинских ВВС и в 1965 году были заменены на МиГ-21ПФМ.

2 декабря 1961 года решение о поставках оружия на Кубу на льготных условиях приняло политбюро ЦК болгарской компартии.

Однако Хрущев понимал, что в случае американского массированного вторжения на Кубу устаревшее советское оружие вряд ли поможет и вооруженные силы США захватят основные города острова за несколько дней — слишком очевидным было неравенство сил. Любая срочно направленная на Кубу военная помощь СССР будет «плыть» как минимум десять дней и к тому же легко будет перехвачена американскими ВВС и ВМС.

21 февраля 1962 года советская разведка сообщила министру иностранных дел СССР Андрею Андреевичу Громыко и министру обороны СССР Родиону Яковлевичу Малиновскому о планах США по вторжению на Кубу. Американцы попытаются спровоцировать кубинское правительство, чтобы затем в течение двадцати четырех часов свергнуть его[286]. Для этих целей на первом этапе американцы усилят антикубинскую пропаганду, причем прежде всего против Фиделя и Рауля Кастро, Че Гевары и лидера НСП Бласа Рока.

Вторжение американских войск на Кубу, сообщала советская разведка, поддержат ВВС США с баз во Флориде и Техасе. План, по всей видимости, уже одобрен президентом Кеннеди. Хотя точная дата вторжения не определена, оно состоится, вероятно, в ближайшие несколько месяцев. Курирует всю операцию министр обороны США Роберт Макнамара.

Данные советской разведки были удивительно точными. 13 марта 1962 года ОКНШ направил Макнамаре се-

кретный документ, название которого говорило само за себя — «Оправдание военной интервенции США на Кубу». Само вторжение именовалось «План Нортвуд». В документе ОКНШ, в частности, говорилось: «...военная интервенция США станет результатом периода повышенной напряженности в американо-кубинских отношениях с тем, чтобы США заняли место несправедливо обиженного. На мировое общественное мнение и ООН должно быть оказано благоприятное влияние таким имиджем кубинского правительства, который выставит его как... безответственное, как непредсказуемую угрозу для мира в Западном полушарии»[287].

При этом ОКНШ подчеркивал, что вторжение имеет смысл только в том случае, если Кубе не придет на помощь СССР. И перспективы такого благоприятного для США развития событий есть, так как Куба не вступила в Варшавский договор (против чего, как мы помним, американцы резко протестовали в Пунта-дель-Эсте) и не заключила с Москвой двустороннего договора о взаимной помощи. С учетом последующего развития событий очень важным представляется констатация американцами того факта, что надо действовать, «пока еще нет советских баз на Кубе по образцу американских баз в Западной Европе». То есть наличие советских баз на острове превращало все планы США по вторжению на Кубу в макулатуру. Отсюда следовал вывод, что ударить по Кубе надо как можно быстрее. «Таким образом, — говорилось в меморандуме ОКНШ, — время является важным фактором по решению кубинской проблемы и все связанные с этим проекты надо реализовать в течение ближайших месяцев».

Точно так же рассуждал и Хрущев, опираясь на данные советской разведки. Он пришел к совершенно верному выводу, что только размещение советских баз на Кубе сможет удержать американцев от агрессии. И если учитывать безусловное господство американского флота в водах Карибского бассейна (да и на Атлантике в целом), перебросить технику и людей на Кубу следовало тайно. В противном случае США этого просто не допустят, да еще и используют сам факт начала переброски как предлог для вторжения на Кубу.

Создать повод для агрессии, с точки зрения ОКНШ, нужно было следующим образом:

«Начать распространение слухов [массированное]. Использовать [для этого] радио.

Высадить дружественных кубинцев* в форме [вооруженных сил Кубы] для инсценировки атаки на базу [США в Гуантанамо].

Захватить кубинцев-саботажников (дружественных) на территории базы.

Организовать беспорядки рядом с главным въездом на базу [дружественные кубинцы].

Подорвать боеприпасы на территории базы, организовать пожары.

Поджечь самолет на территории базы [саботаж].

Выпустить мины из минометов из-за пределов базы на территорию базы. Причинить определенный ущерб постройкам.

Захватить в плен группы вторжения, приблизившиеся к базе с моря или из района города Сантьяго-де-Куба.

Захватить в плен группы [народной кубинской] милиции, напавшие на базу.

Провести акцию саботажа против корабля на рейде базы, большие пожары — нафталин.

Потопить корабль на входе на рейд базы. Организовать фиктивные похороны жертв»[288].

Одновременно «главком» «Мангуста» Лэнсдейл подготовил план «нападения на руководителей» Кубы.

Все эти меры должны были привести к свержению режима Кастро не позднее октября 1962 года.

Но Москва и Гавана в который раз опередили Вашингтон.

17 марта 1962 года КГБ СССР доложил советскому руководству, что «США закончили подготовку для вторжения на Кубу. Окончательное решение правительства Кеннеди о дате нападения на Кубу еще не принято... Вооруженное нападение должно произойти с территории Гватемалы и Панамы** при поддержке вооруженных сил США с их военно-морской базы в Гуантанамо. Предлогом для начала вторжения на Кубу станет "появление" военных самолетов с опознавательными знаками Кубы над территорией одной из стран Центральной Америки»[289].

С начала апреля 1962 года США стали проводить крупные учения в Карибском море по отработке десантирова-

---

* То есть эмигрантов-контрреволюционеров. За их подготовку, согласно операции «Мангуст», отвечало ЦРУ.

** Зона Панамского канала на тот момент принадлежала США, и там располагалось командование вооруженных сил США по операциям в Западном полушарии.

ния морских пехотинцев. Размах учений (до 10 тысяч военнослужащих) и выбранный рельеф местности указывали на однозначные планы агрессии против Кубы.

В Москве правильно решили, что подготовка к вторжению на Кубу вступила в завершающую фазу. Для усиления обороны острова 12 апреля президиум ЦК КПСС принял решение направить на Кубу дополнительно четыре дивизиона пусковых установок ракет ПВО С-75, десять фронтовых бомбардировщиков Ил-28, четыре пусковые установки тактических крылатых ракет П-15, а также еще 650 военных советников дополнительно к уже работающим тремстам. Тем не менее в Москве опасались, что такой скорее символический советский контингент не удержит американцев от вторжения.

Медлить было нельзя, и в конце апреля 1962 года Александр Алексеев, работавший на тот момент в должности советника по культуре посольства СССР в Гаване, получил срочный вызов в Москву. По пути он должен был останавливаться только на территории советских посольств в Мехико и Лондоне, а не в гостиницах.

В Москве Алексеева приняли председатель КГБ Александр Шелепин и заведующий отделом ЦК по связям с социалистическими странами Юрий Андропов. Шелепин сообщил, что принято решение назначить Алексеева послом на Кубе. После этого произошла беседа с Хрущевым. Алексеев отказывался, ссылаясь на то, что в настоящее время советский посол на Кубе должен был быть прежде всего специалистом в экономических вопросах. Но Хрущев сказал, что главное сейчас — это доверительные отношения Алексеева с кубинским руководством.

Алексеев не знал, что 21 мая 1962 года прошло заседание президиума ЦК КПСС, на котором было принято решение развернуть на Кубе ядерные ракеты средней дальности. Ракеты должны были оставаться только под советским командованием, и основой для их пребывания на Кубе должен был быть двусторонний договор о взаимной помощи (которого так боялись американские спецслужбы).

Новая встреча Хрущева с Алексеевым состоялась в конце мая, и на этот раз на ней присутствовали ведущие члены тогдашнего советского руководства — секретарь ЦК Фрол Козлов (на тот момент Хрущев рассматривал его как своего преемника)*, Анастас Микоян, министр иностранных дел

* С лета 1960 года Фрол Романович Козлов в отсутствие Хрущева вел заседания президиума ЦК КПСС.

Андрей Громыко, министр обороны Родион Малиновский и кандидат в члены президиума ЦК КПСС Шараф Рашидов.

Хрущев сообщил Алексееву о «ракетном решении»* и поинтересовался, как отреагирует Фидель. Алексеев выразил мнение, что кубинский лидер на это не пойдет. Ведь вся его популярность зиждется на твердой защите суверенитета Кубы. А тут получается, что он разместит на острове хотя и дружественные, но все-таки иностранные базы.

Хрущев принял решение, что для переговоров с Фиделем Алексеева на Кубу будут сопровождать Рашидов и маршал Сергей Семенович Бирюзов — с апреля 1962 года главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения.

Хрущев аргументировал абсолютно правильно — американцы понимают только язык силы и только мощные советские базы на Кубе заставят их отказаться от вторжения на остров. Причем базы должны быть именно ракетными. Тогда в Вашингтоне поймут, что нападение на Кубу будет означать ядерный контрудар по самим США. К тому же они сами окружили СССР своими ракетными базами.

Особенное недовольство Москвы вызвало размещение американских ядерных ракет средней дальности «Юпитер»** в Турции. Хрущев говорил американским сенаторам на своей даче в Пицунде, что всего в 200 километрах от нее стоят американские ракеты и СССР вынужден с этим мириться.

Первоначально «Юпитеры» планировалось развернуть во Франции, но пришедший там к власти в 1958 году генерал де Голль отказал США в соответствующем разрешении. Зато власти Турции поддержали американскую инициативу по размещению ядерного оружия США в стране, и 15 ракет «Юпитер» были расположены на пяти позициях в районе Измира в 1961 году. Турецкий персонал осуществлял обслуживание ракет, но ядерные заряды контролировались и снаряжались офицерами США.

---

* Он заметил, что это решение пришло ему в голову, когда он был недавно на отдыхе в Болгарии.

** «Юпитер» — одноступенчатая жидкостная ракета с единственным двигателем, работающим на керосине и жидком кислороде. Боевой блок Mk 3, снаряженный термоядерным зарядом типа W49 мощностью 1,44 мегатонны, был первой американской боеголовкой с абляционной тепловой защитой. За счет этого ракета могла входить в атмосферу под большим углом, что существенно улучшало ее точность. Важным преимуществом была возможность запуска с мобильной пусковой установки.

Развертывание американских ракет в Турции вызвало сильное беспокойство руководства СССР. Имея сравнительно небольшое время подготовки к пуску (порядка 15 минут) и высокую по тем временам мобильность, ракеты могли нанести тяжелейший удар по стратегическому тылу СССР в случае начала военных действий.

Не случайно Хрущев сказал Алексееву, имея в виду американцев: «Им придется проглотить это лекарство, как мы проглотили турецкую пилюлю»[290].

Тайная доставка советских ракет на Кубу мотивировалась Хрущевым еще и тем, что в ноябре 1962 года в США предстояли промежуточные выборы в конгресс, и в Москве не хотели подкинуть тему американским крайне правым, ненавидевшим братьев Кеннеди. Таким образом, как это ни парадоксально, Хрущев не хотел «подставлять» американского президента.

Алексеев вернулся на Кубу вместе с Рашидовым и Бирюзовым, которые формально входили в состав советской сельскохозяйственной делегации.

На первой же встрече с Фиделем советские гости разъяснили, что в Москве считают скорейшее размещение ракет единственной возможностью предотвратить вторжение США на Кубу. Вопреки прогнозам Алексеева, Фидель эту идею не отверг, а всего лишь попросил день на осмысление. Кубинский лидер немного задумался и произнес: «Это очень смелый шаг. И, чтобы сделать его, мне необходимо посоветоваться со своими ближайшими соратниками»[291].

И уже на следующий день в переговорах помимо Фиделя приняли участие Рауль Кастро, Че, президент Кубы Освальдо Дортикос и лидеры НСП Карлос Рафаэль Родригес и Блас Рока. Че активно участвовал в беседе, выражая полную поддержку советскому предложению. Он говорил, что надо идти на все, что поможет сдержать американскую агрессию против Кубы.

Фидель предложил направить в Москву министра обороны Рауля Кастро для подписания соответствующего соглашения. После размещения ракет Куба и СССР должны потребовать от США гарантий ненападения на Кубу и вывода с кубинской территории американской базы в Гуантанамо.

К 20 июня 1962 года была сформирована Группа советских войск на Кубе (ГСВК).

Командующим ГСВК был назначен генерал армии Исса Александрович Плиев*. Командующим 5-м флотом был назначен вице-адмирал Георгий Семенович Абашвили. Перебазирование подводных лодок на Кубу было выделено в отдельную операцию под кодовым наименованием «Кама».

Доставка войск на Кубу планировалась гражданскими судами Министерства морского флота СССР.

Общая численность передислоцируемой на Кубу группы советских войск составляла 50 874 человека личного состава и до трех тысяч человек гражданского персонала. Необходимо было перевезти свыше 230 тысяч тонн материально-технических средств. По предварительным расчетам, для осуществления переброски ракет должно было понадобиться до четырех месяцев и не менее семидесяти морских судов. Реально в июле—октябре 1962 года в операции «Анадырь» (так именовалось развертывание на Кубе советской группировки) приняли участие 85 грузовых и пассажирских судов, которые совершили 183 рейса на Кубу и обратно.

2 июля 1962 года кубинская делегация во главе с Раулем Кастро прибыла в Москву для окончательного согласования договора о взаимной помощи. Фидель поручил брату спросить Хрущева, что произойдет, если американцы обнаружат переброску ракет еще до развертывания на Кубе всей группировки советских войск. Хрущев только отмахнулся — этого не будет, а уж если случится, то у СССР есть на это Балтийский флот. Конечно, это была не более чем бравада — Балтийский флот даже отдаленно не мог тягаться по мощности с американскими ВМС. Но кубинцы поняли, что в случае обострения ситуации Советский Союз их не бросит.

10 июля первые советские суда с вооружением для ГСВК взяли курс на Кубу. Все грузы были задекларированы как мирные, а военнослужащие сидели на нижних палубах и носили гражданскую одежду, когда поднимались наверх. Капитанам судов были выданы три пакета с секретными инструкциями. Первый пакет надлежало вскрыть после оставления территориальных вод СССР. В пакете номер 1 говорилось, что пакет номер 2 необходимо вскрыть после прохода Босфора и Дарданелл. В пакете номер 2 предписывалось вскрыть пакет номер 3 после прохода Гибралтара.

---

* На тот момент — командующий Северо-Кавказским военным округом.

И только в пакет номер 3 был вложен окончательный приказ: «Следовать на Кубу».

Для отражения возможного нападения на судах устанавливались ручные пулеметы. На палубах судов, идущих с особо ценным грузом (ракетами и ядерными боеголовками), устанавливались замаскированные малокалиберные зенитные пушки.

17 июля Рауль вернулся в Гавану с проектом «Договора между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о размещении Советских Вооруженных Сил на территории Республики Куба».

Проект показался Фиделю слишком техническим, но особенно не понравилась преамбула. В ней говорилось, что исходя из целей защиты своего суверенитета, кубинское правительство обратилось к СССР с просьбой разместить на своей территории ракеты. Так это, собственно, и было, но Фидель хотел избежать упоминания кубинской просьбы. Ведь это могло бы произвести негативное впечатление в Латинской Америке и дать США лишний повод для антикубинской пропаганды. Поэтому преамбулу изменили в том смысле, что в ней уже шла речь о совместной защите Советским Союзом и Кубой законных прав обеих стран.

Первые советские суда начали подходить к Кубе 25 июля 1962 года.

В конце августа Фидель отправил с исправленным проектом договора в Москву Че и Эмилио Арагонеса, отвечавшего за организацию и мобилизацию Революционных вооруженных сил Кубы. Формально было объявлено, что Эрнесто Гевара едет в страны социализма для обсуждения с СССР вопросов экономического сотрудничества и посещения промышленной ярмарки в Брно.

30 августа Че и Арагонес Наварро встретились с Хрущевым, находившимся на отдыхе в Крыму. Кубинцы снова спросили, что будет, если американцы узнают о переброске ракет, прежде чем эти ракеты будут готовы к запуску. Хрущев в очередной раз бодро пообещал направить против США Балтийский флот. Такая легковесность вызвала недоумение Че, но Хрущев успокоил, что размещение ракет останется тайной недолго. Он планирует приехать на Кубу в январе 1963 года на празднование очередной годовщины победы революции, и тогда они с Фиделем торжественно объявят о «ядерном зонтике» над Кубой.

Здесь возникает вопрос, почему требовалось размещать ядерные ракеты именно на Кубе.

Дело в том, что к середине 1962 года СССР сильно отставал от США по мощности забрасываемого веса межконтинентальных баллистических ядерных ракет. По состоянию на начало 1962 года США обладали подавляющим превосходством в ядерных вооружениях: ядерная триада Советского Союза насчитывала всего 405 стратегических ядерных боезарядов, в то время как потенциал США был как минимум в 15 раз больше. К тому же американские ракеты средней дальности размещались в Европе по периметру советских границ (в Великобритании было развернуто 60 ракет «Тор», в Италии — 30 ракет «Юпитер» и в Турции —15 ракет «Юпитер»). Подлетное время до Москвы размещенных в Турции ракет, по данным министра обороны СССР Малиновского, составляло всего 10 минут.

Но еще хуже было то, что американцы знали о своем подавляющем превосходстве в межконтинентальных баллистических ракетах (МБР), в том числе от их агента офицера ГРУ Олега Пеньковского. А значит, они могли решиться на вторжение на Кубу, не опасаясь ответного ядерного удара СССР с советской территории. Ведь США могли либо сами нанести упреждающий ядерный удар по базам советских МБР или перехватить советские ракеты на подлете к США. При обоих вариантах у них оставалось много ядерных зарядов, чтобы ударить по обезоруженному в ядерном смысле Советскому Союзу.

А вот советские ракеты средней дальности на Кубе с минимальным подлетным временем до Нью-Йорка или Вашингтона не оставляли американцам никаких шансов остаться безнаказанными. В этом случае овчинка (нападение на Кубу) для них выделки явно не стоила.

Поэтому Хрущев избрал для спасения Кубы единственно правильный вариант, полностью себя оправдавший.

Американцы тем временем лихорадочно размышляли над новыми предлогами для вторжения на Кубу. Причем над самыми экзотическими.

Например, рассматривалась операция с характерным кодовым наименованием «Грязный трюк». На Кубу предполагалось свалить ответственность за крушение американского пилотируемого космического корабля «Меркурий» с астронавтом Джоном Гленном на борту (!).

Помимо обсуждения ракетной тематики Че провел в Москве и экономические переговоры, заручившись обе-

щанием СССР построить на Кубе рыболовецкую гавань для обслуживания 115—130 рыболовецких траулеров. Парадоксально, но до той поры островная Куба не имела собственного рыболовного флота, а кубинцы практически не ели рыбы. Все оборудование СССР обязался поставить в кредит, и как обычно этот кредит предоставлялся на льготных условиях.

Побывал Че и на ярмарке в Брно.

Однако в ЦРУ не поверили в чисто экономические мотивы миссии Че. 31 августа 1962 года американская разведка доложила, что состав делегации Че Гевары свидетельствует о том, что планируется обсудить не только торгово-экономические темы.

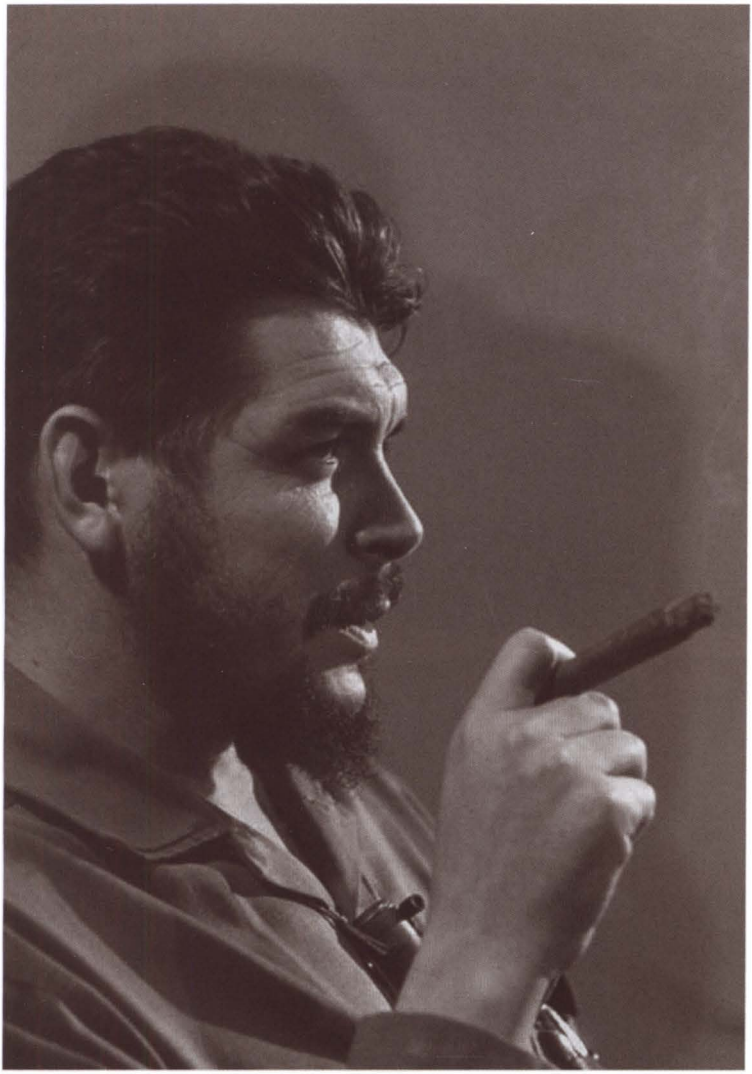
И тем не менее в ЦРУ фактически «прошляпили» поставку советских ракет на Кубу[292].

Из-за того что погрузка транспортов осуществлялась одновременно во многих портах, проход караванов советских судов по проливам (датским проливам, Босфору и Дарданеллам) не мог остаться без внимания разведок стран НАТО. Западные спецслужбы с самого начала плотно контролировали движение транспортов. Так, 31 июля 1962 года правительство СССР заявило протест против использования самолетов-разведчиков НАТО, совершающих облеты и фотографирование советских судов на сверхмалых высотах.

На подходе к Кубе советские суда стали систематически облетать самолеты США. В сентябре 1962 года было зарегистрировано до пятидесяти случаев облета пятнадцати советских судов. Причем американцы явно не жалели жизней своих летчиков — облеты совершались на критически опасных высотах. Например, 12 сентября судно «Ленинский комсомол» было дважды облетано неизвестным самолетом при подходе к кубинскому порту Никаро. После очередного захода самолет врезался в море в 150 метрах от судна и затонул.

29 августа американский самолет-разведчик У-2 обнаружил на Кубе пусковые установки зенитных ракет С-75 и позиции крылатых ракет береговой обороны. 4 сентября президент США поручил своему брату переговорить с советским послом Анатолием Добрыниным и предостеречь против разворачивания на Кубе ракетного оружия.

Поскольку 9 сентября 1962 года зенитно-ракетным комплексом С-75 над территорией Китая был сбит разведчик У-2, полеты У-2 над Кубой в период с 18 сентября по 13 ок-

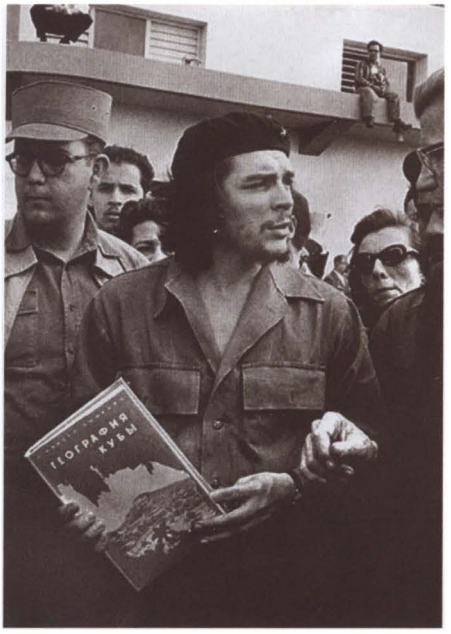


Легендарный команданте Че Гевара. *Гавана. 1964 г.*

С дочерью Ильдитой, Фиделем и соратниками.
Гавана. 1960 г.

Че любил животных — отличительная черта хороших людей

Че стал инициатором подробного географического и геологического описания Кубы, составленного с помощью советских специалистов



Именно Че начал механизацию сафры, попробовав труд мачетеро на себе

«Они не пройдут!» — и «они» не прошли. *Куба. 1961 г.*

Министр промышленности Эрнесто Че Гевара
уважал физический труд. *1961 г.*

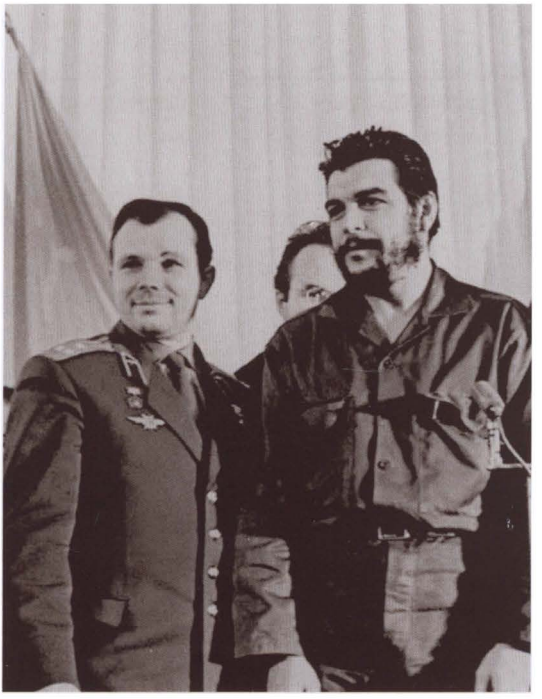
Че тестирует чехословацкий трактор.
Прага. 1962 г.

Глава правительственной экономической миссии Кубы Эрнесто Че Гевара был искренне потрясен неподдельным радушием советских людей.
Москва. 1962 г.

Че и Фидель —
друзья
и единомышленники

Анастас Микоян
и Эрнесто Че Гевара.
Куба. 1962 г.

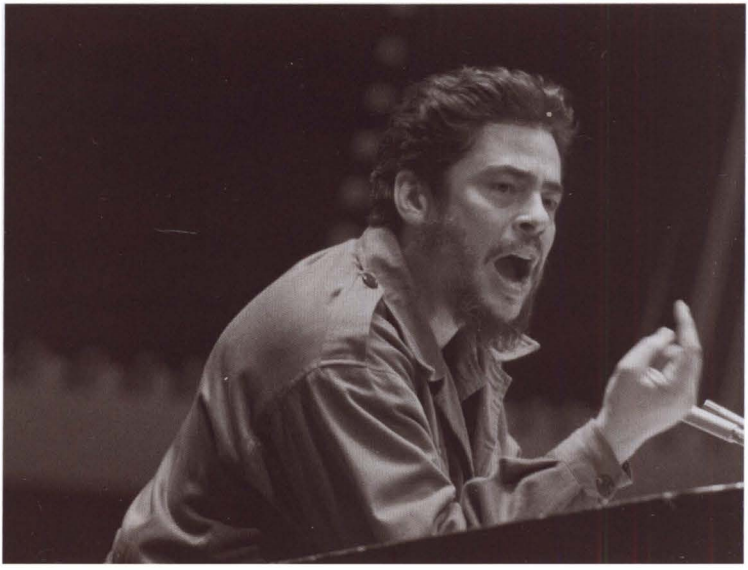
Два главных героя второй половины XX века.
Москва. 1964 г.



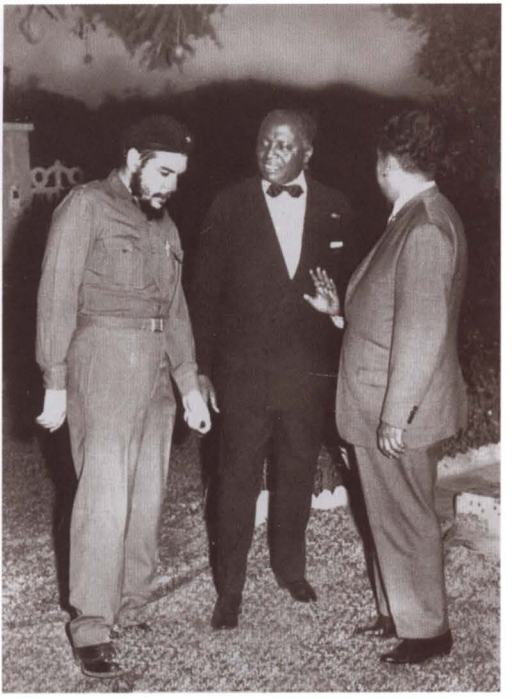
Семья команданте.
Гавана. 1964 г.

Встреча с президентом Египта Гамалем Абдель Насером. *Каир. 1964 г.*

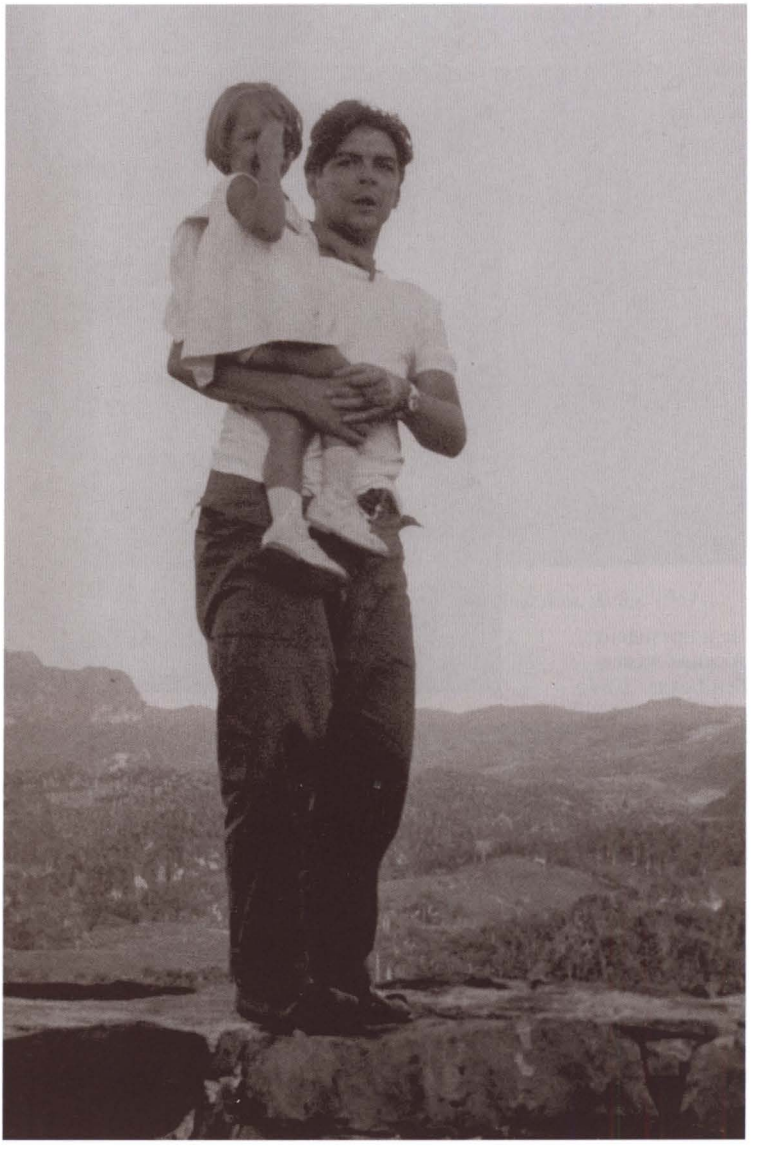
Выступление с трибуны ООН. *Нью-Йорк. 1964 г.*



Че в Мали. *1964 г.*

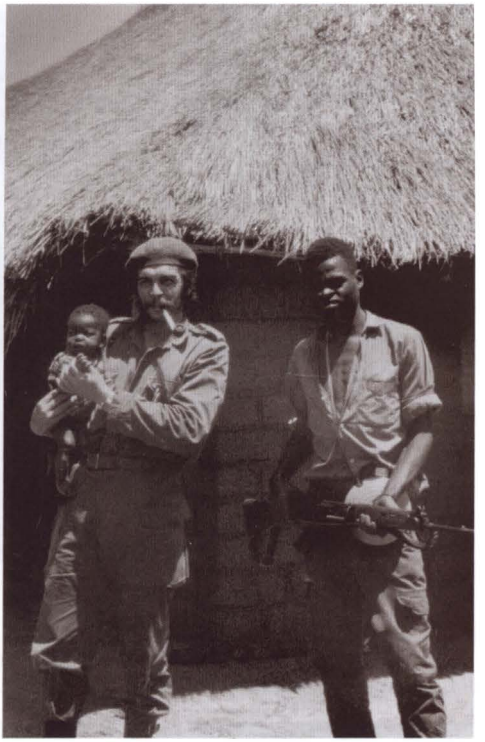


Че и президент Алжира Ахмед бен Белла. *1964 г.*



Че с младшей дочерью Селией. *Куба. 1965 г.*

Он всем сердцем ненавидел расизм. *Конго*



Кубинские интернационалисты в Конго. *1965 г.*

Че и Алейда на улицах Гаваны

В этом доме в Чехословакии Че готовился к интернациональной миссии в Боливии

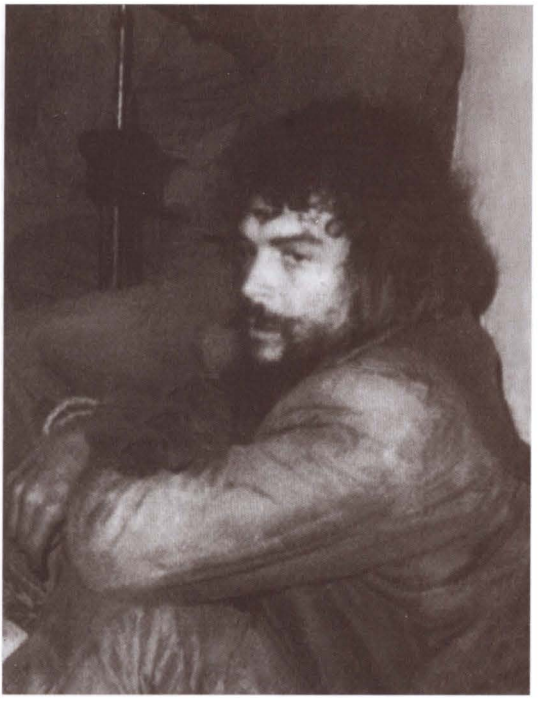
В партизанском отряде. *Боливия. 1967 г.*

Тамара Бунке — партизанка Таня

Убийца Че, боливийский диктатор Рене Баррьентос

Захват в плен. *Боливия, Ла-Игера. 1967 г.*

В ожидании
своей участи



Они думали,
что убили его...
9 октября 1967 г.

Бронзовый Че на улице Санта-Клары. *Куба*

Мемориал Че в Ла-Игере. *Боливия*

тября были временно приостановлены (в указанный промежуток времени разведка осуществлялась сверхзвуковыми истребителями F-104).

5 сентября американцы узнали о размещении на Кубе истребителей МиГ-21, а 28 сентября — бомбардировщиков Ил-28.

В принципе все это оружие непосредственной опасности для США не представляло, и Кеннеди сохранял спокойствие. Как и предвидел Хрущев, американцы не считали такое вооружение препятствием для вторжения на Кубу. 27 сентября конгресс США совместной резолюцией обеих палат дал право президенту страны использовать вооруженные силы против Кубы. Конгресс также дал согласие на мобилизацию 150 тысяч резервистов.

Че вернулся на Кубу 6 сентября 1962 года, а уже 9 сентября в порт Касильда были доставлены первые шесть ракет Р-12, 15 сентября — еще восемь ракет Р-12. 4 октября в порт Мариэль на теплоходе «Индигирка» прибыло свыше 160 ядерных зарядов, в том числе 60 боеголовок к ракетам Р-12 и Р-14, 12 боеголовок к оперативно-тактическим ракетам «Луна», 80 зарядов для фронтовых крылатых ракет, шесть авиабомб и четыре морские мины.

Всего на 24 октября 1962 года для 51-й ракетной дивизии успели доставить 36 ракет Р-12, шесть ложных Р-12, а также 36 головных частей с ядерными боезарядами для Р-12 и 24 головные части с ядерными боезарядами для Р-14.

Введенная американцами блокада не позволила доставить ракеты Р-14 на Кубу, поэтому 25 сентября командованием ВМФ СССР был отменен поход надводных кораблей на Кубу. Причиной этой отмены была также невозможность обеспечить прикрытие флота с воздуха. План операции «Анадырь» предусматривал прикрытие похода с аэродрома столицы Гвинеи Конакри (построенного советскими специалистами и способного принимать в том числе стратегическую авиацию). Но с началом противостояния СССР и США гвинейское правительство президента Ахмеда Секу Туре отказало Москве в использовании аэродрома. Это было сделано в обмен на американскую помощь в 16 миллионов долларов. Без истребительной поддержки время жизни эскадры надводных кораблей в условиях авианалета должно было составить от восемнадцати до двадцати девяти минут.

Американская разведка абсолютно верно полагала, что Че играл в размещении советской военной базы на Кубе

одну из ведущих ролей. В одном из донесений ЦРУ говорилось: «Он [Че] явно считает, что советская военная помощь Кубе имеет очень большое значение»[293].

В октябре пара истребителей МиГ-21 предприняла попытку перехвата американского истребителя F-104. Несмотря на то что посадить самолет-нарушитель не удалось, после этого эпизода ни один из американских самолетов не смел появляться вблизи аэродрома базирования истребителей МиГ-21.

14 октября 1962 года во время первого же облета территории острова разведывательный самолет У-2, который пилотировал майор Ричард Хейзер, сделал первые снимки советских позиций баллистических ракет Р-12. Анализ снимков показал, что схема расположения пусковых площадок и систем обслуживания совпадает со схемой размещения площадок ракет средней дальности в Советском Союзе.

16 октября информация о пусковых установках ракет средней дальности была доведена до Джона Кеннеди. Эта дата считается началом событий, известных в мировой истории как Карибский кризис.

Получив фотографии, свидетельствующие о советских ракетных базах на Кубе, президент Кеннеди собрал особую группу советников на секретное совещание в Белом доме. Эта группа из четырнадцати человек, ставшая позднее известной как «Исполнительный комитет» (*EXCOMM*), состояла из членов Совета национальной безопасности США и нескольких специально приглашенных советников. Вскоре комитет предложил президенту три возможных варианта разрешения ситуации: уничтожить ракеты точечными ударами, провести полномасштабную военную операцию на Кубе или ввести морскую блокаду острова.

Немедленный бомбовый удар был отвергнут сразу же, так же как и обещавшее длительную задержку обращение в ООН. Реальными вариантами действий, рассматриваемыми комитетом, были только военные меры. Дипломатические, едва затронутые в первый день работы, были тут же и отвергнуты — еще до того, как началось основное обсуждение. В итоге выбор свели к военно-морской блокаде и ультиматуму либо к полномасштабному вторжению.

Председатель ОКНШ любимчик Кеннеди генерал Максвелл Тэйлор и начальник штаба воздушных сил США генерал Кертисс Лемэй выступили с предложением начать вторжение на Кубу. По их мнению, Советский Союз не ре-

шился бы на серьезные контрмеры. В порядке подготовки к вторжению началась переброска войск во Флориду. Военные торопили президента отдать приказ о вторжении, поскольку опасались, что, когда СССР установит все ракеты, будет уже поздно.

Стоит отметить, что агентурные данные ЦРУ о численности советских войск на Кубе к тому моменту были существенно ниже реальных. Американцы также не знали о двенадцати тактических ядерных ракетных комплексах «Луна», уже находящихся на острове, которые могли быть задействованы по приказу генерала Плиева. Вторжение могло повлечь ядерный удар по американскому десанту, причем с катастрофическими последствиями.

Так или иначе, идея вторжения подверглась критике президента. Кеннеди опасался, что «даже в том случае, если на Кубе советские войска не предпримут активных действий, ответ последует в Берлине», что приведет к эскалации конфликта. Поэтому по предложению министра обороны Макнамары было решено рассмотреть возможность военно-морской блокады Кубы.

К 19 октября данные съемок У-2 показали четыре законченные пусковые позиции советских ракет на Кубе. Поэтому в дополнение к блокаде военное командование США начало подготовку к возможному вторжению по первому сигналу. На юг страны, в штат Джорджия, была переведена 1-я танковая дивизия, пять общевойсковых дивизий были приведены в состояние повышенной боеготовности.

Стратегическое командование ВВС США перебазировало бомбардировщики среднего радиуса действия В-47 в гражданские аэропорты и перевело в режим постоянного патрулирования флот стратегических бомбардировщиков В-52.

Окончательно решение о введении блокады было принято на итоговом совещании администрации вечером 20 октября: за блокаду проголосовали сам президент Кеннеди, госсекретарь Раск, министр обороны Макнамара и специально вызванный для этого из Нью-Йорка посол США в ООН Стивенсон.

22 октября США объявили о введении полной морской блокады Кубы с 10 часов утра 24 октября. Президент Кеннеди обратился к американской публике (и советскому правительству) в телевизионном выступлении. Он подтвердил присутствие ракет на Кубе и объявил военно-морскую блокаду в виде карантинной зоны в 500 морских миль

(926 километров) вокруг берегов Кубы, предупредив, что вооруженные силы «готовы к любому развитию событий», и осудив Советский Союз за «секретность и введение в заблуждение». При этом стоит отметить, что СССР и Куба не нарушили ни одной из норм международного права, поэтому Кеннеди и пришлось уповать на «секретность», на которую, кстати, и Москва, и Гавана также имели полное право.

Официально Кеннеди назвал блокаду «карантином острова Куба», так как объявление блокады означало по международному праву автоматическое начало войны. США противоправно требовали от всех судов, направляющихся на Кубу, полной остановки и предъявления груза к досмотру. В случае отказа командира корабля допустить на борт осмотровую команду ВМС США предписывалось подвергнуть корабль аресту и препроводить его в американский порт.

Блокада вступила в силу 24 октября в 10.00. 180 кораблей ВМС США окружили Кубу с четким приказом ни в коем случае не открывать огонь по советским судам без личного приказа президента.

22 октября 1962 года на подходе к острову и в зоне блокады уже находилось 22 советских судна. В этих условиях министр морского флота СССР Виктор Георгиевич Бакаев предложил руководству страны ввести в кубинские порты шесть советских судов, находящихся на подходе к Кубе. Решение было принято, и шесть судов (включая «Александровск», перевозивший ядерные боеприпасы — 24 боеголовки для ракет Р-14 и 44 боеголовки для оперативно-тактических крылатых ракет) 22—23 октября прибыли в порты Кубы. Остальные транспорты (включая суда, загруженные ракетами Р-14, оборудованием и личным составом войск РВСН) возвратились назад в СССР.

После введения блокады Кубы военно-морскими силами США выполнение плана операции «Анадырь» советским руководством было приостановлено. В то же время реализация плана операции «Кама» (в соответствии с которым на Кубу должны были передислоцироваться четыре дизельные торпедные подводные лодки Б-4, Б-36, Б-59 и Б-130) была продолжена и советские подлодки, выполняя приказ, направлялись к острову.

В результате массовой скрытной передислокации войск к 27 октября 1962 года доставленные на Кубу ракеты Р-12 были готовы к нанесению ядерного удара по территории США.

Созданная Группа советских войск на Кубе (ГСВК) имела в своем составе:

два дивизиона ракет средней дальности Р-12;

два подразделения крылатых ракет;

четыре мотострелковых полка;

два танковых батальона;

40 истребителей МиГ-21 и шесть учебно-тренировочных самолетов МиГ-15УТИ;

42 бомбардировщика Ил-28;

зенитно-ракетные комплексы С-75;

ствольная зенитная артиллерия.

Единственными надводными кораблями, перебазированными на Кубу, были 12 ракетных катеров проекта 183Р с крылатыми ракетами П-15, перевезенные в трюмах сухогрузов.

22 октября в 17.40 кубинские вооруженные силы были приведены в состояние полной боевой готовности. Кубинцы начали массово сдавать кровь в госпитали. На следующий день Фидель выступил по телевидению и выразил решимость Кубы сопротивляться любым формам вторжения США, включая ядерное нападение.

В ответ на американскую блокаду президиум ЦК КПСС решил привести Вооруженные силы СССР и стран Варшавского договора в состояние повышенной боеготовности. Отменили все увольнения. Срочникам, готовящимся к демобилизации, было предписано оставаться на местах несения службы до дальнейших распоряжений. Хрущев отправил Кастро ободряющее письмо, заверив в непоколебимости позиции СССР при любых обстоятельствах. Тем более он знал, что существенная часть советского оружия уже добралась до Кубы.

Между тем Че опять вступил в командование западной группировкой кубинской армии и отправился на свой командный пункт в провинцию Пинар-дель-Рио.

24 октября 1962 года Хрущев узнал, что «Александровск» благополучно добрался до Кубы. Одновременно с этим он получил короткую телеграмму от Кеннеди, в которой тот призвал Хрущева «проявить благоразумие» и «соблюдать условия блокады».

Президиум ЦК КПСС собрался на заседание, чтобы обсудить официальный ответ Москвы на введение блокады. По итогам заседания в тот же день Хрущев направил президенту США письмо, в котором совершенно справедливо обвинил его в том, что тот ставит «ультимативные условия».

Хрущев назвал карантин «актом агрессии, толкающим человечество к пучине мировой ракетно-ядерной войны». Далее Хрущев предупредил Кеннеди, что «капитаны советских кораблей не станут соблюдать предписания американских ВМС», а также что, «если США не прекратят своих пиратских действий, правительство СССР примет любые меры для обеспечения безопасности судов».

Американцы продолжали нагнетать обстановку. 25 октября Кеннеди отдал приказ повысить боевую готовность вооруженных сил США до уровня DEFCON-2* (первый и единственный раз в истории США). Из 1436 бомбардировщиков стратегического авиационного командования США 178 были подняты в воздух с ядерным оружием на борту. 23 бомбардировщика B-52 были направлены к границам СССР, чтобы иметь возможность нанести немедленный ядерный удар по советской территории. В боевую готовность были приведены и 145 нацеленных на СССР межконтинентальных баллистических ракет.

С советской стороны ответных мер такого же плана не последовало, и американцы это предвидели. Они знали, что советский ядерный арсенал в разы уступает американскому.

Против Кубы во Флориде были приведены в боевую готовность и сконцентрированы 511 истребителей 22-го тактического авиационного командования. Они должны были подавить советские и кубинские силы ПВО и обеспечить десантирование войск США на Кубу с воздуха и моря.

25 октября американские боевые корабли попытались перехватить советский танкер «Бухарест», но все же не решились на это и пропустили его через линию карантина. Зато в этот же день был остановлен и досмотрен корабль под ливанским флагом «Марукла» (его тоже потом пропустили). Характерно, что провести этот акт пиратства доверили эсминцу «Джозеф Кеннеди-младший», названному так в честь погибшего во Второй мировой войне старшего брата президента**.

---

* Аббревиатура от *Defense readiness Condition* — готовность к обороне. Этот уровень предшествует максимальной боевой готовности DEFCON-1.

** Отец Джона Кеннеди Джозеф Кеннеди-старший хотел, чтобы президентом стал именно его сын Джозеф. Гибель Джозефа-младшего в 1944 году стала для отца сильнейшим ударом. Пришлось «готовить в президенты» следующего по старшинству Джона.

Самое интересное, что американцы даже не удосужились сообщить в Москву, по какой точно линии на море установлен карантин.

Вечером того же дня Кеннеди дал указание начать погрузку ядерных боеприпасов на самолеты, предназначенные для атаки городов Советского Союза в случае полномасштабной войны.

Тем временем, в ответ на послание Хрущева, в Кремль пришло письмо Кеннеди, в котором он указал, что «советская сторона нарушила свои обещания в отношении Кубы и ввела его в заблуждение». На сей раз Хрущев решил не идти на конфронтацию и начал искать возможные выходы из сложившейся ситуации. Он объявил членам президиума, что «невозможно хранить на Кубе ракеты, не вступая в войну с США». На заседании было решено предложить американцам демонтировать ракеты в обмен на гарантии США оставить попытки сменить государственный строй на Кубе. Брежнев, Косыгин, Козлов, Микоян, Пономарев и Суслов поддержали Хрущева. Громыко и Малиновский при голосовании воздержались.

26 октября утром Хрущев принялся за составление нового, менее воинственного послания Кеннеди. В письме он предложил американцам вариант демонтажа установленных ракет и возвращения их в СССР. В обмен он требовал гарантий того, что «Соединенные Штаты не вторгнутся своими войсками на Кубу и не будут поддерживать никакие другие силы, которые намеревались бы совершить вторжение на Кубу». Советский лидер составил это письмо в одиночку, не собирая президиума ЦК КПСС.

Письмо пришло в Белый дом в 10 часов утра. Еще одно условие было передано в открытом обращении по радио утром 27 октября: вывести американские ракеты из Турции. Турки просигнализировали американцам, что будут «расстроены» выводом ракет со своей территории.

Утром 26 октября Кеннеди пришел к выводу, что только вторжение на Кубу сможет убрать с острова советские ядерные ракеты. Видимо, президент США просто не хотел понимать, что Кубой советско-американский конфликт не ограничился бы. Зато это прекрасно понимал Че, заявивший следующее: «Прямая агрессия против Кубы будет означать ядерную войну. Американцы говорят о подобной агрессии, как будто они не знают этого или не хотят признать подобный факт. У меня нет сомнений, что они такую войну проиграют»[294].

Чехословацкий посол на Кубе Павличек сообщал в Прагу 25 октября: «Если судить по ситуации в Гаване... страна спокойна, хотя и понятно, нервничает... Люди не закупают впрок товары, паники нет — напротив, все функционирует достойно и спокойно. В результате возросшей опасности промышленный сектор (с февраля 1961 года Че был министром промышленности. — *Н. П.*) работает лучше...»[295]

Тем временем в Гаване политическая обстановка накалилась до предела. Кастро стало известно о новой позиции Советского Союза насчет возможного вывода с Кубы ракетной группировки, и он сразу же направился в советское посольство.

Фидель решил написать Хрущеву письмо, чтобы подтолкнуть его к более решительным действиям. Еще до того как Кастро закончил письмо и отправил его в Кремль, глава резидентуры КГБ в Гаване известил Хрущева о сути послания: «По мнению Фиделя Кастро, интервенция почти неминуема и произойдет в ближайшие 24—72 часа». Фидель направил телеграмму Хрущеву, в которой выражалась уверенность, что СССР, как и обещал, окажет Кубе военную помощь в случае американского вторжения на остров. Кубинский народ, говорилось в телеграмме, готов умереть ради защиты своего суверенитета.

Одновременно министр обороны СССР Малиновский получил донесение от командующего ГСВК Плиева об усилившейся активности американской стратегической авиации в районе Карибского бассейна. Оба сообщения доставили в кабинет Хрущева в Кремль в 12 часов дня в субботу, 27 октября.

В этот день едва не началась третья мировая война.

В Москве было 5 часов вечера, когда на Кубе разбушевался тропический шторм. В одно из подразделений ПВО пришло сообщение, что на подлете к Гуантанамо замечен американский самолет-разведчик У-2*. Начальник штаба зенитного ракетного дивизиона С-75 капитан Антонец позвонил в штаб Плиеву за инструкциями, но того на месте не оказалось. Заместитель командующего ГСВК по боевой подготовке генерал-майор Гарбуз приказал капитану ждать появления Плиева. Через несколько минут Антонец вновь позвонил в штаб — никто не взял трубку. Когда У-2 был уже над Кубой, Гарбуз сам прибежал в штаб и, не дождавшись

---

* Это была модификация У-2Ф, предназначенная помимо разведывательных целей для организации дозаправки в воздухе.

Плиева, отдал приказ уничтожить самолет. По другим сведениям, приказ об уничтожении самолета-разведчика мог быть отдан заместителем Плиева по ПВО генерал-лейтенантом авиации Гречко или командиром 27-й дивизии ПВО полковником Воронковым.

Пуск был осуществлен в 10.22 по местному времени. Самолет-шпион У-2 был сбит, его пилот майор Рудольф Андерсон погиб.

В этот же день кубинские силы ПВО обстреляли два самолета фоторазведки ВМС США RF-8A «Крусейдер» в районе города Сан-Кристобаль. Один нарушитель был подбит, но смог покинуть воздушное пространство Кубы.

Военные советники Кеннеди пытались убедить президента до наступления понедельника отдать приказ о вторжении на Кубу, «пока еще не поздно». Тем более что ранее Кеннеди говорил, что любая атака по американским самолетам даст ему повод для атаки против Кубы. Но все же хозяин Белого дома колебался — он уже не отвергал категорически такое развитие ситуации, однако не оставлял надежды на мирное разрешение.

И все же американцы сдались.

В ночь с 27 на 28 октября по заданию президента Роберт Кеннеди вновь встретился с советским послом в США Добрыниным в здании Министерства юстиции. По воспоминаниям Добрынина, «...в кабинете Кеннеди был беспорядок, на диване валялся скомканный плед: хозяин кабинета тут же урывками спал». Роберт Кеннеди поделился с Добрыниным опасениями президента о том, что «ситуация вот-вот выйдет из-под контроля и грозит породить цепную реакцию». Роберт Кеннеди заявил, что его брат готов дать гарантии ненападения и скорейшего снятия блокады с Кубы. Добрынин спросил Кеннеди о ракетах в Турции. «Если в этом единственное препятствие к достижению упомянутого выше урегулирования, то президент не видит непреодолимых трудностей в решении вопроса», — ответил Кеннеди.

На следующее утро в Москву пришло сообщение от президента США, в котором были указаны американские условия разрешения кризиса:

«1. Вы согласитесь вывести свои системы вооружения с Кубы под соответствующим наблюдением представителей ООН, а также предпринять, с соблюдением соответствующих мер безопасности, шаги по остановке поставок таких же систем вооружения на Кубу.

2. Мы же, со своей стороны, согласимся — при условии создания с помощью ООН системы адекватных мер, обеспечивающих выполнение данных обязательств, — а) быстро отменить введенные в настоящий момент блокадные мероприятия и б) дать гарантии ненападения на Кубу.

Я уверен, что и остальные государства Западного полушария будут готовы поступить подобным образом».

В полдень 28 октября Хрущев собрал президиум ЦК КПСС у себя на даче в Ново-Огареве. На собрании еще шло обсуждение письма из Вашингтона, когда в зал вошел секретарь и попросил помощника Хрущева Олега Трояновского к телефону: звонил Добрынин из Вашингтона. Он передал Трояновскому суть беседы с Робертом Кеннеди и выразил опасения, что президент США испытывает сильное давление со стороны военных. Добрынин передал дословно слова брата президента США: «Мы должны получить ответ из Кремля сегодня же, в воскресенье. Осталось очень мало времени для разрешения проблемы».

Трояновский вернулся в зал и зачитал собравшимся членам президиума то, что успел записать в своем блокноте, пока слушал доклад Добрынина. Хрущев сразу же пригласил стенографистку и начал диктовать согласие. Он также продиктовал два конфиденциальных письма лично Кеннеди. В одном он подтвердил факт того, что послание Роберта Кеннеди добралось до Москвы. Во втором — что он расценивает это послание как согласие на условие СССР по выводу советских ракет с Кубы — убрать ракеты из Турции.

Опасаясь всяких «неожиданностей» и срыва переговоров, Хрущев запретил Плиеву использовать зенитное оружие против американских самолетов. Он также приказал вернуть на аэродромы все советские самолеты, патрулирующие Карибское море. Для пущей уверенности первое письмо было решено транслировать по радио, чтобы оно как можно скорее дошло до Вашингтона. За час до начала трансляции послания Хрущева (16.00 по московскому времени) Малиновский направил Плиеву приказ начать демонтаж стартовых площадок Р-12.

Американцы в ответ временно прекратили воздушную разведку над Кубой.

Хотя американцы и дали гарантии ненападения на Кубу (а в получении таких гарантий и был весь смысл размещения на острове советских ядерных ракет), Фидель был справедливо возмущен тем, что Хрущев договорился с Кеннеди за

его спиной. Че приказал прекратить связь с расположенной рядом с его командным пунктом советской ракетной базой и отправился в Гавану для консультаций с Фиделем. Посол ЧССР в Гаване сообщал в Прагу 1 ноября: «...Гевара... был подавлен и не верил в то, что [советско-кубинский] оборонительный договор не выполнен»[296].

1 ноября 1962 года Фидель в выступлении по телевидению отверг любые инспекции кубинской территории органами ООН. На следующий день на телеэкранах появился уже Кеннеди, подтвердивший факт начала демонтажа советских ракетных установок на Кубе.

В тот же день на Кубу прибыл Микоян (на аэродроме его встречал Че), который должен был хотя бы как-то поправить обострившиеся советско-кубинские отношения*. Фидель и Че прямо сказали ему, что Хрущев предал Кубу ради стратегических интересов Советского Союза, то есть вывода американских ракет из Турции.

В ходе сложных переговоров 3, 4 и 5 ноября Микояну удалось убедить Фиделя, что никакой «капитуляции» Кубы и СССР перед лицом американского нажима не было. Наоборот, сами американцы были вынуждены дать формальное обязательство не нападать на Кубу. В противном же случае Куба была бы уничтожена в ходе ядерной войны между СССР и США. Фидель в конце концов выразил благодарность Советскому Союзу и подтвердил нерушимость советско-кубинской дружбы.

Однако на инспекции ООН Кастро не пошел — ведь они были согласованы между СССР и США в обход Кубы. Кубинцы были готовы разрешить инспекции только в том случае, если бы аналогичные инспекции состоялись бы на территории США.

Микоян пытался убедить Фиделя, но тот просто не пришел на одну из встреч, поручив отстаивание кубинской позиции Че. Тот раскритиковал поведение СССР в Карибском кризисе с точки зрения революционного процесса в Латинской Америке.

Во время переговоров 5 ноября (в отсутствие Фиделя) Че сказал Микояну, что все революционные силы континента обескуражены и возмущены «капитуляцией» Мос-

---

* Срочного приезда Микояна требовал советский посол Алексеев, сообщавший в Москву, что советско-кубинские отношения находятся на грани разрыва. Во время визита на Кубу (3—12 ноября) в Москве умерла тяжело болевшая жена Микояна Ашхен.

квы[297]. «Мы, — продолжал Че, — глубоко убеждены в том, что есть возможность захвата власти в ряде латиноамериканских стран, и практика показывает, что можно не только взять, но и удержать власть в ряде стран, учитывая опыт Кубы и помощь социалистических стран, особенно Советского Союза». Но «сделка» Москвы с Вашингтоном и ее «открытое отступление» означают фактическое признание Латинской Америки сферой интересов США. Отсюда Че делал вывод, что теперь мелкая буржуазия латиноамериканских стран не примкнет к революционному движению, опасаясь потом остаться с США один на один. «Мне кажется, — говорил Че, — что теперь придется ожидать спада революционного движения в Латинской Америке». К тому же позиция СССР в Карибском кризисе, с точки зрения Че, привела и к расколу в социалистическом лагере. Этим он прямо намекал на ура-революционную линию Пекина.

Китайцы, как обычно голословно, стали обвинять Москву в «ядерном фетишизме»: мол, СССР зациклился на достижении ядерного паритета США и «забросил» интересы мирового революционного процесса, в том числе в Латинской Америке. Хотя было ясно, что без достижения ядерного баланса с американцами у революционного процесса вообще не может быть никакого будущего — ведь Кубу-то спас именно советский «ядерный зонтик». И будь этот зонтик тогда пошире (то есть имей СССР больше боеголовок), его можно было раскинуть и над другими странами, выбравшими свой, революционный путь.

Пока же китайское посольство в Гаване распространяло комментарии о «новом Мюнхене» (!).

В Пекине просто хотели столкнуть СССР и США лбами, и судьба Кубы Мао в данном контексте вообще не интересовала. Главное, чтобы после окончания мировой ядерной войны в мире осталось поменьше русских и американцев (не говоря уже о кубинцах) и побольше китайцев. Микоян совершенно верно прокомментировал китайскую позицию: много революционных клише и никакой практической помощи Кубе.

Че прямо сказал Микояну, что в Москве недостаточно понимают психологию кубинского революционного процесса (это одна из двух слабых сторон советской линии), и привел слова Фиделя: «США хотели уничтожить нас физически, но Советский Союз... уничтожил нас юридически». Микоян не согласился: СССР как раз, напротив, предотвратил вторжение на Кубу и уничтожение кубинской рево-

люции. Че ответил: «До определенной степени вы правы. Вы оскорбили наши чувства, предварительно не проконсультировавшись с нами. Но главная опасность заключается во второй слабой стороне советской политики. Дело в том, что вы признали право США нарушать международное право. Этим вашей политике нанесен большой ущерб. Этот факт нас очень волнует...»

С формально-юридической точки зрения Че был, бесспорно, прав, и это немедленно признал Микоян. Москва и Гавана размещением ракет на Кубе не нарушили ни одной нормы международного права, в то время как американский «карантин» был актом неприкрытого пиратства. Но какой была альтернатива? Ядерная война с практически гарантированным уничтожением Кубы и возможным поражением СССР ввиду вопиющего неравенства сил в стратегических ядерных средствах. Микоян вспомнил Бухарина, который был возмущен, когда Ленин настаивал на заключении позорного для России Брестского мира. Бухарин тогда предлагал лучше героически погибнуть в революционной войне против Германии. Но Ленин хотел сохранить революцию и был против того, чтобы бездумно жертвовать ею.

Микоян призвал кубинцев усвоить этот урок Ленина. Он сказал Че, что СССР всегда будет вместе с Кубой. «До последнего дня?» — спросил Че. «Да, пусть умрут наши враги. А мы должны жить и жить», — ответил Микоян.

4 ноября 1962 года через дипломатическое представительство Швейцарии на Кубе американцам было передано тело погибшего пилота У-2. 5 ноября первые советские суда с ракетами и боеголовками стали покидать Кубу. Пять судов были проинспектированы в открытом море американцами. 12 ноября Хрущев сообщил Кеннеди, что на Кубе не осталось ядерного оружия.

Убедившись, что Советский Союз вывел ракеты, президент Кеннеди 20 ноября отдал приказ прекратить блокаду Кубы. Еще 19 ноября была прекращена воздушная разведка американцев над Кубой на низких высотах, но полеты высотных У-2 продолжались.

В целом Карибский кризис завершился полной победой Кубы и СССР. Фактически уже отработанное и подготовленное вторжение американских войск на Кубу было сорвано, и кубинская революция отныне могла развиваться, не опасаясь за свое будущее.

Глава шестая

МЕНЕДЖЕР. КУБА (1961—1965)

Социализм — не благотворительное общество, не утопический строй, основанный на доброте человека как такового.

Эрнесто Гевара

В феврале 1961 года на Кубе было объявлено об образовании министерства промышленности (транслитерация испанской аббревиатуры — МИНИНД*), и первым министром был назначен Эрнесто Гевара. На самом деле слово «промышленность» в названии министерства было дано во множественном числе (*Industrias*), и таким образом Че стал фактически министром всей кубинской экономики за исключением сельского хозяйства**, внутренней и внешней торговли.

Министерство было учреждено на базе Департамента промышленности ИНРА, который Че возглавлял, совмещая эту работу с руководством Национальным банком Кубы. Фактическим первым заместителем Че в стадии становления министерства был Орландо Боррего.

Боррего родился в 1936 году на востоке Кубы в крестьянской семье (для Че это было важно) и начал работать с четырнадцати лет, одновременно изучая в вечерней школе бухгалтерский учет. Когда в Сьерра-Маэстре развернулась партизанская война, Боррего присоединился к «Движению 26 июля». В ноябре 1958 года он стал бойцом колонны имени Сиро Редондо, которой командовал Че. Там Орландо впервые занялся практической экономикой — Че назначил его казначеем колонны. Еще тогда, в горах Эскамбрай Че, Боррего, Альфредо Менендес и Мигель Анхель Дюке де Эстрада образовали неформальный кружок и оживленно (и теоретически глубоко) обсуждали будущие реформы кубинского народного хозяйства.

---

* *Ministerio de Industrias.*

** Сахарная промышленность до 1964 года находилась в ведении Че.

После победы революции* все эти люди стали работать под руководством Че в Департаменте промышленности ИНРА. Формальное высшее экономическое образование Боррего получил в Гаванском университете в 1973 году, а докторскую степень — в Москве в 1980 году. Менендес сопровождал Че в его первом зарубежном визите в развивающиеся страны в 1959 году.

Уже тогда Че интересовали не только вопросы конкретного торгово-экономического сотрудничества (типа сбыта кубинского сахара). Он внимательно изучал модели экономик разных стран, особенно Югославии. Ведь югославы, считаясь социалистической страной, всегда подчеркивали свою «особость» именно в сфере экономики.

Если в СССР всеми средствами производства владело государство, то в Югославии официально царил так называемый самоуправленческий социализм. Собственниками заводов были трудовые коллективы, управлявшие своими фабриками фактически на рыночных основах.

Че никогда не рассматривал югославскую модель как образец для Кубы, хотя и к советской модели того времени относился довольно критически.

Дело в том, что югославская система хозрасчета (а фактически рыночного хозяйства) начала постепенно внедряться и в СССР при Хрущеве, начиная с 1957 года. До передачи собственности трудовым коллективам дело не дошло, но отраслевые министерства (управлявшие от имени государства отдельными отраслями промышленности) были упразднены, и контроль за ними был отдан на места — советам народного хозяйства (совнархозам). По мнению инициаторов реформы, главным преимуществом территориальной системы управления было приближение руководства промышленностью и строительством к низовым звеньям экономической системы — предприятиям и объединениям. Также предполагалось, что совнархозы, будучи не связаны ведомственными барьерами, обеспечат комплексный подход к развитию территорий, что имело немаловажное значение, особенно для отдаленных от центра, экономически неразвитых регионов.

Но реформа Хрущева крайне обострила проблему местничества. Области старались выбить из центра как можно больше ресурсов под менее напряженные планы, мало

---

* Орландо Боррего закончил войну в звании первого (старшего) лейтенанта Повстанческой армии.

отличаясь в этом отношении от своих предшественников — центральных министерств. Кроме того, оказалось, что руководству областей было гораздо важнее выполнение заданий, предполагавших внутриобластные поставки, которые вели к более высоким темпам роста на «своей территории», чем соблюдение плановых обязательств перед другими областями. Нередко областные руководители прямо нарушали государственные планы, перераспределяя ресурсы в пользу «своих» предприятий. Это негативно сказывалось на развитии соседних регионов и вело к снижению темпов роста по стране в целом. Как признавал на заседании президиума ЦК КПСС в 1963 году председатель Госплана Петр Ломако, «объем незавершенного строительства по сравнению с 1958 годом увеличился на 53 процента», что свидетельствовало о нарастании нерационального использования ресурсов[298].

Позднее (уже на рубеже 1960-х годов) от совнархозов постепенно отказались, хотя эксперименты с рыночными рычагами управления экономикой продолжались до конца 1960-х годов.

9 сентября 1962 года в главной советской газете «Правда» появилась статья Евсея Либермана* «План, прибыль, премия», которую внимательно изучал и Че. Статья положила начало общесоюзной экономической дискуссии в прессе и ряду экономических экспериментов, подтвердивших эффективность предложенных мероприятий. В западной прессе и советологии концепция реформ получила название «либерманизм».

Фактически Либерман и его многочисленные сторонники (в том числе и в министерствах, и даже в Госплане СССР) считали, что усложнение советской экономики делает директивное планирование из центра неэффективным (так же считал и Хрущев, когда вводил совнархозы). Ведь в 1966 году промышленность СССР включала более трехсот отраслей, 47 тысяч предприятий, 12,8 тысячи первичных строительных организаций. Малейшая ошибка или просто несостыковка в плановых показателях оборачивалась проблемой для многих отраслей по всей стране.

Если суммировать предложенную Либерманом реформу, которую в СССР стали активно осуществлять начиная

---

* Евсей Григорьевич Либерман фактически возглавлял тогда научно-исследовательскую лабораторию экономики и планирования машиностроительного производства Харьковского совета народного хозяйства при Харьковском инженерно-экономическом институте.

с 1965 года (поэтому ее назвали «косыгинской»*), то она сводилась к резкому сокращению директивных плановых показателей (с тридцати до девяти) и росту экономической самостоятельности предприятий, которые отныне были обязаны самостоятельно определять детальную номенклатуру и ассортимент продукции, за счет собственных средств осуществлять инвестиции в производство, устанавливать долговременные договорные связи с поставщиками и потребителями, определять численность персонала, размеры его материального поощрения. За невыполнение договорных обязательств предприятия подвергались финансовым (а не административным, как ранее) санкциям.

Если раньше для советского предприятия было важно выполнить план по *физическому* производству определенной продукции, то теперь главным мерилом эффективности работы становились типично капиталистические *финансовые* показатели — прибыль и рентабельность. Логическим последствием реформы Косыгина — Либермана поэтому должно было быть освобождение цен, которые до той поры устанавливались только государством. Иначе как же можно было бороться за прибыль, если ты сам не определяешь цену реализации собственной продукции?

Таким образом, и именно так и думал Че, доведение до конца реформы Либермана означало бы реставрацию капитализма в СССР.

Если СССР экспериментировал в начале 1960-х годов с рыночными методами, то в КНР это резко критиковали и на всех парах двигались прямо к коммунизму.

В 1958 году Мао провозгласил «большой скачок». Его сторонник Лю Шаоци, который выступал с докладом на 2-й сессии VIII съезда КПК, заявил: «Темпы экономического развития Китая будут не медленными, а, возможно, довольно высокими, Китай добьется расцвета, возможно, в считаные дни»[299]. Сущность «большого скачка» заключалась в том, что серьезную отсталость в средствах производства китайские коммунисты попытались компенсировать не путем использования финансовых рычагов и конкуренции (как в СССР при Хрущеве), а за счет трудового энтузиазма масс. Это казалось гораздо более «коммунистическим»

---

* Алексей Николаевич Косыгин стал председателем Совета министров СССР в октябре 1964 года после отстранения от власти Хрущева.

принципом, чем апеллирование к капиталистическим рыночным рычагам.

В 1958—1962 годах предусматривалось резкое ускорение темпов экономического развития КНР. Предполагалось увеличить выпуск промышленной продукции в 6,5 раза, сельскохозяйственной в 2,5 раза, причем среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45 процентов, а в сельскохозяйственном производстве — 20 процентов. Выплавку стали предполагалось увеличить в десять раз, с первоначально намечавшихся примерно 10 миллионов тонн до 100 миллионов тонн.

Так как Китай был тогда преимущественно сельскохозяйственной страной, то коммунизм стали вводить прежде всего в деревне. Курс на создание народных коммун был намечен в августе 1958 года на расширенном заседании политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ.

Народная коммуна представляла собой более высокую степень обобществления на селе, чем, например, советский колхоз. В собственность коммуны переходили приусадебные участки и средства производства, оставшиеся в личной собственности крестьян. Мао говорил: «Приусадебные участки ликвидируются. Куры, утки, деревья возле домов пока остаются в собственности крестьян. В дальнейшем и это будет обобществлено... Надо продумать вопрос об отказе от системы денежного жалованья и восстановлении системы бесплатного снабжения».

Другой особенностью народной коммуны было то, что в нее сливались несколько сельскохозяйственных кооперативов, и коммуна превращалась также в самоуправляемый орган, обладающий полнотой власти не только в области хозяйства, но и в административной сфере. Таким образом китайцы, в пику СССР, боролись с бюрократизмом.

В ходе создания коммун была предпринята попытка перейти к бесплатному снабжению членов коммуны продуктами питания, как при коммунизме. Так, во «Временном уставе народной коммуны “Спутник”» было записано: «Любой член коммуны, какой бы рабочей силой ни располагала его семья, бесплатно снабжается зерновыми продуктами».

Народные коммуны пытались сочетать сельское хозяйство с промышленностью. Однако в условиях неразвитости производительных сил это в основном свелось к организации «маленьких доменных печей», большинство

из которых давали сталь плохого качества, непригодную для промышленного использования. Большая часть такой стали пошла на нужды самих коммун: из нее делали плуги, мотыги и т. п.

Во время визита Че в КНР ему показали «потемкинские» народные коммуны, и кубинскому гостю они понравились. Че не знал, что в некоторых коммунах люди едят уже не только траву и кору деревьев, но и землю. Многие молодые девушки в коммунах не могли выйти на улицу, так как им нечего было надеть. В то же время голодные люди должны были по велению Мао убивать воробьев, чтобы повысить таким образом урожайность зерновых. Китайские газеты восторженно писали о подвиге командира взвода Народно-освободительной армии (НОАК) Китая Ван Шухуа, убившего бамбуковым шестом сразу четырех воробьев[300].

Когда бедных птиц перебили, расплодились вредные для посевов насекомые, и Мао обратился к Хрущеву с просьбой срочно поставить в КНР... советских воробьев. Весь этот бред именовался «кампанией борьбы против четырех зол» — крыс, комаров, мух и воробьев.

Всего в годы «большого скачка», по разным данным, от голода и лишений погибли от 20 до 40 миллионов человек. Обезумевшие от голода крестьяне скандировали маоистский лозунг: «Два года напряженного труда — десять тысяч лет счастья!»

Правда, к моменту, когда Че стал министром промышленности Кубы и выбирал для страны модель экономического развития, «коммунистический» «большой скачок» в Китае уже позорно провалился и официально сменился периодом «исправления положения» (1961—1966). Мао едва удержался у власти.

Большую помощь в становлении структуры министерства промышленности Кубы оказали советские и чехословацкие советники, хотя Че и не во всем с ними соглашался. И прежде всего относительно самого главного вопроса: какой должна быть экономическая модель Кубы при ее движении к социализму.

Че глубоко занимался этим вопросом еще задолго до того, как стал министром и даже до своего прибытия на Кубу на яхте «Гранма» в 1956 году. И его главным заочным оппонентом был... Сталин, которого Че считал одним из самых выдающихся теоретиков мирового коммунистического движения и ставил в один ряд с Марксом и Лениным.

В 1951 году в СССР развернулась широкая научная дискуссия относительно нового учебника политической экономии, в котором фактически и фиксировались основные теоретические принципы советской экономики.

Итог дискуссии подвел Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952). В этом труде Сталин показал себя «рыночником» (каковым он, кстати, был и в годы нэпа), решительно отвергнув субъективизм в экономике: «Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут "сформировать" новые законы, "создать" новые законы. Эти товарищи глубоко ошибаются»[301].

Этот тезис означал на практике смертный приговор командной экономике.

Какой же *объективный* закон экономики Сталин считал главным? Закон стоимости — и именно с этим был категорически не согласен Че.

Он, как и противники Сталина в дискуссии 1951—1952 годов, полагал, что при социализме не может быть товарных отношений, так как нет *разных* собственников. А если произведенная продукция переходит (например, для дальнейшей обработки) другому социалистическому предприятию, то это не *сбыт товаров*, а просто поставка продукции. Отсюда следовал вывод, что цены на продукцию при социализме могут быть по своему усмотрению установлены единым собственником — государством — и не обязательно должны отражать стоимость произведенной продукции. А значит, закон стоимости, согласно которому, по Марксу, цена товара определяется стоимостью затраченного на него труда, при социализме не действует. Ведь этот закон сформулирован Марксом только для капитализма, где существуют независимые и конкурирующие друг с другом частные товаропроизводители.

Сталин вроде бы соглашался с тем, что экономические законы не вечны и могут меняться: «Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы, в от-

личие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере, большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам. Но они, эти законы, не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий».

Но дальше следовал тезис, который и был главным противоречием в заочной дискуссии Сталина с Эрнесто Геварой: «Ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и "сформировать" новые. Это так же неверно... Говорят, что необходимость планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства нашей страны дает возможность советской власти уничтожить существующие и создать новые экономические законы. Это совершенно неверно. Нельзя смешивать наши годовые и пятилетние планы с объективным экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства».

Сталин в отличие от Че считал, что при социализме сохраняется именно *товарное* производство: «Некоторые товарищи утверждают, что партия поступила неправильно, сохранив товарное производство после того, как она взяла власть и национализировала средства производства в нашей стране. Они считают, что партия должна была тогда же устранить товарное производство».

Сталин отмечал (и это было крайне важно именно для Кубы), что сохранение товарного производства необходимо в тех странах, где социализм победил в условиях недостаточно развитой экономики с большим количеством мелких и средних производителей, обобществлять мизерную и технически отсталую собственность которых нет никакого экономического смысла. Именно такими странами была Россия 1917 года и Куба 1959-го.

А как поддерживать экономические взаимоотношения между мелкими частными производителями и социалистическими предприятиями? Только с помощью товарного производства, аргументировал Сталин. Китайцы решили вопрос по-другому — просто обобществили все мелкие крестьянские хозяйства, что привело всю китайскую экономику на грань полного краха. Заметим, что советские колхо-

зы, в отличие от китайских коммун, даже после массовой коллективизации были юридически самостоятельными негосударственными кооперативами и работали именно в расчете на прибыль.

Но Сталин шел дальше и спрашивал: отомрет ли товарное производство при социализме при полном обобществлении средств производства? И сам же отвечал на этот вопрос, который был ключевым в его заочной дискуссии с Че: «Говорят, что после того, как установилось в нашей стране господство общественной собственности на средства производства, а система наемного труда и эксплуатация ликвидирована, существование товарного производства потеряло смысл, что следовало бы ввиду этого устранить товарное производство. Это также неверно». Сталин мотивировал этот вывод тем, что в СССР помимо государственной собственности существует негосударственная, а именно — колхозная.

Но что будет, если государственными станут колхозы, превратившись, например, в совхозы? Тогда, утверждал Сталин, необходимости в товарном производстве уже не будет: «Конечно, когда вместо двух основных производственных секторов, государственного и колхозного, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжения всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его "денежным хозяйством" исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства».

Под этим выводом Сталина Че мог подписаться с чистой совестью.

Таким образом, Че думал, что, быстро национализировав всю кубинскую промышленность и превратив сельскохозяйственные кооперативы в государственные хозяйства, на Кубе можно ликвидировать товарное производство и закон стоимости, на котором оно основывалось.

А значит, югославские и хрущевские реформы с возвратом товарного производства и финансовых показателей означали, по мнению Че, отход от социализма в сторону капитализма. Китайский опыт с форсированным обобществлением был ему в этом смысле ближе.

В любом случае стоит подчеркнуть, что Че Гевара был не «комиссаром в пыльном шлеме», ничего не смыслящим в экономике (а такой штамп весьма распространен). На тот момент он являлся одним из самых теоретически образованных министров экономики в мире. Причем разбирался

не только в капиталистической экономике (читая и перечитывая Маркса и Кейнса), но и в различных моделях экономики социалистической (КНР, Югославия, СССР). Заметим, что социалистические модели он изучал еще и на практике во время зарубежных визитов. Всем протокольным мероприятиям Че предпочитал поездки на фабрики и беседы с управленцами и рабочими.

К тому же Че, как любой умный человек, постоянно учился. У него в министерстве функционировал кружок прикладной марксистской теории, и министр на равных участвовал в жарких дискуссиях, не боясь перед лицом подчиненных признать свою неправоту в том или ином вопросе. Внимательно (учась как по книгам, так и у специалистов) Че штудировал бухгалтерский учет и совершенно новое тогда направление экономической теории — математическое моделирование в экономике. Каждую свободную минуту он, как всегда, уделял книгам.

В августе 1960 года на Кубу приехал известный в то время французский экономист-аграрник Рене Дюмон. Он рекомендовал Че (который всегда внимательно и уважительно выслушивал любые мнения, даже те, с которыми был не согласен) ввести рыночный механизм управления в госсекторе с опорой на прибыль предприятий и материальные стимулы для работников.

Но Че от «либерманизма» категорически отказался.

Тем более что, в отличие от Китая, экономический смысл в обобществлении кубинского сельского хозяйства (промышленность тогда еще была в частных руках) был. Основой кубинской аграрной экономики были плантации сахарного тростника, которые уже сами по себе предполагали большое, а не мелкое крестьянское хозяйство (каковым оно было в 1917 году в России и в 1957 году в Китае). Когда в 1959—1960 годах латифундии, принадлежавшие местным олигархам и американским компаниям, были национализированы, стало ясно, что нет смысла делить большие плантации на мелкие участки и передавать крестьянам. Ведь крестьяне стали бы выращивать отнюдь не тростник, а необходимые им самим продукты, например бобы. А это означало, что Куба лишилась бы 80 процентов экспортной выручки.

Кстати, то же самое касалось плантаций риса — основного продукта питания кубинцев: делить эти плантации на мелкие участки не имело никакого агротехнического и экономического смысла.

Поэтому после аграрной реформы 1959 года собственность на землю осталась за государством, а на когда-то частных плантациях тростника возникли кооперативы (то есть с точки зрения собственности — советские колхозы). Таким образом, на Кубе, в отличие от СССР, коллективизация сельского хозяйства предшествовала национализации промышленности.

12 января 1961 года по декрету ИНРА появились кубинские совхозы — «народные фермы» (*granjas del pueblo* — животноводство), «сахарные фермы» (выращивали сахарный тростник, появились в августе 1962 года) и государственные хозяйства (*fincas estatales*). Таким образом, с точки зрения Че, после национализации промышленности в конце 1960 года и создания госхозов на селе необходимость в товарном производстве практически отпала.

Итак, Че пришел на пост министра с давно сформулированными и многократно проверенными в теоретических дискуссиях с соратниками взглядами на теоретические основы новой кубинской экономики.

Еще будучи директором Национального банка*, Че проявил себя с самой лучшей стороны как талантливый администратор. Он не стеснялся опираться на опыт профессионалов, даже если они открыто говорили, что не разделяют идеалов революции.

Че быстро и эффективно навел порядок в стоявшей на краю пропасти кубинской финансовой системе.

К моменту бегства из страны Батисты валютные резервы Кубы сократились на 79,4 процента по сравнению с 1952 годом — с 534 до 111 миллионов долларов. Во время революции Батиста и его клевреты прихватили с собой в эмиграцию еще несколько десятков миллионов долларов. Национальный банк Кубы был в начале 1959 года техническим банкротом, так как его резервы не покрывали предписанных по закону 25 процентов его иностранных обязательств. Че вспоминал: «Когда мы взяли власть, Батиста украл все, что мог, все деньги, все резервы страны. У нас не было капитала... национальные резервы оказались разворованными»[302].

Государственный долг Кубы на 1 января 1959 года составлял фантастически огромную сумму —1,24 миллиарда

---

* Че Гевара фактически руководил Нацбанком с 29 ноября 1959 года до своего отъезда с визитом в социалистические страны в октябре 1960 года.

песо (тогда один песо был равен доллару). Причем его «накопил» Батиста — в 1952 году задолженность не превышала 177 миллионов песо. У государства активно «занимали» и сам диктатор, и его приближенные, после чего деньги обычно переправлялись в Майами. Эти средства могли в любой момент вернуться и ввергнуть Кубу в гиперинфляцию, так как были ничем не обеспечены.

Надо было действовать — и действовать быстро.

В апреле 1959 года из обращения были изъяты банкноты в 1000 и 500 песо, которые обычно были на руках у очень богатых людей. И эти люди (как правило, связанные с диктатурой) страстно желали поскорее обменять их на доллары и вывезти из страны. В сентябре того же года спекуляция валютой была объявлена на Кубе уголовным преступлением.

Однако до назначения Че президентом Нацбанка все эти меры осуществлялись недостаточно жестко.

Когда Че предложил экономисту Сальвадору Вильеке занять пост своего заместителя в Национальном банке, тот не на шутку испугался и ответил: «Я ничего не знаю о банках». Че только улыбнулся: «И я тоже, но я президент. Если революция назначает тебя на какой-нибудь пост, не остается ничего другого, как соглашаться, начинать учиться и работать как следует»[303].

Из банка уволились и эмигрировали все топ-менеджеры*, в то время как рядовые сотрудники симпатизировали революции. Им сразу понравился Че, подкупив взвешенностью принятия решений, методичностью и хорошей организацией рабочего процесса. При этом Че в одном из выступлений извинился перед сотрудниками за свой язык — часто гораздо более пламенный, чем подобает финансисту.

За 11 месяцев он смог остановить бегство капитала через фиктивный импорт, введя лицензирование выдачи валют для всех внешнеторговых операций и частных поездок за рубеж. Импорт предметов роскоши был, таким образом, фактически приостановлен.

В апреле 1960 года для осуществления лицензирования во внешней торговле был учрежден специальный Банк внешней торговли, который тоже находился под контролем Че как президента Нацбанка. Уже через пару месяцев Че

---

* В управлении контроля Нацбанка из сорока служащих осталось пятеро.

дал указание новому банку осуществить в больших количествах импорт необходимых для функционирования кубинской экономики товаров — Че предвидел американскую блокаду, объявленную в октябре 1960 года.

17 сентября 1960 года в ответ на отмену США квоты на закупку кубинского сахара на Кубе были национализированы три американских банка и их филиалы — под управление Нацбанка, таким образом, перешли активы в размере 249 миллионов песо.

Кубинские золотовалютные резервы были вовремя (еще до американской блокады) выведены из США. Первым вопросом, который Че задал в Национальном банке, был вопрос о месте хранения кубинских золотовалютных резервов. Когда он узнал, что золото хранится в США (Форт-Нокс), последовало немедленное распоряжение его продать, обратить в свободно конвертируемую валюту и разместить в канадских и швейцарских банках.

Куба приостановила сотрудничество с МВФ и МБРР, так как под давлением США эти организации прекратили кредитование кубинской экономики. В октябре 1960 года была национализирована вся банковская система — 55 банков (в том числе шесть иностранных, на которые, однако, приходилось 32 процента всего банковского капитала и резервов и 32,5 процента наличности).

С 1881 года кубинский песо был жестко привязан к доллару, причем до 1915 года на Кубе даже не чеканились собственные монеты. Да и потом они чеканились в Филадельфии, и американцы продолжали производить некоторые кубинские монеты до начала 1961 года. В 1960 году песо «отвязали» от доллара, тем более что главным внешнеторговым партнером Кубы стал Советский Союз, а доллар в советско-кубинской торговле никак не использовался.

С февраля 1961 года Национальный банк взял на себя, помимо печатания денег, еще и функции инвестиционного и сберегательного банка, увеличив свой капитал до 100 миллионов песо. Филиалы Нацбанка были организованы по всей стране.

В августе 1961 года на Кубе была осуществлена денежная реформа, полностью спланированная Че.

С декабря 1958-го по август 1961 года количество денег в обращении выросло на Кубе в три раза. Однако цены при этом увеличились всего на 6 процентов. Это означало, что огромные суммы припрятаны на руках, и явно не у рабочих и крестьян. Копили деньги в основном те, кто собирался

покинуть Кубу и менял песо на доллары на черном рынке. В любой момент эти деньги могли быть выброшены на рынок и спровоцировали бы гиперинфляцию. Необходимо было срочно изъять из циркуляции излишки денежной массы.

Как уже упоминалось, Че заказал новые банкноты и монеты в Чехословакии еще в 1960 году. Ни американская разведка, ни кубинские валютные спекулянты так ничего об этом не узнали. Полученные из ЧССР новые деньги были доставлены на военные склады и выгружены под видом закупленного оружия.

С 4 по 8 августа 1961 года все кубинцы получили право обменять свои наличные деньги на новые в 3500 специально организованных центрах обмена. В каждом центре работали десять сотрудников, снабженных точными инструкциями. Все центры охраняли бойцы вооруженных сил и народной милиции.

200 песо каждый кубинец мог обменять на новые деньги немедленно. Остальные суммы были помещены на специальные банковские счета и могли быть сняты в будущем постепенно. Суммы, уже находившиеся на счетах, немедленно обменивались в размере до тысячи песо. Более крупные суммы размещались на депозитах под 3 процента годовых. Причем до 10 тысяч песо (громадная сумма для среднего кубинца) могли быть сняты по 100 песо ежемесячно. Все средства свыше 10 тысячи песо обмену не подлежали и фактически были экспроприированы. За счет этих средств Нацбанк снизил свой долг на 497 миллионов песо. Грозившая Кубе новая волна массового бегства капитала была успешно предотвращена.

С организационной точки зрения Че все организовал блестяще. Даже художник, разработавший эскизы новых банкнот, не имел понятия, что, собственно, он рисует. Ключевые сотрудники Нацбанка (которые были в курсе предстоящего обмена денег) не имели права покидать рабочее место в течение 72 часов перед реформой.

В ЦРУ узнали о денежной реформе из газет. 5 августа американская разведка с недоумением доложила президенту: «Все кубинские порты были закрыты, и всем самолетам был запрещен взлет, начиная с полуночи до последующего специального уведомления... Вся операция имеет признаки полного контроля над внутренней безопасностью, но мы пока ищем всему этому объяснение»[304].

Че и тогда, и позднее работал на износ — никто из подчиненных не мог упрекнуть его в том, что он требует от них того, чего не делает сам. Он почти не спал, но всегда был подтянутым и готовым к работе. Иногда, чтобы не уснуть, он читал документы стоя.

Сартр так вспоминал о своей встрече с министром промышленности: «Чтобы попасть в его (Че. — *Н. П.*) кабинет, мы прошли через просторную комнату без мебели, где вдоль стен стояли всего несколько стульев и скамеек. В одном углу был стол с телефоном. Военные на всех стульях падали от усталости. Это было ясно видно по тем, кто нес службу, но еще сильнее по остальным, которые спали, и даже во сне их мучило неудобное положение.

За столом у телефона я заметил молодого офицера повстанцев (то есть Повстанческой армии, которая позднее была переименована в Революционные вооруженные силы. — *Н. П.*). Его длинные черные волосы падали на плечи, кепи было надвинуто на лоб, глаза закрыты. Он мирно похрапывал, и его губы твердо сжимали конец большой, едва начатой сигары. Последним его сознательным действием было зажечь сигару, чтобы таким образом не дать себе уснуть.

Когда я проходил через это помещение... у меня было чувство, что я иду по вагону поезда перед рассветом... Я видел покрасневшие глаза, которые едва открывались, помятые, застывшие в странных позах тела, короче, ночное неудобство. Я не страдал от недосыпания, но, глядя на этих людей, чувствовал бремя тяжелых ночей.

Открылись двери, мы вошли — и это чувство исчезло. Меня ждал офицер в берете, с бледной кожей, венчиком усов и длинными волосами, как у военных в приемной. Однако его гладкое и доступное лицо, чисто выбритое, излучало утро. Это был Гевара.

Он что, только что из-под душа? А почему бы и нет? Но факт заключается в том, что вчера он начал работать с раннего утра, обедал и ужинал в своем кабинете, принимал посетителей и исходил из того, что после меня придут другие. Я услышал, как за мной закрылись двери и вместе с этим исчезли воспоминания об усталости и чувство времени. Ночь в этот кабинет явно не входит, и у этих людей, полностью бодрых и в наилучшей форме, сон не кажется прирожденной потребностью, а всего лишь навыком, от которого они почти избавились.

Я не знаю, когда отдыхают Гевара и его соратники. Думаю, что происходит это по-разному, в зависимости от их работы...

Представьте себе непрерывную работу в три смены, которой вот уже 14 месяцев занимается всего одна руководящая группа. Это идеал этих молодых людей, который почти достигнут: в 1960 году на Кубе все ночи напролет бодрствуют. Пока еще ночи отличаются от дней, но это всего лишь дань вежливости по отношению к зарубежным посетителям...

У этих молодых людей существует культ энергии, но энергии скромной, которую так любил Стендаль. Не думайте, что они говорят об этом, что делают из этого целую теорию: они просто живут этой энергией, используют ее, а может быть, и изобретают ее. Эту энергию можно выявить по результатам их работы, но они не обмолвятся о ней и словом. Их энергия проявляется *сама* (выделено Сартром. — *Н. П.*).

Геваре нужна энергия, чтобы его лицо и его кабинет и ночью и днем сохраняли утреннюю веселость. Всем эта энергия нужна для работы, но еще больше для того, чтобы устранить проявляющиеся следы работы недостатком сна. Они готовы говорить о своей нервозности, но не готовы проявлять ее. Их самоконтроль заходит так далеко, что они всегда выглядят как отдохнувшие. Они даже используют эту энергию, которая уже стала их второй натурой, для тирании над своим естеством.

Они делают все, что необходимо, больше, чем необходимо, и даже то, что не так необходимо. Я говорил, что они лишают себя сна, и это необходимо. С другой стороны, они бы не вынесли, и я это тоже понимаю, чтобы агрессия, если до нее дойдет, застала их в кровати.

...Почти повторяется изречение Паскаля: "Спать уже нельзя!" Уже никогда. Как будто бы сон покинул их, тоже эмигрировал в Майами. Я видел у них только потребность бдеть.

Задача выполнена, светает. Сделанная работа имеет свою прелесть, которая так подходит к рассвету. Они отказываются вернуться в свои жилища, задернуть шторы и искусственно вызвать тьму... и похоронить свою быстроту на несколько свободных часов в отупелости сна»[305].

На посту президента Национального банка Че на практике апробировал свою модель социалистической экономи-

ки, названную «бюджетной финансовой системой» (БФС). Без полной национализации банков она была бы неосуществима.

Возглавив Департамент промышленности ИНРА, Че разработал свое видение новой кубинской экономики, которое впоследствии оказалось частично ошибочным и было изменено им же самим.

Он хотел решительно уйти от монокультурности Кубы, сделать страну менее зависимой от производства всего одного продукта — сахара, цены на который были подвержены постоянным конъюнктурным колебаниям на мировом рынке. Хотя СССР полностью взял на себя былую американскую квоту и был готов закупать кубинский сахар на долгосрочной основе и по хорошим ценам, Че это на перспективу никак не устраивало. И не то чтобы он не доверял Москве — дело было совсем в другом. Эрнесто Гевара хотел сделать Кубу развитой самодостаточной страной, которая могла бы производить почти все товары, нужные ей. Таким образом, экономилась валюта и Куба становилась менее зависимой от мировых сырьевых рынков, где тогда полностью доминировали США.

То есть Че избрал стратегию импортозамещения и именно поэтому настоятельно просил Хрущева построить на Кубе мощный металлургический завод, ведь тогда на острове можно было бы производить станки и оборудование. Отметим, что в то время стратегию импортозамещения реализовывала Япония, и Че внимательно изучил японский опыт во время визита 1959 года.

Однако реализации стратегии полного (или почти полного) импортозамещения в конкретных кубинских условиях мешали два фактора, повлиять на которые Че никак не мог.

Во-первых, на Кубе абсолютно не было источников сырья для металлургии и машиностроения, равно как и ресурсов энергии. Получалось, что Кубе все равно приходилось бы закупать на внешних рынках большие объемы сырья и энергоносителей — а для этого надо было что-то продавать. То есть зависимость от внешнего рынка по сравнению с «сахарным» периодом только выросла бы. Но ведь такой же была ситуация и в островной Японии.

Однако (и это во-вторых) Япония имела от Кубы одно существенное отличие. Японцы покупали сырье и поставляли готовую продукцию на близкие к ним рынки Южной

Кореи, Тайваня и Юго-Восточной Азии. Американцы же организовали тотальную торгово-экономическую блокаду Кубы не только в Западном полушарии, но и в странах Запада в целом. Получалось, что единственным крупным рынком как для закупки сырья, так и для сбыта кубинской продукции был Советский Союз, отстоявший от Кубы на 11 тысяч километров. Но возить на такое расстояние, например, кокс для кубинской черной металлургии было сверхмерно затратным делом. И это и пытался объяснить Хрущев Че во время их первой встречи в Москве осенью 1960 года.

К тому же возникал вопрос: что, кроме сахара, могут поставлять кубинцы в СССР в больших количествах, чтобы в столь же крупных объемах закупать там сырье? Ведь в Советском Союзе были свои машины и оборудование. Конечно, со временем Куба (как и другие социалистические страны) получила бы в рамках мирового социалистического рынка свою промышленную специализацию. Стали же болгары производить электрокары, а венгры — автобусы «Икарус». Но с учетом географической удаленности Кубы от всех остальных стран соцлагеря (а значит, больших расходов на транспортировку) перевозить нужно было какие-нибудь дорогие наукоемкие товары типа лекарств или компьютеров. Только в этом случае любые транспортные расходы составили бы небольшую часть конечной стоимости.

Однако в отличие не только от изначально высокоразвитых ГДР и Чехословакии, но даже и от среднеразвитых Польши и Венгрии Куба в начале 1960-х годов не имела никакой обрабатывающей промышленности. А главное — напрочь отсутствовали инженерно-технические кадры и рабочие высокой квалификации, не говоря о фундаментальной науке. Таким образом, наладить любое сложное производство на острове можно было лишь через 8—10 лет. Но в этот период страна должна была поддерживать свою жизнедеятельность, причем в условиях жесткой блокады и экономической войны со стороны США.

Задача успешно совместить две эти цели была не из легких для любого управленца. В августе 1961 года Че решил сократить долю сахара в кубинском экспорте с 80 до 60 процентов. Эту идею считали абсолютно реальной большинство кубинских экспертов того времени[306]. К 1965 году, говорил тогда Че, Куба будет производить не только станки

и тракторы, но и легковые автомобили, причем с собственными двигателями*.

Поначалу производство сахара сокращалось планомерно — с 6,8 миллиона тонн в 1961 году до 4,8 — в 1962-м и до 3,8 — в 1963-м**.

Но, прежде чем приступить к осуществлению планов полной перестройки кубинской экономики на новых началах, некоторое время возглавляемое Че ведомство и он сам работали (и довольно успешно) в режиме пожарной команды — надо было срочно решать самые насущные проблемы так быстро национализированной кубинской промышленности. И делать это, повторимся, в тяжелейших условиях экономической войны со стороны США.

Поначалу Департамент промышленности ИНРА командовал всего тремя объектами — небольшой фабрикой по производству пластмассовых изделий***, заводиком по изготовлению керамической плитки (20 человек персонала)**** и устаревшим американским металлургическим предприятием «Америкэн стил». Последний завод уже несколько лет был закрыт.

На посту директора Департамента промышленности ИНРА Че провел закон, согласно которому 4 процента зарплаты рабочих передавалось в фонд грядущей индустриализации Кубы. Как обычно, сам Че шел впереди — и он, и его заместители перечислили в фонд индустриализации 50 процентов жалованья. Заметим, что по закону министры должны были отчислять лишь 10 процентов.

Когда в октябре—ноябре 1960 года была национализирована практически вся кубинская промышленность, с особой остротой встал вопрос, кто и как ею теперь будет руководить. 23 февраля 1961 года было основано министерство промышленности во главе с Эрнесто Геварой, который всегда был там, где страна сталкивалась с самыми сложными, как сейчас бы сказали, вызовами.

---

* В 1959 году на тысячу жителей Кубы (всего население страны составляло 6,9 миллиона человек) приходилось 39 автомобилей (в основном американского производства).

** В 1945 году Куба произвела 3,6 миллиона тонн сахара.

*** При Батисте владелец завода спонсировал НСП, и в 1959 году он сам предложил продать оказавшееся в трудном финансовом положении предприятие государству.

**** Принадлежал одному из приспешников Батисты, бежавшему в США.

В ведение только что учрежденного министерства одним махом перешло 83 процента всей промышленности. Только бухгалтерская стоимость активов национализированных на Кубе американских предприятий составила 800 миллионов долларов.

Как правило, все бывшие владельцы и топ-менеджеры национализированных предприятий отказывались сотрудничать с государством и в массовом порядке покидали Кубу в северном направлении. Многие предприятия оказались на грани закрытия, что грозило массовой безработицей.

Действовать пришлось быстро. Че позвонил своему заместителю Орландо Боррего и поручил найти 200 директоров для госпредприятий в течение нескольких дней, лучше завтра. Боррего был в отчаянии, но выход предложил не кто иной как Фидель. Ранним утром кубинский лидер приехал в одну из гимназий (где готовили учителей), разбудил учеников старших классов и предложил им стать директорами. Пятнадцати-двадцатилетние юноши от радости подбрасывали к потолку портфели. На машинке быстро напечатали список с фамилиями и уровнем достигнутого образования.

Весь процесс назначения директоров наблюдал Сартр, у которого от удивления глаза на лоб полезли. Французский философ лишь смог сказать: «Вы с ума сошли. Это же подростки!»

Конечно, это было временным, чрезвычайным решением. Многие из новых директоров вскоре были заменены квалифицированными кадрами. Но другие прижились и стали классными специалистами в своих отраслях — потому что Че учился сам и заставлял учиться всех руководящих работников своего министерства. Естественно, в нерабочее время. Он любил говорить, что надо учиться на марше.

При этом Че предпочитал назначать директорами инженеров и бухгалтеров — проблема была лишь в том, что таковых было мало.

Отошедшие государству промышленные предприятия были очень разными как по размеру, так и по финансовому состоянию — от мастерских до современных заводов (например, никелевые рудники) и от прибыльных до банкротов.

Первым делом Че организовал все предприятия определенного сектора в единую административную единицу. Сначала он хотел назвать их «трестами» (как в годы нэпа

в СССР), но потом все сошлись на термине «консолидированные предприятия» (*Empresas Consolidadas*) или просто «консолидадос». Например, было учреждено «консолидадо» «Сахар» или «консолидадо» «Цемент».

Такая централизация была преднамеренной и стратегически, и тактически. Стратегически Че видел в этом скорейший переход к социализму в рамках своей «бюджетной финансовой системы» руководства экономикой. Тактически централизация позволяла обойтись меньшим количеством квалифицированных управленцев, которых так не хватало.

Введенная в промышленности бюджетная финансовая система (БФС) работала следующим образом.

Все предприятия отраслевой группы теряли статус юридического лица. Например, у каждого «консолидадо» был единый банковский счет. Таким образом, деньги от прибыльных предприятий отрасли могли быть оперативно переданы финансово слабым. Предприятия не имели права брать кредиты или вступать в прямые хозяйственные связи без предварительного одобрения министерства промышленности. Министерство промышленности «спускало» «консолидадос» годовой план производства. Каждое «консолидадо» на основе этого плана составляло проект своего бюджета (отсюда название всей системы), включавший расходы, доходы и инвестиции в развитие производства. Бюджет утверждался министерством, которое и следило за его выполнением, равно как и за выполнением связанного с этим бюджетом производственного плана.

Таким образом, БФС была прямой антитезой советскому хозрасчету того времени, и именно так эту систему и задумывал Че. Финансовые стимулы (как возврат к капитализму) были исключены из БФС практически полностью.

Визит в СССР в 1960 году лишний раз убедил Че в правильности выбранного им пути. С его точки зрения, технический уровень производства и уровень бухгалтерского учета в Советском Союзе были крайне низкими, за исключением оборонной промышленности. Че был просто шокирован, увидев, как на одном из передовых советских предприятий бухгалтеры использовали счеты, а не уже привычные на Кубе калькуляторы. Он считал, что хозрасчет и прямые связи только усугубят эту отсталость советской промышленности, так как предоставленные сами себе предприятия будут производить не высокотехнологичные

(капиталоемкие) изделия, а то, что можно быстро и дорого продать.

Советские лидеры безуспешно пытались убедить кубинского гостя в том, что использование материальных стимулов необходимо для достижения резкого роста производства в кратчайшие сроки. Ведь удалось же с помощью рыночных рычагов во времена нэпа быстро восстановить страну и создать задел для индустриализации. А ведь только резкий рост производства приведет к такому же росту благосостояния, что и позволит претворить в жизнь главный принцип коммунизма «от каждого по способностям — каждому по потребностям».

То есть, в отличие от Че, Хрущев считал, что хозрасчет не только не является возвратом к капитализму, а напротив — шагом к коммунизму. Тем более что в начале 1960-х годов народное хозяйство СССР было уже таким сложным, что планировать его из единого центра было тяжело даже технически.

В сентябре 1961 года Че в своем министерстве организовал кружок изучения «Капитала» Маркса, где советская хозрасчетная система критиковалась весьма открыто как фактический возврат к капитализму. Прежде всего, Че нападал на закон стоимости, доказывая, что при социализме он не действует. Че решительно выступал против материальных стимулов, уповая только на моральные. В этом смысле Че критиковал советский учебник политэкономии 1954 года, появившийся как раз по итогам дискуссии с участием Сталина в 1951—1952 годах и являвшийся в то время своего рода каноническим описанием советской экономической модели.

Кружок собирался по четвергам в девять вечера, и жаркие дискуссии часто продолжались до раннего утра. Занятия вел присланный из СССР профессор политэкономии Анастасио Мансилья.

Че частенько критиковал экономическую модель СССР и на регулярных двухмесячных совещаниях, которые он ввел в своем министерстве. Тему для совещаний мог предложить любой директор «консолидадо» или сотрудник министерства. Че настаивал, чтобы по каждому пункту повестки дня принимались конкретные решения и назначалось лицо, контролировавшее претворение их в жизнь.

Сотрудники министерства поражались, как свободно Че критиковал на этих совещаниях Советский Союз —

ведь русские тогда во всем помогали Кубе и сам Че это с благодарностью признавал. Но министр считал, что братская дискуссия с друзьями не только возможна, но и необходима.

Че и его помощники часто говорили, что БФС была разработана на Кубе с учетом управленческого опыта американских компаний, работавших на острове. Че утверждал, что технологии (в том числе и управленческие) не имеют идеологии. Американские компании, с его точки зрения, имели гораздо более прогрессивную систему бухгалтерского учета и планирования текущей хозяйственной деятельности, чем советские предприятия. К тому же на Кубе эти компании представляли собой филиалы материнских американских компаний и поэтому должны были регулярно перед ними отчитываться. А значит, была разработана и апробирована на практике система текущих и итоговых показателей, которую можно было бы полностью перенять. Только на место американской материнской компании заступало кубинское министерство промышленности.

Наконец, и это было важно в «споре» с советской моделью хозрасчета, почти все крупные американские компании на Кубе привыкли работать не в условиях конкуренции, а при монополизме. Монополизм же, вслед за Лениным утверждал Че, является высшей формой капитализма, гораздо более приспособленной для социализма, чем мелкое рыночное хозяйство, которое де-факто якобы пытались воссоздать в СССР.

Когда еще до главной волны национализации на Кубе в собственность государства была переведена американская компания по выработке электроэнергии, Че лично изучил ее отчетность. Он отметил, что как только издержки этой компании росли или снижалась производительность, из США срочно выезжал специалист по бухгалтерскому учету, чтобы выявить и устранить слабое место. Особенно понравилась Че система автоматической передачи показателей от дочерней компании к материнской. Именно поэтому Эрнесто Гевара стал главным сторонником компьютеризации на Кубе, и первый компьютер был закуплен именно по его поручению.

Также Че резко расходился с советской управленческой практикой в оценке кибернетики. В СССР кибернетику считали лженаукой, а Че полагал, что с ее помощью можно наладить систему тотального контроля над работой предприятий из единого центра.

В то же время, полагал Че, слишком мелочная опека центра будет отмирать по мере развития сознательности рабочих и служащих. Они сами будут разрабатывать планы развития предприятия, а министерство лишь будет увязывать все эти планы с нуждами страны в целом, а затем предоставлять предприятиям ресурсы для выполнения этих планов. Повышать сознательность Че предполагал исключительно с помощью моральных стимулов. Материальные стимулы допускались лишь на первом этапе развития государственной экономики.

БФС отрабатывалась в деталях на заседаниях специально созданного Совета по управлению министерства промышленности, в котором под руководством Че работали в том числе и люди, ранее занимавшие должности менеджеров в американских компаниях на Кубе. Главное, считал Че, чтобы министерство в режиме реального времени получало текущую отчетность всех предприятий той или иной отраслевой группы для принятия оперативных решений для корректировки производства.

В министерстве появились департаменты, курировавшие те или иные «консолидадос». Они получали отчеты и предложения предприятий и со своими оценками передавали их курирующему заместителю министра (всего их было пятеро). Тот принимал решение либо сам, либо по согласованию с Че.

На февраль 1961 года в министерстве промышленности было сконцентрировано восемь отраслей и 40 «консолидадос», некоторые из них позднее были разделены на более специализированные. Пять заместителей министра курировали следующие группы отраслей или вопросов: основная (то есть сахарная, тяжелая и горнодобывающая промышленность), легкая промышленность, промышленное строительство, техническое развитие (например, инновации), экономика.

Каждое «консолидадо» возглавлял директор, а руководителя отдельного предприятия (входившего в «консолидадо») называли «администратором». Этот титул полностью отвечал теоретическим взглядам Че в том смысле, что отдельных предприятий как юридических лиц в БФС не существовало, а значит, не могло быть там и директоров (как, например, в СССР). Администратор лишь должен был четко выполнить поставленные перед ним сверху задачи.

План для «консолидадо» составлялся следующим образом. Жестко планировались издержки производства и

определялась конечная цена продукции. Разница между этими показателями составляла прибыль, зачислявшаяся на единый счет «консолидадос». Предприятия эту прибыль использовать не могли. Поощрялось снижение издержек производства по сравнению с плановыми. Сэкономленные таким образом средства частично использовались министерством для поощрения работников предприятий и для инвестиций. Таким образом, в БФС действительно применялась американская система *cost-cutting*, где главным показателем помимо физического объема продукции было сокращение издержек производства.

Че предполагал, что такая система приведет к росту производительности труда — ведь именно за счет этого можно было сократить издержки при жестко определенном заранее бюджетном финансировании и отсутствии прав на получение кредита.

Однако при капитализме материнская американская компания заранее фиксировала и конечную цену продукции компании-дочки. Снижение издержек было важно именно по отношению к этой конечной цене. А эта цена определялась стоимостью продукции и уровнем цен конкурентов. Но кто определял бы конечные цены на Кубе, если Че считал, что при социализме вообще нет товарных отношений, а закон стоимости не действует? Конкурентов тоже не было. У многих руководителей возникал большой соблазн установить цены так, чтобы «консолидадос» особо не напрягались.

Наконец, при капиталистической системе сокращение издержек помимо роста производительности труда очень часто достигалось сокращением заработной платы или сокращением числа работников. Для социализма, при котором декларировалось отсутствие безработицы, этот метод был очень нежелательным по моральным и политическим соображениям.

Че, конечно, все это понимал и внимательно изучал данную проблему. Например, он страстно желал механизировать уборку сахарного тростника (такого опыта на тот момент не было ни в одной стране мира), но понимал, что это приведет к массовой безработице среди рубщиков тростника (мачетерос). Выбор был таким — либо ждать создания других отраслей промышленности и направить освободившуюся рабочую силу туда, либо финансировать безработных. Че избрал второй путь (не отрицая при этом

и первый — просто тот требовал времени) — высвобождавшиеся в результате механизации производства во всех отраслях работники получали половину заработной платы, если соглашались учиться на курсах переквалификации.

Помимо автоматизации и механизации Че при снижении издержек уповал на добровольный и неоплачиваемый труд работников в выходные или в нерабочее время. Пример подавал как обычно сам министр — он то укладывал кирпичи на строительстве школы, то рубил тростник. Хотя все это было делом добровольным, предполагалось, что все руководящие сотрудники министерства должны это делать.

Кроме чисто экономических мотивов Че считал добровольный труд очень важным политически и морально. Ведь он повышал сознательность, а сознательность была опорой всей БФС с учетом отсутствия в системе материальных стимулов.

По размерам «консолидадос» были очень разными. Например, «консолидадо» нефтяной промышленности состоял всего из трех заводов, а «консолидадо» «Мука» — из сотен небольших пекарен. В самом большом «консолидадо» «Сахар» было занято более 200 тысяч человек. В 1964 году для сахарной промышленности было создано отдельное министерство, которое возглавил первый заместитель Че в министерстве промышленности Боррего. В 1967 году (Че уже как два года не руководил кубинской экономикой) министерство промышленности по советскому образцу было разделено на отраслевые министерства* — сахарной, легкой, пищевой промышленности, электроэнергетики и основной промышленности.

Надо сказать, что БФС с ее жестким и централизованным администрированием пришлась по вкусу не всем руководителям кубинской экономики. Многие (в том числе и министры) выступали за советский опыт хозрасчета, предусматривавший значительную финансовую автономию предприятий. Поэтому период 1963—1965 годов получил на Кубе наименование «большой дискуссии».

Че утверждал, что если перенести советский хозрасчет с одного конкретного предприятия на все общество, то возникнет экономическая анархия, которая приведет к реставрации капитализма. Фактически так и случилось в Советском

---

* В 1965 году после отставки Хрущева в СССР были окончательно ликвидированы совнархозы и воссозданы отраслевые министерства.

Союзе в 1988—1991 годах. Эксперименты же 1960-х годов с хозрасчетом были фактически свернуты в СССР в 1969 году, после того как в Москве увидели, к чему привел хозрасчет в Чехословакии*.

Че открыто говорил, что, введя хозрасчет, в СССР забыли Маркса.

Помимо министерства промышленности БФС до 1965 года использовалась в министерстве сахарной промышленности (отпочковавшемся от МИНИНДа) и министерстве транспорта. Но, например, в министерстве внешней торговли исповедовали хозрасчет.

На Кубе в то время хозрасчет назывался самофинансированием и был фактически полной противоположностью БФС. При самофинансировании каждое предприятие было юридическим лицом и самостоятельно распоряжалось своими финансами. Оно имело счет в банке и могло получить кредит. Главным рычагом роста производительности труда являлись материальные стимулы. Основным критерием успешности была финансовая рентабельность, то есть прибыль (при БФС — снижение издержек).

Что касается цен, то при самофинансировании они определялись уровнем спроса и законом стоимости. При БФС все импортированные сырьевые товары имели фиксированную цену, основанную на цене мирового рынка. На основании этих цен и издержек производства устанавливалась цена на продукт кубинского предприятия. В идеале эта цена должна была также соответствовать ценам на аналогичную продукцию на мировом рынке, чтобы кубинские изделия были конкурентоспособными и могли экспортироваться не только в соцлагерь, но и на Запад.

Главным оппонентом Че и сторонником самофинансирования был лидер НСП Карлос Рафаэль Родригес. Он опирался на мнение советских и чехословацких советников, помогавших налаживать новую систему управления кубинской экономикой. За хозрасчет выступали и кубинские специалисты, прошедшие обучение в социалистических странах.

Собственно, для кубинской общественности все дебаты «большой дискуссии» выражались в форме статей, которые Че и Карлос Рафаэль Родригес публиковали в различных изданиях.

---

* Формально принцип хозрасчета был все же закреплен в Советской конституции 1977 года.

В основном они ломали копья вокруг закона стоимости при социализме. Родригес (как и Сталин в 1952 году) считал, что он сохраняет свое действие, по крайней мере в переходный период от капитализма к социализму. Че полагал, что социалистическое государство как единая фабрика может сделать стоимость (и цену) любой.

В июне 1963 года Че так выражал свою точку зрения: «Советский Союз, первым построивший социализм, и те страны, что пошли за ним, приняли решение ввести планирование народного хозяйства, измеряемое крупными экономическими категориями в их стоимостном выражении, оставив отношения между предприятиями в рамках более или менее свободной игры цен. Таким образом, сложился так называемый хозяйственный расчет — термин, представляющий собой плохой перевод с русского. На испанском он мог бы быть выражен через понятие самофинансирования предприятий, или более правильно, как финансовая самостоятельность...

В нашей экономической практике мы в первый момент начали процесс централизации всей финансовой деятельности предприятия — централизации, позволившей нам разрешить существенные проблемы определенного периода. Со временем мы стали думать о том, что имеется возможность развития нового механизма контроля, более централизованного, не в большей мере бюрократического, чем используемый, а в определенных условиях и более эффективного для промышленных предприятий.

Эта система основывается главным образом на идее применения в маленькой стране достижений, существующих в области общего учета на капиталистических предприятиях. Хорошая связь, не только наземная, но и телефонная и беспроводная (Че намекал на компьютеры. — *Н. П.*), создает условия для постоянного, в системе реального времени контроля за этой системой.

В нашей системе бюджетного финансирования банк предоставляет предприятиям денежные суммы, ассигнованные бюджетом, но без процента, так как в этих операциях отсутствуют кредитные отношения...

Переход продукции от одного предприятия к другому, принадлежащему тому же — или иному — министерству, должен рассматриваться лишь как часть производственного процесса, который увеличивает стоимость продукции. Банк как простейшая счетная касса регистрирует ее

продвижение. Предприятие не имеет собственных фондов, поэтому все доходы возвращаются в государственный бюджет.

...Мы считаем, что основным элементом, который позволит руководству предприятия, объединения («консолидадо». — *Н. П.*) или... министерства как непосредственно, так и в общих чертах наблюдать за работой производственной единицы, является себестоимость продукции. Мы настаиваем на анализе именно себестоимости, так как часть нашей концепции связана с необязательностью совпадения — или тесной связи — между себестоимостью производства и ценой в социалистическом секторе (то есть Че опять атаковал закон стоимости. — *Н. П.*)...

Именно себестоимость будет служить критерием, который даст нам реальный показатель деятельности предприятия, и не важно, будет она выше или ниже уровня цен социалистического сектора [экономики] или даже — в отдельных случаях — цен товаров, продаваемых населению»[307].

Че понимал, что ахиллесовой пятой его новой системы являются бюрократизм и низкая пока сознательность подавляющей массы населения, не так активно, как хотелось бы, реагирующей на моральные стимулы. Правда, он считал, что главной проблемой является низкий образовательный уровень новых управленцев, но со временем это наладится. Ведь тысячи кубинцев уже учились в социалистических странах.

После этого «...должное значение получат современные методы планирования, станет возможным приблизиться к идеалу экономики, управляемой посредством математического анализа (здесь Че отдавал дань кибернетике. — *Н. П.*), который и будет определять наиболее адекватные соотношения между потреблением и накоплением и между различными отраслями производства... Различные отрасли производства будут автоматизироваться, во много раз увеличивая производительность труда рабочего, его свободное время будет посвящено культуре, спорту, науке в их высшем проявлении, а работа станет общественной потребностью»[308].

В определенной мере Че отдавал дань господствовавшей тогда во всем мире «технократической экономической моде».

Бытовало суждение (как в социалистических странах, так и на Западе), что с помощью «умных машин» на основе

кибернетических моделей и беспристрастного математического анализа можно создать идеальную экономику. Но для любых машин нужны точные данные о текущем производстве и сбыте, нужны прогнозы сбытовых цен (например, на мировом рынке) — а все эти данные (часто ошибочные) может генерировать только человек. Когда в экономике действуют сотни показателей и переменных, большинство которых (как во всех сферах жизни человека) имеют субъективный характер, никакая машина и никакая кибернетика не помогут создать идеальную экономику.

Например, машина может быстро и точно посчитать все затраты на производство дамских туфель на высоком каблуке красного цвета, но она не в состоянии определить, понравятся ли такие туфли в конкретное время конкретной женщине, или так и останутся прозябать на полках магазинов.

Вся эта вроде бы чисто экономическая дискуссия, развернувшаяся на Кубе, имела и очень важный внешнеполитический аспект.

В 1962 году разрыв между Москвой и Пекином стал реальностью и постоянно углублялся. Помимо всего прочего, китайцы активно критиковали СССР за «реставрацию капитализма» (появился даже термин «социал-империализм»), под которой понимали введение хозрасчета. Маоисты, напротив, на всех углах кричали об отмене денег, моральных стимулах и обобществлении всего и вся, хотя на практике начиная с 1961 года двигались как раз в обратном направлении. В Москве считали, что БФС очень уж напоминает китайскую модель. Возникали опасения — не перейдет ли Куба вслед за Албанией в китайский лагерь?

Фидель, бесспорно, ориентировался на СССР, так как понимал, что только содействие Советского Союза (экономическое и военное) поможет кубинской революции выстоять перед лицом необъявленной войны со стороны США. Китайцы же обещали много, но делали мало. Да и не обладали они ядерным зонтиком, чтобы прикрыть Кубу от американского вторжения. В основном их интересовало распространение через Кубу своей пропаганды в странах Латинской Америки.

В то же время Фидель был готов дать возможность сторонникам обеих экономических моделей претворить их на практике. 23 августа 1963 года и БФС и самофинансирование были закреплены на Кубе законом. Однако с конца 1964 года (после снятия Хрущева) и особенно в 1965 году

(начало косыгинской реформы в СССР) на практике стали отдавать предпочтение хозрасчету. На тот момент Куба уже четко заняла просоветскую и антикитайскую позицию в споре между Москвой и Пекином.

В 1962—1963 годах производство и производительность труда на Кубе сократились, что явилось прежде всего следствием структурных изменений, национализации и блокады — то есть переходного периода. Затем начался рост.

В феврале 1964 года Че следующим образом подвел первые итоги работы БФС: «Мы отрицаем возможность сознательного использования закона стоимости, базируя свою аргументацию на отсутствии свободного рынка, который автоматически отражает противоречия между производителями и потребителями... Мы, таким образом, можем утверждать, что централизованное планирование характерно для социалистического общества по определению»[309]. Правда, позднее Че признавал, что можно «частично» использовать в качестве экономического показателя прибыль.

И все же он настаивал, что при БФС деньги играют всего лишь роль средства измерения и контроля производственной деятельности.

Всю свою систему БФС Че видел не только как специфический экономический механизм, а как средство скорейшего достижения коммунизма: «Я не заинтересован в сухом экономическом социализме. Мы боремся против нищеты, но мы также боремся и против отчуждения*. Одной из фундаментальных целей марксизма является устранение интереса, фактора индивидуального интереса и использование психологической мотивации человека. Маркс занимался как экономическими факторами, так и их влиянием на духовность. Если все это не интересует коммунизм, то он тоже может быть средством распределения продуктов, но он никогда не станет революционным образом жизни».

Это была очень важная постановка вопроса именно для того времени, если учесть, что Хрущев в 1961 году провозгласил: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. А ведь многие советские люди (особенно

---

* Проблема отчуждения состоит в том, что рабочий на капиталистическом предприятии отчужден от результатов своего труда, а поэтому никак в нем не заинтересован. Его можно заинтересовать только материальными стимулами или угрозой увольнения. При социализме советского типа, считал Че, отчуждение все равно остается и рабочих продолжают стимулировать материально, хотя увольнений и безработицы практически не бывает.

не сильно подкованные в марксизме) тогда воспринимали коммунизм именно как способ распределения продуктов. Мол, все можно будет брать бесплатно, сколько захочешь. А изменится ли их духовная жизнь, возникнет ли новый человек с разумными потребностями – все эти нравоучения многих не волновали. А ведь без воспитания нового человека — и в этом смысле никаких различий между Че и советским руководством не было — коммунизм будет невозможен и экономически.

Поэтому Че поставил вопрос формирования нового человека на Кубе примерно в то же самое время, когда в СССР был сформулирован Моральный кодекс строителя коммунизма. В этом кодексе из десяти пунктов также присутствовали связанные с экономикой положения:

добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.

Че был со всем этим, естественно, согласен, но привнес в понятие «нового человека» определенный драматизм: «...то, что для обычных людей — жертва, для него — просто повседневное дело, то, что надо делать, и что естественно надо делать»[310]. Он сам всю свою жизнь, бесспорно, был именно таким «новым человеком».

Однако Че продолжал упорно спорить с концепцией материального стимулирования при формировании нового человека, допуская материальные стимулы лишь на переходный период от капитализма к социализму: «В процессе строительства социализма диалектически сталкиваются и сочетаются два момента. С одной стороны — материальные стимулы, необходимые, поскольку мы выходим из общества, не помышляющего ни о чем, кроме материальных стимулов, и строим новое общество на основе старого, при многочисленных пережитках его в сознании людей.

Поэтому материальный интерес будет определенное время играть роль в процессе строительства социализма.

Но деятельность авангардной партии состоит именно в том, чтобы поднимать как можно выше знамя противоположного принципа – знамя морального интереса, морального стимула...

Моральный стимул, формирование нового социалистического сознания — вот что должно служить нам точкой опоры, вот к чему мы должны стремиться, вот на что мы

должны делать ударение. Материальный стимул — это наследие прошлого; с ним надо считаться, но надо, чтобы по мере движения вперед он постепенно переставал преобладать в сознании людей... Материальному стимулу не будет места в создаваемом новом обществе, он угаснет на пути к этому обществу, и надо подготовить условия для того, чтобы этот эффективный сегодня тип мобилизации все более терял свою нынешнюю важность и уступал место моральному стимулу, чувству долга, новому революционному сознанию»[311].

Че считал, что масштабная мобилизация масс на свершение великих дел — вещь вполне реальная в экономической сфере. Ведь удалась же такая мобилизация во время вторжения на Кубу в апреле 1961 года и в период Карибского кризиса. Тогда кубинцы работали добровольно и сверхурочно и не требовали за свой труд материального вознаграждения. Че специально отмечал, что моральные стимулы особенно действенны в период грозящей опасности.

Но ведь в экономике грозящая постоянно опасность — предпосылка скорее фантастическая. На это Че отвечал, что коммунизм — это раскрытие нормальной природы человека. Нормальному человеку свойственно работать не ради куска хлеба, а для самореализации. Просто капитализм убил эту сторону труда и превратил его в каторгу ради хлеба насущного. При коммунизме товарный характер труда будет ликвидирован и человек опять сможет проявить свои естественные наклонности. И только на переходный период воспитания (а точнее воскрешения) нового человека будут сохранены материальные стимулы, чтобы этот переход не был слишком резким.

Но казалось, что в этом смысле большого противоречия между Че и Хрущевым не было — ведь в СССР тоже никто не отрицал моральных стимулов. Именно при Хрущеве, например, появились бригады коммунистического труда. Однако Че все же считал, что в Москве избрали неправильный путь, сделав слишком сильный крен в сторону материального стимулирования: «Если следовать химере достижения социализма с помощью тупых инструментов, оставленных нам капитализмом (...прибыльность и индивидуальный материальный интерес как рычаги и т. д.), то есть вероятность зайти в тупик...»[312]

Главный оппонент Че во время «большой дискуссии» на Кубе Карлос Рафаэль Родригес уже после гибели Че в общем-то справедливо отмечал, что по сути между ним и

министром промышленности не существовало принципиальных противоречий. Они спорили лишь о правильном соотношении материальных и моральных стимулов. Родригес, как и Хрущев, настаивал на преимущественном использовании материальных стимулов именно в переходном периоде, чтобы быстрее достичь необходимого для коммунистического способа распределения уровня материального производства.

Тем более что и Куба, и Россия на момент победы там социалистических революций были довольно бедными странами и сильно уступали в уровне экономического развития не только США, но и всем ведущим капиталистическим странам. Поэтому и Сталин (полемизировавший еще в 1920-е годы с Троцким), и Хрущев, и Карлос Рафаэль Родригес считали, что требовать от и так бедных людей каждодневного самопожертвования несправедливо. Сначала их надо одеть, хорошо накормить, обеспечить жильем и т. д. А всего этого можно достичь быстрее именно с опорой на материальные, более привычные людям стимулы.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что Че никогда не ограничивался теоретическими дискуссиями, сколь бы важными и глубокими они ни были. Он соединял в себе глубину и постоянную жажду нового знания с неукротимым и продуманным стремлением воплотить теоретические принципы на практике. В этом смысле он был ярым последователем немецкого философа Фейербаха, утверждавшего, что только практика может быть критерием истины.

В общем можно свести концепцию Че по материальному стимулированию к следующим основным пунктам:

материальное стимулирование в денежной форме допускается, но в отдельных отраслях (где, например, привыкли к сдельщине) на переходный период; от него надо планомерно и поступательно отказываться;

за перевыполнение норм предпочтительно выплачивать премию в натуре (жилье, холодильники, радиоприемники и т. д.), чтобы снижать роль денег в сознании работников;

переходить к коллективным формам материального стимулирования, опять-таки предпочтительно в натуральной форме. Но Че предупреждал об опасности югославского опыта — в этой стране трудовые коллективы ставили свои интересы выше интересов общества. Следовало,

с его точки зрения, избежать и советских ошибок — в СССР директора предприятий (как выразители интересов их трудовых коллективов) постоянно пытались всеми правдами и неправдами снизить плановые задания, чтобы гарантированно обеспечить выполнение плана, да еще и получить за перевыполнение заведомо низкого плана премии*;

широко применять материальное «дестимулирование»: снижение оплаты труда за провинности, хотя настаивал на том, чтобы эта мера применялась только к руководящим работникам. Например, за трехкратное опоздание директоров «консолидадос» на совещания руководящего совета министерства промышленности у них удерживали трехдневную зарплату.

Но все же главное внимание Че всегда уделял моральному стимулированию, как средству воспитания нового человека. На Кубе применялись в широких масштабах две основные формы моральных стимулов — социалистическое соревнование и добровольный труд. Во многом здесь Че руководствовался опытом СССР и Китая, хотя творчески применял этот опыт к кубинской действительности.

Социалистическому соревнованию Че придавал очень большое значение, ибо оно должно было заменить в его системе капиталистическую конкуренцию как основной двигатель производства. Причем повышение производительности труда и рост физических объемов производства для него были даже менее важны, чем воспитание нового отношения к труду, формирование товарищеских связей между отдельными работниками и целыми трудовыми коллективами, вызывавшими друг друга на соревнование.

В качестве призов за победу в соревновании Че предпочитал, конечно, не деньги: как и в СССР, победителям в торжественной обстановке вручались переходящие знамена и грамоты. Церемонии проходили в тех местах, которые были связаны с борьбой кубинского народа против испанского колониализма, и имели характер народного праздника, типичного для кубинской национальной культуры.

В 1964 году победителю соревнования в системе министерства промышленности оказали особую честь — по предложению Че он должен был сидеть рядом с Фиделем на праздновании 1 Мая.

---

* Эта тема блестяще отражена в советском художественном фильме «Премия» (1974).

Учитывая особенности кубинского рабочего движения (кубинские профсоюзы привыкли бороться именно за улучшение *материальных* условий труда), поначалу премии за победу в соцсоревновании частично выделялись в материальной форме (жилье, холодильники, турпутевки в социалистические страны, реже — деньги). В конце 1965 года все премии в денежной форме были отменены.

В 1963 году на Кубе под эгидой министерства труда был создан Национальный комитет по соревнованию с региональными и местными отделениями. В министерстве промышленности отделы по организации соревнования были образованы в каждом «консолидадо». В МИНИНДе (чувствовалась рука министра, никогда не пренебрегавшего деталями) была разработана стройная система оценки достигнутых в соцсоревновании результатов. За выполнение плана работник получал 100 баллов, по три дополнительных балла — за каждый процент перевыполнения и минус шесть баллов — за каждый процент недовыполнения.

Че стремился, чтобы все эти нормы шли «снизу», но поначалу профсоюзы не проявляли в этом деле большого энтузиазма, а единая коммунистическая партия до 1965 года находилась еще в процессе организационного оформления. Пришлось «сверху» образовать Комитеты по борьбе против бюрократизма, через которые рабочие следили за тем, как администрация организует соревнование.

На первых порах рабочие жаловались, что система подсчета результатов соревнования была слишком сложной и малопонятной для широких масс. Но Че считал, что надо учиться и корректировать ошибки в процессе движения. Он часто на встречах с людьми повторял аргентинскую поговорку: «Делай дело плохо, но делай его». В то же время министр промышленности постоянно давил на министерство труда, чтобы там упрощали систему подведения итогов соревнования и делали это побыстрее. Он разделял мнение директоров многих «консолидадос», что спущенные «сверху» министерством труда многочисленные задачи и цели соревнования часто не отвечают реальному производственному процессу на тех или иных заводах.

В октябре 1962 года (в самый разгар Карибского кризиса) Че, выступая перед молодежью, так сформулировал свою позицию: «Правила и формы необходимы, чтобы впоследствии можно было сравнивать работу энтузиастов, участвующих в соревновании: когда два товарища начинают соревноваться, каждый на своей машине, чтобы больше

сделать, через некоторое время они начинают чувствовать необходимость каких-то правил, определяющих, кто из них двоих производит больше: сравнить качество продукта, количество, часы работы, в каком состоянии находится машина после работы, как за ней ухаживают... Много разного. Но если вместо того, чтобы вести речь о двух товарищах, которые действительно соревнуются и которым мы дадим правила соревнования, будут устанавливаться правила для двух других, которые только и ждут, когда наконец наступит время идти домой, для чего тогда нужны правила, какую функцию они выполняют?»[313]

При этом Че не уставал подчеркивать, что выполнение и перевыполнение планов — лишь одна и не главная цель соревнования: «...реальная важность соревнования — воспитательная...»[314]

На Кубе, и прежде всего в системе министерства промышленности, активно пропагандировали пример ударников. Кубинским Стахановым стал Рейнальдо Кастро, срубивший за восемь часов 2308 арроб сахарного тростника (1 арроба — 11,5 килограмма). В 1964 году мачетеро было присвоено звание Национального героя труда. Но для Че было не менее важно, что неграмотный до революции Кастро учился без отрыва от производства. Через десять лет после смерти Че он получил диплом о высшем образовании.

Естественно, что в соревновании постоянно участвовал и сам министр. Бригада руководящих сотрудников министерства под его командованием постоянно вызывала на соревнование бригады разных «консолидадос». Работали обычно физически и бесплатно. Таким образом, Че совмещал идею соревнования с концепцией добровольного и бесплатного труда.

Во всех делах, которые он начинал, Че опирался на глубокую теоретическую подготовку, причем старался читать книги и статьи не только «за», но и «против». Естественно, что Че изучил статью Ленина «Великий почин», в которой основатель Советского государства развил концепцию добровольного труда на примере субботников.

Говорили, что Эрнесто Гевара «подсмотрел» практику добровольного труда в Югославии во время своего визита в эту страну летом 1959 года. Там он увидел строившую дорогу студенческую бригаду. Правда, студентам (как тогда и в СССР) за работу платили.

Но Че понравилась идея посредством простого (то есть доступного любому без предварительного долгого обуче-

ния) физического труда стирать грань между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Образованным и работавшим в чистых кабинетах горожанам следовало знать, как трудятся на полях и стройплощадках их соотечественники. Че всегда ненавидел столь широко распространенное в Латинской Америке пренебрежительное отношение «образованного городского класса» к физическому труду.

Поначалу добровольный труд был организован на Кубе в массовых масштабах во время сафры 1961 года, затем его распространили на строительство дорог, больниц и жилья. В 1963 году добровольный труд пришел и на промышленные предприятия системы МИНИНДа.

Работать надо было во внерабочее время, бесплатно и не обязательно на своем рабочем месте[315].

Как и в вопросе о соревновании, Че видел главной задачей добровольного труда не производство, а воспитание нового человека, свободного от хищнического индивидуализма. Добровольный труд по Че представляет собой «творческую школу сознания, это усилия, предпринимаемые в обществе и для общества... они формируют эту высокую степень сознательности, которая позволит нам ускорить процесс перехода к коммунизму»[316].

Особое внимание в распространении идей добровольного труда Че уделял молодежи, которую считал самой бескорыстной и еще не испорченной капитализмом частью общества. Молодые врачи ехали на работу в отдаленную сельскую местность, молодые ученые рубили тростник: «Это форма воспитания, которая улучшает наши молодые кадры, готовит их для коммунизма: форма воспитания, при которой труд теряет форму принуждения, свойственную для капиталистического мира, и становится общественным долгом, выполняемым с радостью, с революционными песнями, в братском товариществе...»[317]

Молодежь взялась за дело увлеченно, но иногда «перебарщивала» в неформальном подходе к делу. Как-то раз комсомольцы министерства промышленности изготовили чучело, подняли его на крышу ведомства и устроили там фиктивную борьбу чучела с человеком, сопровождавшуюся громкими криками. У министерства собралась толпа — снизу казалось, что не на шутку подрались два человека. Неожиданно, к ужасу зевак, одного «человека» сбросили на землю, и на нем все прочитали призыв включаться в добровольный труд. Че не оценил такой «креативности»

комсомольцев — он вызвал к себе организаторов акции и терпеливо и вежливо объяснил им: молодежь должна быть веселой, но одновременно и серьезной.

Естественно, что в добровольном труде тон задавал сам министр.

В 1963 году «консолидадо» «Табак» с высокой долей ручного производства (знаменитые на весь мир кубинские сигары были всегда ручной работы, за что и ценились) не выполнило план. Рабочие решили добровольно и бесплатно работать сверхурочно, и их радости не было предела, когда к ним присоединился Че.

Машиностроительные предприятия министерства начали выпускать специальные боны, которыми отмечались заслуги в деле добровольного труда. За каждые четыре часа добровольного труда работник получал синий бон. Шесть таких бонов можно было обменять на один зеленый (за 24 часа добровольного труда). На бонах были изображены портреты знаменитых кубинцев (Хосе Марти, Антонио Масео, Камило Сьенфуэгоса и др.) с их цитатами. В конце концов, боны меняли на «коммунистический сертификат», который наиболее отличившимся вручал лично министр. Чтобы получить сертификат, надо было отработать добровольно и бесплатно 240 часов.

Один из отмеченных лично Че ударников отработал помимо основного рабочего времени 980 часов, другой (хотя и работал меньше) был уже в возрасте семидесяти лет. Получила награду и женщина, ставшая чемпионкой по добровольному труду среди представительниц прекрасного пола — 340 часов.

Всего за четыре последних месяца 1963 года в системе министерства промышленности (легкое машиностроение) люди добровольно отработали 774 344 часа.

В январе 1964 года Че создал «красный батальон», в который зачислялись герои добровольного труда. Человек, отработавший добровольно 80 часов, становился «бойцом батальона», тот, у кого было 160 часов, — «отличным бойцом», 240 часов давали право на почетное звание «передового бойца».

Помимо «красного батальона» под командованием самого министра в январе 1964 года в МИНИНДе были образованы 20 бригад добровольного труда по десять человек. Каждый член бригады брал обязательство отработать бесплатно 80 часов в течение шести месяцев.

Че считал, что все сотрудники его министерства должны стремиться к тому, чтобы получить «коммунистический сертификат» (240 часов бесплатного труда). Он называл высокие результаты в добровольном труде «духом Октября», имея в виду не советский Октябрьский переворот 1917 года, а октябрь 1962-го. Тогда, во время Карибского кризиса, тысячи кубинцев добровольно во внерабочее время несли службу в народной милиции или работали сверхурочно.

В октябре 1963 года бригады добровольного труда приняли активное участие в ликвидации ущерба, нанесенного Кубе тропическим ураганом «Флора».

Бесплатный труд сочетался с социалистическим соревнованием. Бригада под руководством Че приняла вызов бригады под командованием партийного секретаря министерства Росарио Куэто по рубке сахарного тростника. Куэто позднее признавался, что отрядил одного бойца бригады понаблюдать за работой конкурентов и был рад (к своему стыду), когда ему сообщили о приступе астмы у Че. Че проиграл, но когда его вызвала на соревнование бригада ИНРА, он пригласил Куэто, чтобы тот поделился секретами своего успеха. Когда партийный секретарь рассказал министру, как радовался его астме, Че долго смеялся.

Со временем Че, всегда стремившийся свести к минимуму любой бюрократизм, активнее подключал к организации добровольного труда профсоюзы, комсомольские и женские организации.

В то же время министр очень скрупулезно относился к проверке результатов добровольного труда — все должно было быть честно и никакие приписки не допускались. Ведь они сводили на нет главную цель всего начинания — воспитание нового человека. Например, когда Че сообщили, что один рабочий смог «выдать на-гора́» аж 1500 часов добровольного труда за полгода, он усомнился в таком результате и поручил тщательно проверить его. Ведь министр сам постоянно работал добровольно и знал, как это непросто. В 1964 году министр отказался вручать «коммунистические сертификаты» группе рабочих, результаты которых не успели проверить.

Че требовал от всех директоров «консолидадос» обеспечить строгое соблюдение принципа добровольности: «...одна из вещей, которую я считаю фундаментальной и важной, — это то, что добровольный труд не должен быть обязательным»[318]. Как-то раз Че сделал выговор директору

одного из «консолидадос» за то, что тот излишне настойчиво убеждал рабочего включиться в добровольный труд. У того были проблемы в семье, и Че объяснил директору, что к каждому работнику надо подходить строго индивидуально.

В то же время он говорил о моральном принуждении — когда пример других (прежде всего товарищей по работе и руководителей всех уровней) как бы «заставлял» присоединиться к почину.

Среди многочисленной написанной об Эрнесто Геваре литературы часто можно встретить упоминание о лагере Гуанаакабибес как о «кубинском ГУЛАГе», созданном «кровожадным» Че для издевательств над людьми.

Действительность была абсолютно иной и укладывалась в стремление Че создать нового человека за счет перевоспитания трудом.

Полуостров Гуанаакабибес является крайней западной оконечностью Кубы и относится к провинции Пинар-дель-Рио, в которой Че и во время своего министерства продолжал осуществлять командование войсками на случай американского вторжения. До революции американская компания проводила там промышленную вырубку леса, после 1959 года там поселили фермеров, чтобы они восстанавливали лесонасаждения (сажали сосны, эвкалипты и фруктовые деревья). Поначалу люди спали под открытым небом, потом появились палатки, затем — деревянные хижины, наконец — нормальные дома из бетона. Никакого ГУЛАГа в смысле тюремного режима или вооруженной охраны в Гуанаакабибес никогда не было.

Че решил, что на физическую работу в Гуанаакабибес будут направляться высшие сотрудники министерства и директора «консолидадос» (ни в коем случае не рядовые работники и даже не администраторы заводов), совершившие мелкие административные или дисциплинарные проступки. Речь шла, например, о приписках, халатности или моральных прегрешениях (например, приставаниях начальника к женщине-подчиненной). Уголовные преступления подразумевали передачу дела в обычный суд. Че говорил: «Мы посылали в Гуанаакабибес людей, которые не должны были попасть в тюрьму, людей с более или менее серьезными моральными проступками... Это не наказание, а своего рода перевоспитание трудом»[319].

За проступок высокопоставленный сотрудник «приговаривался» к определенному сроку физических работ в

Гуанаакабибес (обычно не более трех месяцев). Поначалу решение об этом принимал единолично министр, но потом Че признал, что это ошибка, и в МИНИНДе была создана специальная Дисциплинарная комиссия (*CODIAD*). Ее члены вполне могли с министром спорить, и в любом случае решение там принималось большинством голосов.

«Приговоренный» мог оспорить решение комиссии и отказаться от поездки в лагерь. В таком случае его увольняли и на этом дело заканчивалось. Если же человек предпочитал перевоспитаться физическим трудом, то он добирался в Гуанаакабибес добровольно (от Гаваны требовалось 5—6 часов на автобусе, поезде и пешком) и за свой счет. На время его работы в лагере заработная плата по основному месту работы удерживалась.

Обычно в Гуанаакабибес постоянно находились 60—80 человек. Туда регулярно приезжал Че, следивший за тем, чтобы условия проживания были хотя и трудными, но ни в коем случае не унижающими человеческое достоинство. Министр сохранял со всеми обитателями «ГУЛАГа» дружеские отношения, помогал им в работе и частенько играл в шахматы. Вечерами обитатели поселения обычно учились в созданных ими же самими различных кружках.

Пребывание в Гуанаакабибес никак не влияло негативно на последующую карьеру «перевоспитанного». Че поручал этим людям самые ответственные должности — ведь они добровольно искупили свою вину.

Своего рода альтернативой Гуанаакабибес был курорт для сотрудников МИНИНДа Сан-Мигель-де-лос-Баньос в Матансасе, расположенный на горячих целебных источниках. Че лично контролировал этот курорт, куда как раз в отличие от Гуанаакабибес на лечение посылали в основном рядовых работников. Списки нуждавшихся в лечении и отдыхе предоставляли в министерство директора «консолидадос». Людей направляли в санаторий на три—шесть месяцев, а если требовалось — и на более длительный период. Все расходы несло министерство — для кубинских рабочих невиданный и неслыханный доселе факт. Иногда работникам позволяли даже отдыхать вместе с женами для сохранения морального комфорта.

В общем плане следует отметить, что Че уделял очень большое внимание изучению морального климата и психологических настроений работников своего министерства. В 1963 году в рамках Управления кадров МИНИНДа был

учрежден Департамент психологии. Его сотрудники, например, занимались психологическим тестированием кандидатов на руководящие должности. Оценивались креативность, стрессоустойчивость, умение работать с людьми, стремление учиться и т. д. Причем тестированию регулярно (раз в три-четыре месяца) подвергались сам министр и его заместители. Люди частенько побаивались мудреных тестов, и министр как обычно подавал личный пример.

Как-то раз Че выступил перед четырьмя сотнями сотрудников МИНИНДа с критикой собственных недостатков. Главным из них он счел вспыльчивость. Из-за нее министра побаивались и иногда не хотели расстраивать плохими новостями. Че признался: «У меня не только взрывной характер в отношениях с людьми ниже меня по иерархии, я вспыльчив вообще. Это недостаток, и я пытаюсь исправить его в ходе революции. Но это не так просто»[320].

В то время как в СССР к социологии в 1960-е годы относились весьма настороженно, среди сотрудников МИНИНДа распространялись тщательно подготовленные анонимные анкеты с огромным количеством самых разных вопросов. Людей спрашивали о зарплате, качестве питания в столовых или гигиене на рабочем месте. Еще более важным было то, что интересовались мнением людей о их начальниках, причем всех уровней. Высказанные в массе негативные оценки приводили к увольнению руководителей. В анкетах содержались как клетки с заранее сформулированными вариантами ответов (типа «нужное подчеркнуть»), так и давалась возможность написать свой вариант ответа.

Под руководством Че были разработаны требования к чертам характера и личным качествам директоров «консолидадос». Этих качеств было аж 32, в том числе, например, абсолютная выдержка в общении с людьми, неповышение голоса при разговоре с подчиненными, честность, уважение к тем, кто ниже по должности или по уровню образования.

Чтобы реализовать свою концепцию «нового человека» как строителя коммунистического общества, Че абсолютно логично уделял очень большое значение образованию. Причем под образованием он никогда не понимал формальную грамотность. Для него хорошее образование было синонимом высокой духовной культуры человека. Образованный и культурный человек — это сознательный гражданин, каждый день принимающий участие в жизни

общества. Именно этот новый человек и должен руководствоваться в труде моральными стимулами.

Не случайно, что еще в горах Сьерра-Маэстра Че уделял самое пристальное внимание политическому и гражданскому воспитанию бойцов Повстанческой армии и крестьянского населения освобожденных районов. После победы революции Че взял в свои руки политическое образование в революционных вооруженных силах и всегда посвящал этому много времени даже тогда, когда на него «навалили» несколько важных должностей.

Че лично редактировал брошюры и учебники для солдат и офицеров, писал к ним предисловия и комментарии. Он был постоянным автором основанного им же армейского журнала «Верде оливо»*. Че неустанно подчеркивал, что кубинские военные отныне служат не своему командованию, а всему народу и поэтому должны знать, чего этот самый народ хочет.

Как уже отмечалось выше, Че всю жизнь учился и сам, совершенствуя свои знания в самых разных областях — от высшей математики до философии. Например, его дневной распорядок в должности министра в понедельник выглядел следующим образом:

7.00 — изучение линейного программирования;

8.00 — совещание управленческого совета министерства;

14.00 — обсуждение отчетов и сводок консолидированных предприятий;

21.00 — изучение высшей математики.

В 1964 году Че начал изучать информатику, которую тогда и в мире-то понимали всего несколько специалистов. В организованном им кружке преподавал профессор Мартис из Гаванского университета.

Чтобы читать на иностранных языках, Че до конца своей жизни изучал самые разные языки — от русского до суахили. За несколько дней до его смерти в Боливии Че видели изучающим язык индейского населения этой страны — кечуа. В боливийском партизанском лагере он составил список более чем из трехсот книг, которые его товарищи должны были доставить ему из Аргентины и Бразилии.

Проблема образования на Кубе всегда была весьма актуальной, несмотря на довольно высокий по сравнению со

---

* В переводе с испанского — «Оливково-зеленый», такого цвета была форма Революционных вооруженных сил.

многими латиноамериканскими странами уровень формальной грамотности взрослого населения. По переписи 1953 года 31 процент кубинцев старше шести лет никогда не посещали школу, а еще 29,4 процента имели за плечами три или меньше классов. В деревне уровень неграмотности составлял 42 процента взрослого населения. Только 3,5 процента кубинцев на момент победы революции окончили полный курс средней школы и 1 процент получили высшее образование. При этом в университетах люди учились в основном на финансистов, юристов и врачей. Инженеров катастрофически не хватало, да и работать им было негде — американские компании либо предпочитали собственные кадры, либо отправляли кубинцев получать профильное образование в США. Система профессионального технического образования на самой Кубе фактически отсутствовала.

Конечно, такой уровень образования не мог обеспечить создание «нового человека» на Кубе.

В январе 1959 года революционные власти учредили министерство образования. В течение шестнадцати месяцев расходы на образование выросли на 10 процентов, и Че, как президент Национального банка, денег на это не жалел. Количество мест в школах увеличили на 25 процентов, учителей стало больше на 30 процентов. Если за все время независимости Кубы в столице была построена всего одна новая школа, то революционные власти за первые пару лет открыли в Гаване 37 школ. Заметим, что при Батисте более девяти тысяч учителей не могли найти работу — диктатор не доверял образованным людям.

Фидель обратился к учителям с просьбой временно согласиться на сокращение зарплаты в два раза, чтобы на освободившиеся деньги нанять безработных педагогов. Так и сделали.

В 1960 году на Кубе началась массовая кампания по обучению грамотности взрослого населения. Причем проводилась она именно в духе концепции Че по созданию «нового человека». 300 тысяч кубинцев (в том числе 100 тысяч школьников и студентов) добровольно и бесплатно обучали грамоте более 700 тысяч соотечественников. Одновременно эти учителя-добровольцы (в основном молодые горожане из обеспеченных семей) знакомились с жизнью своих обездоленных соотечественников на селе, где раньше они никогда не бывали. Разделенная на классы и сословия страна быстро превращалась в единую нацию.

В промышленности положение с образованными и квалифицированными кадрами было еще более тяжелым, чем в целом по стране. Крупнейшая отрасль кубинской экономики — сахарная промышленность с ее 162 заводами — могла похвастаться в 1958 году всего пятьюдесятью инженерами[321].

К тому же ситуация обострилась после победы революции.

Начался поощряемый США массовый отток квалифицированных кубинцев в Майами. И это даже не всегда объяснялось враждебностью «белых воротничков» по отношению к революции. Просто им предлагали в Америке такие зарплаты, которые Куба предложить не могла. Особенно сильно этот «исход» ударил по министерству Че. После национализации промышленности с Кубы уехали 1300 инженеров из двух тысяч. По отдельным отраслям ситуация была еще хуже — например, в нефтепереработке, где до 1959 года безраздельно господствовали американские компании. В течение года после национализации 75 процентов всех инженеров и все топ-менеджеры из этой отрасли эмигрировали из страны.

С Кубы уехала и половина врачей.

Че подходил к этому вопросу очень серьезно и гибко. Хотя он и считал зарплаты многих управленцев высшего звена на промышленных предприятиях явно завышенными, как министр он сохранял это жалованье и был даже готов повысить его. Теоретически Че объяснял такой подход тем, что на переходный период еще функционирует закон стоимости и труд сохраняет форму товара. А поэтому те, кто работает более сложно и ответственно, должны получать и более высокое вознаграждение.

При этом Че не стремился немедленно политически «перевоспитать» таких людей. Для него было достаточно, чтобы специалисты просто добросовестно исполняли свои обязанности. Министр промышленности (как уже упоминалось) говаривал, что технология стоит вне идеологии.

Например, вице-директором «консолидадо» по нефтяной промышленности был назначен Тирсо Саэнс. Он получил образование химика в США и работал на Кубе в американской компании «Проктер энд Гэмбл». После национализации этого филиала компания предложила ему хорошее место в Цинциннати. Саэнс обратился за визой в американское посольство в Гаване, где с ним разговаривали в пренебрежительном тоне — клерки требовали подтвердить университетский диплом. В феврале 1961 года ему

предложили высокий пост в министерстве промышленности, и Саэнс потребовал личной беседы с только что назначенным министром. Че спросил, хочет ли Саэнс уехать с Кубы. Получив отрицательный ответ, министр поинтересовался, готов ли инженер-химик честно работать с новой властью. Саэнс был готов, и Че закончил разговор такими словами: «Ну что ж, я думаю, вы человек честный, давайте работать вместе. Так что идите и работайте»[322].

На первых порах только трое из сорока директоров «консолидадос» имели университетское образование. Среди администраторов отдельных заводов нечасто встречалось даже полное среднее образование. В руководстве министерства дела обстояли ничуть не лучше — сам Че и один из его замов были медиками, три других заместителя министра высшим образованием (даже непрофильным) похвастаться не могли. Че говорил о себе и своих вице-министрах как о «кружке неграмотных чудаков».

Однако министр требовал от всех руководящих сотрудников (включая и себя) постоянного повышения квалификации. Кружки и вечерние классы были созданы не только в министерстве, но и на каждом предприятии. Учителями были те, кто хотя бы немного превосходил других в какой-нибудь области знания. Учились как на рабочем месте (особенно если кружок был напрямую связан с производством), либо после работы, иногда прямо на свежем воздухе.

У стороннего наблюдателя создавалось впечатление, что в министерстве промышленности все либо учатся, либо учат, либо то и другое сразу.

Все эти курсы и кружки были формально необязательными, но пример самого министра заставлял подтягиваться остальных. К тому же от повышения квалификации зависело повышение по службе. Че говорил, что даже самый талантливый администратор безнадежно устареет через десять лет, если не будет учиться. И тогда ему придется уйти в отставку, невзирая на любые прежние заслуги.

Помимо пряника Че применял к подчиненным (но только к управленцам высшего звена) и кнут. Если он узнавал, что директора департаментов отлынивали от занятий, им обычно предлагалось пару недель или месяц поработать физически. Наказанный имел право отказаться, но тогда его могли уволить. И здесь министр подавал пример. Хотя сам Че от учебы не увиливал, он все равно каждый месяц в

выходные работал физически и бесплатно. В общем никаких выходных на посту министра у него никогда не было.

Позднее для всех директоров «консолидадос» ввели экзамены на профессиональные знания, а также на бухгалтерский учет и статистику. Обычно эти экзамены проходили в министерстве перед началом каждого регулярного двухмесячного совещания. Если экзаменуемый при трех испытаниях набирал менее 60 процентов баллов, то его могли уволить.

Че регулярно ездил по заводам, и такую же обязанность имели и все заместители министра. Директора были обязаны назубок и без бумажки отвечать на все основные вопросы, касавшиеся производства. На видном месте в кабинете директора, настаивал Че, всегда должны были висеть дневные, недельные и месячные графики производства.

Эдисон Веласкес, назначенный директором «консолидадо» «Никель», вспоминал, что министр приехал на брошенный американцами рудник «Никаро» уже через 20 дней после его вступления в должность. Че сразу же спросил о себестоимости тонны никеля и был крайне возмущен, когда Веласкес не смог назвать цифру: «Вы безответственное лицо. Ведь вам поручили самую важную отрасль промышленности в стране!»[323] В результате Че приказал Веласкесу учиться и лично принимал у него экзамены.

Следует подчеркнуть, что Че требовал от управленцев высшего звена не только связанных с производством знаний. Он считал, что каждый топ-менеджер должен быть философом. Ведь без глубокой интеллектуальной теоретической подготовки сложно принимать управленческие решения, которые в современной сложной экономике связаны сразу с целым рядом далеко отстоящих друг от друга наук — от кибернетики до психологии. Поэтому менеджер должен иметь своего рода интеллектуальную интуицию, основанную на привычке нестандартно мыслить. А эту привычку, полагал Че, могли привить только гуманитарные науки.

Все данные о курсах и кружках публиковались в официальном издании министерства «Нуэстра индустрия» («Наша промышленность»). В 1964 году (это был последний год для Че как министра промышленности) 41 628 работников системы министерства учились на различных курсах, из них 38 процентов изучали необходимый для их профессии «технический минимум».

Со временем помимо кружков в министерстве были созданы и семь школ с длительным курсом обучения:

для администраторов предприятий;

для директоров «консолидадос»;

по автоматике;

по техническому черчению;

по эконометрике и метрологии;

для административного персонала;

подготовительная школа для талантливых работников с целью ускоренной подготовки к поступлению в университет.

Когда связанные с национализацией кадровые проблемы были на первый взгляд успешно решены, Че потребовал от каждого администратора (директора) предприятия сдать экзамен за шесть лет школьного обучения. Причем к этому экзамену привлекли всех, даже тех, кто имел университетский диплом. Че говорил, что многие люди, окончив школу или университет более 20 лет назад, утратили свои знания и должны их подтвердить. На экзамене надо было набрать как минимум 70 баллов. Из 986 администраторов «провалились» 132, и их отстранили от должности. 260 директоров просто не явились на экзамен, и Че распорядился прекратить им выплату заработной платы до тех пор, пока они не предстанут перед экзаменационной комиссией.

В 1960 году еще на базе Департамента промышленности ИНРА Че создал Школу управленцев, которая затем работала уже в системе министерства промышленности. За год учащиеся должны были освоить трехгодичную программу обучения. Но сначала они должны были сдать приемные экзамены (в рамках шести классов школы) и пройти психологический тест. Принимали лиц в возрасте от двадцати до сорока пяти лет.

Помимо обычных предметов типа физики, химии и математики (ключевой предмет для системы БФС), в школе изучали политическую экономию (по советскому учебнику 1954 года), философию, статистику, бухгалтерский учет (причем как советскую, так и западную модели), испанский язык, организацию и нормирование труда, историю.

Студенты жили в школе и получали ежемесячно 200 песо*, из которых 25 процентов удерживалось вплоть до успешной сдачи выпускных экзаменов. Каждый вы-

---

* Для многих директоров-студентов это было серьезное снижение доходов — они получали до тысячи песо.

пускник должен был представить работу, посвященную деятельности конкретного предприятия. Причем в этой работе следовало проанализировать не только производственные процессы, но и трудовые отношения, работу с людьми.

Из первого выпуска школы (400 человек) успешно сдали выпускной экзамен 327. Че был этим показателем расстроен — ведь в системе его министерства требовалась как минимум тысяча толковых администраторов заводов. Он подверг критике директоров «консолидадос» за то, что они направили в школу неподготовленных людей. Директора ответили тем, что начиная с 1964 года стали требовать от всех рабочих и служащих сдачи экзаменов на знания 6-го класса школы.

Че был энтузиастом посылки кубинцев на учебу за рубеж, тем более что СССР и другие социалистические страны предоставили для этого все возможности. К тому же из этих стран на Кубу поступало новое промышленное оборудование.

Именно Че подписал первое советско-кубинское соглашение о подготовке кадров, по которому начиная с 1961/62 учебного года в Советском Союзе стали учиться по инженерным специальностям 300 кубинцев. Еще 400 человек осваивали профессии квалифицированных рабочих. В 1962 году (опять-таки заслуга Че) договорились о приеме в СССР следующей партии — 250 рабочих и 100 инженеров. В школах механизации сельского хозяйства (одно из приоритетных направлений работы министра промышленности Кубы) в 1962—1963 годах прошли обучение около трех тысяч молодых кубинских специалистов[324].

СССР всегда внимательно и оперативно откликался на нужды кубинской промышленности в деле подготовки национальных кадров. Когда Че принял абсолютно верное решение о необходимости создания на Кубе рыболовецкой и рыбоперерабатывающей отрасли (которой на островной Кубе до тех пор не было вообще!), в 1963 году в Калининграде приняли 200 кубинских граждан. Они освоили 62 профессии — от мотористов сейнеров до портовых крановщиков.

Однако Че призывал относиться к любым теоретическим разработкам социалистических стран в области экономической теории творчески и критически. Когда советско-китайский разрыв в 1963 году стал публичным, многие кубинские коммунисты перестали читать издаваемые ки-

тайским посольством в Гаване информационные бюллетени. Однако Че с этим не соглашался, и вовсе не потому, что поддерживал линию Пекина. Просто как человек антидогматический во всех сторонах своей жизни, он требовал изучения и критического осмысления любого опыта, в том числе и американского.

Когда молодые коммунисты пожаловались Че, что некоторые товарищи употребляют в спорах троцкистскую терминологию, он посоветовал им сначала почитать работы Троцкого, чтобы быть готовыми к полемике.

Работая министром, Че на практике претворял в жизнь свои идеи о новом характере труда и решающей роли моральных стимулов.

Он отказался от министерского жалованья, оставив за собой только минимальный оклад военнослужащего — 190 песо в месяц. Его примеру последовали и другие командиры Революционных вооруженных сил, получивших высокие назначения в МИНИНД. Например, назначенный администратором бывшего завода компании «Бакарди» Пуньялес также сохранил только свои «офицерские» 190 песо, в то время как его заместители получали 1000 песо, рабочие — 700—900 песо.

В хозрасчетной системе (например, на предприятиях министерства транспорта) работник получал за перевыполнение норм, скажем, на 50 процентов прибавку к зарплате в размере тех же 50 процентов. В системе БФС работников тоже поощряли за перевыполнение норм материально (все-таки на переходный период материальные стимулы, как мы помним, не отрицались), однако не в прямой пропорции к объему перевыполнения. Бонус за перевыполнение не должен был превышать зарплаты рабочего следующей, более высокой степени квалификации.

С помощью своего понятия труда как нематериального, сознательного процесса Че пытался бороться и с безработицей, которую он в 1960 году назвал «раковой опухолью» кубинской экономики.

Дело было в том, что основная отрасль кубинской экономики — сахарная промышленность — имела ярко выраженный сезонный характер. Почти половина рабочей силы на селе была занята трудом всего пару месяцев в году, после чего перебивалась случайными заработками.

В долгосрочном плане Че был намерен ликвидировать безработицу, как и в СССР, путем индустриализации. Но

он уже в 1960 году понимал, что индустриализация имеет в этом плане и оборотную сторону. Ведь механизация (особенно на селе) и автоматизация высвобождают трудовые ресурсы. К таким же последствиям ведет и укрупнение производства, что позволяет производить крупносерийно, а значит, и дешево с точки зрения себестоимости. Себестоимость же, как уже упоминалось выше, была стержнем всей системы БФС.

В 1962 году Че поддержал предложение советских советников закрыть все маленькие пекарни на Кубе и заменить их шестью крупными хлебокомбинатами. Высвободившихся работников советники порекомендовали переучить на новые специальности с сохранением части жалованья.

Так родилась система.

Че аргументировал, что обучение «новых безработных» выгодно для государства. Ведь при мелком характере производства, а значит, и низкой производительности труда три человека выполняют работу, с которой мог бы справиться и один. Таким образом, два человека фактически являются безработными, но получают от государства зарплату. Если же высвободить их из производственного процесса, сохранив им на процесс переобучения часть зарплаты, то государство останется в выигрыше с финансовой точки зрения. К тому же для Че всегда была важна и нравственная сторона любого производства. После переобучения человек получал обычно более интересную и менее физически напряженную работу, что позволяло ему получать от труда радость — а ведь именно таким образом и должен был формироваться новый человек коммунистического завтра.

В 1962 году тысячи рабочих были высвобождены из мелких мастерских, производивших сувениры и предметы народных промыслов. Вместо этих мастерских создали крупные производственные центры с более современной технологией. «Избыточных» рабочих зачислили в Народные школы*, где они, учась, продолжали получать зарплату. Уже в январе 1963 года сертификаты по новой специальности получили 5050 человек и их направили на работу на другие заводы в системе министерства.

В 1964 году Че предложил, чтобы рабочие на заводах получали за время вынужденных простоев 100 процентов сво-

---

* Всего в системе МИНИНДа были учреждены 52 Народные школы.

ей зарплаты при условии, что они будут в это время учиться и повышать свою квалификацию. Проблема простоев в первые годы революции была очень острой и имела главной причиной полное прекращение поставок комплектующих и запчастей из США.

«Консолидадо» «Мыло и духи» пошло еще дальше — там предложили на весь год разделить работников на две равные части, одну из которых следовало всецело посвятить учебе. Че сама идея, бесспорно, импонировала, но он был не только идеалистом, но и реалистом. Министр рекомендовал внимательно просчитать экономические последствия этого предложения, прежде чем применить его на практике.

Одной из главных проблем кубинской экономики переходного периода был полный хаос в системе оплаты труда, унаследованной от диктаторского режима. В 1959 году на Кубе существовало 90 тысяч различных систем зарплаты и 25 тысяч квалификационных разрядов.

Но если при капитализме государство никак не интересуется заработной платой на частных предприятиях, то в социалистической государственной промышленности это становится уже вопросом социальной справедливости, а значит, вопросом политическим.

Революционная власть заморозила (а частично и снизила) цены на базовые продукты питания и услуги и в то же время повысила заработную плату отдельным категориям работников. Из-за этих мер некоторые предприятия попали в зону убыточности, чего система БФС решительно не допускала. Неудивительно, что Че был ярым сторонником скорейшей нормализации всей системы заработной платы и очень переживал, что этот процесс неоправданно затянулся.

Единая для всей Кубы шкала заработной платы, учитывающая квалификацию работников, была введена лишь в 1964 году.

При работе над этой шкалой Че в первую очередь учитывал опасность гиперинфляции. Еще на посту президента Национального банка он решительно пресекал любые попытки необоснованного повышения зарплат. Он неустанно выступал перед людьми и доказывал им, что чем больше будет в обращении денег, тем меньшую стоимость они будут иметь. Что толку получать тысячу песо в месяц, если их не на что будет потратить? Министр вспоминал свои юношеские странствия по Боливии, где за чашку обычного кофе

приходилось выкладывать 140 песо, а в банк, чтобы снять заработанные за месяц деньги с карты, люди приходили с большими чемоданами.

К тому же Че призывал не забывать и отрицательный социальный эффект от резкого повышения зарплаты — увеличив оплату труда одного работающего, государство тем самым откажет в заработке безработному, который согласился бы и на обычную, «неповышенную» зарплату.

Наконец, приходилось учитывать особые условия Кубы — страна импортировала большую часть продовольствия и все энергоносители, и правительство никак не могло повлиять на цены этих товаров, ибо они диктовались мировой конъюнктурой. Конечно, социалистические страны помогали, но Че был решительно настроен на программу импортозамещения — он не хотел, чтобы Куба превратилась в обузу для социалистического лагеря и стала нахлебником. А для этого требовалось, чтобы заработная плата отражала реальные результаты труда, прежде всего его производительность.

В 1961—1962 годах инфляция достигла 6 процентов в год, и Че понимал, что в этих условиях повышение минимальных ставок неизбежно — ведь инфляция била сильнее как раз по самым низкооплачиваемым слоям населения. Напротив, спекулянты и частная торговля извлекали из ситуации дополнительные барыши, придерживая товары в расчете на ускорение роста цен. При этом рост зарплаты, как и цен, был на Кубе официально «заморожен».

В 1963 году опросы на предприятиях министерства промышленности (при Че они проводились регулярно) показали, что проблема зарплаты стала основной. В октябре 1963 года министерство труда в экспериментальном порядке ввело новую систему оплаты труда на некоторых «пилотных» предприятиях, где в общей сложности работали более 40 тысяч человек. Результаты эксперимента были признаны успешными — производство на «пилотных» предприятиях выросло на 9,7 процента, а производительность труда — на 17,4 процента[325].

Че требовал введения новой шкалы уже с 1 января 1964 года, так как считал аморальным еще год кормить рабочих одними обещаниями. Работа была очень сложной — надо было систематизировать 10 634 различные профессии, разделить их на 340 категорий на основе различного уровня квалификации. Из тысяч различных систем заработной платы создали сорок одну.

Единая шкала почасовой оплаты труда состояла из восьми разрядов с разницей между ними 15 процентов в зависимости от сложности и квалификации труда. Работавшие в тяжелых условиях получали надбавку 20 процентов, те, кто трудился в опасных условиях, — 35 процентов. Чтобы получать базовую оплату, рабочие должны были выполнять установленные нормы выработки. За перевыполнение норм полагались премии, но не более 15 процентов (так, чтобы рабочий не «попадал» в следующий тарифный разряд). Половина премии шла рабочему, половина — государству.

При введении новой шкалы к рабочим, получавшим до реформы более высокую зарплату, отнеслись бережно. Их зарплату поделили на реальную и «историческую». Например, если рабочий до реформы получал восемь песо в час, а после должен был получать пять, то ему все равно сохранили восемь, из которых три песо считались «исторической зарплатой». Но если рабочий поднимался до следующего разряда, то он все равно получал восемь песо — просто теперь шесть из них относились к реальной зарплате, а два — к «исторической». И так продолжалось до тех пор, пока «историческая зарплата» не поглощалась зарплатой реальной[326].

Минимальная зарплата составляла 48 сентаво в час и примерно соответствовала установленной правительством минимальной месячной оплате труда 85 песо[327].

Интересно, что в ходе реформы Че «пробил» свою идею о постепенном отказе от материальных стимулов — была ликвидирована сдельная оплата труда. Че считал, что сдельщина поощряет рвачество и закрепляет в сознании рабочего пережитки капиталистической системы.

Итак, были унифицированы не только размеры оплаты труда по отдельным разрядам, но и введены единые нормы выработки. Правительство одобрило предложение Че, согласно которому рабочим, которые временно не участвовали в процессе производства (простои, высвобождение в результате автоматизации и т. д.), выплачивалось 50 процентов их прежнего заработка.

В целом реформа оплаты труда привела к ее росту в среднем на 5,2 процента, зато производительность труда в промышленности выросла на 21,7 процента. Себестоимость в расчете на единицу произведенной продукции упала на 19 процентов.

В то же время новая шкала ясно продемонстрировала по-прежнему низкий уровень квалификации занятых в ку-

бинской промышленности — 71 процент неадминистративных работников МИНИНДа попали в три низших разряда новой шкалы.

Введение новой шкалы оплаты труда происходило на фоне весьма непростых отношений с кубинскими профсоюзами. Последние привыкли работать легально при всех предыдущих режимах потому, что никогда не выдвигали политических требований, но зато очень активно боролись за повышение оплаты труда. При новой власти профсоюзам пришлось привыкать к тому, что интересы рабочих отдельных предприятий надо было жестко увязывать с интересами развития экономики в целом. При социализме повышение зарплаты одним означало, что деньги на это придется взять у других, если это повышение не является результатом роста производительности труда.

Че, как и все руководство «Движения 26 июля», относился к дореволюционным кубинским профсоюзам, мягко говоря, скептически — все командиры Повстанческой армии помнили, как профсоюзы фактически проигнорировали призыв к общенациональной политической забастовке в апреле 1958 года.

Тем не менее, будучи министром, Че рекомендовал всем администраторам включить руководителей местных профсоюзных организаций в руководящие органы предприятий, хотя по закону этого не требовалось. Он считал, что через плотную работу с профсоюзными организациями можно лучше мотивировать рабочих к росту производительности труда. Людям, говорил министр, нужно кропотливо разъяснять связь между результатами их труда и ростом благосостояния в масштабах всей страны. Через профсоюзы Че хотел привить рабочим и вкус к добровольному труду на благо общества.

С принципиальной точки зрения Че был вполне согласен с Лениным, что после построения социализма профсоюзы в принципе не нужны. Ведь никаких классовых конфликтов между частным хозяином и его наемными работниками больше нет. Поэтому в первый год своего пребывания на посту министра Че рекомендовал своим сотрудникам внимательно прочесть работу Ленина «Государство и революция», в которой говорилось о постепенном отмирании профсоюзов. Советские профсоюзы Че считал забюрократизированными и в общем-то ненужными самим же рабочим.

Однако позднее министр промышленности пересмотрел свою же точку зрения на профсоюзы и фактически перешел на «советские» позиции. Че рекомендовал всем администраторам наладить тесный контакт с профсоюзными организациями и фактически, как и в СССР, профсоюзы на Кубе превратились в «приводной ремень» правящей партии и заводской администрации. Это было логично — ведь и правительство, и директора были не врагами рабочих, все вместе делали одно и то же дело.

Многие отраслевые профсоюзы были не согласны с главным принципом Че — упором на моральные стимулы. Например, докеры выступили категорически против ограничения размеров премии за перевыполнение норм. Не понимали они также, почему 50 процентов бонуса за перевыполнение идет государству. Че возражал — если все станут существенно перевыполнять нормы, то, значит, надо менять сами нормы, а не размер премий.

В системе БФС (и Че это прекрасно видел) была одна слабая сторона не только по сравнению с капитализмом, но и с советским хозрасчетом. При хозрасчете центральные государственные органы могли ослабить контроль за количеством и качеством продукции — все это контролировал рынок. Плохую и дорогую продукцию просто не покупали ни смежники, ни потребители. Но в БФС от рынка и товарно-денежных отношений отказались, и вопросы контроля количества и качества легли на плечи министерства промышленности.

Поэтому Че был своего рода «фанатиком» бухгалтерии и новых методов планирования и контроля. Он считал, что, автоматизировав с помощью компьютеров учет и контроль, можно добиться хороших результатов как по количеству, так и по качеству производимой продукции.

Но на Кубе поначалу не хватало даже нормальных бухгалтеров, без которых был невозможен любой учет. До 1959 года американские дочерние компании на Кубе, как правило, вообще не имели собственных бухгалтерий — весь учет проводился централизованно в материнской компании в США. Потом стало еще хуже. В первые два года революции из 1200 имевших лицензию бухгалтеров страну покинули 800.

Че считал бухгалтерию главным стержнем системы учета БФС и требовал от всех управленцев и директоров заводов овладеть этой специальностью (помимо конкретной

технологии производства). Его первым заместителем был, как уже упоминалось, Орландо Боррего, и именно потому, что еще до революции получил диплом бухгалтера.

Довольно быстро министерство промышленности выпустило своего рода справочник для администраторов заводов, в котором описывались их обязанности, в том числе и в сфере бухгалтерского учета. Че постоянно требовал от директоров изучать аналитическую статистику — ведь без нее был невозможен четкий административный контроль производства. А без административного контроля была невозможна и сама БФС. Ведь в отличие от хозрасчета с его экономическими рычагами в БФС действовали только рычаги административные.

К тому же центром всей БФС был постоянный анализ издержек, себестоимости, а без четкого бухгалтерского учета это было невозможно.

Причем Че считал, что американцы оставили на своих дочерних предприятиях на Кубе (перешедших государству) прекрасную систему контроля и учета, гораздо лучше советской бухгалтерии. Поэтому он постоянно изучал труды западных теоретиков и практиков менеджмента, например Анри Файоля или Ли Якокки, и рекомендовал своим сотрудникам делать то же самое. Че выписал для министерства несколько американских экономических журналов (например «Форчун»).

Особенно внимательно Че изучал популярную тогда в США систему организации производства в компании «Дженерал моторс». Ведь на всех предприятиях концерна был единый централизованный бюджет, как и в «консолидадос» БФС.

Вопреки мнению советских советников он создал в структуре министерства промышленности департаменты, организации и инспекции. Че говорил, что верит в человека, но все же пока этого человека надо контролировать. Ведь этот человек — еще не новый.

При этом Че был отнюдь не принципиальным сторонником жесткого централизованного контроля над предприятиями «сверху». После того как для предприятия утверждался финансовый и производственный план, администратор нес полную и единоличную ответственность за его выполнение. Че посмеивался над советской системой, в которой заводом фактически руководила «тройка» — директор и секретари партийного и профсоюзного комитетов. Эту, по

мнению Че, «святую троицу» ни в коем случае нельзя было копировать, так как она размывала принцип единоличной ответственности директора.

Со временем, полагал Че, система автоматизированного контроля в режиме реального времени позволит министерству отказаться от вмешательства в повседневную жизнь предприятий, и оно сосредоточится на подборе кадров и формулировании общенациональных планов развития промышленности. Именно поэтому Че был сторонником повсеместного внедрения компьютерной техники и современных систем связи, типа телексов и телетайпов.

Но любая техника не решала свойственную и для капитализма, и для социализма проблему приписок и фальсификации отчетности человеком (умышленную или случайную). Ведь в машину можно заложить любые данные — она стерпит.

Поэтому Че и ввел регулярные инспекции на заводах как для себя самого, так и для всех руководящих сотрудников министерства. Директоров «консолидадос» экзаменовали на владение реальными данными и на регулярных двухмесячных совещаниях в министерстве.

Например, однажды они должны были по памяти ответить министру на 15 вопросов. Все ответы анализировали специально приглашенные эксперты. Особое внимание уделялось себестоимости продукции. Например, если директор называл стоимость одной единицы произведенной на его заводе продукции, он должен был обосновать эту цифру. Три неправильных ответа означали автоматическое отстранение от должности, хотя в реальности этого ни разу не произошло.

К 1963 году в промышленности удалось наладить неплохой статистический учет, однако слабым местом пока еще оставался анализ того моря цифр и графиков, в котором «купались» директора. Министр настаивал на жесткой исполнительской дисциплине: определенные данные должны были предоставляться в конкретные дни. Причем если в отчетах содержались отклонения от плановых цифр, то надлежало объяснить причину этих отклонений и описать принятые для их устранения меры. Отчет за месяц, например, надо было сдать в министерство не позднее пятого дня следующего месяца.

Че сам читал практически все отчеты и иногда вызывал директоров «консолидадос», чтобы они разъяснили ему те

или иные цифры. Любые приписки или неточности означали наказание или увольнение.

Задолго до того как весь мир в 80-е годы XX века стал восторгаться японской системой «just in time», Че ввел эту систему на Кубе. Он считал, что любые запасы на складах — это выброшенные из процесса производства народные средства. В БФС продукция на складах была равносильна чрезвычайному происшествию.

Кстати, в этом вопросе Че также прилежно изучал опыт ведущих американских корпораций. Особенно ему понравилась внедренная американцами на никелевом руднике «Никаро» система карточек, показывающих, где и почему находится конкретный товар на каждом складе. На карточке содержались сведения, сколько единиц данной продукции было использовано в текущем году, что сразу же могло дать представление, сколько еще таких единиц надо (или не надо) закупить в будущем.

Система таких карточек была введена на всех «консолидадос» МИНИНДа. Даже в туалетах были карточки, показывавшие, когда были заменены те или иные сантехнические приборы и когда надо их менять в следующий раз.

Наладив систему контроля складских запасов в масштабах министерства, Че в марте 1963 года передал ее на уровень «консолидадос». Отныне министр во время всех своих посещений заводов обязательно осматривал склады. Излишки продукции в них были для директоров «черной меткой».

Важным элементом БФС, основанной на административном контроле, были инспекции со стороны министерства. Департамент инспекции МИНИНДа подвергал заводы жесткому аудиту. Уже в феврале 1961 года сразу же после основания министерства промышленности в Департаменте контроля и инспекций работало более сотни сотрудников.

Че сам читал отчеты департамента, иногда ночью после основной работы. Как-то в восемь утра один из сотрудников застал министра в кабинете читающим очередной отчет. При этом Че стоял и опирался на выдвинутый из картотеки ящик — сидя он боялся уснуть от переутомления.

Фактически министр сам был главным контролером. Он появлялся на заводах неожиданно, иногда в два или три часа ночи, и забрасывал ошеломленного директора целым градом вопросов о финансовых и производственных показателях. Так как перед своими «набегами» Че внимательно

изучал документацию по соответствующему предприятию, обмануть его было сложно. Каждый администратор завода должен был иметь на руках план дневного производства и отчет по нему уже в течение первых четырех часов работы каждого рабочего дня.

В 1962—1963 годах было принято решение передать службу инспекций и контроля на уровень «консолидадос», но уже летом 1964 года это решение было признано ошибочным и произошла рецентрализация — выяснилось, что при БФС предприятия вряд ли способны контролировать сами себя. На тот момент в Департаменте инспекций МИНИНДа работали уже более шестисот сотрудников.

Так как прямые связи между предприятиями в системе БФС были запрещены (смежников назначали сверху), то возникал вопрос: как быть, если одно предприятие поставило другому некачественную продукцию? Ведь тогда срывался план работы всей производственной цепочки различных предприятий.

В 1963 году в рамках министерства промышленности была учреждена Арбитражная комиссия для разбирательства споров между предприятиями. Комиссию курировал непосредственно министр. При этом комиссия назначала виновным предприятиям штрафы в денежной форме, что было для БФС весьма странным — ведь эти предприятия не рассматривались как самостоятельные юридические лица. Предприятия, работавшие в системе хозрасчета, вообще не признавали Арбитражную комиссию — в их прямых связях действовали рыночные механизмы, и они могли просто отказаться платить за некондиционную продукцию.

В 1963 году Арбитражная комиссия открыла 104 дела по жалобам предприятий, из которых 11 касались качества продукции. В 1964 году пришлось уже рассматривать 237 жалоб (в том числе 81 — на неисполнение заключенных договоров). «Консолидадос» МИНИНДа заплатили в этом году штрафов другим ведомствам на 6,6 миллиона песо[328]. В 1966 году Арбитражная комиссия МИНИНДа была реорганизована в Национальную арбитражную комиссию и стала рассматривать споры с участием любых предприятий страны.

Сразу после образования министерства промышленности всем «консолидадос» предписали представлять в МИНИНД годовые отчеты. Для стиля работы Че было характерно, что, прежде чем «спускать» вниз всякие указания, он заботился о том, чтобы эти указания были проработа-

ны, в том числе и с учетом мнения самих предприятий. Для подготовки годовых отчетов министерство предварительно разработало для директоров подробную инструкцию, как их составлять.

Получив отчет, Че назначал трех ответственных работников министерства для его анализа. Одновременно Департамент инспекции посылал на предприятие двух ревизоров и двух аудиторов для анализа соответствия отчета реальным показателям. Наконец, отчет изучали в профильном департаменте министерства. По итогам этой процедуры происходило обсуждение отчета в министерстве с участием самого министра. Обсуждение это было весьма подробным и занимало, как правило, не менее четырех часов. Директор отвечал на многочисленные вопросы, причем Че всегда интересовался не только производственными и финансовыми показателями, но и положением коллектива, его настроениями. Иногда обсуждения отчетов проходили не в министерстве, а на самих предприятиях, и Че интересовался мнением работников о своем руководстве.

В 1962 году предприятия министерства промышленности успешно выполнили план, но Че уже выявил новое узкое место — инвестиции. Их уровень министр назвал «скандально низким», а ведь без инвестиций нельзя было расширять производство. Че объявил инвестиции одной из самых главных задач министерства на 1963 год и потребовал от директоров «консолидадос» уже к марту 1963 года представить свои максимально конкретные инвестиционные планы.

Вообще проблема отсутствия интереса предприятий к инвестициям являлась, пожалуй, главной ахиллесовой пятой БФС. Ведь предприятия были лишены финансовой самостоятельности и не могли брать кредиты в банках. Получалось, что расширение производства вкупе с выделением необходимых для этого средств стало исключительной прерогативой министерства. А раз так — то директора предприятий этим и не интересовались, так как они фактически выступали в роли простых исполнителей плана.

Че был вынужден выступить за децентрализацию инвестиционных решений, но средства на их выполнение, как и ранее, выделяло министерство. У директоров по-прежнему не было особого стимула предлагать расширение производства — ведь это означало дополнительную ответственность помимо выполнения и так напряженного плана.

В итоге в 1963 году инвестиции опять «централизовали» на уровне министерства. Их стали просто включать в план, и директорам не оставалось ничего иного, как выполнять указания. В 1964 году инвестиционная программа МИНИНДа составила 142 миллиона песо. 50 процентов этих средств было потрачено на закупку оборудования, 27 процентов — на строительство, 13 процентов — на сборку агрегатов. К декабрю 1964 года план по инвестициям был выполнен на 78 процентов.

Однако некоторое оборудование, закупленное (в том числе и в СССР) еще в 1960 году, к тому времени все еще не было установлено.

Че жаловался, что Центральная плановая комиссия дает его министерству недостаточное количество средств. Он с возмущением говорил о глупых расходах плановиков, например о выделении 50 тысяч песо на танцоров.

В 1964 году министр опять решил передать процесс выработки инвестиционных решений на уровень «консолидадо», сопроводив эту децентрализацию рядом жестких требований. Например, все инвестиционные проекты должны были иметь срок реализации не более одного года. Желательно было осуществлять инвестиции без срыва основной производственной программы. Администратор завода должен был представлять еженедельный отчет о ходе реализации инвестиционного проекта.

Работа над инвестициями, как и все остальные аспекты деятельности Че как «менеджера», говорят о главном его качестве — Эрнесто Геваре претил догматизм во всех его проявлениях. Министр был готов не просто пересмотреть собственные решения, но и публично перед лицом подчиненных признать их ошибочными.

Че, как уже упоминалось, стремился немедленно использовать в работе любой прогрессивный зарубежный опыт, в том числе и западный. Еще в 1960 году он потребовал организовать грамотный маркетинг товаров и службу качества. Соответствующий департамент МИНИНДа получил наименование «Исследование продуктов». Че понимал, что рост промышленного производства отнюдь не всегда сопровождался ростом качества выпускаемой продукции. В сентябре 1962 года он назвал абсурдной погоню за количеством в ущерб качеству: «Если мы сделаем два миллиона пар ботинок, продадим их по одинаковой цене, а через четыре дня эти ботинки придут в негодность, то мы ничего не добьемся»[329].

Че всегда говорил, в том числе и публично, что социализм не может быть эффективнее капитализма просто по определению. В 1964 году он писал: «Лишь одно соображение, над которым я вам советую подумать: противополагать неэффективность капиталистического управления предприятиями социалистической эффективности — значит путать желаемое с действительным. Неоспоримые преимущества социализм имеет в сфере распределения, в осуществлении централизованного планирования, где он смог преодолеть технологические и организационные изъяны, присущие капитализму»[330].

То есть Че призывал не просто гордиться социализмом, а сделать его эффективнее капитализма. И для этого надо было серьезно поработать.

Если социализм был эффективен в централизации, то это же было его слабым местом в том, что касалось производства товаров народного потребления. Здесь как раз требовались максимальная гибкость и децентрализация. Как-то на одном из «консолидадос» «Текстиль» Че попросили высказать мнение о новом фасоне женских платьев. Министр ответил: «Вы считаете, что я должен отвечать за то, как одеваются женщины в этой стране? Я отказываюсь обсуждать данную тему. Это должны решать специалисты и дизайнеры. Самое плохое, что может случиться с женщинами на Кубе, — это если министр будет решать, какую одежду им носить. Если я скажу, что мне нравится красный цвет, это ведь не должно означать, что все женщины должны носить красное»[331].

Однако Че все же понимал, что именно разнообразие фасонов одежды и обуви — слабая сторона жестко централизованной БФС. В выборе фасона могли ошибиться и дизайнеры, да и сам фасон мог измениться в течение планового года. Однако лишенному всех финансовых прав предприятию нельзя было быстро перестроить производство без санкции министерства. А значит, получалось, что фасоны дамской одежды все же определял министр — пусть и не напрямую, а через выделение дополнительных средств на перестройку производства.

Собственно, эта проблема была слабым местом всех экономических моделей социализма. Ведь даже при хозрасчете времен Хрущева все цены в СССР устанавливало государство, а это во многом сводило на нет экономические стимулы для предприятий. Че рассказывал, что был поражен различием в качестве и ассортименте потребительских

товаров между Швейцарией и самой развитой социалистической страной — Чехословакией.

Правда, в том, что касается Кубы, Че был склонен выделять два основных препятствия на пути улучшения качества продукции — американскую блокаду и слабую дисциплину, свойственную многим кубинцам. Но главной проблемой все же было отсутствие конкуренции, которую надо было срочно заменить административным контролем качества. Конечно, формально стандарты качества были составной частью плана, и менять их директора не имели права. Но что делать, если эти стандарты просто не соблюдались? Штрафовать? Но в этом случае государство штрафовало самого себя, да и полной гарантии, что штраф приведет к повышению качества, не было.

Проблему качества в БФС так и не решили. При задуманной Че экономической системе единственной гарантией качества было новое отношение человека к труду, но оно пока еще не сформировалось. К тому же даже самоотверженный сознательный труд одних не имел никакого значения, если этим энтузиастам уже приходило плохое сырье от смежников.

Че постоянно искал пути улучшения работы предприятий своего министерства. При этом он всячески поощрял инициативу снизу и очень расстраивался, если ее не чувствовал. Главными для Че были проблемы не производства, а человека на производстве.

Инструментом обратной связи были совещания в министерстве с участием директоров «консолидадос», проводившиеся раз в два месяца. Первое такое совещание состоялось в январе 1962 года. Че поощрял директоров за откровенность и сам подавал в этом пример.

Министерство издавало три журнала: «Нуэстра индустриа» («Наша промышленность», 1961)*, «Нуэстра индустриа технологика» («Наша промышленная технология», 1962) и «Нуэстра индустриа экономика» («Экономические проблемы промышленности», 1963). В этих журналах директора, администраторы и работники могли поднимать любые злободневные вопросы. Все номера предварительно просматривал министр. Только один раз Че высказал недовольство — когда увидел свое фото в одном номере четыре

---

* Весь тираж этого основного журнала министерства (35 тысяч экземпляров) выпускали семь человек, причем на бумаге, сделанной из отходов сахарного тростника.

раза. С тех пор фотографий министра не публиковали. Зато министру нравилось, когда в журнале описывались трудовые подвиги простых рабочих — «новых» людей, которых он так нетерпеливо ждал.

Министр настаивал на том, чтобы все директора «консолидадос» и заместители министра регулярно (минимум раз в две недели) посещали подчиненные им заводы и обязательно общались с людьми всех рангов и должностей. Во время таких визитов были обязательными встречи не только с администраторами, но и с лидерами профсоюзной, женской и комсомольской организаций. По итогам каждого визита директор должен был представить в министерство отчет, содержащий конкретные предложения по улучшению работы предприятия. Че формализовал форму таких отчетов, разбив их на рубрики. Например, в документе был раздел «Склад», в котором требовалось отразить определенные заранее показатели.

Все эти отчеты писал во время своих посещений заводов и сам министр. И никакие события не могли заставить Че изменить этот порядок — ведь с него брали пример все остальные. Когда в октябре 1962 года разразился Карибский кризис, Че выехал из Гаваны в штаб Западной группы войск (которой он командовал) в Пинар-дель-Рио, и его подчиненные в министерстве надеялись, что очередной визит шефа на завод будет отложен. Однако Че явился на заседание в МИНИНД (где должны были слушать его отчет) вовремя, извинившись только, что представит отчет в рукописном виде — в его штабе не было секретаря, а сам он на пишущей машинке работал медленно. В момент самой острой опасности для Кубы министр, как и планировалось заранее, посетил фабрику по производству карандашей.

Все время своего пребывания на посту министра промышленности Че постоянно пытался бороться против бюрократизма, хотя во многом тенденции этого самого бюрократизма были заложены в БФС с ее централизацией. Министр это понимал и разрабатывал все новые и новые инструменты (в целом весьма успешные) для противодействия косности, иждивенчеству и поощрения творческой инициативы рядовых сотрудников. К тому же любые формы участия рабочих и служащих в управлении производством он считал важными вехами на пути формирования «нового» человека.

Еще в 1960 году на Кубе по инициативе Че возникли комитеты по запасным частям.

До революции 95 процентов всего оборудования на Кубе было американским и любую запасную часть можно было получить в США в течение двух рабочих дней[332]. В том числе и поэтому все американские дочерние компании на острове не имели на складах больших запасов запчастей. Объявленная американцами в 1960 году экономическая блокада поставила кубинскую экономику на грань полного краха.

Чтобы решить проблему запчастей, Че сначала объединил все 38 небольших машиностроительных и металлообрабатывающих предприятия Кубы в единый «консолидадо», чтобы лучше маневрировать силами и средствами. Затем, в том же 1960 году, были созданы комитеты трудящихся по запчастям. Они разрабатывали и производили запчасти с использованием местных ресурсов.

В августе 1961 года Че констатировал, что комитеты добились прекрасных результатов и коллапса экономики удалось избежать. К тому же это была первая успешная кампания министра промышленности по развитию творческой инициативы масс. Хотя на уровне министерства существовала Высшая комиссия по запасным частям, она занималась в основном уже только формулированием проблем, а не их решением. Это и был идеал Че — со временем, надеялся он, министерство промышленности будет только сводить воедино инициативу с мест и оформлять ее в виде национального плана развития кубинской экономики.

В 1962 году на Кубе с большим успехом прошла 1-я Национальная выставка запасных частей, где было представлено более пятисот различных запчастей, произведенных на Кубе с участием комитетов трудящихся — от электродов до валов для насосов. Успехи в данном направлении отражались практически в каждом номере «Нуэстра индустриа».

При этом Че никогда не стремился авральным «выезжать» на энтузиазме трудящихся, особенно для прикрытия ошибок руководящих органов. Человек был для него прежде всего не средством, а целью развития производства. Министр прямо признал своей ошибкой то, что во время первого визита в СССР он упустил из виду проблему запасных частей. Но Че не только самокритично признавал свои ошибки — он всегда пытался их исправить. Уже в ноябре 1960 года Советский Союз по просьбе Че принял решение оказать Кубе помощь в производстве запчастей — советские специалисты всего за 16 месяцев смонтировали на

Кубе механический завод. Это предприятие, находившееся в Санта-Кларе (площадью в 16 тысяч квадратных метров), могло производить четыре тысячи деталей в год при работе в две смены. 3 мая 1964 года завод в этом крайне важном для него городе торжественно открыл сам министр промышленности.

В 1962 году на Кубе, учитывая успех комитетов по запчастям, началось движение «Сконструируй свою собственную машину». Техники и инженеры образовывали рабочие группы и создавали уже не просто запчасти, а целые механизмы. Помимо всегда интересовавшей его темы воспитания нового человека, Че видел в этом движении инструмент достижения технологической независимости Кубы. В ноябре 1961 года он говорил рабочим (возможно, несколько упрощая проблему), что любая машина — не более чем набор деталей: «...мы должны научиться любить ее и постичь механический смысл любой машины»[333].

Что касается стимулов, то Че говорил, что любой рабочий, техник или инженер, создавший собственную машину, должен иметь возможность стать директором.

В марте 1962 года министр не без горечи был вынужден признать, что движение сильно забюрократизировалось, и предпринял попытку оживить его. В каждом номере «Нуэстра индустриа» публиковались материалы о тех, кто создал новые механизмы. В феврале 1964 года Че выступил по телевидению и заявил: «Будущее промышленности, будущее человечества — не за теми, кто работает с бумажками, оно за теми, кто создает машины... Оно — за людьми, которые изучают большие технологические проблемы, разрешают их... открывают новые материалы и понимают, как извлечь новые вещества из природы»[334].

Че стоял у истоков и массового движения рационализаторов и изобретателей на Кубе*. Еще возглавляя Департамент промышленности ИНРА, Че открыл его двери для всех, кто хотел поделиться своими идеями. Конечно, среди хлынувших в департамент «кулибиных» были разные люди, но Че очень ценил их энтузиазм и требовал от своих сотрудников уважительного отношения к самым различным (пусть и странным на первый взгляд) предложениям. Люди несли проекты самолетов, комбайнов по уборке сахарного тростника и даже генератора по производству тока из морских течений[335].

---

* За образец взяли аналогичное движение в СССР.

Постепенно в министерстве промышленности образовался целый музей макетов и моделей самых различных машин и механизмов. Иногда по ночам молодые сотрудники (даже заместители министра) играли с ними, вспоминая детство.

Всем директорам «консолидадос» было дано указание образовать на каждом заводе «новаторскую» группу рабочих и инженеров и предоставить ей самый широкий простор для инициативы. Говорили, что Че взял при этом за образец существовавшие на японских предприятиях «кружки качества», с которыми он познакомился во время своего визита в Японию в 1959 году.

В целом Че был доволен изобретательской активностью масс: «Никто не мог даже представить еще пару лет тому назад, что это движение превратится в организованную силу, которая позволит нам решить бесчисленные технические проблемы, с которыми промышленность страны столкнулась после национализации. Из оценки всех этих проектов, часть которых казалась чистой воды фантазиями, очень быстро появились великолепные технические решения для развития сельского хозяйства и промышленности на Кубе... Движение изобретателей и рационализаторов охватило всю страну, и его импульс сохранился по сей день...»[336]

Но Че не почивал на лаврах. В октябре 1963 года на совещании с директорами он говорил, что любой инженер и техник по своей сущности должны быть новаторами, и руководство заводов должно это новаторство всячески поощрять. Правда, и в этом вопросе Че был принципиальным сторонником применения исключительно моральных стимулов, включая придание изобретателям особого социального статуса и повышение престижа в национальном масштабе.

Еще одним рычагом для раскрепощения производственной активности масс стали созданные в 1961 году на предприятиях консультативные технические комитеты. В них входили наиболее толковые рабочие, техники и инженеры, часто превосходившие по уровню технических знаний свежеиспеченных директоров. Обычно в комитете состояло до 10 процентов рабочих и служащих завода. Собирались эти комитеты по мере необходимости, как правило, для решения каких-либо сложных производственных проблем. С социальной и политической точки зрения Че видел в этих комитетах «смычку» между рабочими и руководством предприятия, между людьми умственного и физического труда.

На протяжении всей своей жизни Эрнесто Гевара просто на дух не выносил тех «интеллигентов», которые пренебрежительно относились к физическому труду.

В 1961 году министерством труда были созданы, а в январе 1962-го узаконены производственные ассамблеи на всех государственных и смешанных (по форме собственности) предприятиях. В «пилотном» порядке ассамблеи сначала появились на предприятиях системы МИНИНДа.

Собрать ассамблею могли дирекция, профсоюзный комитет, партийная или комсомольская организации не реже раза в три месяца, причем в своем министерстве Че настаивал на ежемесячных собраниях. Заранее оглашалась и доводилась до всех рабочих повестка дня. Председателя и секретаря ассамблеи выбирали на самом собрании. Че требовал от ассамблей как можно больше критики (в том числе и дирекции) и самокритики. По итогам заседания полагалось сформулировать письменное решение поставленных на повестку дня проблем. Дирекция была обязана это решение изучить и либо выполнить его, либо представить аргументированные возражения.

Поначалу многие ассамблеи превратились в многочасовые «говорильни», а их решения занимали десятки страниц. Соответственно, некоторые директора не только не выполняли решения ассамблей, но даже не изучали их.

Но для Че было свойственно постоянное корректирование принятых решений, и он не замедлил «подправить» ассамблеи организационно. Был разработан жесткий деловой регламент. Уже в самом начале заседания объявлялось время его окончания, у каждого докладчика был четкий временной лимит. Чтобы ассамблея имела по-настоящему представительный и легитимный характер, в ней должно было принять участие не менее 70 процентов трудового коллектива. Че постоянно предостерегал директоров от бюрократизации ассамблей — министр говорил, что они должны быть «живыми» и самокритичными.

Однако в начале 1964 года министр был явно недоволен — директора во многом игнорировали решения ассамблей, а рабочие именно поэтому не видели большого смысла в участии в них. В феврале 1964 года на совещании в МИНИНДе Че попросил поднять руку тех директоров, которые даже не анализировали решения ассамблей. Таких нашлось семеро, хотя министр подозревал, что на самом деле все обстоит еще хуже. Практически не оказалось ассамблей с уровнем участия более чем 70 процентов трудо-

вого коллектива. Министр как всегда «резал правду-матку»: «Участие рабочих в управлении предприятиями сегодня равно нулю — вопреки всем нашим инструкциям. Каждый раз, приезжая на предприятие, я спрашиваю, как проходят производственные ассамблеи... и администратор сообщает мне: "Собрания, конечно, проводятся ежемесячно, но проходят они скучно, плохо посещаются, люди не проявляют активности"...

В чем же причина недостаточного участия рабочих и их апатичности? Просто они воспринимают посещение собраний как обязанность перед кем-то посторонним, а не как нечто, необходимое для того, чтобы самим разобраться во всем происходящем»[337].

Для Че это было страшно — ведь это было то самое отчуждение рабочего от результатов труда, которое было при капитализме, наблюдалось и в СССР и которое он так хотел победить на Кубе. В 1964 году он был вынужден констатировать: «Но пока что мы оказались неспособными создать такие системы, в рамках которых... человек даст [обществу] все, что он может дать; и изъяны в наших механизмах ведут к тенденции превращения человека в машину. Даже такие вещи, как добровольный труд, превращаются в механические... Существует некая умственная лень, препятствующая тому, чтобы проникнуть вглубь проблемы, чтобы осознать, что мы делаем, и попытаться понять причины происходящего.

У нас избыток дисциплины в том, чтобы "следовать линии", и недостаток дисциплины сознания, дисциплины поиска ответов...»[338]

И все же ассамблеи сохранились и после «исчезновения» Че с Кубы — одно из многих нововведений министра промышленности, переживших Эрнесто Гевару на многие годы.

У БФС был еще один существенный недостаток — лишенные хозяйственной самостоятельности предприятия поддерживали отношения только с вышестоящими органами, но не имели никаких контактов с соседними заводами. Это приводило к гротескным ситуациям. Например, на одном хлебозаводе вышла из строя печь, и срочно понадобился печник-каменщик. Он имелся в наличии на соседнем сахарном заводе, но его администратор не видел никаких причин помогать соседу из другого «консолидадо». Министру пришлось вмешаться в режиме «ручного управления» — он

пригрозил директору сахарного завода тем, что его рабочие останутся без свежего хлеба.

Но такие решения не могли быть нормой, и Че это понимал.

Для налаживания в рамках БФС горизонтальных связей между предприятиями были образованы комитеты местной промышленности, начавшие свою работу в 1962 году. По идее находившиеся в одном районе предприятия должны были обмениваться избыточными ресурсами без указаний свыше. Но дело в добровольном режиме явно не пошло, и пришлось прибегнуть к административным рычагам. В 1963 году Че назначил в министерстве ответственного за работу комитетов. Все предприятия МИНИНДа уже в обязательном порядке стали членами комитетов — обычно в рамках комитета объединялось 15—20 заводов* и на свои заседания комитеты собирались не реже раза в две недели. Каждое заседание по системе ротации вели администраторы разных заводов, причем участие всех администраторов было обязательным. Решения комитетов также были отныне обязательны к исполнению.

Со временем комитеты стали обсуждать законы и директивы МИНИНДа, служить площадками для обмена опытом и повышения квалификации администраторов.

В конце 1964 года самокритичный Че охарактеризовал комитеты местной промышленности как «достаточно успешные» — весьма лестная оценка в устах скупого на похвалу (и прежде всего в отношении себя самого) министра.

В какой-то мере лебединой песней Че на посту министра промышленности стал разработанный им в 1964 году «план интеграции». Речь шла об интеграции физического и умственного труда — вопрос, которому Че всегда уделял первостепенное значение.

Согласно этому плану все директора «консолидадос» в обязательном порядке должны были отработать один месяц в году на должности, как минимум на одну (а лучше на две) позицию ниже их служебного положения. «План интеграции», как обычно, касался и самого министра, его шестерых заместителей и всех руководителей Департамента промышленности МИНИНДа. При этом, чтобы не доводить благую идею до абсурда, в каждый конкретный промежуток времени на низкие должности не следовало переводить

---

* В одной Гаване было создано 20 комитетов.

более 25 процентов чиновников определенного ранга. Например, из шести заместителей министра в любой период мог работать «внизу» только один. В это время его работу выполнял его коллега (помимо своей собственной).

Таким образом Че хотел достичь того, чтобы любой руководитель знал работу подведомственного предприятия на всех ступенях и мог на практике убедиться, насколько правильным является его стиль руководства. Кроме того, Че на многие годы вперед создал на Кубе систему взаимозаменяемости ведущих специалистов-управленцев.

Директор департамента инспекции министерства Хуан Борото три недели работал на конвейере стекольного завода и сортировал бутылки. При малейшей невнимательности бутылка падала и разбивалась. Когда Борото вернулся в министерство, его руки все еще непроизвольно повторяли отработанные на конвейере механические движения[339].

Во время работы на низких должностях директора не имели права ничего менять в системе производства. Им запрещалось давать любые указания. Все обнаруженные недостатки следовало исправлять только после возвращения в директорское кресло. Участвовать в «плане интеграции» запрещалось директорам, находившимся в должности менее шести месяцев, — подразумевалось, что они пока еще не до конца вникли в дела своих предприятий.

Кроме этой меры в «плане интеграции» содержалась идея о формировании в системе МИНИНДа восьми «пожарных» бригад высококлассных специалистов (по бухгалтерии, логистике, механизации и т. д.). Эти передовые бригады в порядке обмена опытом посещали различные «консолидадос» и налаживали там соответствующие сферы производства или управления. Например, «консолидадо» «Мыло и духи» организовало бригаду по грамотному управлению складами. Бригады должны были вести себя уважительно, по-товарищески, не готовить никаких отчетов «наверх» с критикой существующих на том или ином предприятии порядков. То есть Че таким образом опять хотел активизировать горизонтальные контакты между предприятиями, хотя в который раз будить инициативу пришлось именно «сверху».

Другой составной частью «плана интеграции» было активное продвижение по службе тех управленцев, кто работал на производстве добровольно и бесплатно во время своего отпуска. При этом Че настаивал на том, чтобы это был именно физический труд.

Надо сказать, что «план интеграции» натолкнулся на сопротивление в кубинском правительстве, и оно его не одобрило. Однако в системе МИНИНДа план ввели в действие в «пилотном порядке» с 1 ноября 1964 года, а с 1 января 1965-го он стал уже осуществляться по всему министерству.

Однако после того как Че покинул Кубу, «план интеграции» был фактически заморожен, а осенью 1965 года отменен.

Как и в других социалистических странах, Куба столкнулась после национализации промышленности с резким ростом числа прогулов. Рабочие отныне считали, что родное государство на улицу их не выставит и зарплату им не урежет. Поэтому можно было и «поболеть» вволю.

Прогулы охватили и само министерство промышленности. Че иногда просто ходил по этажам своего ведомства, без предупреждения заглядывая в кабинеты. Многих сотрудников на рабочем месте не было — они «только что отошли» на совещание к такому-то «товарищу». Министр с сарказмом замечал, что все участники «совещания» просто не уместились бы в кабинете этого товарища. Некоторые застигнутые врасплох сотрудники вообще слушали радио или болтали о том о сем.

Как обычно, Че назвал главным виновником создавшегося положения самого себя и взялся за наведение порядка. При этом, верный своему неприятию материальных стимулов и санкций, он прибегнул к моральным способам воздействия. На квартиры к «заболевшим» посылались их коллеги, способные пристыдить симулянта. В стенных газетах на заводах публиковали данные о «прогульщике месяца», но без указания имени и фамилии. Говорилось лишь, что имя и фамилию читатели узнают в следующем номере. Естественно, что весь завод начинал гадать, о ком же конкретно идет речь, и многие, что называется «на всякий случай», начинали «болеть» меньше.

Со временем Че выяснил, что прогульщиков больше всего среди тех, кто раньше работал на американских предприятиях и получал высокую зарплату. После реформы системы заработной платы на Кубе эти люди обычно получали меньше и не горели желанием «вкалывать».

С февраля 1964 года на Кубе по советскому образцу была введена система персональных дел на каждого сотрудника. В делах содержались информация об образовании, карье-

ре, здоровье и другие персональные данные. Туда же добавлялись как благодарности и поощрения, так и взыскания. Причем людей знакомили с этими материалами, и многие начинали работать лучше. Некоторые директора стали критиковать систему личных дел, сравнивая ее с порядками на американских предприятиях на Кубе в дореволюционный период. Че саркастически заметил, что придется, видимо, посылать рабочих в США, чтобы они воочию увидели, как с ними станут обращаться при капитализме.

Кубинские рабочие и служащие так боялись появления в их личных делах данных о плохой работе, что предпочитали в качестве наказания снижение заработной платы.

В декабре 1964 года Че запросил директоров «консолидадос» о результатах применения личных дел. Ответили всего два директора. Один из них признался, что использует личные дела только в качестве «кнута», но не «пряника». Второй отметил, что персональные дела сильно подтянули технических работников, до той поры отличавшихся от рабочих в худшую сторону. Все данные, вносимые в персональные дела, регулярно обсуждались с каждым конкретным работником, и подчас уже сама угроза «пополнения» дел негативными данными давала хорошие результаты в плане укрепления дисциплины.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что персональные дела заводились в основном на управленцев и инженерно-технических работников. Рабочих Че, как обычно, щадил.

Выстроив систему БФС и создав организационную структуру министерства промышленности (которая постоянно адаптировалась к новым задачам), Че одновременно решал принципиальный вопрос — каким стратегическим курсом будет развиваться кубинская экономика.

Здесь не обошлось без ошибок, которые Че, как обычно, открыто признал.

Первоначально он (как уже упоминалось) планировал идти курсом импортозамещения, причем даже не идти, а бежать. Как и Сталин в конце 1920-х годов, Че утверждал, что у Кубы нет 100 или 150 лет для такого же пути развития, каким шли все остальные капиталистические страны: «Нам надо перепрыгнуть через стадии (промышленного развития). Сознавая нашу отсталость, нашу экономическую и техническую слабость, мы должны всегда стремиться использовать лучшие мировые технологии...»[340]

Поначалу Че определил шесть приоритетных направлений импортозамещения:

химическая промышленность;

органическая химия (на базе отходов сахарного тростника);

горнодобывающая промышленность (никель);

производство топлива;

металлургия (прежде всего черная);

продукция, получаемая из сельскохозяйственного производства.

Заметим, что импортозамещение было в то время очень модным «трендом» в Латинской Америке. Всем странам этого региона импортозамещение активно рекомендовала, в частности, Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке (ЭКЛА) — орган в ту эпоху очень авторитетный. Вскоре после победы революции ЭКЛА прибыла и на Кубу, «прописав» и этой стране импортозамещение.

Само по себе импортозамещение выглядело вполне разумной политикой. Однако попытка производить все на бедной сырьем Кубе не имела экономического смысла, о чем Че предупреждал Хрущев еще во время его первого визита в Москву в конце 1960 года. Например, чтобы производить сталь, Кубе пришлось бы закупать большие объемы каменного угля. О каком снижении зависимости от внешней торговли могла идти речь?

К чести Че, он не только умел признавать свои ошибки, но и оперативно их исправлять. Уже в 1961 году он пришел к выводу о необходимости корректировки экономического курса: «Нам не хватало упора на использование наших собственных ресурсов; мы работали с прицелом на импортозамещение готовой продукции, не понимая четко, что эти изделия производятся из сырья, которое необходимо закупить, чтобы произвести их... Мы будем продолжать во многом зависеть от внешней торговли для решения наших проблем...»[341] Че приводил также пример текстильной промышленности: чтобы ее развивать, кубинцам пришлось бы закупать за границей волокно и пряжу, а это — «абсурд».

В августе 1961 года было решено, что с учетом американской блокады сахарная промышленность продолжит оставаться основным столпом кубинской экономики, главным поставщиком валюты и основой роста материального благосостояния народа. Однако Че развил эту мысль

дальше — Кубе со временем необходимо производить и вывозить товары, получаемые из сахарного тростника, с более высокой долей добавленной стоимости. Например ром, бумагу или биотопливо. Че приводил в пример США: там свиной жир (лярд) является побочным продуктом производства свинины и тем не менее прекрасно продается за границей*.

Исходя из этой идеи, Че сформулировал четыре новых приоритета развития кубинской экономики, уже на основе собственных кубинских ресурсов и природных факторов:

сахарная промышленность, но на новом уровне с упором на производство передовых продуктов-деривативов из сахарного тростника (по сути, превращение сахарной промышленности в химическую);

создание собственного флота (транспортного и рыболовецкого) и соответствующей портовой инфраструктуры;

металлургия, в том числе развитие добычи никеля и сопутствующих металлов;

электроника и автоматика.

На этот раз план индустриализации был логичен экономически и вполне осуществим технически, конечно, при помощи социалистических стран, в которой, впрочем, можно было не сомневаться.

Че понимал, что потребуются время и значительные инвестиции (большую часть денег для этого предполагалось первоначально заработать на сахаре, благо СССР закупал его по ценам выше мировых).

Что касается сроков новой индустриализации, то годовых планов для столь масштабных проектов было явно недостаточно. Поэтому в рамках МИНИНДа было учреждено Управление перспективного планирования, начавшее разработку первой кубинской пятилетки (1965—1970). К работе над планом помимо кубинских специалистов (некоторые из них получили образование в США) были привлечены чилийские коммунисты**, а также советники из СССР и Чехословакии. На Кубе на тот момент было всего два компьютера, и оба находились в министерстве

---

* В годы войны американцы поставляли лярд в СССР.

** В Чили госсектор активно развивался еще с конца 1930-х годов, и главной линией экономической политики задолго до Сальвадора Альенде было импортозамещение.

промышленности, участвуя в обработке данных для перспективного плана*.

В 1962 году в МИНИНДе был создан департамент научно-технической информации, аккумулировавший иностранный опыт для главных направлений кубинской индустриализации. В этот же департамент со своими идеями шли кубинские изобретатели и рационализаторы. Поначалу в департаменте работало всего четверо сотрудников, но Че уделял этому подразделению особое внимание, и вскоре там уже были собственный фотоархив и бюро переводов. Департамент также активно трудился над перспективным планом.

Наконец в марте 1965 года (за месяц до «исчезновения» Че с Кубы) план развития кубинской экономики на 1965—1970 годы был готов, и министр дал указание тайно отпечатать 25 экземпляров. Хотя после отъезда Че его «суперминистерство» разделили на ряд отраслевых ведомств (помимо Че никто не был в состоянии справиться с такой громадной ежедневной нагрузкой), основные направления индустриализации, заложенные в плане, последовательно осуществлялись на протяжении многих лет.

Еще при Че для реализации основных направлений научно-технической модернизации Кубы в системе министерства промышленности было создано девять отраслевых научно-производственных организаций (будут рассмотрены ниже). В 1964 году на научно-исследовательские структуры МИНИНДа приходилось 53,2 процента общего бюджета министерства[342]. В развитии новейших технологий на Кубе помогали советские специалисты (черная металлургия, добыча никеля, электроэнергетика, геологоразведка, нефтехимия), чехи и словаки (транспортное машиностроение), китайцы (текстильная промышленность, производство цемента, сельское хозяйство), поляки (верфи) и восточные немцы. В создании Академии наук Кубы активное участие приняли специалисты из Чехословакии.

Всего на конец 1964 года в МИНИНДе работало 640 иностранных специалистов, в том числе 492 — из социалистических стран. Около двух тысяч кубинцев в 1964—1965 годах были обучены прямо в процессе строительства и пуска на Кубе новых заводов. Много граждан Кубы училось за

---

* Один был устаревшей американской моделью «Грейхаунд», использовавшейся на родине для тотализатора. Второй — «Эллиот 803»— кубинцы смогли закупить в Англии.

границей, и Че всегда придавал этому первостепенное значение. На 31 декабря 1964 года по линии МИНИНДа за рубежом учился 1271 кубинец, в том числе 858 — в вузах, 222 проходили подготовку по инженерно-техническим специальностям, 191 — стажировался на высокую рабочую квалификацию.

Несмотря на теоретические расхождения с Москвой по вопросам экономической политики (хозрасчет против БФС), Че всегда с большой благодарностью отзывался о советской помощи Кубе. Он признавал, что Куба строит социализм в гораздо более «комфортабельных» условиях, чем окруженный врагами Советский Союз после 1917 года. То же самое он говорил, сравнивая Кубу с европейскими социалистическими странами. Тем пришлось начинать социалистическое строительство после самой разрушительной войны в истории человечества, и СССР (потерявший почти половину всего накопленного национального богатства) не мог тогда оказать новым союзникам мощную экономическую помощь, особенно в сфере новых технологий. К тому же, отмечал Че, уровень экономического и культурного развития Кубы в 1959 году был выше, чем в некоторых социалистических странах (например, в Албании, Болгарии или Румынии).

Тем не менее горячая признательность в адрес СССР не мешала Че высказываться прямо и открыто по тем вопросам научно-технической политики, где он не соглашался с советской точкой зрения. Например, он считал, что в СССР неправильно относятся к кибернетике, объявленной одно время лженаукой. Но все это было далеко от огульного критиканства китайского образца — Че считал, что его товарищеская критика поможет русским исправить ошибку. Ведь и они помогли ему изменить ошибочный взгляд на индустриализацию Кубы.

Взявшись за модернизацию кубинской экономики по новому лекалу, Че, естественно, уделял первостепенное внимание сахарной промышленности. И это было понятно.

До революции сахар давал Кубе 80 процентов валютных поступлений, а плантации сахарного тростника занимали 70—75 процентов сельскохозяйственных угодий страны*. На «сладкое золото» работали 25 процентов трудоспособ-

* Правда, в силу агротехнических особенностей выращивания сахарного тростника половина земли всегда была под паром.

ного населения, хотя работа эта имела ярко выраженный сезонный характер. Во время сафры на полях гнули спину почти полмиллиона человек, в обычное время было достаточно и 25 тысяч.

Другой особенностью «кубинской сахарницы» было то, что до революции она обслуживала только одну страну — США, и американцы этим беззастенчиво пользовались, постоянно угрожая (причем самым разным кубинским режимам) за «плохое поведение» снизить квоту на закупку кубинского сахара.

Наконец, хотя до 1959 года Куба была крупнейшим в мире производителем сахара*, эта отрасль, по оценкам Всемирного банка, уже прекратила расти и находилась в отсталом техническом состоянии (почти не применялись удобрения, не выводились новые сорта сахарного тростника и т. д.). Американцы потеряли к кубинскому сахару интерес** и предпочитали финансировать более интересный для их ВПК кубинский никель.

Заметим, что среди кубинской городской интеллигенции (а именно из этого слоя поначалу вышли основные лидеры «Движения 26 июля») было распространено не просто пренебрежительное, но подчас и резко негативное эмоциональное отношение к сахарной промышленности. Сахар ассоциировался с рабством, эксплуатацией, внешней зависимостью и отсталостью страны. И во всем этом был свой резон.

Однако аналитики ЦРУ не зря считали Че «сухим и расчетливым»*** — когда речь шла об экономике, министр промышленности руководствовался только точными фактами и объективными оценками, но никак не эмоциями. В 1963 году Че так разъяснял свою «просахарную» позицию: «Вся экономическая история Кубы продемонстрировала, что ни одна другая сельскохозяйственная деятельность не сможет дать нам таких доходов, как выращивание сахарного тростника. В начале революции многие из нас не

---

* В 1959 году в мире было произведено 49,6 миллиона тонн сахара (в том числе 28,9 миллиона тонн — тростникового), из них 6 миллионов тонн — на Кубе.

** В конгрессе США в 1950-е годы усилилось лобби местных производителей сахара, требовавшее прекратить или резко снизить импорт сахара с Кубы.

*** Именно так он характеризовался в составленном в 1964 году американской разведкой психологическом портрете.

осознавали этот базовый экономический факт из-за фетишистской идеи, связывавшей сахар с нашей зависимостью от империализма и с нищетой в сельской местности...»[343]

Революция привела к массовой миграции сельского населения в города, что было связано не только с начавшейся индустриализацией, но и с повышением заработной платы в промышленности. Уже в 1961 году былая массовая безработица на селе сменилась нехваткой рабочей силы на сафре. Че отреагировал призывом помочь на уборке тростника добровольным трудом горожан и, естественно, сам подал пример.

Никогда ранее не сталкивавшийся с сафрой, Че работал мачете весь световой день, задыхаясь от пыли. У него обострилась астма, но окружающие этого не замечали. Министр работал на уборке целый месяц не ради показухи, а чтобы лучше понять, как механизировать отрасль.

Всего в жатве 1961 года приняло участие 200 тысяч добровольцев. Че считал это важнейшим достижением с точки зрения воспитания «нового» человека, но понимал, что с экономической, а главное, технологической точки зрения это всего лишь временное решение.

Для Че всегда в центре внимания был человек, поэтому с самого начала он решил взяться за механизацию сахарной промышленности, чтобы облегчить каторжный труд рубщиков — мачетеро. Тем более что этот труд он опробовал на себе.

Однако неожиданно выяснилось, что механизация уборки и погрузки тростника — дело с экономической и технологической точек зрения спорное, если не сказать вредное.

Во-первых, при уборке комбайнами (некоторые модели таких машин уже испытывали, например, в США и Австралии) тростник не очищался от отходов (как это делали при рубке мачетеро) и его было куда как затратнее перерабатывать. Приходилось запускать отдельный процесс очистки, что увеличивало себестоимость производства. Во-вторых, комбайны при уборке портили насаждения, что затрудняло выращивание нового тростника. В-третьих, комбайны быстро ломались из-за каменистости или неровности почвы — а на Кубе практически на всех плантациях были проложены каналы для дренажа и орошения, да и камней хватало. В-четвертых, рабочие до революции активно противились механизации, справедливо думая, что она приведет к их увольнению или сокращению зарплаты. Эти стереотипы никуда не делись и после 1959 года.

Но все эти моменты казались Че вполне преодолимыми, и уже в 1961 году в системе МИНИНДа была создана Комиссия по механизации уборки сахарного тростника. Не хватало запчастей (американская блокада уже действовала) и технических специалистов, но зато было через край энтузиазма и веры в собственные силы. Уже в течение года удалось построить 500 погрузчиков тростника (альсадорас) для следующей сафры. Позднее произвели более пяти тысяч штук.

Затем комиссия взялась за уборочные комбайны и, несмотря на блокаду, министерству удалось закупить американскую и австралийскую модели. Их пришлось существенно адаптировать к кубинским условиям*, и это заняло много времени. Конечно, много, по меркам министра промышленности, привыкшего работать быстро и целеустремленно. Через девять месяцев было создано предприятие по производству комбайнов, причем в этом деле серьезно помогли специалисты из Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Аргентины. Уже в первый год произвели 600 комбайнов упрощенной модели (приходилось учитывать пока еще низкий технологический уровень кубинской промышленности).

В сафру 1962/63 года первые кубинские комбайны вышли на поле. Естественно, что на одном из них трудился министр — как обычно абсолютно бесплатно. Че вызвал на соревнование своего первого зама Боррего. Работать решили с 6 утра до 6 вечера с перерывом всего 15 минут, чтобы протестировать машину в максимально сложных условиях. Вечером Че светился от радости — комбайн выдержал, — и окружающие не замечали, что министра мучает астма. Люди зааплодировали, когда Че объявил, что битва за механизацию тяжелейшего труда мачетеро выиграна.

Сам же он продолжал эту битву еще неделю и убрал на комбайне 45 тысяч арроб (495 тонн) тростника. Рабочие отметили это достижение министра новыми аплодисментами, но Че счел похвалу в свой адрес незаслуженной: «Я сказал вам о своем результате не ради аплодисментов, а для того, чтобы привести пример и предъявить вам свой рекорд, который вы, как я надеюсь, побьете уже завтра: ведь 45 тысяч арроб убрал оператор-новичок без всякой подготовки»[344]. Че вызвал опытных рабочих на соревнование и улучшил

---

* Например, комбайны хорошо работали только на прямом тростнике, но плохо справлялись с полеглым.

собственные достижения — он смог «скосить» на комбайне 22 тысячи арроб за день.

Заметим, что Че был готов пойти на отход от своих принципов, чтобы побороть страх рабочих перед механизацией сафры — на первое время всем мачетеро была сохранена сдельная форма оплаты труда, к которой они привыкли. То есть машины не привели к снижению доходов рабочих.

Че гордился кубинскими комбайнами — он всегда предпочитал практические результаты, а здесь они были налицо. Он говорил: «...объективно комбайны по уборке сахарного тростника представляют собой триумф Революции, демонстрацию возможностей сконцентрировать наши усилия для решения конкретных проблем и предзнаменование того, что через несколько лет у нас будут уже тысячи комбайнов...»[345]

Эрнесто Геваре не удалось увидеть воплощение в жизнь этого своего предсказания, тем не менее оказавшегося абсолютно верным. В 1990 году 71 процент работ на сафре был механизирован, а в 2004 году на Кубе не осталось уже ни одного мачетеро.

В деле механизации сафры Кубе с 1961 года активно помогал Советский Союз. Советские инженеры участвовали в разработке моделей погрузчика и комбайна (включая проектную документацию по предприятиям, производящим эту технику), организации ремонтно-механической базы, подготовке кадров механизаторов[346]. После апробации модели автопогрузчика на Кубе Че заказал в СССР 3,5 тысячи таких машин. Их изготовили на заводе в Коломые (Украина), где уже делали погрузчики, но, естественно, не для сахарного тростника. Однако Коломыйский завод в рекордные сроки разработал серийную модель ПГ-0,5 СТ, и к началу 1970-х годов на Кубе работали уже 10 тысяч таких агрегатов и погрузка сахарного тростника была уже полностью механизирована.

В 1963 году Че обратился к СССР с просьбой создать серийный комбайн, который не только бы рубил тростник, но и очищал бы его от листьев, разрубал стебель на части и грузил эту уже готовую к переработке массу на автомобили или тележки. Сконструировать такую не виданную еще в мире машину поручили Таганрогскому и Люберецкому заводам, и вскоре было изготовлено две модели: самоходный КТ-1 и прицепной КСТ-1. В сафре 1966/67 года на полях Кубы работало уже более девятисот таких комбайнов, хотя

Че этого уже не увидел. Эти машины заменили примерно 20 тысяч мачетеро.

Еще до революции на Кубе была предпринята попытка создать механизированные центры по очистке сахарного тростника от листьев, мусора и земли («сентрос де акопио»). Но американским компаниям было выгоднее использовать дешевый ручной труд кубинских рабочих, и идею забросили. Че немедленно взялся за реализацию этого проекта, и первые центры начали функционировать в 1965 году.

Центры были напрямую связаны с механизацией сафры — любые комбайны, конечно, не могли так же тщательно очищать тростник от отходов, как мачетерос. Поэтому «сентрос де акопио» были необходимы именно при механизированной уборке. Каждый центр за восемь часов обрабатывал 500—600 тонн тростника. В 1965 году таких центров было пять, в 1965—1969 годах было построено еще 384. В сафру 1969 года механизированным способом было обработано 15,4 процента срубленного тростника.

На момент революции на Кубе было 152 завода («централя») по производству сахара, причем 71 из них был построен еще в XIX веке, а самый современный — в 1927 году (!). Техническая отсталость кубинской сахарной промышленности была чудовищной.

Че поручил разработать план модернизации заводов, который стал составной частью перспективного плана 1965—1970 годов. Предполагалось повысить мощность «централей» на 25 процентов, что было равнозначно сооружению тридцати трех новых заводов. На все это выделялось 200 миллионов песо. Как обычно, Че подошел к проблеме комплексно — помимо модернизации заводов планировали реконструировать железнодорожные ветки к «централям» и портовое хозяйство (для наращивания экспорта сахара).

В 1964 году из МИНИНДа было выделено отдельное министерство сахарной промышленности, которое возглавил первый заместитель Че Боррего. В сентябре 1965 года между Кубой и СССР было заключено межправительственное соглашение о сотрудничестве в деле модернизации сахарной промышленности, по которому Москва предоставила Гаване кредит в 70 миллионов рублей (при золотом содержании каждого рубля в 0,987412 грамма чистого золота). На эти деньги предполагалось модернизировать 60 «централей». Хотя на момент заключения этого соглашения Че уже не было на Кубе, именно он был его инициатором.

Всего в 1966—1970 годах СССР в рамках модернизации сахарной промышленности поставил на Кубу около семи тысяч единиц только крупного оборудования[347].

В реконструкции сахарной промышленности Кубе также оказали помощь ГДР (поставка центрифуг, вакуумных насосов, турбогенераторов, котлов), Венгрия (тепловозы широкой колеи, некоторые типы насосов), ЧССР (тандемы, мельницы, турбины, гидропрессы), Польша (регуляторы тяги для котлов, редукторы, насосы, станки) и Румыния (цистерны и вагоны).

Поступательно продвигаясь в реализации своего плана модернизации кубинской сахарной промышленности, Че создал 23 мая 1963 года в рамках своего министерства Кубинский институт по исследованиям в сфере деривативов из сахарного тростника*. Это учреждение, как уже следовало из его названия, должно было организовать глубокую переработку сахарного тростника. Институт возглавил племянник первого послереволюционного президента Кубы Мигель Уррутия, получивший образование инженера-химика в США.

Самым технологически простым для Кубы попутным продуктом переработки сахарного тростника был «багасо» — тростник, из которого уже выдавили сахарный сироп. До революции «багасо» использовали в качестве топлива на «сентралях». Че распорядился изготовлять из него бумагу, и вскоре все публикации МИНИНДа печатались на «багасо», задолго до того, как в Европе стали для этого использовать макулатуру. В планах Че было налаживание производства из «багасо» целлюлозы, картона и вискозы, а также фурфурола**. Кубинцы спроектировали и запустили экспериментальную установку по производству фурфурола мощностью 25—30 килограммов в сутки.

---

* *Instituto Cubano de Investigaciones de los Derivados de la Caña de Azúcar (ICIDCA)*. Существует и по сей день. На главной интернет-странице института с полным правом размещен портрет Че Гевары.

** Фурфурол применяют на предприятиях нефтехимии как растворитель для экстракции диенов (используемых для производства синтетической резины) из смеси углеводородов. Фурфурол и фурфуриловый спирт могут быть использованы вместе или по отдельности для получения твердых смол по реакции с фенолом и ацетоном или с мочевиной. Такие смолы применяются в производстве стекловолокна, некоторых деталей самолетов и автомобильных тормозов. Используют это вещество и в качестве корма для животных, в косметологии и медицинской промышленности.

Предполагалось производить из тростника биотопливо, лекарства, искусственные материалы.

Заметим, что технологий по глубокой химической переработке сахарного тростника в то время не было не только на Кубе, но и во всем мире. Естественно, не существовало и ученых и инженеров-практиков в этой сфере. Поэтому пока Че был на Кубе (а в действительности до 1968 года), институт в основном занимался подготовкой кадров и приобретением оборудования. Но Че и не ждал здесь немедленных успехов, хотя сделал все от него зависящее, чтобы успехи эти наступили уже в обозримом будущем. Так и произошло.

Еще при нем при институте были созданы пилотные предприятия и мастерские, где проводились самые смелые эксперименты. На базе бывшего американского «сентраля», например, было учреждено пилотное предприятие по извлечению из тростника декстрана (органического полимера)*.

Большую помощь при организации института оказала ГДР.

Че не оставлял без внимания и расширение мощности кубинских портов по отгрузке сахара на экспорт. В порту Сьенфуэгос был построен крупнейший в мире комплекс по приемке, хранению и отгрузке сахара навалом. Два склада порта могли хранить 180 тысяч тонн сахара. Увеличились пропускные мощности портов Гуаябаль (до 1,6 миллиона тонн) и Матансас (до 1,2 миллиона тонн). На бестарную (более дешевую) отгрузку сахара перешли в 1969 году более 80 «сентралей». Только на ставших ненужными джутовых мешках для сахара экономилось свыше 11 миллионов долларов.

Помимо сахара одним из главных экспортных товаров Кубы был никель. Причем в отличие от «сентралей», никелевые рудники в Моа и Никаро, принадлежавшие до 1959 года американцам, были в очень хорошем техническом состоянии. Американские компании вложили в них немало средств в 1950-е годы, когда война в Корее привела к резкому росту спроса на никель в США. 9 октября 1957 года

---

* Растворы, содержащие среднемолекулярные декстраны (30—40 тысяч), используют в качестве дезинтоксикационных средств. При их введении улучшается текучесть крови, уменьшается агрегация форменных элементов. Декстраны способствуют (и ускоряют) выводу из организма ядов и токсинов.

вице-президент американской компании «Моа бей майнинг» Ричард Коллиган во время своего выступления в «Ротари клубе» в Гаване подчеркивал значение кубинского никеля для США: «Благодаря важности никеля для обороны, правительство США имело веские причины для того, чтобы развивать дополнительно производство этого металла... Имеются месторождения никеля в других частях света... такие же, как на Кубе, но месторождения на Кубе особенно привлекают своей близостью к США и своими большими запасами. Поэтому правительство США, которое уже начало расширение завода "Никаро" до мощности 22 680 тонн в год, также предложило свою действенную помощь в осуществлении проекта строительства завода в Моа»[348].

И действительно, наиболее современный завод в Моа был открыт в 1958 году.

Но именно высокий технический уровень рудников стал, как ни странно, главной проблемой после их национализации. Все инженеры и техники (в основном граждане США) покинули Кубу, и в Вашингтоне не сомневались, что кубинцам не удастся наладить работу на современном американском оборудовании даже с помощью СССР. Над шестью тысячами рабочих рудников нависла угроза безработицы, ибо никаких иных рабочих мест в том районе (провинция Орьенте) не было.

Однако по просьбе Че СССР прислал группу специалистов в Никаро уже в 1960 году. 1 июня 1961 года в Гаване было подписано межправительственное советско-кубинское соглашение об оказании СССР технического содействия в развитии никелевой промышленности. Оплата всех советских услуг и работ производилась поставками с Кубы закиси никеля и никель-кобальтовых полупродуктов.

В то же время Че лично (и весьма успешно) уговаривал кубинцев-специалистов никелевых заводов не уезжать с Кубы, обещая им любую зарплату. Выступая перед рабочими рудника Никаро в январе 1961 года, Че признался, что легче умереть в траншее в борьбе с врагом, чем 365 дней в году работать на производстве с максимальной отдачей[349]. Сам он работы никогда не боялся.

Уже в следующем месяце никелевая промышленность официально перешла в ведение министерства промышленности («консолидадо» «Горнодобывающая промышленность»). Че распорядился установить для рабочих повышенную зарплату и более высокие нормы отпуска продуктов по карточкам.

Че не просто хотел как можно быстрее запустить остановившиеся рудники (это удалось сделать уже в 1961 году)*. Он понимал, что никелевые руды содержат ценные сопутствующие металлы, такие как цинк, железо, марганец, медь. Но главным побочным продуктом мог бы стать кобальт, цена на который на мировом рынке превосходила цену на никель. До революции американцев глубокая переработка кубинских никелевых руд интересовала мало, а министр промышленности Кубы, напротив, решил сосредоточиться именно на этом.

Как обычно, Че начал с создания организационной структуры для модернизации горнодобывающей промышленности. Еще в рамках ИНРА в 1960 году был учрежден Кубинский институт минералов, но на первых порах он занимался в основном поисками, добычей и переработкой углеводородов. В 1961 году в МИНИНДе был сформирован Кубинский институт минеральных ресурсов, через который сразу же пошли закупки современного оборудования в СССР и Англии.

СССР наладил поставку химикатов, необходимых для выделения никеля из полиметаллической руды. В 1961 году из Советского Союза на Кубу завезли 63,8 тысячи тонн серы, 9,1 тысячи тонн аммиака, 7 тысяч тонн антрацита. До конца 1960-х годов СССР поставил также сотни тысяч деталей и запасных частей, обеспечивших нормальную работу рудников. В 1966 году эти детали и запчасти производили для Кубы более тридцати советских заводов.

СССР разработал для Кубы и технологию повторной переработки рудных отходов («хвостов»).

Под руководством Че и с помощью СССР на никелевых рудниках была создана система непрерывного общего и профессионального образования для работников, начиная с 6-го класса средней школы. Уже после отъезда Че с Кубы был произведен выпуск первых кубинских инженеров, специалистов по производству никеля.

В 1990 году Куба занимала шестое место в мире по производству никеля и пятое — по производству кобальта. И все эти достижения были бы невозможны без Эрнесто Гевары — отца кубинской модернизации.

---

* За семь месяцев 1961 года выпуск продукции по сравнению с тем же периодом 1960 года вырос с 14,4 до 16,6 тысячи тонн. Для сравнения: в 1957 году Куба экспортировала в США 22,8 тысячи тонн никеля.

Институт минеральных ресурсов должен был по указанию Че наладить систему геологоразведки Кубы и в кратчайшие сроки создать по советскому образцу полную геологическую карту острова. Сам Че, например, не сомневался, что на шельфе Кубы в Мексиканском заливе должны быть месторождения нефти и газа. Ведь есть же они на шельфе Мексики и США! Добыча собственных углеводородов позволила бы Кубе экономить до 80 миллионов долларов в год, которые приходилось тратить на импорт нефти. А ведь именно на нефти (мазуте) работали все кубинские электростанции, без которых было нечего и думать ни о какой модернизации экономики.

Начинать в который раз приходилось с нуля. В 1959 году на Кубе нашлось всего два геолога. Фидель вспоминал: «У нас не было таких специалистов, и мы не могли рассчитывать на появление таких кадров в ближайшее время»[350].

Как обычно, оперативно помогли социалистические страны. Уже в 1960 году СССР согласился в счет кредита провести своими силами в 1961—1963 годах поиск хромитов, железной руды и нефти. Именно эти полезные ископаемые Че справедливо считал самыми важными для кубинской индустриализации. На Кубу прибыли 140 советских геологов.

В 1965 году уже вели поиск никеля, меди и хрома. Помогала в геологоразведке и Чехословакия. В 1964 году поисковые работы на Кубе вели 153 иностранных специалиста. СССР поставил бурового оборудования на 20 миллионов рублей. В 1962—1963 годах была произведена уникальная для того времени сейсмическая разведка шельфа Кубы советским научно-исследовательским судном «Владимир Обручев».

В 1964 году Че представил общественности результат упорной работы своего ведомства — книгу «Геология Кубы».

Ничего подобного в то время не было ни в одной латиноамериканской стране. В предисловии к этой фундаментальной работе говорилось: «...до настоящего времени не было ни одного большого обобщающего труда, посвященного описанию геологического строения Кубы. Имеются только небольшие статьи, опубликованные в журналах, написанные геологами различных школ... Их выводы, их идеи, как правило, не подтверждались на практике. Кроме того, эти геологи... изучали то, что диктовалось интересами

[иностранных] компаний или в лучшем случае их собственными интересами»[351].

При жизни Че советские геологи и подготовленные при содействии соцстран национальные кадры смогли установить 57,8 тысячи квадратных километров потенциальных нефтеносных площадей, но к 1968 году эксплуатировалось только 50 квадратных километров. Однако идеи Че оказались верными. Если в 1963 году на Кубе было добыто всего лишь 30,8 тысячи тонн нефти, то в 1968 году — уже 200 тысяч тонн, в 2003 году — 4 миллиона тонн. Доказанные запасы нефти на Кубе составляют около 20 миллионов тонн и сосредоточены неподалеку от северо-западного побережья острова, как и предсказывал Че. По оценкам Геологической службы США, на глубоководном шельфе к северо-западу от Кубы может залегать до 0,6 миллиарда тонн «черного золота».

Че никогда не упускал из виду развитие на Кубе передовой металлургии (как черной, так и цветной), понимая, что без нее серьезного машиностроения не создать.

На Кубе широко представлены характерные для тропиков латеритные почвы, содержащие большое количество железа и альбуминатов. Зная это, Че утверждал: «У нас много железа... у нас есть никель, у нас есть кобальт, у нас есть хром, у нас есть магнезит; это как раз тот набор минералов, который позволяет нам делать сплавы, делать специальные металлы после того, как мы разовьем нашу черную металлургию, и, кроме того, у нас есть медь, которая является по-настоящему важным металлом. Это означает, что нам надо еще много сделать в плане развития, надо развиваться смело и переходить к созданию собственной технологии... Здесь нет специалистов по металлургии, но здесь может и должна быть металлургия и это должно быть одной из главных задач революционной промышленности»[352].

В 1962 году в рамках МИНИНДа был создан Кубинский институт исследований минералов и металлургии (*ICIMM*). Он должен был не просто развивать металлургию, но делать это с прицелом на создание металлов и сплавов, необходимых для производства электроники и средств автоматизации. Министр требовал практических, осязаемых результатов. Была, например, освоена технология очистки сахара магнезитом вместо извести.

После отъезда Че с Кубы институт был закрыт, но позднее воссоздан под названием Центр исследований в области минералов и металлургии.

Для развития химической промышленности Че в 1963 году учредил в рамках своего министерства Кубинский институт развития химической промышленности (*ICDIQ*), тесно сотрудничавший с «консолидадо» «Фармацевика». Всю практическую деятельность института Че доверил Альваро Гарсиа Пинейре, инженеру-химику, работавшему до революции в американской компании «Колгейт — Палмолив». Этот человек не очень сочувствовал идеалам революции, и некоторые сотрудники Че считали его к тому же авантюристом и прожектером. В конце концов Че признал свою кадровую ошибку и заменил Гарсиа, после того как тот не смог реализовать проект постройки завода по производству антибиотиков. Гарсиа эмигрировал в США.

Че настраивал институт и родственные ему «консолидадос» прежде всего на производство медикаментов и удобрений.

До революции в сельском хозяйстве Кубы ежегодно использовалось 202 тысячи тонн минеральных удобрений, в том числе 73 тысячи тонн — на плантациях сахарного тростника. Для повышения урожайности этого было недостаточно. С помощью ГДР был введен в строй завод по производству удобрений в Матансасе, и в год смерти Че на поля Кубы попало уже 1 миллион тонн удобрений. Еще один завод по производству удобрений купили у британской компании «Саймон Карвер», но здесь кубинцев постигла неудача — оборудование вышло из строя.

Если в 1958 году на Кубе производилось 195,1 тысячи тонн смешанных химических удобрений, то в 1968 году — 800 тысяч тонн. Но для Че было важнее другое. До революции все удобрения делались из импортных полуфабрикатов. При Че эта ситуация кардинальным образом изменилась. По инициативе МИНИНДа был построен завод по производству аммиака (мощностью 375 тысяч тонн в год), ставший основой для производства аммиачной гранулированной селитры (530 тысяч тонн в год) и гранулированной мочевины (215 тысяч тонн в год). Ничего подобного в Латинской Америке до тех пор не видели, и Куба в 1960-е годы прочно заняла первое место по использованию удобрений в этом регионе.

Большую помощь предоставил, как обычно, Советский Союз. По межправительственному соглашению от 8 мая 1962 года было оказано техническое содействие в постройке завода азотных удобрений и цеха простого суперфосфата.

В 1963 году в системе МИНИНДа появился еще один научный центр — Кубинский институт технологических исследований (*ICIT*). Институт должен был разрабатывать технологию производства промышленных изделий на базе продукции сельского хозяйства с целью замены импортных товаров отечественными, а также внедрять в сам агрокомплекс прогрессивные агротехнические технологии. Таким образом, Че создал фактически основу для агропромышленного комплекса страны.

Институту было придано экспериментальное хозяйство имени Сиро Редондо (200 гектаров), куда Че приезжал довольно часто. В хозяйстве экспериментировали с выращиванием различных растений, используемых в фармацевтике, — импортные лекарства стоили дорого и имели побочные эффекты. Первыми работниками хозяйства были 165 демобилизованных офицеров и солдат колонны Че, с которыми вместе он освобождал Санта-Клару.

Поначалу не хватало всего, особенно сельскохозяйственных орудий. Низким был и уровень образования «фермеров», зато очень высоким — их энтузиазм. Но как обычно происходило со всеми начинаниями Че, ситуация быстро менялась. Вскоре в хозяйстве экспериментировали с двадцатью тремя видами лекарственных растений, в том числе и привезенными из-за границы. В этом деле помогали китайцы и — до реакционного военного переворота 1964 года — бразильцы.

Че считал экспериментальное хозяйство настолько важным, что был готов допустить в нем столь не любимые им материальные стимулы. За перевыполнение норм работники получали премию в натуре, однако (Че все же предпочитал все коллективное частному) эта премия шла в коллективный фонд и распределялась позднее среди работников в соответствии с их квалификацией, количеством отработанного времени и отсутствием опозданий. Премии выдавались в виде жилья, мебели, лошадей, радиоприемников и т. д. Кроме того, министр поощрял и неделимые премиальные фонды, из которых, например, финансировались детские сады, хозяйства и образовательные программы для взрослых.

Че, по свидетельствам всех, кто знал его в бытность министром, был просто ярым поклонником электроники и автоматики. Многим тогда (и не только на Кубе) все это казалось маниловщиной, прекраснодушными мечтами, лишенными реальной основы.

Но Че если и был мечтателем, то мечтателем-реалистом. Он брал пример с Ленина, назвавшего электрификацию непременным условием построения социализма. Только в начале 1960-х годов, по мнению Че, на место электрификации в кубинских условиях следовало поставить электронику: «Мы вступаем в эру автоматики и электроники; мы должны думать об электронике как о функции социализма и перехода к коммунизму... Электроника превратилась в фундаментальную политическую проблему страны»[353].

Но, конечно, Кубе, где не было ни одного специалиста-электронщика, Че пришлось начинать, как и Ленину в 1920 году, с развития электроэнергетической базы страны. Ведь все современные устройства автоматики и электроники не мыслимы без большого потребления электроэнергии.

Че так разъяснял свою позицию: «Без электричества невозможно создание новых промышленных центров, и зачастую предпочтительное их местоположение оказывалось под угрозой, так как не хватало электроэнергетических мощностей для создания этих фабрик»[354]. Таким образом, электрификация всей страны должна была еще и преодолеть традиционную отсталость востока Кубы по сравнению с Гаванской агломерацией, уменьшить пропасть в энергопотреблении между городом и деревней.

Уже в 1960 году Че от имени руководства Кубы обратился к Москве за содействием в строительстве двух электростанций мощностью 200 и 100 тысяч киловатт. Советские организации как обычно очень быстро выполнили проектные работы. Причем, к радости Че, они разработали некоторые технологические новинки, применимые именно в кубинских условиях. Ранее на Кубе трубки конденсаторов турбин охлаждались морской водой, дешевой, но изобиловавшей микроорганизмами, которые осаждались на стенках трубок и делали их непроходимыми. Для очистки приходилось регулярно останавливать турбины. Теперь по советскому проекту от нежелательных «даров моря» освобождались путем обратного потока горячей воды, без остановки турбин[355].

Строительство новых электростанций развернулось в 1962 году, а первый блок заработал в феврале 1966 года. Отца этого проекта к тому времени уже не было на Кубе, по крайней мере официально. Установленные мощности кубинских электростанций выросли с 397 тысяч киловатт

в 1958 году до 1 миллиона 137 тысяч киловатт — в 1972-м. Производство электроэнергии за тот же период увеличилось с 1,8 до 4,5 миллиарда киловатт-часов.

В год смерти Че было подписано советско-кубинское соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, по которому СССР передал в дар Кубе урановодный подкритический реактор для экспериментальных и учебных целей.

Помимо новых электростанций следовало создать единую электроэнергетическую систему, которой на Кубе до 1959 года не существовало. Первую линию электропередачи Сантьяго-де-Куба — Нуэвитас (протяженностью 300 километров) спроектировали также в СССР. Ее строительство началось уже после смерти первого министра промышленности.

Все работы по модернизации электроэнергетики потребовали перевода Кубы с напряжения 100 вольт на советский стандарт — 220 вольт. К тому же специально для Кубы с ее тропическим влажным климатом в СССР разработали антикоррозийное покрытие проводов.

На базе достигнутых в электрификации успехов в 1963 году Че поставил задачу закупить за границей компьютеры и постепенно освоить их производство на Кубе. Поначалу предполагалось собирать компьютеры из импортных компонентов, неуклонно повышая уровень локализации.

Компьютеры были важны для Че отнюдь не только потому, что были прогрессивными техническими новинками, своего рода передовыми рубежами тогдашней мировой промышленности. Министр справедливо считал, что массированное внедрение вычислительной техники качественно повысит уровень планирования и отчетности в рамках БФС. Для созданной Че централизованной системы хозяйственного управления компьютеры были действительно очень важны, так как обеспечивали быструю и независимую от воли человека обработку больших массивов самых разных экономических показателей.

В этом вопросе, как и во многих других, Эрнесто Гевара намного опередил свое время.

Напрямую с развитием электроники, с точки зрения Че, была связана и автоматика. В январе 1962 года он говорил: «Кадры сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть готовы решить в будущем великую технологическую задачу: автоматизацию постоянно возрастающей доли про-

изводства, освобождение человека [от физического труда] посредством машины»[356].

И в этом вопросе важной для министра была роль автоматики в централизованном управлении экономикой. Че приводил в пример американские компании с высоким уровнем централизации и автоматизации производственных процессов.

В министерстве было создано Управление автоматики и электроники, которое изучало зарубежный опыт и пыталось готовить национальные кадры. Управление также проводило исследования по основным направлениям автоматизации сахарной промышленности (например, автоматическое управление центрифугами). В планах Че было создание «консолидадо» «Электрическое оборудование».

Конечно, учитывая низкий уровень металлургии и машиностроения, а также технического образования на Кубе, Че смог заложить только основы кубинской электроники и автоматики. Тем более что Советский Союз не мог в то время оказывать Кубе содействия по данным темам — советская электроника делала только первые шаги. Министр прекрасно понимал, что кубинская электроника — задача на длительную перспективу. Выступая перед студентами, Че говорил: «Нам также необходимо бороться против идеи, что автоматизация, то есть эра электроники, наступит уже завтра, что она в пределах досягаемости. Это стремление, а стремление — предварительное условие развития нового общества. Но для всего этого нужна подготовка... и этого нельзя достичь за один день, даже в рамках плана»[357].

Под эгидой Управления автоматики и электроники была создана Школа автоматики, где в том числе преподавали инженеры и специалисты из Чехословакии*. В декабре 1964 года 69 человек получили дипломы об окончании курсов по технике измерения и контроля. Еще 28 человек изучали автоматику, 39 — технику инструментализации производственных процессов.

Несмотря на то что Куба являлась островным государством с протяженностью морского побережья 3,5 тысячи километров, у нее до революции не было торгового

---

* Кубинцы очень высоко оценивали сотрудничество с ЧССР в научно-технической сфере. В 1962 году в вузах Кубы преподавали 20 чехословацких специалистов.

и рыболовного флота. Мало того, среди стран Латинской Америки Куба занимала последнее место по вылову рыбы (21,9 тысячи тонн в 1958 году по сравнению, например, с 70 тысячами тонн в Венесуэле или с 214 тысячами тонн в Чили). Рыбу на Кубе ловили на деревянных весельных или парусных суденышках с примитивным навигационным оборудованием или без такового. Островная Куба ежегодно импортировала рыбы и морепродуктов на 5 миллионов долларов[358].

Че считал создание современного многоцелевого флота одним из самых важных направлений кубинской индустриализации: «Связанная с морем промышленность открывает для Кубы перспективы огромной важности, но это не только всего лишь одна из отраслей. Скорее она представляет собой целый промышленный комплекс: металлургия, двигатели различных типов, кабели, электрическое оборудование и электроника, деревообрабатывающая отрасль и т. д. Кубе предстоит перевезти более восьми миллионов тонн сахара в 1965 году... нам понадобится как минимум 80 судов только для Кубы. И другие важные отрасли тоже получат выгоду от развития судостроения, такие как прибрежная торговля, которая является самым дешевым видом внутреннего транспорта...»[359]

Че умел хорошо считать: судно средней стоимостью в 500 тысяч песо может заработать только за пять рейсов в Европу 2,5 миллиона песо, а значит, судостроение — крайне выгодное дело для революционного кубинского государства, тесно связанное с внешней торговлей именно с далекой Европой.

В 1962 году было создано «консолидадо» «Морское судостроение», однако уже в июне 1964 года Че раскритиковал его руководство за слабые успехи. В этом году «консолидадо» выполнило план с самыми низкими показателями среди всех отраслей МИНИНДа. Больших океанских судов Куба не создала, но зато был достигнут ощутимый прогресс в строительстве рыболовного флота. Причем траулеры делали как из металла, так и из цемента. Первое судно со стальным корпусом, предназначенное для перевозки охлажденных продуктов, было спущено на воду в 1967 году.

СССР передал Кубе пять траулеров, еще два пришли из Польши, а в Японии в 1963—1964 годах было закуплено пять средних тунцеловов. Почти на всех судах командный

состав поначалу состоял из советских граждан. В 1963 году грузоподъемность кубинского морского рыболовного флота* достигла 4,6 тысячи тонн, а к 1969 году она выросла в 14 раз. В 1971 году кубинские рыбаки из госкомпании дали стране 66,2 тысячи тонн рыбы (примерно половину общего вылова).

В 1963 году был создан второй кубинский флот — «Флота дель Гольфо» («Флот [Мексиканского] залива») для промысла в прибрежных районах и на банке Кампече. В 1960-е годы этот флот располагал деревянными судами отечественной постройки (140 в 1967 году).

Рыбаков-частников объединили в кооперативы, и они давали в 1967 году 57,6 процента общего улова.

Благодаря политике Че резко вырос кубинский экспорт морепродуктов. Например, креветок в 1967 году вывезли на 273 тысячи песо, лангустов — на 3,9 миллиона.

Как обычно, самой ощутимой в этой сфере была помощь СССР. 3 августа 1962 года был подписан протокол об оказании Советским Союзом безвозмездной помощи Кубе в развитии промышленного рыболовства, а в сентябре того же года было подписано соглашение о сотрудничестве в морском рыболовстве. Советские специалисты передавали Кубе данные о сырьевой базе Атлантики, учили передовым методам лова (например, лову на электросвет).

По соглашению от 25 сентября 1962 года СССР обязался помочь Кубе в сооружении в Гаванском порту рыбной гавани со всем комплексом береговых сооружений, включая причальные линии, холодильники, льдозавод с морозильными камерами, радиостанцию, мастерские с плавучим доком и т. д. Гавань могла обслуживать 115—130 средних рыболовных траулеров. Специально для Гаванского порта в СССР изготовили плавучий док грузоподъемностью 2,5 тысячи тонн, способный принимать одновременно для ремонта двух-трех траулеров средних размеров.

У истока всех этих успехов на Кубе стоял все тот же Эрнесто Гевара, умевший правильно расставлять и корректировать приоритеты экономического развития страны.

И все же главным делом своей жизни Че всегда считал освобождение Латинской Америки от эксплуатации и американского диктата. Кубу он рассматривал как авангард

---

* Он был объединен в государственной компании «Флота Кубана де песка».

этой борьбы, как пример новой, свободной от угнетения жизни. Но он был реалистом и понимал, что любые успехи социалистического строительства на Кубе не приведут автоматически к победе революций в других странах Западного полушария. Он никогда не забывал примера Гватемалы — США сделают все, чтобы задушить (и, если понадобится, силой) любой революционный эксперимент в своем «мягком подбрюшье». Кубу вовремя «прикрыл» СССР, но американцы извлекли из этого урок. Теперь они считали, что не следует даже допускать к власти в Латинской Америке любые «подозрительные» правительства. Это гораздо эффективнее, чем потом свергать их.

Че все это прекрасно понимал, но был готов тем не менее бросить США вызов. Он никогда не упускал из виду этой задачи, какие бы важные должности на Кубе ни занимал.

Глава седьмая

СКРОМНЫЙ КОНДОТЬЕР СВОБОДЫ. КУБА, КОНГО (1963—1965)

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Михаил Светлов

Че Гевару и Кубу в целом часто обвиняют в экспорте вооруженных революций в 1960-е годы. Говорят и о том, что Че поссорился с Советским Союзом (а следовательно, и с Фиделем, который-де во всем следовал «руке Москвы») на почве непримиримых противоречий относительно стратегии и тактики мирового революционного процесса. Поэтому, мол, Че и вынужден был уехать в 1965 году с Кубы на верную смерть.

Во всех этих утверждениях нет ни грана правды.

Че, как неоднократно упоминалось выше, всегда был предан идее освобождения Латинской Америки от внутреннего и внешнего угнетения, задолго до встречи с Фиделем. Да и в кубинской революции аргентинец Эрнесто Гевара принял участие именно из-за этой своей главной жизненной миссии. А до этого он пытался изо всех сил помочь революционному процессу в Боливии и Гватемале. Че всегда ощущал себя именно «солдатом [Латинской] Америки» — такими словами, как мы помним, он прощался с родителями в Буэнос-Айресе в 1953 году.

После того как в результате Карибского кризиса США были вынуждены отказаться от прямого вторжения на Кубу, Че считал будущее кубинской революции обеспеченным. Наладил он и систему управления кубинской экономикой. Причем до такой степени, что справедливо полагал — теперь могут справиться и без него.

Поэтому начиная с 1963 года Че стал уделять все большее внимание своей главной жизненной цели — освобождению Латинской Америки.

Тем более что эта цель была очень важна и для судеб кубинской революции. Если американцам не удалось по-

давить кубинцев военной силой, то в политической изоляции Кубы в Западном полушарии они весьма преуспели. К 1964 году все страны Латинской Америки, кроме Мексики, под давлением США разорвали с Кубой дипломатические отношения. Кубе стало очень сложно воздействовать на соседние страны просто силой своего примера — американцы подвергли остров не только экономической, но и информационной блокаде. Гражданам других стран Латинской Америки стало почти невозможно легально ездить на Кубу, а кубинцы не могли распространять в этих странах свои информационные материалы.

В этих условиях единственным реальным выходом из изоляции для Кубы была бы победа антиимпериалистических революций в других странах континента, и неудивительно, что кубинцы этому содействовали. И никакой разницы в позициях Че и Фиделя по данному вопросу не было.

Можно ли назвать помощь Кубы революционным движениям континента «экспортом революции», который, как известно, осуждал Ленин? Нет, ибо под экспортом революции (впервые этот термин стал применяться по отношению к Великой французской буржуазной революции) всегда понимали прямое вмешательство вооруженных сил революционной страны в дела других государств. Французская революционная армия оккупировала другие страны и провозглашала там родственные республики, типа Партенопейской (Неаполь) или Батавской (Голландия).

Большевики, если и думали о возможном экспорте революции, таких попыток не предпринимали. Обычно в качестве экспорта революции упоминают советско-польскую войну 1920 года, но начала эту войну, как известно, Польша, стремившаяся при поддержке Антанты захватить часть советской Украины.

В то же время ни советские, ни кубинские коммунисты никогда не отказывались от поддержки родственных им по идеологии движений в других странах. В том числе и путем поставок оружия, и подготовкой кадров для революционной вооруженной борьбы. И в этом смысле никогда никаких разногласий между Че Геварой и СССР не существовало. Почему, собственно, социалистический мир не должен был этого делать, если тем же самым активно занимался мир капиталистический? Американцы и их союзники и до, и после Второй мировой войны активно всеми силами и средствами помогали своим единомышленникам по всему миру, причем не брезговали и открытым экспортом контрреволюции.

Гватемала 1954 года была лишь звеном в длинной цепи вооруженных и «гибридных» интервенций Запада по всему миру. Британские войска при поддержке американской военной миссии напрямую сражались против коммунистических партизан в Греции в 1945—1949 годах. В 1953 году ЦРУ США организовало свержение иранского премьера Моссадыка, английские войска давили национально-освободительное движение в Кении и Малайе, а французы «усмиряли» Индокитай, где их в этой роли плавно сменили американцы. Социалистические страны в этих условиях были не готовы отдавать национально-освободительное движение на растерзание империализму и ограничиваться ролью зрителей.

И в этом отношении никаких разногласий между Москвой и Гаваной, между Че и Хрущевым (или Брежневым) не наблюдалось.

Проблема революционного движения в Латинской Америке, которая в конце концов и привела к смерти Че, была в другом. И Хрущев, и в еще большей степени Брежнев стремились не вмешиваться в вопросы текущей тактики и долговременной стратегии коммунистических партий региона. И отнюдь не потому (как подозревали многие горячие головы на континенте), что в Москве боялись реакции Вашингтона. Просто принципиальной линией Хрущева было более уважительное отношение СССР как к социалистическим странам, так и к коммунистическим партиям капиталистических стран. Времена Коминтерна давно ушли в прошлое. Теперь в Москве не указывали, а только советовали, да и то в основном тогда, когда об этом совете спрашивали.

Таким образом, в начале 1960-х годов сами коммунистические партии Западного полушария определяли свою стратегию и тактику.

В Южной Америке все компартии (кроме колумбийской) еще со времен советско-американской оттепели 1943—1945 годов придерживались стратегической линии на мирный приход к власти путем выборов и использования внепарламентских форм ненасильственной борьбы (забастовки, демонстрации и т. д.). Отсюда вытекал тактический курс (сформулированный Коминтерном еще в 1935 году) на самый широкий союз коммунистов со всеми антиимпериалистическими силами, включая национальную буржуазию.

Этот курс отнюдь не исключал вооруженную борьбу как таковую, но компартии Южной Америки полагали в начале

1960-х годов, что вооруженная борьба не имеет именно в тот период благоприятных перспектив на победу. Например, ни в Аргентине, ни в Чили не было подобных политических традиций. Там уже все привыкли к выборам по европейскому образцу с открытой легальной борьбой. Хотя в той же Аргентине время от времени военные брали власть, они, как правило, быстро проводили новые выборы, не стараясь увековечить свое правление.

Влияние советской внешней политики на коммунистическое движение Латинской Америки (вредное, с точки зрения Че) проявлялось в конце 1950-х — начале 1960-х годов в том, что в Москве провозгласили главной задачей международного коммунистического движения борьбу за мир. Борьба эта, в свою очередь, вытекала из принципиальной линии Хрущева (полностью сохраненной Брежневым) на мирное сосуществование двух систем.

Че никогда с мирным сосуществованием согласен не был, и отнюдь не потому, что был настроен как-то особенно воинственно. Просто он считал и, как показала практика, абсолютно верно, что США никогда на это самое мирное сосуществование не пойдут. Карибский кризис 1962 года продемонстрировал готовность США начать ядерную мировую войну, как только американцы выяснили, что СССР серьезно отстает от них по количеству атомных боеголовок и средств их доставки. Впоследствии от войны американцев удерживала не приверженность мирному сосуществованию, а боязнь ответного ядерного удара.

Исходя из такого абсолютно верного вывода, Че считал, что американцы никогда не дадут ни одной коммунистической партии в Латинской Америке прийти к власти мирным путем. Даже если единый левый блок с участием части национальной буржуазии легально победит на выборах, его свергнут либо путем организованного ЦРУ военного переворота, либо «гибридной» интервенцией «а-ля Гватемала», либо прямым вмешательством вооруженных сил США. События в Доминиканской Республике 1965 года и в Чили в 1970—1973 годах показали, что Че был в своем прогнозе абсолютно прав.

Однако в Москве упорно придерживались линии на мирное сосуществование, которое в годы холодной войны никогда не было уж очень мирным.

В 1957 году на международном совещании коммунистических партий в Москве борьба за мир была официально провозглашена главной задачей международного комму-

нистического движения. При этом отмечалось, что формы перехода от капитализма к социализму могут быть самыми разнообразными. Рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинская партия стремятся в первую очередь осуществить социалистическую революцию мирным способом. Однако в условиях, когда эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, необходимо иметь в виду другую возможность — немирный переход к социализму. Таким образом, приоритет отдавался все же мирному пути, а вооруженная борьба рассматривалась как вынужденный вариант. Причем «первый выстрел» в этой борьбе должен был сделать классовый враг.

С точки зрения Че, такая прекраснодушная политика отдавала инициативу этому самому классовому врагу и поэтому была недальновидной.

В 1960 году в Москве состоялось невиданное по масштабам Совещание представителей коммунистических и рабочих партий (приняла участие 81 партия). В заявлении по итогам совещания говорилось: «Наша эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе».

С этим анализом Че был вполне согласен — ведь ни о каком мирном сосуществовании здесь речи не шло. Хрущев к тому времени несколько модифицировал свою линию, заявив, что мирное сосуществование не распространяется на идеологическую борьбу.

Однако далее в заявлении опять повторялся столь нелюбимый сердцу и уму Че вывод о том, «что единственно разумным принципом международных отношений в условиях разделения мира на две системы является принцип мирного сосуществования государств с разным социальным строем».

Что касается перехода от капитализма к социализму, то в заявлении содержался вывод, под которым Че мог бы подписаться с легким сердцем: «Выступая против экспорта революции, коммунисты в то же время решительно борются против империалистического экспорта контрреволюции».

Социалистическая революция есть результат внутреннего развития каждой страны. Формы и пути ее развития, мирные или немирные, определяются конкретными историческими условиями.

Исключительное значение имели сформулированные в заявлении принципы взаимоотношений между коммунистическими партиями, их интернациональные обязанности. Дело в том, что уже в 1960 году компартия Китая попыталась расколоть коммунистическое движение.

Мао хотел добиться лидерства КПК в мировом коммунистическом движении и для этого был готов спорить с КПСС по любым вопросам, чтобы замаскировать свою борьбу за господство над мировым коммунизмом некими «принципиальными теоретическими разногласиями» с Москвой. В 1960 году китайцы активно подговаривали некоторые компартии не подписывать итогового заявления, чтобы совещание в Москве закончилось полным крахом и позором для СССР. В частности, китайцы агитировали против принципа мирного сосуществования, но для них это был только повод.

Лишь опасаясь оказаться в полной изоляции, делегация КПК подписала заявление. Однако вскоре руководство КПК возобновило раскольническую деятельность в международном коммунистическом движении. Такую же позицию заняло руководство Албанской партии труда. Их сектантская позиция вызвала осуждение подавляющего большинства коммунистических и рабочих партий.

Итак, внешне Пекин был против принципа мирного сосуществования и громогласно призывал все компартии мира к вооруженной борьбе. Формально такие же позиции (правда, применительно лишь к Латинской Америке) занимал и Че. Исходя из этого, многие стали считать Че Гевару маоистом и врагом Москвы.

В этой связи отношения Че с китайцами заслуживают отдельного рассмотрения.

Как человек умный и всегда склонный к глубокому анализу ситуации, Че довольно быстро понял, что ультрареволюционные призывы Пекина никак не отражаются (в отличие от линии СССР) в реальной помощи Китая коммунистическим партиям капиталистических стран. Да и Кубе от Китая в случае агрессии США никакой реальной помощи ждать не приходилось. Мао рассматривал Гавану (или Тирану) как пешек на своей геополитической шахматной доске и был готов ими легко пожертвовать.

В апреле 1960 года Че пригласил к себе домой главу отделения китайского информационного агентства Синьхуа и сообщил ему о предстоящем вторжении США на Кубу*. Че просил срочно передать эти сведения в Пекин и запросить конкретную помощь. Но китаец сослался на отсутствие надежной связи с Пекином (!), а затем сказал, что по данным китайских источников никакого вторжения не ожидается[360].

Визит Че в Китай в 1960 году, как отмечалось выше, крайне удивил кубинского гостя, когда ультралевый Мао начал советовать ему устанавливать тесные контакты с национальной буржуазией и не трогать ее. А ведь в «правой» (с точки зрения КПК) Москве советовали формировать единый блок только с антиимпериалистически настроенной буржуазией.

Заметим, что в отличие от Фиделя и Че Мао не национализировал в то время мелкий и средний частный капитал в Китае и советовал делать то же самое и кубинцам. Напротив, в Москве кубинскую национализацию поддержали, причем не только словом, но и конкретной и массированной экономической помощью.

Самое интересное, что в 1959—1960 годах наиболее тесную связь с китайцами поддерживала Народно-социалистическая партия (НСП) Кубы, то есть кубинские коммунисты. Они тогда считали, что Фидель и Че слишком быстро идут по пути социалистической трансформации Кубы, а надо брать пример с «медленного» в этом отношении Китая. Мао советовал НСП (как и Че Геваре в 1960 году) формировать единый фронт с национальной буржуазией, а национализация этому только помешала бы.

На съезде НСП в августе 1960 года китайские представители активно пытались перетянуть партию на свою сторону, и эти попытки не остались без внимания гостей из стран Латинской Америки.

Мао прислал посла в Гавану только в декабре 1961 года, то есть спустя полгода после того, как с советской помощью было отражено подготовленное ЦРУ вторжение в бухте Свиней. Причем ультрареволюционные китайцы не спешили с открытием посольства, опасаясь негативной реакции Вашингтона. К тому же в отличие от Хрущева китайцы очень долго отказывались признавать за кубинской революцией социалистический характер.

---

* Посла КНР на тот момент на Кубе еще не было.

В июле 1961 года НСП, «Движение 26 июля» и «Революционный директорат 13 марта» слились в «Объединенные революционные организации» (транслитерация испанской аббревиатуры — ОРИ*). НСП попыталась было занять в руководящих органах ОРИ главенствующие позиции, однако Фидель сорвал эти планы, объявив «борьбу против сектантства». Жертвой этой борьбы стал один из лидеров НСП Анибал Эскаланте, первоначально руководивший всей кадровой политикой ОРИ и считавший, что за ним как за коммунистом с большим стажем стоит Москва. С лета 1961 года он назначил членов НСП на многие важные посты в качестве противовеса многим участникам «Движения 26 июля». Ревниво относясь к своему собственному положению в партийной иерархии, Эскаланте также «притормозил» своих потенциальных соперников. Одним из них был Блас Рока, генеральный секретарь НСП и близкий соратник Рауля Кастро.

Фидель уважал Эскаланте и поначалу не реагировал на слухи, что этот старый коммунист фактически возвысился над Раулем и Че Геварой**. Среди коммунистов произошел раскол. Те, кто были лояльны Бласу Рока, собрались в сентябре 1961 года, чтобы обсудить, как быть с амбициями Эскаланте, но в конечном счете пришли к согласию, что он действовал в интересах НСП, которые состояли в том, чтобы занять место «Движения 26 июля» в качестве направляющей силы социалистической революции на Кубе.

Амбиции Эскаланте в марте 1962 года уже стали переходить все границы. Он горько сетовал доверенному товарищу, что Кастро продвигал Карлоса Рафаэля Родригеса, не проконсультировавшись ни с кем из НСП. Когда Кастро доложили о недовольстве Эскаланте его действиями, он решил, что тот позволяет себе слишком много.

Фидель по отдельности встретился со своими ближайшими советниками из числа членов НСП, включая Бласа Року, Карлоса Рафаэля Родригеса и Флавио Браво, чтобы обсудить проблему отношений с Эскаланте. До того момента руководство НСП скрывало свое недовольство Эскаланте. Теперь Блас Рока и другие открыто посоветовали Кастро избавиться от него.

Фидель осуществил операцию по отстранению Эскаланте и его сторонников в два этапа.

---

* *Organizaciones Revolucionarios Integrados.*

** Че отвечал в руководстве ОРИ за экономическую политику.

Сначала он расширил руководство ОРИ, включив в него тех левых, которые не были коммунистами, но на которых он мог положиться. Затем он собрал руководство ОРИ и начал жесткую критику поведения Эскаланте, обвинив его в том, что именно на нем лежит вина за раскол в ОРИ и в революционном движении.

Эскаланте отказался признать себя виновным. Такой ответ привел Фиделя в ярость, и он прервал заседание, сказав, что слишком взволнован и может «сказать много лишнего». Распустив всех, Кастро обратился к Эскаланте в строгом тоне, посоветовав ему продумать свою позицию и возобновить обсуждение на следующий день. Эскаланте выступил с самокритикой и был отправлен в Москву. В КПСС хорошо знали Эскаланте и доверяли ему, однако не стали вмешиваться во внутреннюю политику Кубы.

В 1963 году ОРИ были переименованы в Единую партию социалистической революции, а в 1965-м — в Коммунистическую партию Кубы.

Китайцы немедленно поддержали устранение Эскаланте — в Пекине решили, что Фидель отныне единоличный лидер Кубы и надо его как можно быстрее «обаять» и перетащить в свой формирующийся антисоветский лагерь, куда пока входила одна только Албания. Китайские СМИ стали называть Фиделя «великим кормчим кубинской революции» по аналогии с «кормчим» Мао. Хрущева таким титулом в Китае не удостоили.

Как отмечала американская разведка, китайцы быстро переориентировались в своих симпатиях с НСП на «радикальных кастроитов, связанных с НСП, таких как Гевара, Армандо Харт и сам Фидель Кастро»[361].

Однако КПК признала Кубу частью социалистического содружества лишь осенью 1963 года[362], хотя в «ревизионистской» Москве это сделали тремя годами ранее.

Первому послу КНР в Гаване Шэн Яну дали указание советовать кубинцам двигаться по пути социализма «осторожно и терпеливо», чтобы не провоцировать США.

Тем не менее во время Карибского кризиса китайцы, как уже упоминалось, всячески подначивали Кубу к вооруженной борьбе, которая в тех конкретных условиях привела бы только к уничтожению всей страны. Москву в Пекине обвиняли в трусости и предательстве, и поначалу все это вызвало симпатии Че. В начале ноября 1962 года мать Че (находившаяся тогда в Гаване) посетила китайское посольство, о чем было немедленно доложено в Пекин. От-

туда пришло указание продолжать контакты с кубинскими лидерами, но больше слушать, чем говорить[363].

К тому времени Фидель встал на сторону СССР в советско-китайском идеологическом споре, и китайцы стремились перетаскивать его на свою сторону осторожно, понимая, что Фидель никогда не откажется от советской помощи, а Китай равноценную помощь Кубе предоставить не в состоянии.

Тем не менее китайцы, начав в 1961 году открытую борьбу против КПСС, всячески обхаживали Кубу и в плане экономической помощи, стараясь соревноваться с СССР. При этом маоисты козыряли своим «бескорыстием». Когда в 1963 году на Кубу навалились тропические ураганы, Китай выделил в качестве помощи 5 тысяч тонн зерна, 3 тысячи тонн свинины, а также лекарства и медикаменты. В 1965 году объем кубинско-китайской торговли достиг 224 миллионов долларов и КНР стала вторым по значению торговым партнером Кубы после СССР (на Китай приходилось 14 процентов кубинского товарооборота).

Что касается курса экономической политики Кубы, то китайцы советовали как Карлосу Рафаэлю Родригесу (сторонник хозрасчета), так и Че сокращать посевы сахарного тростника и выращивать больше продовольственных культур, например пшеницы. Мол, тогда Куба станет независимой от импорта продовольствия и уйдет от монокультурной зависимости от сахара. На самом деле в Пекине хотели подорвать экономические связи Кубы с СССР, развивавшиеся по принципу: советские товары в обмен на кубинский сахар.

Че, как человек не только большой теоретической подготовки, но и практического склада, быстро (хотя и не сразу) понял всю вредность этих советов. Природные условия Кубы крайне неблагоприятны для выращивания зерновых культур, и с той же самой единицы площади сахара можно было бы получить в разы больше, чем пшеницы. Соответственно, было логично и экономически выгодно в обмен на сахар закупать пшеницу в СССР (китайцы с их «мудрыми» советами сами не могли обеспечить себя зерном), где как раз были неблагоприятные условия для производства сахара.

Че предложил китайцам советскую модель — кубинцы готовы экспортировать сахар в КНР в обмен на китайский рис. Но «великий кормчий» Мао с его «большими скачками» и сельскими коммунами довел Китай до повального

голода, при котором погибли миллионы китайцев. Тут уж было не до экспорта риса и не до кубинского сахара.

Заметим, что СССР покупал кубинский сахар по ценам выше мировых, что было формой экономической помощи Кубе. Например, по соглашению 1960 года Советский Союз платил за фунт кубинского сахара 4 американских цента, что означало 75 рублей и 37 копеек за тонну. В то время на мировом рынке тонна сахара стоила 5 рублей. К началу 1963 года мировые цены на сахар резко выросли и превысили в апреле этого года 157 рублей. И хотя кубинцы сами не поднимали вопрос об адаптации цен на сахар в советско-кубинской торговле (ведь мировые цены колебались и могли так же резко упасть), Хрущев, исходя из братского характера отношений с Кубой, принял решение повысить цену до 120 рублей за тонну*.

Одновременно с «экономическими советами», подчеркивая «предательство» СССР во время Карибского кризиса, китайцы рекомендовали Кубе взяться за «мировую революцию», особенно в Латинской Америке. Все эти «дружеские» советы имели последствия. Например, посол Венгрии на Кубе в своей телеграмме в Будапешт от 28 января 1963 года отмечал, что после Карибского кризиса «...вместо работы по экономическому развитию [Кубы], они [кубинцы] уделяют больше внимания "мировой революции", или, как кубинцы понимают ее, революции в Латинской Америке... С момента кризиса кубинцы избегают нас и делегации, прибывающие из социалистических стран»[364]. Тем не менее, благодаря помощи СССР, имеющей для Кубы жизненно важное значение, «...они [кубинцы] на стороне социалистического лагеря и Советского Союза».

Китайцы начиная с 1961 года прилагали большие усилия, чтобы перетянуть на свою сторону коммунистические партии стран Латинской Америки или по крайней мере расколоть их. В этой раскольнической деятельности маоисты опирались на молодежь (в основном студенческую) и мелкобуржуазные элементы. И тем и другим в силу возраста и шаткого социального положения свойственны нетерпение, склонность к «прямому действию» и шараханье из одной крайности в другую. Китайцы критиковали «советских ревизионистов» и «социал-империалистов» за отход от идеалов мировой революции и примиренческую позицию по отношению к Западу.

---

* Средняя мировая цена за первые четыре месяца 1963 года составила 107 рублей за тонну.

Такая политика КНР вызывала растущий благосклонный интерес в США, хотя публично и Пекин, и Вашингтон обменивались площадной руганью. Американцы надеялись, что китайцам удастся оттолкнуть Кубу от СССР, после чего вторжение на остров стало бы, что называется, «делом техники».

В августе 1963 года ЦРУ подготовило объемистый секретный аналитический доклад «Китайско-советская борьба на Кубе и латиноамериканское коммунистическое движение». В документе не без удовлетворения констатировалось: «Советское влияние на коммунистическое движение в Латинской Америке, некогда всеобъемлющее и бесспорное, в последнее время натолкнулось на постепенное и все возрастающее противодействие Коммунистической партии Китая, которой удалось добиться серьезного ослабления советского авторитета»[365]. Хотя, отмечало ЦРУ, большинство латиноамериканских компартий остаются на стороне Москвы, китайцы смогли образовать свои фракции и группы практически во всех коммунистических партиях региона.

Наибольшее влияние китайцы, по мнению ЦРУ, приобрели на коммунистическое движение Кубы, Венесуэлы и Эквадора, хотя и по разным причинам. Маоистские фракции были образованы в десяти латиноамериканских компартиях, в том числе в таких сильных и влиятельных, как компартии Венесуэлы, Эквадора, Перу и Боливии.

Американская разведка с удовлетворением отмечала, что после Карибского кризиса китайцам с помощью резких нападок на хрущевский «новый Мюнхен» удалось укрепить свой авторитет в Латинской Америке. Компартии Кубы и Венесуэлы стали воздерживаться от критики Пекина. Китайцы, в свою очередь, как отмечало ЦРУ, «наводнили» Латинскую Америку своими пропагандистскими материалами.

По мнению ЦРУ, попытки Кубы содействовать вооруженной борьбе в странах Латинской Америки с целью нанесения косвенного удара по США объективно толкали Кубу в сторону Пекина и прочь от Москвы и большинства латиноамериканских «промосковских» компартий. Привыкшие в мирной политической борьбе компартии Южной Америки пожаловались на Кубу в Москве во время упоминавшегося совещания представителей компартий 1960 года.

Хрущев не занял никакой твердой позиции в этом вопросе. Он был не против вооруженной партизанской борьбы как таковой и вроде бы был на стороне Кубы. В Москве считали, что только сами компартии региона могут опре-

делить подходящее время для начала этой борьбы и указывать со стороны (ни Москве, ни Гаване) им не следует. Таким образом, в целом Москва поддержала все-таки латиноамериканские компартии, которые считали, что в их странах нет условий для развертывания вооруженной борьбы.

Че еще с юных лет очень критично, если не сказать презрительно, относился к «мирной тактике» латиноамериканских коммунистов, которая привела к торжеству американцев в Гватемале. В этом его мнение разделял и Фидель — он прекрасно помнил: в свое время НСП на Кубе критиковала вооруженную борьбу «Движения 26 июля» как «мелкобуржуазный путчизм». Но оказалось, что «путчизм» был правильной линией, а мирная тактика НСП вела в тупик. Че неоднократно говорил, что если бы Фидель и его движение следовали линии НСП, то Батиста продолжал бы оставаться у власти.

Однако из этой практики кубинской революции Че сделал неправильный политический вывод, который стоил ему жизни.

Когда лидеры латиноамериканских компартий убеждали Че, что в их странах в отличие от Кубы 1950-х годов нет ни социальных, ни экономических, ни политических предпосылок для развертывания вооруженной партизанской борьбы, он отвечал им, что сама эта борьба создаст все эти условия и предпосылки. Так возникла теория фокизма*, три основных постулата которой Че изложил в своей работе «Партизанская война»:

«1. Народные силы могут выиграть войну против регулярной армии.

2. Не всегда надо ждать, пока созреют все предпосылки для революции; повстанческий очаг может сам создать их.

3. В неразвитой экономически [Латинской] Америке полем вооруженной борьбы в принципе может быть только сельская местность»[366].

В своей работе Че (который, кстати, скромно считал себя больше не теоретиком, а практиком партизанской войны) полностью не отвергал мирного пути развития революции, но явно причислял его к вспомогательным и менее предпочтительным. Например, он абсолютно верно отмечал, что если правительство пришло к власти путем

---

* От испанского слова «фоко» — «очаг». Имеется в виду очаг партизанской борьбы.

выборов (пусть даже и подтасованных), то партизанскую войну начинать не следует[367]. И именно потому, что пока еще не исчерпаны возможности мирного пути.

В своей работе Че уделял много внимания военно-техническим вопросам, явно в ущерб политическим.

Он делил всю партизанскую войну на три фазы, подробно описывая только первую.

Поначалу небольшой партизанский отряд (не более пятидесяти человек) должен был вести кочевую жизнь, по возможности уклоняясь от крупных боев с правительственной армией. Главное на этой стадии — просто выжить, не дать себя разбить. Для этого следовало постоянно двигаться и не допускать позиционной войны. В бой ввязываться только тогда, когда есть полная уверенность в победе, ибо любое поражение деморализует отряд. В качестве места начала партизанской борьбы следует выбирать отдаленный от крупных городов и дорог район, куда правительственным войскам (особенно танкам и тяжелому вооружению) затруднен доступ.

Вторая фаза характеризуется укреплением партизанского отряда. Он формирует базовый лагерь, освобождает небольшой район и готов его оборонять. По сути, партизанская война переходит в войну обычную, позиционную. Закалившись в масштабных боях, отряд превращается в повстанческую армию и переходит в наступление, осаждая крупные города, и это третья, финальная фаза войны.

Ясно, что все эти военно-тактические наработки Че были навеяны опытом кубинской революции. Причем подробно описывая первую фазу, Че довольно мало говорит о второй и третьей. И не случайно — ведь вторая и третья стадии вооруженной борьбы уже не относятся к партизанской войне. Это обычная война двух регулярных армий за главные населенные пункты страны. Просто одна из этих двух армий — добровольческая.

Говорили и писали, что теория партизанской войны Че была заимствована у Мао с его «гениальной стратегией»: «Враг наступает — мы отступаем, враг остановился — мы тревожим, враг отступает — мы преследуем». Но Мао никогда не вел собственно партизанской войны. В распоряжении компартии Китая в 1920—1930-е годы было несколько десятков тысяч бойцов, неплохо вооруженных и обученных советскими военными советниками. Фактически коммунисты воевали с плохо вооруженными правительственными войсками на равных, имели под контролем освобожденные районы и доступ к советской помощи.

Ничего подобного в Латинской Америке 1960-х годов не было.

Тем не менее ЦРУ отмечало: «Гевара в особенности был активен в распространении взглядов, схожих с Мао, когда он опубликовал в начале 1960 года свою брошюру под названием "Партизанская война", которая быстро была перепечатана во всей Латинской Америке и стала своего рода руководством к действию и источником вдохновения для некоторых радикальных кругов в каждой стране как внутри, так и за пределами местных коммунистических партий»[368].

Американская разведка в своем анализе указала на сходность позиций Че и китайского руководства. Че полагал, что если объективные предпосылки для победы революции (например, нищету народных масс) искусственно создать нельзя, то субъективные (готовность масс к восстанию) — вполне можно. То же самое думали (или, точнее, демонстрировали) в Пекине. В феврале 1963 года китайские СМИ, отмечало ЦРУ, цитировали кубинскую армейскую газету, в которой говорилось, что полагаться только на объективные условия — значит отвергать марксизм-ленинизм.

Интересно, что ЦРУ абсолютно верно подметило отход Че от былого восхищения китайской действительностью. Еще в 1960 году во время пребывания в КНР Че публично хвалил китайские сельские коммуны, но затем Гевара «коренным образом изменил свои взгляды, частично ввиду своего управленческого опыта, который его отрезвил, частично после того, как стали известны некоторые результаты китайского экономического опыта»[369].

Теория фокизма полностью противоречила Ленину, неоднократно подчеркивавшему, что революция невозможна без революционной ситуации. Ленин отнюдь не был противником вооруженной борьбы, но призывал относиться к вооруженному восстанию как к искусству, соотносить вооруженную борьбу с массовой политической борьбой.

Например, Ленин полностью поддержал вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 года, но лишь потому, что счел царский режим сильно ослабленным в результате первой в истории России всеобщей политической стачки осени того же года. В июле 1917 года он резко выступил против попыток вооруженным путем взять власть в Петрограде, так как абсолютно верно считал, что массы пока еще не изжили веры в революционный характер временного правительства и восстание не поддержат. Даже в случае его

успеха, полагал Ленин, большевики не смогли бы удержать власть.

Напротив, Ленин фактически «уломал» руководство РСДРП(б) начать восстание в октябре того же 1917 года, когда в стране уже начался голод, а крестьяне поняли, что ни мира, ни земли Керенский им не даст. Верно просчитав эти настроения и проведя скрупулезный и очень профессиональный анализ соотношения военных сил в столице, Ленин предрек, что восстание победит быстро и бескровно. Так и произошло.

Таким образом, Ленин умел не только быстро принимать решения, но и выжидать благоприятный момент. Многим латиноамериканским коммунистам 1960-х годов этого второго качества явно не хватало.

К тому же, и это признавал сам Че, положение революционных сил в Латинской Америке коренным образом отличалось от ситуации в любом другом уголке земного шара. Если США еще могли стерпеть дружбу, например, Гвинеи с Советским Союзом, то в Западном полушарии они были готовы идти на все, чтобы второй Кубы не возникло. А это означало, что латиноамериканским партизанам (по определению не имевшим ни авиации, ни тяжелого вооружения) пришлось бы воевать не только против регулярных армий своих стран, до зубов оснащенных американцами, но и против американских интервентов. Так произошло, например, в Доминиканской Республике в 1965 году. И народ проиграл, хотя на его стороне была даже часть армии.

Пример Кубы, на который часто ссылался Че, был все же уникальным. Многотысячная армия Батисты действительно проиграла войну маленькой и плохо вооруженной Повстанческой армии. Однако во многом потому, что Фиделю мастерски удалось усыпить бдительность американцев и они прекратили поставки оружия Батисте. В этих условиях часть генералов и офицеров была не прочь избавиться от Батисты, который подвергался публичной критике Вашингтона. Конечно, никто в этих условиях не хотел геройски умирать за диктатора. Именно крайне низкий боевой дух вооруженных сил Кубы и позволил Повстанческой армии одержать такую невероятную на первый взгляд военную победу.

Однако американцы извлекли из поражения на Кубе все необходимые уроки. Отныне они были готовы поддержать всеми средствами любой антикоммунистический режим, каким бы диктаторским он ни был.

Отсюда вытекал вывод, что вооруженную борьбу в Латинской Америке пришлось бы теперь вести в крайне неблагоприятных условиях.

К тому же, в отличие от революций в Европе, Азии и Африке, СССР никак не мог бы действенно помочь латиноамериканским революционерам, и дело здесь было отнюдь не в «ревизионизме» Хрущева или Брежнева, о чем кричали в Пекине. Во всех регионах мира, кроме Латинской Америки, социалистические страны могли доставлять оружие и боеприпасы революционным силам через дружественные страны или через море, которое американцы не контролировали. Например Вьетнаму — через КНР, Египту — через Черное и Средиземное моря, Индонезии — через Тихий океан.

В Латинской Америке единственной дружественной по отношению к революционерам страной являлась Куба, но начиная с 1962 года она была полностью изолирована американцами. Флот и авиация США безусловно господствовали в Западном полушарии, и СССР ничего не мог с этим поделать. Конечно, можно было силами спецслужб и на небольших судах перебрасывать оружие с Кубы в те или иные страны, имевшие выход к морю. Но больших объемов снаряжения таким путем все равно передать партизанам было нельзя. К тому же американцы быстро поставляли своим «сукиным сынам» во много раз больше оружия, и прежде всего тяжелого.

Че всегда основательно обдумывал тактику вооруженной борьбы в тех или иных странах и все это понимал. Но все же стоял на своем: «Везде, где народы освобождаются, империализм тут как тут. Это не должно нас пугать. Если они (империалисты) совершат ошибку, это может иметь тяжелые для мира последствия, но мы не можем позволить запугать себя возможностью того, что они совершат ошибку. Если они совершат ошибку, погибнут миллионы людей во всех частях света*; но ответственность ляжет на них, и их народ тоже пострадает... Нас это не должно беспокоить... Нас не должны беспокоить действия врага, разве что в той мере, в которой они означают общую угрозу миру во всем мире... Но мы как страна знаем, что за нами великая сила всех стран мира, которую составляют социалистический блок и народы, борющиеся за свое освобождение...»[370]

---

* Че имел в виду сценарий, при котором какая-нибудь революция могла бы привести к началу мировой войны между США и СССР, именно так едва и не произошло во время Карибского кризиса.

При этом Че все же стремился очень внимательно и точно просчитывать возможности победы в той или иной стране, сознавая ограниченный потенциал Кубы как оплота революционного движения в Западном полушарии: «И, хотя мы можем гордиться тем, чем мы являемся для освободительных движений мира, нам не надо впадать в непомерное тщеславие и не следует сверх меры полагаться на свои силы; надо уметь точно рассчитывать свои реальные силы и никогда не позволять себя спровоцировать».

Но именно этого — спровоцировать Кубу на конфликт как с США, так и с СССР — добивались китайцы.

По оценкам ЦРУ, Москва занимала в отношении вооруженной борьбы в Латинской Америке следующую позицию: «В то время как КПСС в принципе не против партизанской войны или упования в этой войне преимущественно на крестьянство... она, по всей видимости, не согласна с экстремистским подходом, с которым кубинцы и китайцы проводят эту линию. Есть данные, что Советы ощущают: резкая риторика Кастро, может и полезная для объединения боевой левой молодежи и студентов в Латинской Америке... в то же время отпугивает другие силы мелкой национальной буржуазии, которые в противном случае можно было бы уговорить вступить в альянс с местными коммунистическими партиями... Сомнительно, чтобы Советы когда-либо полностью поддерживали действия Кастро в Латинской Америке; более вероятно, что они колебались, одобряли одни действия и не одобряли другие, и в любом случае им было тяжело скорректировать поведение Кастро в том или ином ключе.

Если резюмировать, то советская позиция была нерешительной и противоречивой»[371].

Надо признать, что анализ американской разведки был в целом верным.

По данным ЦРУ, кубинское руководство после Карибского кризиса попыталось «шантажировать» КПСС возможным сближением с Китаем как раз на почве единых с Пекином подходов к революционной борьбе в Латинской Америке. Но американцы не сомневались: «Кастро очень далек от того, чтобы встать на сторону Мао в китайско-советской борьбе... пусть даже только потому, что он полностью зависит от Советского Союза экономически, и потому, что у Пекина нет экономической мощи, чтобы заменить СССР...»[372]

Американцы отмечали, что уже начиная с февраля 1963 года Кастро «помирился» с Москвой и следствием этого было ослабление кубинской революционной пропаганды в странах Латинской Америки. Советы, отмечало ЦРУ, полагали, что кубинцам надо сосредоточиться на собственной экономике, а не на мировой революции.

Такая линия Кастро «обидела» китайцев, и они прекратили восхваление кубинского лидера в своих СМИ. При этом Фидель до конца лета 1963 года, как мог, пытался сохранять нейтралитет в публичной советско-китайской полемике.

Самыми промосковскими латиноамериканскими компартиями в советско-китайском противостоянии в ЦРУ считали коммунистов Чили, Уругвая и Парагвая. Стоит отметить, что чилийцы были, пожалуй, самыми стойкими сторонниками мирного пути построения социализма.

Но и китайцы не сидели без дела. По данным американской разведки, во время визита китайской торговой делегации в Мексику в январе 1963 года была предпринята попытка отколоть компартию Мексики от Москвы в обмен на финансовую помощь. В апреле того же года китайцы передали 27 тысяч долларов лидеру пропекинской фракции в эквадорской компартии, в том числе и для организации вооруженной борьбы*.

В ЦРУ отмечали, что китайцы не ограничиваются расколом компартий Латинской Америки, а стараются оказывать влияние на самые разные левые группы, предпочтительно молодежные.

На этом фоне кубинская политика в Латинской Америке развивалась следующим образом.

До битвы в заливе Свиней, провозглашения социалистического характера кубинской революции и фактического вступления Кубы в социалистическое содружество кубинцы пытались помочь организации в странах Латинской Америки таких же революционных групп, как «Движение 26 июля». В них входили представители городских средних слоев, довольно далекие от социализма, но готовые к вооруженной борьбе по кубинскому образцу.

Уже в 1959 году такие группы попытались повторить опыт «Гранмы» в Никарагуа и Доминиканской Республике. Однако небольшие группы революционеров были быстро выслежены и разбиты. С этими группами стали активно работать китайцы.

---

* Деньги были конфискованы эквадорской полицией.

Период 1959—1960 годов сопровождался ростом взаимной подозрительности между компартиями Латинской Америки и Гаваной.

После апреля 1961 года (когда Фидель провозгласил кубинскую революцию социалистической) в Москве попытались как-то примирить кубинцев с латиноамериканскими компартиями, так как и те и другие жаловались друг на друга КПСС. Такая «средняя» линия (как правильно предполагали американцы) после Карибского кризиса вылилась в советы из Москвы латиноамериканским коммунистам по возможности содействовать кубинцам в организации вооруженной борьбы на континенте.

Просто Хрущев не хотел портить отношения с Кубой, где и так едва улеглась обида на него за Карибский кризис. Однако в большинстве латиноамериканских компартий если и помогали кубинцам в их «партизанской линии», то очень неохотно, в основном чтобы не обижать советских товарищей. Все-таки почти все компартии региона продолжали считать, что никаких перспектив у партизанской борьбы нет. Они опасались, что любая попытка поднять восстание обречена на неудачу и будет воспринята правящими кругами как желанный предлог для запрета и разгрома кадров компартий.

КПСС тогда предложила следующую тактику, чтобы как-то примирить обе стороны. Партизанские движения следовало организовывать при помощи, но вне рамок компартий, чтобы кубинцы могли этим движениям помогать, но компартии не несли бы ответственности за их возможный провал.

Именно по этой модели Че позднее и попытается создать партизанский очаг в Боливии.

В 1960—1962 годах на Кубе при активном участии Че и под руководством Фиделя сложилась организационная инфраструктура поддержки партизанских движений в Латинской Америке. Во главе ее стоял министр внутренних дел Кубы команданте Рамиро Вальдес (1932 года рождения). Он вместе с Фиделем участвовал в нападении на казармы Монкада и первым ворвался на их территорию. Будучи раненым, последним покинул поле боя. Вместе с Фиделем Вальдес вышел из тюрьмы по амнистии в мае 1955 года. На «Гранме» Вальдес был назначен заместителем командира арьергарда (им командовал Рауль Кастро). Когда Че во главе колонны номер 8 вышел из Сьерра-Маэстры в направлении Санта-Клары, Вальдес был его заместителем.

Вальдесу подчинялась кубинская разведка — Главное управление разведки (транслитерация испанской аббревиатуры — ДГИ*). Ее возглавил Мануэль Пинейро по кличке Красная Борода**. Пинейро был еще моложе Вальдеса. Он родился в 1933 году и уже в 1952 году принял участие в студенческих демонстрациях против переворота Батисты. Его отец был хорошо оплачиваемым служащим кубинского концерна «Бакарди» и отправил сына «от греха подальше» на учебу в Колумбийский университет в Нью-Йорк. Но и в Штатах Мануэль не вышел из политической борьбы, протестуя против расовой и социальной дискриминации в Америке. В США Пинейро женился на американской балерине, с которой позднее развелся.

После возвращения на Кубу в 1955 году Пинейро вступил в «Движение 26 июля» и был арестован полицией Батисты. В Гаване он вел подпольную работу, но, находясь под постоянным присмотром полиции, решил отправиться в Сьерра-Маэстру. В составе Повстанческой армии Пинейро ведал кадрами, а затем возглавил контрразведку и военную полицию. Вместе с Фиделем Пинейро участвовал в борьбе за Сантьяго-де-Куба, после победы революции он стал военным комендантом этого города.

С 6 июня 1961 года Красная Борода возглавил так называемое «техническое вице-министерство» в составе МВД. Именно эта структура и курировала оказание поддержки партизанским движениям в Латинской Америке.

В рамках «вице-министерства» Красной Бороды непосредственно за партизанские движения в Латинской Америке отвечал Хуан Карретеро (Ариэль). Именно он работал с Че, подбирая кадры для будущего партизанского очага на континенте.

В начале 1960-х годов кубинцам с точки зрения налаживания подпольной работы в Латинской Америке были очень важны две страны — Чехословакия и Алжир.

В ЧССР, как и на Кубе, разведка входила тогда в состав МВД и называлась 1-м Главным управлением министерства. Начиная с ноября 1961 года им руководил полковник Йозеф Хоуска. Латинской Америкой занималось 2-е отде-

---

* *Direccion General de Inteligencia.*

** Как и Фидель, Мануэль Пинейро был сыном эмигрантов из Галисии и якобы родился во время урагана прямо в баре, который его родители держали в кубинском городе Матансасе. Фидель называл Красную Бороду Галисийцем.

ление 1-го отдела 1-го управления под руководством капитана Яна Стехно (псевдоним Скоржепа).

25 января 1960 года чехословацкая разведка предложила министру внутренних дел ЧССР Рудольфу Бараку создать в Гаване постоянную резидентуру. В качестве аргументации указывалось, что после свержения Батисты Куба превратилась в самое прогрессивное государство Латинской Америки. Задачами резидентуры были не только помощь кубинцам в борьбе против необъявленной войны со стороны США, но и противодействие американцам, стремящимся «содействовать росту национализма и стремлению к большей независимости стран Латинской Америки»[373].

Таким образом, интересы чехословацкой разведки полностью совпадали с замыслами Че. Причем следует подчеркнуть, что все свои действия на Кубе Прага согласовывала с Москвой. В КГБ относились к работе с территории Кубы против стран Латинской Америки очень осторожно, в то время как чехи действовали более смело и энергично.

Первым резидентом чехословацкой разведки в Гаване был в июне 1960 года назначен капитан Зденек Квита (Петерка), которого перевели из резидентуры в Мехико. Петерка работал под «крышей» второго секретаря посольства ЧССР на Кубе[374]. Осенью 1960 года гаванская резидентура уже считалась в чехословацкой разведке «одной из политически самых важных, а с точки зрения оперативной работы одной из самых сложных»; в ней были задействованы семь человек. По объему переданной в центр информации гаванская резидентура к началу 1961 года вошла в число четырех самых результативных (наряду с Веной, Парижем и Лондоном).

С февраля 1961 года резидентурой руководил капитан Бедржих Кубеш (Рогл), а с июля 1962 года — капитан Зденек Врана (Велебил).

Чехи наладили прекрасные отношения с Вальдесом (Дин) и Пинейро (Аха), помогая молодой кубинской разведке практически во всех аспектах ее становления. Кубинцам было передано в дар много аппаратуры (в том числе для прослушивания и наружного наблюдения) и оружия (пистолетов калибра 6,35, 9 и 7,65 миллиметра)*. Примечательно, что кубинцы с самого начала сообщили чехам, что планируют использовать эти пистолеты в странах Латинской Америки, особенно оружие «несоветских» калибров —

* Пистолетов 9-миллиметрового калибра было передано 700 штук.

6,25 и 7,65 миллиметра. Об этом Дин лично проинформировал чехословацкого резидента в Гаване.

Чехи наладили в МВД Кубы и кинологическую службу. В обмен кубинцы передали чехословацкой стороне часть захваченного во время битвы в заливе Свиней оружия американского производства.

Чехословацкая разведка щедро делилась с кубинскими коллегами и добытой информацией. В 1961 году кубинцам были переданы 220 разведсообщений.

С самого начала к задачам гаванской резидентуры чехословацкой разведки относилась «реализация активных мероприятий, нацеленных на подрыв позиций и дискредитацию политики США в Латинской Америке[375]. Все эти мероприятия должны были служить цели «углубления существующих противоречий между отдельными странами Латинской Америки и США, поддержки роста национально-освободительных сил во всем данном регионе. При проведении активных мероприятий, прежде всего, следует нацелиться на те страны Латинской Америки, где позиции США наиболее уязвимы, а именно на Венесуэлу, Гватемалу и Боливию...»[376].

Именно эти три упомянутые чехословацкой разведкой страны Латинской Америки были наиболее пригодны с точки зрения развертывания партизанской войны и по мнению Че. Складывается впечатление, что чехи обстоятельно координировали свою тактику в Западном полушарии с Вальдесом, Пинейро и самим Че. В то же время советский посол в Гаване Алексеев (сам выходец из спецслужб), по оценкам гаванской резидентуры разведки ЧССР, относился к кубинской работе в странах Латинской Америки снисходительно, называя ее «любимым хобби Фиделя».

Наиболее активную помощь в развертывании революционного движения в Латинской Америке чехословацкая разведка оказывала кубинцам в рамках акции «Мануэль»*, стартовавшей в 1962 году как часть кубинской секретной программы «Двойная игра» («Doble Juego») — так в ведомстве Красной Бороды именовали поддержку революционного движения в Латинской Америке.

К 1962 году американцам удалось практически полностью изолировать Кубу в Западном полушарии. Все страны континента, за исключением Мексики и Боливии, прервали с Гаваной дипломатические отношения и транспортные

---

* Названа по имени Мануэля Пинейро.

связи (что особенно мешало развитию революционного проекта Че). Кубинцы и подготовленные на Кубе революционеры из стран Латинской Америки никак не могли попасть с острова на континент.

В Мексике ФБР и ЦРУ США чувствовали себя как дома, в чем Че мог убедиться еще в 1956 году. В начале 1960-х годов такое положение усугубилось. Кубинское посольство в Мексике было под круглосуточным наблюдением ЦРУ, которое с ведома мексиканцев прослушивало все телефонные переговоры посольства. Именно аппаратура ЦРУ засекла, например, визит Ли Харви Освальда в кубинское посольство в Мехико в 1963 году*.

Таким образом, в 1962 году проблема переброски кадров партизанского движения в страны Латинской Америки неожиданно стала ключевой, и именно в ее разрешении помогла чехословацкая разведка.

В рамках акции «Мануэль» кубинцы и латиноамериканцы, подготовленные для нелегальной работы в Латинской Америке, сначала прилетали с кубинскими паспортами в Прагу**. Причем на первых порах (кубинская разведка еще только вставала на ноги) гости от Красной Бороды прибывали с плохо сработанными документами и в неподходящей для Европы одежде (например, в летней одежде зимой). В Праге на специальной конспиративной квартире в случае необходимости гостям полностью меняли внешний вид (через это пришлось пройти и самому Че) с помощью грима, зубных протезов и кардинальной смены прически (цвет волос, искусственная лысина и т. д.). Затем гостей снабжали надежными (в основном настоящими) паспортами западноевропейских и латиноамериканских стран. С новыми документами будущие нелегалы проходили «обкатку» в странах Западной Европы. Например, они ехали поездом из Праги в нейтральную Австрию, а уже оттуда в страны НАТО. Сработанные в рамках акции «Мануэль» паспорта наполнялись визами и пограничными отметками западных стран, что делало их еще более надежными. Наконец,

---

* Во время слушаний Комиссии Уоррена по расследованию убийства президента Джона Кеннеди была сделана попытка связать Че с Ли Харви Освальдом и Джеком Руби. Якобы всех троих видели вместе в Панаме (!). Однако идея «притянуть» к трагедии в Далласе Че Гевару выглядела настолько бредовой, что от нее отказались сами же американские спецслужбы.

** Между Прагой и Гаваной действовало прямое авиасообщение, что было особенно ценно.

посланцы Красной Бороды, превратившись, например, в уругвайских* или аргентинских бизнесменов, улетали из Парижа или Швейцарии в Латинскую Америку.

Канал акции «Мануэль» функционировал до 1970 года и через него прошли сотни человек. ЦРУ так и не смогло выяснить, как революционеры с Кубы оказывались в самых разных странах Западного полушария.

Помимо разрешения проблемы транспортировки бойцов в очаги будущего партизанского движения в Латинской Америке, следовало решить вопрос их боевой подготовки и доставки в Западное полушарие специального оружия и снаряжения (причем желательно западного производства). На обычных рейсовых самолетах всего этого не провезешь. Как правило, в таких случаях спецслужбы (в том числе и ЦРУ) используют дипломатическую почту — ее ведь никто не проверяет. Но кубинских посольств нигде в Латинской Америке, кроме Мексики и Боливии, не было. К тому же ЦРУ и ФБР были готовы пойти и на вскрытие кубинской дипломатической вализы (особенно крупногабаритных грузов) — никаких правил американцы в этой войне не соблюдали.

Здесь на помощь Кубе пришел Алжир.

С 1954 года алжирские патриоты из Фронта национального освобождения (ФНО) при помощи социалистических стран вели войну против французских колонизаторов, которая в 1962 году закончилась полной победой ФНО**. Независимый Алжир (избравший путь строительства социализма) возглавил президент Ахмед бен Белла, очень благодарный Кубе за поддержку в годы национально-освободительной борьбы. 30 апреля 1964 года Ахмеду бен Белле было присвоено звание Героя Советского Союза. Кубинцы оказали Алжиру существенную поддержку и после обретения этой страной независимости, направив батальон добровольцев, принявший участие в пограничном конфликте между Алжиром и прозападным Марокко.

Во время своего визита на Кубу бен Белла установил хорошие личные отношения с Фиделем и Че. В отличие от осторожных русских, алжирцы были готовы оказать революционному проекту Че любую посильную помощь, в том числе предоставить полигоны для боевой подготовки буду-

---

* Развитый и спокойный с политической точки зрения Уругвай считался наиболее респектабельной страной Латинской Америки, своего рода «латиноамериканской Швейцарией».

** Потери французской армии составили 18—25 тысяч человек, алжирцев погибло около миллиона.

щих партизан, снабдить их документами и оружием западного образца, а также перевозить оружие дипломатической почтой.

Впервые Че и бен Белла встретились на Кубе осенью 1962 года — прямо перед самым Карибским кризисом. Алжирский президент спешил на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, на которой Алжир должны были торжественно принять в члены этой организации. Остановка в Гаване на обратном пути была не случайной — Алжир решил открыто продемонстрировать солидарность с кубинской революцией. 15 октября в Вашингтоне бен Белла горячо дискутировал тему Кубы с Кеннеди, требуя от США отказаться от вторжения на остров. Президент США в ответ не рекомендовал бен Белле лететь в Гавану — его самолет якобы могли сбить кубинские контрреволюционеры. Президент Алжира ответил, что не боялся французов, а уж кубинских эмигрантов — тем более.

Перед визитом бен Беллы СНБ США подготовил на него справку для Кеннеди, в которой отмечалось, что «...несмотря на массу наивных идей... начиная от Маркса, Насера и Че Гевары», бен Белла больше прагматик, чем доктринер. Хотя президент Ахмед бен Белла и министр обороны Хуари Бумедьен исключили алжирских коммунистов из общественной жизни страны, «многие алжирцы до сих пор смотрят на Кастро сквозь розовые очки»[377].

16 октября в Гаване президент Алжира провел обстоятельные переговоры в неформальной обстановке с Фиделем, Раулем и Че. Возникли искренние дружеские чувства.

Ровно через год Марокко, игравшее в годы холодной войны роль цепного пса Запада в Африке, атаковало алжирскую территорию в районе пограничного города Тиндуф. У алжирцев не было ни единого танка, ни единого самолета. Советские самолеты быстро перебросил в Алжир президент Египта Насер (как и бен Белла — Герой Советского Союза). Кубинцы прислали на помощь танковый батальон (22 танка) и несколько сотен добровольцев. Причем кубинцы нарушили согласованные ранее с СССР условия поставки этих танков на Кубу — Куба не имела права без предварительного согласия Советского Союза использовать боевую технику советского производства в третьих странах. Вместе с кубинскими солдатами и танками корабль доставил в Алжир груз кубинского сахара — подарок, на который бен Белла ответил отправкой тем же кораблем на Кубу чистокровных берберских лошадей[378].

Заметим, что по другую сторону алжирско-марокканского конфликта против кубинцев стояли США — американские пилоты на вертолетах перебрасывали марокканские войска к линии фронта.

При этом кубинцы советовали алжирцам наладить хорошие отношения с бывшей метрополией — Францией, правительство которой во главе с де Голлем начинало отходить от США и проводить более самостоятельную внешнюю политику. В 1964 году Че так говорил об этом: «Недавно французское правительство было очень раздражено нашей поддержкой Алжира... Позже со стороны того же французского правительства было проявлено большее понимание... Сегодня Алжир и Франция поддерживают добрые отношения друг с другом, и мы поддерживаем как нельзя лучшие отношения с братским народом Алжира и также добрые отношения с Францией»[379].

Таким образом, при помощи алжирцев и чехов в 1962 году можно было приступать к конкретной реализации планов создания партизанского очага (или, вернее, нескольких очагов) в Латинской Америке.

Наиболее перспективным местом представлялась Венесуэла. Страна обладала огромными запасами нефти, довольно влиятельными (хотя и расколотыми) левыми силами и сложной историей отношений с США. Очень важным было и то, что левые и националистические элементы были неплохо представлены в венесуэльской армии. Только в 1958 году путем поддержанного народом военного восстания был свергнут проамериканский диктатор Маркос Перес Хименес.

В мае 1958 года Эйзенхауэр отправил в Каракас «с миссией доброй воли» своего вице-президента Ричарда Никсона. Но венесуэльцы прекрасно понимали, кто стоял за спиной диктатуры Переса Хименеса, и 13 мая в Каракасе разгневанные демонстранты, скандируя «Никсон, убирайся домой!» и «смерть Никсону!», плевали на лимузин Никсона и забросали его камнями на глазах двенадцати сотрудников секретной службы США.

Однако имелись и очевидные минусы. В политике Венесуэлы очень большую роль играли социал-демократическая партия «Демократическое действие» (транслитерация испанской аббревиатуры — АД*) и ее лидер, уже упоминавшийся Ромуло Бетанкур. АД господствовала в профсоюзах,

* *Acción Democrática.*

заботилась о повышении жизненного уровня преданных ей рабочих и проводила аграрную реформу. Неудивительно, что многие венесуэльцы считали Бетанкура социалистом, который хочет добиться того же, что и на Кубе, только мирным путем.

На самом деле Бетанкур был ярым антикоммунистом (не редкость среди правых социал-демократов) и проводил проамериканскую внешнюю политику. Че «раскусил» этого «друга народа» еще во время своих странствий по Центральной Америке в 1953—1954 годах, когда Бетанкур жил в эмиграции в Коста-Рике у своего друга и единомышленника Хосе Фигереса.

Кастровскую Кубу Бетанкур ненавидел и с готовностью откликнулся на просьбу США разорвать с ней все отношения. Бетанкур даже провозгласил собственную доктрину, согласно которой Венесуэла разрывала дипломатические отношения со всеми странами, где власть менялась в результате насильственного переворота. Под эту доктрину Бетанкур подверстал и Кубу, хотя Кастро пришел к власти не в ходе военного переворота, а в результате народного восстания против военной диктатуры Батисты.

Первые после свержения диктатуры президентские выборы в Венесуэле 7 декабря 1958 года продемонстрировали небывалую политическую активность народа. На участки пришли 93 процента всех избирателей. Победивший кандидат АД Бетанкур набрал 49,2 процента голосов (1 284 092 голоса). За героя антидиктаторского восстания адмирала Вольфганга Ларрасабаля Угуэто, победившего в столичном федеральном округе, высказались 903 479 венесуэльцев (34,6 процента).

Бетанкур поощрял американские инвестиции в Венесуэлу, и компании из США спокойно обогащались на венесуэльской нефти. В 1962 году американский бизнес получил в Венесуэле 505 миллионов долларов прибыли (в том числе 429 миллионов — в нефтяной промышленности), причем в США было вывезено 477 миллионов.

В январе 1959 года в Каракас на празднование первой годовщины свержения диктатуры Переса Хименеса прибыл Фидель Кастро, восторженно встреченный (в отличие от Никсона) венесуэльцами. Молодой и успешный революционер Кастро очень выигрышно смотрелся в глазах венесуэльской молодежи на фоне прожженного политикана и мастера всяческих компромиссов Бетанкура, предавшего, по мнению многих венесуэльцев, революционные идеалы своей юности.

Многие молодые люди в Венесуэле жаждали повторить кубинский опыт. Однако сам Че, как уже упоминалось, вполне здраво предостерегал от начала партизанской войны против правительства, пришедшего к власти путем выборов. Тем более что благодаря своим реформам (пусть и половинчатым) Бетанкур был еще достаточно популярен.

Тем не менее нетерпеливая революционная молодежь в апреле 1960 года вышла из рядов АД и образовала самостоятельную партию — Левое революционное движение (транслитерация испанской аббревиатуры — МИР*). Бетанкур обрадовался такому развитию событий, так как после ухода левых позиции его собственной правой группировки в рядах АД только усилились.

Новая партия именовала себя марксистской и антиимпериалистической и стремилась устроить в Венесуэле «национальную революцию», в том числе и вооруженным путем**.

Компартия Венесуэлы также подпала под влияние Кубы и с конца 1960 года изменила свою позицию по отношению к режиму Бетанкура. До создания МИР венесуэльские коммунисты поддерживали принятие правительством отдельных прогрессивных мер и оказывали давление, чтобы ускорить проведение назревших в стране реформ. После раскола в АД коммунисты решили начать борьбу за свержение Бетанкура всеми возможными средствами.

В ноябре 1960 года (после антикубинского демарша режима Бетанкура) компартия и МИР предложили руководству единой Конфедерации трудящихся Венесуэлы (КТВ) начать политическую забастовку под лозунгом свержения режима Бетанкура. Заметим, что в теории партизанской войны Че политическая забастовка тоже присутствовала, но только как вспомогательное средство, «довесок» к успешной вооруженной борьбе партизанского очага. Сказывался неудачный кубинский опыт с провалом политической забастовки в апреле 1958 года.

Коммунисты были второй по значению силой в венесуэльском профсоюзном движении (после АД), но все же не первой. Естественно, что в профсоюзном руководстве

---

* *Movimiento de Izquierda Revolucionaria.*

** Заметим, что в первой половине 1960-х годов ЦРУ именовало революционные группировки, подражавшие Кубе, специальным термином «кастроиты». Тем самым американская разведка отделяла их от промосковских компартий, предпочитавших мирный путь развития революции.

не поддержали проведение забастовки против собственной партии.

В ноябре 1961 года в своем анализе обстановки в Венесуэле ЦРУ отмечало, что прокастровские симпатии в Венесуэле (некогда сильные) находятся на излете и у левых не хватает поддержки в народе для силового свержения режима.

На переговорах с Кеннеди Бетанкур и министр обороны Венесуэлы Брисеньо Линарес потребовали от президента США в связи с «опасностью, исходящей от Кастро», поставить венесуэльской армии современное вооружение. ВВС нужны истребители, а сухопутным войскам — новые казармы. Причем желательно, чтобы США предоставили средства в виде долгосрочного кредита. Венесуэла зачем-то попросила еще и подводную лодку, что было слишком даже для Кеннеди.

Кеннеди прямо заметил, что не видит никакой опасности со стороны Кастро в отношении Венесуэлы, а уж если Кастро решит атаковать Венесуэлу, то вооруженные силы США и стран ОАГ придут на помощь «в течение нескольких часов». Но сам же президент США предложил Бетанкуру обосновать дополнительные потребности в вооружении «внутренними угрозами», например, партизанским движением (которого тогда в Венесуэле не было. — *Н. П.*). В Вашингтоне были готовы принять Брисеньо Линареса, чтобы обсудить конкретные военные поставки. Линарес сказал, что у венесуэльской разведки есть информация о контрабанде оружия в Венесуэлу через Панаму. Ухватившийся за эту мысль Кеннеди спросил, есть ли там оружие из стран за «железным занавесом». Однако его ждало разочарование — Брисеньо Линарес ответил, что все оружие американского производства из арсеналов армии США.

Участники движения МИР в Венесуэле решили осуществить на практике кубинский опыт вооруженной борьбы; им ассистировала компартия.

В мае—июне 1962 года произошло два крупных восстания в вооруженных силах — военных моряков в Карупано (4 мая) и гарнизона крепости Пуэрто-Кабельо (2 июня). Оба выступления быстро подавили силой и среди руководителей восстания были обнаружены депутат от компартии Элой Торрес, а также ряд других политиков от КПВ и МИР.

10 мая 1962 года был издан декрет президента Венесуэлы о запрете коммунистической партии и движения МИР за участие в мятеже в Карупано. 30 августа 1962 года министр обороны Венесуэлы сообщил президенту Кеннеди,

что правительство отслеживало заговор военных с ноября 1961 года. Якобы повстанцы хотели выступить во время пребывания Кеннеди в Венесуэле, но не смогли. Президент США похвалил администрацию Бетанкура за «прекрасную работу» и спросил, не попало ли оружие в Венесуэлу из Панамы и не стоит ли за всем этим Куба.

На востоке страны движение МИР начало партизанскую войну, назвав свои отряды Патриотического фронта имени Мануэля Родригеса. В 1962 году коммунисты и «миристы» объединили своих партизан в Вооруженные силы национального освобождения (транслитерация испанской аббревиатуры — ФАЛН*). Помимо очагов партизанского движения на западе и востоке, ФАЛН организовали городские партизанские бригады, осуществлявшие нападения на армейские посты и правительственные учреждения.

В 1963 году партизанское движение в Венесуэле было самым мощным в Латиноамериканском регионе и, казалось бы, оправдывало теорию партизанского очага. Однако попытки партизан сорвать президентские выборы 1963 года успеха не имели — венесуэльцы все еще верили в демократию.

Переосмысливали свою тактику и левые силы — партизанский очаг явно не хотел разгораться. Летом 1964 года находившийся в тюрьме лидер МИР Ранхель написал письмо председателю палаты депутатов. В нем говорилось, что голосование на выборах показало стремление венесуэльского народа разрешать проблемы страны не вооруженным, а мирным путем. Затем с заявлением о пересмотре «методов борьбы за освобождение страны от засилья иностранных монополий» высказалось и все руководство МИР.

В 1964—1966 годах к такому же выводу пришли коммунисты, осознавшие, что путь вооруженной борьбы за власть в условиях Венесуэлы не приводит к успеху, так как большинство населения надеется улучшить свою долю с помощью избирательного бюллетеня: «Мы, коммунисты, не питаем иллюзий в отношении мирного пути для создания патриотического правительства, ибо господствующие классы, находящиеся на службе североамериканских монополий, не допустят этого... Но мы, коммунисты, считаем абсурдным претендовать на то, чтобы изменить это положение только усилиями авангарда и только путем использования вооруженной борьбы»[380].

---

* *Farmadas Armadas de Liberaciyn National.*

События в Венесуэле происходили без активного влияния Че или Кубы в целом. Речь шла скорее о попытках венесуэльских левых последовать кубинскому примеру.

Че надеялся, что венесуэльские левые достаточно организованы, чтобы взять власть собственными силами. Выступая в мае 1962 года перед сотрудниками кубинских органов безопасности, Че охарактеризовал положение в Венесуэле следующим образом: «В Венесуэле ситуация гораздо более динамична, Коммунистическая партия и Движение революционных левых [МИР] возглавляют вооруженное освободительное движение, и практически Венесуэла переживает состояние гражданской войны. Нас должно весьма интересовать это венесуэльское движение, нам надлежит смотреть на него не только с большой симпатией, но и с большим вниманием... Находясь под влиянием собственного опыта, практически родившись как нация с односторонним опытом, мы всегда проповедуем партизанскую войну, базирующуюся на крестьянских поселениях и последующий захват городов с опорой на деревню... Некоторые венесуэльские товарищи неоднократно высказывали мнение, что в Венесуэле имеется возможность предпринять насилие иного рода, поскольку здесь существуют особые условия и, в частности, есть группы военных, выступающие за восстание...»[381]

Таким образом, Че, которому всегда был чужд догматизм и свойственна самокритика, был готов адаптировать свою теорию партизанской войны к конкретным условиям разных стран. Что касается Венесуэлы, то он правильно предвосхитил будущее: именно прогрессивные военные во главе с Уго Чавесом повели страну к социализму в конце XX века.

ЦРУ отмечало, что в 1958—1963 годах китайцам удалось сильно укрепить позиции в компартии Венесуэлы, чем во многом и объяснялся неудачный переход коммунистов к тактике вооруженной борьбы. Компартия Венесуэлы оказалась единственной в Латинской Америке, отказавшейся публично поддержать Москву в споре с Пекином. Мао лично принял руководителей МИР в Китае, а в первой половине 1962 года, по данным ЦРУ, боевую подготовку в КНР прошли члены компартии Венесуэлы[382].

Примечательно, что и советская пропаганда в 1962 году (явно с оглядкой на Гавану) поддерживала вооруженную борьбу венесуэльских коммунистов.

Если Венесуэла (и это отмечал Че) не совсем подходила под теорию фокизма, то Гватемала, казалось, была иде-

альным полем боя для партизанской войны с опорой на деревню. Подавляющее большинство населения Гватемалы составляли крестьяне-индейцы, подвергавшиеся чудовищной эксплуатации со стороны местных белых олигархов и американских компаний типа «мамиты Юнай». В стране не было традиций парламентской смены власти и все привыкли к перманентному насилию. После свержения прогрессивного режима Арбенса в 1954 году страной правили диктаторские правые режимы, опиравшиеся на репрессивный аппарат. В то же время в отличие от соседней Никарагуа, где всю власть монополизировал клан Сомосы, в Гватемале олигархия не была единой и частенько одна группа свергала другую. Соответственно, не была единой и армия.

Но и здесь имелся большой минус (Че наблюдал его в 1954 году собственными глазами): политическое сознание населения, в подавляющем большинстве неграмотного, было крайне низким, в деревне господствовала католическая церковь. Че, конечно, испытывал к Гватемале особые чувства, но руководствовался в своем анализе не ими, а холодным рассудком. Он отмечал, что в Центральной Америке* «народная борьба уже достигла зрелости, но ее результаты трудно определимы; и я не думаю, что в краткосрочной перспективе они очень заманчивы: слишком сильно здесь господство североамериканцев»[383].

В начале 1962 года обстановка в Гватемале обострилась. Все общественные силы этой страны считали недавно прошедшие «выборы» в конгресс фикцией. В январе был убит глава службы безопасности президента Идигораса Фуэнтеса**. Вскоре дало о себе знать первыми нападениями основанное военными вокруг Турсио Лимы и Йона Сосы «Партизанское движение 13 ноября»***. В феврале 1962 года в специально выпущенном коммюнике партизаны призвали к всенародному восстанию против диктатуры Идигораса Фуэнтеса. Тот обвинил во всем этом, естественно, Кубу, хотя кубинцы, кроме проявления симпатии, никак партизанам помочь не могли.

---

* Че считал, что этот регион — по сути одна большая страна со схожими социально-экономическими и политическими условиями.

** Идигорас Фуэнтес участвовал в свержении Арбенса и помогал американцам готовить на территории Гватемалы кубинских контрреволюционеров для вторжения на Кубу в апреле 1961 года.

*** Названо в честь неудачной попытки свержения Идигораса Фуэнтеса 13 ноября 1960 года.

В начале февраля 1962 года возник первый очаг партизанского движения в восточной части страны, в начале марта — второй (в центральной части Гватемалы).

В декабре 1961 года в Гватемалу отправился друг молодости Че, гватемалец Хулио Роберто Касерес (Эль Патохо). После победы революции на Кубе Че всячески опекал скромного и застенчивого Эль Патохо — он работал под началом Че в ИНРА и министерстве промышленности. Когда он объявил о своем решении вернуться на родину, чтобы вместе с гватемальскими коммунистами начать партизанскую борьбу, Че не стал его удерживать: «Однажды он сказал мне, что должен уехать, что пришло его время отдать свой долг... Он говорил о том, чтобы бороться на своей родине с оружием в руках, чтобы повторить там в той или иной форме нашу партизанскую борьбу. Мы провели один из немногих в то время продолжительных разговоров, но я ограничился тем, чтобы дать ему три совета: все время находиться в движении, проявлять осмотрительность и постоянную бдительность... Наш партизанский опыт был тем единственным, что я мог дать своему другу в дорогу кроме теплого рукопожатия. Должен ли я был его отговаривать? По какому праву?»[384]

В марте 1962 года Че узнал, что Эль Патохо погиб в бою: «...через некоторое время я получил известие о его гибели... И снова остался горький вкус поражения... Снова проиграна битва; мы должны оплакивать наших погибших товарищей, в то время как мы точим свои мачете... мы должны принять твердое решение не повторять их ошибок, отомстить за смерть каждого из них во многих победоносных сражениях и достичь окончательного освобождения»[385].

В марте 1963 года Мигеля Идигораса Фуэнтеса сверг его собственный министр обороны полковник Альфредо Энрике Перальта Асурдия, но ничего для населения не изменилось. Еще бы — санкцию на устранение слишком уж одиозного Идигораса Фуэнтеса дал Перальте Асурдии лично президент США Кеннеди. При Перальте Асурдии было введено чрезвычайное положение, отменены все выборы, за распространение коммунистической литературы полагалось два года тюрьмы.

В 1963 году гватемальские партизаны и коммунисты объединились в Вооруженные повстанческие силы (транслитерация испанской аббревиатуры — ФАР*) во главе с

---

* *Fuerzas Armadas Rebeldes.*

Турсио Лимой и Йоном Сосой. ЦРУ отмечало, что попытки коммунистов занять в едином фронте главенствующее положение на первом этапе не удались[386]. Тем более что Гватемальская партия труда, по оценкам американской разведки, была расколота — многие лидеры выступали за прекращение вооруженной борьбы, в то время как им с ультрареволюционных позиций оппонировали троцкисты и пропекинские элементы.

В Гватемале началась длительная и кровопролитная гражданская война, в которой армия и «эскадроны смерти» зверски убили около двухсот тысяч мирных жителей. Все авторитетные международные организации охарактеризовали это как геноцид в отношении коренного населения страны. В середине 1994 года власти Гватемалы публично признали, что после тридцати лет военного конфликта победа над повстанцами «Гватемальского национального революционного единства» является невозможной. В декабре 1996 года представители правительства и командование партизан подписали «Договор о прочном и длительном мире», положивший конец гражданской войне.

В ЦРУ отмечали, что кубинцы стали активно пропагандировать вооруженную борьбу в Латинской Америке после ссоры с Хрущевым во время Карибского кризиса. Американская разведка приняла к сведению интервью Че 28 ноября 1962 года, в котором он сказал, что самой эффективной формой помощи прогрессивных сил Кубе является вооруженная борьба, уже происходящая в некоторых странах Латинской Америки[387].

Китайцы по-прежнему активно сыпали соль на кубинские раны, обвиняя «капитулянта» Хрущева в предательстве. ЦРУ отмечало, что Пекин настойчиво пытался спровоцировать войну между Кубой и США, называя Америку «бумажным тигром», которого вообще не стоит бояться. 17 ноября 1962 года министр иностранных дел КНР заявил кубинскому послу в Пекине, что империалисты всегда боятся тех, кто проявляет твердость.

Заметим, что китайцы активно обхаживали Че, стремясь побудить его к каким-нибудь публичным заявлениям, которые можно было бы интерпретировать как антисоветские и прокитайские. Однако Че на провокации не поддавался. В конце июля 1963 года он дипломатично заявил на пресс-конференции, что Куба слишком маленькая страна, чтобы посредничать в споре между Москвой и Пекином, но будет делать все, чтобы примирить обе стороны. ЦРУ

отметило, что попытки китайцев перетащить Кубу на свою сторону провалились[388].

После неудач в Венесуэле и Гватемале (к которым Куба не имела никакого отношения) Че обратил особое внимание на свою родину — Аргентину. Именно там он хотел опробовать на практике свою теорию партизанской войны.

Несмотря на то что Че был убежденным интернационалистом («солдатом [Латинской] Америки»), он горячо и нежно любил свою родину, хотя старался и не показывать этого на публике. Для любого посетителя из Аргентины он выкраивал в своем крайне плотном рабочем графике несколько часов, подробно расспрашивая о ситуации в стране. Он с удовольствием пил с соотечественниками любимый мате, хотя от столь же любимого жаркого из говядины (аргентинская парижжа) пришлось отказаться — на Кубе не хватало мяса, и Че не хотел питаться лучше, чем остальные кубинцы. Он продолжал поддерживать тесный контакт с друзьями молодости — Альберто Гранадо и Рикардо Рохо, хотя последний, например, не разделял его социалистических убеждений*.

Как уже упоминалось, в 1962 году аргентинские военные свергли президента Аргентины Артуро Фрондиси, в том числе за встречу с Че и флирт с перонистами.

Че счел, что настал благоприятный момент для образования партизанского очага в Аргентине, хотя сам же понимал, что объективные условия его родины, мягко говоря, не совсем подходят под теорию длительной партизанской войны с опорой на деревню.

Начнем с того, что никакой «деревни» в Аргентине вообще не было, и сам Че это признавал. В мае 1962 года в уже упоминавшемся выше выступлении перед сотрудниками органов госбезопасности он говорил: «Аргентина — относительно сильная латиноамериканская держава... Обе страны (Аргентина и Уругвай. — *Н. П.*) являются скотоводческими, в обеих существуют мощные олигархические группировки, которые, базируясь на латифундистской собственности на землю и обладании скотом, контролировали внешнюю торговлю, но сегодня вынуждены делить этот контроль с Соединенными Штатами. Это страны с наиболее четко выраженным преобладанием городского населе-

---

* Рикардо Рохо тем не менее считал себя левым антиимпериалистом и выступал против проамериканской внешней политики Аргентины.

ния... В Аргентине рабочий класс превалирует... В обладающих такими чертами Аргентине и Уругвае, а также в Чили, где рабочий класс действительно преобладает, до сих пор господствовала философия гражданских (мирных. — *Н. П.*) форм борьбы против деспотических властей и вопрос о взятии власти в будущем более или менее прямо и открыто увязывался с выборами или мирными формами борьбы»[389].

Однако военный переворот и отстранение Фрондиси, по мнению Че, открывали хорошие перспективы для прихода к власти левых сил. Несмотря на запрет в стране перонистской партии, она твердо контролировала многочисленные и боевые по духу аргентинские профсоюзы. Эти профсоюзы имели хороший опыт организации массовых политических забастовок и горели желанием вернуть своего лидера к власти. Фрондиси тайно обещал Перону допустить его сторонников к выборам, за что и был свергнут военными. Неудивительно, что перонисты и их лидер были этим крайне возмущены и готовы к решительной борьбе внепарламентскими методами.

Кубинцы имели тайные связи с Пероном и приглашали его переехать из франкистской Испании на Кубу. Однако Перон отказывался, хотя публично выражал свои симпатии кубинской революции. Тем не менее его люди были в плотном контакте с кубинским руководством, в том числе и с Че. Перон был явно не против того, чтобы с помощью Кубы вернуться к власти.

Через неделю после выступления Че перед работниками госбезопасности аргентинская колония на Кубе отмечала главный национальный праздник своей родины — День независимости (25 мая). 380 аргентинцев (девушки в национальных костюмах) жарили в Гаване шашлык из говядины, пели песни и танцевали танго. Почетным гостем на этом торжестве был, естественно, самый знаменитый в мире аргентинец Эрнесто Гевара.

Че выступил с речью, в которой подчеркнул, что левые силы Аргентины должны преодолеть разногласия. Он даже написал на спичечном коробке слово «унидад» — единство. И в Аргентине, говорил Че, есть только одна альтернатива — бескомпромиссная борьба против империализма или коллаборационизм: «Создание революционной власти возможно в каждой стране Латинской Америки, и, в том числе, именно в Аргентине»[390]. Среди гостей праздника находился и Уильям Кук, лидер молодежного крыла перонистской партии. Кук выступил в поддержку слов Че, причем все

обратили внимание, что он был одет в оливково-зеленую форму кубинской Повстанческой армии.

На празднике присутствовала и молодая симпатичная девушка с явно некубинскими чертами лица.

Айди Тамара Бидер Бунке (или просто Тамара для друзей и знакомых) родилась в 1937 году в Буэнос-Айресе в семье немецких коммунистов Эрика Бунке и Нади Бидер*, бежавших из Германии в 1935 году. В Аргентине родители Тамары участвовали в подпольной борьбе, вступили в 1936 году в компартию Аргентины. В 1952 году семья вернулась в ГДР. Окончив в Аргентине школу с отличием, в ГДР Тамара поступила сначала в Лейпцигский пединститут, а затем — в Берлинский университет им. Гумбольдта на факультет романской философии и литературы. Одновременно Тамара занималась стрельбой в Обществе спорта и техники (аналог советского ДОСААФ). Когда Тамаре исполнилось 18 лет, она подала заявление на вступление в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) и одновременно попросила... об отказе от гражданства ГДР. Девушка обосновала необычное ходатайство своим желанием уехать в Аргентину и включиться там в революционную борьбу (как раз в то время военные свергли Перона).

В Берлинском университете Тамара организовала студенческое общество дружбы со странами Латинской Америки и ее (свободно говорившую по-испански) часто привлекали для переводов во время пребывания в ГДР латиноамериканских делегаций. С 1960 года разведка ГДР** завела на нее досье как на кандидата для агентурной работы за границей. С ней работал главный специалист разведки ГДР по Латинской Америке подполковник МГБ Гюнтер Мэннель. Тамару Бунке предполагалось сначала использовать в Аргентине, а затем — в США.

В декабре 1960 года Че посетил ГДР, и Тамара переводила для его делегации. Она уже была горячей сторонницей кубинской революции, а Че произвел на нее неизгладимое впечатление именно своей приверженностью конкретной революционной борьбе.

Тамара попросила разрешения выехать на Кубу, чтобы помочь в борьбе за укрепление кубинской революции. ЦК СЕПГ удовлетворил ее просьбу 12 декабря 1960 года.

---

* Надя Бидер родилась в еврейской семье в Одессе.

** Главное управление разведки (*Hauptverwaltung Aufklärung*) Министерства госбезопасности во главе с Маркусом Вольфом.

В мае 1961 года она вылетела на остров через Прагу по приглашению Кубинского института дружбы народов. Через несколько недель Мэннель перебежал к американцам, и в МГБ ГДР исходили из того, что он сдал противнику резидентов, в том числе Тамару Бунке. С этого момента контакты МГБ ГДР с Тамарой были прекращены — ведь о ее агентурной работе в западных странах уже не могло быть и речи.

На Кубе Тамара изучала в университете журналистику и работала переводчицей для самых разных кубинских организаций и ведомств. Формально она числилась сотрудницей министерства образования. Тамара вступила в ряды народной милиции, и ее часто видели на улицах Гаваны в милицейской форме, хотя для кубинских девушек это было нетипично.

Речь Че 25 мая 1962 года произвела на Тамару глубокое впечатление — она и на своей родине была готова к революционной борьбе.

Зато речь Че произвела на аргентинскую общину на Кубе впечатление неоднозначное. Некоторые отрицали возможность вооруженной борьбы в Аргентине. Для Тамары Бунке, напротив, вопрос был ясен — она ждала лишь команды Че.

Че обратился к живущему на Кубе другу юности Альберто Гранадо с просьбой помочь в отборе аргентинцев, готовых «зажечь» партизанский очаг на их общей родине. В октябре 1961 года Гранадо переселился в Сантьяго-де-Куба, чтобы организовать в местном университете кафедру биомедицины, где познакомился с молодым аргентинским художником Сиро Роберто Бустосом, преподававшим живопись. Художник, как и Тамара Бунке, приехал на Кубу с желанием трудиться во благо революции и с воодушевлением согласился на предложение Гранадо помочь в организации революции Аргентине.

С ведома Че Гранадо отправился в Аргентину, чтобы на месте убедиться в настроениях различных левых политических организаций, прежде всего перонистов и коммунистов. Кроме того, Альберто должен был присмотреться к людям, которым можно было доверить налаживание поддержки будущего партизанского очага в городах. Формальным прикрытием поездки было привлечение технических специалистов для кубинской экономики. Аргентинская полиция следила за Гранадо довольно внимательно и после его отъезда некоторые из беседовавших с ним были арестованы. Тем не менее он привез с собой на Кубу нескольких аргентинцев, изъявивших готовность составить ядро будущего партизанского очага.

Че не забыл и о другом соотечественнике — журналисте Альберто Масетти, бравшем у него интервью в Сьерра-Маэстре в марте 1958 года. Тогда Масетти опубликовал восторженную книгу о кубинских партизанах под заголовком «Те, кто борются, и те, кто плачут». После победы кубинской революции Масетти руководил кубинским информационным агентством «Пренса Латина», но с апреля 1961 года он в основном работал над латиноамериканским революционным проектом Эрнесто Гевары. Че считал, что у Масетти есть командирская жилка и он вполне может руководить партизанским отрядом в трудных условиях. Масетти незамедлительно дал свое согласие.

Масетти прошел боевую подготовку, побывал в Праге и Алжире, организовав передачу туда оружия американского образца. Согласно плану Че Масетти с небольшой группой хорошо подготовленных партизан должен был создать на севере Аргентины в районе города Сальты партизанскую базу, привлечь с помощью Альберто Гранадо (тот отвечал за работу в аргентинских городах) новых партизан, наладить по кубинскому образцу сеть доставки провианта из городов. После этого на базу должен был прибыть сам Че и возглавить партизанскую войну.

Тыловой базой аргентинского очага избрали Боливию. В этой стране у власти все еще находилась относительно левая партия НРД во главе с Виктором Пас Эстенссоро. Несмотря на давление США, Боливия отказалась прервать с Кубой отношения, и кубинцы чувствовали себя в этой стране довольно свободно. К тому же компартия Боливии находилась на легальном положении, поддерживала с властями хорошие контакты и тоже могла служить организационной опорой партизанского очага.

Интересна оценка Че ситуации в Боливии в мае 1962 года — за пять лет до своей гибели именно в этой стране: «...в Боливии несколько лет тому назад свершилась буржуазная революция, очень робкая... Экономика [Боливии] полностью связана с империалистической экономикой и полностью монокультурная: страна является моноэкспортером олова... Тем не менее правительство Боливии исповедует в какой-то мере правильный подход к поставленным кубинцами вопросам*... Это та страна, в которой накал борьбы не

* Че имел в виду свое выступление в Пунта-дель-Эсте, где делегация Кубы призывала латиноамериканские страны освободиться от экономической зависимости от США, в частности, путем диверсификации экономики.

выглядит столь очевидным, поскольку в какой-то мере изменились условия этой борьбы: речь не идет уже о прямой борьбе угнетенных масс крестьян и рабочих против империализма, но о борьбе с национальной буржуазией, которая сделала ряд уступок народу... вследствие чего борьба носит здесь не столь острый характер»[391].

Если бы Че последовал своему же анализу, то не погиб бы в октябре 1967 года в боливийских горах.

В конце июля 1962 года Гранадо организовал встречу Че с Бустосом. Художник узнал, что ему предлагают присоединиться к партизанскому отряду в Аргентине, который впоследствии возглавит сам Че. Он пришел в восторг и немедленно согласился. Вскоре его свели с Масетти, а в сентябре 1962 года маленькая группа аргентинцев начала боевую подготовку. С ними работали Красная Борода и Ариэль. Че включил в группу офицеров своей охраны Орландо Тамайо и Гермеса Пенью. Именно эти люди должны были подготовить в Аргентине условия для прибытия своего шефа, причем «капитан» Гермес (Пенья) намечался на роль заместителя Масетти.

Советская разведка должна была быть в курсе всего начинания, если учесть, что главным военным инструктором группы был не кто иной, как Франсиско Сиутат, коммунист, подполковник испанской республиканской армии, начальник оперативного отделения штаба группировки республиканцев в Леванте. После поражения республики Сиутат эмигрировал в СССР, где под именем Павла Павловича Степанова окончил Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова. После победы кубинской революции он в качестве военного советника был послан на Кубу, где принимал участие в операции против наемников ЦРУ в заливе Свиней. В октябре 1963 года Сиутат был направлен в Алжир, там он помогал сражаться с марокканцами в районе Тиндуфа.

Аргентинцы знали Сиутата как Анхеля Мартинеса, или просто Анхелито. Заместителем Анхелито по боевой подготовке был Гермес Пенья, вместе с которым группа Масетти изучала опыт партизанской борьбы в Сьерра-Маэстре. На конспиративную квартиру аргентинцев в Гаване регулярно приходил Че, обычно в два или три часа ночи. Как и во время вооруженной борьбы на Кубе, будущий командир партизанского очага настраивал соотечественников не только на огромные трудности, но и на вероятную гибель: «Ну вот вы и здесь. Вы согласились участвовать. Теперь мы

должны подготовиться, но вы уж лучше сразу считайте себя мертвыми. Смерть в этом деле — единственное, что можно считать гарантированным. Некоторые из вас, вероятно, выживут, но вы все должны рассматривать отпущенное вам в этой жизни время, как взятое взаймы у смерти»[392].

После Карибского кризиса Че сообщил группе, что настало время действий. Люди Красной Бороды снабдили отряд Масетти разными паспортами — Бустос, например, стал уругвайцем. Отныне бойцы представляли собой «Партизанскую армию народа» (транслитерация испанской аббревиатуры — ЭГП*). У Масетти был боевой псевдоним — Команданте Сегундо («Командующий номер два»). Всем было ясно, для кого предназначался первый номер. Вся операция по созданию партизанского очага в Аргентине получила кодовое наименование «Тень».

Группа Масетти в составе пяти человек была переброшена в Прагу, где ее встретил майор кубинской госбезопасности Хорхе Сергера (Папито — «Папочка»). В рамках акции «Мануэль» чехи разместили членов ЭГП в отеле в часе езды от Праги. Была зима, и других постояльцев в гостинице не наблюдалось. Было приказано ждать, пока кубинская разведка вместе с товарищами из боливийской компартии не подготовит в Боливии ранчо.

Бойцы ЭГП быстро устали от непонятного ожидания, и Масетти предложил Папито перебраться в Алжир, чтобы по крайней мере использовать затянувшуюся паузу для боевой подготовки на местности. Все бойцы ЭГП были молодыми интеллектуалами, никогда не служившими ни в какой армии и не имевшими хорошей физической подготовки. Да и моральные качества их тоже оставляли желать лучшего — они часто впадали то в эйфорию, то в уныние, и Масетти не был исключением. Команданте Сегундо, как и его молодым товарищам, хотелось подвигов и славы, а их заставляли скучать без дела за тысячи километров от Аргентины.

Гавана дала «добро» на алжирский вариант, и вся группа 4 января 1963 года перелетела через Париж в Алжир. Алжирское руководство выделило для ЭГП виллу за высоким забором и снабдило вооруженной охраной. В город выходить не рекомендовалось — в алжирской столице ненавидели всех иностранцев, принимая их за французов. И опять последовали скучные месяцы ожидания, теперь,

---

* *Ejercito Guerillero del Pueblo.*

правда, наполненные стрельбой на полигоне и физическими упражнениями. Алжирцы охотно делились опытом партизанской борьбы против французских колонизаторов и показывали аргентинцам места былых сражений.

Приказа отправляться с Кубы в Аргентину ждали телохранители Че Альберто Кастельянос и Гарри Вильегас. Тамара Бунке предложила кубинской разведке использовать ее в революционной борьбе, и Красная Борода приказал иметь ее в виду для будущей нелегальной работы в Аргентине. В честь Зои Космодемьянской Тамара взяла себе псевдоним Таня, и ей было суждено войти в историю под этим русским именем. Следует отметить, что еще в июле 1961 года МГБ ГДР направило Тамаре Бунке на Кубу письмо, в котором проинформировало о предательстве Мэннеля. Ей настоятельно рекомендовали не совершать поездок в Южную и Северную Америку. Однако Тамару риск разоблачения не испугал — она по-прежнему рвалась на нелегальную работу.

В феврале 1963 года Че попросил приехать на Кубу Рикардо Рохо. Два месяца друзья детально обсуждали политическое положение в Аргентине. Казалось, что дела там шли неплохо именно с точки зрения обострения обстановки. В апреле 1963 года в Буэнос-Айресе восстали военные моряки*, но армия быстро подавила выступление. Правда, по мнению ЦРУ, выступление моряков 2 апреля политически было скорее правым[393], причем повстанцев поддержали часть ВВС и армейский гарнизон родной для Че Кордовы. Восставшие хотели помешать намеченным на 23 июня 1963 года президентским выборам, на которые, по данным ЦРУ, почти все слои аргентинского общества взирали скептически, ибо перонистов к ним опять не допустили.

Как и ЦРУ, Че также анализировал ситуацию на родине. Он полагал, что выборы будут либо сорваны, либо подтасованы, что вызовет недовольство масс, особенно в рядах перонистских профсоюзов. Именно в это время на сцену и должна была выйти «Партизанская армия народа», призвав этот самый народ к всеобщей забастовке и раскачав ситуацию успешными нападениями на армейские гарнизоны.

В мае 1963 года группа Масетти наконец-то отправилась из Алжира в Боливию, где кубинская разведка, наконец, приобрела ранчо недалеко от аргентинской границы.

---

* Офицеры ВМФ в Аргентине традиционно придерживались более прогрессивных взглядов, чем в сухопутных войсках, командование которыми было тесно связано с аргентинской олигархией.

Однако уже в Алжире Масетти проявил такие личные качества, которые во многом предопределили последующий крах операции «Тень». Один из членов группы, молодой аргентинский еврей Мигель, стал спорить с командиром, и дело доходило до драк. Перед отъездом из Алжира Мигель заявил, что хочет покинуть ЭГП. Масетти собрал суд, который приговорил Мигеля к смертной казни за попытку дезертирства. На таком приговоре настаивал именно Масетти, и все это сильно осложнило моральный климат в маленькой группе. Мигеля передали для исполнения приговора алжирцам, но те сохранили ему жизнь, о чем Масетти узнать уже было не суждено.

На пути в Боливию членов ЭГП сопровождали два алжирца с дипломатическими паспортами, назначенные сотрудниками алжирского посольства в Ла-Пасе. Они везли дипломатическую почту, в которой находились оружие и снаряжение для партизан. Сначала бойцы ЭГП прилетели в Рим, а оттуда вместе с алжирцами сели на самолет до бразильского Сан-Паулу, откуда добрались поездом до города Санта-Крус-де-ла-Сьерра в джунглях восточной Боливии. Оттуда алжирцы проследовали в фактическую столицу Боливии Ла-Пас и спрятали там оружие на конспиративной квартире.

Сеть поддержки операции «Тень» в Боливии состояла из молодых местных коммунистов. Коммунистическую партию Боливии возглавлял выходец из бедной крестьянской семьи Марио Монхе (1929 года рождения), который, несмотря на молодость, в 1950 году был одним из ее основателей. В 1952 году он принял активное участие в революции, а в 1954-м был избран первым секретарем ЦК КПБ. Монхе поддерживал неплохие отношения с властями, и партия придерживалась тактики мирной борьбы за построение социализма. Лидера боливийских коммунистов ненавидели в Пекине, потому что с самого начала советско-китайского конфликта Монхе твердо стоял на стороне Москвы.

Монхе был против «партизанского очага», но советские товарищи уговорили его поддержать операцию кубинцев, чтобы не осложнять отношения Москвы и Гаваны. Сошлись на том, что молодые боливийские коммунисты будут помогать ЭГП из личных симпатий, хотя и с ведома Монхе. Формально боливийская компартия никакого отношения к операции «Тень» не имела.

Кстати, в начале августа 1964 года Монхе проинформировал советское посольство в Гаване о своей беседе с Че, в

частности о его взглядах на советско-китайский конфликт. Че говорил Монхе, что ему трудно принять ту или иную сторону, все же его точка зрения гораздо ближе к советской, чем к китайской позиции. Что касается Советского Союза, то Че, как человек прямой и честный, выразил недоумение, как можно считать грехом то, во что сами же советские товарищи столько лет свято верили (более чем прозрачный намек на борьбу с культом личности Сталина). Претензии к китайцам были куда более серьезными. Че яростно критиковал их грубость, высокомерие и явное лицемерие. И если настанет время сделать открытый выбор, то он, Че, как и все кубинское руководство, без всяких сомнений будет на стороне СССР[394].

Группа Масетти прибыла на ранчо в горах неподалеку от города Сукре, формальной столицы Боливии. Партизаны выдавали себя за работников совместного боливийско-аргентинского предприятия, которое было якобы намерено заняться сельским хозяйством. Ранчо было расположено тактически грамотно — внутри лесистого треугольника боливийской территории, окруженного с трех сторон Аргентиной. К ранчо вела только одна дорога без твердого покрытия, а никаких соседей в радиусе нескольких километров не наблюдалось.

ЭГП была прекрасно вооружена и экипирована, хотя не все снаряжение было западного производства. Помимо югославской формы и биноклей (предоставленных алжирцами), с Кубы прибыли китайские ручные гранатометы, пистолеты, автоматы «томпсон» (любимое оружие Че), бельгийские автоматические винтовки* и масса боеприпасов. У Бустоса (отвечавшего за безопасность) был даже пистолет с глушителем. Красно-черный флаг ЭГП был явно скопирован со знамени «Движения 26 июля».

После того так партизаны изучили возможные места пересечения аргентинско-боливийской границы, авангард ЭГП в составе пяти человек пересек эту самую границу 21 июня 1963 года.

Хотя Алейда была не согласна с аргентинскими планами мужа, она понимала, что удержать Че на Кубе ей не удастся. 20 мая 1962 года у них родился второй сын Камило, а 14 июня 1963 года (точно в день рождения Че) — дочь Селия, названная в честь матери Че. Несмотря на свой чудо-

---

* Договор о их поставке на Кубу был подписан еще во времена правления Батисты.

вищный рабочий график, напрочь лишавший сна и отдыха, Че все же выкраивал свободные минуты, чтобы поиграть с детьми и любимой немецкой овчаркой Муральей.

Че очень любил собак, еще в 1952 году он подарил Чичине перед расставанием щенка Камбэк. В 1958 году во время боев в Эскамбрае Че удивлял местных крестьян, когда появлялся верхом на лошади, а рядом неизменно бежал пес Мигелито. Любимец Че Мигелито всегда отдыхал вместе с прославленным партизанским командиром в гамаке. Еще одна собака — Муралья сопровождала Че в министерство, она умела подниматься на лифте на девятый этаж и барабанила лапами в двери кабинета хозяина. На важных совещаниях Муралья частенько подходила к министру и благодарно клала ему лапы на грудь. Как только министр выходил из своего ведомства, его тут же окружали окрестные бродячие дворняги, которых он кормил.

Как-то в дом к Че приехала теща и сильно испугалась овчарки. Она запричитала, что такая большая собака не должна жить вместе с меленькими детьми. Че был невозмутим: «Сеньора, что вы пристали к бедному животному? Оставьте ее в покое».

Селия-старшая после возвращения с Кубы в апреле 1963 года была посажена в аргентинскую тюрьму. Ее голословно обвинили в распространении привезенных с Кубы «подрывных материалов», а на самом деле просто мстили за сына. Селия иронично сообщала Че, что в тайной полиции ДИПА ее спрашивали о том, какую роль она играет в правительстве Фиделя Кастро. В камере кроме нее находились 15 женщин, в основном коммунистки, которые, как могли, заботились о матери Че. Селия писала сыну, что кормят сносно, есть теплое одеяло, а охрана не проявляет излишней жестокости. Угнетала только невозможность хотя бы минуту побыть одной.

Селия всегда интересовалась политикой, с юности оставалась неистовой спорщицей, и в камере она активно обсуждала мировые политические проблемы. Столь же горячо она спорила с сыном на Кубе, и тот не оставался в долгу. Например, Селия восхищалась де Голлем (еще со времен войны), а Че считал генерала империалистом, зная о том, что́ французы натворили в Алжире.

Бойцы ЭГП две недели бродили по североаргентинским лесам и горам, но так и не смогли выйти в район дислокации своей будущей базы южнее города Сан-Рамон-де-ла-Нуэва-Оран. Масетти принял решение вернуться в Боливию и передохнуть.

А в это время коренным образом изменилась политическая обстановка в Аргентине. На выборах 7 июля 1963 года победу одержал кандидат консервативного крыла Радикальной партии врач по образованию Артуро Илия. В народе он был достаточно популярен благодаря своей прежней работе в Комитете по здравоохранению парламента. Перонистов от президентских выборов опять отстранили, и Перон призвал своих сторонников (он контролировал до четверти электората) голосовать пустыми бюллетенями. Однако некоторые активисты его движения (неоперонисты) ослушались своего вождя и приняли участие в парламентских выборах по спискам других партий.

Умеренная часть аргентинского генералитета (их называли «синими») была готова разрешить Илии поуправлять страной. Естественно, при том условии, что конечное слово по всем важнейшим вопросам оставалось за армией. Другая часть командования («красные») считала, что все игры в демократию надо кончать и переходить к прямой военной диктатуре.

Победа Илии нанесла сильнейший удар по стратегии ЭГП. Одно дело призывать народ к борьбе против репрессивной военной диктатуры, и совсем другое — против благообразного старичка, доктора Илии, избранного законным путем. Пока Масетти размышлял, что же делать дальше, Че нанес визит в Алжир и вернулся оттуда вместе с министром обороны этой страны Бумедьеном, чтобы вместе с ним отпраздновать очередную годовщину атаки на казармы Монкада 26 июля.

Че все еще ждал сигнала из Боливии. Команданте Секундо сначала склонялся к тому, чтобы прекратить операцию, но, подумав, решил, что ее надо продолжить. Было составлено письмо от имени повстанцев избранному президенту, в котором Илию призывали сложить полномочия и перестать быть игрушкой в руках военных — этих «лакеев империализма и олигархии». Единственными свободными людьми в Аргентине являются бойцы «Партизанской армии народа», которая сосредоточилась в горах и готова к бою. Илию призывали к ней присоединиться. Письмо было подписано: «Второй командующий "Партизанской армии народа". 9 июля 1963 года. Лагерь имени Аугусто Сесара Сандино... Революция или смерть».

Масетти поручил Бустосу передать письмо Илии и добиться как можно более широкого опубликования манифеста в аргентинских СМИ. В течение нескольких недель

Бустос ездил по аргентинским городам, но к письму никому не известной армии в газетах отнеслись скептически и опубликовали его только в не очень влиятельной газете перонистского направления. Правда, он смог организовать в нескольких городах группы поддержки партизанам. Многие молодые интеллектуалы левых взглядов были просто наэлектризованы известием, что во главе ЭГП стоит легендарный Че, который вот-вот вернется на родину.

Вскоре в Боливию прибыло подкрепление с Кубы в лице ближайшего сотрудника Красной Бороды Хосе Марии Мартинеса Тамайо (Папи), который должен был на месте разобраться с истинным положением ЭГП, подготовить прибытие Че, а также поддерживать связь между партизанской базой и кубинским посольством в Боливии. В конце сентября 1963 года к ЭГП присоединился Альберто Кастельянос. Это означало, что приезд первого команданте не за горами.

Боливийская полиция стала интересоваться таинственным ранчо, где, похоже, никто и не думал заниматься сельским хозяйством. Тучи явно сгущались, и пора было принимать какое-нибудь решение.

В октябре 1963 года бойцы ЭГП пересекли аргентинскую границу второй раз. Хотя Кастельянос должен был ждать Че в Боливии, он рвался в бой и упросил Масетти взять его с собой. Партизаны создали лагерь в горах, примерно в 15 километрах от пограничного аргентинского городка Агуас-Бланкас.

Сразу выяснилось, что никакой крестьянской поддержки (по образцу Сьерра-Маэстры) в Аргентине не будет. В этих диких, поросших лесом горах просто не было никаких крестьян в прямом смысле этого слова. Хотя тут и там были разбросаны убогие хижины местных жителей, они были настолько одичалыми и неграмотными, что в социальной иерархии они стояли даже ниже индейцев. Ни о какой мало-мальски развитой политической сознательности не приходилось и говорить. Горцы даже не знали (да и не хотели знать), кто сейчас президент страны. Партизан из ЭГП эти люмпены считали городскими чудаками, которым непонятно что нужно в их диких, забытых богом местах. Продуктами они делиться не хотели, да у них и самих почти ничего не было. Продовольствие доставляли из городов группы поддержки, организованные Бустосом.

Бойцы Масетти в полном соответствии с теорией Че целыми днями находились в движении, совершая утомитель-

ные марши по горам, переходя вброд разлившиеся в сезон дождей ручьи и реки. Не привыкшие к таким лишениям горожане стали роптать. Масетти решил подавить недовольство в зародыше, тем более что в ЭГП существовал устав, предусматривавший суровые наказания за самые разные преступления — от предательства до гомосексуализма или грубости по отношению к местным жителям. Он приговорил к смертной казни молодого еврея Адольфо Ротблата, страдавшего астмой. На марше тот часто отставал от группы и его приходилось ждать. На привалах он сидел, опустив голову и обхватив ее руками, наводя на остальных уныние. Масетти обвинил его в попытке дезертирства и созвал скорый суд. Несмотря на возражения некоторых партизан, 5 ноября 1963 года Ротблата расстреляли.

До аргентинской жандармерии дошли сведения о какой-то вооруженной группе, скрывавшейся в лесах недалеко от Сан-Рамон-де-ла-Нуэва-Оран. К концу 1963 года путем допросов местных крестьян и скотоводов жандармы пришли к выводу, что речь идет именно о «Партизанской армии народа», от имени которой было подписано письмо Илии.

Кастельянос считал, что партизаны слишком долго кочуют в небольшом районе, и предложил Масетти уйти на восток к парагвайской границе, но тот отказался, подписав тем самым всей своей «армии» смертный приговор. Между тем Кастельяноса пришлось отправить в Кордову на срочную операцию, и он пролежал в клинике весь январь 1964 года. В его отсутствие из Гаваны поступил приказ Че — осваивать местность, набирать крестьян и быть готовым к началу вооруженной борьбы. Когда Кастельянос вернулся в отряд (на тот момент в нем было примерно 30 бойцов), он узнал о приказе Масетти начать боевые действия 18 марта 1964 года — во вторую годовщину путча против Фрондиси. Партизаны были уже изрядно измучены маршами, жизнью в горах, скудным питанием и постоянной подозрительностью Масетти.

Однако команданте Сегундо был полон оптимизма. Перонистские профсоюзы запланировали провести всеобщую политическую забастовку против Илии, который не собирался легализовать их партию. Масетти решил использовать забастовку для организации нескольких нападений на небольшие армейские посты на границе двух провинций — Сальты и Тукумана. Эти нападения должны были разжечь задор перонистов и превратить забастовку в массовые беспорядки. После боев Масетти предполагал увести

свой отряд в Анды, на 200 километров к югу. Этот маневр должен был сбить армию с толку и создать впечатление, что в горах скрывается большой отряд.

План был неплохим, но ему не суждено было осуществиться.

Вместе с очередным пополнением из города в отряд прибыли два агента тайной полиции ДИПА. Они должны были выявить партизанскую базу и вернуться обратно. Одновременно жандармерия обнаружила небольшой лагерь с продуктами и арестовала несколько повстанцев. Те утверждали, что являются охотниками, но им, конечно, никто не поверил. В плен взяли и двух агентов ДИПА, рассказавших об ЭГП все, что они знали.

В апреле 1964 года жандармерия выслала в горы усиленные патрули и началась настоящая охота на партизан. Был убит Гермес Пенья, после чего партизаны разделились на две группы. Одна из них под командованием Масетти пыталась пробиться через горы, но заблудилась в тумане и кружила на одном месте. Некоторые партизаны умерли с голода, другие сорвались в ущелье и получили сильные травмы. Через несколько дней все было кончено — жандармы арестовали 18 человек. Все задержанные хранили молчание, и аргентинская полиция даже не узнала, что среди пленных был офицер охраны Че Альберто Кастельянос. Тем не менее по дневниковым записям партизан с характерными только для Кубы выражениями был сделан вывод о том, кто стоит за спиной ЭГП. Это подтверждалось и благодаря захваченным РПГ китайского производства. Наконец, обнаруженные у партизан долларовые банкноты были отслежены по номерам, и этот след также вел на Кубу.

Масетти пропал в горах, и о его судьбе до сих пор ничего не известно. Возможно, он умер с голоду. Возможно, жандармы взяли его в плен, обнаружили у него 20 тысяч долларов (казна ЭГП) и убили, чтобы поделить добычу.

Как только стало известно, что в числе убитых партизан — ближайший соратник Че Гермес Пенья, аргентинская пресса, естественно, связала ЭГП со своим знаменитым соотечественником. Подозрения еще более окрепли, когда Че публично назвал Масетти героем. Однако ничего более конкретного ни у ДИПА, ни у ЦРУ не нашлось.

Задержанные партизаны получили относительно небольшие сроки тюремного заключения (от четырех до четырнадцати лет), потому что по указанию Че им предоставили хороших адвокатов, одним из которых был Рикардо Рохо.

И Че, и выжившие бойцы ЭГП считали причиной провала всей операции не недооценку факторов политической обстановки в Аргентине, а чисто военные тактические просчеты Масетти. Таким образом, Че продолжал верить в свою теорию партизанского очага как катализатора революционного процесса, хотя аргентинский опыт прямо указывал на правильность советской точки зрения: небольшая группа вооруженных людей не может искусственно вызвать революцию.

Известия о крахе ЭГП застали Че за границей. В марте 1964 года он выступил в Женеве на Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Учреждение этого органа Генеральной Ассамблеи ООН было совместной инициативой социалистических и развивающихся стран, выступавших за новый мировой экономический порядок. Смысл был в том, что развитые страны должны помогать развитию стран бедных, а поэтому взаимная торговля между ними не должна была строиться на чисто коммерческих принципах. Развитые страны должны были закупать продукцию развивающихся по преференциальным для последних ценам и не закрывать свои рынки пошлинами или мерами нетарифного регулирования.

Через Прагу и Алжир Че 18 апреля 1964 года вернулся на Кубу, не зная, что именно в этот день оборвалась жизнь его друга Гермеса Пеньи. Че подробно обсудил причины неудачи ЭГП с прибывшим на Кубу Бустосом, причем он не мог понять, как партизаны могли остаться без продовольствия. Где была поддержка местного населения? Возможно, Масетти уделил этому важнейшему аспекту партизанской борьбы мало внимания. В любом случае Че приказал Бустосу возвращаться в Аргентину и продолжать там вербовку кадров для будущей партизанской войны. Видимо, Че считал, что лично он сделает все, как надо, и его теория партизанского очага сработает.

Че страшно переживал за гибель веривших ему людей. Как-то Альберто Гранадо увидел своего друга подавленным в его министерском кабинете. «Че, что случилось? На тебе лица нет!» — «Петисо, я тут, черт подери, сижу за письменным столом, в то время как мои люди погибают в боях, в которые я их послал»[395].

Уже после смерти Че в ЦРУ считали, что на 1963-й — начало 1964 года приходился пик активности кубинцев, направленный на поддержку вооруженных революционных движений в Латинской Америке[396]. По данным американ-

ской разведки, в 1961—1964 годах 1,5—2 тысячи латиноамериканцев прошли на Кубе либо военное обучение, либо «политическую обработку».

Неудачи в Венесуэле, Аргентине, а также в Бразилии и Перу заставили Кубу в 1964 году изменить свою политику в Латинской Америке, на чем стал активно настаивать и Советский Союз. В Москву постоянно жаловались лидеры латиноамериканских компартий, считавшие, что плохо продуманные попытки организации партизанских очагов только дискредитируют коммунистов и тем самым играют на руку США.

В СССР, как считало ЦРУ, узнали об операции «Тень» «примерно» в конце 1962 года, когда выяснилось, что компартия Боливии даже не проинформировала об этой операции компартию Аргентины[397]. Москва настоятельно порекомендовала Монхе немедленно сделать это. В марте—апреле 1963 года боливийские коммунисты сообщили о проекте лидеру аргентинских коммунистов Викторио Кодовилье, который был крайне возмущен и расстроен фиаско с ЭГП.

Кодовилья еще раньше утверждал, что кубинская революция не является примером для подражания в Аргентине. В Москве думали точно так же, но с оглядкой на Фиделя пытались выработать единую компромиссную точку зрения среди латиноамериканских коммунистов. Согласованный к концу 1964 года компромисс выглядел следующим образом: латиноамериканские компартии в принципе не отказывались от поддержки вооруженной борьбы на континенте, но компартия каждой страны сама определяла, мирным или вооруженным путем должна развиваться революция.

Че этот компромисс никак не устраивал. Он по-прежнему винил руководство многих латиноамериканских компартий в умышленном нежелании ввязываться в серьезную борьбу с империализмом. Частично так оно и было. В некоторых странах коммунисты привыкли к легальному статусу и не желали ставить его на карту, ввязываясь в сомнительные вооруженные акции.

Но главной причиной, по которой Че уже с середины 1964 года принял твердое решение уехать с Кубы, было желание самому принять участие в революционных боях за границей. Он не мог себе простить, что по его вине в Аргентине погибли честные и смелые люди. Отныне только он должен был брать на себя всю полноту ответственности непосредственно на поле сражения, и неудача должна была

оцениваться прежде всего его собственной жизнью. Фидель хотел удержать Че на Кубе, но, зная характер своего соратника, понимал, что это бесполезно. В любом случае Куба была готова оказать Че максимально возможную помощь в его интернационалистском проекте.

Летом 1964 года Че решил, что международная ситуация стала более благоприятной для начала вооруженной борьбы против американского империализма. Причем не обязательно в Латинской Америке.

Главным очагом мировой напряженности тогда стал Вьетнам.

После изгнания вьетнамскими коммунистами при помощи СССР и КНР французских колонизаторов в 1954 году страна была разделена на две части Женевскими соглашениями. Предполагалось, что в следующие два года будут проведены свободные выборы, после которых обе части воссоединятся. Однако Запад сорвал проведение общевьетнамских выборов, так как победа коммунистов на них казалась неминуемой. С 1957 года в Южном Вьетнаме коммунистические партизаны вели вооруженную борьбу против проамериканского правительства Нго Динь Зьема. В 1959 году руководство Демократической Республики Вьетнам (ДРВ, Северный Вьетнам) приняло решение оказать военную помощь повстанцам, поскольку мирные пути объединения страны зашли в тупик.

Еще при президенте Кеннеди американцы начали отправку в Южный Вьетнам тысяч военных советников, принимавших непосредственное участие в карательных акциях против партизан и мирного населения. Однако полномасштабной войной с точки зрения американского истеблишмента это вроде бы не являлось. Но тут подоспел хорошо организованный «случай».

В 1964 году ВМС США проводили у берегов Северного Вьетнама радиотехническую разведку. В начале августа эту задачу выполнял эсминец «Мэддокс». Во второй половине дня 2 августа 1964 года «Мэддокс», по утверждению американской стороны, находился в международных водах, когда внезапно экипаж корабля обнаружил три приближающихся торпедных катера ДРВ. Якобы они вели себя агрессивно, и капитан «Мэддокса» отдал приказ произвести предупредительный выстрел. В ответ на это катера открыли огонь по эсминцу из крупнокалиберных пулеметов и произвели торпедные пуски, однако все торпеды прошли мимо цели. В завязавшийся морской бой вступило звено американских

палубных истребителей, выполнявших тренировочный полет возле своего авианосца «Тикондерога», также находившегося в Тонкинском заливе. Катера получили повреждения и, прекратив атаку, взяли курс на свою базу.

4 августа в том же самом Тонкинском заливе опять произошел бой вьетнамских катеров с американскими кораблями.

Конгресс США перед лицом двух «агрессивных акций» ВМС ДРВ против американских кораблей в международных водах 7 августа 1964 года принял так называемую «Тонкинскую резолюцию». Этот документ уполномочивал президента Джонсона принять меры для пресечения дальнейших нападений, а также разрешал президенту предпринять все шаги, включая использование вооруженных сил США, «для защиты свободы стран Юго-Восточной Азии». «Тонкинская» резолюция стала правовой основой для начала полномасштабного участия США в боевых действиях во Вьетнаме без формального объявления войны.

На самом деле американцы солгали и своему парламенту, и всему миру — они уже с 1963 года лихорадочно искали предлог для войны и весь инцидент был ими подстроен. Тем не менее 5 августа 1964 года ВВС США начали варварские ковровые бомбардировки ДРВ.

Че пришел к верному выводу, что руки американцев теперь будут связаны вьетнамскими делами надолго и им будет не до Латинской Америки, как, впрочем, и до других уголков земного шара. И тут Че вспомнил о своих алжирских друзьях и о самой большой стране Африки — Конго.

Бельгийское Конго — страна с огромными запасами урана и алмазов — обрело независимость 30 июня 1960 года. Первым премьер-министром страны стал Патрис Лумумба, один из лидеров крупнейшей партии коренного населения — Конголезский национальный союз (КНС). Бывшим колонизаторам Лумумба показался слишком радикальным (возникли опасения относительно национализации природных ресурсов), и они организовали против молодого государства сепаратистский мятеж в южной провинции Катанга — именно в этом регионе и находились крупнейшие месторождения алмазов. Лидером сепаратистов при поддержке Запада стал Моиз Чомбе. Фактически его поддерживали расквартированные в Конго бельгийские войска.

Наглая поддержка бельгийцами сепаратистов в Конго привела к призывам в рамках ООН (в основном со стороны социалистических и африканских стран) потребовать

вывода из страны бельгийских войск. Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршёльд считал, что кризис в Конго позволит ООН продемонстрировать свой миротворческий потенциал, и призвал отправить туда многонациональный контингент миротворцев. 14 июля 1960 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию номер 143, призвав Бельгию вывести из Конго войска, которые надлежало заменить миротворцами ООН.

Но под давлением Запада (прежде всего США) Хаммаршёльд отказался использовать войска ООН, утверждая, что военное вмешательство ООН в кризис якобы будет означать нарушение суверенитета Конго. Возмущенный таким лицемерием, Лумумба обратился за помощью к СССР, который согласился предоставить оружие и материально-техническую поддержку.

Выход на политическую сцену в Конго Советского Союза встревожил США. Администрация Эйзенхауэра давно подозревала, что Лумумба был коммунистом и собирался передать Конго под контроль СССР. В августе 1960 года сотрудники ЦРУ в регионе сообщили, что «Конго переживает... классическую коммунистическую интервенцию», и предупредили, что страна может последовать по пути Кубы. ЦРУ было дано указание физически устранить Лумумбу.

По просьбе американцев президент Конго Жозеф Касавубу отстранил Патриса Лумумбу от власти, поместил его под домашний арест и обратился за помощью к США. Лумумба сбежал из-под домашнего ареста на восток, в город Стэнливиль*, где он рассчитывал собрать своих сторонников. Преследуемый войсками, верными командующему конголезской армией Жозефу Дезире Мобуту**, 1 декабря 1960 года Лумумба попал в плен и в наручниках был доставлен в столицу страны Леопольдвиль***.

7 декабря 1960 года состоялось срочное заседание Совета Безопасности ООН по рассмотрению требований СССР о немедленном освобождении Патриса Лумумбы, его восстановлении в должности главы правительства Конго и разоружении сил Мобуту. Позиция СССР была одобрена 14 декабря 1960 года восемью голосами членов Совбеза ООН против двух. Тем не менее Лумумба остался в плену,

---

* Ныне — Кисангани.

** Будучи сержантом в бельгийских колониальных войсках, Мобуту после обретения страной независимости сразу стал генералом.

*** Ныне — Киншаса.

был подвергнут пыткам и перевезен в провинцию Катанга, где его передали силам, лояльным сепаратисту Чомбе. 17 января 1961 года после пыток и издевательств Лумумба был казнен катангскими войсками, что вызвало взрыв возмущения во всем мире.

При этом «миротворцы» ООН в Конго безучастно взирали на все эти бесчинства, и генсек ООН Хаммаршёльд стал опасаться полной потери авторитета. 18 сентября 1961 года он прилетел в Северную Родезию*, недалеко от границы с Конго, чтобы попытаться посредничать в прекращении огня между силами ООН и катангскими сепаратистами. При попытке приземления в аэропорту его самолет разбился и все пассажиры погибли. Тайна гибели Хаммаршёльда не раскрыта до сих пор. По всей вероятности, тут не обошлось без помощи западных спецслужб.

Чомбе выполнил свое дело, и в январе 1963 года войска ООН наконец-то «усмирили» Катангу. Но в 1964 году Касавубу после консультаций с Западом назначил этого убийцу и сепаратиста временным премьером Конго. Сторонники Лумумбы в эмиграции объединились в Национальный совет освобождения (НСО) во главе с бывшим министром внутренних дел Кристофом Гбенье. В ответ на назначение Чомбе в центральных и восточных районах Конго вспыхнуло мощное восстание. Повстанцев поддерживали китайцы**, они опирались на Танзанию, и их номинально возглавил бывший министр образования в правительстве Лумумбы Пьер Мулеле. Но в реальности отдельные группы повстанцев действовали сами по себе и часто вообще подчинялись только своим племенным вождям.

Восстание перекинулось в Киву на востоке Конго, а затем в Альбервиль***, что вызвало вооруженное выступление местных племен (восстание симба****). Повстанцы при поддержке СССР начали расширять свои территории и быстро продвинулись на север. 4 августа 1964 года был захвачен Стэнливиль. Фактически весь восток Конго перешел под контроль сторонников Лумумбы, хотя они по-прежнему были раздроблены. На юге провинции Киву повстанцев

---

* Ныне — Замбия.

** Китайские советники прибыли в Бурунди, где учили повстанцев партизанской борьбе.

*** Ныне — Калемие.

**** На языке суахили «симба» означает «лев». Так именовали себя сами повстанцы.

возглавлял Гастон Сумиало, в северной Катанге — Лоран-Дезире Кабила*. Через озеро Танганьика (его западный берег контролировали повстанцы) им поступала помощь из сопредельной Танзании.

5 сентября 1964 года повстанцы провозгласили на контролируемой ими территории Народную Республику Конго (НРК). Президентом НРК стал Гбенье, министром обороны — Сумиало. Отряды повстанцев на бумаге были сведены в Армию народного освобождения во главе с Николасом Оленгой.

На заседании СНБ США 6 августа 1964 года был сделан очень тревожный для американцев вывод: «Стэнливиль находится в руках повстанцев. Все восточное Конго может последовать за ним в течение ближайших дней; Катанга, Леопольдвиль и все центральное правительство могут рухнуть в течение ближайших недель»[398]. В Вашингтоне решили любой ценой не допустить развития ситуации по такому сценарию, и не только потому, что Конго обладало важными для Запада минеральными ресурсами. Точно так же, как и Че, администрация Джонсона считала, что победа левых повстанцев в самой большой стране Черной Африки приведет к резкому изменению соотношения сил на континенте в пользу мирового социализма. А это, в свою очередь, изменило бы соотношение сил во всем мире, и опять-таки не в пользу Запада.

В какой-то мере американцы действительно считали Конго «вторым Вьетнамом» с точки зрения популярной тогда в Вашингтоне «теории домино». Мол, если «падет» Вьетнам, то вслед за ним «рухнут» такие «костяшки», как Таиланд, Филиппины и т. д., то есть вся Юго-Восточная Азия.

Один из офицеров ЦРУ Ричард Холм вспоминал: «Конечно, симба, скопище неграмотных диссидентов, не были коммунистами. Но они представляли угрозу для прозападного правительства Чомбе в Леопольдвиле. Поэтому они получили помощь от Советского Союза, Китая и их сателлитов. А это вызвало решимость Соединенных Штатов и их союзников предоставить Чомбе и его правительству максимально возможную поддержку. Вот так все просто...»[399]

В августе 1964 года американцы получили просьбу Чомбе развернуть в Конго три парашютно-десантных батальона, которые и должны были отбить Стэнливиль. На заседании СНБ США 11 августа эта просьба была отвергну-

---

* Кабила был активным членом молодежной организации партии лумумбистов и считал Лумумбу своим идеалом.

та, хотя Вашингтон и оставил за собой право прибегнуть к прямой военной интервенции «в крайнем случае». Пока в Конго направили четыре транспортных самолета С-130, три транспортных вертолета и 50 бойцов сил спецназначения из элитной 82-й дивизии ВДВ. Вся эта группа должна была прежде всего заниматься обучением и переброской на фронт сил Чомбе. Но на всякий случай председатель ОКНШ США генерал Уилер отдал приказ разработать план широкомасштабного военного вмешательства. В любом случае Конго «должно было быть спасено от коммунизма». Но основные военные силы быстрого реагирования американцы в тот момент держали наготове для Вьетнама, и в этом смысле анализ Че относительно связанных у американского империализма рук был абсолютно верным.

Че не менее внимательно, чем американцы, следил за событиями в Конго. Геополитическое положение этой страны в Африке напоминало ему Боливию. Как и Боливия в Южной Америке, Конго располагалось в центре Африканского континента, и с его территории можно было бы развернуть вооруженную борьбу во всех сопредельных государствах, в том числе и в английских и португальских колониях. Важным было и то, что вооруженным повстанцам в Конго помогали как СССР, так и Китай, и Че полагал, что на этой почве можно хотя бы как-то примирить Москву и Пекин. В отличие от Латинской Америки русские не имели никаких возражений против вооруженной революционной борьбы в Африке. Американцы же, завязнув во Вьетнаме, по оценкам Че, вряд ли стали бы активно вмешиваться в конголезский кризис.

Еще в апреле 1961 года Че призывал учиться на ошибках Лумумбы, главными из которых он считал излишнюю доверчивость и примиренчество. «Зверски убитый Лумумба величием своего мученичества показывает, какой урок надо извлечь из трагических ошибок, чтобы в дальнейшем они не повторялись. Начав антиимпериалистическую борьбу, необходимо быть последовательными, постоянно нанося удары по уязвимым позициям врага, не делая ни шагу назад. Всегда вперед, всегда контратакуя, всегда отвечая на любую агрессию все более мощным давлением народных масс. Только так придем к победе»[400].

В своем уже упоминавшемся выше выступлении перед сотрудниками кубинских органов госбезопасности (май 1962 года) Че, помимо латиноамериканских стран, обрисовал ситуацию и в Конго: «За что идет борьба в Конго?

В Конго есть уран, в Конго есть медь, в Конго есть алмазы, есть целый ряд других полезных ископаемых. Соединенные Штаты вели напряженную борьбу в Конго, вытеснили бельгийский империализм и теперь остались там одни; такова политика, которую Соединенные Штаты проводят по всему миру... И лишить империализм этой опоры, лишить его экономической основы, — значит ослаблять его, и ослаблять в самом его сердце...»[401]

Сразу же после освобождения повстанцами Стэнливиля Че в выступлении перед рабочими-ударниками (15 августа 1964 года) с оптимизмом отозвался о событиях в Конго: «А что происходит в Африке? В Африке, где какую-нибудь пару лет назад был убит и растерзан премьер-министр Конго, где обосновались североамериканские монополии, началась борьба за обладание Конго. Почему? Потому что там есть медь, потому, что там есть радиоактивные руды, потому, что Конго хранит в своих недрах исключительные богатства стратегического значения. Поэтому они убили руководителя ее народа, который имел наивность верить в право, не отдавая себе отчета в том, что право должно быть подкреплено силой. Так он стал мучеником своего народа»[402].

Че был абсолютно прав, описывая важность Конго для США. Для американцев потерять Конго было равносильно потере Африки, потере престижа в мире. С 1960 по 1968 год только по линии ЦРУ на спецоперации в Конго было потрачено 12 миллионов долларов (80 миллионов в ценах 2015 года)[403]. Американская разведка подкупала племенных лидеров и депутатов парламента, газеты и радиостанции, офицеров конголезской армии и профсоюзных лидеров.

После того как в августе 1964 года повстанцы твердо взяли под контроль примерно одну шестую территории Конго, ЦРУ направило основные усилия на помощь тем племенам, которые изъявили готовность бороться на стороне правительства. Американцы взяли на содержание все ВВС Конго*, которые, как отмечало ЦРУ, существовать без американской помощи просто не смогли бы. Через ЦРУ были наняты 79 пилотов-иностранцев, которые бомбили и обстреливали лишенных средств ПВО повстанцев с воздуха. В мае 1964 года ЦРУ начало операции по бомбежке повстанцев на востоке Конго. Удары с воздуха сильно деморализо-

---

* Семь бомбардировщиков Б-26, 13 легких штурмовиков Т-28 «Троян», 11 легких штурмовиков Т-6 «Тексан», пять военно-транспортных самолетов С-45 и С-46, три вертолета «Белл».

вали отряды симба, в рядах которых было много молодых, никогда не видевших самолетов племенных ополченцев.

Че явно ошибался, когда думал, что Вьетнам совсем отвлечет американцев от Конго — война в Юго-Восточной Азии еще только набирала обороты*.

Тем не менее Че при поддержке Фиделя решил устроить американцам по всему миру несколько «Вьетнамов». В любом случае это отвлекло бы силы ЦРУ непосредственно от Кубы.

Хотя американцы после Карибского кризиса обязались не нападать на Кубу, это отнюдь не означало, что ЦРУ прекратило диверсии, теракты и саботаж против острова. Напротив, оно их усилило. Антикубинский центр ЦРУ в Майами работал на полную катушку, финансируя подрывную работу кубинских контрреволюционеров.

13 сентября 1964 года диверсионная команда ЦРУ, состоявшая из кубинских эмигрантов, напала в открытом море на испанский корабль «Сьерра де Арансасу». Судно везло на Кубу продовольствие, медикаменты, текстиль. Характерно, что испанский диктатор Франко не присоединился к американскому эмбарго против Кубы. Перед нападением на корабль его на низкой высоте облетел патрульный самолет береговой охраны США. Три катера эмигрантов обстреляли корабль из пулеметов и пушек калибра 20 и 40 миллиметров и взяли «Сьерра де Арансасу» на абордаж. На корабле возник пожар, несколько членов экипажа, включая капитана, были ранены, три человека погибли. Нападение было прекращено только после того, как на помощь испанскому судну подошел находившийся поблизости голландский корабль.

Инцидент вызвал возмущение во всем мире. Позднее выяснилось, что наемники ЦРУ перепутали испанский корабль с кубинским.

В октябре 1964 года Фидель направил Че в Москву, чтобы выяснить, не изменилась ли политика Советского Союза в отношении Кубы после отставки Хрущева. Че был невероятно популярен в СССР, и не случайно, что именно он вместе с Юрием Гагариным возглавил Общество советско-кубинской дружбы.

16 октября 1964 года Че встретился с первым секретарем советского посольства в Гаване Дарусенковым и сообщил

---

* К концу 1964 года в Южном Вьетнаме было размещено 16,5 тысячи военнослужащих США (в 1961-м — примерно 2 тысячи).

ему, что уход Хрущева взволновал кубинское руководство. Че прямо сказал, что не верит в «состояние здоровья» как причину отставки Хрущева. Наверняка речь идет о политических расхождениях между Хрущевым и остальными членами советского руководства. Хрущева знали на Кубе как человека, всегда готового бескорыстно помочь кубинской революции, поэтому, продолжал Че, его уход не может не вызвать волнения в Гаване. На Кубе, сказал Че, считали, что Хрущев пользуется большой популярностью в Советском Союзе и что под его руководством «...СССР добился выдающихся успехов в своей политике». Тем не менее Че отметил и ряд недостатков Хрущева, которые, впрочем, не имели отношения к мотивам его отставки (о чем Че тогда не знал), что отражено в записи беседы Че с советским дипломатом: «Мне, например, очень был не по душе ярко выраженный прагматизм т. Хрущева, неожиданные повороты в его политике. Об этом ярко свидетельствует период Карибского кризиса, который оставил у нас, кубинцев, очень неприятный осадок. Тов. Хрущев, на мой взгляд, допускал неприемлемые действия в адрес Китая и Албании. Я лично был во многом не согласен с тем курсом, который приняла в этом вопросе советская политика после XXII съезда КПСС. В результате этого мы стоим сейчас перед самой сложной проблемой, которая существовала когда-либо в мировом коммунистическом движении. Я не хочу тем самым оправдывать китайскую линию. Я считаю, что китайские руководители ведут себя недопустимо...

Китайское руководство... занимает в отношении Кубы такую позицию, при которой нам весьма трудно что-либо сказать против Китая. КНР оказывает нам существенную помощь, пренебрегать которой мы не можем... Несмотря на тяжелое продовольственное положение Китая, они поставляют нам рис. Мы понимаем, конечно, что китайское руководство при этом преследует свои определенные цели и помогает нам за счет своего народа, но от факта китайской помощи не отмахнуться...»[404]

Че с явной обидой и как бы в противовес китайскому бескорыстию* говорил, что в СССР «есть люди, которые не проявляют большого энтузиазма в отношении Кубы, так как она, помимо экономической обузы для Советского Со-

* Че говорил, что Куба запросила у ЧССР оружие, которое точно у чехов было, но получила отказ. А китайцы поставили то же самое оружие и не взяли за него денег — мол, КНР с друзьями оружием не торгует.

юза, является также потенциальным очагом мировой термоядерной войны».

В целом Че выразил опасения (оправданные, как оказалось), как бы в СССР после отставки Хрущева не начался период огульного отрицания всех его заслуг, как случилось с оценкой деятельности Сталина: «Подобная практика имела бы тяжелые последствия, которых хотелось бы избежать».

«Сказав в заключение, что он мало встречался с т. Брежневым Л. И. и поэтому не может высказать о нем своего мнения, Гевара отметил, что он сохранил приятные воспоминания о контакте с т. Косыгиным А. Н. Мне, сказал он, т. Косыгин представляется серьезным, вдумчивым, умным руководителем, который подходит к решению вопросов без спешки, предварительно все продумав и взвесив. Хотя я и знаю, что по ряду кубинских просьб он не всегда шел нам навстречу, я придерживаюсь о т. Косыгине самого высокого мнения»[405].

Визит Че в СССР (6—18 ноября) никак его не обрадовал. И Брежнев, и Косыгин были намерены не только продолжать экономические рыночные реформы, но еще и усилить их. Сталина реабилитировать они также не собирались, хотя и прекратили его публичную критику.

Что касается Кубы, то столь неприятный для Че прагматизм был сохранен, хотя здесь, как представляется, кубинцы были излишне придирчивыми. Конечно, китайцы кое-что давали Кубе бесплатно, но мало, да и (как признавал сам Че) в угоду своим же интересам. СССР поставлял Кубе товары в кредит (хотя и на очень льготных условиях), что Че считал нарушением принципа социалистического интернационализма. Какие деньги в отношениях между друзьями? Но в Москве вполне резонно считали, во-первых, что не все, что запрашивает Куба, приносит стране пользу. Ведь и сам Че признавал, что его первоначальная концепция индустриализации с опорой на тотальное импортозамещение была ошибочной. И если бы СССР тогда поставил оборудование для гигантских металлургических заводов, оно наверняка пропало бы зря. Во-вторых, думали и Хрущев, и Брежнев, и Косыгин, поставки в кредит дисциплинируют кубинцев, заставляют их бережнее относиться к прибывающим оборудованию и материалам. И здесь резон был на советской стороне.

В принципиальном плане стоит отметить, что Москва всегда была готова пойти навстречу разумным пожелани-

ям Кубы и не настаивала на жестком соблюдении графика платежей или погашения кредитов. Формально все это, конечно, выглядело более «прагматично», чем «широкий жест» китайцев, но советские поставки на Кубу и при Хрущеве, и при Брежневе превышали китайские в десятки раз. Поставки СССР в рамках экономического и технического содействия Кубе составили в 1965 году 337,9 миллиона рублей, в 1967-м — 506,8 миллиона[406].

КНР выделила Кубе беспроцентный кредит в объеме 60 миллионов долларов на пять лет (1961—1965) и в Пекине заверили, что если Куба не сможет его погасить, то это не страшно[407]. Че был в восторге: «Такой кредит является невиданным в мире: беспроцентный, без четкой даты погашения, даже без ответственности за его невозврат»[408]. Тем не менее весь объем кубинско-китайской торговли в 1965 году был примерно в два раза меньше советского содействия Кубе и составлял 224 миллиона долларов.

В ходе визита в СССР Че от имени Кубы принял участие в праздновании очередной годовщины Октябрьской революции (стоял на трибуне Мавзолея), посетил, как обычно, промышленные и сельскохозяйственные предприятия (ЗИЛ, станкостроительный завод «Красный пролетарий», совхоз «Матвеевский», Московский конный завод номер 1). Важными были встречи в Центральном экономико-математическом институте Академии наук СССР — идейной лаборатории советских рыночных реформ[409]. Культурная программа включала усадьбу «Архангельское» и художественную выставку «Москва — столица нашей родины».

11 ноября Че присутствовал на торжественном собрании, на котором было создано Общество советско-кубинской дружбы. Он и Юрий Гагарин — самые популярные люди на Земле — его и возглавили. «Правда» (от 12 ноября 1964 года) писала, что майор Эрнесто Гевара «в своем кратком приветственном слове сказал, что кубинский народ никогда не забудет тот вклад, который внес Советский Союз в дело строительства социализма на Кубе и что Куба всегда будет вместе со своим большим другом — советским народом».

В Москве Че провел встречу с кубинскими студентами, обучавшимися в СССР, и дискуссия на экономические темы вылилась в такие жаркие баталии, что едва не вышла из-под контроля. Че вспоминал: «Я обсуждал со студентами свои взгляды на моральное стимулирование, говорил о том, что система хозрасчета в СССР является настоящим

бедствием... У меня никогда не было такой восприимчивой аудитории, потому что мои собеседники [студенты] жили непосредственно в средоточии проблемы...» Что ни говори, «западноевропейский блок развивается гораздо быстрее, чем блок народно-демократических государств». Это происходит, по мнению Че, из-за того, что в СССР «вернулись к материальным стимулам, конкуренции и дифференциации в заработной плате...»[410].

Таким образом, кубинские студенты в Москве, к неудовольствию Че, явно были «заражены» советским хозрасчетом.

В вопросе отставания СССР по темпам экономического роста от капиталистических стран Че был тогда явно не прав. Если в 1961—1965 годах национальный доход СССР в среднем за год рос на 6,5 процента, то после ускорения реформ в 1966—1970 годах — на 7,7. Не зря восьмую пятилетку в Советском Союзе окрестили «золотой». ВВП США, например, вырос в 1965—1966 годах на 4 процента.

Помимо экономических тем, Че обсуждал в Москве и политические вопросы. Он встречался с Юрием Андроповым, который тогда возглавлял отдел ЦК КПСС, отвечавший за связи с социалистическими странами. Состоялась беседа и с Виталием Корионовым, курировавшим в аппарате ЦК отношения с Латинской Америкой. Корионов был уже наслышан (в том числе и от Марио Монхе) о давлении кубинцев на латиноамериканские компартии в плане вооруженной борьбы. Че горячо убеждал Корионова, что перспектива освобождения всей Латинской Америки от господства США весьма реальна. И сделать это можно только вооруженным путем. Но в Москве, к явному неудовольствию Че, относились к этим планам прохладно, так как не верили в успех.

В целом кубинскому гостю подтвердили линию Москвы — каждая компартия в Латинской Америке сама решает, как ей действовать.

Че был настолько раздосадован столь умеренной линией Москвы, что отказался принять участие в Совещании коммунистических и рабочих партий Латинской Америки, состоявшемся в Гаване 23—28 ноября 1964 года. Он заявил, что лучше поедет на сафру в провинцию Орьенте. Че понимал, что на этой встрече он со своей идеей партизанского очага не получит большинства. Хотя созыв совещания именно в Гаване отражал как раз стремление Москвы примирить кубинскую точку зрения со взглядами сторонников мирного пути в Латинской Америке. Совещание в общей

форме подтвердило стремление усилить революционную борьбу в Латинской Америке (реверанс в адрес кубинцев) и высказалось в поддержку СССР в советско-китайском противостоянии.

Американская разведка расценила итоги совещания как победу умеренной линии, торжество осторожной позиции Москвы: «Советские ставки на гаванском совещании были высокими, и совещание стало успехом КПСС» именно в плане противодействия китайцам и «отделения» от них Кастро[411]. ЦРУ отмечало, что на совещании было принято решение не поддерживать никаких вооруженных групп в странах Латинской Америки, если они действуют без санкции местных компартий.

Принятое на совещании заявление было одновременно опубликовано в Гаване и Москве 18 января 1965 года.

Че не собирался хранить молчание — 30 ноября 1964 года он выступил с речью в Сантьяго-де-Куба, в которой подверг критике слишком мирную тактику латиноамериканских коммунистических партий.

Вообще складывается впечатление, что после гибели своих товарищей в Аргентине Че отбросил всякую политкорректность. В своих последних публичных выступлениях он уже прощался с Кубой, хотя тогда этого кроме Фиделя и Рауля (они были в курсе планов своего боевого товарища) никто не замечал.

9 декабря 1964 года Че прилетел в Нью-Йорк, где принял участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Перед самым отлетом он встретился с первым секретарем посольства СССР в Гаване Дарусенковым, чтобы проинформировать советскую сторону об основных моментах предстоящего выступления: «Я затрону, в частности, вопрос о мирном сосуществовании в том плане, что принцип мирного сосуществования должен действовать не только в отношениях между крупными державами, но и в отношениях между большими и малыми странами»[412]. Че хотелось показать Москве, что США в отношении Кубы отнюдь не прекратили диверсий и саботажа и ни о каком мирном сосуществовании даже не помышляют. «Важное место в моем выступлении займет также обвинение США в постоянных агрессивных актах против Кубы», — говорил Че, показывая толстую папку с подборкой материалов с фотографиями, разоблачающими агрессивные действия США против Кубы, главным образом в районе Гуантанамо.

Сам факт предварительной встречи Че с советским представителем перед отлетом в Нью-Йорк ясно показывает,

что он никогда не был противником СССР. Да, у него были с Москвой тактические расхождения по некоторым вопросам, но это были откровенные споры друзей, приверженных одной великой цели — строительству общества, свободного от эксплуатации человека человеком.

Кубинские контрреволюционеры в США открыто грозили Эрнесто Геваре смертью, но Че презирал их угрозы и часто появлялся без охраны. Прямо перед входом в здание ООН его попыталась ударить ножом кубинская эмигрантка Молли Гонсалес, которой, видимо, не давали покоя «лавры» Шарлотты Корде. Но Че примеру Марата следовать не собирался — при помощи полиции он обезоружил нападавшую и показал беснующимся вокруг эмигрантам неприличный жест.

В своем выступлении в ООН 11 декабря Че высказался против экспорта революции, что не означало пассивности мирового революционного движения: «Мы снова и снова утверждаем, что революции не экспортируются. Революции рождаются в гуще народа. Революции вызываются эксплуатацией, которой правительства — такие как в Коста-Рике, Никарагуа, Панаме или Венесуэле — подвергают свои народы. Затем уже освободительным движениям может оказываться — или не оказываться — помощь, в первую очередь моральная. Но реальность такова, что революции не могут экспортироваться»[413].

Во время выступления Че кто-то выпустил по зданию ООН гранату из базуки через реку Ист-Ривер. Синхронно с этим терактом перед входом в здание ООН собрались протестующие кубинские эмигранты, и это «совпадение» было подмечено даже американскими СМИ. Как и то, что базука была американского производства и состояла на вооружении армии США. От взрыва задрожали окна в зале пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, но на Че это не произвело никакого впечатления.

Выступая в ООН, Че подверг резкой критике политику Запада в Конго, где ситуация серьезно обострилась: «Все свободные люди мира должны вооружиться, чтоб отомстить за преступления, совершенные в Конго». Американцы тогда еще не знали, что этот призыв был не просто фигурой речи.

Правительство Чомбе со ссылкой на опасность пребывания белых в захваченном повстанцами Стэнливиле обратилось за военной помощью к Бельгии и США. Американские ВВС перебросили в Конго батальон бельгийских

парашютистов. 24 ноября 1964 года 350 десантников высадились с американских самолетов в аэропорту Стэнливиля (операция «Красный дракон»).

В это же время к Стэнливилю подошли отряды конголезской правительственной армии, которыми фактически командовал известный британский солдат удачи Майкл Хоар*. Наиболее боеспособными в этой армии были белые наемники, среди которых встречались и бывшие нацисты**.

Хоар был завербован для войны в Конго офицерами ЦРУ[414]. Посольство США в Конго сообщало в Вашингтон: «Для общественности мы должны продолжать линию "без комментариев" по всем аспектам проблемы наемников... По меньшей мере открыто представители США должны держаться от наемников как можно дальше»[415].

В августе 1964 года «Коммандо 5» Хоара (38 человек), продвигаясь на катерах через озеро Танганьика, попыталось взять штурмом город Альбервиль (операция «Часы на цепочке»), но потерпело неудачу. После этого Хоар нарастил свой отряд до трехсот человек, разделенных на восемь взводов. В отряде царили жесткая дисциплина (бритье каждый день) и неприкрытый апартеид — черных на службу не брали принципиально. Весь транспорт (включая два бронетранспортера) Хоару через ЦРУ предоставила армия США, вооружение было бельгийского производства. Все финансирование «Коммандо 5» полностью осуществляло ЦРУ, в том числе лично резидент ЦРУ в Конго Бенджамин

---

* Майкл Хоар (Бешеный Майк) родился в 1919 году в Индии. Во время Второй мировой войны служил офицером (капитан) в британской армии в Северной Африке и Италии. В 1948 году сдал экзамен на бухгалтера. Но, видимо, эта скучная работа ему не понравилась, и он уехал в Южную Африку, где занялся организацией сафари для богатых туристов. Затем он начал подыскивать наемников для «работы» в африканских странах. В 1960-м завербовался в сепаратистские катангские войска Чомбе и командовал полицейским подразделением «Коммандо 4». Отслужив срок контракта, вернулся в ЮАР. В 1964—1965-м вновь служил Чомбе, занимающему пост премьер-министра Конго. Сформировал и возглавил подразделение «Коммандо 5» — самую боеспособную часть правительственной армии. Команда Хоара, укомплектованная в основном южноафриканскими и европейскими наемниками, отличалась военной эффективностью.

** Например, бывший прапорщик вермахта Зигфрид Мюллер, служивший после войны во вспомогательных войсках США в ФРГ. В бундесвер его не приняли, и он эмигрировал в 1962 году в Южную Африку.

Хилтон Кушинг*. Военный атташе США в Леопольдвиле полковник Раудстейн высоко ценил Хоара: «Сторонники Чомбе должны быть счастливы, что на их стороне есть такой человек, как Хоар с его темпераментом, характером и способностями...» Преемник Кушинга Девлин вспоминал: «Хорошо образованный... человек чрезвычайного обаяния Майк Хоар проявил себя как серьезный и способный солдат... Мы стали хорошими друзьями, и эта дружба продолжалась много лет»[416].

Тактика Хоара была следующей: отряд на джипах на большой скорости (60—70 километров в час) внезапно выдвигался к занятым повстанцами деревням и открывал ураганный огонь из автоматического оружия. Неопытные бойцы-симба обычно не выдерживали такого удара. То, что при бесцельном огне гибло много мирных жителей, Хоара не волновало — ведь они просто «черномазые». Расход горючего и боеприпасов при такой тактике был очень большим, но американцы постоянно снабжали отряд с воздуха. Американцы осуществляли и переброску отдельных групп наемников своими транспортными самолетами, что обеспечивало «Коммандо 5» очень большую мобильность в стране, где фактически не было нормальных дорог.

Формально американцы и бельгийцы всего лишь хотели освободить белых заложников в Стэнливиле. Но на практике оккупанты стали проводить дикие репрессии против мирного населения Восточного Конго. 3 ноября 1964 года «Правда» перепечатала репортаж французского журнала «Пари матч» из Конго под характерным заголовком «Путешествие в ад».

1 ноября 1964 года наемники Хоара и части Чомбе начали наступление на Стэнливиль (американцы предоставили для этого более двухсот автомашин). 24 ноября ровно через два часа после высадки бельгийцев колонна Хоара вошла в город. Началось повальное мародерство, причем наемники прежде всего грабили дома «спасенных» ими белых. «Армия» Чомбе грабила и убивала черных. В Вашингтоне с удовлетворением отмечали роль ЦРУ во взятии Стэнливиля: «Самолеты ЦРУ наводили ужас на симба, которые осознали, что их магия не спасает от пулеметов 50-го калибра и авиационных пушек...»[417]

7 ноября «Правда» под заголовком «Тяжелые бои в Конго» писала, что в штурме Стэнливиля участвовали бо-

* В июле 1965 года его сменил Ларри Девлин.

лее трехсот белых наемников. Было хорошо известно, что своими успехами солдаты Чомбе и наемники Бешеного Майка обязаны американцам. 18 ноября «Правда» сообщала, что улицы конголезского города Кинду «завалены трупами мирных жителей, погибших во время варварских бомбардировок города американскими самолетами, пилотируемыми кубинскими контрреволюционерами».

Казалось, что восстание симба почти подавлено. Но повстанцы быстро оправились от поражения и по-прежнему контролировали большие районы на северо-востоке Конго. Они стали уделять больше внимания вооружению и боевой подготовке. Ранее многие симба воевали копьями и обмазывались соками трав, считая, что это предохраняет от пуль врага. Теперь через Танзанию они стали получать современное стрелковое оружие из СССР, Китая и Алжира. В ответ на моторизованную тактику Бешеного Майка симба применяли «слоновьи ловушки» — огромные хорошо замаскированные ямы, усеянные острыми кольями. В этих засадах «Коммандо 5» потеряло половину своего автотранспорта и десятки людей убитыми и ранеными.

Хоар потребовал от главкома конголезской армии Мобуту повышения жалованья своим бандитам, а для себя выторговал звание подполковника. Теперь (начало 1965 года) перед ним была поставлена задача отрезать повстанцев от Танзании и Уганды, откуда симба получали советское и китайское оружие. Пилотируемые кубинскими наемниками ЦРУ самолеты нанесли бомбовые удары по Уганде, которая в ответ на это отключила все программы американского телевидения в стране.

Че уже для себя решил, где американцы получат «второй Вьетнам», а именно — в Конго. План Че состоял в том, чтобы он сам с небольшой группой имевших партизанский опыт кубинцев организовал боевую и тактическую подготовку отрядов симба непосредственно в Конго. Живой силы у повстанцев было достаточно, хватало и современного стрелкового оружия, а значит, непосредственного участия кубинцев в боях, как думал Че, не требовалось. Достаточно было обучить местных грамотной тактике партизанской борьбы.

Для реализации этого плана требовалось согласие не только самих повстанцев Конго, но и Алжира и Египта (источников снабжения), а также Танзании — главной перевалочной базы при доставке оружия и боеприпасов. В поддержке СССР и КНР Че и так не сомневался — обе эти страны уже помогали соратникам Лумумбы.

Можно было бы открыть против марионеточного режима Чомбе второй фронт. Прямо напротив столицы Конго Леопольдвиля на другом берегу реки Конго располагалась столица другого, Среднего Конго — Браззавиль. С декабря 1963 года президентом этой Республики Конго был бывший учитель Альфонс Массамба-Деба, придерживавшийся левых взглядов. Правда, он подпал под сильное влияние китайцев, первым во франкофонной Африке признав в феврале 1964 года КНР*. Китайцы ответили масштабной экономической помощью.

В конце 1964 года Че вылетел в Африку и 26 декабря провел переговоры с прогрессивным лидером Мали Модибо Кейтой[418].

Но 2 января 1965 года он уже прибыл в Браззавиль. Массамба-Деба поддерживал повстанцев соседнего Конго и стремился вообще объединить обе страны под своим руководством. Тогда, получив границу с тоже вставшей на путь социализма Танзанией, новое большое социалистическое Конго смогло бы контролировать весь центр континента. Массамба-Деба выразил полную поддержку планам Че с явным расчетом на кубинскую экономическую помощь. Че обещал содействие в организации в Браззавиле народной милиции по кубинскому образцу.

При помощи кубинцев был основан тренировочный лагерь для конголезских повстанцев.

Массамба-Деба поддерживал также Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), воевавшее с 1961 года против португальских колонизаторов, прежде всего в ангольском анклаве Кабинда, примыкавшем к Республике Конго. 5 января 1965 года Че встретился с лидером МПЛА Агостиньо Нето, пообещав движению военную помощь Кубы**. Прибытие первых кубинских военных советников, заверил Че, следовало ожидать уже летом. В то же время МПЛА прохладно отнеслось к просьбе Че направить своих партизан на помощь конголезским повстанцам. Так первый раз Че столкнулся с типично африканским фактором, который он ранее не учитывал — с трайбализмом. Для многих африканских революционеров идеология стояла отнюдь не на первом месте — главным было служение интересам своей народности или племени.

---

* В то время в ООН в качестве представителя Китая все еще сидел посланник гоминьдановского правительства на Тайване. КНР признавали в основном только социалистические страны.

** Спорадические контакты МПЛА с «Движением 26 июля» имели место еще в 1950-е годы в Лиссабоне.

Тем не менее с беседы Че и Нето началось участие кубинцев в ангольских событиях, растянувшееся почти на 30 лет и завершившееся полным успехом Кубы в борьбе против США и ЮАР.

Из Браззавиля Че отправился в другие африканские страны социалистической ориентации — Гвинею, Гану, Дагомею* и Алжир.

8 января 1965 года Че встретился с лидером Гвинеи Секу Туре, также обещавшим поддержку «конголезскому проекту». На границе с Сенегалом оба лидера провели переговоры с сенегальским президентом Сенгором, крайне популярным политиком в Африке того времени, придерживавшимся панафриканских взглядов (это было особенно важно для Че).

Сенгор, однако, был своего рода расистом наоборот, создав теорию так называемого «негритюда» — исключительности негроидной расы. Сначала негритюд отражал протест против колониализма и расовой дискриминации, выступал против приоритета европейских духовных ценностей. Позднее он приобрел другую окраску — в нем стали прослеживаться мотивы расовой исключительности, расовое сознание негритюда противопоставлялось классовому. Че с этим, естественно, согласиться не мог. В свою очередь, Сенгор был возмущен тем, что на переговорах между ним и Секу Туре присутствует белый.

14 января Че был уже в Гане и встречался с Кваме Нкрумой. Нкрума был в то время крайне популярен в Черной Африке — ведь именно под его руководством бывший Золотой Берег первым в Африке добился независимости еще в 1957 году. Ганский лидер был очень рад визиту Че и просил его задержаться в Гане как можно дольше. Переговоры двух популярнейших людей того времени прошли 16 января и касались прежде всего положения в Конго. Че по просьбе Нкрумы пробыл в Гане целую неделю, встречаясь с профсоюзами, молодежью, женскими организациями. 20 января состоялась еще одна встреча с Нкрумой — проговорили более двух часов.

За визитом Че в Африку, естественно, внимательно следило ЦРУ. Причем американцы отметили интересный для себя аспект переговоров Че с африканскими лидерами. В сводке от 15 января 1965 года американская разведка отмечала, что одной из главных тем было «...предостережение

---

* Ныне — Бенин.

африканским друзьям не слишком глубоко связываться с советскими или китайскими коммунистами. Согласно Геваре, в то время как Куба, как и прежде, глубоко предана социализму, кубинские официальные лица не в восторге от того, насколько сильно в их внутренние дела вмешиваются СССР и коммунистический Китай. Гевара сказал, что Кубе уже поздно что-либо здесь менять, но кубинцы считают, что африканским лидерам еще не поздно изменить такую ситуацию. Гевара добавил, что кубинцы особенно озабочены положением своих алжирских друзей, и он направляется прямо в Алжир, чтобы передать такое же послание бен Белле»[419].

30 января Че был уже в Алжире.

Че долго беседовал с алжирским президентом Ахмедом бен Беллой, делился своими планами, считая Африку слабым звеном в цепи империализма. Бен Белла не разделял оптимизма своего друга[420]. Он, как и Москва, считал, что иностранная поддержка вряд ли сможет переломить ситуацию на континенте — революции должны вызреть внутри соответствующих стран. Да и самому Че не обязательно лично принимать участие в африканской революции. Но, к удивлению бен Беллы, Че категорически настаивал именно на личном участии — после поражения ЭГП в Аргентине это было для него делом решенным.

2 февраля 1965 года Че прибыл в Пекин. Китайцы активно «осваивали» Африку, пытаясь, опять-таки в пику советским «ревизионистам», представить себя главными и бескорыстными спонсорами местных национально-освободительных движений. Пекин особенно интересовала Танзания, как ворота к сырьевым богатствам Черной Африки. Че, в свою очередь, не оставлял попыток примирить КПСС и КПК, хотя бы на почве совместной поддержки африканской революции.

«Ультрареволюционные» китайцы всячески приветствовали планы Че, как обычно, обещая именно бескорыстную помощь. Однако Мао кубинскую делегацию* принимать отказался, и с Че беседовал только премьер Чжоу Эньлай. Видимо, «великий кормчий» давал понять кубинцам, что он разгневан из-за поддержки Гаваной Москвы на Конференции компартий Латинской Америки в Гаване в ноябре

* Вместе с Че в КНР прибыли министр строительства Османи Сьенфуэгос (брат погибшего Камило) и Эмилио Арагонес — оргсекретарь Единой партии социалистической революции.

1964 года. Тем не менее визит в Пекин был необходим, учитывая большое влияние китайцев на тогдашнее танзанийское руководство*.

По пути из Пекина Че остановился в Париже, где исполнил свою давнюю мечту — осмотрел Лувр.

11 февраля 1965 года Че прибыл в крупнейший город Танзании Дар-эс-Салам. Именно от позиции президента этой страны Джулиуса Ньерере зависел в конечном итоге успех его плана. Танзанийцы в принципе не возражали (получив «добро» из Пекина), хотя тоже сомневались в целесообразности прямого участия кубинцев в конголезских событиях.

Встреча Че с лидерами конголезских повстанцев — Национального совета освобождения — должна была стать для кубинского гостя еще одним тревожным сигналом. Президент совета Гбенье, как оказалось, был в довольно напряженных отношениях с другими лидерами повстанцев — Кабилой и Сумиало, которые часто действовали на свой страх и риск.

Гастон Сумиало от прямых ответов на вопросы и предложения Че уклонялся, Лоран Дезире Кабила произвел на гостя с Кубы более благоприятное впечатление своей решительностью. Правда, наученный горьким трайбалистским опытом, Че не стал развивать перед Кабилой план общеафриканской революции с опорой на Конго. Он пока предложил лишь прислать 30 кубинских военных советников (не сказав ни слова о своем личном участии). Кабила с благодарностью согласился. Заметим, что против советников не возражал и Сумиало (специально прилетевший на встречу с Че из Египта), но он требовал приезда только чернокожих кубинцев. Зато Кабила был категорически против появления кубинцев в Конго — он считал, что они должны тренировать повстанцев в Танзании.

Попытка кубинского посольства в Танзании собрать для встречи с Че представителей всех африканских национально-освободительных движений закончилась полным фиаско — они едва не передрались друг с другом. Че окончательно понял, что Африка — не Латинская Америка, где страны связаны общей историей, языком и сходными экономическими и политическими признаками. Африка же была единым континентом только в географическом смысле. Не то что отдельные страны, но даже и народности

---

* Чжоу Эньлай посетил Танзанию в октябре 1965 года.

внутри стран не имели друг с другом ничего общего, кроме традиций взаимной подозрительности и вражды, долгие годы искусно подогреваемых колонизаторами.

Значит, общеафриканской революции, «второго Вьетнама», не будет? Нет, Че все же так не считал. В полном соответствии со своей теорией партизанских очагов, он думал, что победа революционеров в такой огромной и важной стране, как Конго, станет катализатором панафриканского революционного взрыва.

19 февраля 1965 года Че был уже в Египте. Насер также отнесся к его планам скептически, хотя обещал поддержку. Президент Египта призвал Че не упускать из виду расовый момент — многие чернокожие жители Африки испытывают естественную вражду еще с колониальных времен к любому белому. Он, Че, рискует стать белым Тарзаном среди партизан-негров. Че яростно спорил — на Кубе ведь удалось решить расовую проблему, — и беседы с Насером затягивались за полночь. Но Насер остался непоколебим — он решительно не советовал Че появляться в Конго. Однако Че ответил: «Я поеду в Конго, потому что сейчас это самая горячая точка в мире. С помощью африканцев... и с двумя батальонами кубинцев я верю, что мы сможем поразить в сердце империалистические интересы в Катанге»[421]. Таким образом, Че хотел повторить тактику ЦРУ и Хоара — использовать небольшую хорошо вооруженную и дисциплинированную воинскую часть иностранцев как боевое ядро африканских сил.

Заметим, что тогда и Насер, и Че знали, что кубинцы уже воюют в Конго — ЦРУ использовало эмигрантов-контрреволюционеров в качестве пилотов правительственных ВВС. Причем кубинские контрреволюционеры (гусанос) появились в Конго еще в 1963 году[422]. Некоторые из них были ветеранами залива Свиней, другие служили в ВВС Кубы при Батисте. ЦРУ учредило в Майами подставную фирму «Карибиан марин аэрокорпорейшн» (КАРАМАР) для вербовки кубинцев в Конго. В ЦРУ считали, что в крайнем случае кубинцами можно и пожертвовать (как, например, в заливе Свиней). Посольство США в Конго сообщало в Вашингтон: «Хотя много твердят о том, что кубинцы — это американские наемники, мы будем продолжать говорить как можно меньше и направлять все вопросы к правительству Конго, с которым у этих пилотов заключены контракты»[423].

Че отказался от предложения бен Беллы использовать при полетах в Африке личный самолет алжирского пре-

зидента, чтобы сбить с толку американскую разведку. Тем не менее алжирские послы во всех странах континента получили указание всячески содействовать секретной миссии Эрнесто Гевары. Вернувшись в Алжир после поездок в Конго—Браззавиль и Танзанию, Че не стал скрывать от бен Беллы разочарования низким уровнем политической сознательности африканских революционных лидеров.

Пока Че вел свой зондаж в африканских странах, Алжир уже начал напрямую поддерживать конголезских повстанцев. По соглашению с Ньерере, Насером, Нкрумой, Секу Туре, Джомо Кениатой (лидером Кении) и Модибо Кейтой алжирцы самолетами перебрасывали через Египет оружие в Танзанию. Военные кадры предоставили Уганда и Мали.

Че не забывал и о Латинской Америке. Он еще раз подтвердил договоренность с бен Беллой о переброске латиноамериканских революционеров с Кубы в Западное полушарие через Алжир.

24 февраля 1965 года Че выступил с речью на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки в Алжире, и это выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы, прежде всего в социалистических странах.

Че фактически напрямую обвинил страны социализма (читай — Москву) в корыстном и недальновидном подходе к развивающимся странам и национально-освободительным движениям: «...отпадение той или иной страны от мировой империалистической системы означает поражение всей этой системы в целом... Поэтому социалистические страны кровно заинтересованы в эффективном отделении народов от империалистической системы и наш интернациональный долг, долг, закрепленный руководящей нами идеологией, — это способствовать нашими усилиями тому, чтобы освобождение происходило возможно более быстро и глубоко.

Из всего этого необходимо сделать вывод: развитие стран, которые начинают сейчас свой путь освобождения, должно чего-то стоить социалистическим странам... И надо прекратить разговоры о "развитии взаимовыгодной торговли", основанной на ценах, которые закон стоимости и международные отношения неэквивалентного обмена, порожденные этим законом, навязывают отсталым странам...»[424]

Позднее это выступление было расценено многими как открытый разрыв Че с Москвой, который якобы привел к его «изгнанию» с Кубы Фиделем, не захотевшим ссориться с русскими.

На самом деле Че не сказал в Алжире ничего, чего бы в Москве уже не знали непосредственно от самого же Че: отрицание закона стоимости как основы экономических отношений при социализме. Нисколько не возражали в Москве и против тезиса о помощи развивающимся странам, иначе не был бы создан ЮНКТАД в 1964 году при решающей поддержке соцлагеря. Наконец, западная пропаганда специально «упустила» из речи Че невыгодные для тезиса о советско-кубинской размолвке пассажи. Например, следующий: «Единственно, что мы знаем, это то, что в результате политических дискуссий Советский Союз и Куба подписали выгодное для нас соглашение об условиях, по которым мы будем продавать до пяти миллионов тонн сахара по фиксированным ценам, более высоким, чем те, которые обычно устанавливаются на так называемом мировом свободном рынке»[425]. То есть Че публично выразил признательность СССР за великодушие по отношению к кубинской революции.

Заметим, что такую же признательность услышали в свой адрес и китайцы, хотя и не столь развернутую, как по отношению к Москве. Для Че в связи с его планами действий в Танзании и Конго поддержка Пекина имела ключевое значение, и он стремился немного польстить «великому кормчему», зная, что китайское руководство внимательно и благосклонно следит за всеми панегириками в свой адрес.

И все же в Москве и союзных с ней социалистических странах произвела неприятное впечатление публичность и резкость суждений Че, сравнившего соцстраны с империалистами. Представители и СССР, и Китая участвовали в семинаре в качестве наблюдателей*, и бен Белла вспоминал, что имел по поводу речи Че неприятные объяснения с советским послом.

Советская печать освещала работу семинара, но привела лишь подробные выдержки из речей алжирского президента Ахмеда бен Беллы[426]. В Москве, видимо, не сочли это мероприятие достаточно внушительным для более подробного освещения.

Взгляды Че полностью отвечали позиции Фиделя, но последний не высказывался публично, хотя на переговорах с социалистическими странами отстаивал именно такой подход. В целом лидер Кубы стремился сгладить инцидент,

---

* От СССР присутствовал директор Института Африки Академии наук СССР Василий Григорьевич Солодовников.

связанный с алжирской речью Че, понимая, что любые трещины в союзе с соцлагерем выгодны только США.

1 марта 1965 года выступление Че прокомментировал Рауль Кастро в беседе с членом политбюро ЦК ПОРП Зеноном Клишко*. Рауль подчеркнул, что Че уже долго находится вдали от Кубы и его речь представляет его личную точку зрения. В то же время Рауль осторожно дал понять, что проблему неэквивалентности мировых цен на сырье и промышленные товары, затронутую Че, все равно надо решать. Просто Че выбрал не очень подходящее место для обсуждения таких сложных тем.

В марте 1965 года Фидель отправил Рауля в Москву, где кубинская делегация подтвердила, что в споре с китайцами полностью поддерживает позицию СССР. 5 апреля 1965 года Брежнев сообщил Гомулке, что очень доволен визитом Рауля Кастро**. Теперь кубинское руководство, включая Фиделя, лучше понимает, что творят китайцы[427]. Особенно, по словам Брежнева, кубинцев обидел отказ Мао принять Че в феврале. Брежнев заметил, что Рауль пригласил его на Кубу, но у него пока много других дел. В том числе надо внимательно следить за событиями во Вьетнаме.

14 марта 1965 года Че вернулся на Кубу с уже сформировавшимся решением как можно скорее отправиться в Конго. Вопреки распространявшимся западными СМИ домыслам, никаких разногласий с Фиделем после алжирской речи у него не было. На аэродроме Че, помимо Алейды, встречали сам Фидель, президент Кубы Дортикос Торрадо и Карлос Рафаэль Родригес.

Фидель никак не возражал и против конголезских планов Че. Мало того, он всецело поддерживал их. В апреле 1965 года кубинский лидер посетил посольство ЧССР во время визита на остров министра обороны Чехословакии Богумира Ломского. В ходе беседы Фидель заметил, что у «империализма большие сложности в Африке с национально-освободительными движениями в Конго, Анголе, Мозамбике и т. д. Борьба активизируется при помощи Алжира и ОАР. Куба тоже может оказать некоторое содействие — например, она намерена проявить активность в Конго, в частности потому, что кубинское население имеет опыт [воору-

---

* В 1957—1970 годах Зенон Клишко неформально являлся вторым после лидера Польши Владислава Гомулки лицом в партийно-государственной иерархии ПНР.

** Рауль Кастро и Леонид Брежнев два дня провели на охоте.

женной борьбы] и этнически связано с Африкой. Борьба в Африке будет долгой, а Конго, как представляется, занимает ключевую позицию, которую надо завоевать...»[428].

Из этих слов Фиделя совершенно ясно, что его анализ ситуации в Конго ни на йоту не отличался от позиции Че.

Да и сами приготовления к участию кубинских интернационалистов в боях в Конго начались до возвращения Че на Кубу.

Еще в январе 1965 года офицер кубинской армии темнокожий Виктор Дреке получил приказ быстро создать небольшую группу бойцов негритянского происхождения, имевших боевой опыт (например, в борьбе против контрреволюционеров в горах Эскамбрай, где на момент получения приказа находился и сам Дреке). Офицер сразу понял, что предстоит миссия в Африке. Все бойцы отряда Дреке ничего не должны были сообщать своим семьям, кроме того, что им придется уехать с Кубы лет на пять. Отряд собрали в западной провинции Пинар-дель-Рио в тренировочном лагере «Пети-1», который солдаты называли между собой «Амазонас».

Сразу после прилета на Кубу Че говорил с Фиделем несколько часов, причем в присутствии Родригеса, что делает версию о какой-то крупной ссоре между Фиделем и Че совсем невероятной. К тому же речь Че в Алжире была напечатана в кубинских СМИ и никакой критики в ее адрес не было.

Но сам Че исчез из общественной жизни. Он быстро сдавал дела в министерстве промышленности. В разговорах с самыми близкими друзьями он сетовал на русских и чехов, которые не хотят предоставлять оружие национально-освободительным движениям бесплатно: «Это социализм, а не что-то ему подобное; они должны были просто дать оружие»[429]. Сотрудники министерства считали, что их шеф собирается отправиться на сафру на длительное время. Эти слухи дошли до западных СМИ, где их превратили в утверждение, что попавшего в опалу Эрнесто Гевару отправляют в ссылку в трудовой лагерь.

Американская разведка тоже надолго потеряла Че из вида. ЦРУ в ежедневной сводке от 14 июня 1965 года доложило президенту, что «...по сообщениям прессы, Гевара был заменен на посту министра промышленности... Эта новость появилась на волне множества спекуляций по поводу его трехмесячного отсутствия в общественной жизни. Кастро в нескольких последних речах высоко оценил вклад

Гевары в борьбу против Батисты, и кажется вероятным, что Гевара по-прежнему играет важную роль»[430]. Когда Линдон Джонсон читал эту сводку, Че уже как два месяца находился в Африке, о чем ЦРУ не имело ни малейшего представления.

Американская разведка потеряла Че из поля зрения на два года. В ЦРУ рассматривались самые дикие версии, например ссылка Че в Москву. Американцы за эти два года «видели» Че в Доминиканской Республике, Колумбии, Гватемале и Перу. Например, в декабре 1965 года ЦРУ с высокой степенью уверенности предполагало, что Че находится в Гватемале.

И Че, и Фидель (равно как и Москва) были слишком оптимистичны в отношении реальной военной силы конголезских повстанцев. Лидеры последних изрядно преуспели в пропагандистской войне, особенно в тех странах, которые им и так симпатизировали. 1 марта 1965 года «Правда» писала, что повстанцы вышли на ближние подступы к Стэнливилю, «занимают провинцию Киву, освободив такие города, как Барка, Физии, Касонго и Кибомбо. В руки патриотов перешла западная часть провинции Северная Катанга». Все это соответствовало действительности, но лишь потому, что у Хоара в тот момент были разногласия с Чомбе и наемники отказывались наступать.

После взятия Стэнливиля все усилия ЦРУ в Конго были брошены на то, чтобы перерезать линии снабжения повстанцев через озеро Танганьика — именно этим путем в Конго должен был вскоре прибыть Че. ЦРУ считало главной слабостью конголезских повстанцев отсутствие эффективного единого командования и слабую боевую подготовку. В этом отношении американцы ничем не отличались от Че — он думал точно так же. Позицию СССР ЦРУ оценивало следующим образом: «...Советы рассматривают конголезских повстанцев как продажный и недисциплинированный сброд, но они явно верят в то, что их можно использовать для обслуживания интересов Москвы в Конго, которые в настоящее время заключаются в том, чтобы уменьшить влияние и присутствие [в Конго] Запада и создать трудности для правительства в Леопольдвиле»[431].

Добавим, что в Москве напрямую связывали Конго с Вьетнамом, точно так же как и Че. В международном обозрении под заголовком «Укусы москитов» «Правда» от 21 февраля 1965 года отмечала: «Приглушенные расстоянием и значительно ослабленным, но тем не менее тревожным эхом отзываются в Африке события во Вьетнаме...»

Че считал, что, обучив и испытав в бою первые по-настоящему спаянные дисциплиной и вооруженные правильной тактикой подразделения повстанцев, можно переломить ход борьбы в Конго. На быструю победу он, будучи реалистом, не рассчитывал и отводил на войну как минимум пять лет. Живой силы и современного оружия у повстанцев вполне хватало. ЦРУ считало точно так же: «Появление в Конго имеющих боевой опыт "добровольцев" из радикальных африканских стран может создать там новую, более неприятную и опасную ситуацию»[432]. И Че был готов создать американцам эти неприятности.

Как-то в воскресенье Алейда очень удивилась, когда Че не пошел, как всегда, на добровольную работу, а остался дома и начал рассматривать фотографии детей (фото младшего сына, Эрнесто, родившегося, когда Че был в Алжире, сделать еще не успели). Неожиданно он сказал жене, что снял домик на море — Алейда сразу поняла, что что-то случилось. И действительно, уложив детей спать, он сказал ей, что скоро уедет.

Алейда очень хотела ехать в Конго вместе с мужем. Че в принципе не возражал, отвечая, что позднее, когда партизаны освободят и удержат значительный район конголезской территории, она сможет к нему присоединиться. Но пока в Конго опасно, ей лучше находиться с детьми[433].

Перед отъездом Че записал для жены и детей стихи и прощальные послания на магнитофон, заметив, что оставляет им лучшую часть себя самого. Это были «их стихи», которые они не раз читали вместе — волнующие строки Пабло Неруды, Николаса Гильена и Рубена Мартинеса Вильены о нежной и бесконечной любви. Алейда вспоминала: «Я слушала эти пленки много раз на протяжении многих лет, и они всегда наполняли меня грустью. Я всегда задавала себе один и тот же вопрос: надо ли мне было уехать с ним? Но мне не оставалось ничего иного, как ждать, пытаться сохранить свой оптимизм и следить за тем, как росли и зрели наши дети. Воистину, они были плодами большой любви, нашей любви»[434].

Последний раз Че видели на публике 15 марта 1965 года. Затем он сбрил свою знаменитую бороду и коротко постригся. Зубной протез изменил форму его лица. Когда в лагерь в Пинар-дель-Рио к Виктору Дреке прибыл некий Рамон Бенитес, тот не узнал в нем знаменитого партизанского командира.

Альберто Гранадо получил от своего верного друга следующее письмо:

«Альберто,

Не знаю, что тебе оставить на память; предписываю тебе посвятить себя экономике и сахарному тростнику. Мой бродячий дом снова — о двух ногах, а мои мечты не будут иметь границ... по крайней мере до тех пор, пока пули не скажут последнего слова...

А тебя, оседлый цыган, я буду ждать, как только запах пороха от выстрелов рассеется.

Обнимаю вас всех...»[435]

На рассвете 1 апреля 1965 года Гавану покинули три кубинца. Формально командиром группы советников был Виктор Дреке, его заместителем — Хосе Мария Мартинес Тамайо — тот самый Папи, который выжил в операции «Тень». Третий человек — Эрнесто Гевара — исполнял роль врача и переводчика* кубинского отряда в Конго. Эти три человека взяли сами за себя говорящие псевдонимы на языке суахили — лингва франка Восточной Африки. Боевым именем Дреке стало Моха («Первый»), Тамайо — Мбили («Второй»), а Че — Тату («Третий»).

Конечно, настоящим командиром был Че, но проблема была в том, что его лично в Конго никто не приглашал — Кабила ждал только 30 кубинских инструкторов, но никак не всемирно известного революционера собственной персоной. Позднее Че признавал, что своим появлением в Танзании «шантажировал» местных повстанцев, желая побудить их личным примером к более активным действиям.

Че был в респектабельных очках, с переброшенным через руку зимним пальто — наверное, первый раз за много лет он снял свою любимую военную форму. Через проход от него в самолете сидел журналист Луис Гомес Вагемерт, неоднократно бравший у Че интервью. Но даже он не узнал команданте.

Путь Че и его заместителей пролегал через Ньюфаундленд, Прагу (там группа задержалась на два дня), Милан, Каир и Найроби. На каждой остановке их встречали сотрудники кубинских спецслужб, следившие за тем, чтобы на таможне и при паспортном контроле не возникало ненужных осложнений. При этом встречающие ничего не знали о том, кого им поручили опекать. Например, в Каире сотрудник кубинского посольства думал, что встречает сельскохозяйственную делегацию.

---

* Че с юности знал французский язык, на котором в Конго говорили образованные люди.

Естественно, что Москва (в том числе и через чехословацкую разведку) была проинформирована о миссии Че в Конго. Передал соответствующие сведения и посол СССР в Гаване Алексеев. Брежнев никакого интереса не выказал — внимание советского руководства было поглощено Вьетнамом и индо-пакистанским конфликтом вокруг Кашмира.

Че, как и обычно в самолетах, неотрывно читал, делая заметки. 19 апреля посол Кубы в Танзании Рибальта (лично знавший Че) встретил тройку. Даже он не узнал команданте Эрнесто Гевару.

Вслед за Че, Дреке и Тамайо разными путями в Танзанию прибыл 91 кубинец (8 офицеров, 11 сержантов и 72 рядовых). Позднее подтягивалось разовое подкрепление. По каналам кубинской разведки при содействии чехов, алжирцев и египтян было переброшено и вооружение для группы. Че разделил весь отряд в составе 112 бойцов на три взвода и артиллерийскую группу.

Конголезские повстанцы и президент Танзании Ньерере были неприятно удивлены прибытием Че. Танзаниец опасался международных осложнений и контрмер со стороны США. Лидеры конголезских повстанцев по-настоящему воевать не хотели. Они ездили по миру, выпрашивая помощь у кого только можно, но на фронте их никто не видел. И Гбенье, и Сумиало думали, что кубинцы просто дадут денег и оружие, а может, еще и пригласят погостить на Кубе. Учиться у кубинских инструкторов конголезцы рассчитывали в безопасной Танзании.

Однако Че сразу же заявил, что лучший метод обучения — участие в реальных боевых действиях, поэтому он немедленно выезжает на фронт и ждет там же лидеров восстания. Никаких военных академий и курсов для партизанской войны не требуется: «Можно получить диплом военной академии, но настоящая квалификация, как и у любого профессионала, достигается путем осуществления своей профессии, через реагирование на огонь врага, страдания, поражения, постоянные атаки...»[436]

Че предложил сформировать смешанные кубинско-конголезские воинские части, чтобы африканцы учились у более опытных товарищей тактике и применению современного оружия. Сумиало и Кабила об этом не договаривались и были против личного участия кубинцев в боях. Кабила говорил, что не может себе позволить рисковать жизнью такого человека, как Че. Тем не менее помешать Че выехать на фронт лидеры повстанцев не смогли.

Через несколько дней группа Че, выросшая до тринадцати бойцов и получившая необходимое оружие и боеприпасы, на джипах отправилась к танзанийскому городку Кигома, расположенному на восточном берегу озера Танганьика. Машину по плохим дорогам вели все по очереди, включая самого Тату. Вечером 22 апреля кубинцы были на месте, и Че был потрясен. Вся Кигома была завалена советским и китайским оружием, которое, как казалось, никто не охранял. Повстанцы шатались по борделям и барам, которых было в избытке, и воевать не желали.

Че решил воздействовать личным примером — он говорил о «кубинизации» конголезцев в том смысле, что под воздействием боев плечом к плечу с кубинцами местные бойцы подтянутся и приобретут стойкий боевой дух. Поэтому Тату настаивал на скорейшей переброске кубинской группы через озеро в Конго. Это было сопряжено с большим риском. ЦРУ предоставило наемникам Хоара два бронированных катера водоизмещением 180 тонн, вооруженных крупнокалиберными пулеметами и минометом. Ранее катера использовались ВМС США для диверсий против Кубы. Экипажи состояли из пятнадцати кубинских эмигрантов, имевших опыт морской войны против своей родины.

Эти катера постоянно патрулировали по озеру, стремясь полностью перекрыть снабжение партизан из Танзании. Всю операцию на Танганьике курировал заместитель начальника Департамента планирования ЦРУ Томас Клайнс*. Заметим, что к весне 1965 года американцам при поддержке англичан путем давления на Уганду удалось прекратить поставки из этой страны оружия повстанцам, для которых озеро Танганьика осталось единственной «дорогой жизни».

Сами повстанцы на озере располагали только обычными лодками с навесными моторами.

Но Че опасность не смутила, и ночью 23 апреля 1965 года 14 кубинцев на двух лодках вышли из Кигомы. Все были одеты в оливково-зеленую форму с такими же беретами и

---

* В 1961—1962 годах Томас Клайнс работал на базе ЦРУ в Майами, занимаясь подготовкой диверсий против Кубы, в том числе и покушений на Фиделя Кастро. Был личным другом никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы, предоставившего территорию Никарагуа для подготовки кубинских контрреволюционеров. В 1972—1973 годах Клайнс организовывал свержение президента Сальвадора Альенде в Чили.

вооружены бельгийскими автоматическими винтовками. Переправа через озеро заняла шесть часов, и однажды с лодок даже заметили прожектора патрульных катеров Хоара. Но все обошлось, и 24 апреля кубинцы прибыли в конголезский поселок Кибамба, который удерживали повстанцы.

Американцы по-прежнему искали Че где угодно, но только не в Конго. В ежедневной разведсводке президенту от 24 апреля 1965 года Конго не упоминалось вообще. Как и в Москве, в Вашингтоне все внимание было приковано к Вьетнаму и индо-пакистанскому конфликту[437].

Надо отметить, что офицеры ЦРУ в Конго не имели никакого опыта работы в Африке и серьезно не занимались сбором разведданных о противнике. Американская разведка полностью сосредоточилась на военно-технической помощи наемникам Хоара, считая, что они победят неопытных симба и без предварительного сбора разведывательной информации. Правда, аналитический отдел в штаб-квартире ЦРУ после падения Стэнливиля каждый день готовил неплохие сводки по Конго, но весной 1965 года они стали уже еженедельными: в Лэнгли считали, что ситуация в Конго развивается благоприятно и поражение повстанцев — дело ближайшего времени.

Правда, то же самое (в смысле разведки) можно было сказать и о повстанцах. Те не имели никакого представления о силах, которые им противостоят, хотя местное население в целом симпатизировало лумумбистам. Но командиры повстанцев на фронте были довольны установившимся фактическим перемирием и считали, что если они не будут атаковать противника, то и противник оставит их в покое.

25 апреля командующий повстанцами Антуан Годфри Чамлессо представил Моху, Мбили и Тату основным командирам. Причем Че был представлен как врач и переводчик — Чамлессо и правда не знал, с кем имеет дело. Предложение Чамлессо отныне обсуждать с кубинцами все предстоящие боевые операции, как отметил Че, большого восторга у собравшихся не вызвало.

Тогда Че сам представился Чамлессо (который был просто поражен) и предложил ему проинформировать Кабилу о своем приезде. Он, Че, ждет Кабилу на фронте как можно скорее. Чамлессо той же ночью уехал в Дар-эс-Салам.

Кабила, однако, не спешил. Тогда Че развернул лагерь на горе недалеко от Кибамбы и предложил африканцам начать пятинедельную подготовку роты из ста человек. После этого она вступит в бой под командованием Папи.

С военной точки зрения все это было абсолютно верно. У симба фактически не было никаких постоянных воинских частей — группы повстанцев действовали без координации друг с другом, не умели окапываться и бежали при первом же массированном огне противника, даже из стрелкового оружия.

Но необходимо было получить «добро» Кабилы, которого Че прождал целых шесть недель. Он пытался отучить африканцев от привычной лени хотя бы марш-бросками по пересеченной местности, но те только посмеивались над странным чужеземцем — что ему, гор на родине не хватало?

В джунглях Конго Че часто уединялся и очень много читал. Иногда боевые товарищи смотрели на него косо — отрывается от коллектива. Че постоянно просил, чтобы с Кубы ему присылали все новые и новые книги. В его списках пожеланий были «Трагедии» Эсхила, «Драмы и трагедии» Софокла, «Драмы и трагедии» Еврипида, «Комедии» Аристофана, «История» Геродота, «Диалоги» Платона, «Политика» Аристотеля, «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете, собрание сочинений Шекспира, учебник «Аналитическая геометрия».

По крайней мере раз в месяц Че отсылал письма жене, передавая их с очередной оказией. Первое письмо из Конго начиналось так:

«Моя единственная в мире

(я позаимствовал эту фразу у старика Хикмета*)!

Что за чудеса ты проделываешь с моей бедной телесной оболочкой? Я... мечтаю об уединенном месте, где ты приласкаешь меня, о твоем запахе и о твоей грубоватой деревенской нежности...»[438]

Алейда в ответных письмах постоянно просила разрешения приехать к мужу. Че отказывал с резковатой, но на самом деле пронзительной и нежной иронией: «Не пытайся шантажировать меня. Тебе нельзя приезжать ни сейчас, ни даже через три месяца. Может, через год все и изменится, и тогда посмотрим. Все это надо тщательно продумать. Главное в том, что, если ты приедешь, ты не должна быть просто "милой женушкой", но бойцом. А для этого ты должна готовиться, по крайней мере, учи французский...»[439]

Пока Че заполнял вынужденное безделье чтением, его кубинские товарищи начали роптать.

---

* Турецкий поэт, общественный деятель и коммунист Назым Хикмет (1902—1963) был одним из самых любимых авторов Че.

Некоторых расстраивала однообразная пища — мясо и маниок. С местными менялись сигаретами, те постоянно предлагали трофейный виски. Вместо «кубинизации» конголезцев грозила «конголизация» кубинцев. Некоторые были возмущены излишней строгостью командира — Че категорически запретил алкоголь и общество местных женщин. Точнее, согласно его приказу, любые половые отношения с африканками были возможны лишь в одном случае — если кубинец женился и давал обещание взять женщину с собой на Кубу.

В этом приказе отразилось не только свойственное Че уважительное отношение к женщинам, которых настоящий мужчина не должен использовать и бросать. Че стремился противопоставить кубинских интернационалистов белым наемникам Хоара, не считавшим африканцев полноценными людьми. Конголезцы после ужасных событий на их родине начиная с 1960 года, естественно, ненавидели белых и вообще иностранцев, которые несли им смерть и унижение. Поэтому поначалу и на кубинцев смотрели настороженно.

Понятно, что Че хотел завоевать доверие местных жителей. Он учил суахили, чтобы говорить с местными крестьянами без переводчика (французский те знали очень плохо). Но быстро выяснилось, что и суахили считается местными ненавистным языком колонизаторов — только в данном случае арабских. Даже языков соседних племен никто не знал, что уж говорить о суахили.

Кубинцев сильно расстраивали дикие предрассудки местного населения. Например, окапываться партизаны не желали потому, что натирали себя соком местных растений («дава») и искренне верили, что он предохраняет от пуль. Соответственно, все павшие от пуль были просто не верующие в магическую силу «дава». Партизан соком натирали дети, чья невинность была залогом успеха всего обряда.

Исходя из веры в магию «дава», тактика бойцов симба была простой. Партизаны, вооруженные палками, копьями и камнями, с криками наступали толпой на позиции правительственных войск. Надежда была только на то, что те поверят в неуязвимость симба и отступят. Понятно, что наемники Хоара лишь посмеивались над наивностью своих врагов.

Че возмущало и то, что партизаны грабили и издевались над мирным населением. Народная армия, по словам Че, превратилась в «армию паразитов», и крестьянам было уже

все равно, кто победит в этой войне. Лишь бы она поскорее закончилась.

Постепенно под командованием Че собрались 120 отлично вооруженных кубинцев, и он уже был готов изменить миссию отряда — отказаться от роли инструкторов и вступить в бой даже без помощи африканцев. В случае успеха кубинцев повстанцам все равно пришлось бы принять участие в сражениях.

Кабилу все это не радовало, и в Конго он не торопился, предпочитая танзанийскую столицу. Офицером связи при Че Кабила назначил Леонардо Митудиди, который прибыл в Конго 8 мая.

Через две недели был получен приказ Кабилы: взять штурмом город Альбервиль, который защищал хорошо вооруженный контингент белых наемников и армии Чомбе, и лобовая атака была бы чистой воды самоубийством. Че прямо назвал приказ «абсурдным». Надо было сначала провести разведку местности, подтянуть дополнительные силы и отрезать город от снабжения. Митудиди согласился, но 7 июня этот человек, с которым Че удалось наладить неплохой контакт, как-то странно утонул при переправе через озеро Танганьика.

17 июня поступил новый приказ Кабилы: атаковать город Фрон-де-Форс (или Форт Бендера). Это был самый сильно укрепленный гарнизон правительственных войск на юго-востоке Конго. Че был против такого приказа — ведь из-за сопротивления Кабилы так и не удалось создать и обучить крупные тактические группы повстанцев, способные на скоординированные действия в серьезном бою.

Тату считал, что повстанцам надо повторить успех кубинских партизан 1958 года. А именно — укрепиться в горах, дать противнику атаковать на невыгодной для него местности, измотать его силы в обороне и перейти в контрнаступление. Чтобы поднять боевой дух бойцов перед этим решающим сражением, Че предложил (опять-таки на основе опыта Сьерра-Маэстры) организовать несколько засад против небольших групп врага, причем только в тех случаях, когда успех можно было считать гарантированным.

Однако конголезские повстанцы все еще считали себя настоящей армией и к партизанской тактике относились снисходительно. Они хотели обязательно взять крупный город (предпочтительно Альбервиль), чтобы разместить там свое правительство. Че был не против, но по-прежнему считал лобовую атаку безумством. Надо было постепенно

стягивать вокруг города кольцо, чтобы выдавить противника — только такая тактика, по мнению Че, сулила успех.

Однако конголезцы явно желали продемонстрировать кубинцам, на что они способны. Кабила вновь требовал взять хотя бы Фрон-де-Форс. Че пришлось подчиниться, чтобы не выглядеть трусом в глазах африканцев. 20 июня 1965 года отряд в составе сорока четырех кубинцев и 160 конголезцев и руандийцев-тутси без предварительной разведки двинулся к Фрон-де-Форс. Кабила настоял на том, чтобы Че не принимал участия в бою — он боялся ответственности за гибель такого известного человека.

Фрон-де-Форс (находившийся рядом с важной гидроэлектростанцией) обороняли как минимум 450 (возможно и 700) наемников и бойцов Чомбе. 29 июня в 5 часов утра повстанцы начали атаку, открыв огонь из автоматов, пулеметов, минометов и зенитных пушек. Гарнизон начал столь же активно стрелять в ответ, и обе стороны продолжали огневой бой примерно два часа. Африканцы не выдержали и стали отступать, оставляя на произвол судьбы раненых, чем сильно возмутили кубинцев. Кубинцы держались стойко, но их было мало, для того чтобы взять город. Пришлось отступить. В бою погибли четыре кубинца и 14 руандийцев (воевавших лучше конголезцев).

В рюкзаке одного из убитых кубинцев наемники обнаружили дневник и кубинский паспорт, и 6 июля 1965 года посольство США в Леопольдвиле сообщило об этой находке в Вашингтон. Но там решили, что речь, возможно, идет о нескольких кубинцах, а не о каком-то крупном подразделении. В любом случае большого значения этому не придали. Однако о присутствии кубинцев в Конго сообщили газеты в Дар-эс-Саламе, что вызвало тревогу Ньерере — он опасался санкций Запада.

Американцев же в то время в основном волновали трения между президентом Касавубу и премьером Чомбе, угрожавшие серьезной дестабилизацией прозападного режима[440].

Поражение под Фрон-де-Форс стало не единственной неудачей миссии Че в июне 1965 года. Гораздо хуже были события в Алжире, где 19 июня 1965 года в результате военного переворота был свергнут друг Че президент Ахмед бен Белла — главный спонсор операции в Конго*. Новым

* До 1982 года Ахмед бен Белла находился под домашним арестом, после чего ему разрешили выехать в Швейцарию. Лишь в 1990 году ему разрешили вернуться на родину.

президентом Алжира стал бывший министр обороны Хуари Бумедьен, с которым Че тоже встречался. Формально Алжир сохранил социалистическую ориентацию, но Бумедьен взял курс на нормализацию отношений с Западом и решил свернуть всю операцию в Конго. Для Че это был очень тяжелый удар.

Но и это было еще не все. От прибывшего из Гаваны Османи Сьенфуэгоса Че узнал, что в далекой Аргентине умирает его мать. Последнее письмо от Эрнесто Селия получила в марте 1965 года — оно было отправлено из Парижа. Сын сообщал матери, что готовится уйти в отставку со всех постов и поработать на уборке сахарного тростника. Потом лет пять он хотел трудиться на фабрике. Че просил мать пока не приезжать на Кубу, и Селия восприняла это как тревожный сигнал — может, ее сын попал в опалу, может, у него трудности? Она написала сыну, чтобы он выбросил эту дурь из головы и продолжал строить социализм — ведь она еще надеется увидеть, как социализм победит во всем мире. А если уж на Кубе что-то стряслось, то мать советовала сыну ехать в Алжир к другу бен Белле или в Гану и помочь наладить экономику в этих странах.

Перед отъездом с Кубы Че написал родителям прощальное письмо, но оно достигло Буэнос-Айреса только в октябре 1965 года:

«Дорогие старики,

я еще раз ощущаю своими пятками ребра Росинанта, снова пускаюсь в путь со своим щитом на руке. Почти десять лет назад я написал вам другое прощальное письмо. Помнится, я жаловался тогда на то, что не стал ни лучшим солдатом, ни лучшим врачом; последнее уже меня не волнует, а солдат я не такой уж плохой.

По сути ничего не изменилось, кроме того, что я стал куда более сознательным, мой марксизм укоренился и очистился. Я верю в вооруженную борьбу как единственное решение для народов, борющихся за свое освобождение, и действую соответственно своим убеждениям. Многие назовут меня авантюристом, им я и являюсь, только авантюристом особого типа — и из тех, кто ставит на кон свою шкуру, чтобы утвердить то, во что верят...

Я очень любил вас, только не умел выразить свою нежность...

Вас крепко обнимает блудный и нераскаившийся сын

Эрнесто».

Узнав о смерти матери (Селии было 58 лет), на людях Че не подал вида, но вечером в его дневнике появились следу-

ющие строки: «Вестник смерти уже ушел... Ждать больше мне ничего не оставалось. Как только новость станет реальностью, мне придется решить, есть ли у меня право показать свой траур или нет. Я склонялся к ответу "нет"...»[441] Че с опозданием узнал причину и дату смерти: его мать умерла от рака 18 мая 1965 года. В Конго Че взял с собой брелок с камнем, подарок любимой «старушки», которую увидеть ему уже было не суждено.

Че излил все свое страшное горе (мать до конца жизни была его самым лучшим другом) в рассказе «Камень». Там он молил о «физической потребности видеть маму, чтобы я мог преклонить свою голову на ее дорогие колени. Мне надо услышать, как она зовет меня своим дорогим "стариком" с такой нежностью, почувствовать ее неловкую руку в своих волосах, успокаивающую меня... как бродячую собаку, ощущать струящуюся из ее глаз нежность, слышать ее голос... Нет нужды просить у нее прощения. Она все понимает...»[442].

Однако открытый траур, думал Че, был бы все же неуместен, так как неудача у Фрон-де-Форса и так негативно сказалась на боевом духе кубинских интернационалистов. Некоторые кубинцы, возмущенные поведением африканцев в бою, стали подумывать о возвращении домой.

Через неделю на фронте наконец-то появился Кабила. Че предложил взять командование всеми силами в свои руки, но тот воспротивился, опять включив старую пластинку о невозможности для такого выдающегося революционера, как Че, рисковать собственной жизнью. Че довольно резко ответил, что вполне способен сам о себе позаботиться, но Кабила был непреклонен. Кубинцы подозревали, что он просто не хочет выпускать командование из своих рук.

Лучше складывались у Че отношения с Ильдефонсом Масенго, назначенным командующим фронтом в Восточном Конго. Масенго согласился с предложением Че о формировании смешанных кубинско-конголезских боевых групп, которые должны были действовать путем организации засад в тылу врага.

17 июля группа Тамайо (50 бойцов) устроила засаду на заранее изученной местности. По образцу Сьерра-Маэстры повстанцы с трех сторон атаковали армейский грузовик, заранее подорвав в тылу мост, чтобы исключить прибытие подкреплений. Как и предсказывал Че, бой закончился полным успехом — были убиты пять солдат противника, собственных потерь удалось избежать. Правда, поведение

африканцев в бою опять оставляло желать лучшего. Как только началась перестрелка, некоторые руандийцы сбежали, но потом как ни в чем не бывало появились вновь, чтобы разделить трофеи — ящики с пивом и виски.

В августе без всякой санкции Кабилы Че решил лично вступить в бой. Его присутствие действительно сильно подняло боевой дух бойцов. Когда Виктор Дреке все же хотел не пустить Че в бой (Фидель поручил ему отвечать за жизнь Че), Тату осадил его: «Я тут командую!»

В воскресенье 11 сентября 1965 года в тщательно подготовленную кубинцами засаду угодила автоколонна противника. Один из руандийцев подбил из РПГ головной автомобиль, следовавшая за ним машина с солдатами была атакована с фланга. Конголезцы, правда, опять куда-то делись, но кубинцы и руандийцы одержали полную победу. Были захвачены шесть единиц оружия, боеприпасы и документы.

Бой произвел сильное впечатление на наемников Бешеного Майка — еще никогда повстанцы не сражались так умело. В ЦРУ впервые поверили в сообщения, что на стороне повстанцев сражается достаточно большая группа кубинцев. Через десять дней после боя посол США в Конго Макматри Годли сообщил в Вашингтон: «...то, что мы увидели, скорее всего, является первым эффектом присутствия наемников-коммунистов в виде хорошо организованных засад в районах, далеких от зон концентрации повстанцев»[443].

Курсировавший недалеко от танзанийских берегов американский разведывательный корабль «Рядовой Хосе Вальдес» засек оживленный радиообмен между Дар-эс-Саламом и Гаваной. ЦРУ пришло к выводу, что в Конго находятся примерно 160 кубинцев.

Поначалу у кубинского посольства в Дар-эс-Саламе не было прямой радиосвязи с Гаваной. Сообщения передавали либо курьером, либо в зашифрованном виде обычным телеграфом. У самого Че также радиосвязь с посольством отсутствовала — приходилось также полагаться на курьеров. Только 27 августа 1965 года из Гаваны через Москву* в Танзанию вылетел самолет с радиооборудованием, которое предполагалось передать Че. 7 сентября самолет приземлился в Дар-эс-Саламе, и вскоре Че уже имел свой передат-

---

* Оборудование не было задекларировано и вызвало подозрения советских таможенников. Помогло лишь то, что самолет сопровождал заместитель министра внутренних дел Кубы.

чик. Он с горечью сказал кубинцу, монтировавшему станцию, что тот — первый эффективный человек, которого он видел на протяжении месяцев. С 22 октября по 20 ноября отряд Че отправил в Гавану 110 шифрованных сообщений и получил 60 ответных. Этот радиообмен и засек американский корабль.

Американцы приказали Хоару немедленно начать решающее наступление на повстанцев, пока кубинцев не стало больше. ЦРУ, как и раньше, обеспечивало поддержку с воздуха и с катеров на озере Танганьика (их осенью 1965 года было уже шесть). Посол США в Леопольдвиле так анализировал создавшееся положение: «Если конголезские повстанцы укрепятся, то они, вероятно, смогут создать что-то подобное "освобожденному району", так милому сердцам китайских и кубинских теоретиков»[444].

5 октября 1965 года, узнав, что за его спиной Сумиало просил Фиделя о финансовой помощи, Че написал кубинскому лидеру письмо с весьма нелестными характеристиками политических лидеров конголезских повстанцев.

Фидель уже не мог долго хранить молчание по поводу такого странного и длительного отсутствия Че на Кубе. В конце апреля 1965 года он был еще осторожен: «Единственное, что я могу сказать вам, что команданте Гевара всегда будет там, где он может лучше всего служить революции. Я думаю, что его поездка в Африку была очень полезной. Он был также с нашей делегацией в Китае. Он человек многосторонний и очень талантливый. Один из самых совершенных вождей»[445].

Но к осени слухи о том, что случилось с Че, стали уже серьезно влиять на политическую ситуацию на Кубе. Американцы распространяли сплетни об ожесточенной борьбе в кубинском руководстве, жертвой которой и стал Эрнесто Гевара. Че «помещали» то в тюрьму, то в психушку.

Поражение повстанцев у Фрон-де-Форса встревожило Фиделя — он опасался за жизнь своего соратника. Одно из писем Че (грустное по тону) так напугало Фиделя, что он решил послать в Конго Эмилио Арагонеса. В конце августа к Че прибыли из Гаваны Арагонес и Оскар Фернандес Мель*. Они должны были составить представление о ситуации и выработать рекомендации для кубинского руководства.

---

* Фернандес Мель на тот момент был начальником штаба западной группировки кубинских вооруженных сил в Пинар-дель-Рио, которой до отъезда командовал Че.

Увидев Арагонеса, одного из высших руководителей Кубы, Че и сам испугался — он решил, что Фидель передал с ним приказ вернуться на Кубу. Но Арагонес успокоил друга — он сам напросился к Че в Конго, чтобы помочь. Фидель через Арагонеса сообщал, что Куба готова оказать Че и его отряду любое содействие. Че присвоил Арагонесу псевдоним Тембо («Слон» на суахили). Обоим кубинцам пришлось выдавать себя за врачей — симба не хотели видеть никаких белых, кроме докторов. Кстати, сам Че оказывал местному населению медицинскую помощь.

Тем временем Фидель прислал 250 кубинцев в Браззавиль, которому угрожало вторжение армии Чомбе. Помимо этого, кубинцы должны были помочь МПЛА в борьбе против португальцев в Анголе.

3 октября 1965 года на учредительном съезде компартии Кубы Фидель зачитал прощальное послание Че, в котором тот сообщал, что отказывается от всех постов на Кубе и от кубинского гражданства, потому что революционный долг зовет его в другие уголки планеты.

Кубинские коммунисты и весь мир с волнением слушали прощание революционера с его второй родиной:

«Я чувствую, что выполнил ту часть долга, которая связывала меня с Кубинской революцией... и прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим... Другие земли требуют той скромной помощи, которую я могу оказать. Я могу сделать то, в чем отказано тебе — твоей ответственностью лидера Кубы — и поэтому пришел час расставания... Еще раз повторяю, что освобождаю Кубу от какой бы то ни было ответственности, кроме той, которая вытекает из ее примера, что если последний час придет ко мне под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и особо — о тебе... Мне много есть что сказать тебе и нашему народу, но чувствую, что это не столь уж необходимо: слова не могут выразить все то, что я хотел бы, и не стоит зря марать листы.

Навсегда до победы! Родина или смерть!

Тебя обнимает с революционной одержимостью *Че*»[446].

В тот день (прямой радиосвязи с Че еще не было) Фидель считал, что дела у его друга в Конго идут неплохо и Че останется в этой стране надолго, как и планировал.

Наемники Хоара при поддержке американцев с воздуха в начале октября начали наступление на район Физи-Барака, где укрепились повстанцы и отряд Че. Именно американцы, проведя воздушную разведку, сообщили Хоару точ-

ное расположение базового лагеря повстанцев. В Альбервиль прибыли советники ЦРУ для разработки плана решающей наступательной операции. Было решено ударить не только с фронта, но и с тыла, используя катера ЦРУ для десантных операций на озере Танганьика. Все должно было закончиться окружением и разгромом всех основных сил симба.

Одновременно госдепартамент стал активно давить на Ньерере, угрожая «последствиями», если помощь конголезским партизанам не прекратится. Усилия американской дипломатии принесли свои результаты. 13 октября 1965 года на саммите Организации африканского единства (ОАЕ) правительство Леопольдвиля было признано всеми африканскими странами как единственно законное в Конго. В этот же день под давлением американцев президент Конго Касавубу отправил в отставку одиозного Чомбе, на чьих руках была кровь Лумумбы. ОАЕ потребовала в ответ вывод всех иностранных военных из Конго.

1 ноября Ньерере официально попросил кубинцев покинуть территорию Танзании.

Начавшееся наступление Хоара натолкнулось на неожиданно упорное сопротивление, несмотря на бомбежки с воздуха, ранее так пугавшие симба.

28 сентября 1965 года президент Джонсон прочел в ежедневной разведсводке ЦРУ: «Наемники полковника Хоара встретили первое сопротивление в своей... операции по ликвидации последнего очага повстанцев в Восточном Конго. Хоар считает, что темпы его продвижения будут медленнее, чем при взятии Стэнливиля прошлой осенью, прежде всего, из-за сложного рельефа местности и более ожесточенного сопротивления иностранных военных специалистов...»[447]

Однако наемники Хоара все же неуклонно продвигались вперед, и уже к 10 октября Че понял, что удержать плацдарм на западном берегу озера наличными силами одних только кубинцев не удастся. Тем более что люди Бешеного Майка почти полностью отрезали позиции кубинцев в горах от берега озера. И каждый день кольцо окружения грозило замкнуться.

24 октября при поддержке артиллерии и авиации наемники Хоара начали наступление на кубинский лагерь. Конголезцы бежали уже при звуках артиллерийских разрывов. Но Че принял решение держаться, нанести противнику максимально возможный урон и перейти на территории Конго к маневренной партизанской войне.

Че так описал в своем дневнике октябрь 1965 года: «Полностью катастрофический месяц... Но все можно было бы решить, если бы не тотальная деморализация конголезцев. Почти все командиры сбежали... Но и настроение кубинцев — не многим лучше. Все они винят не себя, а конголезцев. К моим личным ошибкам в ключевых ситуациях добавляются большие недостатки кубинских бойцов...»[448]

Правда, дезертирство конголезских командиров привело к тому, что Че наконец-то назначили командующим оборонительным районом — последним очагом сопротивления повстанцев на западном берегу озера Танганьика. Помимо двух сотен бойцов Че располагал батареей 82-миллиметровых минометов, двумя 75-миллиметровыми безоткатными орудиями и десятью крупнокалиберными зенитными пулеметами калибром 12,7 миллиметра.

Дреке умолял Че отойти — ведь наемники Хоара могли взять его живым. Тут вмешался Фидель, который передал Че 4 ноября следующее послание:

«1. Мы должны делать все, что в наших силах, но только не глупости.

2. Если наше присутствие, по мнению Тату, больше ничем не оправдано или бессмысленно, мы должны рассмотреть возможность отступления.

3. Если вы считаете лучшим вариантом остаться, то мы пришлем столько людей и снаряжения, сколько вам нужно.

4. Мы опасаемся: вы неправильно предполагаете, что вашу позицию расценят как пораженческую и пессимистическую.

5. Если вы решите закончить свою миссию, то Тату может сохранить свой статус [на Кубе] и либо вернуться сюда, либо отправиться куда-либо еще.

6. Мы поддержим любое решение, которое вы примете.

7. Избегайте уничтожения!»[449]

Че с его высокими понятиями о чести отказывался покинуть поле боя и отдать «наших конголезских братьев на произвол наемников... Мы откажемся от борьбы только тогда, когда нас об этом с весомыми доводами попросят сами конголезцы, но мы будем сражаться дальше, чтобы этого не случилось»[450].

Кубинцы устроили в горах солидную линию обороны, и Че был уверен, что они смогут ее удержать. Однако 17 ноября враг смог прорвать внешний периметр оборонительной позиции — кубинцев было слишком мало. Примерно в это же время поступило официальное обращение (документ на

бумаге, на котором, как на условии отхода, настаивал Че) от заместителя Кабилы Масенго с просьбой к кубинцам покинуть Конго. И тем не менее Че отказался — он готовился к прорыву вражеского кольца и к маневренной войне в тылу Хоара. Однако сами кубинцы все же уговорили его начать отступление, тем более что конголезцы не хотели сражаться за свою же родину.

18 ноября было принято решение об отходе. Че настоял, чтобы сначала через озеро в Танзанию переправили женщин и детей, которые в ужасе толпились на берегу. Только потом, последними, должны были следовать кубинцы. Сам Че все еще хотел остаться с двадцатью или даже с пятью добровольцами в Конго и начать партизанскую войну. Но тут выяснилось, что никто не хочет сопровождать своего командира: «Я был намерен эвакуировать больных, слабых и всех, у кого была "дрожь в коленях", и продолжать борьбу с маленькой группой. С прицелом на это я провел маленький "тест на решимость" среди моих боевых товарищей, который дал обескураживающий результат. Почти никто не изъявил готовности продолжать борьбу...»[451]

19 ноября была сожжена хижина Че, служившая ему домом на протяжении семи месяцев. Тату сам лично проследил за уничтожением всех документов. Тяжелое вооружение спрятали. Отряд Че должен был переправиться через озеро в ночь на 20 ноября. Перед отбытием из Конго Че записал в дневнике: «Остаться в Конго не представляло для меня никакой жертвы, ни на год, ни на пять лет, которыми я стращал своих людей. Это было частью идеи революционной борьбы, которая засела в моей голове. Реалистически я мог бы рассчитывать на шесть—восемь человек, которые последовали бы за мной без хмурой мины; остальные сделали бы это из чувства долга, часть — из-за долга лично передо мной, другие — из-за чувства долга перед революцией. И мне пришлось бы жертвовать людьми, которые остались бы со мной без всякого воодушевления...»[452]

Утром 21 ноября 1965 года кубинцы на трех лодках переправились на танзанийский берег. Че попросил своих товарищей почтить память павших и выразил уверенность, что, если вновь настанет время для интернациональной миссии, он сможет на них рассчитывать.

После церемонии прощания с боевыми товарищами Че отправился в Дар-эс-Салам, где ему отвели квартиру на верхнем этаже кубинского посольства. Там он начал приводить в порядок свои дневниковые записи о Конго, назвав

всю операцию с присущей ему самокритикой «историей провала». Позднее, правда, Че скорректировал эту оценку, говоря об «истории разложения».

Подводя уроки, Че по-прежнему считал свою теорию партизанской войны правильной. Поражение в Конго было обусловлено, с его точки зрения, как раз тем, что лидеры конголезских повстанцев не дали ему применить эту теорию на практике. А единственный раз, когда он сам принял командование — 11 сентября 1965 года, — бой был выигран.

Че, естественно, не мог обойтись в своем анализе без самооценки: «В этих отношениях (с конголезскими лидерами. — *Н. П.*) я проявлял непоследовательность; долгое время мою позицию можно было определить как чрезмерно снисходительную, а временами я позволял себе вспышки ярости, которые обижали людей; может быть, речь идет о врожденных свойствах моего характера... Единственный сектор, с которым мне бесспорно удавалось поддерживать правильные отношения, — это крестьяне, потому что я более привычен к политическому языку, к прямым объяснениям, к воздействию личным примером...

Что до отношений с нашими людьми [кубинцами], думаю, что с точки зрения физического и бытового самопожертвования ничто не может быть вменено мне в вину. Правда, в Конго я не смог не поддаться двум своим слабостям — курению (курева мне почти всегда хватало) и чтению (читал я здесь очень много)... Но что я уединялся, оставаясь в стороне от повседневного быта отряда, вело к отдалению от товарищей, не говоря уже о том, что есть в моем характере черты, которые затрудняют близкие отношения с другими. Я бывал резок, но думаю, что не чрезмерно, не допускал несправедливости... Вначале я пытался применять моральное принуждение и потерпел неудачу. Я пробовал действовать так, чтобы люди целиком разделяли мой собственный взгляд на происходящее, и тоже потерпел неудачу; я оказался не подготовленным к тому, чтобы смотреть с оптимизмом в будущее, которое надо было провидеть сквозь такой мрачный туман, который окружает нас сегодня. У меня не хватило мужества призвать людей к максимальному самопожертвованию в решающий момент. Речь идет о внутреннем, психологическом барьере. Для меня было очень легко остаться в Конго: с точки зрения самолюбия бойца — это было то, что надо было сделать. Как отразится такое решение на моей будущей деятельности — даже если бы все

закончилось не лучшим образом, — мне в тот момент было безразлично. Но когда я взвешивал это решение, против [меня] как раз и работало осознание того, насколько легко было выбрать самопожертвование мне лично. Сегодня я считаю, что должен был преодолеть в себе тяжесть подобных "самокритических" сомнений и доказать хотя бы части бойцов необходимость этого заключительного сражения; пусть бы нас было мало, но мы должны были остаться»[453].

Как и многое из того, что Че совершил в своей жизни, его миссия в Конго увенчалась успехом уже после его смерти. В 1996 году не прекращавший борьбы против прозападного режима Мобуту Кабила повел своих бойцов в крупномасштабное наступление, и в мае 1997 года Мобуту бежал из страны. Вступив в Киншасу 20 мая 1997 года, Кабила провозгласил себя президентом республики, которую вновь переименовал из Заира в Демократическую Республику Конго (ДРК) и вернул отмененные Мобуту государственные символы времен Лумумбы. Че, стоявший у истоков этого триумфа, примерно в это же время нашел свое последнее земное пристанище в Санта-Кларе, городе его воинской и человеческой славы.

То, что Че с лета 1964 года обратил особое внимание на Конго, вовсе не означало, что он отложил в долгий ящик свой главный революционный проект — организацию партизанского очага в Южной Америке с опорой на Боливию.

И главный вывод, который Че извлек из поражения в Конго, был следующим — отныне он с самого начала возьмет все командование и всю ответственность за партизанскую войну на себя и не позволит никому вмешиваться в его решения.

Глава восьмая

ГИБЕЛЬ И БЕССМЕРТИЕ. ПРАГА, КУБА, БОЛИВИЯ (1965—...)

Раз в жизни был рад я безмерно,
Как в час настоящей удачи,
Когда приговор мой смертный
Объявил мне тюремщик, плача.
Хосе Марти

В начале 1963 года сбылась давняя мечта Тамары Бунке — «Таня» стала сотрудницей кубинской разведки. Красная Борода поручил ее подготовку темнокожему красавцу Улисесу Эстраде. Молодые люди полюбили друг друга, в чем Эстрада сознался своему шефу. Был получен мощный нагоняй за нарушение правил агентурной работы, но мешать счастливым любовникам не стали — они договорились пожениться после выполнения Таней ответственного задания в рамках операции, позднее получившей название «Призрак».

Хорошо, что о связи Улисеса с Таней не знал Че — Эстрада был женат и имел двоих детей. Таких вещей Че никому не прощал, а ведь именно он рекомендовал Таню Красной Бороде. Заметим, что Че поручил Пинейро посмотреть еще на двух аргентинок, живших в Гаване[454]. Выбрали Тамару — во многом благодаря ее твердой политической позиции, искренней преданности идеалам социализма.

Но сначала Тамаре пришлось сменить отличную четырехкомнатную квартиру в Гаване на более неприметное жилье и существенно ограничить контакты с привычными знакомыми. Таким образом, оставаясь на Кубе, она постепенно «уходила» из страны в никуда, действительно превращаясь в призрак.

Целыми днями Тамара занималась военной, диверсионной и разведывательной подготовкой. Стреляла она и так хорошо, но вот с метанием гранат поначалу не ладилось — девушка нервничала. Но потом освоила и это «ремесло», причем познакомилась как с американской взрывчаткой (захваченной у агентов ЦРУ), так и с советской. Затем последовали уроки радиоподготовки (также на американских и советских передатчиках), тайнописи, шифрования, устрой-

ства «мертвых почтовых ящиков», методики проведения конспиративных встреч. Училась Тамара превосходно — она жаждала как можно скорее приступить к реальной подпольной работе. Единственным замечанием инструкторов было требование сменить стиль одежды на улице — вместо формы народной милиции девушка должна была привыкать к «буржуазным» нарядам. Доброй и темпераментной Тане надлежало также научиться говорить холодно и чуть отстраненно, как это и положено избалованной дочке богатых родителей, привыкшей общаться с прислугой.

Что касается родителей настоящих (живших в ГДР), то они в октябре 1963 года получили от дочери немного странное письмо: «В настоящий момент я выполняю специальную [конфиденциальную] работу...»[455]

Сильной стороной будущего нелегала (а именно к этой роли готовили Тамару) было ее умение быстро сходиться с незнакомыми людьми и получать от них информацию. Конечно, немаловажную роль при этом играли женские чары этой красивой и умной девушки.

В качестве экзамена после окончания курса подготовки Тане поручили нелегально под видом туристки обосноваться в городе Сьенфуэгосе, завязать там контакты и получить ценную для иностранного шпиона информацию. Все это было выполнено блестяще. Конфуз, хотя и не по вине разведчицы, произошел с самой ответственной частью операции. На пляже в условленном месте она должна была взять бомбу и заложить ее на территории старой фабрики. Но на пляже бомбы не оказалось. Когда Улисес вез ее на катере, неожиданно вспыхнул пожар, и бомбу пришлось выбросить за борт.

По легенде Тамара стала итальянкой с немецкими корнями (из Южного Тироля) Виторией Панчини. Ее «родители» — итальянские фашисты, сбежали в 1944 году в Уругвай, и оттуда их дочка вернулась на родину, чтобы изучать этнографию.

Как обычно, легенду решили «обкатать» из Праги. Перед отъездом Таню, как и всех кубинских нелегалов, сфотографировали на память (в ее любимом революционном берете) и она встретилась с Че. Во время беседы она впервые узнала, что будет работать в Ла-Пасе в качестве эксперта по фольклору, что позволит свободно передвигаться по Боливии. Ее главной задачей будет организация сети поддержки будущего партизанского движения в боливийских городах. Пока же требовалось вживаться в роль богатой и незави-

симой дамы правых убеждений (на худой конец аполитичной) и устанавливать контакты среди «сливок» боливийского общества. Как только придет время, с ней свяжутся. Ни при каких обстоятельствах Тамаре не следовало самой искать контактов с кубинским посольством или с Гаваной. Запрещалось раскрывать свое истинное лицо местным коммунистам. Че настаивал на том, чтобы главной чертой Тани стало тотальное недоверие.

9 апреля 1964 года Тамара попрощалась с Улисесом* и вылетела в Прагу, получив на прощание от любимого два стихотворения: «Поэму об исполнении долга» и «Ты уходишь, а я остаюсь». В Прагу прибыла гражданка Кубы Айди Бидель Гонсалес — блондинка с высокой прической и холодными, недоступными чертами лица. В рамках акции «Мануэль» чехословацкая госбезопасность с помощью гримеров и иных специалистов превратила ее в брюнетку с мягкими, округлыми чертами лица — аргентинскую гражданку Марию Ириарте, учительницу гимнастики, разругавшуюся со своими богатыми родителями в Буэнос-Айресе.

Но пока предстояло проверить легенду и документы Витории Панчини. Из Праги Тамара выехала во Франкфурт-на-Майне, оттуда вылетела в Западный Берлин, где смогла увидеть дом своих родителей. Затем путь лежал назад во Франкфурт (Тамара сообщила на Кубу, что отметки в паспорта при перелетах в Западный Берлин из ФРГ не ставят**), дальше через Мюнхен и Инсбрук — на «родину», в Италию.

В Италии возникла проблема, с которой Тамаре приходилось потом постоянно сталкиваться и в Латинской Америке. Оказалось, что в романских странах одинокая молодая девушка сразу становилась объектом приставаний со стороны почти каждого мужчины. Тамаре пришлось закрутить романы с двумя молодыми итальянцами (не одновременно, конечно), чтобы остальные донжуаны оставили ее в покое. Разведчица обзавелась «семейными» фото, на которых родители ее «жениха», сами того не зная, превратились потом в родителей самой Витории Панчини.

---

* Он просился в Прагу как офицер-связник Тани, но Красная Борода опасался, что их роман может зайти слишком далеко — а беременность Тамары могла погубить всю операцию.

** Формально Западный Берлин в ФРГ не входил, но Западная Германия в нарушение международного права считала этот город своим.

Через две недели (начало мая 1964 года) Таня снова была в Праге, переехав потом на оперативную явку чехословацкой госбезопасности — одинокий крестьянский дом в 20 километрах от столицы. Там опять последовали дни напряженной подготовки — Тамара установила себе жесткий режим (подъем в 7.30), а в свободное время писала любимому нежные письма. Ее инструктором был офицер кубинской разведки Хосе Гомес Абад (Диосдадо), называвший подопечную «моей маленькой монашкой».

Пришлось привыкать и к новой легенде, которую решили сделать более правдоподобной, позаимствовав часть реальной биографии Тамары Бунке. Аргентинка Лаура Гутьеррес Бауэр, как и сама Тамара, происходила из немецко-еврейской, но некоммунистической семьи. Ее «отец», бизнесмен, вернулся на родину в ФРГ в 1952 году, там умерла любимая «мама». Тиран-«папа» хотел насильно выдать Лауру замуж, и она ушла из семьи, чем и объяснялось бы ее нежелание говорить о родных и вообще о прошлом. Теперь Лаура зарабатывала на жизнь переводами и училась на этнографа.

В августе 1964 года Лаура (брюнетка с высокой прической) выехала из Праги опять во Франкфурт и в Западный Берлин. Оттуда она пару раз позвонила родителям, не сказав ни слова, где находится. Изготовленный чехами аргентинский паспорт (с «неправильными» отпечатками пальцев) благополучно выдержал все испытания при пограничном контроле, и в октябре 1964 года можно было приступить к выполнению главного задания.

3 октября 1964 года Таня показалась Диосдадо молчаливой и сосредоточенной — она готовила себя психологически к месяцам (а может, и годам?) жизни во враждебном окружении, без друзей и товарищей по борьбе[456]. В этот день она поездом выехала в Вену (столицу нейтральной Австрии), затем в Мюнхен и, наконец, в Париж. Во французской столице, как обычно кишащей туристами из разных стран, Таня завела несколько шапочных знакомств с женщинами примерно ее возраста. Это позволяло потом обмениваться открытками и таким образом подкрепляло легенду о самостоятельной девушке-путешественнице из богатой семьи. Из Парижа на самолете Таня-Лаура вылетела в Перу, куда и прибыла 5 ноября 1964 года.

В Перу Таня узнала неприятные новости из Боливии. 5 ноября «Правда» сообщила о них и советским читателям — «Свергнут президент Боливии».

3 ноября 1964 года гарнизон 7-й дивизии в городе Кочабамба, который поддержали другие воинские части, выступил против правительства Пас Эстенссоро, державшегося у власти с момента победы революции в 1952 году. В тот же день под давлением военных Пас Эстенссоро вылетел в Перу.

Во главе мятежа стоял командующий ВВС генерал Рене Баррьентос Ортуньо — личность довольно колоритная и с весьма запутанной политической биографией.

Баррьентос родился в 1919 году в бедной крестьянской семье и был наполовину индейцем. После школы выучился на пилота — армия тогда была для крестьян-индейцев, пожалуй, единственным путем получения хорошего и бесплатного профессионального образования. Часть подготовки он прошел в США и Италии, зарекомендовав себя не только хорошим летчиком, но и неплохим десантником. В 1952 году молодой офицер поддержал революцию, способствуя переходу на сторону восставших важной военно-воздушной базы. Благодарный Пас Эстенссоро назначил Баррьентоса своим личным пилотом. Неудивительно, что поставивший на правильную политическую карту Баррьентос сделал быструю карьеру (побывав в том числе и военно-воздушным атташе в Лондоне).

В 1957 году Баррьентос был назначен главкомом ВВС, и Пас Эстенссоро ни на минуту не сомневался в лояльности «революционного генерала». А тот поражал общественность своей показной, безрассудной храбростью. Както раз во время показательных выступлений десантников погибло трое солдат, у которых не раскрылись парашюты. Толпа требовала наказать виновных. Баррьентос быстро взошел на борт самолета и прыгнул с одним из тех парашютов, которые до этого не раскрылись. Тем самым он доказал собравшейся толпе, что разбившиеся десантники были сами виноваты в своей гибели — они просто не имели достаточного навыка, а парашюты у них были в полном порядке.

Между тем некогда революционное правительство Пас Эстенссоро примирилось с Вашингтоном и погрязло в коррупции*. Популярность правящей партии НРД стремительно снижалась, недовольство народа росло, и президент (избранный в 1960 году на второй срок) решил вместо своих

---

* Молодой Эрнесто Гевара воочию наблюдал все это еще в 1953 году.

бывших союзников — горняков — опереться на воссозданную после революции армию. В 1964 году Пас Эстенссоро добился изменения конституции, «разрешив» самому себе баллотироваться и на третий срок (ранее это было запрещено). Это властолюбие вызвало законное возмущение в стране, причем среди всех слоев населения. Тем не менее в августе 1964 года Пас Эстенссоро благополучно (как ему казалось) избрался, причем вице-президентом стал Баррьентос.

29 октября 1964 года горняки объявили всеобщую забастовку, и бывший «революционер» Пас Эстенссоро поручил подавить ее Баррьентосу. Заодно армии поручили наконец-то разоружить милицию шахтеров, вооруженную с 1952 года. Пас обвинил в разжигании беспорядков коммунистов и демонстративно разорвал дипломатические отношения с... Чехословакией.

Баррьентос с шахтерами не церемонился. 29 октября 1964 года военные расстреляли демонстрацию в Оруро, но хитрый генерал выступил с осуждением действий военных[457]. 1 ноября под заголовком «Реакция свирепствует» «Правда» сообщала: «Стремясь подавить народное движение, власти Боливии прибегают к репрессиям. Во всех городах республики проводятся массовые аресты... Несмотря на жестокие меры правительства, продолжается забастовка 27 тысяч трудящихся, объявленная по призыву Федерации горняков». Разгромив шахтеров, Баррьентос вместе с командующим армией генералом Альфредо Овандо сверг самого Пас Эстенссоро.

Теперь страной управляла военная хунта (поддержанная США), что было, как считал ошибочно Че, на руку в его будущей операции «Призрак». Ранее Че рассматривал Боливию только как базу для развертывания партизанского движения в соседних с ней странах, прежде всего в Перу и Аргентине. Саму Боливию, относительно дружественную Кубе, трогать не собирались. Тем более что Че всегда помнил один из основных постулатов своей теории партизанской войны — она имеет шансы на успех только против одиозных, недемократических, репрессивных режимов. А ведь правительство НРД (пусть и насквозь коррумпированное) было все же демократически избранным.

Зато теперь ситуация, думал Че, изменилась в корне — к власти в Ла-Пасе путем военного переворота пришла классическая латиноамериканская военная диктатура «горилл», ненавидимая народом. Поэтому из базы южноамерикан-

ской революции в соседних странах Боливия должна была превратиться в центр начала этой самой революции, в очаг вооруженной общеконтинентальной партизанской борьбы.

Таня узнала в Перу, что граница с Боливией закрыта — это ставило под угрозу всю операцию внедрения. Однако быстро выяснилось, что переворот поддержали не только основные партии Боливии (от маоистов до крайне правых), но и Федерация горняков, возмущенная недавними репрессиями Паса Эстенссоро. «Народный» генерал Барриентос ездил по шахтам и уговаривал рабочих добровольно сдать оружие. Он обещал даже восстановить рабочий контроль на производстве. Главу военной хунты тепло приветствовали рабочие, даже троцкисты. Барриентос много говорил о защите завоеваний революции 1952 года и его режим явно сильно отличался от «классических» правых диктатур типа Сомосы или Трухильо.

Немудрено, что границы успокоившейся страны были быстро открыты, и Таня-Лаура въехала в Боливию, не заметив никого на пункте пограничного контроля. Ей с самого начала сопутствовала редкая удача. В Ла-Пасе, в Археологическом музее, Лаура познакомилась с художником Мойзесом Чили Барриентосом — кузеном главы хунты. Знакомый влюбился в симпатичную аргентинку без памяти, называя ее потом своей «самой большой любовью».

Кузен познакомил Лауру с Хулией Еленой Фортун, отвечавшей за этнографию и археологию в министерстве образования. Та была потрясена эрудицией аргентинки и сразу же предложила ей место в своем ведомстве*. Она же помогла добыть необходимое для этого рекомендательное письмо из аргентинского посольства в Боливии. Там на Лауру «положил глаз» секретарь посольства пятидесятилетний холостяк Рикардо Арсе. Он начал возить ее по вечеринкам светского общества и дипломатическим приемам, иногда представляя ее всем как свою жену. Тане-Лауре все это было очень неприятно, но надо было вживаться и делать это быстро — ведь команда от Че могла поступить в любую минуту.

Пока все шло как по маслу. Во время одного из приемов Арсе представил Лауру самому Барриентосу. Генерал был большим любителем прекрасного пола, пофлиртовал с

---

* Тамаре пришлось отказаться — ей надо было много ездить по стране, и офисная работа не годилась.

прекрасной аргентинкой и даже сфотографировался с ней. Такое фото могло открыть в Боливии все двери.

Елена Фортун помогла Тане-Лауре снять квартиру, и разведчица подружилась с соседкой — Аной Хенрих, секретарем в сенате республики, сторонницей правой партии «Фаланга», установившей тесные связи с военным режимом. Через нее, в свою очередь, возникло знакомство с известным адвокатом Баскопе Мендесом, который, сам того не ведая, помог Тане-Лауре окончательно легализоваться. Лаура заявила об утере своего (фальшивого) паспорта, и адвокат сходил вместе с ней в соответствующее ведомство, где ей выдали настоящее удостоверение личности. Начиная с 20 января 1965 года у нее был документ, позволявший жить в Боливии неопределенное время[458].

Чтобы оправдать свои траты (особенно будущие), Таня-Лаура давала богатым семьям уроки немецкого языка, что еще больше расширило круг ее контактов. Одновременно она как этнограф ездила по Боливии, записывая на магнитофон песни индейцев. Это позволяло объяснить наличие хорошей фото- и звукозаписывающей аппаратуры.

Таня-Лаура познакомилась с одним из американских профессоров в Боливии Альваро Крисченом, имевшим контакты с ФБР. Через него она узнала много полезного о связях Вашингтона с боливийской военной хунтой.

Итак, Тамара Бунке была готова к работе, но команды из Гаваны все не было.

А Боливия между тем, казалось, развивалась в выгодном для начала партизанской войны направлении.

Укрепившись у власти, хунта в феврале 1965 года запретила все забастовки. В мае из страны был выслан признанный лидер горняков Хуан Лечин, на что (как и рассчитывал Барриентос) шахтеры ответили 18 мая 1965 года всеобщей забастовкой. Хунта бросила против рабочих армию, поддержанную крестьянским ополчением. Барриентос позиционировал себя как «крестьянский генерал» и обещал деревне все мыслимые и немыслимые блага, прежде всего защиту завоеваний аграрной реформы. Профцентр горняков был запрещен и призвал из подполья к вооруженному восстанию против «военно-фашистского режима»[459]. Момент для начала партизанской войны был неплохой, но Че в это время находился в джунглях Конго и еще не знал, сколь долго он там задержится.

Пока же хунта с помощью обманутых крестьян быстро (к 25 мая 1965 года) подавила сопротивление горня-

ков. Шахтерские поселки были залиты кровью. В сентябре 1965 года был принят закон о государственной безопасности, а официальной идеологией был провозглашен надклассовый национализм, сильно смахивавший на нацизм. Армия торжественно подписала пакт с крестьянами, обещая помощь в развитии села. Военные стали строить дороги, облегчили процедуру выдачи документов на право владения землей, полученной по аграрной реформе. Крестьянским ополченцам выдали оружие.

Одинокая и красивая женщина в Боливии все же была подозрительной, и Таня в сентябре 1965 года вышла замуж за студента (будущего инженера) Марио Мартинеса, который был моложе ее на семь лет. Это был человек левых взглядов, причем тяготел не к маоизму (популярному тогда среди латиноамериканской городской молодежи), а к «московской», более умеренной линии.

В сентябре 1965 года Таня отправила на Кубу сигнал тревоги, и Пинейро направил на встречу с ней сотрудника разведки Карлоса Конрадо де Хесуса Альварадо Мартина под псевдонимом Мерси (прибыл в Ла-Пас 1 января 1966 года). Он должен был выяснить психологическое состояние и условия жизни женщины, которой отвели ключевую роль в операции «Призрак».

Два разведчика встретились на скамейке в парке 7 января 1966 года. До этого Мерси несколько дней следил за Тамарой, проверяя, нет ли за ней «хвоста». Последовали другие встречи с обсуждениями каналов связи, «мертвых почтовых ящиков» и т. д. Но Таня эмоционально устала от вынужденного «простоя» и хотела, наконец, действовать. Для поднятия настроения Мерси передал Тамаре членский билет только что образованной компартии Кубы на ее имя, новости о семье и друзьях. Все эти бумаги Мерси провез в своих ботинках. Тамара несказанно обрадовалась: «Я думала, они там меня забыли». Кубинец ответил: «Ты не должна думать так. Революция никогда не забудет ни тебя, ни всех, кто ей служит, как ты»[460].

Мерси передал приказ выехать в Мексику, где Тане должны были передать более надежный аргентинский паспорт. В феврале 1966 года они выехали на шесть недель в Бразилию (Таня как переводчица). Мерси с тревогой наблюдал, что у его спутницы иногда сдают нервы и она начинает яростно спорить по мелочам (например, о еде). Возможно, именно для того, чтобы успокоить ее, а не столько

ради нового паспорта Тамару и решили вызвать в Мексику для встречи с руководством кубинской разведки.

Барриентос демонстративно вышел из военной хунты и сколотил в январе 1966 года политический блок «Фронт боливийской революции» (в нем были и крайне правые, и крайне левые), который послушно выдвинул его кандидатом на пост президента. 3 июля 1966 года генерал стал законно избранным президентом Боливии, получив 67 процентов голосов, в основном крестьянских. В выборах Барриентос дальновидно разрешил участвовать и коммунистам, выступавшим в блоке «Фронт национального освобождения» (блок набрал 33 тысячи голосов, или 3,2 процента). Монхе счел этот результат очень хорошим, и боливийская компартия еще более укрепилась в своей тактике мирной борьбы за власть.

Теперь уже гражданский президент Барриентос Ортуньо по-прежнему опирался на союз армии и крестьянских организаций. Власти выдавали себя за надежных защитников аграрной реформы и одаривали крестьянских активистов различными постами и подарками.

Че, справедливо считая Барриентоса хитрым и ловким военным диктатором, не учел до конца именно всю эту хитрость, а именно — неплохие отношения боливийского президента с крестьянами.

Пока Таня в конце 1965 года мучительно искала ответ на вопрос, где же Че, тот, находясь в Танзании, и сам бы не смог дать ей такого ответа. Год после окончания конголезской эпопеи друзья Че и он сам позднее назвали «годом, когда мы были нигде».

После оглашения Фиделем прощального письма Че не мог просто взять да как ни в чем не бывало объявиться на Кубе и снова занять свой привычный пост министра промышленности, хотя Фидель был готов принять любое решение своего боевого товарища. Но Че не любил проигрывать, да он и не проигрывал до этого по-крупному. Нет, если он и вернется на Кубу, то только победителем. В маленькой однокомнатной квартире в кубинском посольстве в Дар-эс-Саламе Че размышлял в ноябре 1965 года лишь над тем, в какой стране он снова попытается зажечь очаг партизанской войны. В его мыслях Перу все чаще сменяла Аргентина, время от времени появлялась Боливия. Но окончательное решение следовало принять только после тщательного анализа ситуации в той или иной стране.

Время, считал Че, было на его стороне, на стороне революции. Американцы, как он и предсказывал, все сильнее увязали во Вьетнаме. «Второй Вьетнам» администрация Джонсона уже просто не могла себе позволить, даже с точки зрения позиции американского общественного мнения, изумленного тысячами похоронок из Вьетнама*. Но именно этот второй, а если все пойдет удачно, и третий Вьетнам Че и собирался обрушить на американцев. Оставалось лишь найти ту архимедову точку приложения силы, чтобы перевернуть всю Латинскую Америку.

28 ноября 1965 года Че написал Алейде, надеявшейся на скорую встречу, прощальное письмо:

«Дорогая,

...Все произошло не так, как мы хотели... Я возвращаюсь по дороге поражения с армией теней. Теперь все кончено [в Конго] и настало время для последнего этапа моего жизненного путешествия — этапа решающего. Только горсточка отобранных людей пойдет со мной — люди со звездами на лицах (звезды Марти, не военные звездочки. — *Н. П.*).

Наша разлука и должна была быть долгой. Я надеялся увидеть тебя во время длительной войны, но это оказалось невозможным. Теперь же между нами будет много враждебных земель, и связь наша будет менее регулярной. Я не смогу увидеть тебя перед тем, как уеду, потому, что мне надо избежать любой возможности обнаружения. В горах с оружием в руках я чувствовал себя в безопасности, но мне не по себе в подполье. Приходится быть очень осторожным...

Сейчас, когда я пленник, а врагов вокруг нет... моя тоска по тебе настолько нестерпимая и физиологическая, что ее не всегда могут заглушить Карл Маркс или Владимир Ильич...

Целую *Рамон*»[461].

Таким образом, Че принял решение ехать в Латинскую Америку, и Алейда уже не надеялась увидеть мужа. Но, к своему счастью, она ошиблась. Немного придя в себя и написав отчет-дневник о борьбе в Конго, Че решил, что перед отъездом необходимо организовать в Боливии по кубинскому образцу сеть городской поддержки будущего парти-

* 30 ноября 1965 года министр обороны США Роберт Макнамара предложил Джонсону увеличить численность американских войск во Вьетнаме в 1966 году как минимум до 400 тысяч человек.

занского очага, а это требовало времени. Пришлось запастись терпением.

Но нет худа без добра — Фидель разрешил Алейде съездить в Танзанию и повидаться с мужем. Он даже настаивал на этом, считая, что присутствие любимой жены сможет развеять пессимизм и меланхолию Че (такую склонность за другом Фидель замечал и ранее). 15 января 1966 года Алейда уже приземлилась в Праге — акция «Мануэль» работала бесперебойно. Ее сопровождал Ариэль. Из Праги путь лежал в Каир, а оттуда — в Танзанию.

Жена не узнала мужа. Перед Алейдой стоял гладко выбритый и, казалось, пожилой человек, трудно узнаваемый без привычной оливково-зеленой военной формы. Че увидел также женщину в годах, брюнетку (черный парик) в темных очках. На улице он прошел бы мимо этой строгой дамы. Как только маскировка развеялась, их радости и смеху не было границ.

Это был самый счастливый, хотя и короткий период их совместной жизни. Целыми днями они были одни — Че не надо было спешить на работу. И даже больше — им нельзя было покидать квартиру, пусть крошечную, но предназначенную только им одним. В одной-единственной комнате они спали, ели и работали. В ванной Че часто проявлял фотографии — он сделался страстным фотографом. Обычно они вставали поздно, долго валялись в кровати, затем завтракали, потом читали и обсуждали прочитанное. Че давал жене уроки французского. Он записывал на магнитофон разные истории для своих детей, еще не зная, что только так отныне они смогут услышать голос отца.

Но Че, конечно, никогда не смог бы только наслаждаться жизнью, пусть и с самым любимым на земле человеком. В Танзании он замыслил и начал поистине грандиозный труд — популярное, глубокое изложение марксистской теории в ее современном звучании. Причем теории практической, своего рода руководства к действию для революционеров 60-х годов XX века. Ведь Маркс не оставил подробного описания перехода к новому обществу. Не хватило ему времени и на анализ этого общества. Советские учебники Че не устраивали, и не только потому, что он по-прежнему считал советский путь хозрасчета гибельным для социализма в СССР. Будучи принципиальным противником любого догматизма, он не любил книг, которые давали уже готовые, бесспорные ответы на мучившие его вопросы.

А именно это и не нравилось ему в советских теоретических трудах.

Если Че не воевал, то он либо учился, либо читал и часто воспринимал и то и другое как две стороны одной медали. 4 декабря 1965 года он писал Армандо Харту о своих творческих замыслах:

«В этот период длительных каникул я сунул нос в философию, что я давно уже думал сделать. Первая трудность, с которой я столкнулся: на Кубе ничего не опубликовано, если исключим советские кирпичи, слабость которых в том, что они не дают тебе думать: так как партия уже сделала это за тебя и твое дело — переваривать это. Не говоря уже о том, что подобная методология полностью противоречит марксизму, книги эти по общему правилу просто очень плохи. Вторая же — и не меньшая трудность — мое полное незнание философского языка (в тяжелом поединке с маэстро Гегелем я уже в первом раунде был послан в нокдаун). Поэтому я составил себе план занятий... чтобы заложить основы подлинной школы мышления: мы ведь уже много сделали, но когда-нибудь должны будем и осмыслить сделанное. Я составлял это как план собственного чтения, но он может быть приспособлен и для того, чтобы послужить планом серьезных публикаций в политическом издательстве... Вот мой план:

— Классики философии.
— Великие диалектики и материалисты.
— Современные философы.
— Классики политэкономии и предшественники.
— Маркс и марксистское мышление.
— Социалистическое строительство.
— Еретические и капиталистические авторы.
— Полемика».

В последних пунктах плана особенно рельефно виден весь Че, всегда противившийся готовым истинам и бравший под защиту опальных теоретиков, даже если сам он с ними не соглашался. Например, разъясняя пункт о «Социалистическом строительстве», он предлагал издавать не только нынешних, но и «вчерашних» руководителей. Ему всегда претило посмертное шельмование и забвение Сталина и Хрущева в СССР. Пункт о «еретиках» был еще более смелым: «Здесь располагаются работы наиболее крупных представителей ревизионизма (если хотите, сюда можно поместить и Хрущева), требующие особо глубокого... анализа, и должен быть твой друг Троцкий — ведь он жил и

творил»[462]. Представить себе в то время издание каких-либо работ Троцкого в СССР было просто немыслимо.

Че понимал, что «речь идет о гигантской работе», и он перестал бы быть самим собой, если бы первым за эту работу не взялся. Его глубокие и полемические заметки о современном социализме получили название «Пражские тетради», хотя писал он их не только в Праге (об этом ниже), но и в Танзании.

Особенно безжалостным интеллектуальным ударам был подвергнут «канонический» советский учебник политэкономии 1954 года. Че, как уже упоминалось выше, и раньше критиковал его. Теперь у него наконец-то появилось время для более подробного разбора советских ошибок.

Квинтэссенция спора не изменилась: Че критиковал упование в СССР на экономические (то есть материальные) стимулы. «Это механистическая антимарксистская позиция... Личный интерес должен быть отражением интереса общественного; основываться на личном интересе для мобилизации производства — значит следовать линии наименьшего сопротивления, дать крылья идеологии капитализма...»[463] Причем в Танзании и Праге Че считал первым советским «грешником» уже не Сталина (поддерживавшего закон стоимости при социализме), а самого Ленина. После гражданской войны «Ленин... сделал шаг назад в своей теоретической концепции и положил начало процессу гибридизации*, кульминацией которого и стали нынешние сдвиги в структуре экономического управления социалистических стран».

Таким образом, согласно Че, советское грехопадение началось с нэпа: «НЭП — один из крупнейших шагов назад, сделанных в СССР, недаром Ленин сравнивал его с Брестским миром». Че (в целом правильно) предполагал, что если бы Ленин прожил дольше, он исправил бы свою вынужденную ошибку. Ленин и правда всегда говорил о нэпе как о временном отступлении, и Сталин, свернув нэп, собственно, выполнил эти заветы. Но Че как раз полагал, что нэп упразднили формально, оставив в экономике его опасную суть: «Но его [Ленина] продолжатели этой опасности не увидели, и так возник в конструкции социализма огромный троянский конь — прямой материальный интерес в качестве основного экономического рычага...

---

* Под этим термином Че имел в виду привнесение в социализм капиталистических, рыночных элементов.

Ошибка СССР состоит в том, что материальный стимул понимается лишь в одном своем смысле — капиталистическом. Важно же показать трудящемуся его долг перед обществом и наказывать его экономически, если он его не выполняет»[464].

Таким образом, Че (как уже упоминалось) не отвергал полностью материальных стимулов, но почему-то только в их негативном, санкционном смысле.

Че укорял Москву и за недостаточную революционность во внешней политике. В СССР абсолютно напрасно уповали на мирное сосуществование с империализмом. Никакого мира ждать не стоит. Напротив, «многие потрясения еще ожидают человечество до его окончательного освобождения, но (и абсолютная уверенность в этом — это то, что руководит мной) оно может быть достигнуто только при радикальном изменении стратегии основных социалистических держав. Станет ли это изменение результатом неизбежного империалистического давления или эволюции масс самих этих стран... это нечто, о чем скажет история. Мы же [кубинцы] вносим свою скромную песчинку, подозревая, что предприятие в целом окажется намного выше наших сил. В любом случае останется свидетельство того, что попытка была предпринята: наша сила духа должна пройти проверку, принимая вызов Сфинкса, а не увиливая от грозного вопроса»[465].

В этом пассаже очень важно упоминание о «социалистических державах» во множественном числе. Че, которого многие абсолютно неправомерно считали маоистом, прекрасно понимал всю изнанку китайской ультрареволюционности — попытку любой ценой отобрать у Москвы пальму первенства в мировом коммунистическом движении и отвлечь этим заманчивым глобальным лидерством внимание китайского народа от провальной экономической политики Мао.

Идеи Че о необходимости создания «нескольких новых Вьетнамов» для США полностью разделяли в Гаване. Просто Фидель как глава дружественного СССР государства должен был в отличие от «находившегося нигде» Че соизмерять свои слова и действия с внешней политикой Москвы.

Заметим, что Советскому Союзу было не до «новых Вьетнамов» как раз потому, что много сил и внимания поглощал собственно Вьетнам. Москва оказывала этой стра-

не огромную помощь, только, в отличие от Пекина, она не кричала об этом на каждом углу. По оценкам Косыгина, СССР безвозмездно давал Вьетнаму оружия и снаряжения на 1,5 миллиона рублей в день. В 1968 году помощь Советского Союза Демократической Республике Вьетнам составила около 542 миллионов рублей, причем большая ее часть (361 миллион рублей) была предоставлена на безвозмездной основе.

Попытка США «вбомбить Вьетнам в каменный век» потерпела провал после того, как 24 июля 1965 года состоялся первый бой советских зенитчиков против американской авиации*. По официальным данным США, во вьетнамской войне американская авиация теряла один самолет на каждые 60 самолето-вылетов, в то время как во время войны в Корее, где американцам также противостояли советские зенитчики-артиллеристы, она теряла лишь один самолет на 750 вылетов. До конца войны СССР поставил ДРВ 95 ЗРК С-75 «Двина» и более 7,5 тысячи ракет к ним. С июля 1965-го по декабрь 1974 года во Вьетнам в качестве советских военных специалистов всего было направлено 6359 генералов и офицеров и более 4,5 тысячи солдат и сержантов срочной службы.

Так что опасения Че насчет излишней мягкости советской внешней политики представляются, мягко говоря, преувеличенными**. Экспортировать контрреволюцию Москва никому не позволяла.

СССР содействовал и попыткам Кубы организовать партизанское движение в Латинской Америке. Просто в Москве не особо верили в успех этого начинания в тех конкретных исторических условиях, но кубинцев особо не отговаривали, чтобы не обидеть их.

8 января 1966 года ЦРУ наконец-то сообщило Джонсону: «...есть признаки того, что большинство кубинских советников покинули Конго»[466].

12 января 1966 года в Гаване начала работу Первая конференция трех континентов (Азии, Африки и Латинской Америки), на которую собрались правительства, а также революционные и национально-освободительные движе-

---

* В память об этом событии 24 июля отмечается как День зенитно-ракетных войск Вьетнамской народной армии.

** Че говорил, что героический Вьетнам борется в одиночку, хотя, находясь в Танзании и Праге, он, конечно, не мог знать о масштабах советской помощи Вьетнаму.

ния из восьмидесяти трех стран. Заметим, что американцы придавали этому форуму настолько серьезное значение, что даже организовали в октябре 1965 года убийство его организатора, марокканского математика Мехди бен Барки. 29 октября 1965 года он был похищен в Париже французскими полицейскими, затем убит при неясных и по сей день обстоятельствах. Его тело до сих пор не найдено. В убийстве подозревали ЦРУ и МОССАД.

На совещании в Гаване было решено активнее координировать усилия революционеров разных стран, причем подавляющее большинство участников высказывалось за вооруженную форму борьбы, и это находило поддержку кубинцев.

В сенате США итоги конференции расценили как «создание управляемой коммунистами штаб-квартиры партизанских операций в Африке, Азии и Латинской Америке»[467]. Оценка ЦРУ была следующей: «Трехконтинентальная конференция... была попыткой Кастро взять на себя главную роль в лидерстве революционного движения во всем мире». Отметив, что и конференция, и созданная на ее основе Организация солидарности народов Латинской Америки пользовались поддержкой СССР*, ЦРУ приходило к выводу (правда, это было в 1971 году): «Кастро, видимо, думал, что организация солидарности станет механизмом поддержки партизанских экспедиций, таких как боливийская операция Че Гевары, которая была уже в стадии формирования»[468].

Так оно и было, и никакие слухи о принципиальных расхождениях Че и Фиделя в 1966—1967 годах не имеют под собой ни малейшей основы.

Че с согласия Фиделя окончательно остановился на Боливии как на будущем общеконтинентальном партизанском очаге, «втором Вьетнаме». Предполагалось, что в малонаселенных, лишенных дорог и удаленных от городов районах Боливии можно относительно беспрепятственно создать и обучить несколько партизанских колонн, которые выдви-

---

* Советский журнал «Огонек» в январе 1966 года писал: «В Гаване шумно. Жители Гаваны словно все вышли на улицы. Особым притяжением обладает в эти дни огромный отель "Гавана либре", где идет Первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. Здесь ее уже окрестили не только "Триконтиненталь", но и еще короче — "Три А". Десятки тысяч людей приветствуют делегатов конференции. Звучат и звучат кубинские песни».

нутся в соседние страны (прежде всего Парагвай, Аргентину и Перу)* и зажгут там огонь восстания.

Таким образом, первоначально Боливия рассматривалась не как цель партизанской войны, а как ее инкубатор. Именно так эту страну уже использовали и во время операции «Тень».

1 марта 1966 года Че прибыл в Прагу (он добирался из Дар-эс-Салама через Каир и Белград) — именно оттуда в рамках акции «Мануэль» кубинцы обычно переправлялись в Латинскую Америку. Никто бы не узнал в аэропорту Рузине всемирно известного революционера — с самолета сошел респектабельный уругваец Рамон Бенитес в массивных очках в роговой оправе.

В этот день ЦРУ информировало президента о положении во Вьетнаме, Гане, Замбии, Индонезии, Лаосе, Сирии**, а также об успехах СССР в освоении космоса (советские автоматические зонды достигли Венеры). Че по-прежнему оставался для ЦРУ «за кадром».

Алейда осталась в Дар-эс-Саламе одна, и ее грусть не могло скрасить даже чтение — она не понимала, что читала. Пыталась начать писать воспоминания, но не могла — ведь для этого надо было поверить в то, что она больше никогда не увидит мужа. Через Каир и Москву Алейда вернулась на Кубу, и через несколько дней ей позвонили от Фиделя. Че передал жене свой дневник и несколько личных вещей. В посылке было и прощальное письмо:

«Любовь моя,

Настал момент послать тебе прощальный вкус земли (сухие листья, нечто очень далекое и увядшее). Я хотел сделать это... стихами, но у меня не получилось.

Есть столько личных вещей для твоих ушей, вот только слова не могут их выразить... Благородное ремесло поэта — не для меня. И не то что у меня нет нежных моментов, которые я хотел бы выразить...

Вот так я тебя люблю, вспоминая горьковатый вкус кофе каждое утро, ощущение ямочки на твоем колене, пепел сигары, деликатно балансирующий в воздухе, несвяз-

---

* Заметим, что Чили Че считал пока неподходящим местом для партизанской борьбы, так как в стране были сильны традиции парламентской демократии.

** Там назначили новое правительство, и американскую разведку беспокоил тот факт, что один из девятнадцати министров был коммунистом.

ное ворчание, с помощью которого ты защищаешь свою подушку...

Вот так я тебя люблю, наблюдая, как растут дети, поднимаясь по ступенькам истории (и я страдаю потому, что не могу воочию видеть эти шаги)...

Это — настоящее прощание... Теперь у меня остался лишь один шаг — решающий.

Песни сирен закончились, и вместе с ними завершился мой внутренний конфликт. Вот и подняли флаг для моей последней гонки. Скорость будет такой, что только выкрики будут сопровождать меня. Прошлое подошло к концу; я — наступающее будущее.

Не зови меня, потому что я не смогу тебя услышать. Но я буду чувствовать тебя в солнечные дни, под нежностью пуль...

Я буду искать тебя взглядом, как собака, сохраняющая тревогу на отдыхе, и я буду представлять каждую частицу тебя, часть за частью и все вместе...»[469]

Можно себе только представить, что чувствовала Алейда, читая эти строки. Но судьба улыбнулась ей во второй раз, и это прощальное письмо оказалось не прощальным.

В марте 1966 года Хуан Карретеро (Ариэль) получил от Че четкие указания относительно его будущей встречи с Таней в Мехико. Тамара должна была подготовиться к важной роли — главной связной между «материнским» партизанским очагом в Боливии и другими латиноамериканскими странами. Ее контакты с кубинской разведкой и боливийскими коммунистами должны быть сведены к минимуму.

Встреча Ариэля и Тани состоялась в Мехико 16 апреля 1966 года. Ариэля сопровождал лишь эксперт разведки по изготовлению документов Адольфито (мероприятие страховали кубинские разведчики, работавшие в Мексике), Таню он видел первый раз. Встреча не оставила в нем никаких сомнений, что девушка готова отдать жизнь делу революции, но именно делу. Пока же она была всего лишь «спящим агентом» и не совсем понимала, для чего же конкретно ее готовят. Лишь когда Ариэль передал приветы от Фиделя, Рауля и Че, Тамара успокоилась и воспрянула духом. Членский билет компартии Кубы на имя Тамары Бунке подписал лично Фидель 6 апреля, и она была очень рада, когда Ариэль ей его вручил.

Паспорт надо был сменить на новый, потому что в изготовленном чехами аргентинском паспорте на имя Лауры

Ириарте Бауэр были фальшивые отпечатки пальцев. Вообще Таня хотела получить боливийское гражданство через своего мужа, но это оказалось не так просто. С помощью боливийских коммунистов мужа предполагалось отправить на учебу в Болгарию, а после получения гражданства Таня намеревалась официально развестись.

По итогам встречи Ариэль пришел к выводу, что Тамара Бунке — это «зрелый боец, закаленный в повседневной революционной борьбе против врага»[470]. Во время бесед она выражала свое восхищение Фиделем и Че как символами революции, спрашивала о своих родителях и о своем любимом. От Ариэля Таня узнала, что подходит время начала общеконтинентальной партизанской войны, а все детали ее предстоящей миссии ей передаст позднее в Ла-Пасе кубинский товарищ. О том, что партизанский очаг в Боливии возглавит Че, Ариэль пока умолчал — таковы были его инструкции из Праги.

Работа над новым паспортом заняла некоторое время — пришлось тщательно переносить из одного документа в другой визы и пограничные отметки.

Перед встречей Ариэля и Тани в Прагу к Че по поручению Красной Бороды прибыл Папи, чтобы обсудить все детали боливийского проекта. Во время обеда, на котором помимо Че присутствовали Папи, Ариэль и Хосе Луис Охальво (представитель кубинской разведки в ЧССР), было решено отправить Папи в Боливию. Там вместе с членами местной компартии он должен был как можно быстрее подготовить городскую сеть поддержки будущего партизанского очага. Че приказал Папи ни в коем случае не выходить на личный контакт с Таней — ее берегли для работы в высших правительственных кругах Боливии, тем более что внедриться туда у нее получилось. Даже если бы Папи случайно столкнулся бы с Таней на улице, он не должен был подать виду, что знает ее.

Папи съездил в Боливию, установил контакты с тамошними коммунистами и через Гавану вернулся обратно в Прагу. Че решил, что Папи с еще одним сотрудником разведки должен вернуться в Ла-Пас, и один из них должен там остаться — самого Че сдерживали только слабые успехи в организации городской сети поддержки. Как только сеть будет налажена, в Боливию начнут прибывать будущие партизаны, включая их командира.

Однако из Боливии неожиданно вернулись оба офицера, и Че был проинформирован о недостаточной активности боливийской компартии.

Че жил в Праге сначала на конспиративной квартире (которую в 1964 году использовала и Таня), потом его перевели на небольшую виллу в восточных предместьях Праги. Этот дом в 1930-е годы построил для себя чешский политик Ярослав Крейчи, который при немцах возглавлял правительство «протектората Богемии и Моравии». После войны вилла перешла в ведение МВД Чехословакии и использовалась в рамках акции «Мануэль».

В апреле 1966 года, несмотря на первоначальное сопротивление Че (он думал, что вот-вот уедет в Боливию), к нему в Прагу прилетела Алейда. Че также не исключал, что в чехословацких спецслужбах (иногда их сотрудники казались ему слишком «буржуазными» по поведению) могут быть западные агенты. Поэтому он писал жене: «Неправда, что я не хочу тебя видеть и что я намерен сбежать от тебя... Я приехал сюда, чтобы придать делу ход, и до некоторой степени мне это удалось. Не думаю, что твой приезд имеет смысл. Тебя могут обнаружить (чехи или наши враги). Твое отсутствие на Кубе будет немедленно замечено. Кроме того, такое путешествие слишком дорого, и это меня расстраивает. Если Фидель хочет, чтобы ты приехала, то это — на его усмотрение (он может взвесить все факторы) и он может принять решение...»[471]

Фидель это решение и принял — он всегда считал, что Алейда лучше других рассеет пессимизм Че, который уже начал нервничать, потому что дела в Боливии шли не так быстро, как ему хотелось бы.

Первую неделю Алейда и Че жили в маленькой квартире, в которой она уже останавливалась на пути в Танзанию. В их распоряжении была одна ванная, которую использовали так же как кухню. Затем оба переехали на упомянутую выше виллу, которой управлял мужчина с дочерью, страдавшей отставанием в умственном развитии. Они готовили для гостей.

Время от времени в дом приезжали кубинцы, отобранные Че для миссии в Боливии.

По вечерам обитатели таинственного дома играли в карты, что Алейде очень не нравилось, так как она постоянно проигрывала, хотя Че во время игры всегда пытался выручить жену. Помогал он ей и на стрельбище, где кубинцы тренировались, чтобы не потерять навыка. Виллу окружал прекрасный сосновый лес, который очень нравился Че. Он любил лежать на траве и мечтать о чем-то своем. В этом же лесу Че часто проводил конфиденциальные бе-

седы со своими товарищами — он не исключал, что в вилле размещена подслушивающая аппаратура. В целом он доверял чехословацким коллегам, но все же действовал по принципу «береженого бог бережет». Ведь могло же случиться, что кто-нибудь из чехов возьмет да и перебежит на Запад.

И Алейде, и Че очень нравилась Прага. Иногда они «сбегали» из виллы и бродили по старинному спокойному городу. Ели они в одном и том же ресторане, и Че всегда заказывал бифштекс из говядины. Как-то раз он решил блеснуть перед женой познаниями во французском и заказал на этом языке другое блюдо. Но кельнер, видимо, наречия Вольтера и Гюго не знал — во всяком случае, он принес постоянным гостям их обычный бифштекс.

Они ходили на футбол, посетили известную пражскую пивную «У Флеку», осмотрели места, связанные с жизнью Гашека и Кафки.

Как-то они выехали за город и остановились в маленьком симпатичном мотеле. Оба вслух мечтали, что когда-нибудь снова приедут сюда, но сами же понимали, что эта мечта вряд ли когда-нибудь сбудется. Не сбылась и их мечта посетить Карловы Вары — туда очень хотел поехать Че.

Поначалу Че в Праге опекал Улисес Эстрада, но его импозантный вид (красивый, кудрявый, темнокожий) привлекал внимание. В ресторанах официантки так и норовили до него дотронуться, и Че шутил, что вот, мол, до чего дошла жизнь — черные стали лучше белых. В марте слишком приметный для Праги Эстрада уехал в Гавану, его сменил на короткое время Ариэль, затем — Карлос Коэльо (Тума). Как только Эстрада прибыл в Гавану, его назначили начальником Департамента МВД, занимавшегося поддержкой национально-освободительных движений в Африке.

В конце апреля 1966 года в Прагу приехал Диосдадо, которому поручили провести «преображение» Че для поездки в Боливию. Че не раз спрашивал Диосдадо о положении Тани в Боливии, причем только во время прогулок вне дома — он очень боялся «засветить» разведчицу. Такие предосторожности казались Диосдадо излишними — канал акции «Мануэль» до сих пор работал отлично. Че узнал о поездке Тани в Мексику и о сработанном для нее новом аргентинском паспорте. Но боливийское гражданство, с его точки зрения, было бы предпочтительнее.

Указания Че насчет Тани были весьма строгими — ей нельзя было давать ни одного поручения, которое могло бы

привести к ее разоблачению. Он очень интересовался, не заставила ли ее кубинская разведка «выйти замуж», и успокоился лишь тогда, когда Диосдадо заверил его, что она сама приняла это решение. Че просил также по возможности опекать родителей Тамары в ГДР. Ему также не давала покоя мысль, знают ли чехословацкие спецслужбы, что Таня именно в Боливии — ведь она уезжала на задание из Праги. Диосдадо заверил, что чехи этим не интересовались и им никто не говорил.

В конце мая 1966 года Че узнал, что вновь возникла серьезная вероятность нападения на Кубу со стороны США. 21 мая морской пехотинец США убил кубинского солдата, охранявшего подступы к базе Гуантанамо. Американцы утверждали, что солдата убили на территории базы, но никак не могли объяснить, почему труп лежал снаружи. С учетом напряженной ситуации Че предложил Алейде уехать на Кубу раньше, чем планировалось (2 июня)*. Он заверил, что если американцы все же нападут на Кубу, то он вернется на остров и будет защищать его с оружием в руках.

За день до отъезда Алейда купила мужу запонки, специально выбрав самые маленькие, которые Че мог бы без проблем носить с собой в самых сложных партизанских условиях. Они опять прощались навсегда, но им еще было суждено встретиться.

В дело вновь вмешался Фидель, от которого Рамон (Че) получил подробное письмо:

«Дорогой Рамон,

...мне кажется, что, учитывая деликатную и тревожную ситуацию, в которой ты там оказался, тебе лучше подумать о том, чтобы подскочить сюда.

Я очень хорошо сознаю, что ты с особенной неохотой рассматриваешь любые варианты, предусматривающие возвращение на Кубу в настоящее время...

Но если проанализировать все трезво и объективно, это как раз мешает твоей цели; даже хуже — подвергает ее риску. Мне сложно согласиться с мыслью, что это правильно, или может быть оправдано с революционной точки зрения. Твое местонахождение в пункте на полпути лишь увеличивает этот риск; это делает гораздо более сложным выполнение практических задач, которые надо решить; и вместо

* Эта дата была годовщиной их свадьбы.

того, чтобы ускорить реализацию планов, все это их только замедляет; больше того — это подвергает тебя периоду неоправданно тревожного, неопределенного и нетерпеливого ожидания.

И зачем все это нужно? Это не вопрос принципа, чести или революционной морали, что могло бы предотвратить эффективное и тщательное использование тобой возможностей, от которых точно зависит достижение твоей цели. Здесь нет места обману, введению в заблуждение... народа Кубы или мира... надо использовать объективное преимущество возможности приехать и уехать отсюда, планировать, координировать, подбирать и тренировать кадры и делать отсюда все возможное, что ты можешь достичь из другого места лишь с большими трудностями...

Было бы тяжелой непростительной ошибкой делать дела плохо, если их можно сделать хорошо...

Надеюсь, что эти строки не расстроят тебя. Я знаю, что если ты серьезно проанализируешь все то, что я написал, характерная для тебя честность приведет тебя к выводу, что я был прав. Но даже если ты придешь к противоположному решению, я не буду чувствовать себя обиженным. Я пишу тебе с искренней привязанностью и величайшим и самым искренним восхищением твоим блестящим и благородным разумом, твоим безупречным поведением и твоим непреклонным характером истинного революционера. Тот факт, что ты можешь посмотреть на эти вещи по-другому, чем я, не изменит этих чувств ни на йоту...»[472]

Письмо Фиделя убедило Че. Вместо вынужденного бездействия в Праге он мог заняться практической подготовкой своего партизанского отряда на Кубе. Ведь главным препятствием для возвращения на остров было для Че нежелание опять возвращаться в общественную жизнь — тогда волей-неволей пришлось бы объяснять, где он так долго был. Фидель же, прекрасно знавший чувствительный и упрямый характер друга, предоставил возможность вернуться и жить на Кубе инкогнито. Не исключено, что на Кубе он хотел еще раз попытаться отговорить Че от его боливийской мечты.

23 июля 1966 года Че уехал из Праги на поезде в Вену, оттуда тоже поездом — в Женеву и Цюрих. Дальше самолетом в Москву и из советской столицы — уже в Гавану. Время отъезда было подобрано со смыслом. На Кубе готовились праздновать очередную годовщину штурма казарм

Монкада и в Гавану съезжались гости со всего мира. Поэтому полный* пожилой уругваец Рамон Бенитес не привлек в гаванском аэропорту никакого внимания.

И все же не обошлось без досадной случайности. В аэропорту как раз проводил съемку известный кубинский режиссер Сантьяго Альварес, естественно, хорошо знавший Че. В кадр, помимо десятков других людей, попал и респектабельный уругваец. Альварес был немало удивлен, когда в его офисе появился Ариэль и попросил уничтожить пленку. Только через много лет он узнал причину такого странного интереса разведки к его творчеству.

Когда Алейде позвонили из офиса Фиделя и предложили приехать с самым младшим сыном Эрнесто, она все поняла: Че был на Кубе и хотел увидеть именно своего тезку, которому был всего месяц, когда он уехал в Конго. Алейда с сыном приехали в местечко Сан-Андрес в западной провинции Кубы Пинар-дель-Рио — там Че и собрал свой небольшой отряд для боевой подготовки.

Алейда еще много раз приезжала в Сан-Андрес. Че вообще-то не терпел посторонних в партизанском лагере, но для любимой жены все же сделал исключение. Иногда она задерживалась и принимала участие в тренировках и помогала готовить пищу на весь отряд.

Несмотря на то что некоторые из его сподвижников были уже людьми немолодыми, Че не щадил ни себя, ни других. В палящую жару будущие и бывшие партизаны совершали изнурительные марши с полной боевой выкладкой. Че стал передвигаться медленнее, чем в Сьерра-Маэстре, но зато не останавливался на отдых. Алейда утверждала, что Че один раз спас ей жизнь, когда она верхом на лошади сорвалась с узкой горной тропы.

По вечерам отряд смотрел фильмы, причем в основном американские вестерны. Че относился к такому «искусству» снисходительно, но людям нравилось, и он не возражал.

Чтобы проверить свой новый внешний облик, Че (Рамон) посетил группу бывших партизан, служивших под его командованием. Его представили как советника из Испании, и никто его не узнал. Только когда «испанец» выдал бойцам несколько известных шуток из старого доброго времени, они от всей души посмеялись над собой и над командиром.

---

* Че обернул тело тряпками.

В июле 1966 года в Боливию тайно прибыли телохранители и бывшие бойцы в колонне Че в 1958 году Гарри Вильегас (Помбо) и Карлос Коэльо (Тума). При участии Папи вместе с боливийскими коммунистами они должны были создать городскую сеть поддержки партизанского очага. У них было строгое указание Че — ни к какой деятельности в этой связи Таню не привлекать — она должна была, как и раньше, добывать информацию из высшего политического руководства Боливии. В июле—августе 1966 года Таня передавала информацию Папи, и они старались встречаться как можно реже. Помбо увидел Таню в ресторане, где они сидели за разными столиками — он всего лишь должен был узнать ее в лицо и запомнить.

Компартия Боливии на тот момент стараниями китайцев раскололась на целых три группы. В докладе о ситуации в Боливии от 14 сентября 1967 года ЦРУ отмечало, что большинство коммунистов (примерно пять тысяч членов) все же остались в «промосковской» компартии под руководством Марио Монхе. В 1965 году откололась «марксистско-ленинская» (пропекинская) компартия (500—1000 членов, лидер — Мойзес Гевара). Коммунистами считали себя и троцкисты (Революционная партия трудящихся, несколько сотен членов), объединившиеся в единую организацию в феврале 1966 года[473].

Все три партии имели очень слабую поддержку в деревне, люди Монхе и «марксисты-ленинцы» Мойзеса Гевары опирались прежде всего на горняков оловянных шахт.

Че предполагал сначала ориентироваться на «промосковскую» партию, хотя Монхе не скрывал своего скептического отношения к партизанскому очагу. Однако до самого прибытия Че в Боливию он полагал, что этот очаг не будет вести партизанской войны непосредственно в Боливии, а будет готовить группы для засылки в соседние страны. Против такого варианта Монхе не возражал. Тем более что ранее в рамках операции «Тень» боливийские коммунисты уже оказывали подобное содействие кубинцам.

Тем не менее Монхе долго сопротивлялся, и Фидель после напряженного с ним спора дал руководителю боливийской компартии пару месяцев, чтобы тот поменял свою точку зрения. В Москве Монхе посоветовали лишь не ссориться с кубинцами — Фидель только что публично высказался против китайцев, и в СССР это высоко оценили. Монхе решил, что ему, так или иначе, придется участвовать

в партизанском проекте, но он настаивал на том, что руководить всей операцией должна компартия Боливии.

В мае 1966 года Фидель провел с Монхе на Кубе очередной раунд переговоров. Поблагодарив за прежнюю помощь в заброске партизанских групп с территории Боливии в Аргентину и Перу, кубинский лидер попросил еще об одном одолжении. Монхе и его товарищи должны помочь «одному общему другу» вернуться через Боливию к себе на родину*. Боливийские коммунисты должны просто встретить его в Боливии и препроводить на границу. Монхе сразу понял, о каком «друге» идет речь, и согласился.

Не исключено, что в мае 1966 года Че и впрямь еще колебался в выборе между Боливией и Аргентиной. По крайней мере, Красная Борода вызвал в Гавану из Аргентины Сиро Бустоса, чтобы тот подробно рассказал о положении в Аргентине. После этого Бустосу приказали вернуться в Аргентину и ждать дальнейших указаний[474].

На север Аргентины** выезжала и Таня, где она организовывала выставку народных костюмов индейцев Боливии.

В августе 1966 года Папи стало ясно, что городская сеть поддержки существует пока в основном на бумаге. Молодые боливийские коммунисты были слишком неопытны в конспиративной работе, и их пока спасало лишь благодушное настроение боливийской полиции. Но все могло измениться, как только в горах Боливии прозвучали бы первые партизанские выстрелы. Пришлось, вопреки указаниям Че, подключить к конспиративной работе Таню. Она участвовала в аренде квартир, где должны были находиться запасы оружия и продовольствия для партизан. Ей также предстояло встречать прибывавших в Боливию бойцов и сопровождать их на место сбора отряда[475]. В частности, на Таню возложили миссию подбора временного жилья в Ла-Пасе для Рамона, хотя точной даты его приезда она до последнего не знала (Че строго соблюдал конспирацию).

Летом 1966 года Че уже окончательно определился с Боливией как центром латиноамериканского партизанского очага. Правда, воевать в самой Боливии, по крайней мере на первых порах, он не хотел. Следовало лишь создать в отдаленных труднодоступных районах этой страны

---

* Содержание разговора передано по воспоминаниям Монхе.

** В город Сальту, в окрестностях которого ранее действовала группа Альберто Масетти.

своего рода школу подготовки и базу партизанских отрядов для соседних стран — «материнский» очаг. Че предполагал, что слабая боливийская армия не станет связываться с хорошо подготовленными партизанами. Но если паче чаяния она решится на конфронтацию, то он не сомневался в победе.

Именно исходя из этой стратегии, он приказал начать закладку базы в юго-восточной Боливии, вдали от городов, но близко к аргентинской и парагвайской границам, в бассейне реки Рио-Гранде. Это была совершенно дикая, труднодоступная местность (Анды переходили там в тропические джунгли), где практически не было даже местного крестьянского населения. В последние годы правительство Барриентоса проводило политику колонизации этого пустынного района, расселяя там с помощью армии бывших ветеранов вооруженных сил и всех желающих. Последних было немного — слишком плохой была каменистая почва. Дороги тоже практически отсутствовали.

Однако Че не был намерен все время находиться в этом районе. Как только партизанская колонна окрепнет и вышлет подготовленные ею отряды в Аргентину (и возможно, в Перу и Парагвай), она должна была перебазироваться на север Боливии в район Альто-Бени (к северо-востоку от Ла-Паса) поблизости от оловянных шахт. Этот район был идеальным для развертывания партизанской войны в самой Боливии — рядом были крупные города и рудники, где предполагалось набирать партизанские кадры. Выбор Альто-Бени говорил о большой политической гибкости Че. Он, вопреки своей же собственной теории партизанской войны, был готов в Боливии опираться не на крестьян, а на рабочих.

В Боливию прибыл «модный» тогда среди леворадикальной молодежи французский философ Режи Дебре. По приглашению Фиделя и Че Дебре приехал на Кубу, где написал нашумевшую книгу «Революция в революции». В ней с «философских» позиций абсолютизировался опыт кубинской революции как новой модели революции современности. Мол, советская революция уже устарела и «обросла жирком» и ориентироваться надо на вооруженную борьбу, авангардом которой выступит молодежь. Мао использовал «авангардные» идеи Дебре, когда с помощью неопытной и обманутой молодежи развязал в Китае «культурную революцию» и начал «огонь по штабам», то есть избиение опытных партийных кадров.

Дебре под крышей журналиста побывал в Боливии и рекомендовал в качестве главного партизанского очага Альто-Бени. Он подробно описал Красной Бороде географические и политические преимущества этого района[476].

Однако Помбо и Тума при содействии молодых боливийских коммунистов братьев Передо (Роберто — Коко и Гуидо — Инти) все же купили ранчо на юго-востоке Боливии в районе города Камири у реки Ньянкауасу (департамент Санта-Крус). Оттуда, избегая столкновений с армией, пополненный местными жителями отряд должен был двинуться на север к оловянным рудникам. Правда, в Камири дислоцировалась 4-я дивизия боливийской армии, но она была дивизией только по названию и насчитывала 1103 плохо обученных солдат и офицеров. Призванные на девять месяцев солдаты из крестьян занимались в основном сельскохозяйственными работами в пользу армии и строили дороги. Многие из них вообще не умели нормально стрелять.

Че, памятуя уроки Конго, решил отобрать для Боливии немного бойцов, но зато таких, на которых можно было бы положиться в любой ситуации (по ленинскому принципу «лучше меньше, да лучше»). Из шестнадцати отобранных им кубинцев трое были членами ЦК компартии Кубы. Все ранее участвовали в партизанской войне против Батисты, причем десять человек служили непосредственно под командованием Че. Трое имели высшее воинское звание команданте, пятеро были лейтенантами и шестеро — капитанами. Двое бойцов ранее были заместителями министра — промышленности и сахарной промышленности*. Это были лучшие люди, как с военной, так и с политической точек зрения, и на каждого из них Че мог положиться, как на самого себя. Все офицеры в будущем должны были возглавить самостоятельные партизанские колонны и перейти с ними в соседние страны.

Свою политическую стратегию Че изложил в написанном ранней осенью 1966 года послании очередной конференции солидарности трех континентов. Его опубликовали в Гаване в январе 1967 года, когда Че уже был в Боливии.

Че писал, что «максимальной остроты» конфронтация между империализмом и силами революции достигла во

---

* Последнее министерство, как упоминалось выше, отпочковалось от первого в 1964 году. Так что все это были кадры Че, которых он лично знал.

Вьетнаме, который якобы «трагически одинок» в своей борьбе[477]. Опять незаслуженно досталось СССР (хотя Советский Союз и не был прямо упомянут): «Но виновны и те, кто в определенный момент допустил колебания и не решился провозгласить Вьетнам неприкосновенной территорией социализма, что было бы чревато риском войны мирового масштаба, с которым вынужден был бы считаться и американский империализм».

«Империализм, — писал Че, — завяз во Вьетнаме, он не может найти выхода из создавшегося положения». Что же он предлагал? «Народы трех континентов следят за событиями во Вьетнаме и извлекают уроки из этих событий. Раз угрозой войны империалисты шантажируют человечество, его верный ответ состоит в том, чтобы перестать бояться войны. Атаковать постоянно и решительно на каждом участке конфронтации — такова должна быть общая тактика народов».

Дальше он переходил к анализу Латинской Америки как одного из театров всемирной революционной войны. Здесь американцы перешли к обороне, «поэтому политика США нацелена на удержание уже завоеванного». В то же время Че абсолютно верно говорил о том, что «войска янки готовы к интервенции в любой точке Латинской Америки, где будет поколеблен существующий порядок и поставлены под угрозу североамериканские интересы». Тем не менее регион, согласно Че, готов к социалистической революции, так как местная буржуазия слаба и уже утратила любую прогрессивную роль, а значит, и нечего (как предлагали в Москве) искать с ней союза.

«В Латинской Америке вооруженная борьба ведется сегодня в Гватемале, Колумбии, Венесуэле и Боливии*; первые ростки такой борьбы пробились в Бразилии. Вспыхивают и гаснут другие очаги сопротивления. Но почти все страны континента созрели для борьбы, победа в которой должна привести как минимум к установлению власти, нацеленной на социализм...

Мы можем спросить себя: какими будут плоды этого восстания? Какого типа оно будет? Мы уже давно предположили, что в силу крайней близости характеристик разных стран региона борьба в Латинской Америке рано или поздно примет континентальные масштабы...

---

* Видимо, Че рассчитывал на то, что на момент публикации его статьи такую борьбу он уже начнет.

С точки зрения битвы континентального масштаба, борьба в тех странах, где она сейчас активно ведется, — не более чем частные эпизоды, но эта борьба уже дала своих мучеников...

Новые ростки партизанской войны появятся в этих и других странах, как это уже произошло в Боливии; они будут крепнуть, несмотря на превратности судьбы, с которыми сопряжена эта опасная профессия современного революционера. Многие падут жертвами собственных ошибок, другие погибнут на полях надвигающихся суровых битв, но новые бойцы и новые лидеры возникнут в огне революционной войны».

Эти строки звучат как завещание, но Че был явно не готов картинно погибнуть. Напротив, он готовился побеждать.

В послании довольно четко изложена тактика общеконтинентальной борьбы в Латинской Америке:

«...Если очаги вооруженной борьбы будут действовать достаточно умело в военном и политическом планах, эти очаги станут практически неуничтожимы, что заставит янки посылать в зону боевых действий все новые и новые контингенты. Мало-помалу устаревшее оружие, которого правительственным армиям хватает для подавления небольших вооруженных групп, придется заменять современным вооружением; и соответственно, придется все более наращивать численность американских советников, так что в конце концов Соединенные Штаты вынуждены будут присылать уже регулярные войска — и во все возрастающем количестве, иначе им не удастся обеспечить стабильность власти в странах, местные марионеточные армии которых разлагаются в ходе борьбы с партизанами.

Это — путь Вьетнама».

Итак, Че предполагал, что местные латиноамериканские армии быстро развалятся под ударами партизан ввиду своего плохого вооружения и главное — низкого боевого духа. Именно так и произошло с армией Батисты, в разы превосходившей по численности Повстанческую армию Кастро. После этого американцам придется посылать на подмогу свои войска, чтобы не допустить полного краха латиноамериканских марионеточных правительств. Открытая американская интервенция (а именно ее Че и добивался) приведет к взрыву националистических настроений и добавит партизанам тысячи добровольцев. Так как партизан-

ских очагов в Латинской Америке будет много, а основные силы американцев увязли во Вьетнаме, то империалистов-янки можно будет победить, и победить именно военным путем, на поле боя.

Че призывал относиться к врагу серьезно: «Не стоит недооценивать противника: с точки зрения технической американский солдат обладает высокими качествами, а поддерживающие его средства таковы, что могут испугать кого угодно. Ему не хватает, однако, идеологической мотивации — того, чем сегодня в полной мере обладают его самые яростные противники — вьетнамские партизаны. Мы победим американскую армию только в том случае, если сможем подорвать ее боевой дух...»[478]

Анализ Че был абсолютно верным, если не считать прогноза: американцы не собирались воевать в Латинской Америке своими войсками.

Дело в том, что они извлекли из победы кубинской революции очень правильные и своевременные уроки именно в военном смысле.

Кеннеди внимательно прочитал книгу Че о партизанской войне и решил разработать ответную стратегию и тактику противоповстанческих действий. В этом его всячески поддерживал брат Роберт, который курировал в начале 1960-х годов разведывательно-диверсионную борьбу США против Кубы.

Как и Че, братья Кеннеди считали, что большая, плохо мотивированная армия ничего не добьется в боях против партизан. В лесах и горах бессильны танки и развернутые пехотные дивизии. Победить партизан можно только их же методами. В леса и горы должны прийти небольшие, прекрасно вооруженные, мобильные (за счет вертолетов, которых у Батисты, например, не было), прикрытые поддержкой с воздуха противоповстанческие части — силы специального назначения. Как и партизаны, они должны уметь выживать в самых сложных условиях, завоевывать доверие местного населения, устраивать засады — словом, превзойти партизан в их ремесле по всем статьям.

Новая тактика борьбы против партизан, разработанная американцами в начале 1960-х годов, отводила регулярной армии роль загонщика на охоте. Армейские части должны были оцепить район предполагаемой активности партизан и не выпускать противника за его периметр. Для этого вполне годились оснащенные пулеметами, вертолетами и

штурмовиками обычные призывники. Они могли подавлять группы партизан своей численностью — в большой толпе неплохо сражались даже вчерашние неграмотные крестьяне. Как только партизаны оказывались в кольце армии, внутрь этого кольца засылали противопартизанские части — «to kill», как говорили американцы.

Заметим, что Кеннеди интересовался тактикой противопартизанской борьбы задолго до победы кубинской революции. В 1951 году, будучи сенатором, он посетил Вьетнам, где партизаны успешно громили довольно многочисленную французскую армию.

Под влиянием опыта войны в Корее первой войсковой частью в составе сил специального назначения США стал 10-й парашютно-десантный полк сухопутных войск (*10th SFGA*), сформированный в 1952 году на территории базы Форт-Брэгг (Северная Каролина).

В 1959 году Кеннеди заявил, что одно только американское ядерное оружие не сможет защитить дружественные США правительства «от прихода к власти коммунистов, которые используют местные или партизанские силы»[479]. Именно сенатор, а потом и президент Джон Кеннеди был отцом-основателем американской стратегии противопартизанской борьбы (*counterinsurgency, CI*). Причем профессиональные военные в лице Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) лишь с большой неохотой согласились с идеями президента — они привыкли к обычным войнам с массами танков — над генералами довлел опыт Второй мировой.

Тем не менее Кеннеди стал менять военную стратегию уже в марте 1961 года под лозунгом «зачем убивать маленькую муху большим молотком».

В апреле 1960 года личный состав имевшихся на тот момент в составе войск специального назначения США батальонов глубинной разведки (шесть батальонов спецразведки с четырнадцатью ротами рейнджеров, сформированными в 1950 году) был передан в состав 1-го полка спецназа сухопутных войск. Этот полк стал официально считаться базовой частью для всех подразделений специального назначения США. Все части спецназа первоначально считались парашютно-десантными батальонами в составе 1-го полка и имели обозначения типа *8th SFGA, 1st S.* Другие отряды специального назначения (роты и прочие подразделения), хотя также считались принадлежащими 1-му полку, специальных обозначений не имели.

На конец 1960 года войска специального назначения США насчитывали три парашютно-десантных полка. 1-й полк имел в своем составе 24 отдельные разведывательные роты (ОРР) (бывшие роты рейнджеров), которые решили сделать базой для развертывания отдельной части спецназа сухопутных войск. Четыре ОРР были переданы в состав Национальной гвардии для последующего развертывания в полки спецназа, девять — в состав частей резерва сухопутных войск, а 11 рот спецразведки составили базу для формирования полков спецназа сухопутных войск.

При Кеннеди, таким образом, в составе сухопутных войск США на постоянной основе имелось семь полков спецназа первой линии и семь полков в составе резерва сухопутных войск. Полки спецназа Национальной гвардии были кадрированными и развертывались только на время учений и призыва. В конце 1952 года на территории базы Форт-Брэгг был развернут Центр психологической войны, а чуть позже Учебный центр войск специального назначения сухопутных войск США.

Кеннеди вернул из отставки генерала-десантника Максвелла Тейлора и 1 октября 1962 года назначил его председателем ОКНШ. Именно Тейлор, разделавший веру президента во всесилие спецназа, убедил Кеннеди направить первые части армии США во Вьетнам.

После того как силы специального назначения («зеленые береты») появились при Кеннеди в вооруженных силах США, американцы очень оперативно начали создавать такие же части в латиноамериканских армиях. Американские советники либо сами приезжали в те или иные страны и обучали там местный военный персонал, либо обучение кадров проходило в самих США или в зоне Панамского канала. Одним из обученных американцами рейнджеров был, например, будущий президент Венесуэлы Уго Чавес.

Американцы обычно присылали в другие страны так называемые «мобильные тренировочные команды» (*Mobile Training Teams, MTT*), в которые входили специалисты по всем видам противопартизанской борьбы (в том числе и по пропаганде).

В Вашингтоне исходили из того, что в каждой латиноамериканской армии должен быть как минимум один усиленный противоповстанческий батальон, а в странах с активным партизанским движением — несколько. В Боли-

вии, например, к 1966 году уже был создан и обучен один батальон рейнджеров.

Что касается Боливии в целом, то американцы давно держали там под контролем политическую ситуацию, стараясь играть на всех возможных скрипках в оркестре.

В декабре 1955 года в США был создан постоянно действующий межведомственный орган по планированию подрывных операций против иностранных государств (директива СНБ *NSC 5412/2*) — Специальная группа. В нее входили директор ЦРУ, заместители министра обороны, госсекретарь и представитель президента (как правило, секретарь СНБ или его заместитель). С 1959 года группа собиралась на встречи еженедельно. Но ЦРУ по-прежнему имело право осуществлять мелкие подрывные операции (стоимостью не более 25 тысяч долларов) самостоятельно, без одобрения группы.

Именно Специальная группа планировала убийство Фиделя Кастро и экономический саботаж против Кубы (операция «Мангуст»). С 1964 года группа была известна как «Комитет 303». За время президентства Джона Кеннеди и Линдона Джонсона (1961—1967) «Комитет 303» одобрил 163 тайные операции против иностранных государств. При этом в 1970-е годы стало известно, что ЦРУ передало на рассмотрение комитета лишь 14 процентов всех подрывных акций[480].

Еще в августе 1963 года Специальная группа решила оказать тайную финансовую помощь правящей в Боливии партии НРД, у которой испортились отношения с шахтерами. В марте 1964 года деньги были переданы напрямую Пас Эстенссоро, чтобы он смог выиграть президентские выборы[481]. После военного переворота «Комитет 303» в феврале 1965 года решил продолжить финансирование НРД, причем с ведома Барриентоса. После того как последний в мае 1965 года разгромил шахтерские профсоюзы, комитет в июле того же года решил поддерживать на предстоящих выборах уже самого генерала. Одновременно деньги продолжали идти и в кассу НРД, при условии, что партия поддержит военную хунту в ее политике «умиротворения страны».

В 1963 году американцы истратили на тайные операции в Боливии 337 063 доллара, в 1964-м — 545 342, в 1965-м — 287 978. В 1966 году были выделены отдельные фонды лично для Барриентоса.

Свои цели в отношении Боливии комитет сформулировал следующим образом: «Базовые цели тайных операций в Боливии состоят в том, чтобы содействовать демократическим решениям критических социальных, экономических и политических проблем; сдерживать коммунистические и кубинские подрывные действия*; поддерживать стабильное правительство, дружественно настроенное по отношению к Соединенным Штатам; и поощрять участие Боливии в программе "Союз ради прогресса". Главным направлением и вектором приложения усилий тайных операций является выдавливание коммунистов, левых и сторонников Кастро со всех влиятельных постов в правительстве и подрыв контроля коммунистов и ультралевых над некоторыми профсоюзами, студенческими группами и крестьянскими организациями»[482].

25 июля 1966 года Монхе тайно встретился в Ла-Пасе с посланцами Че Вильегасом и Мартинесом Тамайо и опять высказался против начала партизанской борьбы в Боливии. 28 июля кубинцы пытались переубедить лидера боливийской компартии, и Монхе скрепя сердце обещал выделить партизанскому очагу 20 коммунистов. Но уже через пару дней он не хотел вспоминать о своей уступке. Отношения посланцев Че с Монхе испортились до такой степени, что в сентябре 1966 года Че приказал временно прекратить контакты с Монхе — он опасался утечки информации.

В сентябре 1966 года с помощью боливийских коммунистов, как уже упоминалось выше, было куплено ранчо в безлюдном районе в 50 милях от города Камири. Туда начали постепенно доставлять продовольствие, оружие и боеприпасы. «Коко» нанял нескольких местных рабочих, и они для вида засеяли ранчо зерновыми. Купили также домашних животных и птицу. Роберто Передо (Коко) на новеньком джипе «тойота» постоянно мотался в Ла-Пас и доставлял оттуда много груза**, что вызвало подозрение соседей. Но пока что владельца джипа приняли за наркоторговца, который устроил на ранчо тайную лабораторию по производству кокаина.

В октябре 1966 года Алейда узнала, что настало время расставания. Че хотел проститься с детьми на конспиратив-

* То, что американцы отделяли боливийских коммунистов от кубинских, свидетельствует о том, что они были прекрасно информированы о разногласиях между Гаваной и Марио Монхе относительно вооруженной борьбы в Боливии.

** Оружие перевозили в мешках из-под цемента.

ной квартире в Гаване. Но даже там он остался Рамоном Бенитесом — Че опасался, что если он предстанет перед детьми в привычном им образе, то они не удержатся и расскажут о появлении отца в школе. По «сарафанному радио» это могли дойти и до агентуры ЦРУ на острове. Неудивительно, что маленькая Алейдита очень удивилась, когда незнакомый ей «друг ее папы» (так пожилого мужчину представила детям Алейда) вдруг стал ее обнимать и целовать. Девочка подбежала к матери и прошептала ей: «Мама, этот дядя меня так полюбил!» В этот момент у Алейды и Эрнесто защемило сердце и пересохло в горле.

Прямо с квартиры 23 октября 1966 года Че уехал в аэропорт. Боливийские коммунисты и понятия не имели, какой важный гость вскоре прибудет в их страну. В таком же неведении пребывала и американская разведка.

Через Москву и Прагу Че попал в Вену, потом в Цюрих, оттуда — во Франкфурт-на-Майне, где в магазине на Кайзерштрассе приобрел календарь на 1967 год. В этом календаре позднее он и делал пометки, ставшие известными как «Боливийский дневник». Из Франкфурта путь лежал в Париж, затем в бразильский Сан-Паулу.

Оттуда 4 ноября 1966 года в Ла-Пас прилетел гражданин Уругвая социолог Адольфо Мена*. Че сопровождал его давний боевой товарищ Альберто Фернандес (Пачо). Таня заранее добыла для Че рекомендательное письмо от пресс-секретаря Барриентоса:

«Ла-Пас, 3 ноября 1966 года.

Директор по информации Ведомства президента Республики имеет честь рекомендовать АДОЛЬФО МЕНУ ГОНСАЛЕСА, специального посланника Организации Американских Государств, который изучает и собирает информацию о социальных и экономических отношениях в боливийской деревне.

Нижеподписавшийся просит все национальные ведомства, а также частные лица и учреждения оказывать сеньору Адольфо Мене любое содействие с целью облегчения его исследовательской работы.

Гонсало Лопес,
директор по информации,
Ведомство Президента Республики.
Ла-Пас, 3 ноября 1966 года»[483].

---

* На всякий случай у Че был и второй уругвайский паспорт на имя Рамона Бенитеса.

После краткого пребывания в боливийской столице 5 ноября в 18.30 Че вместе с Мартинесом Тамайо, Вильегасом и Коэльо, а также одним боливийцем Хорхе Васкесом выехал на двух джипах в направлении Ньянкауасу. В Ла-Пасе для приема остальных восемнадцати членов отобранной Че группы остались Таня и Родольфо Салданья.

По дороге Че сказал Васкесу (который был просто потрясен, узнав, кого именно он везет, и едва не свалил машину в кювет), что покинет Боливию либо во главе победоносной общеконтинентальной партизанской армии, либо в гробу. Путешествие по скверным дорогам заняло два дня и вечером 7 ноября они были на ранчо. Пришлось подождать наступления темноты — сосед Сиро Арганьяс был излишне любопытен. Партизаны прозвали свой дом «жестяным», потому что он был покрыт жестью.

Че записал в дневнике, что «сегодня начинается новая фаза» борьбы.

Отдых на ранчо был кратким — нагруженные тяжелыми рюкзаками партизаны четыре часа шли 10 километров по тропе в джунглях в базовый лагерь отряда, добравшись до него под утро. До нового года в лагерь отдельными группами прибыли все отобранные Че на Кубе 18 бойцов.

Уже в Боливии Че узнал, что попытки его передовой группы создать в городах сеть поддержки партизанского очага фактически провалились из-за прохладного отношения к этой идее руководства боливийской компартии. Начинать борьбу в таких условиях было крайне опасно, но Че все еще не оставлял попыток переубедить Монхе, хотя бы фактом своего прибытия. В крайнем случае он хотел договориться с пропекинскими «марксистами-ленинцами» Мойзеса Гевары.

Помбо еще в сентябре пришел к выводу, что повторить в Боливии экспедицию на яхте «Гранма» с ее двенадцатью выжившими участниками не удастся. Он считал, что борьбу следует начинать только с большим отрядом. Но для этого надо было как-то договориться с боливийскими коммунистами. Пока же к началу 1967 года к партизанам присоединились примерно 20 боливийцев и три перуанца под командованием Хуана Пабло Чана (Китаец). Таким образом, в отряде не насчитывалось и пятидесяти бойцов.

В декабре 1966 года Марио Монхе приехал в Гавану, чтобы попытаться отговорить Фиделя от начала партизанской борьбы в Боливии. К тому времени он уже знал о существовании лагеря Че. Лидер компартии требовал, чтобы

руководителем будущего партизанского очага был только боливиец, за иностранцем народ не пойдет. Фидель предложил Монхе обо всем договориться непосредственно с Че. Монхе сразу же согласился — он думал, что Че приедет на встречу в Боливию из какой-нибудь соседней страны.

24 декабря 1966 года Монхе вернулся в Ла-Пас и, получив там секретные инструкции, 29 декабря прибыл в Камири. Через два дня лидер боливийских коммунистов был уже в лагере Ньянкауасу, где партизаны готовились встречать Новый год. Только там он узнал, что Че уже больше месяца находится в Боливии без его, Монхе, ведома.

Лидер компартии был неприятно поражен этим, но в беседе с глазу на глаз Че спокойно ему сказал, что они находятся в «освобожденном районе» Боливии и он его не покинет, даже если останется там только со своими кубинцами. Фактически Че шантажировал Монхе, пытался взять его «на слабо»: мол, с вами или без вас восстание все равно начнется и лучше бы присоединиться, чтобы не прослыть трусами и предателями.

Только теперь Монхе понял, что партизанская война начнется именно в Боливии. Тогда он поставил условие: политическое руководство борьбой должна осуществлять компартия, а Че может стать главным военным советником при нем, Монхе. Но Че был научен недавним горьким конголезским опытом, когда он был советником при некомпетентных военачальниках. Ни к чему хорошему это не привело, и его ответ был резким: «Здесь я не буду ничьим советником»[484]. Только после того как партизанское движение в Боливии окрепнет, он, Че, сможет передать командование Монхе, а сам отправится на другой фронт, в соседние страны.

Разрыв с Монхе был полным — лидер боливийских коммунистов призвал членов компартии Боливии немедленно покинуть лагерь. В противном случае они лишатся поддержки партии и будут действовать на свой страх и риск. Но все боливийцы остались, хотя по уровню сознательности и боевой подготовки все они сильно уступали кубинцам.

Монхе, писал Че, уехал из лагеря с миной «приговоренного к повешению». Он напрасно пытался убедить Че, что местные жители не присоединятся к отряду иностранцев. Но Че был не сильно расстроен — разрыв с Монхе освобождал его от всех политических обязательств в Боливии.

Пока же отряд Че обустраивал базовый лагерь и закладывал в окрестностях временные лагеря и тайники с про-

дуктами и оружием. «Освобожденный район» пронизала сеть вырубленных в джунглях троп, пещер и туннелей — создавался укрепленный район по образцу Сьерра-Маэстры. Че всегда уделял большое внимание обеспечению жизнедеятельности партизан, поэтому построили печь, коптильню для мяса, туалет, скамьи и столы для приема пищи.

Радиосвязь с Гаваной («Манилой») планировали поддерживать с помощью устаревшего громоздкого аппарата (с собственным генератором), который начал барахлить практически сразу же после разбивки лагеря. Таким образом, связь вскоре стала односторонней — партизаны слушали сообщения Гаваны, но сами в эфир выйти не могли. Контакт с внешним миром в первые месяцы поддерживали с помощью курьеров, курсировавших между Ньянкауасу и Ла-Пасом.

Новый, 1967 год партизаны встретили весело. В лагерь с подарками прибыла Таня. Слушали новогоднее поздравление Фиделя, где Че и его бойцы были упомянуты в завуалированной, понятной только им форме. Че разрешил выпить пару бутылок вина и пива — в остальном в лагере царил жесткий «сухой закон». Таня пела под гитару песни, берущие бойцов за душу.

В полночь Че произнес тост и возвестил о начале континентальной революции в Латинской Америке.

После праздника Таня получила задание съездить в Аргентину, встретиться с Бустосом и побудить последнего наладить переправку в партизанский лагерь аргентинских добровольцев. 26 января 1967 года в лагере появился Мойзес Гевара, не упустивший возможности продемонстрировать перед Че свою ультрареволюционность, особенно на фоне разлада кубинцев с Монхе. Он без долгих уговоров согласился распустить свою организацию и присоединиться с двадцатью бойцами к отряду. Правда, только после традиционного карнавала, то есть примерно через месяц.

Насчет организации сети городской поддержки Че договорился с лидером боливийских молодых коммунистов, студенткой факультета философии Лойолой Гусман (она прибыла в лагерь вместе с Мойзесом Геварой). Он просил ее приобрести грузовик (за 80 тысяч долларов) и взять на себя поставки в лагерь продовольствия. Как всегда, Че продумал все в деталях. Он предложил Гусман возглавить сеть

(только она имела право поддерживать прямой контакт с партизанами), назначить заместителя на случай провала и шесть организаторов по отдельным направлениям (добыча продовольствия и снаряжения, транспорт, информация, финансы, боевое городское подполье и контакты с сочувствующими).

Из-за недостатка городских кадров к поддержке отряда пришлось подключиться и Тане.

Че не знал, что ЦРУ через свою агентуру уже в феврале 1967 года смогло проникнуть в сеть Лойолы. Как и во многих других странах, пропекинские группировки были для американцев достаточно легкой добычей. Уже в феврале в ЦРУ поступили сведения, что командиром партизан в районе Ньянкауасу является Че Гевара, но в Вашингтоне сочли это «липой», с помощью которой боливийская агентура подчеркивала свою значимость.

От Гусман Че узнал, что Монхе перехватил вернувшуюся с Кубы группу молодых боливийских коммунистов и помешал им присоединиться к отряду. В противном случае он угрожал всем исключением из партии. Че записал в дневнике, что Монхе превратился в предателя.

1 февраля 1967 года отряд (27 бойцов) в полной боевой выкладке отправился в трехнедельный марш по территории будущего партизанского очага. Че предполагал закалить физически вновь прибывших добровольцев и подробно изучить местность предстоящих боев. Но главным его стремлением было проверить выносливость бойцов, их готовность выполнить любой приказ — именно этого так не хватало в Конго. Че действовал по суворовскому принципу «тяжело в учении, легко в бою».

Своим заместителем Че назначил Хуана Виталио Акунью. Боливиец Гуидо Передо (Инти) стал политкомиссаром, то есть отвечал за боевой дух группы. Че разделил отряд на авангард, центральную колонну и арьергард, взяв на себя командование центром. Связь три группы поддерживали с помощью современных на тот момент систем «уоки-токи».

На марше следовало избегать столкновений с армией, но в то же время попытаться наладить хорошие отношения с местными крестьянами. В Сьерра-Маэстре это удалось.

Поначалу все шло отлично. Питались три раза в день — утром чай или горячий шоколад, суп и кофе — в полдень, полноценная еда на привале. Пищу не экономили. Грузы помогали нести мулы, купленные за 2 тысячи песо.

Но вскоре начались проблемы и неудачи. 3 февраля один из партизан — Рубио (бывший заместитель министра сахарной промышленности) утопил при переправе на плоту рюкзак Че. Начался сезон дождей, и каждый ручей становился серьезным препятствием. Приходилось постоянно строить плоты и тратить на это дни. Тропы через джунгли прорубали мачете; группа рубщиков менялась каждые четыре часа.

Марш по практически непроходимой местности превратился в ад, и отряд обессилел, еще не вступив в бой. Даже Че похудел на семь килограммов, и ходьба причиняла ему боль. С 23 февраля, записал Че в дневнике, он заставлял себя идти только неимоверным усилием воли. Ветераны Сьерра-Маэстры были уже немолодыми людьми, да и к боливийскому климату с его перепадами температур они не привыкли. Карты региона и предоставленные местными коммунистами планы оказались очень неточными, и отряд заблудился. Люди начали роптать, ругая командира за бессмысленный марш, а среди боливийцев пошли разговоры о дезертирстве.

10 февраля отряд встретил первого крестьянина — Онорато Рохаса — и это стало началом конца. Инти представился Рохасу охотником, а Че в роли помощника этого богатого охотника поинтересовался, сможет ли Рохас купить для группы продовольствие и медикаменты. Крестьянин явно хотел подзаработать (у него было шестеро детей) — а у охотников было много денег крупными купюрами, — но именно своей жадностью он не понравился Че как «потенциально опасный».

Когда Инти продемонстрировал Рохасу оружие и сказал, что является командиром партизан, тот сразу стал менее разговорчив. Об окрестных крестьянах он ничего не ведает, и кто из них станет помогать партизанам, не знает. Инти предупредил, что за предательство Рохас ответит, и выдал ему в качестве аванса за будущие поставки продуктов гигантскую сумму в 40 тысяч песо.

Уже скоро о внезапно разбогатевшем Рохасе стали судачить в окрестных поселках — он покупал на рынках много продуктов и расплачивался непривычными в этой нищенской местности крупными купюрами.

В целом крестьяне-индейцы подозрительно относились к вооруженным людям, говорившим по-испански со странным акцентом. Особенно крестьян пугали негры. Че, всегда уважавший коренное население Америки, приказал своим

партизанам изучать индейский язык кечуа, но местные не говорили даже на этом наречии инков — они предпочитали языки аймара или гуарани. Партизаны оказывали крестьянам медицинскую помощь (в том числе и лично Че), щедро платили за продукты, но лед недоверия это не растопило — местные индейцы не привыкли ждать от белых ничего хорошего.

Че писал в дневнике: «Обитатели этих мест непроницаемы, как скалы. И, глядя в глубину их глаз, видишь, что они не верят тому, что слышат... Они плохо понимают — или делают вид, что не понимают по-испански»[485].

Тем временем продукты, рассчитанные на три недели, закончились, и отряд начал голодать. Че возмущался, когда отобранные им с такой тщательностью бойцы тайком воровали из неприкосновенного запаса сгущенку или рыбные консервы. Рацион обогащали за счет дичи. Иногда приходилось есть попугаев и обезьян, а однажды отряду было нечего есть целых три дня.

26 февраля отряд понес первые, пусть и небоевые, потери — сорвался в бурную реку 26-летний боливийский учитель Бенхамин Колорадо. Другой боливиец, Элисео Рейес, утонул 17 марта. Че был потрясен этим бессмысленным «крещением смерти».

Между тем завистливый сосед донес в полицию о подозрительных людях в «жестяном доме», и, когда измученный отряд Че 20 марта, наконец, вернулся во вспомогательный «медвежий» лагерь*, партизаны узнали, что жандармы уже дважды побывали на ранчо. Но это были еще не все неприятности.

9 марта рабочие американской нефтяной компании в Камири сообщили капитану 4-й дивизии боливийской армии Аугусто Сильве о подозрительных бородатых чужаках с рюкзаками, деньгами, оружием, говоривших с иностранным акцентом. Тот передал сведения командиру дивизии полковнику Умберто Роче, приказавшему начать воздушную разведку местности. Над районом Ньянкауасу стали регулярно появляться армейские патрульные самолеты. 11 марта разведка заметила четверых людей на берегу реки Рио-Гранде, и уже на следующий день Сильва выслал в этот район патруль из шести солдат.

---

* Помимо базового лагеря, партизаны заложили неподалеку два вспомогательных, шутливо названных ими «медвежьим» и «обезьяньим».

Боливийская полиция поймала двоих дезертиров из отряда Че, которые пытались продать свое оружие. На допросах те охотно рассказали и о базовом лагере, и о том, что партизанами командует не кто иной, как исчезнувший два года тому назад Че Гевара. 17 марта в 15.00 патруль 4-й дивизии вошел в лагерь, с другой стороны к нему же подбиралась группа Сильвы. В лагере находился уже подошедший туда авангард партизан под командованием Антонио Санчеса. Партизаны были застигнуты врасплох и, сделав несколько беспорядочных выстрелов, поспешно отошли в джунгли. Базовый лагерь, на устройство которого ушли недели тяжелого труда, оказался в руках армии практически без боя.

Так начались собственно боевые действия «партизанского очага». Один солдат был ранен, но армия захватила в плен не оказавшего сопротивления боливийца Салюстио Чоке. Че узнал обо всем этом 19 марта, когда из базового лагеря прибыл Китаец. Командир был потрясен трусостью Санчеса, который некогда возглавлял арьергард в колонне бесстрашного Камило Сьенфуэгоса. Тот оправдывался — ведь сам Че учил, что партизанская война на первом этапе — это война маневренная и не следовало цепляться за плохо укрепленные позиции пред лицом численно превосходящего врага. Но для Че потеря базового лагеря означала прежде всего потерю продовольствия и боеприпасов — а на поддержку из боливийских городов он надеялся все меньше и меньше.

Во вспомогательном лагере отряд ждали добровольцы (11 человек), которых привел Мойзес Гевара, причем двое из них уже успели дезертировать*. Как потом выяснилось, Мойзес Гевара наврал Че о своей «мощной» организации, которая якобы может дать десятки преданных делу революции бойцов. Будущих партизан он вербовал прямо на карнавале, обещая пьяным рабочим, что их семьи получат много денег, если они сами на некоторое время отправятся в джунгли.

Не обрадовали Че и непрошеные гости — Таня и Дебре, которые должны были действовать только в городе. В лагере Че ждал и Бустос. Все они находились в Ньянкауасу дав-

---

* Висенте Рокабадо и Пастор Баррера. Их-то и захватила армия, когда они пытались продать оружие. Одним из «добровольцев» Мойзеса Гевары оказался бывший сотрудник криминальной полиции Ла-Паса.

но, так как Че должен был вернуться еще 25 февраля. Вид оборванных, голодных и измученных партизан произвел на «романтика революции» Дебре угнетающее впечатление. Писать о революции оказалось куда как комфортнее, чем ее делать.

Че попросил перуанца Чана и аргентинца Бустоса Марко как можно быстрее привести в лагерь добровольцев из их стран. На юго-востоке Боливии, говорил Че, добровольцы физически закалятся и через год-два вернутся домой опытными партизанами. Чан попросил 50 тысяч долларов на организацию собственного перуанского партизанского очага в районе Аякучо, на что Че, подумав, согласился. Бустосу рассуждения Че вообще показались далекими от реальности.

Особенно досталось от Че Тане. Ей надо было лишь только сопроводить Бустоса в лагерь и немедленно возвращаться в Ла-Пас. Но она в нарушение приказа нашла и привела в лагерь Дебре. Мало того, она провела в лагере три недели. Как она теперь сможет объяснить столь длительное отсутствие своим знакомым в Ла-Пасе? Таня не могла сказать рассерженному Че, что всегда мечтала быть именно партизанкой, как и ее героиня Зоя Космодемьянская. Девушка надеялась, что известный своей вспыльчивостью Че скоро «отойдет», сменит гнев на милость и позволит ей остаться в отряде. Ведь стрелять она умела гораздо лучше, чем многие из партизан.

Так и произошло. Таня стала бойцом, вновь надела любимую форму кубинской милиции, а на ремне опять занял свое привычное место пистолет. Че, по понятным причинам не терпевший в лагере женщин, пригрозил всем партизанам самыми жесткими мерами, если Таня на кого-нибудь пожалуется. Девушка обшивала и обстирывала своих боевых товарищей, готовила с ними пищу. Она же помогала поддерживать радиосвязь с «Манилой». Таня гордо отказывалась от всякой помощи, подчеркивая, что является таким же бойцом, как и все остальные.

Однако, как выяснилось, Че сердился на Таню не зря. Сдавшиеся армии дезертиры Мойзеса Гевары рассказали, что в лагере находится молодая женщина. Они даже записали номер ее джипа. Одновременно в полицию поступили сведения, что в Камири вот уже три недели стоит в платном гараже дорогой джип и никто за ним не приходит. Полиция обыскала «тойоту» и нашла там записную книжку Тани, по

которой без особого труда установили имя владелицы машины — Лауры Баэур. Дезертирам показали фото Лауры, и они сразу же узнали девушку-партизанку, которую видели в лагере. В машине оказалось много магнитофонных пленок, и сотрудники боливийских спецслужб вместе с агентами ЦРУ слушали их почти два дня. Но ничего подозрительного кроме фольклора так и не услышали.

Че, под командованием которого теперь находилось 47 бойцов, решил дать армии бой. Это было необходимо, в том числе и для поднятия боевого духа отряда. Да и сдавать вспомогательные лагеря было просто нельзя — тогда бы партизанский очаг остался без продовольствия и оружия.

21 марта боливийская армия издала свой первый антипартизанский оперативный приказ номер 1/67, предписывавший активными действиями обнаружить и уничтожить партизанский очаг в районе реки Ньянкауасу. Это было как раз то, чего ждал Че и чего не советовали делать американцы — бросать в бой на незнакомой местности плохо обученных солдат.

23 марта 1967 года отряд майора Эрнана Платы и капитана Сильвы в составе тридцати пяти человек отправился прочесывать местность по берегам реки Ньянкауасу. Помимо стрелкового оружия у Сильвы было несколько 60-миллиметровых минометов и пулемет 30-го калибра. План был прост — прочесать оба берега реки, при обнаружении партизан связать их боем и запросить поддержку с воздуха. Как только отряд Сильвы втянулся в узкую долину реки, стиснутую скалами, раздался клич: «Да здравствует национальное освобождение!» — и сразу же на опешивших от внезапности солдат обрушился шквал хорошо организованного огня с обоих берегов. Военные были прижаты к земле, и голос с чужим акцентом предложил сдаться. Сильва увидел, как его солдаты-призывники испуганно бросают оружие. Через шесть минут после первого выстрела бой уже завершился. Семь солдат были убиты, четверо — ранены, 11 — взяты в плен.

Тактика Че дала блестящие результаты. Было захвачено три миномета (плюс 64 мины к ним), пулемет (с двумя лентами), три автомата «узи» (с двумя магазинами) и 16 винтовок «маузер» (к ним — 2 тысячи патронов)[486].

Партизаны привели пленных в лагерь, дали им воды и оказали медицинскую помощь раненым. Солдаты стали критиковать офицеров за грубость и пренебрежение к их

нуждам. Сильва «вспомнил», что его брат учится на Кубе. Че не без презрения отметил в дневнике: «Пленные офицеры словоохотливы...»

В общем, как и предполагал Че, боевой дух боливийской армии оказался очень низким. Однако на предложение вступить в ряды партизан никто не отозвался. Солдаты, видимо, не горели желанием воевать под любыми знаменами. Тогда партизаны взяли себе оружие, сняли с пленных форму (чтобы одеть потенциальных добровольцев)* и отпустили восвояси. Когда пленные в жалком виде появились в штабе 4-й дивизии в Камири, то офицеры, спасая свою репутацию, соврали командованию, что их атаковали десятки хорошо вооруженных профессионалов.

Если в тактическом смысле бой 23 марта был блестящей победой, то в стратегическом — большой неудачей. Отряд был преждевременно обнаружен, и теперь не приходилось рассчитывать на год-два спокойной работы по формированию «материнского» партизанского очага в Южной Америке. Боливия окончательно становилась полем боя.

Че все это прекрасно осознавал. 25 марта он провел достаточно жесткий разбор итогов боя. Отметив, что Антонио Санчес (Маркос) — опытный боец, Че все же подробно перечислил его ошибки, главной из которых была сдача лагеря. Маркосу было предложено на выбор вернуться на Кубу или стать простым рядовым. Тот выбрал второй вариант, и его направили в арьергард**. Маркос бросил в лицо Че: «Можешь уж тогда сразу меня расстрелять». Че в долгу не остался: «Если ты так настаиваешь, то можно это устроить». Ясно, что такая перебранка между самыми опытными офицерами отряда никак не способствовала поднятию боевого духа.

После этого Рамон (Че) резко отозвался о трех бойцах Мойзеса Гевары: они струсили в бою, а после схватки отказались перетаскивать снаряжение на новое место. Мол, они, коренные боливийцы, не хотят подчиняться чужакам-кубинцам. Че прилюдно назвал их подонками, недостойными звания настоящих партизан. Боливийцев лишили оружия, и Че предложил дать им по несколько песо и от-

---

* Офицерам форму оставили.

** Наказание сорокалетнего члена ЦК компартии Кубы, ветерана Сьерра-Маэстры и боев против контрреволюционеров в Эскамбрае вряд ли было заслуженным. У Че на короткое время возобладали эмоции — такое с ним случалось и раньше.

пустить на все четыре стороны. Но это было опасно — «отпущенники» могли быстро навести армию на след отряда, и Че был вынужден отступить от уже принятого им решения. Боливийцев лишили оружия и табака, назвали «кандидатами в бойцы» и назначили носильщиками в обоз. Если они проявят себя хорошо, то оружие можно будет вернуть. Нечего и говорить, что «подонки» не горели желанием сражаться и думали только о том, как побыстрее сбежать из отряда.

Партизаны покинули лагерь и отправились в новый поход. В авангарде под командованием Мигеля (капитан кубинских вооруженных сил) шли 11 бойцов, в основной группе под началом Че — 18 бойцов (в том числе семь боливийцев) и четверо «гостей». В арьергарде, которым после Маркоса командовал Хоакин, — девять бойцов и четверо «кандидатов».

Президент Боливии Барриентос оказался сделанным из совсем иного теста, чем Батиста. Сразу же после первого поражения своей армии 26 марта он прилетел в штаб 4-й дивизии в Камири, причем демонстративно пролетел над предполагаемым партизанским очагом. Батиста вблизи линии фронта никогда не показывался. Барриентос лично осмотрел «жестяное ранчо» и покинутый партизанами базовый лагерь, в котором нашли фотографии, аргентинские и доминиканские боеприпасы, женское нижнее белье, книгу из шахтерской библиотеки, косметику и многочисленные карандашные наброски Бустоса.

В своем интервью для прессы Барриентос солгал насчет итогов боя 23 марта, объявив о разгроме партизан и ничтожных потерях армии — это было элементом начавшейся пропагандистской войны. Хотя из допросов дезертиров он знал, что отрядом командовал Че, президент Боливии публично опроверг саму такую возможность: «Я в призраков не верю (Барриентос и не подозревал, что имеет дело как раз с операцией «Призрак». — *Н. П.*). Я убежден, что Че Гевара уже в потустороннем мире, вместе с Камило Сьенфуэгосом и другими мучениками кастровского режима»[487]. Боливийский президент лгал не случайно — он боялся, что если по стране распространится весть о прибытии легендарного Че Гевары, то и без того невысокий боевой дух армии совсем упадет.

Барриентос, как и предполагал Монхе, играл на национализме боливийцев и выступал в привычной роли защит-

ника крестьянства: «Эта возмутительная и хладнокровная акция (то есть бой 23 марта. — *Н. П.*)... приобретает дополнительную серьезность еще и потому, что она принесла боль и страдания в семьи солдат, трудящихся и крестьян...» Партизаны якобы бежали и оставили после себя «памфлеты о партизанской войне и материалы кастровской коммунистической пропаганды кубинского происхождения, равно как и магнитофон, переносной радиоприемник и джип»[488]. Президент утверждал, что армия убила 15 партизан и взяла в плен четверых, в том числе двоих иностранцев[489].

Среди партизан Баррьентос «обнаружил» кубинцев, перуанцев, китайцев, аргентинцев, европейцев и боливийских коммунистов. Таким образом, на Боливию ополчился весь мировой коммунизм.

Чтобы успокоить и одновременно запугать население, президент пообещал быстрое и жесткое искоренение партизанского движения. Но на самом деле он тайно обратился за помощью к американцам — в свою армию не особенно верил.

28 марта 1967 года ЦРУ весьма туманно и поэтично проинформировало о событиях в Боливии президента Джонсона: «Довольно сильный туман пока еще покрывает детали боя на прошлой неделе между партизанами и боливийскими войсками, но посол [США в Боливии] Гендерсон считает, что угроза безопасности правительству начинает приобретать осязаемые формы.

Партизаны — не ясно, сколько их было — напали из засады на армейский патруль в количестве 22 человек 23 марта, убив семерых. Оставшихся взяли в плен, а затем отпустили в отдаленной горной местности. Армейская часть сейчас движется к месту боя, но ей мешают недостаток снаряжения и большое расстояние от источников снабжения»[490].

Как и Баррьентос, ЦРУ побоялось сообщить президенту США о возможном пребывании Че Гевары в Боливии — тогда пришлось бы объяснять, как американская разведка на целых два года упустила его из виду.

Из интервью президента Боливии и целого «града» правительственных коммюнике самое горькое впечатление на Че произвели слова об обнаруженном джипе Тани: «Все говорит о том, что Таня провалилась. Тем самым потеряны два года хорошей и терпеливой работы».

После интервью Баррьентоса Че также пришлось включиться в пропагандистскую войну. Отряд назвал себя Ар-

мией национального освобождения (АНО) Боливии и выпустил короткое коммюнике номер 1. В нем сообщались правдивые данные о погибших в бою 23 марта и говорилось, что «вооруженный народ» Боливии поднялся против «преступников-военных, узурпировавших власть, убивающих рабочих и распродающих ресурсы страны американским империалистам». Подробную политическую программу АНО обещала опубликовать позднее, но так этого и не сделала.

Коммюнике АНО было напечатано всего одной газетой в городе Кочабамба 1 мая 1967 года и не привело ни к каким осязаемым результатам*. Новые добровольцы к партизанам так и не присоединились.

Между тем романтик революции Дебре (скромно взявший себе псевдоним Дантон) приставал к Че с просьбой как можно скорее вывести его из джунглей. Он, мол, собирается жениться да к тому же организует в Европе мощную кампанию в поддержку боливийских партизан. Че не без сарказма отмечал в дневнике настойчивость Дантона.

Боливийская армия методично стягивала кольцо периметром 120 километров вокруг партизанского очага. С севера продвигались части 8-й дивизии (штаб в городе Санта-Крус), с юга — 4-я дивизия (штаб в Камири). Всего в операции против сорока семи партизан было задействовано более двух тысяч солдат и офицеров. Над районом борьбы, названным Баррьентосом «красной зоной», постоянно кружили самолеты, часто наугад бомбившие джунгли напалмом.

Че подвел итоги марта следующим образом: процесс консолидации и внутреннего очищения партизанского отряда закончен. Началась вооруженная борьба. Кубинцы показали себя «неплохо» (Че вообще был скуп на похвалу), зато люди Мойзеса Гевары никуда не годились — два дезертира, один «разговорчивый», взятый армией в плен, двоих пришлось отпустить, трое числились в «кандидатах» как ненадежные. Контрнаступление армии Че оценивал как «тотально неэффективное»[491]. Ситуация партизан «не очень хорошая», но как раз настало время проявить себя.

Баррьентос умолял посла США Дугласа Гендерсона прислать в Боливию американские войска. Казалось, что расчет Че на «второй Вьетнам» начинал сбываться. Первый раз Баррьентос обратился к Гендерсону еще 15 марта, через

* Баррьентос немедленно арестовал главного редактора.

день после того, как были захвачены два дезертира, рассказавшие о Че. Посол в информацию о Че не поверил, но обещал прислать для боливийской армии радиолокационное оборудование и предложил президенту Боливии передать ему детальный список всего, что еще нужно. На следующий день Баррьентос вручил список, повергший Гендерсона в изумление — в нем были оружие и снаряжение для мобилизации полутора тысяч резервистов.

После боя 23 марта Гендерсон согласился направить в Боливию двух офицеров сил специального назначения армии США, чтобы они на месте оценили обстановку и дали совет по поводу боливийского списка пожеланий, который казался послу запредельным. Госсекретарь Дин Раск дал Гендерсону указание не допускать появления американцев в зоне боевых операций — ведь их могли захватить в плен. Американцы ни в коем случае не хотели появления «второго Вьетнама» — им вполне хватало первого. В апреле 1967 года во Вьетнаме находились уже более 400 тысяч военнослужащих США, 10 тысяч американцев на тот момент уже были убиты, в том числе шесть тысяч — в 1966 году. И потери только росли.

9 апреля 1967 года на заседании СНБ США председатель ОКНШ генерал Джонсон изъявил готовность отправить американские войска в Боливию, но госсекретарь Раск был непреклонен — «второго Вьетнама» допустить нельзя.

Пока на поле боя партизанам досаждали лишь американские самолеты АТ-6, которые, как отмечал Че, в начале апреля стали бомбить позиции отряда довольно точно. Видимо, приступило к работе присланное из США радиолокационное оборудование.

Пока же армия наступала с разных сторон тремя усиленными ротами по 245 человек — тактику мелких групп признали ошибочной. Баррьентос прочно захватил инициативу, что при таком соотношении сил было делом очевидным.

Но опыт партизан все же продолжал сказываться. 10 апреля в засаду попала передовая группа одной из рот. За несколько минут были убиты 10 солдат противника (в том числе два офицера), однако и у партизан дело без потерь не обошлось. Пуля попала в голову Рубио — ветерану колонны Че Гевары со времен Санта-Клары Хесусу Суаресу Гуайолю. Его могилу украсили скромным венком из полевых цветов — больше никаких украшений у партизан не было.

Пленных, как обычно, отпустили, из их допросов Че впервые узнал, что на его отряд стали охотиться рейнджеры.

После очередного позорного поражения армии командующий боливийскими вооруженными силами генерал Альфредо Овандо отдал приказ прекратить прочесывание бассейна реки Ньянкауасу ротами, которым предписывалось перейти к обороне. Согласно новому оперативному приказу номер 4/67 «...четыре роты [4-й дивизии] должны организовать оборонительные позиции, высылая патрули на небольшое расстояние... при условии, что это помешает группам партизан получать жизненно необходимое им снабжение»[492].

Таким образом, признав свое поражение в бою, боливийская армия перешла к тактике измора. Баррьентос Ортуньо опять начал усиленно обхаживать американцев.

На сей раз американцы не заставили себя долго ждать — они уже почуяли в Боливии кубинский след. Южное командование армии США (располагалось в зоне Панамского канала и отвечало за Латинскую Америку) решило направить в Боливию «Мобильную тренировочную команду» (МТТ) спецназа во главе с майором Ральфом Шелтоном (по кличке Папочка). Папочка был ветераном боевых действий в Корее и уже в частях спецназа воевал в Лаосе. Он был одним из немногих американских офицеров, сносно говоривших по-испански. Приказ Шелтону состоял в том, чтобы максимум за 19 недель подготовить боеспособный батальон боливийских рейнджеров в составе 650 бойцов. Папочке сообщили, что, возможно, в Боливии находится сам Че.

Американцы прибыли в начале апреля и расположились в местечке Ла-Эсперанса («Надежда»). Совсем недавно там на американские деньги в рамках программы «Союз ради прогресса» построили завод по производству сахара (отсюда и оптимистическое название поселка). Но завод разорился и теперь очень подходил для миссии Шелтона (16 офицеров и сержантов) — его легко было охранять от посторонних глаз. Папочке придали двух лучших специалистов спецназа Южного командования по радиолокации.

Помимо группы Шелтона, Южное командование направило в Боливию бригадного генерала ВВС Уильяма Тоупа, чтобы тот следил за общей ситуацией в стране и принимал при необходимости оперативные решения военного характера.

18 апреля Тоуп прибыл в Боливию и 22 апреля встретился с Баррьентосом. Тот потребовал срочной присылки большого количества автоматического оружия, чтобы «наполнить воздух свинцом». А то у боливийской армии до сих пор на вооружении винтовки «маузер» времен Первой мировой войны. Тоуп обидел президента, весьма нелестно отозвавшись о боевых качествах боливийских солдат: мол, плохо обученный призывник бросит современный автомат с такой же легкостью, как и допотопный «маузер»[493]. Американцы, убеждал собеседника Тоуп, уже столкнулись с этим во Вьетнаме: тамошние партизаны обеспечивают себя самым современным американским оружием, отбирая его у плохо мотивированных солдат правительственной армии. Тоуп поинтересовался у президента, сколько примерно партизан воюют против его армии. Баррьентос этого точно не знал, но начал запугивать Тоупа сотнями прекрасно вооруженных кубинцев. А посол США Гендерсон-де почему-то постоянно занижает их количество в своих депешах в Вашингтон. Но Тоуп поддержал посла — как США могут рассчитать необходимую помощь Боливии, если не понятно, против кого, собственно, она требуется?[494]

28 апреля 1967 года главком боливийской армии генерал Овандо и начальник военной миссии США в Боливии полковник Мацек подписали формальное соглашение о подготовке второго батальона рейнджеров начиная с 8 мая по 26 сентября 1967 года.

На базу в Ла-Эсперансе стали прибывать боливийские солдаты, один вид которых наполнил Папочку Шелтона отчаянием. Тощие, как скелеты, боливийцы питались в армии «чем бог послал». Иногда, например, в рис им крошили куски только что пойманной анаконды. За счет и так ужасного солдатского рациона обогащались офицеры. Врачей многие будущие рейнджеры не видели никогда в жизни, и американские военные медики, осматривающие боливийцев, были поражены букетом самых разных хронических заболеваний. Начали американцы с того, что приказали своим «товарищам по оружию» не ходить в туалет ближе чем на 20 метров от казарм — иначе инструкторы из США не смогли бы вынести дикий смрад.

Стрелять большинство рекрутов не умели, а многие, находясь на службе в армии, никогда не держали в руках винтовку, не то что пулемет. На каждый «маузер» в боли-

вийской армии полагалось всего 10 патронов — Шелтон немедленно распорядился выдать на стрелковую подготовку будущих рейнджеров по пять тысяч штук.

13 апреля 1967 года Че записал в дневнике о появлении в Боливии американских советников, которые, по официальной версии, должны были прибыть в страну давно, и все это, мол, никак не связано с партизанами. С надеждой он отметил: «Может быть, мы присутствуем при первом эпизоде нового Вьетнама»[495].

Таким образом, кольцо окружения вокруг отряда постоянно стягивалось. Че решил пробиваться на север, в более густонаселенные районы Боливии. Но сперва надо было как-то отправить на Большую землю Бустоса и Дебре (последний постоянно проявлял нетерпение, все время рассказывая о своей полезности для революции за границами Боливии). Таня была раскрыта, и Че был вынужден оставить ее в отряде.

Че решил двинуться с основной частью отряда на юг, к городку Муйяпампа, где предполагалось расстаться с Бустосом и Дебре. Арьергард во главе с Акуньей остался на месте с приказом ждать возвращения основных сил через два дня. Это вынужденное решение (Че писал, что принял его после долгих колебаний) и предопределило конечное военное поражение партизан. Че почему-то не наметил запасного пункта встречи обеих частей отряда на случай непредвиденных обстоятельств. Видимо, он рассчитывал, что без проблем вернется через пару дней. При этом он понимал, что в условиях постоянного наблюдения противника с воздуха возвращение тем же путем опасно — армия может устроить засаду.

16 апреля выяснилось, что у Тани сильный жар, и она не может двигаться быстро. Заболел и другой боец — Алехандро. Их оставили в арьергарде, в котором теперь насчитывалось 12 бойцов. 17 апреля в 22.00 группа Че покинула лагерь.

В этот же день случилась сенсация мирового масштаба. Центральный орган компартии Кубы газета «Гранма» опубликовала написанное Че еще осенью 1966 года послание к Трехконтинентальной конференции, а также несколько снимков легендарного команданте в партизанском лагере. Страна, где этот лагерь находился, в газете не называлась, но было и так ясно — Че «нашелся» и готовит американцам, как и обещал, «второй Вьетнам».

Тем временем Че со своей группой шел в намеченное место. Встречавшихся по пути крестьян приходилось временно брать в плен, чтобы они не сообщили армии координаты группы. Тем не менее детишки, видевшие таинственных иностранцев, проболтались английскому корреспонденту Эндрю Роту, неожиданно появившемуся вместе с ними в лагере 19 апреля. От детей Че узнал, что крестьяне все же сообщили армии примерный маршрут его движения. Дебре ухватился за англичанина, как за спасительный якорь, и корреспондент (казавшийся Че подозрительным, так как имел визу на оккупированный американцами остров Пуэрто-Рико) вызвался сопроводить француза и Бустоса в ближайший населенный пункт.

20 апреля примерно в час дня в отряд Че явилась делегация из селения Муйяпампа (мэр, священник* и врач), попросившая оставить их в покое и сложить оружие. Партизаны предложили гостям в знак доброй воли до 18.30 принести им продовольствие и отпустили парламентеров. Но вместо продуктов в 17.30 появились три самолета, начавших бомбить отряд Че, как раз собравшийся поужинать. Отряд отступил на запад в направлении Тикучи. Боливийская армия начала преследование, стараясь не приближаться слишком близко.

20 апреля в 5 часов утра патруль боливийской армии задержал трех подозрительных иностранцев. Боливийцы в отличие от великодушного Че пленных обычно не брали — те, как правило, погибали «при попытке к бегству». Британские документы Рота спасли жизнь Бустосу и Дебре — с англичанами (почти американцами!) ссориться не стали. А то поначалу армия уже было издала коммюнике о трех убитых иностранных наемниках. Оставалось только воплотить его в жизнь, но в прессе появились фото живых Рота, Бустоса и Дебре.

Баррьентосу пришлось играть в демократию. Однако, как только выяснилось, что Дебре и Бустос вышли из партизанского лагеря, их стали нещадно избивать — в боливийской армии и это было нормально. Там офицеры обычно били и своих собственных солдат-индейцев. Когда Данто-на везли на самолете в штаб дивизии в Камири, сопровождающий офицер просто открыл люк и сказал французу: «Или будешь говорить, или выйдешь на свежий воздух». В другой раз уже в камере один офицер разрядил под ноги

---

* Немец по национальности.

Дебре всю обойму своего пистолета. К запугиванию «романтика революции» подключился и сам Баррьентос — разыграв негодование иностранным вмешательством во внутренние дела Боливии, он пригрозил специально ввести на время отмененную смертную казнь, чтобы «законно» казнить француза. Дебре обвинили в незаконном пересечении границ Боливии, убийстве, вооруженном восстании и поджоге. Были распространены фото Дебре в полосатой одежде уголовников с характерным слоганом: «Кто убивает сталью, сам умрет от стали».

Дантон сломался быстро, то же самое можно сказать и про Бустоса. Оперативник ЦРУ (из кубинских контрреволюционеров) Габриэль Гарсиа пообещал измученному Дантону жизнь, и тот заговорил. В частности, он подтвердил, что командиром отряда является Че Гевара. Гарсиа немедленно передал эту информацию резиденту ЦРУ в Ла-Пасе, но тот не поверил — нужны были какие-нибудь доказательства.

В мире поднялась массовая кампания в защиту Дебре, которую возглавил президент Франции де Голль, назвавший своего соотечественника «молодым блестящим философом».

Бустос тоже «сдал» Че. Позднее он оправдывался, что сам Че разрешил ему перед уходом это сделать. Мол, настала пора «объявиться» и надеть всемирно известный черный берет с красной звездочкой. Правда, непонятно, почему Че сам не «объявился» ни тогда, ни позже. Формальным командиром отряда на встречах с местными жителями всегда выступал боливиец Инти.

20 апреля ЦРУ доложило Джонсону, что имеет доказательства поддержки партизанского очага в Боливии со стороны обеих боливийских компартий[496].

22 и 25 апреля отряд Че вступал в перестрелки с армией, которые задержали его движение и тем самым не дали в условленный срок соединиться с оставленным 19 апреля арьергардом. Партизаны потеряли ценного бойца — Элисио Рейеса, сотрудника кубинской разведки и, как писал Че, «одного из столпов» отряда. Хотя за месяц боев армия убила всего двоих партизан, эти потери были невосполнимы — боливийцы к отряду не присоединялись.

Глава резидентуры ЦРУ в Ла-Пасе Ларри Стернфилд на самом деле отнесся к сообщениям о возможном присутствии Че Гевары в Боливии со всей серьезностью. По его просьбе штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли прислала в Боливию

двух оперативников из числа кубинских контрреволюционеров — Феликса Родригеса и Густаво Вильольдо.

Феликс Родригес (родился в 1941 году) происходил из богатой кубинской семьи, связанной с Батистой. Его дядя, например, при диктаторе был министром общественных работ. С 1954 года Родригес учился в элитной американской школе в Пенсильвании и в конце 1958 года уже собирался возвращаться на Кубу, как грянула революция. Родители Родригеса оказались в Майами, а их сын вступил в созданный доминиканским диктатором Трухильо Карибский антикоммунистический легион. Как уже отмечалось выше, попытка высадки этого легиона на Кубе окончилась позорным фиаско, и Родригес-младший сменил «контору». Его зачислили в «Бригаду 2506», которую ЦРУ готовило к высадке в заливе Свиней. Родригес тайно прибыл на Кубу за несколько недель до вторжения, чтобы организовать акты саботажа и диверсии. ЦРУ на поверку оказалось не лучше Трухильо, и после провала вторжения Родригес едва смог выбраться с Кубы через посольство Венесуэлы.

Но тем не менее из ЦРУ он не ушел. Его готовили к заброске на Кубу в октябре 1962 года — Родригес должен был корректировать удары американской авиации по своей собственной родине. Не вышло и в тот раз, но Родригес не успокоился. Он несколько раз предлагал ЦРУ убить Фиделя, Рауля и Че из снайперской винтовки.

Густаво Вильольдо тоже был из «бывших». В феврале 1959 года его отец покончил жизнь самоубийством после того, как была национализирована его дилерская фирма концерна «Дженерал моторс». Вильольдо-младший винил в национализации лично Че. Как и Родригес, он был бойцом «Бригады 2506», отвечая там за разведку. Не случайно, что ЦРУ направило его в 1965 году в Конго, чтобы ликвидировать там Че. Вильольдо внимательно следил за радиообменом между лагерем Че и Гаваной и был уже готов передать координаты лагеря наемникам Бешеного Майка*, но в последний момент Че сумел уйти в Танзанию. Вильольдо неоднократно говорил, что хочет отомстить Че за своих родителей, потерявших после революции свое имущество.

И Родригес, и Вильольдо якобы получили задание совместно с боливийскими спецслужбами выследить Че в

* Знакомый почерк ЦРУ — если бы наемники убили Че Гевару в Конго, никто бы не смог формально-юридически обвинить в этом правительство США.

Боливии, взять его в плен и доставить для допроса в зону Панамского канала. Но нет ни одного документа, подтверждающего эту версию, а ведь ЦРУ столько раз обвиняли в соучастии в убийстве пленного и безоружного Че (преступление по законам любой цивилизованной страны), что существуй в реальности некий документ с указанием пленить Че, он давно бы появился на свет. Тогда в безжалостном расстреле пленного и раненого человека можно было уже точно обвинить только одних боливийских военных. А с тех какой спрос?

А вот в пользу того, что Родригесу и Вильольдо поручили не выпускать Че живым из Боливии, говорит сразу несколько фактов.

Прежде всего сам кадровый выбор Лэнгли. Во-первых, оба кубинца, чьи богатые семьи пострадали от революции, лично ненавидели Че и никогда этого не скрывали. Родригес даже брался ликвидировать его на Кубе. Ожидать от них жалости к команданте Эрнесто Геваре не приходилось. Во-вторых, оба кубинца не были кадровыми сотрудниками ЦРУ. Они работали с «конторой» по договору, и сама «контора» формально юридически за их действия не отвечала. То есть эти «cut out»* могли и не выполнить приказа из Лэнгли, если бы не захотели — они ведь не были американскими государственными служащими. Наконец, в отличие от Папочки Шелтона, миссия Родригеса и Вильольдо в Боливию никак не была формально согласована с боливийскими властями. То есть Барриентос мог к ним и не прислушиваться — они не были сотрудниками какой-либо законной структуры США. В Боливии посланцы ЦРУ работали в форме боливийской армии без знаков отличия и числились для окружающих всего лишь капитанами.

Кроме того, если бы ЦРУ действительно хотело захватить Че живым, то по формальным политическим каналам (посол Гендерсон, резидент ЦРУ в Ла-Пасе Стернфилд) это пожелание американцев следовало, как это и обычно делается в подобных случаях, официально довести до боливийского руководства. Невозможно себе представить, чтобы стопроцентно зависимый от США Барриентос осмелился бы эту просьбу проигнорировать. Но этакой просьбы из Вашингтона в Ла-Пас никогда не поступало, и, таким

---

* Так на жаргоне ЦРУ называют людей, работающих на разведку США без четко оформленных юридических обязательств.

образом, известному своей кровожадностью Баррьентосу выдали молчаливый карт-бланш.

Мало того. По состоянию на 1967 год агентом ЦРУ был министр внутренних дел Боливии Антонио Аргуэдас, бывший член НРД и близкий друг Баррьентоса. При желании ЦРУ могло бы надавить на боливийского президента и по этому каналу, но не сделало этого. С другой стороны, ЦРУ попросило прикомандировать к МВД Боливии своих агентов кубинской национальности (например, Габриэля Гарсиа*), и Аргуэдас сразу «взял под козырек».

Перед отъездом в Боливию Родригес и Вильольдо изучили досье своих будущих боливийских коллег по «охоте на Че» — полковника Хоакина Сентено и майора Арнальдо Соседо. Те курировали разведку в «красной зоне», и даже в материалах ЦРУ отмечалась их крайняя жестокость.

Перед отъездом куратор от ЦРУ Билл, по воспоминаниям самого же Родригеса, обмолвился, что захват Че живым «очень сомнителен»[497].

Баррьентос через боливийского посла в Вашингтоне попросил у американцев 6 миллионов долларов на помощь в борьбе против партизан. Директор ЦРУ Ричард Хелмс был резко против — коррупция Баррьентоса и его окружения была хрестоматийной. Уже были случаи, когда американская помощь Боливии бесследно исчезала.

Баррьентос был возмущен отказом и запросил содействия у соседних Аргентины и Парагвая — ведь партизанский очаг угрожает и им. В этом случае боливийский диктатор был прав, но аргентинцы сообщили, что сами боятся «своих» партизан и пока войска в Боливию послать не готовы. Выделили лишь партию оружия и боеприпасов. С Чили и Парагваем у Боливии были неурегулированные территориальные споры, уже заканчивавшиеся обидными для боливийской армии военными фиаско. Чилийцы, например, не без злорадства следили за позорными поражениями боливийской армии от горстки партизан.

Казалось, что теория Че о революционной роли партизанского очага начала приносить плоды. Успешные действия партизан вызвали оживление в стане политических противников Баррьентоса. Начали бастовать учителя. На митингах шахтеров зазвучали лозунги в поддержку Армии национального освобождения.

---

* Именно он допрашивал Дебре.

Президент Боливии отреагировал быстро и жестоко. Страна была объявлена на осадном положении, все три компартии — запрещены. Школы и университеты принудительно отправили на «дополнительные каникулы». Теперь учителя могли бастовать, сколько им заблагорассудится. США выразили «понимание» всех этих репрессивных мер. Но главную опасность Барриентос совершенно правильно видел в шахтерах, имевших до 1965 года свою вооруженную милицию.

Горняки уже давно были недовольны постоянным ухудшением своего материального положения. С целью финансового «оздоровления» государственной оловянной компании КОМИБОЛ Барриентос резко сократил зарплаты рабочих (до 80 центов в день) и разогнал профсоюзы. 6 июня 1967 года шахтеры в местечке Уануни открыто выразили солидарность с партизанами. Барриентос не на шутку испугался и решил спровоцировать рабочих на преждевременное выступление, чтобы жестоко расправиться с ними.

Войска оккупировали главные шахтерские поселки. Ночью 23 июня в очень популярный в Боливии народный праздник Святого Иоанна армия заняла палаточный лагерь протестующих и празднующих одновременно шахтеров в Катави. В лагере ожидалось массовое собрание, на котором предполагалось принять резолюцию в поддержку партизан. Солдаты открыли огонь из пулеметов, хотя среди собравшихся было много женщин и детей. По официальным данным, погибли 20 человек и 72 были ранены. Профсоюзы говорили о более чем сотне убитых, но Барриентос ввел цензуру и запретил что-либо публиковать о «кровавом празднике». Когда депутат парламента Марсело Кирога Санта Крус обвинил правительство в массовых убийствах мирных граждан, он был немедленно арестован, несмотря на парламентскую неприкосновенность.

Боливийский президент нагло врал, что шахтеры первыми открыли огонь, и эту версию полностью поддержали США. Посол Гендерсон выразил удовлетворение действиями властей.

23 июня специальный меморандум о положении в Боливии президенту США Джонсону направил его советник по национальной безопасности Уолт Ростоу[498]. Сообщив президенту о победе партизан 23 марта, Ростоу продолжил: «Допросы нескольких дезертиров и пленных, включая мо-

лодого французского коммуниста — Жюля Дебре* — тесно связанного с Фиделем Кастро и подозреваемого в том, что он служил кубинским курьером, приводят к выводу, что партизаны пользуются поддержкой Кубы, хотя это сложно подтвердить документально. Есть данные, что "Че" может быть в этой группе**. Дебре сообщает, что видел его. Очень надежный источник (ЦРУ его так пока и не раскрыло. — *Н. П.*) сообщает о недавних словах Брежнева, что Гевара в Латинской Америке "делает свою революцию"»***.

Основываясь на данных ЦРУ, Ростоу довольно аккуратно и точно оценил численность отряда Че (50—60 человек) и подчеркнул (тоже верно), что партизаны были вынуждены вступить в бой раньше времени. Но, «несмотря на это, они пока на голову превосходят боливийские силы безопасности. Действия правительственных частей выявили серьезные недостатки в координации командования, офицерском корпусе, а также в подготовке и дисциплине войск». Сообщив президенту, что США приступили к подготовке боливийских рейнджеров, Ростоу приходил к выводу: «Будущее не ясно. Партизаны были раскрыты задолго до того, как они консолидировались и могли начать наступление. Преследование со стороны правительственных сил, пусть пока и не очень эффективное, держит их в вынужденном движении. Это два плюса.

В своей нынешней численности партизаны, как кажется, не представляют непосредственной угрозы Барриентосу. Если их силы быстро вырастут, и в ближайшем будущем они смогут открыть новые фронты (именно так и хотел действовать Че. — *Н. П.*), о чем распространяются слухи, малочисленные вооруженные силы Боливии попадут в тяжелое положение и хрупкая политическая ситуация окажется под угрозой дестабилизации. Надежда в том, что с помощью нашего содействия возможности боливийских сил безопасности превзойдут возможности партизан, что позволит ликвидировать их».

Так и произошло.

До Вашингтона даже дошли слухи о том, что Боливия готова объявить войну Кубе, но боливийский посол в США

---

* Полное имя Дебре — Режи Жюль.

** Уолт Ростоу сообщал о такой вероятности Джонсону еще 4 июня. Но Гендерсон телеграфировал из Ла-Паса, что уверенности в нахождении Че в Боливии пока нет.

*** Таким образом, по данным американской разведки Брежнев относился к миссии Че насмешливо.

назвал их смешными. По его данным, эти сплетни распускали кубинские эмигранты, желавшие любым способом насолить своей родине.

Пока Боливию лихорадило и американцы всерьез беспокоились за стабильность в этой стране, отряд Че бродил по берегам Рио-Гранде и никак не мог встретиться с оставленным арьергардом. Художник Бустос нарисовал подробные планы тайников партизан, и армия со временем постепенно их ликвидировала. К удивлению большей частью неграмотных боливийских военных, в тайниках оказались сотни книг — Че рассчитывал пробыть в Боливии больше года и для него с Кубы переправили около шестисот книг.

Ситуацию партизанского очага в апреле 1967 года Че оценивал «в пределах нормального»[499]. Мелкие стычки с армией неизменно оканчивались победами. С другой стороны, «...изоляция [отряда], кажется, становится полной, болезни подорвали здоровье некоторых товарищей... мы до сих пор не установили контакт с Хоакином (то есть с оставленным арьергардом. — *Н. П.*); крестьянская база не развивается... Мы максимум достигаем их нейтралитета, может, в будущем придет и помощь».

С точки зрения непосредственно военных действий Че отмечал, что армия пока не может помешать маневрам партизан — она сама малоподвижна и боится далеко заходить в горы. После сообщений из Гаваны Че считал, что уже никто не сомневается в «моем присутствии здесь», а значит, преследование партизан только усилится.

Армия действительно постепенно сжимала кольцо окружения, и в конце мая отряд Че в составе двадцати пяти бойцов (с арьергардом встретиться так и не удалось) начал движение на восток через горы Пириенда, чтобы вырваться из «красной зоны». 28 мая партизаны легко захватили городок Карагуатаренда, причем были вынуждены это сделать. По пути они, как обычно, брали на время в плен крестьян, чтобы те не сообщали армии о местонахождении партизан. Но одна старуха раскричалась, что ей надо домой, и просто покинула колонну. Никто из партизан не нашел в себе нравственных сил ее задержать — боливийские военные на месте партизан, конечно, не стали бы церемониться и лишней пули не пожалели бы. Пришлось вслед за старухой в 14.00 войти в Карагуатаренду. Там партизаны захватили два джипа и грузовик с продуктами для армии, 50 пленных, по-

ели, выпили кофе и в 19.00 на джипах и грузовике поехали дальше на северо-восток.

30 мая партизаны вышли на стратегически важную железную дорогу Санта-Крус—Якуба, по которой перевозилось много экспортных товаров. Паралич этой транспортной артерии мог бы негативно сказаться на всей боливийской экономике, но с такими малыми силами Че, конечно, не смог бы удержать магистраль. Тем не менее Баррьентос испугался (ведь Че легко вышел из «красной зоны»), и армия бросила вдогонку две моторизованные роты под командованием подполковника Аугусто Кальдерона.

30 и 31 мая партизаны устроили засады передовым силам преследователей и, как обычно, победили. 30 мая были убиты трое солдат (один ранен). После боя подстрелили трех индеек и кабана, так что ужин вышел неплохой. 31 мая в засаду попало два грузовика с солдатами, двое из которых были убиты. Тем не менее после боев партизанам все равно приходилось отступать — слишком большим был численный перевес противника. Над отрядом постоянно «висела» вражеская авиация. Отряд был вынужден покинуть район железной дороги и опять уйти в горы.

В анализе майских событий Че прежде всего отмечал как негативный момент то, что так и не удалось соединиться с арьергардом Хоакина. Окончательно прервалась связь с Гаваной. С военной точки зрения стычки с армией продолжали приносить успех, но противник завладел инициативой — командование боливийской армии уже убедилось, что партизан для любого серьезного сражения слишком мало. Че опять отмечал «полное нежелание крестьян» вступать в отряд, хотя некоторые из них и выражали восхищение военными успехами партизан. «Шумиха вокруг Дебре», с точки зрения Че, стоила десяти побед — боливийская армия боится международного заговора и переоценивает партизан. О тактике самой армии Че по-прежнему был невысокого мнения.

Однако армия смогла заблокировать путь на восток, и партизаны двинулись на север в направлении Эль-Лимона и Пуэрто-Камачо. Главной задачей оставалось оторваться от преследователей и соединиться с арьергардом. 3 июня в засаду попал грузовик с двумя закутанными в одеяла «солдатиками», и, как писал в дневнике Че, ни у кого не поднялась рука застрелить их. Пленных просто отпустили. С точки зрения «жестокого» Че Гевары, убить беззащитных людей было бы преступлением.

10 июня отряд попытался переправиться через реку Рио-Гранде, наткнулся на армию и после перестрелки отступил в западном направлении. Оторваться от противника надолго не удавалось, и люди устали от постоянных переходов.

14 июня Че исполнилось 39 лет, но мысли его были, судя по дневнику, о родившейся в этот же день дочери Селите — ей стукнуло четыре года. Че думал, что уже начинает «выходить из партизанского возраста», но пока еще держится нормально.

Весь июнь 1967 года отряд двигался на север, и по пятам неотступно шла армия. 26 июня в засаду в селении Флорида опять попали «солдатики», четверо из которых были убиты. Но против обыкновения армия не отступила, и когда партизаны в темноте попытались взять у убитых оружие, они сами попали в засаду, и так хорошо начавшийся день стал, по выражению Че, «черным». В ногу был ранен Помбо и, хотя жизни рана не угрожала, мобильность отряда снизилась. Но самым страшным для Че было смертельное ранение его старого боевого товарища Карлоса Коэльо (Тумы). Его попытались прооперировать, но он скончался прямо во время операции. Че переживал смерть «неразлучного друга», как потерю сына[500].

Тем не менее взятых в тот же день в плен двух военных, как обычно, отпустили (хотя они немедленно доложили о местонахождении партизан), раздев до нижнего белья. После этого отряд на девяти лошадях продолжил движение.

Партизаны, даже кубинцы, стали роптать — была неясна цель дальнейшей борьбы. Притока местного крестьянского населения в отряд не было, связь с городами была утеряна, а с двадцатью четырьмя партизанами было нечего и думать о серьезной борьбе даже против плохо обученной боливийской армии. 29 июня Че провел с бойцами беседу, призывая к дисциплине. Пока все обошлось.

30 июня Че услышал по радио заявление главкома боливийской армии Овандо, официально сообщившего о пребывании Эрнесто Гевары в Боливии. Это заявление было основано на показаниях Дебре, который, как заметил Че, «сказал больше, чем надо»[501]. При этом великодушный Че оговорился в дневнике, что неизвестно, как из Дантона выбивали показания. Овандо стращал весь мир тем, что среди партизан есть закаленные в боях против американцев вьетнамские партизаны.

Пришло сообщение с Кубы, в котором говорилось о слишком медленном развертывании партизанской войны в Боливии с территории Перу — там не хватало людей и оружия. Кубинцы пытались установить контакт с бывшим президентом Боливии Пас Эстенссоро, чтобы тот возглавил движение. Если бы на севере Боливии возник второй фронт, то отряд Че был бы наверняка спасен. Денег на это кубинцы не жалели, но Пас Эстенссоро, похоже, всячески стремился отвертеться от такой ответственности.

Боевые действия в июне Че оценивал уже в большей степени негативно: не удавалось соединиться с арьергардом и отряд постепенно терял людей, каждый из которых в военном отношении стоил десятков солдат боливийской армии. Кстати, потери этой самой армии за месяц были уже небольшими — четверо убитых и трое раненых. Че опять отмечал полную изоляцию отряда среди местного населения. Пропаганда врага рисовала партизан «сверхлюдьми», боевой дух оставался, по оценке Че, высоким, кубинцы подавали боливийцам достойный пример в бою. «Армия остается полным нулем в военном отношении, но ее работу с крестьянами нельзя недооценивать...» Действительно, практически все местные жители, с которыми приходилось встречаться отряду, немедленно сообщали военным точные координаты партизан. Че и здесь старался выгородить местное население, предполагая, что предателями крестьяне становятся в основном из страха перед военными.

Конечно, страх перед возможными репрессиями имел место — боливийская армия не церемонилась с собственным населением. Но с каждым днем все яснее становилась и правота Монхе — боливийцы не были готовы присоединяться к отряду иностранцев, пусть щедрых и великодушных. В свое время Фидель прекрасно учел фактор кубинского национализма, отказавшись взять на «Гранму» многих иностранных добровольцев. И хотя для Че было сделано исключение, его на первых порах старались не показывать местным жителям, а тем более журналистам.

Еще одной причиной, по которой крестьяне не присоединялись и даже не помогали партизанам, было то, что Че не удалось, как предполагалось, создать прочную освобожденную территорию. В Сьерра-Маэстре поначалу тоже хватало предателей среди местных крестьян, но как только партизаны стали предоставлять им постоянную защиту от правительственных войск, они перешли под знамена «но-

вой власти» и стали на постоянной основе снабжать Повстанческую армию продуктами и пополнением. В Боливии малочисленные партизаны приходили в села и быстро уходили дальше — по пятам двигалась армия. Зачем в таком случае рисковать жизнью и помогать им?

Однако 6 июля 1967 года партизаны Че в очередной раз показали, на что способны. В городок Самайпата, расположенный прямо на стратегически важной дороге Кочабамба — Санта-Крус, среди бела дня въехал грузовик американской компании «Галф ойл» (ранее захваченный партизанами на шоссе). Оттуда выпрыгнули шесть бородатых хорошо вооруженных людей и направили стволы на обалдевшего от неожиданности командира местного гарнизона лейтенанта армии Хуана Вакафлора, отдыхавшего в городском парке[502]. Партизаны говорили с кубинским акцентом*, и Вакафлор вместе с сопровождавшим его сержантом немедленно поднял руки. Один из партизан, купив в киоске напитки, протянул банку и Вакафлору. Лейтенанту пришлось проводить грузовик с партизанами к казарме в центре города и сообщить пароль. Четверо партизан с криками ворвались в казарму и за несколько секунд захватили ее, убив часового (тот попытался отстреливаться). Десять солдат быстро сдались, и их уложили на пол. Дальше группа партизан отправилась в аптеку, купив бинты, спирт и аспирин. К удивлению Вакафлора, кубинцы искали лекарство от астмы, но такого «эксклюзива» в этом захудалом местечке не оказалось.

Партизаны пригласили лейтенанта в кабину грузовика, а пленных солдат — в кузов. Проехав примерно полмили, нападавшие отпустили пленных, сняв с них форму. Когда солдаты в одном нижнем белье появились в городе, жители смеялись над ними.

Рейд на Самайпату принес трофеи: пять винтовок «маузер» и пулемет чехословацкого производства ZB-30. Но страдавший от астмы Че никакого облегчения не получил.

Тем не менее рейд стал громадным пропагандистским успехом — мировая пресса вовсю потешалась над боливийской армией и преувеличивала военные силы партизан. Речь шла об отряде в 40—70 человек, и, конечно же, многие «видели» в Самайпате всемирно известного бородатого человека в черном берете с красной звездой. «Нью-Йорк

---

* Кубинцев в этой группе было трое, остальные трое – боливийцы.

таймс» писала, что у Баррьентоса возникли серьезные проблемы, и он сам был такого же мнения: «Как же правительство Баррьентоса надеется выжить, в то время как Боливию разрывает на части насилие, и отсутствие единства — главный вопрос сегодняшнего дня?»[503]

Баррьентос обратился к американцам с очередной мольбой о помощи и стал настаивать на окончании подготовки рейнджеров, чтобы немедленно бросить их в бой. Однако американцы продолжали обучение — с их точки зрения, будущие спецназовцы были пока еще «сырым материалом» и не годились партизанам Че в подметки.

Пока вместо военной помощи в Боливию прибыли лишь оперативники ЦРУ Феликс Рамос Медина (Феликс Родригес) и Эдуардо Гонсалес (Вильольдо), добиравшиеся через Майами, Панаму и Лиму. Их лично принял Баррьентос, с удовольствием выслушавший истории о «подвигах» кубинских гусанос в диверсионной войне против Кубы. Самому ему пока похвастаться было нечем. Баррьентос выдал Родригесу и Вильольдо специальные пропуска, в которых было предписано всем боливийским властям оказывать им всяческое содействие. Вильольдо отправился прямо в «красную зону». Там ему предстояло изучать все захваченные у партизан документы и допрашивать пленных. Родригеса прикомандировали к штабу 8-й дивизии (город Санта-Крус), в зоне которой как раз в то время и действовали партизаны. Родригес стал изучать ранее захваченные материалы и составлять досье на всех партизан, о которых было известно хотя бы что-нибудь. Оба агента ЦРУ искали любые сведения о Че Геваре.

Американцы были вынуждены наконец-то признать, что Че обманул их разведку и спокойно приехал в Боливию. 23 июля известные американские журналисты Джек Андерсон и Дрю Пирсон констатировали: «Когда президент Боливии Баррьентос заявил, что самый таинственный человек Кубы, Че Гевара, руководит партизанскими силами в боливийских горах, ему не слишком поверили. Но теперь военная разведка США сообщила, что правая рука Фиделя Кастро и правда находится в горах Боливии, возглавляя 100 прекрасно оснащенных и хорошо подготовленных бойцов.

Значение этих боевых операций встревожило многих латиноамериканских президентов. Боливия — самая гористая страна Западного полушария и там легче всего укрыться.

Равно важно и то, что она граничит с бедной частью Бразилии, Перу, Парагваем, Аргентиной и Чили.

Если удастся организовать успешное восстание в Боливии, оно может перекинуться на бедные районы этих соседних стран, а может и на их столицы. В этом, видимо, и заключается стратегия Кастро»[504].

Че принял решение круто повернуть на юг, в район реки Ньянкауасу, чтобы найти там в заложенных ранее тайниках медикаменты и, главным образом, лекарства от мучившей его астмы. Это было очень рискованное решение — район Ньянкауасу еще с марта кишел военными (4-я дивизия). К тому же Че не знал, что Бустос уже выдал армии все партизанские тайники.

28 июля боливийская армия издала новый приказ о тактике борьбы против партизан (№ 13/67). Согласно этому документу части 8-й дивизии широким фронтом двигались на юг к реке Рио-Гранде, а с юга на север к этой же самой реке и таким же «веером» наступала 4-я дивизия. Партизан предполагалось взять в кольцо и уничтожить. Причем акцию по уничтожению окруженного отряда планировалось поручить подготовленным американцами рейнджерам.

Так хорошо начавшийся для партизан июль (Самайпата) окончился почти катастрофой. 27 июля армия подвергла отряд минометному обстрелу, а 30 июля сами партизаны впервые попали в засаду. Рано утром армейский патруль неожиданно (в том числе и для самого себя) напал на лагерь отряда, и партизанам пришлось поспешно спасаться бегством. Погибли Хосе Мария Мартинес Тамайо и один из боливийцев — Рауль. Были брошены 11 рюкзаков с медикаментами и радиоприемником. В руки армии попали также копии радиосообщений из Гаваны. Че быть начеку, как ни странно, помогла мучившая его астма — он не мог заснуть всю ночь.

31 июля Че провел жесткий разбор неудачного боя, отметив следующие ошибки: неудачное расположение лагеря; промедление, позволившее армейскому патрулю открыть более или менее прицельный огонь; излишняя уверенность в собственных силах[505].

Итоги июля в целом не радовали Че, так как не удалось преодолеть главные негативные моменты прошлых месяцев — отсутствие связи с арьергардом и нулевой приток добровольцев. В отряде теперь насчитывалось 22 бойца, из

них трое «калек» (по выражению Че), «включая меня самого». В трех июльских боях армия потеряла семь человек убитыми и десять ранеными, партизаны лишились двух бойцов.

Че полагал, что боевой дух его отряда растет с каждым боем, а армия по-прежнему слаба, хотя «отдельные ее части показывают возросшую боеспособность». Главными задачами на ближайшее время командир считал «восстановить контакты (с арьергардом и городами), пополниться новыми бойцами и добыть медикаменты»[506].

Между тем навстречу Че с юга в общем направлении на «медвежий» лагерь шли по картам, нарисованным Бустосом Марко, четыре роты 1-го батальона 4-й дивизии. С 6 по 9 августа армия вскрыла все тайники, включая и те, где хранились так нужные отряду медикаменты. В руки военных попали гранатометы, пулеметы, одежда, шифры для радиообмена и даже автономный генератор. Внимание агентов ЦРУ привлекли недокуренная кубинская сигара, а также многочисленные фото бойцов отряда.

Отныне отряд Че мог рассчитывать лишь на то, что сами бойцы несли в рюкзаках.

Узнав из сообщений врага о столь тяжелом ударе, Че собрал бойцов для решающего разговора 8 августа. Командир не скрывал — положение тяжелое и настал решающий час борьбы, который может превратить всех в настоящих революционеров, высший тип человека. Если, конечно, удастся выжить. Поэтому все, кто сомневается, могут прекратить борьбу. Кубинцы сразу же высказались за продолжение борьбы, некоторые из боливийцев, как заметил Че, сделали это не без сомнений.

Отряд в прямом смысле прорубался сквозь заросли, и продвижение было очень медленным. 14 августа армия сообщила по радио, что обнаружен партизанский тайник с медикаментами. Че понял, что весь поход к Ньянкауасу потерял всякий смысл. Командир осознал, что обречен страдать от астмы, и это «был самый тяжелый удар, постигший меня». Че пришел к выводу, что тайники кто-то выдал, но пока еще не подозревал своего соотечественника Бустоса.

Но Че еще и не догадывался, какой страшный вред нанес его проекту Бустос. На обнаруженных в выданных им тайниках фото боливийские спецслужбы узнали комсомольскую активистку Лойолу Гусман, которая была немедленно арестована. Девушку зверски пытали, и она якобы

сообщила (по данным полиции) 11 имен участников городской сети поддержки партизанского очага. Сеть была разгромлена, и теперь партизанам никто в Боливии уже помочь не мог. Как только охранники во время одного из допросов на миг оставили Лойолу без присмотра, она выбросилась с третьего этажа здания МВД Боливии. Но карниз смягчил падение, и девушка получила лишь легкие ранения. В больнице она сказала прессе, что скорее умрет, чем выдаст товарищей*.

Все обнаруженные в тайниках фальшивые паспорта Баррьентос по просьбе США передал ЦРУ. Американцам было важно понять, каким путем кубинские и латиноамериканские революционеры без проблем проникают в Западное полушарие под самым носом спецслужб США. Паспорта боливийцам, несмотря на их неоднократные просьбы, так и не вернули.

8 августа директор ЦРУ Хелмс доложил Джонсону о положении в Боливии. Рейд на Самайпату произвел на Лэнгли сильное впечатление. ЦРУ серьезно сомневалось в способности боливийской армии подавить партизан. Если же партизанам удастся свернуть Баррьентоса, то, как и предполагала «теория домино», «посыпятся» режимы в Парагвае и Аргентине. Хелмс отмечал, что в отличие от иных партизанских движений в Латинской Америке боливийское хорошо подготовлено и продумано, вне зависимости от того, находится ли среди партизан Че Гевара. Боливийская же армия пока отличилась лишь террором против собственного населения. Вывод доклада был по меньшей мере тревожным: «Если партизаны продолжат одерживать победы в Боливии, их опыт и методы наверняка послужат примером для других стран Латинской Америки»[507].

Оставленный Че в апреле из-за Дебре и Бустоса арьергард месяцами кружил вокруг Рио-Гранде, надеясь на встречу с главными силами. Сдался в плен и был убит военными

---

* В 1970 году Лойола была выпущена из тюрьмы в обмен на захваченных в заложники в Теопонте немцев, перешла на нелегальное положение и продолжила борьбу против военной диктатуры генерала Уго Бансера. Ее вновь арестовали в 1972 году, будучи беременной вторым ребенком. Тогда же «исчез» ее муж Феликс Мельхар Антело. После падения диктатуры обратилась к правозащитной деятельности и стала главой Ассоциации родственников репрессированных и исчезнувших, присоединилась к Движению к социализму Эво Моралеса, от которого избиралась депутатом парламента.

боливиец Рохо. Погибли отправившиеся к крестьянам за продуктами и попавшие в засаду Маркос и еще один боливиец Виктор. Сбежали двое «подонков».

31 августа партизаны наведались к старому знакомому Онорато Рохасу, когда-то показавшемуся Че «потенциально опасным». Люди Хоакина купили у крестьянина продукты и попросили показать брод через Рио-Гранде. Тот обещал помочь, но как только партизаны ушли, Рохас послал своего двенадцатилетнего сына к военным. Мальчик рассказал капитану Марио Варгасу о визите к отцу трех партизан, и капитан решил устроить на броде засаду. Рохас должен был повесить на условленном месте перехода через реку белый фартук.

41 солдат расположился в зарослях на берегу реки, и через 11 часов ожидания в условленном месте Вадо-де-Йесо показались партизаны. Как только все девять партизан вошли по грудь в воду (Таня шла третьей), по ним был открыт огонь без предупреждения. В отличие от Че, жалевшего «солдатиков», сами «солдатики» в плен никого брать не собирались. Буквально за минуту весь отряд Хоакина был перебит (командир партизан успел выстрелить и убить одного солдата), и тела партизан унесла река, окрасившаяся кровью. Из воды достали только двоих раненых боливийцев: Фредди Маймуру (студента-медика японского происхождения) и Хосе Кастильо. Солдаты попросили Варгаса дать им убить одного из пленных. Офицер не возражал. Маймура вел себя гордо, и это решило его судьбу — солдаты буквально прошили тело безоружного человека пулями.

Варгас позднее хвалился своим героизмом: «Мы знали, что они в безвыходном положении. Голодные, обессилевшие, боеприпасов мало. Они открыто осуждали свои планы в присутствии Рохаса»[508]. Пока Рохас опознавал трупы, солдаты жадно поглощали мясо прямо среди погибших тел.

Труп Тани нашли ниже по течению реки через несколько дней. Солдаты поделили добычу — санитар взял себе компас, капитан Варгас — фотографии. Другие жадно накинулись на флакончики с духами, но в них оказались симпатические чернила. Магнитофонные кассеты, заботливо завернутые в целлофан, внимательно прослушали агенты ЦРУ, но не услышали ничего интересного, кроме народных песен. Фотоаппарат и шифроблокноты Тани торжественно вручили Барриентосу.

Президент Боливии лично осмотрел труп знакомой ему женщины в городке Вальегранде, брезгливо закрывая нос и рот платком. В отличие от других убитых партизан арьергарда (которых, как собак, побросали в братскую могилу), Тамару Бунке похоронили по христианскому обряду — на этом настаивали женщины поселка. Церемонию организовала местная учительница, и солдаты у могилы отдали погибшей воинские почести (явно с санкции президента).

Но Баррьентос был человеком злобным и мстительным — уже следующей ночью тело Тани тайком от жителей вырыли и бросили в ту же братскую могилу, что и ее товарищей по борьбе. На уже пустой могиле потом еще долго появлялись свежие цветы, хотя никаких знакомых у Тамары в Вальягранде никогда не было.

Через две недели после этих печальных событий родители Тамары в Берлине получили из Гаваны вырезку из боливийской газеты «Эль Диарио». На ней был изображен Баррьентос, склонившийся с платком над телом их дочери.

Оставленный в живых после разгрома арьергарда пленный назвался псевдонимом Пако, и его передали оперативникам ЦРУ. Заметим, что Феликс Родригес без проблем договорился с военными, и те сохранили Пако жизнь. Родригес перевязал раны Кастильо, дал ему закурить, и тот «запел». Пленный утверждал, что оказался среди партизан случайно. Его обманул Мойзес Гевара, обещая учебу в Москве или Гаване. Но попасть туда, мол, можно только через джунгли, нелегально перейдя границу. А в джунглях Пако вручили винтовку и рюкзак и объявили, что он стал партизаном. Проблем с Пако у Родригеса не возникло.

Отряд Че появился на месте разгрома группы Хоакина уже на следующий день, но никаких следов боя было не видно. Посланные на разведку к дому Рохаса двое партизан обнаружили, что там никого нет. В доме нашлись мука, масло и несколько козлят, и Че устроил для своих измученных людей небольшой пир. На другой день погонщики скота сообщили, что Рохас лечится в Вальегранде от укусов какого-то дикого зверя. На случай появления Рохаса оставили засаду, но она результатов не дала.

Че записал в дневнике, что август оказался самым плохим месяцем в военном отношении с момента начала борьбы (и он еще не знал о гибели арьергарда). Сильным ударом оказалась потеря всех тайников. Люди страдали от недостатка воды, питались одной кониной, и появился первый

потенциальный дезертир — Камба. Че был вынужден признать, что никакой надежды на установление контакта с внешним миром нет. В то время как боевой дух отряда упал (Че все еще думал, что временно), «армия повысила свою эффективность»[509].

2 сентября радио сообщило о гибели отряда из десяти партизан, что Че посчитал вымыслом чистой воды. Однако 3 сентября передали имя пленного — Хосе Каррильо, и опять Че отказался верить в страшную новость. Подробности продолжали приходить из эфира каждый день, и Че в конце концов смирился с неизбежным, просто перестав говорить о погибшем арьергарде.

Он повел свой отряд на север в направлении Вальегранде, где как раз хоронили Таню. Вся эта местность была изрезана глубокими ущельями, и Че надеялся там наконец оторваться от противника. 3 и 6 сентября произошли небольшие перестрелки с армией, а 10-го при переправе через реку на плоту Че потерял обувь. Он обмотал ноги тряпками — взять ботинки у кого-либо из бойцов было для него невозможным. Че шутил, что зато принял наконец хорошую ванну.

9 сентября в дом к Рохасу на вертолете пожаловал сам Барриентос, вручивший предателю деньги и орден. Рохас купил себе ранчо площадью пять гектаров, но счастья негодяю оно не принесло. 14 июля 1969 года партизаны из воскресшей Армии национального освобождения казнили его двумя выстрелами в голову.

Барриентос объявил о назначении за голову Че (живого или мертвого) награду 50 тысяч песо (4 тысячи долларов) — огромные деньги для боливийских крестьян.

А отряд Че все двигался по труднодоступной местности, питаясь чем попало. Начали возникать ссоры между кубинцами и боливийцами. Даже у гораздо более стойких кубинцев силы подходили к концу, один из них — Антонио (капитан Пантоха) увидел на посту несуществующих врагов. Капитан заплакал, когда Че спросил, нет ли у него проблем со здоровьем. Другой кубинец — Бениньо не взял в плен, как полагалось, встретившихся ему охотников и рыбаков. Че вспылил и назвал это предательством. Бениньо в ответ зарыдал. Моро (врач-хирург Педрахо) так ослабел, что почти не мог идти. Китаец (перуанец Чан) потерял очки и едва передвигался почти на ощупь. 17 сентября Че самолично удалил больные зубы у двоих бойцов, с иронией назвав в дневнике этот день «стоматологическим».

Американская разведка в докладе о ситуации в Боливии от 14 сентября 1967 года все еще выражала большое беспокойство относительно режима Барриентоса: «Нынешнее партизанское движение в Боливии организовано и поддерживается Кубой. Его серьезное значение заключается в том, что оно может стать центром притяжения для многих недовольных элементов, которые до сего времени не смогли объединиться.

В течение примерно будущего года есть лишь небольшая вероятность того, что повстанцы смогут свергнуть режим Барриентоса, но также маловероятно, что режим сможет подавить повстанческое движение»[510].

Че принял решение временно прекратить борьбу и затаиться, чтобы отдохнуть, а потом все же наладить контакт с Ла-Пасом, получить оттуда 40—50 новых бойцов и возобновить партизанские действия. Отряд должен был дойти до Вальегранде, обойти этот населенный пункт и на реквизированных грузовиках прорваться в Альто-Бени. Но перед своим временным исчезновением АНО, считал Че, должна нанести армии эффектное поражение — уйти следовало победителями.

Вскоре выяснилось, что трюк с грузовиками «а-ля Самайпата» вряд ли получится — все дороги были перекрыты армейскими блокпостами.

22 сентября партизаны вошли в горное местечко Альто-Секо («Сухая Вершина»), где их встретили с любопытством и страхом. Узнав, что мэр селения сообщил о их подходе армии, они конфисковали его лавку. Впервые партизаны ничего не заплатили. Че приказал запастись бритвенными принадлежностями — все готовились переходить на нелегальное положение в городе, и знаменитые партизанские бороды здесь явно были не к месту.

Казалось, что партизаны намерены укрепиться в Альто-Секо — они даже вырыли траншеи. Впервые они провели в селении массовый митинг, на котором боливиец Инти разъяснял цели революции. Крестьяне угрюмо молчали, зато местный учитель не без ехидства и «крестьянской хитрости» (выражение Че) интересовался разными сторонами социализма. В конце концов учитель попросил не устраивать боя в их деревне.

Впервые за все время борьбы перед жителями выступил сам Че (не сказавший, правда, кто он такой). Он говорил о грядущей континентальной революции, приводил

пример Доминиканской Республики, где в 1965 году народ поднялся против американцев. Его вежливо выслушали... и только.

Армейское командование уже получило от тех же крестьян сообщение о том, что партизаны находятся в Альто-Секо. Американцы дали «зеленый свет», и в этот район стали перебрасывать еще не закончивших подготовку рейнджеров. Прибыв в Вальегранде, командование батальона узнало от местных, что партизаны бродят где-то поблизости.

26 сентября в 10 часов утра отряд Че занял местечко Ла-Игера, перерезав телефонные провода. Однако партизан засекли расположенные на окрестных высотах солдаты 4-й дивизии под командованием младшего лейтенанта Эдуардо Галиндо. В 13.00 без всякого прикрытия и среди бела дня партизаны ушли из Ла-Игеры — для Че такая беспечность была очень необычной, но, видимо, даже он устал от бесконечных маршей. Авангард партизан попал в засаду, были убиты его командир Эрнандес и двое боливийцев (в том числе Роберто Передо, Коко). Двух человек взяли в плен. Че назвал этот день в дневнике «поражением».

Че принял решение отойти в близлежащее ущелье и переждать опасность. 28 сентября он записал в дневнике: «День мучений, который, кажется, может стать нашим последним днем». 30 сентября Че узнал из сообщений чилийского радио, что он блокирован армией в ущелье.

В местечко Пукара прибыл Феликс Родригес, чтобы осмотреть тела троих убитых партизан. На основании допросов Пако агент ЦРУ смог опознать командира авангарда Эрнандеса и сделал вывод, что сам Че скрывается где-то поблизости с оставшимися бойцами. Именно Родригес уговорил полковника Сентено немедленно прислать рейнджеров для финальной охоты.

16 бойцов Че отчаянно пытались выбраться из ущелья Юро, но рота рейнджеров под командованием капитана Прадо (145 человек) огнем три дня подряд отгоняла их обратно на дно ущелья. 4 и 5 октября партизаны пытались нащупать выход из ущелья (собственно, это было целых три ущелья, два из которых соединялись в одно в форме буквы «Y»). 6 октября один из крестьян заметил 17 хорошо вооруженных людей на поле недалеко от Ла-Игеры и немедленно сообщил об этом армии.

7 октября Че записал в дневнике: «Вот и исполнилось 11 месяцев с нашего посвящения в партизаны, юбилей про-

шел без осложнений, буколически — до 12.30, пока одна старушка, пасшая овец, забрела в наше ущелье, и пришлось ее задержать. Женщина не сказала насчет солдат ничего, заслуживающего доверия, и на все вопросы отвечала, что не знает ничего и что давно тут не ходит. Рассказала о дорогах, по ее словам получается, что мы находимся между Игерой и Хагуэем...» Старушку проводили домой (у нее оказалась парализованная дочь), дали 50 песо, чтобы она молчала — но на ее молчание никто не надеялся. Че показалось забавным сообщение радио о том, что партизаны блокированы между ручьями Оро («Золото») и Асеро («Сталь»). Больше в своей короткой жизни Че ничего написать не успел.

В 5.30 утра 8 октября рейнджеры прибыли на место смычки двух каньонов — Юро и Сан-Антонио — и блокировали ее. Че выслал во всех направлениях небольшие рекогносцировочные группы, но они принесли плохие вести — все три выхода из ущелий были блокированы рейнджерами. Отряд находился в кустарнике на дне каньона Юро с высокими, почти отвесными склонами, на которых практически не было спасительных кустов и деревьев.

В 8.30 Че разделил отряд на три группы, выделив каждой оборонительную позицию. Он считал, что если враг начнет наступление между 10 и 13 часами, то шансов выжить почти нет. Если бой завяжется между 13.00 и 15.00, то есть хорошие перспективы остановить натиск врага. Ну а в случае, если рейнджеры осмелятся начать наступление после трех часов дня, то преимущество будет уже на стороне партизан.

Враг, казалось, читал его мысли — в 10.30 партизанский авангард из семи человек осторожно поднимался наверх каньона и наткнулся на позиции рейнджеров. Партизаны открыли огонь, чтобы дать возможность главным силам во главе с Че отойти.

В 12.30 рейнджеры стали спускаться с высот вниз и сразу потеряли двух человек убитыми. Попытка прорыва главных сил Че примерно в 13.00 была остановлена мощным минометным и пулеметным огнем. Одна пуля прошила знаменитый черный берет Че, вторая угодила в приклад его винтовки М-1, которая вышла из строя, третья попала в правую голень. У командира остался только 9-миллиметровый пистолет с одной обоймой. Отряд был рассеян, и Че остался в ущелье вместе с боливийцем Симоном Кубой

(Вилли), который отказался бросить раненого командира. Командование 8-й дивизии предложило прислать штурмовики, но рейнджеры опасались, что сами могут угодить под бомбы.

Примерно в 16.00 патруль рейнджеров заметил двух истощенных партизан с оружием на изготовку. Солдаты скомандовали: «Стой! Сдавайтесь!» Че поднял руки и сказал подбежавшему командиру роты рейнджеров Гари Прадо: «Я — Че Гевара». Прадо попросил пленника показать ему левую руку — он искал и обнаружил на ней характерный шрам, о котором предупреждало ЦРУ. Помимо пистолета у Че обнаружили пять сваренных вкрутую яиц — его так и несостоявшийся ужин. Команданте вел себя гордо и напомнил Прадо, что партизаны пленных щадили.

Раненому Че (из его ноги сочилась кровь) связали руки и ноги, прислонили сидя к дереву, пригрозив убить при попытке к бегству. Но он лишь вздохнул: «Не беспокойтесь, капитан, все кончено»*.

Прадо передал на командный пункт в Вальегранде по рации условный сигнал: «Папа устал», означавший пленение Че. Капитану приказали сохранить пленному жизнь.

Когда к капитану подошел раненый рейнджер, Че вызвался оказать ему медицинскую помощь: «Я, конечно, прежде всего, революционер, но разбираюсь в медицине». Прадо отказал, затем по просьбе Вилли все же развязал пленникам руки. Че попросил разрешения выпить воды из своей фляжки, но Прадо не исключал, что в ней может быть яд, и предложил свою. Затем пленник попросил сигарету, но от предложенных капитаном «Пасификс» отказался — слишком слабые. Один из солдат дал ему крепкую («Асториас»), и Че с наслаждением затянулся.

После зачистки каньона Че, опираясь на плечи двоих солдат, несколько километров шел до Ла-Игеры. Вход в поселок был обставлен как парад победителей. Рейнджеры несли троих убитых и троих раненых товарищей и волочили за воротники прямо по грязной дороге тела двоих мертвых партизан. Че и Вилли доставили в маленькую школу, больше похожую на сарай. Каждого из партизан посадили в отдельный класс, благо их и всего-то было двое.

---

* Последний день жизни Че после пленения описан со слов его врагов, поэтому полной гарантии аутентичности событий нет и не может быть.

Прадо написал отчет о бое и приложил опись изъятых у Че вещей:

«— Два дневника (в одном описывались события ноября—декабря 1966-го, в другом — января—октября 1967 года),

— записная книжка с адресами и инструкциями,

— две записные книжки с копиями полученных и отосланных радиосообщений,

— два шифровальных блокнота,

— двадцать карт с уточняющими пометками Че,

— две книги "о социализме",

— поврежденная винтовка М-1,

— пистолет 9-мм с одной обоймой,

— 12 непроявленных 35-мм пленок,

— небольшая сумка с деньгами (боливийские песо и доллары)».

За пленных теперь отвечал подполковник Селнич, известный своей жестокостью даже в боливийской армии. На следующий день 9 октября в Ла-Игере ждали полковника Сентено, который уже отмечал в Вальегранде победу изрядными порциями виски «Баллантайнс», две бутылки которого любезно предоставил Феликс Родригес. Полковник сразу же согласился взять Родригеса с собой на вертолете в Ла-Игеру.

Прадо зашел в класс к Че, медленно истекавшему кровью, и тот открыл глаза. Капитан опять предложил ему сигареты, и на сей раз пленник не отказался, взяв две. Он вытряхнул из них табак в трубку и раскурил ее. В ответ на вопрос, как он себя чувствует, Че пожаловался на боль в раненой ноге: «Но ведь это неизбежно, правда?» Прадо извинился, что у них нет врача, и обещал Че медицинскую помощь завтра, когда его на вертолете доставят в Вальегранде. Офицер поинтересовался, зачем Че выбрал Боливию для своих приключений, ведь это глупость, здесь все нищие и безграмотные. «Может, это по-вашему и глупость, а революция — не приключения», — отрезал Че.

Дискуссия накалялась, и Че заметил Прадо, что, видимо, социальное происхождение мешает ему понять положение в Боливии. Прадо возмутился и стал рассказывать Че о завоеваниях боливийской революции 1952 года. Че заметил, что видел их своими глазами еще в 1953 году. «Наша революционная армия — часть народа», — горячился Прадо. «Но она этот самый народ подавляет», — возражал Че.

Так почему же тогда крестьяне не захотели присоединиться к партизанам? «Невежество и отсталость, в которых их держат, помешали им понять, что происходит на этом континенте. Но освобождение — не за горами».

Прадо вместе с майором Айороа и подполковником Селничем изучили вещи Че. Затем три офицера вошли в класс, и Селнич начал сразу же издеваться над пленным, у которого были связаны ноги: «Вам надо хорошо выглядеть. Завтра многие захотят с вами сфотографироваться. Может, побреетесь для начала?» Селнич наклонился, чтобы подергать Че за бороду, но тот твердо отвел его руку. Подполковник обозлился: «Твой парад окончен. Теперь мы заказываем музыку. Не надо об этом забывать».

Айороа попытался допросить Че, но тот отвечал на все вопросы о численности отряда и возможном месте его встречи одно и то же: «Я не знаю». В полночь офицеры ушли, и Прадо на всякий случай проверил посты в деревне — возможно, партизаны попытаются отбить своего командира.

Утром 9 октября Родригес якобы написал сообщение в резидентуру ЦРУ в Ла-Пас, в котором сообщил о поимке Че и попросил сохранить ему жизнь. Этот документ до сих пор не обнаружен, и вряд ли он вообще существовал. В любом случае ни ЦРУ, ни другие американские ведомства на него никак не отреагировали. Заметим, что ранее посол США в Боливии Гендерсон попросил Баррьентоса сохранить жизнь Дебре, что и было сделано.

Когда утром 9 октября Сентено и Родригес прилетели на вертолете в Ла-Игеру, Прадо спросил полковника, что будет с пленным. Тот и сам не знал. Ждали указаний президента.

Когда Сентено и Родригес вошли в класс, оперативник ЦРУ сразу же заметил, что команданте ранен — повязка на ноге пропиталась кровью. Сентено начал приказным тоном спрашивать, почему Че осмелился вести борьбу против боливийского правительства. Пленный его игнорировал. Он лежал, прижавшись щекой к грязному полу. Родригес получил разрешение сфотографировать все захваченные документы и немедленно отбыл с этой целью на местную телеграфную станцию.

Баррьентос созвал экстренное совещание своих ближайших приспешников: решали, упрятать ли Че в тюрьму до суда или убить его. Баррьентос опасался, что при первом

варианте, как и в случае с Дебре, поднимется мощная волна солидарности и возмущения во всем мире, и Че, еще чего доброго, придется отпустить на Кубу. Пока в мире было неизвестно, что Че захвачен в плен, но скрывать это долго не удастся. Ведь вчера вечером Овандо и командующий ВВС Бельмонте ужинали в престижном клубе Ла-Паса, где им и сообщили, что «папа устал». Радостные генералы выбежали на улицу и их волнение не укрылось от атташе американской военной разведки в Ла-Пасе Эрнеста Нэнса, который тоже «тусовался» в клубе. Уже вскоре в Вашингтон ушла срочная депеша о поимке Че Гевары[511]. Было воскресенье, но Нэнс встретился с Овандо и Бельмонте и попросил их сохранить пленному жизнь. Те ничего не обещали.

Но вдруг американцы уже на высшем уровне повторят свою просьбу? Баррьентос опасался, что любое сообщение о том, что Че жив, выведет на улицы боливийских городов тысячи людей с требованием его немедленного освобождения. Так недолго и поменяться местами с команданте. Так же считали Овандо и Бельмонте. Первый напомнил президенту, что в Боливии отменена смертная казнь, так что любой суд сохранит Че Геваре жизнь. Так что же, держать его 30 лет в тюрьме? Нереально. Так генералы приняли единогласное и преступное для любого военного решение.

Американцы могли спасти Че, если бы хотели. Уже утром 9 октября в Вашингтон пришла срочная депеша от Гендерсона, в которой со ссылкой на агентов ЦРУ (скорее всего, Родригеса и Вильольдо) говорилось: «Че Гевара захвачен в плен частями боливийской армии в районе Игеры юго-западнее Вальегранде в воскресенье 8 октября»[512]. Таким образом, в Вашингтоне точно знали, что Че жив, но никак не повлияли на Баррьентоса.

В 10 часов утра 9 октября Родригес все еще переснимал документы, когда к нему (одетому в форму капитана) подбежал солдат — срочный телефонный звонок из Вальегранде. Родригес подошел к трубке: «Капитан Рамос слушает». «Рамос, слушайте приказ высшего командования. Проведите операцию 500 и 600». Его попросили повторить приказ. Родригес знал, что это означает: «500» — Че, «600» — смерть. Если бы пленного команданте решили оставить в живых, то приказ бы гласил «500 и 700».

Через час появился Сентено, и Родригес передал ему приказ, якобы попросив все же оставить пленнику жизнь.

Но полковник, естественно, был за выполнение приказа, пообещав Родригесу в качестве наград за его заслуги честь сопровождать тело Че на вертолете в Вальегранде. Пока же, до отлета вертолета, он может допросить пленного.

Когда Родригес подошел к школе, в одном из классов он увидел солдата с еще дымящейся винтовкой. Тот посмотрел на труп Вилли со связанными ногами и сказал: «Мой капитан, он пытался бежать». Перед смертью Вилли успел крикнуть, что счастлив умереть вместе с Че Геварой.

Родригес вошел в класс к Че. Тот слышал выстрел и уже все понял.

«Че Гевара, я хочу поговорить с вами». Лежавший на полу человек ответил: «Меня никто не сможет допросить». Тут Родригес дал зазвучать своему кубинскому акценту, выразив уважение идеалам противника. Че попросил развязать его и разрешить ему сесть. Его развязали, и он попросил табака для трубки. Однако на все вопросы Родригеса о дальнейших планах отряда Че лишь отвечал: «Вы же знаете, я не могу этого сказать».

Они опять говорили о том, почему Че выбрал Боливию. Пленник вспоминал о своей деятельности на Кубе, после того как Родригес спросил, как это, будучи врачом, Че решился возглавить Национальный банк. Дискуссия о политике затянулась на полтора часа. У Родригеса было время — Сентено ждал мертвого Че в вертолете в 14.00.

Подошедший пилот вертолета сделал снимок Че вместе с Родригесом, и Че улыбнулся, когда агент ЦРУ сказал, что вылетит птичка. Время еще было, и Родригес рассказал Че, что он кубинец, ненавидит революцию и всю жизнь с ней боролся. Назвавшись Феликсом, он вышел, чтобы продолжить фотографирование захваченных материалов, и обещал вернуться.

У школы к нему подошла местная учительница: «Вы его расстреляете?» — «Сеньора, с чего это вы?» — «Так ведь по радио уже передали, что Че погиб от полученных в бою ран». Родригес вернулся к Че и якобы сказал ему, что пытался спасти ему жизнь, но боливийское правительство решило по-иному. Че побледнел и ответил: «Ну что ж, это и к лучшему. Не надо было сдаваться в плен живым». — «Что передать семье?» — «Скажите моей жене, чтобы она снова вышла замуж и была счастлива».

У дверей школы уже стоял палач — 31-летний сержант Марио Теран. Он любил выпить, был пьян и в этот день. Сержант уже вызвался добровольно казнить пленника яко-

бы потому, что ранее в боях с партизанами погибли три его товарища по имени Марио. Родригес хладнокровно сказал Терану, чтобы тот стрелял ниже шеи — надо было имитировать боевые ранения. «Да, мой капитан». Агент ЦРУ пошел дальше фотографировать документы и в 13.10 услышал выстрелы. Он сразу понял, что они означают. Стрелял Теран из полуавтоматической американской винтовки М-1 (любимое оружие Че), выпустив в беззащитного человека девять пуль.

Последними словами Че на этой земле были: «Цельсь лучше! Ты сейчас убьешь человека!»

9 октября в 18.10 помощник Джонсона по национальной безопасности Ростоу проинформировал президента: «Вас должна заинтересовать эта предварительная информация, что боливийцы взяли Че Гевару. Пока это не подтверждено (ложь, если учесть переданные ранее через Ла-Пас сведения Родригеса и депешу Гендерсона в госдепартамент. — *Н. П.*). Задействованная (при пленении Че. — *Н. П.*) боливийская часть подготовлена нами и только что вступила в бой.

1. Президент Баррьентос в 10.00 9 октября сообщил группе журналистов, но не для публикации до последующего разрешения, что Че Гевара мертв.

2. Подтверждения деталям пока нет»[513].

В меморандуме от 11 октября на имя Джонсона Ростоу уже не скрывал отношения к убийству Че:

«ЦРУ сообщает, что... Че Гевара был взят живым. После короткого допроса для установления его личности генерал Овандо — командующий боливийскими вооруженными силами — приказал его расстрелять. Я считаю это глупостью. Но это можно понять с точки зрения боливийцев, учитывая проблемы, возникшие при сохранении жизни французскому коммунисту и курьеру Кастро Режи Дебре.

Смерть Гевары имеет следующие важные последствия:

— она означает уход еще одного агрессивного романтического революционера типа Сукарно, Нкрумы, бен Беллы — и усиливает эту тенденцию;

— в контексте Латинской Америки она будет иметь большое значение в плане обескураживающего влияния на потенциальных партизан;

— она показывает правильность нашей "превентивной медицины" в плане поддержки стран, сталкивающихся с повстанческим движением — именно боливийский 2-й батальон рейнджеров, который наши "зеленые бере-

ты" тренировали с июня по сентябрь этого года, обнаружил и взял его»[514].

Таким образом, Ростоу (а именно он курировал ЦРУ) не скрывал своего удовлетворения «глупостью» боливийских властей. Ему вторило Бюро разведки госдепартамента в пространном меморандуме от 12 октября: «Смерть Че Гевары стала отрезвляющим ударом — на сей раз фатальным — для боливийского партизанского движения и означает серьезное препятствие на пути надежд Фиделя Кастро по организации вооруженной революции "во всех или почти всех" странах Латинской Америки»[515].

Враги продолжали глумиться над Че и после его смерти. Его тело привязали к шасси вертолета и доставили в Вальегранде. Люди смотрели на лежащего на носилках Че, и многим местным жителям он казался похожим на снятого с креста Иисуса. Че отрубили кисти рук, положили их в контейнер с формальдегидом и доставили их в Ла-Пас. Прибывшие туда же полицейские из Аргентины провели дактилоскопию и сравнили отпечатки пальцев с теми, которые были в досье аргентинских спецслужб. Сомнений не осталось — это были кисти рук Эрнесто Гевары де ла Серна.

15 октября Фидель сообщил народу о смерти Че, и на Кубе был объявлен трехдневный траур. С тех пор в стране 9 октября отмечают как День героического партизана. Во всем мире — от Мехико до Алжира и Калькутты — прошли массовые траурные митинги, на которых сотни тысяч людей почтили память Че Гевары. В Чикаго студенты впервые надели майки с портретом Че, устроив столкновения с полицией. В Праге и Будапеште на улицах зажигали памятные свечи.

Только 18 октября боливийская армия официально сообщила, что Че был захвачен живым, но тяжело раненным и скончался от ран 8 октября в Ла-Игере. Тело Че тайно захоронили в неизвестном месте.

Только в июле 1997 года группа кубинских и аргентинских специалистов нашла братскую могилу недалеко от взлетно-посадочной полосы в Вальегранде, где обнаружили семь тел, в том числе и одно с ампутированными кистями. 17 октября 1997 года останки Че и шести его боевых товарищей были торжественно захоронены в специально построенном мавзолее в Санта-Кларе. В 2004 году мавзолей посетили 205 832 человека, в том числе 127 597 иностранных туристов.

Эрнесто Че Гевара остается символом бескорыстного служения идеалам гуманизма и справедливости, романтиком революции, новым человеком, намного опередившим свое время. Облик этого человека известен каждому жителю Земли, как бы он к нему ни относился. Памятники Че стоят по всему миру — от его родного Росарио до Вены. Его увековечили в песнях и стихах на всех континентах. В 2013 году в честь 85-летия со дня рождения Эрнесто Че Гевары его рукописи были включены в реестр документального наследия программы ЮНЕСКО «Память мира».

Баррьентос пережил Че ненадолго — 27 апреля 1969 года вертолет, который он сам пилотировал, потерпел крушение. Вряд ли когда-нибудь в Боливии поставят ему памятник.

Президент США Джонсон скончался 22 января 1973 года от третьего инфаркта. Нет никого в Америке или за ее пределами, кто оценивал бы этого человека как выдающегося главу государства.

Марио Теран под именем Педро Салазара долго жил в тайне под защитой американских и боливийских спецслужб в городе Санта-Крус. Спустя десять лет после подлого убийства в интервью «Пари матч» Теран называл этот момент «самым тяжелым в жизни» и говорил, что для выстрелов ему требовалось собраться с мужеством. Теран обзавелся семьей, заимел пятерых детей и нескольких внуков. Обычно он избегает публичности, но изредка идет на контакты с журналистами. В 2007 году он воспользовался кубинской программой бесплатного офтальмологического лечения. Кубинские медики, работающие в Боливии, сделали Терану операцию по удалению катаракты. К кубинским врачам Теран записывался под чужим именем. На момент написания этой книги он был еще жив. Но жизнь ли это?

Мудрая и неподкупная История все расставила на свои места, подарив кому бесславье, а кому бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Войцеховский З.* Че Гевара, который хотел перемен. М.: Эксмо, 2013. С. 40.

[2] *Тайбо II П. И.* Че Гевара: Биография. М.: Эксмо, 2005. С. 13.

[3] *Guevara E. L.* Young Che: Memories of Che Guevara by His Father. New York: Vintage Books, 2008. P. 119.

[4] http://biblioteca.humv.es/eServicios/Docs/bibliografia_doctor-gonzalezaguilar_mariocorral.pdf

[5] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 142.

[6] *Лаврецкий И. Р.* Эрнесто Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 32.

[7] http://www.lanacion.com.ar/209337-la-frustrada-pasion-cordobesa-del-che

[8] *Гросс Х. Э., Вольф К. П.* Че: «Мои мечты не знают границ». М.: Прогресс, 1984. С. 14.

[9] Там же. С. 24—25.

[10] *Лаврецкий И. Р.* Эрнесто Че Гевара. С. 20.

[11] http://www.lanacion.com.a в /209337-la-frustrada-pasion-cordobesa-del-che

[12] Там же.

[13] *Лаврецкий И. Р.* Эрнесто Че Гевара. С. 35.

[14] *Гросс Х. Э., Вольф К. П.* Указ. соч. С. 35—36.

[15] *Anderson J. L.* Che: Eine Biographie. Berlin, 2014. S. 71.

[16] Op. cit.

[17] Цит. по: *Лаврецкий И. Р.* Эрнесто Че Гевара. С. 36—37.

[18] https://es.wikipedia.org/wiki/Hugo_Pesce_Pescetto

[19] *Castañeda J. G.* Companero: The Life and Death of Che Guevara. New York: Alfred A. Knopf, 1997. P. 51.

[20] https://es.wikipedia.org/wiki/Ernesto_Guevara#Primer_viaje_latinoamericano_.281952.29

[21] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%BB%D1%8C,_%D0%93%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BE

[22] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 89—90.

[23] *Siekmeier J. F.* The Bolivian Revolution and the United States, 1952 to the Present. Pennsylvania State University Press, 2011. P. 49.

[24] *Castañeda J. G.* Op. cit. P. 59.

[25] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%81,_%D0%AD%D0%B2%D0%BE

[26] *Siekmeier J. F.* Op. cit. P. 49.

[27] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 193.

[28] *Castañeda J. G.* Op. cit. P. 59.

[29] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 190.

[30] Op. cit. P. 191.

[31] Op. cit. P. 193.

[32] Op. cit. P. 200—201.
[33] *Castañeda J. G.* Op. cit. P. 63.
[34] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 102—103.
[35] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 203—204.
[36] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000914890.pdf
[37] Там же.
[38] *De la Cova A. R.* The Moncada Attack: Birth of the Cuban Revolution. University of South Carolina Press, 2007. P. 38.
[39] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 111.
[40] Op. cit. S. 113—114.
[41] Там же.
[42] Op. cit. S. 117.
[43] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 218.
[44] Op. cit. P. 219.
[45] Op. cit. P. 222.
[46] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 123.
[47] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 223.
[48] Op. cit. P. 226.
[49] Там же.
[50] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000135796.pdf
[51] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 230.
[52] Op. cit. P. 229—230.
[53] *Gleijeses P.* Shattered Hope: The Guatemalan Revolution and United States: 1944—1954. Princeton University Press, 1991. P. 331.
[54] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 231—232.
[55] *Gadea H.* My Life with Che: The Making of a Revolutionary. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 81.
[56] *Castañeda J. G.* Op. cit. P. 74.
[57] *Gadea H.* Op. cit. P. 94.
[58] *Ratner M., Smith M. S.* Quién mató al Che? Buenos Aires, 2014. P. 164—168.
[59] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 242—243.
[60] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 134.
[61] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 255.
[62] Op. cit. P. 246.
[63] *Ratner M., Smith M. S.* Op. cit. P. 114.
[64] *Gadea H.* Op. cit. P. 125.
[65] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 255.
[66] *Gadea H.* Op. cit. P. 125.
[67] Op. cit. P. 134.
[68] Op. cit. P. 141.
[69] *Леонов Н. С.* Лихолетье. М.: Международные отношения, 1994. С. 29.
[70] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[71] Там же.

[72] Там же.
[73] *Gadea H.* Op. cit. P. 144.
[74] Op. cit. P. 147.
[75] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrieg. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1987. S. 8—9.
[76] *Gadea H.* Op. cit. P. 148.
[77] Op. cit. P. 153.
[78] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 147.
[79] http://www.facepopular.net/forum/thread/613/informe-desclasificado-de-la-cia-1954-argentina-peron/
[80] *Gadea H.* Op. cit. P. 161.
[81] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 281.
[82] *Gadea H.* Op. cit. P. 164—165.
[83] *Леонов Н. С.* Указ. соч. С. 34.
[84] *Castañeda J. G.* Op. cit. P. 92.
[85] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 153.
[86] Там же.
[87] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[88] *Ratner M., Smith M. S.* Op. cit. P. 116.
[89] *Gadea H.* Op. cit. P. 190.
[90] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 158.
[91] *Ratner M., Smith M. S.* Op. cit. P. 114.
[92] *Guevara E. L.* Op. cit. P. 292—293.
[93] *Gadea H.* Op. cit. P. 193.
[94] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0009.pdf
[95] Там же.
[96] Там же.
[97] Там же.
[98] *Gadea H.* Op. cit. P. 203.
[99] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[100] Там же.
[101] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 166.
[102] *Ларин Е. А.* Повстанческая армия в кубинской революции (декабрь 1956 — январь 1959). М.: Наука, 1977. С. 69.
[103] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 11.
[104] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 72.
[105] Там же.
[106] Там же. С. 81.
[107] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[108] Там же.
[109] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 90—91.
[110] Там же. С. 90.
[111] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 184.
[112] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf

[113] *Gadea H.* Op. cit. P. 209.
[114] Op. cit. P. 212.
[115] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 93—94.
[116] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[117] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 50.
[118] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 93—94.
[119] Там же. С. 97.
[120] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[121] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 101.
[122] Там же. С. 104—105.
[123] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 104.
[124] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 108.
[125] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 219.
[126] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 122.
[127] http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-57v06/reference/frus.frus195557v06.i0010.pdf
[128] Там же.
[129] Там же.
[130] Там же.
[131] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 131.
[132] Op. cit. S. 135.
[133] Op. cit. S. 150.
[134] Op. cit. S. 150—152.
[135] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 120.
[136] Там же. С. 122.
[137] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 179.
[138] Op. cit. S. 194.
[139] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 250.
[140] http://www.cubadebate.cu/especiales/2013/12/03/la-cia-y-el-fbi-coordinaban-instalaciones-represivas-en-la-habana-antes-de-1959/#.Vp9EDU8XFiw
[141] Там же.
[142] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=article&did=FRUS.FRUS195860v06.i0008&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[143] Там же.
[144] Там же.
[145] *Guevara E. C.* Episoden aus dem Revolutionskrie. S. 205.
[146] Op. cit. S. 208.
[147] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 134.
[148] Там же. С. 135.
[149] http://www.cubadebate.cu/especiales/2013/12/03/la-cia-y-el-fbi-coordinaban-instalaciones-represivas-en-la-habana-antes-de-1959/#.Vp9EDU8XFiw
[150] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0049&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[151] Там же.
[152] Там же.
[153] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 154.
[154] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0085&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[155] Там же.
[156] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 156.
[157] Там же. С. 161—162.
[158] Там же. С. 162.
[159] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0113&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[160] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 163—164.
[161] http://www.latinamericanstudies.org/cable/cable-8-15-58.htm
[162] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0078&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[163] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 165.
[164] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0115&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[165] Там же.
[166] *Ratner M., Smith M. S.* Op. cit. P. 152—161.
[167] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0131&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[168] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 183.
[169] Там же.
[170] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0146&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[171] Там же.
[172] Там же.
[173] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 276—277.
[174] *Dosal P. J.* Comandante Che: Guerrilla Soldier, Commander, and Strategist: 1956—1967. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 141.
[175] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 279.
[176] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 192.
[177] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0192&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[178] Там же.
[179] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 142.
[180] Op. cit. P. 144.
[181] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0212&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[182] Там же.
[183] Там же.
[184] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 213.
[185] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0243&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[186] Там же.
[187] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 150.
[188] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0248&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[189] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 217.
[190] Там же.
[191] *Sartre J.-P.* Uragán nad cukrem. Praha: SNKLU, 1961. S. 58—59.
[192] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 218.
[193] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 293.
[194] Op. cit. S. 297.
[195] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0276&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[196] Там же.
[197] *Ларин Е. А.* Указ. соч. С. 219.
[198] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 155.
[199] Op. cit. P. 157.
[200] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0297&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[201] Там же.
[202] Там же.
[203] Там же.
[204] Там же.
[205] Там же.
[206] Там же.
[207] Там же.
[208] Там же.
[209] Там же.
[210] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 321.
[211] http://www.themilitant.com/2012/7633/763349.html
[212] *March A.* Remembering Che: My Life with Che Guevara. Ocean Press, 2012. P. 66.
[213] *Gadea H.* Op. cit. P. 219.
[214] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0396&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[215] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 334.
[216] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006 (Роза революций). С. 50.

[217] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 334.

[218] Op. cit. S. 350.

[219] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0472&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[220] Там же.

[221] Там же.

[222] *Bortlova H.* Československo a Kuba v letech: 1959—1962. Praha, 2011. S. 38.

[223] Op. cit. S. 41.

[224] *Ratner M., Smith M. S.* Op. cit. P. 162.

[225] *Bortlova H.* Op. cit. S. 41.

[226] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 364.

[227] Op. cit. S. 367.

[228] *Bortlova H.* Op. cit. S. 42.

[229] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0574&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[230] Там же.

[231] Там же.

[232] Там же.

[233] http://www.latinamericanstudies.org/cuban-rebels/trujillo-conspiracy.htm

[234] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0611&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[235] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 374.

[236] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0660&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[237] Там же.

[238] Там же.

[239] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 378.

[240] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 69.

[241] *Buch L. M., Suarez R.* Gobierno revolucionario Cubano: Primeros pasos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2009. P. 328.

[242] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0713&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[243] Там же.

[244] Там же.

[245] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%8C%D0%B5%D0%BD%D1%84%D1%83%D1%8D%D0%B3%D0%BE%D1%81,_%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE

[246] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0751&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M

[247] Там же.
[248] Там же.
[249] Там же.
[250] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=goto&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M&submit=Go+to+page&page=850
[251] *Bortlova H.* Op. cit. S. 50.
[252] http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS195860v06.p0977&id=FRUS.FRUS195860v06&isize=M
[253] *Sartre J.-P.* Op. cit. S. 59.
[254] *Buch L. M., Suarez R.* Op. cit. P. 329.
[255] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Советский Союз и Куба: Экономическое сотрудничество. М.: Наука, 1973. С. 64.
[256] Указ. соч. С. 68.
[257] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 94.
[258] Там же. С. 101.
[259] Там же.
[260] *Bortlova H.* Op. cit. S. 61.
[261] Op. cit. S. 62.
[262] *March A.* Op. cit. P. 92.
[263] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 39.
[264] Там же. С. 42.
[265] Запись беседы см.: http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115155.pdf?v=619e65c0594fab7372b9b0d20dc02a12
[266] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 416.
[267] Op. cit. S. 422.
[268] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 153—154.
[269] *Ranelaugh J.* The Agency: The Rise and Decline of the CIA. New York: Simon and Schuster, 1987. P. 368.
[270] *Листов В., Жуков В.* Тайная война США против революционной Кубы. М.: Политиздат, 1966. С. 241.
[271] *Weiner T.* Legacy of Ashes: The History of CIA. New York: Doubleday, 2007. P. 201.
[272] *Листов В., Жуков В.* Указ. соч. С. 260.
[273] *Weiner T.* Op. cit. P. 201.
[274] *March A.* Op. cit. P. 97.
[275] *Листов В., Жуков В.* Указ. соч. С. 194.
[276] *Weiner T.* Op. cit. P. 202.
[277] *Листов В., Жуков В.* Указ. соч. С. 275.
[278] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 434.
[279] *March A.* Op. cit. P. 91.
[280] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 438.
[281] http://www.e-reading.club/chapter.php/130250/10/Lavreckiii_-_Ernesto_Che_Gevaro.html
[282] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 211—212.
[283] http://www.teaydeportea.edu.ar/archivos/la-visita-secreta-del-che-guevara/

[284] Там же.

[285] http://www.cubadebate.cu/opinion/2013/01/20/un-singular-encuentro-guevara-y-goodwin-en-punta-del-este/#.VriXkE8XFiw

[286] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114512.pdf?v=2b7dea58eb361c26a2a1e38236a16153

[287] http://nsarchive.gwu.edu/news/20010430/northwoods.pdf

[288] Там же.

[289] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114514

[290] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 449.

[291] *Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М.: Международные отношения, 2008. С. 66.

[292] https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/Cuban%20Missile%20Crisis1962.pdf

[293] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 454.

[294] Sunday Times. 1962. 28 october.

[295] https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/CWHIP_Bulletin_17-18_Cuban_Missile_Crisis_v2_s4_Communist_Europe.pdf

[296] Там же.

[297] http://www.latinamericanstudies.org/cold-war/Mikoyan-talks.pdf

[298] http://www.forbes.ru/forbes/issue/2010-12/61169-sovnarhozy-volyuntarizm-ili-upushchennyi-shans

[299] http://library.maoism.ru/Shaping/Great_leap_forward.htm

[300] *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 611.

[301] http://ivstalin.su/?in=1&nompro=1&nomrub=1

[302] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf

[303] Там же.

[304] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005958986.pdf

[305] *Sartre J.-P.* Op. cit. S. 99—102.

[306] *Perez-Lopez J.* The Economics of Cuban Sugar. University of Pittsburgh Press. 1991. P. 12.

[307] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 321—322.

[308] Там же. С. 327—328.

[309] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf

[310] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 311.

[311] Там же. С. 310.

[312] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf

[313] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 275.

[314] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf

[315] *Tablada C.* Che Guevara: Economia y politica en la transicion al socialism. Nueva York: Pathfinder, 2010. P. 196.

[316] Op. cit. P. 197.

[317] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf

[318] Там же.

[319] Там же.
[320] Там же.
[321] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 150.
[322] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[323] Там же.
[324] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 153.
[325] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[326] Там же.
[327] *Tablada C.* Op. cit. P. 214.
[328] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[329] Там же.
[330] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 551.
[331] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[332] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 49.
[333] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[334] Там же.
[335] Там же.
[336] Там же.
[337] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 494.
[338] Там же. С. 495.
[339] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[340] Там же.
[341] Там же.
[342] Там же.
[343] Там же.
[344] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[345] Там же.
[346] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 82—83.
[347] Там же. С. 90.
[348] Там же. С. 31.
[349] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[350] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 139.
[351] Там же. С. 140—141.
[352] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[353] Там же.
[354] Там же.
[355] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 18—19.
[356] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[357] Там же.
[358] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 99—100.
[359] http://etheses.lse.ac.uk/2311/1/U615258.pdf
[360] http://www.ucis.pitt.edu/ncta/pdfiles/ChengJnlColdWarStudiesArticle.pdf
[361] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-22.pdf
[362] http://www.ucis.pitt.edu/ncta/pdfiles/ChengJnlColdWarStudiesArticle.pdf

[363] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115079.pdf?v=23495e1b04c8429fe3a031ad6b7c6ad1

[364] Там же.

[365] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-22.pdf

[366] *Guevara E. C.* Escritos y discursos: T. 1. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1972. P. 33.

[367] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 171.

[368] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-22.pdf

[369] Там же.

[370] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 447.

[371] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-22.pdf

[372] Там же.

[373] http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/pad1203/018-032.pdf

[374] *Bortlova H.* Op. cit. S. 130.

[375] Op. cit. S. 131.

[376] Op. cit.

[377] https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v21/d71

[378] http://www.hartford-hwp.com/archives/40/058.html

[379] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 445.

[380] *Дабагян Э. С.* Национал-реформизм в современной Венесуэле: Партия «Демократическое действие»: идеология и политика. М.: Наука, 1972. С. 148.

[381] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 246—247.

[382] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-22.pdf

[383] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 250.

[384] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 456.

[385] Там же. S. 456—457.

[386] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000653094.pdf

[387] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-22.pdf

[388] Там же.

[389] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 238—239.

[390] *Koenen G.* Traumpfade der Weltrevolution. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2008. S. 313.

[391] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 241—242.

[392] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 467.

[393] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP79T00975A006900290001-4.pdf

[394] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117105.pdf?v=e3df59d53c021424bfc4558a8e8fba38

[395] *Anderson J. L.* Op. cit. S. 516.

[396] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000109057.pdf

[397] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-32.pdf

[398] https://reassessingcounterinsurgency.files.wordpress.com/2012/02/michaels-breaking-the-rules_-the-cia-and-counterinsurgency-in-the-congo-1964e280931965.pdf

[399] Там же.

[400] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 177.

[401] Там же. С. 253.

[402] Там же. С. 446.

[403] https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol-58-no-3/pdfs-vol-58-no-3/Robarge-FRUS%20and%20the%20US%20in%20Congo-1960-68-12Sep2014.pdf

[404] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117102

[405] Там же.

[406] *Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М.* Указ. соч. С. 267.

[407] http://www.ucis.pitt.edu/ncta/pdfiles/ChengJnlColdWarStudiesArticle.pdf

[408] Там же.

[409] См.: Правда. 1964. 14 ноября.

[410] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 497.

[411] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/esau-32.pdf

[412] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117110

[413] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 450.

[414] https://reassessingcounterinsurgency.files.wordpress.com/2012/02/michaels-breaking-the-rules_-the-cia-and-counterinsurgency-in-the-congo-1964e280931965.pdf

[415] Там же.

[416] Там же.

[417] Там же

[418] *Villafana F. R.* Cold War in the Congo: The Confrontation of Cuban Military Forces: 1960—1967. Transaction Publishers, 2012. P. 126.

[419] *Mwakikagile G.* Nyerere and Africa: End of an Era. Pretoria, South Africa: New Africa Press, 2010. P. 172.

[420] http://www.hartford-hwp.com/archives/40/058.html

[421] *Koenen G.* Op. cit. S. 371.

[422] https://reassessingcounterinsurgency.files.wordpress.com/2012/02/michaels-breaking-the-rules_-the-cia-and-counterinsurgency-in-the-congo-1964e280931965.pdf

[423] Там же.

[424] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 450.

[425] Там же. С. 465.

[426] См., напр.: Правда. 1965. 26 февраля.

[427] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115492.pdf?v=dcff812b7f3147a1ae3e5ab7af4e51d1

[428] http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116687.pdf?v=a705951fdbe7814780397c27a22eb9b9

[429] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 497.

[430] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005967728.pdf

[431] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 225.

[432] Op. cit. P. 226.

[433] *March A.* Op. cit. P. 115.

[434] Op. cit. P. 116.

[435] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 561.

[436] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 230.

[437] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005967643.pdf

[438] *March A.* Op. cit. P. 118.

[439] Op. cit. P. 120.

[440] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005967764.pdf

[441] *Koenen G.* Op. cit. S. 391.

[442] *March A.* Op. cit. P. 119.

[443] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 220.

[444] Op. cit.

[445] *Koenen G.* Op. cit. S. 394.

[446] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 561—563.

[447] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005967914.pdf

[448] *Guevara E. C.* Der afrikanische Traum. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2009. S. 235.

[449] *Koenen G.* Op. cit. S. 402—403.

[450] Op. cit. S. 403.

[451] *Guevara E. C.* Der afrikanische Traum. S. 282.

[452] Op. cit. S. 287—288.

[453] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 502—503.

[454] *Estrada U.* Tania: Undercover with Che Guevara in Bolivia. Ocean Press, 2005. P. 20.

[455] *Koenen G.* Op. cit. S. 336.

[456] *Estrada U.* Op. cit. P. 78.

[457] История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред. Е. А. Ларин, А. А. Щелчков. М.: Наука, 2015. С. 522.

[458] *Estrada U.* Op. cit. P. 84.

[459] История Боливии. С. 524.

[460] *Estrada U.* Op. cit. P. 84.

[461] *March A.* Op. cit. P. 123.

[462] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 505—507.

[463] Там же. С. 509.

[464] Там же. С. 510.

[465] Там же. С. 512.

[466] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005968088.pdf

[467] *Koenen G.* Op. cit. S. 405.

[468] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000637152.pdf

[469] *March A.* Op. cit. P. 129—130.

[470] *Estrada U.* Op. cit. P. 96.

[471] *March A.* Op. cit. P. 130.

[472] Op. cit. P. 133—135.

[473] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000011780.pdf

[474] *Koenen G.* Op. cit. S. 422.

[475] *Estrada U.* Op. cit. P. 105.

[476] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 254—255.

[477] *Че Гевара Э.* Статьи, выступления, письма. С. 516—517.

[478] Там же. С. 525.

[479] http://scholarworks.umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2818&context=theses

[480] www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve10/actionsstatement

[481] http://www.globalsecurity.org/intell/ops/bolivia.htm

[482] Там же.

[483] *Harris R.* Death of A Revolutionary: Che Guevara's Last Mission. New York: WW Norton, 2007. P. 98.

[484] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 248.

[485] *Алексеев В. А.* Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. М.: Политиздат, 1991. С. 279.

[486] El diario del Che en Bolivia. La Habana, 2007. P. 127.

[487] *Weiss M., Maurer K.* Hunting Che: How a U. S. Special Forces Team Helped Capture the World's Most Famous. New York: Berkley, 2013. P. 23.

[488] *Weiss M., Maurer K.* Op. cit. P. 24.

[489] El diario del Che en Bolivia. P. 131.

[490] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005973700.pdf

[491] El diario del Che en Bolivia. P. 138.

[492] *Dosal P. J.* Op. cit. P. 277.

[493] Op. cit. P. 281.

[494] *Weiss M., Maurer K.* Op. cit. P. 54.

[495] El diario del Che en Bolivia. P. 154.

[496] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005973760.pdf

[497] *Weiss M., Maurer K.* Op. cit. P. 80.

[498] https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v31/d164

[499] El diario del Che en Bolivia. P. 175.

[500] Op. cit. P. 228.

[501] Op. cit. P. 233.

[502] http://www.themilitant.com/1997/6144/6144_20.html
[503] *Weiss M., Maurer K.* Op. cit. P. 114.
[504] Op. cit. P. 140.
[505] El diario del Che en Bolivia. P. 268.
[506] Op. cit. P. 271.
[507] *Weiss M., Maurer K.* Op. cit. P. 152.
[508] *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 298.
[509] El diario del Che en Bolivia. P. 300.
[510] http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000011780.pdf
[511] *Weiss M., Maurer K.* Op. cit. P. 229.
[512] *Ratner M., Smith M. S.* Op. cit. P. 226.
[513] Op. cit. P. 228.
[514] Op. cit. P. 232.
[515] Op. cit. P. 234.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

1928, 14 июня — в аргентинском городе Росарио в семье Эрнесто Гевары Линча и Селии де ла Серна родился первенец Эрнесто.

1946 — Эрнесто поступает на инженерно-строительный факультет Университета Буэнос-Айреса.

1947 — перевелся на медицинский факультет университета.

1950 — работая ассистентом врача на нефтеналивном судне, совершает путешествие в Бразилию, Гайану, Вест-Индию.

1951, февраль — 1952, август — путешествие с Альберто Гранадо по Чили, Перу, Колумбии, Венесуэле, США.

1953 — получает диплом врача.

1953—1954 — второе путешествие по Боливии, Перу, Эквадору, Колумбии, Панаме, Коста-Рике, Никарагуа, Гватемале, Сальвадору. Живет в Гватемале, поддерживает прогрессивное правительство Хакобо Арбенса Гусмана, знакомится с будущей женой — перуанкой Ильдой Гадеа.

1953, 26 июля — атака на казармы Монкада на Кубе под руководством Фиделя Кастро.

1954, июнь — операция ЦРУ по свержению законного правительства Гватемалы.

1954—1956 — пребывание в Мексике.

1955, июль — знакомство с Фиделем Кастро.

Август — женитьба на Ильде Гадеа.

1956, 15 февраля — рождение дочери Ильды Беатрис.

Июнь—август — Че заключен в мексиканскую тюрьму за принадлежность к отряду Фиделя Кастро.

2 декабря — высадка отряда Фиделя Кастро на Кубе.

1957, июль — Че назначен командиром колонны Повстанческой армии.

1958, сентябрь—декабрь — колонна Че пробивается в провинцию Лас-Вильяс и штурмом берет ее столицу город Санта-Клара.

1959, 2 января — колонна Че входит в Гавану.

2 июня — сочетается браком с Алейдой Марч.

12 июня — 5 сентября — визит в Египет, Судан, Пакистан, Индию, Бирму, Индонезию, на Цейлон, в Японию, Марокко, Югославию.

7 октября — назначение директором Департамента промышленности Национального института аграрной реформы (ИНРА).

26 ноября — назначается директором Национального банка Кубы.

1960, май — в Гаване выходит книга Че Гевары «Партизанская война».

22 октября — 9 декабря — визит кубинской делегации во главе с Че Геварой в СССР, Чехословакию, ГДР, КНР и КНДР.

24 ноября — рождение дочери Алейды.

1961, 23 февраля — назначение министром промышленности Кубы.

Апрель — во время организованного ЦРУ вторжения на Кубу Че командует кубинскими войсками в провинции Пинар-дель-Рио.

Август — возглавляет кубинскую делегацию на экономической конференции в Пунта-дель-Эсте, Уругвай.

19 августа — тайный визит Че Гевары в Буэнос-Айрес, встреча с президентом Аргентины Фрондиси.

1962, 20 мая — рождение сына Камило.

27 августа — 3 сентября — визит Че Гевары в СССР и Чехословакию.

Октябрь—ноябрь — во время Карибского кризиса возглавляет кубинские войска в провинции Пинар-дель-Рио.

1963, 14 июня — рождение дочери Селии.

1963—1964 — операция «Тень» по организации партизанского очага в Аргентине.

1964, март — выступление на учредительной конференции ЮНКТАД в Женеве.

5—19 ноября — визит в СССР. Вместе с Юрием Гагариным участвует в учреждении Общества советско-кубинской дружбы.

9—17 декабря — участвует во главе кубинской делегации в сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Декабрь — визиты в Алжир, Мали, Конго (Браззавиль), КНР, Гвинею, Гану, Дагомею, Танзанию, Египет (по март 1965-го).

1965, 24 февраля — рождение сына Эрнесто. Выступление на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки в Алжире.

Апрель—ноябрь — участие в гражданской войне в Конго.

Ноябрь — пребывает в кубинском посольстве в Танзании, работает над вопросами социалистической политэкономии (до февраля 1966-го).

1966, март—июль — работа в Праге по подготовке к партизанской миссии в Боливии.

Июль—октябрь — проводит на Кубе боевую подготовку отряда, собранного для развертывания партизанской борьбы в Боливии.

7 ноября — прибывает на партизанскую базу в Боливии.

1967, март — начало боевых действий партизан Че Гевары в Боливии.

9 октября — казнь Че Гевары в Ла-Игере, Боливия.

1997, 17 октября — торжественное захоронение останков Эрнесто Че Гевары в мавзолее в городе Санта-Клара, Куба.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. А. Грани алмаза: Повесть о Патрисе Эмери Лумумбе. М.: Политиздат, 1988.

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. М.: Политиздат, 1991.

Андерсон Д. Л. Че Гевара: Важна только революция. СПб.: Амфора, 2009.

Аройо Ж. Закон стоимости при социализме. М.: Экономика, 1988.

Бекаревич А. Д., Бородаев В. А., Лейно К. О. Куба: Строительство социализма: Идеологические аспекты. М.: Наука, 1988.

Бекаревич А. Д., Кухарев Н. М. Советский Союз и Куба: Экономическое сотрудничество. М.: Наука, 1973.

Боливия: Некоторые аспекты экономического развития / Отв. ред. В. В. Вольский. М.: Наука, 1971.

Войцеховский З. Че Гевара, который хотел перемен. М.: Эксмо, 2013.

Гавриков Ю. П. Че Гевара. Последний романтик революции. М.: Вече, 2004.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон [Сборник] / Сост. О. Т. Дарусенков. М., 1978.

Героический остров: Заметки журналистов о поездке на Кубу: Январь — июнь 1961 г. М.: Правда, 1961.

Горнов М. Ф., Ткаченко В. Г. Латинская Америка: Опыт народных коалиций и классовая борьба. М.: Политиздат, 1981.

Григулевич И. Р. Эрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. М.: Наука, 1984.

Гросс Х. Э., Вольф К. П. Че: «Мои мечты не знают границ». М.: Прогресс, 1984.

Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле: Партия «Демократическое действие»: идеология и политика. М.: Наука, 1972.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М.: Международные отношения, 2008.

Искаро Р. Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: История и развитие. М.: Прогресс, 1978.

История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред. Е. А. Ларин, А. А. Щелчков. М.: Наука, 2015.

История Латинской Америки: 1918—1945 / Отв. ред. Н. П. Калмыков. М.: Наука, 1999.

История Латинской Америки: Вторая половина XX века / Отв. ред. Е. А. Ларин. М.: Наука, 2004.

Капитализм в Латинской Америке: Очерки генезиса эволюции и кризиса / Отв. ред. В. В. Вольский. М.: Наука, 1983.

Кастро Ф. Речи и выступления. М.: Иностранная литература, 1960.

Кастро Рус Ф. Стратегическая победа. М.: Международные отношения, 2011.

Коваль Б. И. Латинская Америка: Революция и современность. М.: Наука, 1981.

Коваль Б. И. Рабочее движение в Латинской Америке. М.: Наука, 1979.

Кормье Ж., Лапер Ж. Че Гевара: Спутник революции. М.: Астрель; АСТ, 2004.

Лаврецкий И. Р. Сальвадор Альенде. М.: Молодая гвардия, 1974.

Лаврецкий И. Р. Эрнесто Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1978.

Ларин Е. А. Повстанческая армия в кубинской революции (декабрь 1956 — январь 1959). М.: Наука, 1977.

Латинская Америка: Проблемы единства антиимпериалистических сил [Сборник]. Ч. 2 / Отв. ред. А. Ф. Шульговский, А. Н. Глинкин. М.: Изд-во Ин-та Латинской Америки АН СССР, 1974.

Латинская Америка: Проблемы истории и внешней политики [Сборник] / Отв. ред. В. А. Харитонов. М.: Изд-во Ин-та Латинской Америки АН СССР, 1976.

Леонов Н. С. Лихолетье. М.: Международные отношения, 1994.

Леучсенринг Э. Р. Кубинский народ в борьбе против империализма США. М.: Наука, 1968.

Листов В., Жуков В. Тайная война США против революционной Кубы. М.: Политиздат, 1966.

Марианетти Б. Аргентина: Современное положение и перспективы. М.: Прогресс, 1966.

О'Брайен К. В Катангу и обратно. М.: Иностранная литература, 1963.

От Сьерра-Маэстры до Гаваны: Воспоминания видных участников кубинской революции. М.: Воениздат, 1965.

Очерки истории Аргентины / Отв. ред. В. Е. Ермолаев. М.: Соцэкгиз, 1961.

Очерки истории Кубы / Отв. ред. Н. М. Лавров. М.: Наука, 1978.

Панцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2012.

Разумович Н. Н. Государственные преобразования революционной Кубы. М.: Международные отношения, 1964.

Риверенд Х. Экономическая история Кубы. М.: Наука, 1967.

Рока Б. Основы социализма на Кубе. М.: Госполитиздат, 1961.

Россия — Куба: 1902—2002: Документы и материалы / Сост. А. В. Змеевский, Ю. М. Колосов, Н. В. Прокофьев. М.: Международные отношения, 2004.

Сашин Г. З. Боливия: очерк новейшей истории. М.: Мысль, 1976.

Семенов С. И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М.: Наука, 1971.

Слезкин А. Ю. История Кубинской республики. М.: Наука, 1966.

Средние городские слои Латинской Америки / Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М.: Мысль, 1974.

Страны СЭВ и Латинская Америка: Проблемы экономического сотрудничества. М.: Наука, 1976.

Тайбо II П. И. Че Гевара: Биография. М.: Эксмо, 2005.

Тарасов К. С., Зубенко В. В. Тайная война США против Латинской Америки. М.: Международные отношения, 1987.

Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра: Секретная история Карибского кризиса. М.: Гея, 1999.

Хименес А. Н. В походе с Фиделем. М.: Политиздат, 1984.

Хухтхаузен П. Кубинский кризис: Хроника подводной войны. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

Че Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006 (Роза революций).

Че Гевара Э. Дневник мотоциклиста: Заметки о путешествии по Латинской Америке. СПб.: Ред Фиш; Амфора, 2005.

Че Гевара Э. Экономические воззрения: Сборник избранных статей и выступлений. М.: Экономика, 1990.

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. М.: Воениздат, 2005.

Че Гевара Э. Я — конкистадор свободы [Сборник]. М.: Эксмо-пресс; Эксмо-маркет, 2000.

Чичков В. М. Заря над Кубой: Записки журналиста. М.: Международные отношения, 1961.

Шейнин Э. Я. Экономическая экспансия государств—членов ЕЭС в Латинской Америке. М.: Наука, 1969.

Agee Ph. Inside the Company: CIA Diary. New York: Penguin Readers, 1975.

Anderson J. L. Che: Eine Biographie. Berlin, 2014.

Blight J., Welch D. (editors) Intelligence and the Cuban Missile Crisis. London: Frank Cass, 1998.

Bonachea R. L., San Martín M. Cuban Insurrection 1952—1959. New Brunswick; London: Transaction Publ., 1974.

Bortlova H. Československo a Kuba v letech: 1959—1962. Praha, 2011.

Buch L. M., Suarez R. Gobierno revolucionario Cubano: Primeros pasos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2009.

Byrne J. Mecca of Revolution: Algeria, Decolonization and the Third World Order. Oxford University Press, 2016.

Castañeda J. G. Companero: The Life and Death of Che Guevara. New York: Alfred A. Knopf, 1997.

Castro F. La victoria estratégica. la Universidad de La Habana, 2010.

Cawthorne N. Che Guevara: The Last Conquistador. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014.

Che: Una vida y un ejemplo. La Habana: Comisión de Estudios Históricos de la UJC, 1968.

Crassweller R. Peron and Enigmas of Argentina. New York: W. W. Norton & Company, 1988.

De la Cova A. R. The Moncada Attack: Birth of the Cuban Revolution. University of South Carolina Press, 2007.

D'Estéfano Pisani M. A. Politica exterior de la Revolucion Cubana. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2002.

Dosal P. J. Comandante Che: Guerrilla Soldier, Commander, and Strategist: 1956—1967. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2003.

Dunkerley J. Rebellion in the Veins: Political Struggle in Bolivia: 1952—1982. London: Verso, 1984.

El diario del Che en Bolivia. La Habana, 2007.

Estrada U. Tania: Undercover with Che Guevara in Bolivia. Ocean Press, 2005.

Gadea H. My Life with Che: The Making of a Revolutionary. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Gleijeses P. Shattered Hope: The Guatemalan Revolution and United States: 1944—1954. Princeton University Press, 1991.

Goni U. The real Odessa: How Perón brought the Nazi war criminals to Argentina.. London: Granta Books, 2002.

Guevara E. C. Der afrikanische Traum. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2009.

Guevara E. C. Escritos y discursos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1972—1985.

Guevara E. L. Young Che: Memories of Che Guevara by His Father. New York: Vintage Books, 2008.

Guevara E. C. Episoden aus dem Revolutionskrieg. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1987.

Harris R. Death of A Revolutionary: Che Guevara's Last Mission. New York: WW Norton, 2007.

James D. Che Guevara: Mythos und Wahrheit eines Revolutionärs. München: Heyne, 1997.

Keller R. Mexico's Cold War: Cuba, the United States, and the Legacy of the Mexican Revolution. Cambridge University Press, 2015.

Kinzer S. The Brothers: John Foster Dulles, Allen Dulles, and Their Secret World War. New York: St. Martin's Griffin, 2013.

Koenen G. Traumpfade der Weltrevolution. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2008.

Kohan N. De Ingenieros al Che. Ensayos sobre el marxismo argentino y latinoamericano / Prólogo de M. Löwy. Buenos Aires: Biblos, 2000.

Lahrem S. Che Guevara — Leben, Werk, Wirkung. Frankfurt a. M: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2005.

Malloy J. M., Thorn R. S, Beyond the Revolution: Bolivia Since 1952. University of Pittsburgh Press, 1971.

March A. Remembering Che: My Life with Che Guevara. Ocean Press, 2012.

Mellen J. The Great Game in Cuba: CIA and the Cuban Revolution. Southlake, Texas: Skyhorse Publishing, 2013.

Mwakikagile G. Congo in the Sixties. Pretoria, South Africa: New Africa Press, 2014.

Mwakikagile G. Nyerere and Africa: End of an Era. Pretoria, South Africa: New Africa Press, 2010.

Niess F. Che Guevara. Reinbek; Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2003.

Orgate-Freyre F. Batista: From Revolutionary to Strongman. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2006.

Perez-Lopez J. The Economics of Cuban Sugar. University of Pittsburgh Press. 1991.

Prado G. S. The Defeat of Che Guevara: Military Response to Guerrilla Challenge in Bolivia. New York: Frederick A. Praeger, 1990.

Ranelaugh J. The Agency: The Rise and Decline of the CIA. New York: Simon and Schuster, 1987.

Rasenberger J. The Brilliant Disaster: JFK, Castro, and America's Doomed Invasion of Cuba's Bay of Pigs. New York: Scribner, 2011.

Rathbone J. The Sugar King of Havanna: The Rise and Fall of Julio Lobo, Cuba's Last Tycoon. London: Penguin Press, 2010.

Ratner M., Smith M. S. Quién mató al Che? Buenos Aires, 2014.

Reid-Henry S. Fidel and Che. Brno: Jota, 2010.

Rodriguez W. G. El guerrillero heroic: Che en Bolivia. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2004.

Rodriguez M. Diario de guerra: La última travesía del Che y Benigno en Bolivia. New York: Vintage Espanol, 2013.

Salmon G. P. La campaña del Che en Bolivia. Santa Cruz, 1981.

Sartre J.-P. Uragán nad cukrem. Praha: SNKLU, 1961.

Siekmeier J. F. The Bolivian Revolution and the United States, 1952 to the Present. Pennsylvania State University Press, 2011.

Sweig J. Inside the Cuban Revolution: Fidel Castro and Urban Underground/ Harvard University Press, 2004.

Tablada C. Che Guevara: Economia y politica en la transicion al socialism. Nueva York: Pathfinder, 2010.

Talbot D. The Devil's Chessboard: Allen Dulles, the CIA, and the Rise of America's Secret Government. New York: William Collins, 2015.

Tania — la guerrillera inolvidable. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1970.

The Macroeconomics of Populism in Latin America / Ed. by R. Dornbusch, S. Edwards. The University of Chicago Press, 1991.

Villafana F. R. Cold War in the Congo: The Confrontation of Cuban Military Forces: 1960—1967. Transaction Publishers, 2012.

Villanueva O. E. P. Reflexiones sobre economia cubana. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2006.

Villegas H. Pombo: A Man of Che's Guerrilla: With Che Guevara in Bolivia: 1966—1968. New York: Pathfinder, 1997.

Weiner T. Legacy of Ashes: The History of CIA. New York: Doubleday, 2007.

Weiss M., Maurer K. Hunting Che: How a U. S. Special Forces Team Helped Capture the World's Most Famous. New York: Berkley, 2013.

Yaffe H. Che Guevara: The Economics of Revolution. London: Palgrave Macmillan, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава первая. Мужание революционера (1928—1953)..... 6
Глава вторая. Становление революционера.
Гватемала (1953—1954)..... 78
Глава третья. Судьбоносный выбор.
Мексика (1954—1956)..... 120
Глава четвертая. Партизанский командир.
Куба (1956—1958) 164
Глава пятая. «Мы наш, мы новый мир построим...».
Куба (1959—1962) 270
Глава шестая. Менеджер. Куба (1961—1965)..... 398
Глава седьмая. Скромный кондотьер свободы.
Куба, Конго (1963—1965)..... 496
Глава восьмая. Гибель и бессмертие.
Прага, Куба, Боливия (1965—...)..... 594

Примечания 678
Основные даты жизни и деятельности Эрнесто Че Гевары . 693
Литература 695

Платошкин Н. Н.
Че Гевара / Николай Платошкин.

Об Эрнесто Че Геваре написано очень много, но споры о нем не утихают и спустя полвека после его гибели. Этот незаурядный человек никого не оставляет равнодушным. Им восторгаются или его ненавидят, его жизнь описывают как беспримерный подвиг или как трагическое фиаско. Представленная биография также не претендует на «последнее слово», ибо, как считает автор — историк и дипломат Николай Николаевич Платошкин, в отношении команданте Че оно никогда не будет произнесено. Но если читатель сможет лучше понять и ощутить время, в котором довелось жить Че Геваре, автор будет считать свою задачу выполненной.